

А.Г.ГОЛИКОВ, Т.А.КРУГЛОВА

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Под общей редакцией
профессора А.Г.Голикова

*Рекомендовано
Учебно-методическим объединением
по классическому университетскому образованию
в качестве учебного пособия для студентов
высших учебных заведений, обучающихся
по специальности «История»
и направлению подготовки «История»*

5-е издание, исправленное

Москва
Издательский центр «Академия»
2012

УДК 930(075.8)
ББК 63.22я73
Г604

Авторы:

А. Г. Голиков — введение, гл. 7—11, заключение;
Т. А. Круглова — гл. 1—6

Рецензенты:

кафедра истории России исторического факультета Московского педагогического государственного университета (заведующий — доктор исторических наук, профессор *А. В. Лубков*);
главный научный сотрудник Института Российской истории РАН, доктор исторических наук, профессор *А. П. Корелин*

Голиков А. Г.

Г604 Источниковедение отечественной истории : учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования / А. Г. Голиков, Т. А. Круглова; под ред. А. Г. Голикова. — 5-е изд., испр. — М. : Издательский центр «Академия», 2012. — 464 с. — (Сер. Бакалавриат).

ISBN 978-5-4468-1832-7

Учебное пособие создано в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом по направлению подготовки 030600 — История (квалификация «бакалавр»).

Пособие знакомит читателя с основными видами письменных источников по отечественной истории X — начала XXI в.: летописями, законодательными и частными актами, документами делопроизводства, статистическими источниками, материалами личного происхождения, периодической печатью. Читатель найдет в книге систематический обзор важнейших комплексов письменных исторических источников; проследит эволюцию этих источников; ознакомится с конкретными приемами выявления, обработки и анализа зафиксированной в них информации.

Для студентов учреждений высшего профессионального образования.

УДК 930(075.8)
ББК 63.22я73

*Оригинал-макет данного издания является собственностью
Издательского центра «Академия», и его воспроизведение
любым способом без согласия правообладателя запрещается*

© Голиков А. Г., Круглова Т. А., 2012

© Образовательно-издательский центр «Академия», 2012

ISBN 978-5-4468-1832-7 © Оформление. Издательский центр «Академия», 2012

Историк изучает прошлое человеческого общества. *Все, что создано в процессе деятельности людей, несет информацию о многообразии общественной жизни и служит основой для научного познания, является историческим источником.*

Современные представления об исторических источниках базируются на *учении об информации* — одной из фундаментальных теорий второй половины XX в. Основы этой теории заложил американский математик и инженер К. Шеннон, работавший в телефонно-телеграфной компании. В 1948 г. он разработал и опубликовал схему передачи сообщений по линиям дальней связи. Пять ее элементов — источник информации, передатчик, канал связи, приемник, адресат — образовывали линейную связь. Каждый элемент выполняет определенную функцию. Источник информации создает сообщение или последовательность сообщений. Передатчик преобразует сообщения в сигналы, которые по каналу связи поступают к приемнику. Приемник восстанавливает сообщение. Адресат получает расшифрованное сообщение. Чтобы использовать эту схему в изучении общественных отношений, потребовалось провести специальные исследования, в ходе которых в 60—70-е гг. XX в. сформировалось учение об информации.

Идею о возможности использования ряда положений учения об информации для решения проблем источниковедения высказал в 1979 г. И. Д. Ковальченко¹. Спустя два года в учебнике «Источниковедение истории СССР» для студентов исторических специальностей университетов и педагогических институтов он кратко изложил основные положения этого учения применительно к проблемам источниковедения. Более подробно они раскрыты в его монографии «Методы исторического исследования» (М., 1987; 2-е изд. — М., 2003).

Поскольку информационные процессы присущи всем проявлениям общественной жизни, очевидно, что исторические источники не могут представлять исключения в этом отношении. Они выполняют функцию накопления, хранения и передачи социальной информации о прошедшей действительности. С пози-

¹ См. подробнее: Голиков А. Г. Идеи академика И. Д. Ковальченко о развитии источниковедения // Исторические записки. — 1999. — Т. 2 (120). Памяти академика И. Д. Ковальченко.

ций учения об информации создание любого источника представляет собой процесс, в котором взаимодействуют *объект* (проявления действительности, не зависимой от творца источника) и *субъект* (творец источника, фиксирующий для своих целей информацию об объекте). Результат отражения субъектом объекта — *информация* — одновременно и объективна и субъективна. Она объективна в той мере, в какой отражает разнообразие свойств реального мира независимо от субъекта. Она субъективна постольку, поскольку субъект действует осознанно.

Историческое знание, утверждал Ковальченко, «является *дважды субъективизированным* (выделено *авт.*) отражением. Первый уровень субъективизации имеет место при фиксировании исторической действительности той или иной эпохи творцами исторических источников, второй уровень связан с восприятием этой действительности историком на основе исторических источников. Естественно, что это делает историческое познание значительно более сложным по сравнению с теми областями науки, где такой двойной субъективизации нет. Использование историком в качестве исходной базы субъективизированной картины прошлого, оставленной его современниками, требует тщательного предварительного критического анализа этой картины для выявления степени адекватности и полноты отражения ею исторической действительности. Важность и самостоятельность этой задачи привели к возникновению специальной исторической дисциплины, занимающейся ее решением — *источниковедения*»¹.

В источнике зафиксирована информация двух типов: *выраженная* (очевидная творцу источника) и *скрытая* (неочевидная для него вследствие множественности взаимосвязей свойств и черт, присущих объекту). В общем объеме информации, получаемой субъектом, всегда заключено больше скрытой информации, чем выраженной. *Учение об информации позволило теоретически обосновать содержательную неисчерпаемость исторических источников.*

Принципиальное значение имеет предложенная Ковальченко классификация исторических источников с учетом трех аспектов информации: синтаксического, прагматического и семантического.

Очевидно, что наиболее общим является *синтаксический аспект информации*, зафиксированной в источниках. *С точки зрения форм фиксирования социальной информации выделяются четыре типа источников: вещественные, изобразительные, письменные и фонические.* Получившее распространение в отечественном источниковедении деление всей совокупности исторических источников на вещественные, письменные, устные, этнографические, лингвистические, фотокинодокументы и фонодокументы непоследовательно, так как основывается на разных принципах: одни группы вы-

¹ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. — М., 1987. — С. 105.

деляются по форме отражения действительности, другие — по объекту отражения, третьи — по способу фиксации информации. *Выделение типов источников является первым уровнем их классификации.*

Различаясь по формам отражения действительности, источники каждого типа требуют разработки принципов и методов научного изучения, соответствующих их специфике. Решению этой задачи способствует *деление источников (в рамках типов) на виды, представляющее второй уровень их классификации.* Он базируется на *прагматическом аспекте информации* — единстве целевого назначения. Источники одного вида содержат информацию, которая зафиксирована для сходных целей на основе единых принципов и методов. Это, в свою очередь, создает возможность применения единых принципов и методов источниковедческого изучения ко всем источникам данного вида. Обоснование классификации исторических источников по типам и видам с позиций учения об информации позволяет решать задачи выработки единых для каждого класса источников принципов и методов выявления, обработки и анализа зафиксированной в них информации.

Семантический аспект информации дает возможность классифицировать источники, исходя из их содержания. Такие классификации применяются историками для группировки типов и видов источников по степени их ценности для конкретной проблемы или темы.

Реализация идеи Ковальченко о выделении типов и видов источников на основе синтаксического и прагматического аспектов информации позволяет рассматривать источники в масштабе больших классов (типов, видов, разновидностей), а не на примере отдельных памятников. Это особенно важно для новейшего периода истории, когда существенно увеличивается количество источников и возрастает их качественное многообразие.

Типо-видовая классификация дает возможность построить периодизацию источниковедения отечественной истории с учетом качественных изменений в составе корпуса источников, произошедших в середине XIX в. В 30—90-е гг. XIX в. в России произошел промышленный переворот, кардинально изменивший процесс создания вещественных источников. Были изобретены фотография и кинематограф, в результате чего появились новые виды изображительных источников, а также фонограф, по существу сформировавший фонические источники. Развитие капиталистических отношений в стране, ускоренное буржуазными реформами, предъявило качественно иные требования к обеспечению общества информацией и вызвало значительные изменения в составе, формах и содержании письменных источников. Изучение эволюции конкретных видов источников дает возможность определить особенности развития каждого из них в отдельности.

Избирательно отражая и фиксируя информацию об объекте действительности, субъект выполняет функцию источника информации и передатчика одновременно. Он создает исторический источник — носитель социальной информации. Эта информация, с одной стороны, опосредованно (через сознание субъекта, творца источника) отражает объект, а с другой — непосредственно характеризует своего создателя, и прежде всего его цели и методы отражения действительности. *Как носитель фиксированной информации исторический источник способен выполнять функцию канала передачи информации во времени.*

При передаче сообщения во времени субъект может стать его получателем в той степени, в какой сведения источника будут содержать выраженную для него информацию. В этом случае субъект — историк выполняет функцию приемника и получателя информации одновременно, изначально не являясь адресатом сообщения. Поэтому схема передачи социальной информации об исторической действительности включает три элемента: создатель источника, исторический источник, историк.

Наличие источниковедческой подготовки является необходимым условием профессиональной деятельности историка. Издан ряд учебников и учебных пособий по этой специальной дисциплине. Прежде всего следует назвать подготовленные в МГУ им. М. В. Ломоносова под редакцией И. Д. Ковальченко учебник «Источниковедение истории СССР» (М., 1981) и «Сборники документов для практических занятий по источниковедению истории СССР» (вып. 1—4. — М., 1980—1987).

До сих пор сохраняют значение изданные ранее специальные учебные пособия: М. Н. Тихомиров «Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в.» (М., 1962); «Источниковедение истории СССР XIX — начала XX в.» под ред. И. А. Федосова (М., 1970); М. Н. Черноморский «Источниковедение истории СССР (советский период)» (М., 1976); В. Л. Янин «Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород» (М., 1977).

Из изданий постсоветского времени следует назвать: учебное пособие преподавателей РГГУ И. Н. Данилевского, В. В. Кабанова, О. М. Медушевской, М. Ф. Румянцевой «Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории» (М., 1998); программу учебного курса «Источниковедение отечественной истории» преподавателей кафедры источниковедения отечественной истории исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова С. В. Воронковой и Т. А. Кругловой, опубликованную в книге «Программы дисциплин специализации по отечественной истории» под ред. А. Г. Голикова в серии «Труды исторического факультета МГУ» под ред. С. П. Карпова (вып. 14, серия III. INSTRUMENTA STUDIORUM; вып. 6. — М., 2000); учебник для вузов «Источни-

коведение новейшей истории России: Теория. Методология. Практика» под ред. А. К. Соколова (М., 2004)¹.

Предлагаемая вниманию читателей книга знакомит с основными видами письменных исторических источников в хронологических рамках двух главных этапов их эволюции: 1) X — первая половина XIX в.; 2) вторая половина XIX — начало XXI в. Первый этап представлен летописями, законодательными источниками, актами, делопроизводственной документацией, материалами личного происхождения, периодической печатью (главы 1—6). Вторым этапом — законодательными актами, делопроизводственной документацией, статистическими источниками, документами личного происхождения, периодической печатью (главы 7—11). Специфика исторических источников и их эволюции в хронологических рамках указанных этапов обусловила необходимость объединения материалов глав 1—6 и 7—11 в отдельные разделы.

В основу данного пособия положены материалы лекционного курса «Источниковедение отечественной истории» и практических занятий со студентами, прошедшие многолетнюю апробацию в учебном процессе на историческом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова.

Читатель найдет в книге систематический обзор важнейших комплексов письменных источников по истории России X — начала XXI в.; проследит эволюцию этих источников; ознакомится с приемами выявления, обработки и анализа зафиксированной в источниках информации.

---

¹ Под тем же названием в 2004 г. авторский коллектив учебника опубликовал в издательстве «РОССПЭН» коллективную монографию.

Раздел I. Источники X — первой половины XIX в.

Глава 1 ЛЕТОПИСИ

1.1. Общая характеристика

Потребность людей сохранить для потомков информацию о выдающихся современниках и необычных событиях, свидетелями которых они были, зародилась в глубокой древности. В дописьменный период такая информация передавалась от поколения к поколению в виде преданий о родоначальниках, героях, победах в сражениях с врагами и т.д.

Образование Древнерусского государства и принятие христианства изменили содержание информации, которая передавалась потомкам. Теперь создавались сказания о русских князьях и их деяниях, первых христианах и святых, строительстве храмов, основании монастырей и т.д.

Новые исторические условия способствовали распространению на Руси более совершенной системы фиксации и сохранения информации — кириллической письменности. Вместе с тем появление письменности не привело к уничтожению устной формы освоения реальности и сохранения о ней информации, поэтому и позднее в народной среде создавались произведения разнообразных фольклорных жанров.

Более того, устная и письменная формы фиксации событий взаимодействовали. Легенды, имеющие устное происхождение, например легенды о княгине Ольге, находили место на страницах пергаменной летописи.

Представители государственной власти использовали письменность в своих интересах, в частности, для накопления сведений о своей деятельности и освещения ее на страницах разнообразных текстов под определенным углом зрения.

Текстом, специфическим по форме, стилю изложения и отбору событий для письменной фиксации, была летопись. Заказчиками летописных текстов могли быть князья и церковные иерархи. Центры, в которых велись летописные записи, охватывавшие короткий период, а затем создавались крупные летописные сочинения, располагались на княжеских дворах, епископских и митрополичьих кафедрах, в приходских церквях и монастырях.

Название этого вида исторических источников отражает их самую характерную черту — запись событий по годам их совершения. Таким образом, *летопись — это повествование о разнообразных событиях, объединенных внешней погодной сеткой*. Структурной единицей летописи является погодная статья, начинающаяся с оборота «В лето...», т. е. «В год...».

Приведем несколько погодных записей из «Повести временных лет» — летописного свода начала XII в. Они показывают, что наряду с русскими известиями в летописи вносились сообщения о событиях, имевших место в Византии и в славянских государствах. Эти известия черпались русскими летописцами из иностранных источников:

«В лето 6421 (913 г.). Поча княжити Игорь по Олзе. В се же время поча царствовати Костянтинь, сынъ Леонтовъ. И деревляне затворишася от Игоря по Олгове смерти.

В лето 6422 (914 г.). Иде Игорь на деревляны, и победивъ а, и возложи на ня дань болши Олговы. В то же лето прииде Семионъ Болгарьский на Царьград, и сотворивъ миръ и прииде восвоаси.

В лето 6423 (915 г.). Приидоша печенези первое на Рускую землю, и сотворивше миръ со Игорем, и приидоша к Дунаю. В си же времена прииде Семионъ пленяя Фракию, греки же послаша по печенегу. Печенегом пришедшим и хотящимъ на Семеона, расварившеся греческыя воеводы...»¹.

Для летописного сочинения типичной является погодная запись, каждое известие (а их может быть от одного и более) которой имеет точную временную привязку — указание на число и месяц, иногда день недели, время суток и т. д. Такая хронологическая подробность свидетельствует о письменной природе информации, которую использовал составитель летописного сочинения. Более того, можно говорить, что эта информация взята летописцем или из собственных предварительных записей, или из летописей, созданных его предшественниками. В тексте такой погодной записи отсутствует единый стержень повествования, она открыта для дополнения другими известиями. Подобного рода записи называются *дискретными (прерывающимися)*, или *событийно-перечневыми*.

Приведем пример дискретной записи из «Повести временных лет»:

«В лето 6617 (1109 г.). Преставися Евпракси, дщи Всеволожа, месяца иулия въ 10 день, и положена бысть в Печерском монастыре у дверей, яже ко угу. И зделаша над нею божонку, иде же лежит тело ея. В то же лето, месяца декабря въ 2 день, Дмитръ Иворовичъ взя веже половечские у Дону»².

¹ Повесть временных лет. — СПб., 1996. — С. 21.

² Там же. — С. 120.

Сведения о других событиях одного года, не внесенные в какую-то летопись, можно было внести в дискретную запись позднее, не разрушая структуры записи, особенно в том случае, если новые известия сохранились в составе такой же дискретной погодной записи другого летописного текста.

Вместе с тем иногда, рассказывая о многих событиях, погодная запись раскрывала одну сквозную тему. Такая запись называется *монотематической*. В ней под одним годом соединялись события, совершившиеся в разные годы. Примером такого текста является погодная запись 996 (6504) г. из «Повести временных лет». Все известия здесь объединены личностью киевского князя Владимира Святославича, о деятельности которого в разные годы и рассказывает погодная статья. В начале статьи сообщено об участии Владимира в освящении киевской Десятинной церкви и даровании ей десятины. В других источниках это освящение датируется 995 г. Затем в статье повествуется о битве Владимира с печенегами под Василевым, о строительстве церкви по случаю спасения князя и о начале знаменитых киевских пиров Владимира. Например, рассказывая о первом киевском пире на Успение, летописец заметил, что «такو по вся лета творяше». Следовательно, он знал и о последующих ежегодных успенских пирах.

Далее в погодной записи 996 г. замечено о добрососедских отношениях Владимира с королем чешским Андрихом (1012—1037), королем польским Болеславом I Храбрым (992—1025) и королем венгерским Стефаном I (997—1038). Годы правления Андриха Чешского красноречиво свидетельствуют о том, что погодная запись 996 г. соединила известия о событиях разных лет, следовательно, сама запись в дошедшем до нас виде не может быть отнесена к 996 г. Последний сюжет погодной записи 996 г. кратко сообщает о судебной реформе, которую провел Владимир, но от которой впоследствии отказался. Характерно то, что приведенные события не имеют абсолютных дат, только несколько известий датированы праздниками церковного календаря (Преображение Господне — 6 августа по ст. ст., Успение Богородицы — 15 августа по ст. ст.).

Поздние летописи также имеют погодные статьи, в которых объединена информация за несколько лет. Так, в Троицкой летописи начала XV в. под 1321 г. читаем: «На ту же зиму (6829 г. — Т. К.) князь великий Юрьи Даниловичъ поеха въ Новъгородъ Великий, оттоле и въ Орду пошелъ на четвертое лето, а шель на великую Пермь»¹. Еще более красноречива в этом плане запись в Троицкой летописи под 1328 г., где сразу за сообщением о восше-

¹ Приселков М. Д. Троицкая летопись: реконструкция текста. — М.; Л., 1950. — С. 357.

ствии московского князя Ивана Даниловича на великое княжение автор подчеркивает, что последующие 40 лет его правления были мирными: «В лето 6836 (1328 г.) седе князь великий Иванъ Даниловичъ на великомъ княжении всеа Руси, и бысть оттоле тишина велика на 40 летъ и престаша погании воевати Русскую землю и закалати христианъ, и отдохнуша и починуша христиане отъ великия истомы и многыа тягости, от насилия татарскаго, и бысть оттоле тишина велика по всеи земли»¹. Из содержания записи видно, что она сделана не в том году, когда состоялось восшествие на престол, а гораздо позже.

Для летописания XI—XV вв. такое объединение в погодной записи событий разных лет свидетельствует, как правило, об устной природе сведений, использованных летописцем, а также об отсутствии письменной практики ведения точных погодных записей на каком-то отрезке времени в каком-либо центре. В то же время подобного рода записи в летописных сочинениях XVI—XVII вв. зачастую имели другую природу. Они были результатом изменения подхода летописцев к обработке используемого материала, в том числе и летописных текстов своих предшественников, стремления к более подробному освещению отдельных событий, влияния на принципы работы летописцев иных форм исторических произведений и т. д.

Работа летописца. В источниковедении термин «летопись» обозначает не только историческое повествование с особой структурой, но и летописный текст, дошедший до нас в оригинале или списке.

Летописи содержат чрезвычайно важную информацию для изучения средневековой отечественной истории, поэтому ученые уделяют этому виду исторических источников много внимания. Анализ каждого из дошедших до нашего времени летописного сочинения (летописи) выявил его сложную природу, а также позволил воссоздать масштабную картину развития русского летописания в целом.

Многие летописи охватывают события, совершившиеся на продолжительном отрезке исторического времени (с библейских времен и на протяжении многих столетий отечественной истории). К примеру, Лаврентьевская летопись начинается с библейского рассказа о расселении народов после Всемирного потопа и завершается рассказом о пожаре 1305 г. в городе Владимире. Естественно предположить, что ее погодные записи сделаны авторами, принадлежавшими к разным поколениям, а сама сохранившаяся летопись, включающая эти записи, представляет собой компиляцию ранее созданных, по преимуществу летописных, произведений. Поэтому поиск следов использованных для компиляции ле-

¹ Там же. — С. 359.

тописных сочинений является одной из важнейших источниковедческих задач.

Разновременные текстовые слои в дошедших до нас летописях, гипотетически восстанавливаемые учеными как принадлежащие разным авторам, называются *летописными сводами*. Сводный характер русских летописей выявил в первые десятилетия XIX в. П. М. Строев (1796—1876).

Впоследствии многие отечественные ученые подтвердили и развили наблюдения о сводном характере летописей. Выдающееся место в источниковедении летописания, в частности в разработке методики выявления летописных сводов и приложении ее к конкретным летописным текстам, занимают научные труды А. А. Шахматова (1864—1920).

Почти все известные сегодня летописные тексты состоят из хронологических звеньев — гипотетических летописных сводов. Каждое летописное звено в свою очередь также является сводом, так как его автор использовал разнообразные источники информации: письменные и устные источники, личные наблюдения.

История летописания — это история взаимоотношения сводов, следы которых обнаруживаются в поздних компиляциях. Заполняя лакуны, вызванные утратой в силу разных причин значительного количества летописей, летописные своды позволяют дать более полную картину русского летописания XI—XV вв.

Человека, который создал летописный текст, называют *летописцем*. Его мировоззрение, как, впрочем, и других людей Средневековья, отличалось провиденциализмом. Летописец рассматривал природу событий через призму религиозного сознания, считая их первопричиной Бога и объясняя связь событий только божественной волей. Такое представление о происхождении явлений окружающего мира определяло и своеобразие структуры погодных статей, носивших дискретный характер. В них летописец выносил на первый план хронологические связи событий, которые были predeterminedены, по мнению авторов записей, божественной волей.

Компилятивная природа летописей определила ключевое значение в источниковедении вопроса о работе их составителей.

Получив заказ на летопись, ее автор прежде всего искал и отбирал ранее созданные летописные и литературные сочинения, накапливал устные данные о тех событиях, которые интересовали как его, так и заказчика. Затем летописец на основе собранного материала составлял новый летописный текст. Летописные компиляции отличаются от компиляций других жанров тем, что они «не просто соединяют различные произведения, а соединяют их под каждой годовой статьей отдельно. Текст летописи входит в текст другой летописи “гребенкой”: каждая годовая статья пред-

ставляет собой маленькую самостоятельную компиляцию...»¹. Таким образом в новом тексте «растворились» известия более ранних летописных сочинений.

Летописцы могли не только переработать летописные сочинения предшественников, но и хронологически удлинить новый текст, продолжив его своими погодными записями.

Текст предшественника мог подвергаться осознанной переработке, которая существенно меняла описания событий, оценку поступков людей и т.д. В этом случае принято говорить о *редакции* (*изводе*) летописи или летописного свода. Такие редакции выявляются путем сравнительного анализа схожих летописей.

Иногда летописец только переписывал текст своего предшественника. Такую копию принято называть *списком* летописи. Список, как правило, не был точной копией оригинала. Дело в том, что особенности процесса копирования текста (прочтение отрывка оригинала для его запоминания, внутренний диктант при воспроизведении фрагмента на письме) порождали перестановки слов, замену некоторых слов синонимами, малопонятных слов — более понятными, утраты фрагментов предложений и т.д.

Ярким примером осознанной правки летописного текста является следующая погодная запись 1332 (6840) г. в Новгородской первой летописи старшего и младшего изводов:

Новгородская первая летопись старшего извода (Синодальный список)

«Того же лета великий князь Иванъ (Калита. — Т.К.) приде изъ Орды и възверже гневъ на Новгородъ, прося у нихъ серебра за камьского, и в томъ взя Торжекъ и Бежичьскыи верхъ за новгородскую измену»² (выделено Т.К.).

Новгородская первая летопись младшего извода

«Того же лета великий князь Иванъ (Калита. — Т.К.) прииде из Орды и възверже гневъ на Новгород, прося у нихъ серебра за камьское, и въ томъ взя Торжокъ и Бежичькыи верхъ *черезъ крестное целование*»³ (выделено Т.К.).

Во всех списках Новгородской первой летописи младшего извода в адрес московского князя читается обвинение в нарушении договора («крестного целования»), выдвинутое новгородцами. В Синодальном списке Новгородской первой летописи старшего извода было такое же чтение, и его следует считать изначальным. Однако в пергаменном Синодальном списке слова «черезъ крестное целование» выскоблены и вместо них написа-

¹ Лихачев Д. С. (при участии Алексеева А. А. и Боброва А. Г.). Текстология (на материале русской литературы X—XVII вв.). — СПб., 2001. — С. 355.

² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. — М.; Л, 1950. — С. 99.

³ Там же. — С. 344.

ны другие — «за новгородскую измену». Способ, каким было сделано исправление, указывает на позднее происхождение правки текста. Ее сделал, скорее всего, москвич, в руках которого оказался данный список летописи. Политический смысл переделки текста очевиден — редактор хотел обвинить новгородцев в измене.

Существование редакций свидетельствует о том, что летописи были не только способом накопления определенной информации, но и средством политической борьбы. Приспосабливая ранее созданный текст к новым историческим условиям, летописец таким способом выражал интересы заказчиков или свои собственные интересы.

Кроме крупномасштабных летописей создавались и небольшие по охвату хронологии, событий и территории произведения. Их условно называют *летописцами*. Подобные летописцы существовали, по-видимому, на всех этапах истории русского летописания, однако самостоятельные сохранившиеся реальные их тексты датируются только XVI—XVII вв. Например, «Летописец Бельский» фиксировал известия с 1598 г. до конца 60-х гг. XVII в., и его автор проявил интерес к событиям, происходившим в западных уездах, особенно в Бельском. Учитывая это географическое пристрастие автора, ученые и дали наименование источнику. В XVII в. был составлен «Летописец о Нижнем Новеграде, в коих годах заложен, и при коем великом князе», содержащий подборку известий о Нижнем Новгороде и его земле за XIII, XIV и XVI вв.

Система именований летописей. Каждая сохранившаяся летопись имеет свое имя, которое призвано подчеркнуть ее индивидуальность, поскольку двух совершенно идентичных летописных текстов не существует. Система названий складывалась в науке постепенно на протяжении XVIII—XX вв.

Для наименования ряда летописных текстов сохранено их самоназвание. Например, Новый летописец — это краткий вариант самоназвания летописи XVII в. «Книга глаголемая Новый летописец». Если у летописи не было самоназвания, ей давали имя в связи с различными обстоятельствами. Часто летопись называли по месту ее нахождения и хранения. Так, Ипатьевская летопись (список XV в.) была найдена в костромском Ипатьевском монастыре, Троицкая летопись (XIV в.) — в библиотеке духовной семинарии Троице-Сергиевой лавры, Воскресенская летопись (XVI в.) — в Новоиерусалимском Воскресенском монастыре и т.д. В названиях летописей использовались также имена некоторых их бывших владельцев: в XVII в. Радзивилловская летопись (список XV в.) принадлежала польско-литовским магнатам Радзивиллам, а Симеоновская (конец XV в.) — книжному справщику Московского Печатного двора Никифору Симеонову, жившему в XVII в.

В других названиях сохранились имена лиц, причастных к созданию летописей или их списков. По имени монаха Лаврентия, который в 1377 г. «написал» летопись по повелению великого князя суздальско-нижегородского Дмитрия Константиновича, названа Лаврентьевская летопись. Летописный сборник, составленный или переписанный в 1495 г. в Смоленске Авраамкой по повелению смоленского епископа, именуется «Летописью Авраамки», упомянувшего себя в приписке к тексту.

В названии летописи ее индивидуальность подчеркивалась также привязкой к месту ее создания. Если в каком-то месте было создано много летописей, то им давали порядковые номера, которые должны были показывать последовательность возникновения летописей. Такой принцип наименований использовался для обозначения северо-западных летописей — новгородских и псковских: например, Новгородская первая (вторая, третья, четвертая, пятая) летопись и т.д. Однако порядковые номера летописей не всегда отражают реальную хронологическую последовательность их происхождения. Так, Новгородская четвертая летопись датируется XV в. и представляет собой более старшее сочинение, нежели Новгородская вторая летопись, возникшая в XVI в. Неточность в нумерации объясняется тем, что в XIX в., когда давались наименования, еще не все летописи были обнаружены, изучены и включены в систему сохранившихся и реконструируемых летописных текстов.

Имена получали не только дошедшие до нашего времени летописи, но и гипотетические летописные своды: например, «Повесть временных лет» (начало XII в.), Новгородско-Софийский свод (1448), Московский великокняжеский летописный свод (1479) и т.д.

1.2. Эволюция русских летописей

1.2.1. Летописание периода Киевской Руси (X — начало XII в.)

В истории русского летописания принято выделять три крупных этапа: летописание Киевской Руси, летописание периода феодальной раздробленности и летописание единого Российского государства. Летописание каждого из этих этапов имело свои особенности, отразившиеся в форме и содержании исторического источника, способах его создания, политической направленности.

Летописание Киевской Руси не представлено реально дошедшими до нас самостоятельными, завершенными летописными тек-

стами. Его следы сохранились в более поздних летописях, поэтому многие вопросы начального этапа отечественного летописания являются спорными.

Особенностью этого периода летописания можно считать становление погодной сетки летописного повествования. Мы не знаем, какую форму имели самые первые летописные тексты. Есть основания предполагать, что погодная форма записи не была единственной и появилась не сразу. Начало традиции записывать события под конкретными абсолютными датами исследователи относят к 70-м гг. XI в. и связывают ее с летописной деятельностью киево-печерского игумена Никона. Идея погодных статей могла возникнуть под влиянием календарных таблиц, которые встречаются в богослужебных книгах. В XIX в. были обнаружены книги, в которых одновременно присутствуют и лапидарное упоминание события, соотнесенное с датой таблицы, и развернутая летописная погодная запись о том же событии, помещенная вне рамок таблицы. Календарные таблицы, используемые православной церковью, возможно, закрепляли практику точной фиксации событий.

В то же время существовала и другая система записи событий. В ней датировка основывалась на относительной временной шкале, т. е. новые события датировались относительно уже совершившихся: «по мнозех же времянех...», «по сих же летех...», «по двоя же лету...».

Пример такой датировки — Галицко-Волынский свод XIII в., находящийся в составе Ипатьевской летописи (XV в.). По мнению исследователей, первоначально текст этого свода не имел точных дат. Позднее, когда его соединяли с Киевским сводом 1200 г., в котором текст разбит на года, относительные датировки перевели в абсолютные, но сделали это с ошибкой: события, произошедшие в Галицко-Волынском княжестве с начала XIII в., сдвинуты назад на четыре года. Таким образом, ошибка показывает, что изначально Галицко-Волынский свод не имел погодной сетки. Придавая единообразие новому тексту, сводчик сразу за Киевским сводом, оканчивавшимся погодной записью 1200 г., поместил в записи 1201 г. галицко-волынские события, хотя на самом деле первые события, передаваемые Галицко-Волынским сводом, происходили в 1205 г.

Сложным является вопрос об исходной точке древнерусского летописания, его первоначальном содержании и форме. Некоторые дореволюционные исследователи считали Нестора первым русским летописцем, а созданную им в 1113 г. «Повесть временных лет» — первым летописным сочинением. Однако в отечественной историографии истоки летописного дела на Руси постепенно отодвигались на более раннее время. Проведя анализ многих летописей, Шахматов предположил, что первый рус-

ский летописный текст был создан около 1039 г. в Киеве при только что открывшейся русской митрополичьей кафедре. Этот гипотетический текст ученый назвал Древнейшим летописным сводом.

Позднее ряд советских исследователей, опираясь на данные различных письменных источников, предположили, что летописание появилось в конце IX в. Так, Л. В. Черепнин (1905—1977) считал исходной точкой русского летописания 996 г., когда по случаю выдачи Владимиром Святославичем десятины киевской церкви была составлена летопись. По мнению историка, она включала повести о полянах-русах. Для реконструкции свода 996 г. Черепнин использовал «Память и похвалу князю Владимиру» монаха Киево-Печерского монастыря Иакова. М. Н. Тихомиров (1893—1965) также относил начало летописания к концу X в. — началу XI в. Согласно реконструкции этого ученого, летописание началось с создания трех сказаний: «Сказания о начале Руси», «Сказания о призвании варягов» и «Сказания о русских князьях». Тихомиров высказал мнение о том, что летописание зарождалось и в Киеве, и Новгороде. Б. А. Рыбаков (1908—2001) датировал первый русский свод, созданный в Киеве и освещавший деятельность князя Владимира и его предшественников, 996—997 гг. По реконструкции ученого, этот свод представлял собой переработку разнообразных источников: эпизодических записей, эпических сказаний, Белгородской летописи — памятника, появившегося при дворе местного епископа, и др. Д. С. Лихачев (1906—1999) предполагал, что истоки летописания, возникшего в 40-х гг. XI в., лежат в синтезе устных преданий и литературно-исторического произведения, условно названного им «Сказание о распространении христианства».

В период существования Древнерусского государства летописание велось в самых крупных городах — в Киеве и Новгороде.

По сохранившимся поздним летописям наиболее полно можно восстановить киевское летописание, которое не ограничивалось киевскими событиями и регистрировало многие события, происходившие на всей территории тогдашнего государства. Таким образом, киевское летописание XI — начала XII в. можно определить как общерусское.

Крупнейшим летописным сочинением, созданным в период Киевской Руси, является «Повесть временных лет». Самоназвание летописи — «Се повести времянных лет, откуда есть пошла Руская земля, кто въ Киеве нача первее княжити, и откуда Русская земля стала есть». В таком варианте оно приведено в начале Лаврентьевской и близких к ней Троицкой, Радзивилловской и Московско-Академической летописях.

Автор «Повести временных лет» определяется на основе второй группы летописных списков (Ипатьевского, Хлебниковско-

го, Ермолаевского и др.), в которых самоназвание сочинения дополнено указанием на автора — черноризца, т.е. монаха Киево-Печерского монастыря. Но его имя — Нестор — сохранилось только в Хлебниковском списке.

Окончание «Повести временных лет» в составе поздних летописей определяется условно, поскольку четкой границы между ней и последующими сводами нет. Ориентиром в поиске границы несторовского текста служит первая в «Повести временных лет» погодная запись — 852 (6360) г., в которой приведен расчет лет от сотворения мира до кончины киевского князя Святополка, умершего в 1113 г. Следовательно, автор этой хронологической выкладки знал о смерти князя и работал над своей летописью, скорее всего, в 1113 г. или чуть позже.

Спустя непродолжительное время авторский текст «Повести временных лет» был переработан. Различные варианты переработки текста представлены сегодня в двух редакциях, сохранившихся прежде всего в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях. Авторский текст Нестора не сохранился, и его следы ученые пытаются найти в двух последующих редакциях.

Исследования XX в., особенно работы Шахматова, доказали, что Нестор использовал более ранние летописные тексты. Ученому удалось наметить несколько рубежей в летописании XI в.

Ближайшим по времени к «Повести временных лет» сводом, который был установлен Шахматовым, является так называемый Начальный свод 1093—1096 гг. Его следы были обнаружены при сопоставлении «Повести временных лет», представленной в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях, с начальной частью Новгородской первой летописи младшего извода. Последняя летопись имеет небольшое предисловие, которое могло быть создано в Киеве, а не в Новгороде. В начальном своде повествуется о том, почему Киев получил такое название, описывается город, расположенный на горах (таким городом мог быть Киев, а не Новгород), высказывается недовольство алчностью князей, за которую Бог наказал Русскую землю нашествием «поганных» (до Новгорода, как известно, половцы не доходили). Содержание предисловия позволило высказать предположение о киевском происхождении и того летописного текста, который следовал за этим введением.

В погодных записях конца XI в., читаемых в «Повести временных лет», Шахматов нашел некоторые тематические параллели с текстом предисловия новгородской летописи. Это, с одной стороны, развернутые рассуждения летописца «Повести временных лет» о нашествии половцев как наказании Божьем за неразумные действия князей и его дружины, а с другой — обобщенные критические высказывания предисловия в адрес князя и его дружины, алчность которых привела к нашествию «поганных». Наиболее эмо-

ционально о нашествии половцев, его причинах и разрушительных последствиях для киевлян, прежде всего монахов Киево-Печерского монастыря, рассказывается в «Повести временных лет» в погодных статьях за 1093—1096 гг. Именно этим временем Шахматов датировал создание того киевского летописного сочинения, которому принадлежало предисловие новгородской летописи и которое было использовано новгородским летописцем. Местом составления этого текста был назван Киево-Печерский монастырь.

Сравнение Новгородской первой летописи младшего извода и «Повести временных лет» показывает, что текст первой летописи более исправен, чем второй. Неисправность ряда мест в «Повести временных лет» усматривается в избыточности сведений о некоторых событиях, что иногда нарушает логику повествования о развитии событий. Эти нарушения свидетельствуют о переработке общего для обоих произведений текста разными летописцами, имевшими различные задачи и источники. Ближайший по тексту оригинал одного или нескольких списков принято называть *протографом*.

Для «Повести временных лет» (в Лаврентьевском, Ипатьевском и других списках) и Новгородской первой летописи младшего извода протографом является киевский свод, который определен Шахматовым и назван им Начальным летописным сводом 1093—1096 гг. Ученый не атрибутировал его, т.е. не связал создание текста с каким-либо конкретным лицом. Однако позднее М.Д. Приселков (1881—1941) выдвинул гипотезу о том, что составителем свода был игумен Киево-Печерского монастыря Иоанн.

Текст протографа менее переработан в Новгородской первой летописи младшего извода. Включения дополнительной информации в «Повесть временных лет», приведшие к нарушению логики первоначальных рассказов об описываемых событиях, свидетельствуют о значительной переработке Нестором Начального летописного свода.

В Лаврентьевской и Ипатьевской летописях избыточный по отношению к исходному текст обнаруживается, например, в повествовании о мести княгини Ольги древлянам за смерть мужа — князя Игоря (946 г.). По всей видимости, в протографе «Повести временных лет» рассказывалось о трех случаях мести: во-первых, погребении заживо в яме послов древлянского князя Мала, прибывших в Киев к Ольге для сватовства; во-вторых, сожжении в Киеве второго древлянского посольства; в-третьих, уничтожении древлян после тризны по Игорю в их же земле. Об этих способах мести Ольги читается и в Новгородской первой летописи. Но в «Повести временных лет» есть рассказ о четвертой мести, который отсутствует в новгородском тексте:

«В лето 6454 (946 г.). Олга съ сыномъ своимъ Свя- тославомъ събра вои многы и храбры, иде на Деревъскую землю <...> И победиша Древляны; и возложиша на них дань тяжку; и две части дани Киеву идет, а третьяя Вышегороду ко Олзе: бе бо Вышегород Олгинъ град»¹.

«В лето 6454 (946 г.). Ольга съ сыномъ своимъ Святославомъ собра вои много и храбры, и иде на Дервьську землю <...> И победиша деревляны. Деревляне же побегоша и затворишася въ градехъ своих. Ольга же устремися съ сыномъ своимъ на Искоростень град, яко тее бяху убили мужа ея, и ста около града с сыномъ своимъ, а деревляне затворишася въ граде, и боряхуся крепко изъ града, ведеху бо, яко сами убили князя и на что ся предати. И стоя Ольга лето, и не можаше взяти града, и умысли сице (далее следует рассказ о четвертой мести княгини — поджоге города Искоростеня с помощью голубей. — Т.К.). И побегоша людье изъ града, и повеле Ольга воемъ своимъ имати а, яко взя градъ и пожже и; старейшины же града изънима, и прочая люди овыхъ изби, а другия работе предасть мужемъ своимъ, а прокъ их остави платити дань.

И възложиша на ня дань тяжку; 2 части дани идета Киеву, а третьяя Вышегороду к Олзе; бе бо Вышегородъ градъ Вользинь...»².

На примере фрагмента погодной статьи 946 г., взятой из «Повести временных лет», видно, как неумело летописцы обрабатывали тексты своих предшественников, желая внести дополнительные известия. Автор разорвал предложение, читавшееся в его источнике, и вставил легенду. Более логичным является текст той же статьи в Новгородской первой летописи младшего извода, который, следовательно, лучше отражает текст протографа.

Составитель Начального летописного свода в свою очередь опирался на еще более ранний свод, который датируют началом 70-х гг. XI в.

Автором свода многие исследователи, начиная с Шахматова, считают игумена Киево-Печерского монастыря Никона. Некоторые известные сегодня факты из его жизни свидетельствуют о том, что он мог иметь отношение к киевскому летописанию. Так, Никон был в Тмутаракани, и в летописи в записях 60-х гг. XI в. довольно подробно для того уровня летописания изложены тмутараканские события.

¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов... — С. 112—113.

² Повесть временных лет... — С. 28—29.

По мнению Шахматова, свод Никона был дополнен записями событий до 1093 г. включительно и лег в основу Начального летописного свода.

Особенностью свода 70-х гг. XI в. было появление в нем ряда точно датированных светских событий, что указывало на существование каких-то современных записей. Первое такое событие отмечено в 1061 г.: «В лето 6569 (1061 г.). Придоша половци первое на Русьскую землю воевать; Всеволод же изыде противу имъ, месяца февраля въ 2 день. И бившимся имъ, победиша Всеволода, и воевавшие отыдоша. Се бысть первое зло от поганых и безбожныхъ врагъ. Бысть же князь ихъ Искаль»¹. В дальнейшем количество точно датированных событий увеличивается. Возможно, Никон придал историческим записям форму погодных записей, что определило специфику данного вида исторических источников.

Следующий древнейший свод, который был реконструирован Шахматовым, датирован примерно 1039 г. Его появление, по мнению ученого, связано с открытием в Киеве митрополии, где по образцу византийских иерархов началась фиксация событий церковной и светской жизни.

Кроме перечисленных летописных сочинений, следы которых обнаруживаются в крупнейшем летописном своде Киевской Руси начала XII в., Нестором были использованы многочисленные письменные и устные источники. Письменные источники разнообразны по жанрам и месту создания (южнославянское «Сказание о начале славянской письменности», переводная греческая «Хроника Георгия Амартола», излагающая всемирную историю до 948 г., и т.д.). Известия своих предшественников Нестор дополнял легендами. Кроме четвертой мести княгини Ольги он внес в летопись исторические предания, например, о том, как юноша-кожемяка одолел печенежского богатыря, а старец спас осажденный печенегами Белгород. Летописец включал в текст устную информацию, полученную от своих современников. Так, о событиях второй половины XI в. Нестора информировал Ян Вышатич. О смерти этого почтенного старца летописец сообщил на страницах «Повести временных лет»: «В лето 6614 (1106 г.)... В се же лето преставися Янь, старецъ добрый, живъ лет 90, в старости мастите; живъ по закону Божью, не хужий бе первых праведник. От него же и азъ многа словеса слышах, еже и вписах в летописаньи семь, от него же слышах. Бе бо мужъ благъ, и кротокъ, и смиренъ, огребаяся всякая вещи, его же и гробъ есть въ Печерском монастыри, в притворе, идеже лежить тело его, положено месяца иуны въ 24»².

¹ Повесть временных лет... — С. 71.

² Там же. — С. 119.

Описанные выше этапы создания сводов на протяжении XI — начала XII в., реконструированные Шахматовым, в основных чертах признаются большинством ученых. Отдельные авторы предлагают пересмотреть атрибуцию некоторых из этих сводов, внести уточнения в датировки сводов и объяснить причины их появления. Выстраивая свои новые гипотезы, они тем не менее исходят из реконструкции Шахматова.

Итак, «Повесть временных лет» была летописным сочинением, завершившим первый этап русского летописания и оказавшим влияние на летописание в период феодальной раздробленности.

1.2.2. Летописание периода феодальной раздробленности (30-е гг. XII — конец XV в.)

На данном этапе отличительной чертой летописания было расширение его географии. Кроме Киева и Новгорода новые летописные центры возникли в Чернигове, Переяславле Южном и Переяславле Суздальском, Владимире Южном и Галиче Южном, Владимире на Северо-Востоке, Твери, Москве, Смоленске, Пскове и т. д. Здесь создавались разнообразные по формам и содержанию сочинения. Помимо крупных летописных произведений, охватывавших события от библейских времен до времени работы последнего летописца, стали появляться краткие родовые и личные княжеские летописцы, объектом внимания которых был ограниченный круг лиц и событий. Следы подобных летописцев обнаружены исследователями во многих поздних летописях. В условиях феодальной раздробленности содержание создаваемых летописей, как правило, отражало местные события.

Летописание различных центров изучено сегодня неравномерно, причиной этого является недостаточная источниковая база. Обрывочные свидетельства о летописании в ряде княжеств не позволяют более или менее полно восстановить и охарактеризовать своды, создававшиеся местными авторами. В центре внимания исследователей находятся киевское, новгородское, владимирское, московское, галицко-волынское летописания, следы которых обнаруживаются в летописях, созданных в XIII—XV вв.

Киевское летописание. Киевское летописание продолжалось на протяжении XII в. Оно отразилось в Ипатьевской летописи, в начальной части которой читается «Повесть временных лет» в третьей редакции. Далее летописание Киевского княжества отражено в этой летописи вплоть до 1200 г. Этим годом датируется летописный свод, составленный в киевском Выдубицком монастыре игуменом Моисеем. Последняя погодная статья свода содержит похвалу великому киевскому князю Рюрику Ростиславичу за строительство каменной стены вокруг монастыря.

При написании своего труда игумен Моисей использовал многие летописные сочинения, которые происходили из разных княжеств и следы которых сохраняются в киевском своде 1200 г. Так, начиная с 40-х гг. XII в., в нем встречаются вкрапления Галицко-Волынского свода. Источником свода 1200 г. был также Летописец князя Владимира Глебовича, сидевшего в Переяславле Южном. Текст Летописца заканчивался, по мнению ученых, рассказом о смерти этого князя в 1187 г. и был использован также в XII в. в летописании Северо-Восточной Руси. Еще одним источником киевского свода был Черниговский летописец, завершавшийся известиями о смерти в 1198 г. черниговского князя Ярослава Всеволодовича и о вступлении на черниговский стол Игоря Святославича. Он являлся семейным летописцем Святославичей, начало которому было положено еще в 40-х гг. XII в.

Среди источников свода игумена Моисея были и киевские летописи. К числу летописцев-киевлян середины XII в. относят боярина Петра Бориславича. Ему приписывается создание летописи, отражавшей деятельность потомков старшего сына Владимира Мономаха Мстислава — великих киевских князей Изяслава Мстиславича, его сына Мстислава Изяславича и внука Рюрика Ростиславича. Следы этой сильно переработанной впоследствии летописи обнаруживаются исследователями в ряде погодных записей 40—50-х гг. XII в. Ипатьевской летописи. Другим киевским источником была семейная хроника Ростиславичей, одним из составителей которой был сам игумен Моисей. Она включала известия о Рюрике и его семье, «некрологи» братьям Святославу, Мстиславу, Роману, Давыду.

Новгородское летописание. Летописание Новгородской феодальной республики сохранилось в большом числе летописей: Новгородской первой, второй, третьей, четвертой, пятой летописях, Софийской первой летописи.

Самой ранней дошедшей до нас летописью, созданной в Новгороде, является Новгородская первая летопись старшего извода. Сегодня она представлена единственным списком — Синодальным. Этот пергаменный список новгородской летописи является древнейшим и в корпусе всех дошедших до настоящего времени списков русских летописей. Ту часть Синодального списка, которая завершается погодной записью 1234 г., по палеографическим приметам исследователи относят к XIII в. Эта древнейшая летопись, к сожалению, имеет дефекты. Утрачены первые шестнадцать тетрадей рукописи, поэтому текст летописи начинается с 1016 г. Отсутствует еще одна тетрадь с событиями 1273—1299 гг. Другая часть Синодального списка датируется второй четвертью XIV в. В ней изложение событий доведено до 30-х гг. XIV в., хотя имеются дополнения (до середины XIV в.), написанные разными почерками.

К Синодальному списку близка Новгородская первая летопись младшего извода, текст которой продолжен до 40-х гг. XV в. Эта редакция представлена двумя основными списками. Академический список имеет точную дату его написания — 1444 г. — и последнюю погодную статью с датой 1443 г. Комиссионный список был создан в середине XV в., его основной текст доведен до 1439 г., а продолжение — до 1446 г. включительно — написано на другой бумаге и другим почерком.

Изучение этих и других летописей показывает, что в Новгороде они создавались в различных местах: при посадниках, епископской кафедре, монастырях, уличанских церквях. Хотя не все этапы истории новгородского летописания восстанавливаются, обращает на себя внимание большое число летописных центров, существовавших в одном городе.

Истоки новгородского летописания принято возводить к середине XI в. Шахматов реконструировал текст новгородского летописного свода 1050 г. Рыбаков внес поправку в построения Шахматова и определил, что в 1054—1060 гг. этот летописный свод в Новгороде был окончательно оформлен. Это раннее летописание ученый характеризует как посадническое, отражающее, в частности, интересы новгородского посадника Остромира.

Следующий этап новгородского летописания, выделяемый исследователями, связан с деятельностью сына Владимира Мономаха Всеволода, княжившего в Новгороде с 1118 по 1136 г. Он стал инициатором летописного свода, в котором соединились, скорее всего, местная летопись, погодные записи которой составлялись еще в XI в., и «Повесть временных лет», созданная в Киеве при Владимире Мономахе. Работа над новой новгородской летописью могла идти между 1119 и 1136 гг.

После событий 1136 г., когда Всеволод был изгнан новгородцами, в городе изменилось соотношение власти князя и епископа. Новая политическая ситуация повлияла на характер местного летописания. Под руководством новгородского епископа Нифонта был создан летописный свод, который предположительно датируется 1136 г. К работе над пересмотром свода князя Всеволода и составлением нового свода был привлечен Кирик — монах, диакон и domestik (т.е. главный в одном из двух церковных хоров) Антониева монастыря, приближенный Нифонта. Следы работы Кирика исследователи обнаруживают в статьях 1136, 1137 гг. и ряде других, отмеченных в Новгородской первой летописи. В них затронуты темы, которые присутствуют в нелетописных сочинениях Кирика — «Учении им же ведати человеку числа всех лет», «Вопрошаниях Кирика, иже восприси епископа Нифонта и инех».

Смысл переработки свода состоял, по-видимому, в том, чтобы исключить его княжескую направленность. Для этого необходимо было заменить текст киевской «Повести временных лет» в промо-

номашней редакции другим текстом, оппозиционным к княжеской власти. Из ранее созданных летописных текстов такой характер имел киевский Начальный свод 1093—1096 гг. В результате произведенной замены в новгородской летописи сохранились фрагменты утраченного киевского летописного сочинения конца XI в.

В дальнейшем свод 1136 г. был положен в основу архиепископских сводов, составители которых использовали собственные записи событий и сочинения других авторов и городских летописных центров. Косвенное подтверждение такого включения в архиепископские своды текстов, происходивших из иных центров, обнаруживается в Новгородской первой летописи старшего извода под датами 1144 (6652) г. и 1188 (6696) г. В первой погодной записи безымянный летописец сообщает об одном из фактов своей жизни: «Въ то же лето постави мя попомъ архепископъ святыи Нифонтъ»¹. В статью 1188 г. занесена запись о смерти «Германа, иерея святого Якова, зовемого Воята», который прослужил в церкви «полгыятдъсять летъ»², т. е. 45 лет. Исследователи отождествляют безымянного попа-летописца с Германом Воятой. Это отождествление опирается на срок, в течение которого служил в церкви святого Иакова умерший иерей, начавший свою службу в 1143 или 1144 г. Следовательно, летописание велось и в церкви на Неревском конце.

Историографы называют имя еще одного летописца этой же церкви. В Синодальном списке Новгородской первой летописи старшего извода один из двух почерков отождествляется с почерком пономаря Тимофея, служившего в церкви святого Иакова. В 1282 г. он переписал «Пролог» (древнерусский житийный сборник) для церкви Нерукотворного Образа. Если это отождествление правильно, то можно сказать, что на протяжении длительного времени церковь святого Иакова была летописным центром.

Важнейшее звено новгородского епископского летописания обнаруживается при анализе двух летописей, созданных в XV в., — Новгородской четвертой летописи и Софийской первой летописи. Их внимательное изучение начал Шахматов. Сопоставление летописей показало, что повествование в них совпадает до 1418 г. Общий источник, т. е. протограф, Новгородской четвертой и Софийской первой летописей был доведен, согласно реконструкции Шахматова, до 1448 г. Эту дату ученый выводил из погодной записи 1380 г., присутствующей в обеих летописях: «В лето 6888 (1380 г.) ...А Благовещение бысть в Великъ день, а перво сего бысть за 80 лет и за 4, а потом боудеть за 80 лет без лета, а потомъ за 11 лет»³. Празднование Благовещения и Пасхи, действительно, совпадало в 1296, 1380 и 1459 гг. Когда же работал летописец, который при-

¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов... — С. 27.

² Там же. — С. 39.

³ Полное собрание русских летописей. — М., 2001. — Т. 6. — Вып. 1. — Стб. 454.

писал к хронологическому расчету слова «а потомъ за 11 летъ»? Из трех указанных дат Шахматов выбрал 1448 г. Не ранее этого года был составлен протограф Новгородской четвертой летописи и Софийской первой летописи, который был назван Новгородско-Софийским сводом.

Ученый считал, что свод 1448 г. носил общерусский характер, хотя и был составлен в Новгороде путем соединения местной новгородской летописи с общерусским летописным сводом.

Сопоставление свода 1448 г. с Новгородской первой летописью младшего извода позволило восстановить еще один новгородский свод, названный Шахматовым Софийским временником. Он был доведен до 1421 г. Его составителем, по мнению ученого, был Матвей Михайлов, включивший в текст известия из своей жизни (о своем рождении — 1375 г.; смерти отца — 1382 г.; смерти матери — 1405 г.; своем браке — 1406 г.; рождении сына — 1411 г.). Шахматов отождествил Матвея Михайлова с уставщиком новгородского владычного двора Матвеем Кусовым, чье имя дошло до нас в нескольких внелетописных записях, восходящих к первой четверти XV в. Если идентификация верна, то составленный Матвеем Михайловым Кусовым свод имеет непосредственную связь с владычным летописанием. Следовательно, летописание при новгородском епископском дворе велось без перерывов, но время от времени оно подвергалось обработке. Новейшее исследование Синодального списка Новгородской первой летописи старшего извода, проведенное А. А. Гippiусом, предлагает новый взгляд на происхождение списка и подтверждает непрерывность владычного летописания в Новгороде на протяжении XII—XV вв.

Другим источником, соединенным в 1448 г. с новгородским сводом 1421 г., по мнению Шахматова, был свод общерусского характера, названный исследователем «Владимирским полихронным митрополита Фотия» 1421 г. Это сочинение ученый восстанавливал, сопоставляя не реально сохранившиеся летописи, а реконструированные своды. Подобная реконструкция повышает степень предположительности вывода о реальном существовании такого сочинения. Хотя этот общерусский свод, согласно Шахматову, сильно сокращался летописцем-новгородцем, из него были заимствованы обширные повести и сказания: о Куликовской битве (1380 г.), о Московском взятии от Тохтамыша (1382 г.), о тверском владыке Арсении (1409 г.). Еще одним источником свода 1448 г., по реконструкции ученого, был Ростовский летописный свод в редакции, доведенной до 1418 г.

В настоящее время предложенная Шахматовым схема соотношения летописных сводов в Новгородской четвертой летописи поставлена рядом исследователей под сомнение. Прежде всего они не согласны с новгородским происхождением свода 1448 г. и отрицают существование «Владимирского полихрона».

Новгородская четвертая летопись (в списке Дубровского) возникла в XVI в., когда Новгород потерял свою независимость. Свое название летопись получила в связи с тем, что ее основным источником была Новгородская четвертая летопись. Она содержит новгородский свод 1539 г., составленный предположительно по инициативе новгородского архиепископа Макария (с 1542 г. — митрополит Московский и всея Руси), а также следы какого-то московского общерусского (великокняжеского) летописания.

В памятнике летописания XVI в. — Новгородской второй летописи — обнаруживаются свидетельства о летописании в новгородском Лисицком монастыре. Новгородская вторая летопись представляет собой сокращенное извлечение из различных новгородских летописей, в том числе Лисицкого летописца, который упоминается в погодных статьях 1450 и 1572 гг.

Владими́ро-Сузда́льское летописание. Некоторые летописные своды Северо-Восточной Руси реконструируются на основе сопоставления содержания Радзивилловской, Московско-Академической, Лаврентьевской летописей, а также «Летописца Переяславля Суздальского».

Радзивилловская летопись представлена сегодня двумя списками. Ранний список датируется концом XV в. Его содержание иллюстрируют более чем 600 миниатюр. Второй список был снят с этого иллюстрированного списка, принадлежавшего в XVII в. Радзивиллам, в начале XVIII в. по поручению Петра I в Кенигсберге. Последняя погодная запись в летописи — статья о событиях 1205 г.

До 1205 г. включительно с Радзивилловской сходна Московско-Академическая летопись. В отличие от Радзивилловской летописи она имеет продолжение до 1419 г. После 1205 г. текст Московско-Академической летописи состоит из двух частей разного происхождения: первая часть — 1206—1238 гг., вторая часть — 1238—1419 гг. Примечательно, что последняя часть наиболее самостоятельна и не имеет совпадений с другими известными сегодня летописями. По-видимому, здесь отразился какой-то независимый от великокняжеского московского летописания свод, возможно, владычный Ростовский.

Еще одним летописным сочинением, привлекаемым для реконструкции ранних этапов летописания на Северо-Востоке, является «Летописец Переяславля Суздальского» (XV в.). Самоназвание этого текста — «Летописец русских царей». На хронологическом отрезке с 1138 по 1205 г. изложение событий в «Летописце» сходно с повествованием Радзивилловской летописи. Главное отличие «Летописца Переяславля Суздальского» от Радзивилловской и Московско-Академической летописей в том, что его текст имеет продолжение до 1214 г. включительно.

Результаты сопоставления этих трех летописей привело Шахматова к заключению, что в их основе лежал Переяславский свод

1214 г., к которому, возможно, восходят и иллюстрации Радзивилловской летописи. В Радзивилловской и Московско-Академической летописях окончания этого свода нет.

В начальной части каждой из трех летописей содержится киевский свод начала XII в. — «Повесть временных лет» в редакции 1116 г. После него в летописях читаются только южнорусские известия, которые затем перемежаются с северо-восточными известиями. Непрерывный поток северо-восточных известий начинается с 1157 г., южнорусские обрываются на 1175 г. В дальнейшем южнорусские события приведены только в погодных записях 1185, 1186 и 1188 гг., и еще раз — в 1199 и 1200 гг.

Для восстановления более ранних летописных сводов, созданных на Северо-Востоке Руси в период феодальной раздробленности, привлекается и Лаврентьевская летопись, последняя статья которой датируется 1305 г.

Сравнение, с одной стороны, Радзивилловской, Московско-Академической летописей и «Летописца Переяславля Суздальского», а с другой — Лаврентьевской летописи, обнаруживает существенные расхождения между ними в освещении владимиро-суздальских событий, начиная с 1157 г. Выразительным смысловым несовпадением в текстах сравниваемых летописей отличается описание в погодной статье 1176 (6684) г. событий, в которых участвовал князь Михаил Юрьевич (Михалко). В Радзивилловской и Московско-Академической летописях, а также «Летописце Переяславля Суздальского» рядом с его именем фигурирует имя Всеволода Юрьевича. Если же обратиться к Лаврентьевской летописи, то в ней Михаил Юрьевич выступает как единственный персонаж всех событий. На протяжении одной годовой записи в Радзивилловской летописи в повествовании о деятельности Михаила Юрьевича имя его брата Всеволода упоминается не менее 10 раз:

Лаврентьевская летопись

«Володимерци же укрепившеся послашася Чернигову по Михалка...»

«Михалко с Москвы поеха Володимерю...»

«И яви дружине заоутра поеха изъ Суждаля борзо яко ж и на заяць дружине постигаючи его Михалку не доехавше Володимеря...»¹.

Радзивилловская летопись

«Володимерци ж(е), укрепившес(я), послашас(я) к Чернигову по Михалка и по брат(а) ег(о) Всеволода...»

«Михалко с Москвы поеха с братом со Всеволод(о)мъ к Володимерю...»

«И яви друж(и)не заутра, и поеха с Суждаля борзо, якож(е) иная же на заяць друж(и)не постигаючи его, Михалку не доехавшу Володимирия со брат(о)мъ Всеволод(о)мъ...»².

¹ Полное собрание русских летописей... — Т. 1. — Стб. 375—376.

² Там же.

Эти различия свидетельствуют о том, что Лаврентьевская и Радзивилловская летописи имели разные летописные источники. Шахматов, а позднее и Приселков пришли к выводу, что в основе северо-восточных известий Лаврентьевской летописи лежал владимирский свод конца XII в., текст которого не подвергался значительным переработкам. Радзивилловская же летопись основывалась на другом владимирском своде начала XIII в., прославлявшем Всеволода Большое Гнездо и составленным при его сыновьях: владимирском князе Юрии (1212—1216) и переяславском князе Ярославe (1212—1236).

О существовании этих двух разновременных сводов свидетельствуют также языковые особенности Лаврентьевской и Радзивилловской летописей. Так, в Лаврентьевской летописи прослеживаются более архаичные лексика и грамматические формы, чем в Радзивилловской:

Лаврентьевская летопись

«КОМОНИ»
«ядь»
«детеск»
«двое чади»
«доспел»
«крьнеть»

Радзивилловская летопись

«кони»
«снедь»
«мал»
«двое детей»
«готов»
«купить»

Разные временные формы глаголов, использованные в статье 1185 (6693) г. в рассказе о поставлении епископа Луки в Ростов, Владимир и Суздаль, позволили высказать гипотезы о времени создания этих сводов. Так, в Лаврентьевской летописи похвала епископу передана в настоящем времени. Это может указывать на то, что запись была сделана до смерти Луки, которая произошла 10 ноября 1189 г. В Радзивилловской летописи в похвале Луке употреблено прошедшее время. Следовательно, составитель свода, на основе которого написан текст, работал после смерти Луки. Более старший Владимирский свод, использованный при составлении Лаврентьевской летописи, может быть датирован точнее. Шахматов считал, что он заканчивается на словах «ныня и прис(но) и в бесконечныя веки. Аминь», завершающих рассуждения летописца о пожаре во Владимире 18 апреля 1185 г. Обычно в литературных произведениях слово «аминь» (в переводе с еврейского — «истинно», «верно», «да будет») указывало на конец текста. Аргументом в пользу этой датировки Шахматов считал и тот факт, что до 1185 г. включительно Всеволод Юрьевич назывался в летописи князем и только с 1186 г. — великим князем. Впоследствии Приселков перенес датировку этого свода на 1193 г.

В составе Лаврентьевской летописи восстанавливается еще один Владимирский свод. Основанием для его выделения служит дублирование одного известия, имеющего южное происхождение. Это

касается сообщения, помещенного под 1169 (6677) г. и 1171 (6679) г., о походе Михалка Юрьевича на половцев. Описание похода в этих погодных записях различаются степенью подробности: рассказ под датой 1169 г. содержит детали, которых нет в статье 1171 г. Но считать второй рассказ сокращением первого нельзя, потому что и в нем есть детали, отсутствующие в статье 1169 г.: указан день, когда была одержана победа над половцами, — «неделя» (т.е. воскресенье), уточнено, что переяславцы «полонъ свои от(ъ)яша 400 чади и пустиша я восвояси». Также по-разному объясняются причины победы переяславцев над половцами: согласно записи 1169 г. победа одержана благодаря помощи Христа и Богородицы («... быс(ть) помощь Хр(и)ста ч(е)стнаго и с(вя)тое м(а)т(е)ре Б(о)жьи Десятиньное Б(огороди)ци, еяже бяхуть волости заяли, да аще Б(ог)ъ не дасть въ обиду ч(е)л(о)в(е)ка проста еда начнуть его обидети аже свое м(а)т(е)ре дому...»¹, а в 1171 г. — молитве «отня и дедня» («... и поможе Б(о)гъ Михалку со Всеволодом на поганья [и] дедня и отня м(о)л(и)тва»)².

Оба рассказа восходят к двум различным источникам, созданным, скорее всего, в Переяславле Южном. Один из них представлял собой митрополичий свод, а другой — княжеский (Летописец князя Владимира Глебовича). Рассказ об одном и том же походе в переяславских источниках был помещен под разными датами. Позднее оба южнорусских летописных текста были использованы владимирским летописцем при создании своего сочинения, но отождествить рассказы об одном и том же походе он не сумел. По мнению Шахматова, северо-восточный сводчик работал в 1175 г. Приселков внес уточнение и датировал Владимирский свод, использовавший оба южных летописца, 1177 г.

Лаврентьевская летопись включила и более поздние летописные произведения, созданные в XIII в. в других северо-восточных летописных центрах. Однако их следы сильно размыты. В отдельных погодных статьях просматриваются черты ростовского летописания. Приселков считал, что в 1239 г. возник свод, соединивший версии Владимирских сводов конца XII — начала XIII в. и ростовское летописание. В статье 1271 г. ученые обнаруживают следы летописания ростовской княгини Марии.

События 1285 — 1305 гг. принадлежат последнему своду, включенному в Лаврентьевскую летопись. Свод 1305 г. по составу известных был охарактеризован Шахматовым как общерусский. По мнению ученого, он возник по инициативе митрополита Максима. Местом его создания назывался митрополичий двор, который в 1300 г. был перенесен во Владимир. С этого времени митрополит Максим получает титул митрополита всея Руси. Дальнейшие ис-

¹ Полное собрание русских летописей... — Т. 1. — Стб. 361.

² Там же. — Стб. 363.

следования Лаврентьевской летописи и особенно ее заключительной части позволили Приселкову высказать гипотезу о том, что свод 1305 г. был не митрополичьим сводом, а владимирской великокняжеской летописью, составленной по инициативе владимиро-тверского князя Михаила Ярославича.

Московское летописание. Начало московского летописания восстанавливается на основе пергаменной Троицкой летописи начала XV в. Эта летопись, к сожалению, сгорела в огне московского пожара в 1812 г. Однако к этому времени она уже была введена в научный оборот. Тщательно изучал известия летописи Н. М. Карамзин (1766—1826), сделавший многочисленные и обширные выписки из ее текста и позднее опубликовавший их в примечаниях к своей «Истории государства Российского». Троицкая летопись была использована для установления разночтений с Лаврентьевской летописью, публикация которой в начале XIX в. подготавливалась Обществом истории и древностей российских при Московском университете, но осталась незавершенной. Выписки Карамзина, а также результаты сопоставления текстов Лаврентьевской и Троицкой летописей до 906 г. позволили установить сходство последней с рядом других сохранившихся летописей — Рогожским летописцем первой половины XV в., Симеоновской летописью конца XV в. Извлечения из Троицкой летописи и близкие ей летописи были использованы Приселковым для реконструкции текста Троицкой летописи.

Анализ сохранившихся материалов показал, что окончательный текст Троицкой летописи содержал свод 1408 (6916) г. (это последняя дата текста). Он составлялся, по мнению Приселкова, в Москве при дворе митрополита «киевского и всея Руси» Киприана вскоре после его смерти, так как в тексте под датой 1406 г. помещено описание кончины Киприана и приведено его завещание с датой: «месяца септемвриа въ 12 день, индикта 15 лето 6915». По составу известий свод являлся общерусским, а его политическая направленность была явно промосковской.

Составитель свода 1408 г., или свода Киприана, использовал летописные работы своих предшественников. Его основным источником был общерусский свод 1305 г., отразившийся также в Лаврентьевской летописи. Поскольку Лаврентьевская летопись возникла ранее Троицкой, то можно предположить, что именно она или ближайший протограф свода 1305 г. послужили оригиналом для летописца, работавшего в начале XV в. Однако сравнение Троицкой и Лаврентьевской летописей показало, что более полные и лучшие чтения находятся в Троицкой, а не в Лаврентьевской летописи. В Троицкой летописи содержится много дополнений к тексту Лаврентьевской летописи. Это касается событий конца XIII—начала XIV в.: под 1295 (6803) г. подробно рассказано о смерти Дмитрия Александровича Переяславского; в погодной за-

писи 1304 (6812) г. указано место захоронения московского князя Даниила Александровича («в церкви св. Михаила на Москве»); в статье 1305 (6813) г. сообщено о смерти князя Андрея Александровича и погребении его «на Городце в церкви св. Михаила» и т. д. В изложении событий в этих летописях существуют и некоторые расхождения. Так, события под 887—945 гг. датированы в Троицкой летописи годом вперед, т. е. 886—944 гг. Эти и другие наблюдения свидетельствуют о том, что свод 1408 г. восходит, скорее всего, к оригиналу свода 1305 г.

Для повествования о событиях, совершившихся после 1305 г., составитель свода 1408 г. использовал, по всей видимости, новгородские, суздальские и ростовские летописи. Московское летописание XIV в. в составе свода 1408 г. было представлено, по мнению Приселкова, «*Летописцем великим русским*».

«Летописец великий русский» — это самоназвание текста, которое приведено Карамзиным в выписке за 1392 г. В этой погодной записи летописец дал нелицеприятную характеристику новгородцам, которые «беша бо человеци суровы, непокоривы, упрямчивы, непоставни... Кого отъ князь не прогневаша? или кто отъ князь угоди имъ, аще и Великий Александръ Ярославичъ не уноровилъ имъ?»¹. При этом автор погодной статьи ссылался на другую летопись: «...и аще хоцещи распытовати, разгни книгу, Летописецъ великий Русьский и прочти отъ Великаго Ярослава и до сего князя нынешняго...»². Приселков видел в «нынешнем князе» Василия I, вступившего на великокняжеский престол в 1389 г.

«Летописец великий русский», по мнению Приселкова, возник на основе московских великокняжеских сводов, которые начали создаваться при митрополичьем дворе уже после смерти Ивана Даниловича Калиты в 1340 г. Именно о нем и членах его семьи в Троицкой летописи читались известия с точными абсолютными датами, которые ученые рассматривают как свидетельства письменной фиксации событий. Первым датированным событием является рождение у Ивана Даниловича сына Семена в 1317 г.: «В лето 6825... Того же лета князю Ивану Даниловичю родися сынъ месяца, сентября въ 7 день, на память святого мученика Созонта и наречень бысть князь Семень»³.

Кроме точных дат событий, связанных с московским княжеским домом, в Троицкой летописи есть датированные церковные события, совершившиеся в Москве. Самое раннее из них — закладка Успенского собора митрополитом Петром 4 августа 1326 г.: «Того же лета (6834 г.) въ госпожино говение, месяца августа въ 4,

¹ Карамзин Н. М. Примечания к V тому «Истории государства Российского» // Карамзин Н. М. История государства Российского. — М., 1989. — Кн. 2. — Стб. 64. — Примеч. 148.

² Там же.

³ Приселков М. Д. Троицкая летопись... — С. 355.

на память святого мученика Елфериа, заложена бысть первая церковь камена на Москве на площади, во имя святых Богородица, честнаго ея успения, пресвященнымъ Петромъ митрополитомъ и благовернымъ княземъ Иваномъ Даниловичемъ. Пресвященный же Петръ митрополитъ създа себе своимъ рукама гробъ камень в стене, идеже последи положень бысть, еже и ныне лежитъ»¹. Известие о том, что умерший митрополит Петр лежит на том месте, которое он сам указал, свидетельствует о более позднем происхождении текста с известием о закладке Успенского собора. Запись возникла, по крайней мере, после смерти митрополита, т.е. после 1326 г.

Составление «Летописца великого русского» в конце XIV в., по реконструкции Приселкова, стало очередным этапом работы над московскими великокняжескими сводами. Однако относительно происхождения этого летописца в современной историографии высказываются разные мнения. Если Приселков признавал его сводом московских великих князей, то позднее появились предположения о принадлежности свода или суздальско-нижегородским великим князьям, или тверским великим князьям, добившимся в последней четверти XIV в. на короткое время владимирского престола.

Относительно характера раннего московского летописания XIV в. историографы высказывали мнения, отличные от точки зрения Приселкова. Так, Я.С.Лурье (1920—1996) считал, что в первой половине XIV в. существовала семейная хроника московских Даниловичей. Эти отдельные записи о семейных делах княжеского дома, а также записки митрополичьего двора были объединены в 1340 г. в летописец. Но он не был великокняжеским сводом, подобным тем, какие создавались в Москве позднее, во второй половине XV в. Летописец не имел общерусского характера и не стремился воздействовать на сколько-нибудь широкий круг читателей.

Дошедшие до нас летописи показывают, что московское летописание набрало силу и во второй половине XV в. стало играть особую роль в политической жизни. Основным центром летописания был двор великого московского князя. Политические события второй половины XV в. способствовали тому, что здесь было создано подряд несколько летописных сочинений, в основе которых лежал общерусский свод 1448 г. (названный Шахматовым Новгородско-Софийским).

Следы наиболее раннего из дошедшего до нас московского великокняжеского летописания второй половины XV в. обнаруживаются в Вологодско-Пермской (конец XV—первая половина XVI в.) и Никаноровской (вторая половина XV в.) летописях.

¹ Приселков М.Д. Троицкая летопись... — С. 358.

Сопоставление этих летописей показало, что до 1471 г. их тексты почти полностью идентичны. Шахматовым была выдвинута гипотеза о существовании протографа этих летописей — летописного свода 1472 г. Этот свод был связан с великокняжеским летописанием и назван Московским великокняжеским сводом 1472 г. Он создавался после победы великого московского князя над Новгородом и заключения в 1471 г. Коростынского мира. Победа Москвы не привела к полной потере Новгородской феодальной республикой независимости. Данное обстоятельство диктовало московскому летописцу необходимость более осторожно оценивать политику Великого Новгорода в отношении князей. В своде 1472 г. глаголы типа «изгнаша, выгнаша, показаша путь (князю)», которые встречаются в одном из источников летописи — своде 1448 г., были заменены на более нейтральные: «князь изыде», «выеха». Это один из примеров позднейшей переработки ранее созданного текста в свете новых политических условий.

Следующий этап великокняжеского летописания представлен Московским великокняжеским летописным сводом 1479 г. Он стал основой всего великокняжеского и царского летописания последующего времени. Существование свода было установлено Шахматовым. Изучая Архивскую (так называемую Ростовскую) летопись, он определил, что ее повествование до 1479 г. совпадает с текстами поздних летописей, например Воскресенской XVI в. Ученый предположил существование протографа этих летописных сочинений, который он назвал Московским великокняжеским летописным сводом 1479 г. Позднейшая находка свода 1479 г. «в отдельном виде» (т.е. вне поздних летописей) — в так называемом Эрмитажном списке XVIII в. — подтвердила правильность методических подходов Шахматова к реконструкции летописных сводов.

Появившийся после окончательного присоединения Великого Новгорода к Москве Московский великокняжеский летописный свод 1479 г. в новых политических условиях открыто осуждал новгородцев за изгнания князей в прошлом.

Следующие этапы московского великокняжеского летописания представлены рядом сводов конца XV в. (90-е гг.) и начала XVI в.

Во второй половине XV в. велось и общерусское летописание, не зависимое от летописания великого московского князя. В настоящее время оно представлено лишь небольшими фрагментами, поскольку было поглощено великокняжеским летописанием. К примеру, в Ермолинской летописи (XV в.), так называемых Сокращенных сводах конца XV в. и частично — Устюжской летописи (начало XVI в.) просматривается независимый свод начала 70-х гг. XV в. Он возник, скорее всего, в Кирилло-Белозерском монастыре. О месте создания этого свода говорят особый интерес его составителя к бывшему игумену этого монастыря Трифону,

опальному боярину Басенку, сосланному в 1473 г. в Кириллов монастырь, а также некоторые совпадения с краткими кирилло-белозерскими летописцами.

Еще один независимый неофициальный свод был создан в 80-х гг. XV в., возможно, при ростовской архиепископской кафедре. Этот ростовский свод обнаруживается в Типографской летописи (конец XV — начало XVI в.). Часть Типографской летописи включает в себя известия, связанные с Ростовом и ростовской епархией: о смене ростовских архиепископов, столкновении ростовского архиепископа Вассиана Рыло с митрополитом Геронтием. Оценку современных событий, не зависимую от великокняжеского летописания, автор свода демонстрирует, например, при описании репрессий Ивана III во вновь присоединенных Новгороде и Твери.

В 90-х гг. XV в. независимое общерусское летописание прекратило свое существование. Впоследствии в Новгороде, Пскове, Вологде, возможно, в Твери, Ростове, Устюге и других центрах продолжали составляться своды, но это были лишь местные варианты официального общерусского летописания или сугубо провинциальные летописи, в основе которых лежали столичные слухи и местные события.

1.2.3. Летописание Русского централизованного государства (XVI — XVII вв.)

В период существования единого Русского централизованного государства летописание претерпело определенные изменения. Они были обусловлены в первую очередь политическими факторами, среди которых главным стало установление в России самодержавия. Для поддержания новой политической системы создавалась новая официальная идеология, отраженная во многих исторических и литературных сочинениях как светских, так и церковных авторов.

Согласно политической концепции XVI в., Русское государство было законным преемником Византийской империи. Интерес к всемирной истории и необходимость вписать русскую историю в мировую породили новый для России тип исторического сочинения — *хронограф*. Еще в период Киевской Руси летописцы познакомились с византийскими хронографами, в которых последовательно излагалась всемирная история, начиная от «сотворения мира». Многие содержащиеся в них сведения использовались летописцами в качестве источников собственных произведений, справочных данных по хронологии.

Однако первые русские компиляции типа хронографа возникли только в XVI в. История России рассматривалась в них как

заключительный этап истории крупнейших мировых монархий. В течение XVI—XVII вв. в России было создано несколько редакций Русского хронографа. Древнейшей из них является так называемая редакция 1512 г., состоящая из 208 глав. На ее основе позднее были созданы и другие редакции, получившие широкое распространение.

Хронограф отличался от летописи структурой и содержанием. В начале хронографического сочинения помещалось оглавление с указанием нумерованных глав и их названий. Летописи предыдущего периода не имели оглавления. В хронографе иной была схема расположения материала. Текст хронографа структурировался по главам, внутри которых после заглавия помещался текст о событиях всеобщей истории, далее — после своего заглавия — о русских событиях. Например, в оглавлении Хронографа редакции 1512 г. состав одной из глав представлен таким образом: «Глава 205. Царство греческое кир Калуюана. В той же главе и великое княжение Русское и о князе Дмитрии Юрьевиче Красном»¹. Текст главы был разбит на три части, каждая из которых имела свой подзаголовок: «Царство греческое», «Великое княжение Русское», «О князе Дмитрии Юрьевиче Красном». Хотя внутри подразделов еще сохранялась летописная форма изложения, основным признаком объединения погодных записей в хронографе была тема повествования.

Русская церковь дала обоснование самодержавия в так называемой «Степенной книге». Полное название этого анонимного сочинения, созданного в 1563 г., — «Книга степенна царского родословия, иже в Рустей земли в благочестии просиявших богоутвержденных скипетродержателей, иже бяху от Бога, яко райская дровеса насаждени при исходящих вод, и правоверием напаяеми, богоразумием же благодатию возрастаеми, и божественною славою осияваеми явишася, яко сад доброраслен и красен листвием и благоцветущ; многоплоден же и зрел и благоухания исполнен, велик же и высокъверх и многочадным рождием, яко светлзрачными ветми разширяем, богоугодными добродетельми преспеваем; и мнози от корени и от ветвей многообразными подвиги, яко златыми степенми на небо восходную лествицу непоколеблемо водрузиша, по ней же невозбранен к Богу восход утвердиша себе же и сущим по них». Оно красноречиво говорит о главной задаче автора сочинения (возможно, московского митрополита Афанасия) — показать постепенное восхождение русских государей к Богу, оправдать богоизбранность «скипетродержателей». Это литературное произведение имеет необычное для того времени построение. Последовательное повествование о наиболее важных, с точки зрения автора, исторических событиях разбито на 17 «степеней» (ступеней, граней), в каждой из которых излагается био-

¹ Полное собрание русских летописей... — Т. 22. — С. 13.

графия государя, сопровождаемая сочинениями о митрополитах и святых, живших с ним в одно время.

Летописцы XVI в. также внесли свой вклад в разработку и распространение новых политических идей. Особенно большую роль в этом сыграли московские официальные летописи, носившие общерусский характер. Так же, как и авторы литературных сочинений, летописцы XVI—XVII вв. более обстоятельно и подробно, чем раньше, рассказывали о деятельности и жизни великих князей (с 1547 г. — царей).

Наращение повествовательности летописных текстов, превращение их в книги для чтения — еще одна из черт летописания XVI—XVII вв. В летописях все больше проявлялись связный характер изложения, дидактика, идеализация героев рассказов. Следствием повествовательности стал новый вариант летописного текста, целиком посвященного одному объекту внимания летописца.

Летописи испытали значительное влияние исторических и литературных произведений своего времени. Влияние это сказалось, в частности, на форме фиксации событий в летописях. Так, хронографическая форма текста, который структурировался не общей датой нескольких событий, часто не связанных между собой, а конкретной темой, оказала влияние на форму ряда летописных сочинений XVI—XVII вв., разрушая главный признак этого вида исторических сочинений — погодную запись и выделяя центральные линии повествования.

Не могло не отразиться на летописании XVI—XVII вв. и нарастание объема информации, которая сохранялась в письменном виде. Этот рост был обусловлен в первую очередь созданием в XVI в. системы постоянно действующих государственных органов управления, где письменно регистрировались этапы принятия и исполнения решений по самым разным вопросам. Делопроизводственный материал воспринимался летописцами не только как новая разновидность источников, но и как доказательство достоверности сообщаемого известия.

В XVI в. в работе некоторых летописцев, причастных к официальному летописанию, отмечается новый момент: они стали создавать черновики сочинения.

Итак, содержание, структура и стиль летописного повествования «размывались» другими историческими, литературными, политическими (публицистическими) сочинениями, делопроизводственной документацией, и летописи постепенно вытеснялись новыми формами исторического повествования. В конце концов во второй половине XVII в. летописание потеряло общегосударственное значение.

При московской митрополичьей кафедре в конце 20-х гг. XVI в. был создан крупнейший памятник русского летописания — *Никонская летопись*. Свое название летопись получила по имени патри-

арха Никона — владельца одного из ее списков. Инициатором и редактором-составителем этого сочинения был митрополит Даниил (1522—1539) — крупный писатель, церковный и политический деятель. Первоначальный текст летописи оканчивался 1520 г.

Текст Никоновской летописи представляет собой компиляцию многих исторических источников. Среди них известные сегодня летописи XV в. — Симеоновская, Иоасафовская, Новгородская пятая, а также гипотетически восстанавливаемые своды — Тверской летописный свод конца XIV в., Кирилло-Белозерский свод 70-х гг. XV в., Московский свод 1518 г. Использованы литературные сочинения — повести, сказания, жития святых, а также архивные документы. Все эти материалы были подвергнуты литературной и идеологической обработке. Интересно, что Никоновская летопись содержит ряд уникальных известий, которые не встречаются ни в каких других летописных сочинениях.

Составитель Никоновской летописи последовательно проводил идеи защиты имущественных интересов церкви, союза светской и духовной власти, поддержки внутренней и внешней политики великого князя Василия III. На страницах Никоновской летописи нашли историческое обоснование вопросы, которые являлись предметом обсуждения церковного собора 1531 г.: о праве монастырей на владение селами, законности поставления русского митрополита собором епископов без санкции константинопольского патриарха, борьбе с ересью.

До нас дошли две редакции этой летописи. Редакция 1556 г. представлена в Патриаршем списке. Она возникла в результате дополнения митрополичьего списка известиями Воскресенской летописи и «Летописца начала царства». Эта редакция с самого начала обращалась в церковных кругах. В начале 60-х гг. XVI в. рукопись использовали при составлении «Степенной книги», а в 70-х гг. XVI в. список был положен в основу обширного патриаршего свода, известного по двум беловым копиям.

Еще раз теми же источниками был дополнен оригинал митрополичьей летописи. Позднее к нему были присоединены события за 1556—1558 гг. Так возникла вторая редакция Никоновской летописи, сохранившаяся в так называемом списке Оболенского.

К числу значительных московских официальных летописных произведений XVI в. относится *Воскресенская летопись*, названная так по списку, который был пожалован патриархом Никоном Воскресенскому Новоиерусалимскому монастырю. Летопись сохранилась в 13 списках середины XVI—начала XIX в., но среди них нет ни одного списка, который бы содержал весь текст летописи.

Воскресенская летопись имела несколько редакций. Текст первоначальной редакции доходил до конца августа 1533 г., а работа

над ним была начата до декабря 1533 г. Дошедший до нашего времени текст Воскресенской летописи представляет собой третью редакцию, доведенную до 1541 г. Время создания третьей редакции довольно точно определяется по включенным в нее списку русских митрополитов, в котором последним назван митрополит Макарий, ставший им 19 марта 1542 г., и списку литовских князей, где рядом с именем Сигизмунда I указано, что это «нынешний» король (он был им до 8 октября 1544 г.). Следовательно, третья редакция Воскресенской летописи возникла между 19 марта 1542 г. и 8 октября 1544 г.

Летописная основа текста Воскресенской летописи не может быть возведена как ни к одному из восстановленных предшествующих ей сводов, так и ни к одной из современных ей летописей. Возможно, автором были использованы два основных летописных источника, не сохранившихся в непереработанном виде: Московский свод 1526 г. и Ростовский свод 1489 г. Кроме того, летописец обращался к материалам великокняжеского архива. Важным публицистическим источником Воскресенской летописи стало «Сказание о князьях владимирских», в основе которого лежала легенда о происхождении русских великих князей от римского императора Августа. Составитель летописи впервые использовал легенду, существовавшую в письменном варианте, как официальную версию.

Воскресенская летопись оказала значительное влияние на последующее летописание: редакция августа 1533 г. стала источником Львовской летописи XVI в., а редакция 1541 г. использовалась для дополнения текста списка Оболенского Никоновской летописи за 1521—1541 гг. На основе Воскресенской летописи составились некоторые краткие летописцы.

В композиционном оформлении Воскресенской летописи были новшества. Новым разделом текста летописи стал самостоятельный перечень глав с выделением в нем основных тем повествования, например: «Глава 63. В лето 7042 (1534 г.) о преставлении великого князя Василиа Ивановича. И о поимании князя Юриа Ивановича. О звездахъ. Глава 64. Срубленъ бысть градъ Москва. И о побеге князя Семена Белского. И о поимании Глинского. И о приходе литовскихъ воеводъ подъ Стародубъ»¹. События одного года могли объединяться в одной главе или разбиваться на несколько глав. Таким образом, оформлением летописных записей летописец акцентировал внимание на самых важных для него сюжетах, нарушая при этом структурную и содержательную цельность повествования.

«*Летописец начала царства*» — самоназвание сочинения, которое повествует о событиях с 1533 по 1552 г. и завершается описа-

¹ Полное собрание русских летописей... — М., 2001. — Т. 8. — С. 6.

нием праздничных торжеств по случаю победы над Казанским ханством. Таким образом, произведение охватывает время правления Ивана IV и освещает внутреннюю и внешнюю политику, военные действия, городское строительство, дворцовые церемонии этого периода и т.д. Автором начальной редакции летописца считают государственного деятеля середины XVI в. Алексея Федоровича Адашева.

Сюжетная и временная ограниченность «Летописца начала царства» позволяет говорить о том, что данный летописный текст имеет черты нового исторического повествования. Новизна заключается в том, что летопись имеет единственный объект повествования — царствование Ивана IV. Для создания этого сочинения были использованы новые категории источников. Одной из разновидностей источников этой официальной летописи стали делопроизводственные документы, например, память Ивана Грозного Михаилу Темрюковичу Черкасскому, пропускная грамота на проезд до Москвы полоцкого воеводы Станислава Довойны и полоцкого епископа Арсения.

«Летописец начала царства» неоднократно редактировался и дополнялся событиями, произошедшими после 1552 г. Выявлена редакция, доведенная до 1556 г. От первоначальной она отличается тем, что в ней возвеличивается Адашев и усиливается критика в адрес боярства. Впоследствии эта редакция пополнилась статьями за 1556—1558 гг., куда были включены и проекты двух адашевских реформ. Известна редакция, доведшая изложение до 1560 г. Летописные записи последующего времени заносятся в черновые тетради, хранившиеся в царском архиве.

«Летописец начала царства» активно использовался в последующем летописании XVI в. Так, его редакция 1556 г. вошла в состав Патриаршего списка Никоновской летописи. В 1568 г. «Летописец начала царства» в редакции 1560 г. и черновые тетради с записями за 1560—1568 гг. были использованы в Лицевом летописном своде.

Лицевой летописный свод — самое крупное летописно-хронографическое сочинение средневековой Руси XVI в. Свое название произведение получило из-за миниатюр, которых в 10 томах насчитывается более 16 тыс. Сочинение разделяется на две части: первые три тома, названные учеными хронографами, посвящены всемирной истории, а остальные (Голицынский и Лаптевский тома, два тома Древнего летописца, Шумиловский том, Синодальная летопись, Царственная книга) — русской истории, изложение которой начинается с 1114 г. и обрывается на 1567 г. (по видимому, последней датой был 1568 г.).

Лицевой летописный свод создавался по инициативе Ивана Грозного в период с 1568 по 1576 г. в Александровской слободе. Работа над летописью не была завершена. Следы ее незавершенности просматриваются, например, в миниатюрах последнего тома

свода (Царственной книге), которые выполнены лишь в чернильном очерке, но не раскрашены.

Это летописное сочинение отражает новый подход летописцев к историческому материалу. Он заключался в свободной авторской комбинации отдельных фрагментов ранее созданных летописей (Воскресенской летописи, «Степенной книги», «Летописца начала царства»), а также в постоянном обращении к повестям, менявшим характер создаваемой летописи.

Царственная книга содержит редакторскую правку за период 1533—1568 гг.: на полях сделаны добавления к тексту с обличениями боярских заговоров и измен. Наиболее значительным дополнением является приписка, повествующая о боярском «мятеже» 1553 г. и направленная против удельного князя Владимира Андреевича. Копирование отредактированного текста сопровождалось его исправлением по «Летописцу начала царства». Так образовались некоторые повторные листы Лицевого свода.

После создания Лицевого летописного свода официальное летописание было прервано. Возобновлено оно лишь в конце XVI в.

Летописные тексты, возникшие после прекращения официального общерусского летописания, объединяются понятием «позднее летописание». В этих сочинениях более отчетливо обозначились тенденции, которые наметились в летописном деле еще в XVI в. Как правило, летописи XVII в. — это одновременно составленные компилятивные сочинения, для которых погодное изложение событий являлось лишь привычной формой. В них принцип изложения событий по годам последовательно не проводился, поэтому четкая сетка дат иногда отсутствует. В некоторых случаях наблюдаются избирательность в подходе к темам повествования и выделение центральных линий, отмечаются элементы критики используемых автором источников. Для летописцев характерны новые приемы обработки исходного письменного материала.

Основным памятником позднего летописания является «*Новый летописец*». Он возник в 30-е гг. XVII в. в официальных кругах, близких к патриарху Филарету, и обосновывал права Романовых на российский престол.

Сочинение включает в себя оглавление («Сказание главам Нового летописца») и текст (422 главы). «Новый летописец» начинается с описания присоединения Сибири в конце царствования Ивана IV и доводится до 1630 г. В начале повествования (до февраля 1599 г.) используется трафаретная погодная сетка, а далее в Новом летописце хронологической сетки нет. Она появляется вновь в последней части, где рассказывается о царствовании Михаила Федоровича.

«Новый летописец» отражает изменившиеся подходы летописцев к фиксируемым событиям и исходному письменному материалу. Автор часто уходил от свойственной летописи регистрации собы-

тий в хронологической последовательности и группировал их, исходя из их внутренней связи, а также тематического единства повествования. Кроме того, летописец настолько перерабатывал используемые летописные источники, что они становились неузнаваемыми.

Новая природа текста, обусловленная изменением способа передачи информации о фиксируемых событиях, затрудняет решение традиционного для источниковедения вопроса о летописных источниках «Нового летописца». Этот вопрос поставлен давно, но решается он неоднозначно. Текстологический анализ не позволяет установить взаимоотношения «Нового летописца» с современными ему летописными произведениями. Не удастся определить и свод, на основе которого создавался этот текст. На примере анализа «Нового летописца» видно, что реконструкция летописного свода как методический прием изучения истории русского летописания не может быть распространен на сочинения XVI в. и особенно XVII в. В то же время в «Новом летописце» определяются источники делопроизводственного характера из Посольского и Разрядного приказов, рассказы очевидцев. Обнаруживаются текстуальные совпадения с так называемой утвержденной грамотой на царство Михаила Федоровича Романова 1613 г.

В XVII в. «Новый летописец» часто использовался для летописных компиляций нового типа, когда автор заимствовал из своих разнообразных источников фрагменты большего или меньшего объема и на их основе компилировал новое, в том числе и летописное сочинение. При таком механизме создания летописей (или их частей) используемые источники определяются достаточно четко и точно. В XVII в. появлялись летописные компиляции, которые собирались из четко определяемых фрагментов различных сочинений на одну тему. Отрывки «Нового летописца» соединялись с фрагментами сочинений первой половины XVII в. — «Иного сказания» и «Истории Авраамия Палицына», Хронографа, а также с грамотами Лжедмитрия I и его перепиской и т.д.

Летописный свод 1652 г. составлялся между 1652 и 1658 гг. как сочинение официального патриаршего летописания в кругах, близких патриарху Никону. Свое название летопись получила по дате последней статьи, описывавшей перенесение мощей митрополита Филиппа II из Соловецкого монастыря в Москву и избрание патриархом новгородского митрополита Никона.

В Летописном своде 1652 г. признаки трансформации летописного жанра прослеживаются в хронологической неравномерности распределения исторической информации. Желая рассказать о событиях с библейских времен (разделение Ноем земли между сыновьями и расселение по Восточной Европе «правнучей Иафето-

вых») до 1652 г., авторы почти половину сочинения посвятили описанию Смутного времени, рассказ о котором соединен с последней погодной записью несколькими статьями за 30—40-е гг. XVII в.

Из ранее созданных летописных произведений источниками Летописного свода 1652 г. послужили Никоновская и Воскресенская летописи. Свод насыщен разными по жанрам литературными сочинениями. Ряд повестей и сказаний был отредактирован специально для данной летописи. Впервые в летописный текст было введено «Сказание о Словене и Русе», заменившее рассказ о Рюрике. В летописи, созданной в церковных кругах, широко представлены произведения агиографического жанра. Составители летописи обратились к текстам житий святых, восходящим к «Степенной книге» и «Прологу», изданному Московским Печатным двором в 1642—1643 гг.

Подробное повествование о событиях последней четверти XVI—20-х гг. XVII в. основывалось, скорее всего, на каком-то произведении о Смуте, созданном на рубеже 10—20-х гг. XVII в. Позднее его перерабатывали для своих летописных сочинений многие авторы, в том числе «Нового летописца» и «Летописи о многих мятежах».

В последней четверти XVII в. фиксация событий в виде погодных записей продолжалась, но к этому времени летописание утратило государственное значение. Особенностью летописного дела этого периода было расширение социального состава лиц, которые вели погодные записи для себя и близкого окружения, «для памяти». Среди летописцев встречаются представители различных слоев общества: бояре, московские и городовые дворяне, монахи, священники, столичные и провинциальные приказные люди, посадские люди, стрельцы, казаки. Среди них есть и крестьяне. Расширение географии мест, где велись летописные записи, — еще одна примета летописания конца XVII в.

Большинство летописцев конца XVII в. руководствовалось, как правило, не стремлением создать масштабные исторические сочинения, а желанием зафиксировать для себя и своего ближайшего окружения информацию о событиях, которая была им доступна. Их летописные записи могли существовать в самостоятельном виде или присоединяться к ранее созданным крупным летописным сочинениям. В летописных записках, которые иногда велись на протяжении нескольких десятилетий, усиливались элементы автобиографизма, проявлялся собственный взгляд автора на события. Некоторые из этих записок можно рассматривать как прообраз появившихся позднее дневников. К числу таких самостоятельных летописных записей относятся записи 1661—1691 гг. Аверкия — дьячка Благовещенского погоста на реке Ваге. Он фиксировал местные события и общерусские известия.

1.3. Приемы изучения летописей

Современный *сравнительно-текстологический* (историко-текстологический) метод изучения летописей складывался благодаря усилиям многих поколений исследователей — филологов и историков. Он демонстрирует наиболее значительные результаты в выявлении летописных сводов, отражающих отдельные этапы русского летописания XI—XV вв. Основные положения этого метода представлены в трудах Шахматова и Приселкова, а затем развиты их последователями.

Соблюдение принципов сравнительно-текстологического метода требует значительных усилий со стороны исследователя. Этот метод включает следующие основные этапы: 1) отбор для исследования конкретных летописей, сходных по содержанию; 2) изучение отобранных летописей как остатков прошлого, т.е. определение времени их создания, происхождения, состава, назначения; 3) полное сравнение текстов анализируемых летописей; 4) определение степени зависимости изучаемых летописей друг от друга, восстановление их общего протографа — гипотетического летописного свода; 5) установление состава и содержания выявленного гипотетического свода; 6) сравнение реконструированного свода с другими подобными гипотетическими сводами и определение их общего летописного источника, т.е. свода сводов.

Выводы, к которым приходит историк на разных этапах исследования, имеют различную степень вероятности: если текстологическое сравнение летописных текстов позволяет выдвигать гипотезы, то сравнение сводов в большинстве случаев — только догадки.

Проиллюстрируем некоторые методические приемы, к которым обращался Шахматов, выделяя «Повесть временных лет» в составе сохранившихся летописей и определяя ее редакции.

Из всех известных к рубежу XIX—XX вв. летописей для анализа ученый отобрал те, которые сходны в своей начальной части. Их сходство между собой было установлено еще в XIX в. предшественниками Шахматова. Главными сочинениями, привлекавшимися к текстологическому сравнению, стали Лаврентьевская и Ипатьевская летописи.

Текстологическое сравнение Ипатьевской и Лаврентьевской летописей показало, что в их начальной части содержится одно сочинение, самоназвание которого присутствует в начале обоих текстов. Это «Повесть временных лет», причем в Хлебниковской летописи было указано имя автора сочинения: монах Киево-Печерского монастыря Нестор. В то же время конец «Повести временных лет» в результате сопоставления летописей не определялся однозначно. В обоих текстах на основе хронологической вы-

кладки летописца в первой погодной записи вычисляется дата 1113 г. Но в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях их общий текст продолжается только до 1110 г. Погодная запись 1110 г. в Лаврентьевской летописи обрывается незавершенной фразой. Сразу после нее читается приписка игумена Выдубицкого монастыря Сильвестра, свидетельствующая о его летописной работе: «Игумень Силивестръ святого Михаила написах книги си Летописец, надеяся от Бога милость прияти, при князи Володимере, княжащю ему Кыеве, а мне в то время игуменящю у святого Михаила в 6624 (1116 г.), индикта 9 лета; а иже чтьть книги сия, то буди ми въ молитвахъ»¹. В Ипатьевской летописи погодная запись 1110 г. приведена в полном объеме, в тексте отсутствует приписка Сильвестра и без видимых перерывов текст продолжается далее.

Два летописца — Нестор и Сильвестр — почти одновременно работали над летописным текстом. В связи с этим возникает вопрос: кто же был автором «Повести временных лет»? В историографии признается участие обоих летописцев в работе над этой летописью, однако роль каждого из них в создании произведения была различной. Нестор признавался Шахматовым и признается большинством исследователей автором «Повести временных лет», а Сильвестр — ее позднейшим редактором. Первоначальный текст Нестора, условно называемый первой редакцией «Повести временных лет», не сохранился. В Лаврентьевской же летописи представлена вторая редакция, отражающая обработку текста Сильвестром. Задача Сильвестра, по мнению Шахматова, состояла в том, чтобы включить в ранее созданный текст положительную оценку деятельности Владимира Мономаха, занявшего киевский престол после смерти Святополка. Следы этой правки просматриваются в изложении событий с 1093 по 1110 г., когда Святополк сидел на киевском престоле. Почти во всех случаях упоминания Святополка и Владимира в Лаврентьевской летописи подчеркивается недальновидность первого князя и мудрость второго (например, статьи за 1093, 1096 гг.). Очень незначителен объем записей, в которых повествование о Святополке, возможно, не подверглось переработке (рассказ в статье 1107 г. о сражении русского войска с половцами под Лубнами и приходе Святополка после победы в Киево-Печерский монастырь).

Шахматов выдвинул гипотезу о существовании еще одной редакции «Повести временных лет», отразившейся в Ипатьевской летописи. Появление новой редакции было связано с летописной деятельностью, возможно, киевлянина (имя его неизвестно), находившегося при дворе сына Владимира Мономаха — новгородского князя Мстислава. Это последняя обработка текста «Повести временных лет» во второй сильвестровой редакции. Третью редак-

¹ Повесть временных лет... — С. 121.

цию Шахматов датировал, проанализировав две погодные записи — 1114 г., читаемую в Ипатьевской летописи, и 1096 г. Первая погодная запись повествует о различных событиях. Большой объем текста отведен рассказу о посещении летописцем Ладоги. При анализе этого рассказа выявляются некоторые индивидуальные черты работы летописца, его стиль. Во-первых, летописец повествовал от первого лица; во-вторых, он проявлял интерес к северным преданиям; в-третьих, он аргументировал свои рассказы цитатами из переводной литературы. В запись 1114 г. безымянный летописец внес рассказ ладожан о спадающих с неба предметах и существах. В подтверждение их слов он дал отсылку на Хронограф, в котором рассказано о различных предметах, падавших с неба.

Аналогичные манера летописца, тема и структура текста были обнаружены Шахматовым во фрагменте записи 1096 г. со слов «Се же хощу сказати, яже слышах прежде сих 4 лет...» до слов «... и си сквернии языки, иже суть в горах полунощных, по повеленью Божию»¹. Если признать, что эти записи принадлежали одному автору, следует выяснить, когда мог работать летописец, в очередной раз перерабатывавший «Повесть временных лет».

По мнению Шахматова, в погодную запись 1094 г. «Повести временных лет» указанный фрагмент был внесен в 1118 г., поскольку в 1114 г. летописец был в Ладоге, где познакомился с северными легендами, которые затем нашли место на страницах летописи. Спустя четыре года, создавая свою обработку «Повести временных лет», он дополнил текст предшественника новой информацией.

Интерес анонимного летописца к легендам, возникшим в пределах Новгородской земли, отразился и в погодной записи 862 (867) г., в которой помещена легенда о призвании варягов. При сравнении легенды по Лаврентьевской и Ипатьевской летописям выявляется различие в трактовке географического расселения призванных варягов:

Лаврентьевская летопись

«...И избрашася 3 братья с роды своими, пояша по собе всю Русь, и придоша; *старейший, Рюрикъ, седе Новегороде* (выделено Т.К.), а другой, Синеусъ, на Белеозере, а третий Изборъсте, Труворъ»².

Ипатьевская летопись

«...И избрашася трие брата с роды своими и пояша по собе всю Русь, и придоша къ Словенюмъ первее и срубиша город Ладогу и седе *старейшии в Ладозе Рюрикъ* (выделено Т.К.), а другии Сине(о)усъ на Белеозере, а третей Труворъ въ Изборъске»³.

¹ Повесть временных лет... — С. 107—108.

² Там же. — С. 13.

³ Полное собрание русских летописей... — Т. 2. — Стб. 14.

Неслучайно именно в Ипатьевской летописи сказано, что Рюрик сел не в Новгороде, а в Ладоге. Замена названия города связана скорее всего с переработкой ранней редакции текста «Повести временных лет» человеком, который слышал еще одну версию легенды.

О том, что третья редакция «Повести временных лет» составлялась для новгородского князя Мстислава Владимировича, говорит известие о его рождении в 1076 г., отсутствующее во второй редакции, а также внимание анонимного редактора к деятельности князя на протяжении 1111—1118 гг. Шахматов определил конец текста третьей редакции 1118 г. Годом ранее Мстислав Владимирович был переведен отцом из Новгорода в Переяславль Южный, где, возможно, началась работа анонимного летописца над очередным изменением текста «Повести временных лет». Таким образом, окончание текста третьей редакции, по мнению Шахматова, — 1118 г.

Итак, в результате текстологического сравнения ряда сохранившихся летописей был выявлен один из нескольких киевских сводов XI—начала XII вв. Дальнейшее сопоставление погодных статей Лаврентьевской и Ипатьевской (и сходных с ними) летописей выявило расхождения в изложении некоторых событий.

Объяснение разночтений Шахматов искал не в работе позднейших копиистов, как это делали его предшественники, а в политических интересах тех людей, которые осознанно перерабатывали ранее созданное летописное сочинение. Таким образом Шахматовым были определены редакции летописного свода начала XII в.

Сегодня историки основываются на результатах исследования «Повести временных лет», проведенного Шахматовым, и вносят в его схему лишь уточнения, связанные с появлением новых данных о конкретно-историческом фоне, на котором зарождалось и делало первые шаги русское летописание.

Источники

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. — М.; Л., 1950.

Повесть временных лет. — СПб., 1996.

Полное собрание русских летописей: в 42 т. — СПб.; М.; Л.; СПб., 1846—2002.

Приселков М.Д. Троицкая летопись: реконструкция текста. — М.; Л., 1950.

Псковские летописи. — М., 1941—1955. — Вып. 1—2.

Радзивилловская летопись. Текст. Исследование. Описание миниатюр: в 2 кн. — СПб.; М., 1994.

Литература и справочные издания

- Алешковский М. Х.* О типологии текстов «Повести временных лет» // Источниковедение отечественной истории. 1975: сб. ст. — М., 1976.
- Амосов А. А.* Лицевой летописный свод Ивана Грозного: комплексное кодикологическое исследование. — М., 1998.
- Бобров А. Г.* Новгородские летописи XV в. — СПб., 2001.
- Богданов А. П.* Типологические признаки и группы в русском летописании конца XVII в. // Методы изучения источников по истории русской общественной мысли периода феодализма. — М., 1989.
- Буганов В. И.* Отечественная историография русского летописания (обзор советской литературы). — М., 1975.
- Вовина-Лебедева В. Г.* Новый летописец. История текста. — СПб., 2004.
- Гиппиус А. А.* К истории сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. — СПб., 1997. — Вып. 6(16).
- Данилевский И. Н.* Повесть временных лет: герменевтические основы изучения летописных текстов. — М., 2004.
- Дворецкая Н. А.* Сибирский летописный свод (вторая половина XVII в.). — Новосибирск, 1984.
- Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII вв. — М., 1980.
- Кузьмин А. Г.* Русские летописи как источник по истории Древней Руси. — Рязань, 1969.
- Кто был автором «Повести временных лет»? // *Милов Л. В., Бородин Л. И., Иванова Т. В.* и др. От Нестора до Фонвизина: новые методы определения авторства / под ред. Л. В. Милова. — М., 1994.
- Лаврентьев А. В.* Списки и редакции Летописного свода 1652 г. // Источниковедческие исследования по истории феодальной России: сб. ст. — М., 1981.
- Левина С. А.* Воскресенская летопись XVI в. (ее редакции, источники и значение) // Труды Московского государственного историко-архивного института. — М., 1957. — Т. 10.
- Лихачев Д. С.* «Софийский временник» и новгородский политический переворот 1136 г. // *Лихачев Д. С.* Исследования по древнерусской литературе. — Л., 1986.
- Лихачев Д. С.* (при участии *Алексеева А. А.* и *Боброва А. Г.*). Текстология (на материале русской литературы X—XVII вв.). — СПб., 2001.
- Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV—XV вв. — Л., 1976.
- Лурье Я. С.* Схема истории летописания А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова и задачи дальнейшего исследования летописей // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом). — Л., 1990. — Т. 44.
- Морозов В. В.* Лицевой свод в контексте отечественного летописания. — М., 2005.
- Насонов А. Н.* История русского летописания X—начала XVIII в. — М., 1969.
- Приселков М. Д.* История русского летописания XI—XV вв. — СПб., 1996.

Рыбаков Б. А. «Остромирова летопись» // *Рыбаков Б. А.* Из истории культуры Древней Руси: исследования и заметки. — М., 1984.

Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». — М., 1972.

Словарь книжников и книжности Древней Руси. — Вып. 1 (XI—первая половина XIV в.). — Л., 1987; Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI в.). — Ч. 1—2. — Л., 1988—1989; Вып. 3 (XVII в.). — Ч. 1—4. — СПб., 1993—2004.

Солодкин Я. Г. История позднего русского летописания. — М., 1997.

Творогов О. В. Древнерусские хронографы. — Л., 1975.

Тихомиров М. Н. Начало русской историографии // *Тихомиров М. Н.* Русское летописание. — М., 1979.

Черепнин Л. В. «Повесть временных лет», ее редакции и предшествующие ей летописные своды // Исторические записки. — М., 1948. — Т. 25.

Черепнин Л. В. Спорные вопросы изучения начальной летописи в 50—70-х гг. // История СССР. — 1972. — № 4.

Шахматов А. А. Разыскания о древних русских летописных сводах. — М.; Жуковский, 2001.

Шахматов А. А. «Повесть временных лет» и ее источники // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом). — Л., 1940. — Т. 4.

Глава 2

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ

2.1. Общая характеристика

Закон предназначен для регулирования наиболее важных общественных отношений. Он наделяет правами и обязанностями субъектов, к числу которых относятся индивид, светские или духовные сообщества, сословие или другие социальные категории населения. Закон имеет обязательную силу, в случае его нарушения предусматривается то или иное наказание.

Правила, которые регулировали поведение людей и их отношение друг к другу, начали формироваться еще на стадии первобытно-общинного общества — в тот период, когда человечество не знало письменности. Правила поведения, сложившиеся в те далекие времена на основе обычая, принято называть *обычным правом*. В позднепервобытном обществе нормы обычного права охватывали и отношения собственности (имущественные отношения внутри семьи и между семьями — обмен, пользование, распоряжение и владение движимым и недвижимым имуществом, землепользование и землевладение, наследование), и семейно-брачные отношения. По обычному праву осуществлялись наказания за убийство, нанесение телесных повреждений.

Следы славянской правовой терминологии, относящейся к обычному праву, исследователи находят в письменных исторических источниках. Например, в «Повести временных лет» в легенде о призвании варягов такой терминологический пласт просматривается в следующих словах и словосочетаниях: «правда», «володеть и судить по праву», «владеть и рядить по праву», «наряд», «володеть и рядить по ряду, по праву», «княжить и володеть» (погодная запись 862 г.). Нормы обычного права исследователи находят в договорах Руси с Византией, где упоминается «Закон русский», в котором ряд исследователей усматривают сборник норм обычного права.

В условиях классового общества обычное право постепенно вытеснялось законом, представляющим собой продукт деятельности государственной власти. На первых порах обычаев, сложившийся в первобытно-общинном обществе, в классовом обществе санкционировался государственной властью. Постепенно писанный закон как атрибут государства стал доминирующим. Но обычное право не исчезло полностью — оно заняло место правового регулятора в русской крестьянской общине и исполняло эту функцию до середины XIX в.

Развитие российского законодательства было тесным образом связано с развитием формы феодального государства: раннефеодальной монархией, сословно-представительной монархией, абсолютизмом. По мере развития государства происходило увеличение категорий субъектов, попавших в поле деятельности законодателя, и усложнялась деятельность законодателя, принимавшего законы вместе со специальными органами, наделенными совещательными или законодательными функциями. Постепенно нарастала потребность охватить законодательством все более или менее значимые, с точки зрения государства, сферы общественной и государственной жизни.

Древнерусское законодательство носило прецедентный характер, когда источником закона являлось решение суда или иного органа государственной власти, принимавшееся за образец при рассмотрении сходных вопросов. Такой тип законодательства называют также казуистическим. Уже первый письменный закон — Русская Правда — содержит указание на конкретный прецедент, решение по которому стало основанием для закона: «А конюх старьи у стада 80 гривен, яко уставил Изяслав в своем конюсе, его ж(е) убиле Дорогобудьци»¹.

Структура изложения нормы в древнерусских законодательных источниках отличалась устойчивостью, что находит отражение во многих законах Киевской Руси, Русского государства периода феодальной раздробленности, Русского централизованного государства. На форму фиксации закона, возможно, влияли архаичные формулы сохранения в памяти установлений, выработанные еще в дописьменный период, когда была необходима особая точность их устного воспроизведения. В условиях государства письменное оформление законодательных норм опиралось, таким образом, на давнюю традицию.

Для древнерусских законодательных материалов характерна следующая устойчивая конструкция: начальная часть состоит из круга слов местоименного характера («аще», «а иже», «а которому» и др.) и соотнесенного с ним опорного слова также местоименного характера («такой», «тот», «то», «так(о)», «ино» и др.): «*Аще* (выделено *Т. К.*) утнеть мечем, а не вынем его, любо рукоятью, *то* 12 гривне за обиду»² (Краткая Правда); «*А иже* изломить копье, любо щит, любо порт, а начнет хотети его дерьжати у себе, *то* приати скота у него; *а иже* есть изломил, *аще* ли начнет приметати, *то* скотом ему заплатити, колько дал будеть на немь»³ (там же); «*А которому* посаднику сести на посадниство, *ино* тому...»⁴ (Псковская судная грамота); «*А котораго* татя поймают

¹ Российское законодательство X—XX вв.: в 9 т. — М., 1984. — Т. 1. — С. 48. — Ст. 23.

² Там же. — С. 47. — Ст. 4.

³ Там же. — С. 48. — Ст. 18.

⁴ Там же. — С. 332. — Ст. 3.

с такою татбою..., *ино* его казнити...»¹ (Судебник 1497 г.); «*А кото-
рые* помещики всяких чинов похотят межь себя поместыя своими
меняться, *и им...* бити челом государю...»² (Соборное уложение
1649) и др.

Основная тенденция развития российского законодательства состояла в движении от частного к общему, от решения конкретных вопросов к обобщениям в государственном масштабе. Явственно результаты этой тенденции проявятся в конце XVII — XVIII вв., когда принятие и оформление законов будут осуществляться в иных условиях государственной и социально-экономической жизни.

Время от времени на базе накопленных нормативных правовых актов по распоряжению верховной власти могли составляться новые единые законодательные тексты. Из решений, ранее принятых по отдельным казусам, отбирались те, которые наиболее соответствовали текущему моменту, и оформлялись в виде кодекса или свода. *Кодекс* — это единый законодательный акт, в котором объединены и систематизированы нормы права, регулирующие определенную область общественных отношений (например, кодекс уголовного права). *Свод законов* — это официальное систематизированное полное собрание действующих нормативных актов. Принцип систематизации законов в своде может быть хронологическим или тематическим.

2.2. Эволюция законодательных источников

2.2.1. Законодательные источники Киевской Руси (XI — начало XII в.)

Первым письменным сборником законов раннефеодальной монархии является Русская Правда. Термин «правда», широко встречающийся в древнерусских письменных источниках, означал правовые нормы, на основании которых вершился суд. Отсюда родились такие выражения, как «судить в правду», «судить право», т. е. судить в соответствии с судебно-процессуальными нормами своего времени. Неслучайно от слова «правда» происходит современное понятие «право», обозначающее совокупность законов и постановлений государства, относящихся к какой-либо стороне устройства, жизни и деятельности общества.

Источниками кодификации в Русской Правде были нормы обычного права и княжеская судебная практика. Этот первый пись-

¹ Российское законодательство X—XX вв. ... — Т. 2. — С. 55. — Ст. 10.

² Соборное уложение 1649 года. — Л., 1987. — С. 74. — Гл. XVI. — Ст. 2.

менный закон представлен в настоящее время многими списками, которые на основе различных чтений разделяются на несколько групп, соответствующих его редакциям.

Самая ранняя редакция получила название Краткая Правда. Ее текст дошел до нашего времени в двух списках Новгородской первой летописи младшего извода — Академическом и Археографическом. В летописи под датой 1016 (6524) г. сказано о том, что князь Ярослав Мудрый пожаловал новгородцам «правду, и уставъ списавъ, тако рекши имъ: “по се грамоте ходите, якоже списахъ вамъ, такоже держите”, после этих слов помещен текст Русской Правды: «А се есть правда рускаа. Убить мужь мужа...»¹. Хотя текст Краткой Правды помещен в летописи под датой 1016 г., отнести его возникновение к этому году нельзя. Отдельные статьи этого документа возникли очень рано, еще в период разложения родового строя, другие — после 1016 г. По мнению ученых, в состав Краткой Правды входят 43 статьи, которые оформлялись постепенно. В разное время в единый текст были включены четыре самостоятельные части: «Правда Ярослава», или «Древнейшая Правда» (ст. 1—18), «Правда Ярославичей» (ст. 19—26), «Покон (устав. — Т. К.) вирный» (ст. 42), «Урок мостникам» (ст. 43).

«Древнейшая Правда» содержит и архаичные нормы права, которые в XI—XII вв. отмирали или трансформировались, превращаясь в нормы классового общества, и нормы, возникшие только в новых исторических условиях. Временем появления самой древней части краткой редакции Русской Правды многие ученые считают 1016 г.

После смерти князя Ярослава Владимировича (скончался в 1054 г.) «Древнейшая Правда» была дополнена новыми статьями. Этот текст, получивший название «Правда Ярославичей», и был составлен, по мнению большинства исследователей, в 70-х гг. XI в. На протяжении последней четверти XI в. она продолжала пополняться новыми статьями (ст. 27—41).

«Покон вирный» является третьей составной частью краткой редакции Русской Правды. Он определял порядок кормления вирника — княжеского слуги, собиравшего виру (вира — денежный штраф в пользу князя за убийство свободного человека). «Покон» как самостоятельный закон датируется в науке по-разному: С. В. Юшков (1888—1952), А. А. Зимин (1920—1980) и Л. В. Черепнин относили появление текста ко времени княжения Ярослава Владимировича, т. е. до 1054 г., а М. Н. Тихомиров — после смерти этого князя.

«Урок (правило, плата, налог, судебная пошлина. — Т. К.) мостникам» также касается порядка выплат княжеским слугам.

¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. — М.; Л., 1950. — С. 175—176.

В науке обсуждаются вопросы о месте и времени создания этой статьи. Юшков называет «Урок мостникам» новгородским памятником, а Тихомиров — киевским. Большинство исследователей связывает время появления «Урока» и «Покона вирникам» с правлением Ярослава Владимировича и датирует их 20-ми или 30-ми гг. XI в.

Поскольку краткая редакция Русской Правды состоит из разновременных частей, возникают вопросы о том, когда и почему их объединили в единый текст. Ученые считают, что Краткая Правда представляет собой сознательную переработку самостоятельных частей, но время и место этой переработки исследователи определяют по-разному. Существует мнение о том, что краткая редакция Русской Правды возникла в Киеве в последней четверти XI в. Его разделяли Приселков и Юшков. Тихомиров датировал краткую редакцию этого документа первой третью XII в. и считал новгородской по происхождению. Черепнин уточнил обстоятельства, при которых была составлена Краткая Правда. По его мнению, эта редакция возникла в условиях острой классовой и политической борьбы в Новгороде в 30-х гг. XII в. Эту же точку зрения разделял Зимин.

Кроме краткой существует пространная редакция Русской Правды, которая представлена более чем в 100 списках. Широкое распространение списков этой редакции объясняется восстановлением законодательных документов, потерявших силу в первый период татаро-монгольского ига на Руси. Возникновение этой редакции свидетельствовало о переработке Русской Правды в XIV и XV вв., в соответствии с изменениями в социально-политической и экономической жизни общества.

Списки пространной редакции имеют заглавие, во всех вариантах которого упоминается имя Ярослава Владимировича: «Суд Ярославль Володимерич. Правда русьская»; «Суд Ярослава князя. Устав о всяких пошлинах и уроцех»; «Суд Ярославль Володимерич о душегубстве» и т. д. Следующую за этим заглавием ст. 1 о кровной мести связывают с нормами, принятыми этим князем и отраженными в «Правде Ярослава». Помимо имени этого законодателя, в ст. 2 упоминаются его дети: «По Ярославе же паки совкупшеся сынове его: Изяслав, Святослав, Всеволод и мужи их: Коснячко, Перенег, Никифор и отложиша убиение за голову, но кунами ся выкупати; а ино все, яко же Ярослав судил, такоже и сынове его уставиша»¹. Заглавие и обе статьи показывают, что пространная редакция использовала в качестве источника краткую редакцию Русской Правды.

Пространная редакция Русской Правды содержит 121 статью с дополнительными статьями. По мнению ученых, этот законода-

¹ Российское законодательство X—XX вв. ... — Т. 1. — С. 64.

тельный текст возник в результате единовременной переработки многих источников. Одним из них, как было указано, стала краткая редакция Русской Правды, а точнее — «Правда Ярославичей». В ряде статей пространной редакции ученые видят следы княжеского законодательства Святополка Изяславича, сидевшего на киевском столе с 1093 до 1113 г.

Еще одним источником пространной редакции Русской Правды был Устав киевского князя Владимира Мономаха. Об этом княжеском законе говорит ст. 53 Пространной Правды: «Устав Володимерь Всеволодича. Володимер Всеволодичъ по Святополце созва дружину свою на Берестовеми: Ратибора киевского тысячьского, Прокопью белгородьского тысячьского, Станислава переяславьского тысячьского, Нажира, Мирослава, Иванка Чюдиновича Олгова мужа и уставили до третьяго реза, оже емлетъ в треть куны (куна — денежная единица. — Т. К.); аже кто возьметъ два реза, то ему взяти исто (т. е. деньги, данные займы. — Т. К.); паки ли возьметъ три резы, то иста ему не взяти»¹. Данный устав определял размеры процентов (рез), взимавшихся по долгосрочным займам. Статья интересна описанием того, как проходило принятие закона. Среди лиц, участвовавших в совещании в Берестове, были высшие городские чиновники. Время возникновения Устава определяется 1113 г., когда Киев и его сельская округа были охвачены восстанием против тысяцкого, сотских и ростовщиков.

Сопоставление статей обеих редакций Русской Правды показывает расширение сферы действия нового кодекса в соответствии с изменившимися условиями. Появляются новые субъекты права: например, если в краткой редакции субъектами законодательства выступали княжеские слуги, то в пространной редакции есть статьи, защищающие не только княжеских, но и боярских слуг.

Иногда называют еще один источник Пространной Правды — протограф Сокращенной Правды.

Ученые по-разному решают вопрос о времени возникновения пространной редакции Русской Правды. Зимин полагал, что весь текст этой редакции сложился при Владимире Мономахе, княжившем в Киеве с 1113 по 1125 г. Юшков считал, что Пространная Правда была создана в 1113 г. Почти на сто лет позднее отодвигали создание пространной редакции Русской Правды Тихомиров и Черепнин. Они связывали окончательное оформление этого документа с волнениями, произошедшими в Новгороде в 1209 г. (по уточненным В. Л. Яниным данным — в 1207 г.).

Третья редакция Русской Правды получила название Сокращенная Правда. Она дошла до нас в двух списках XVII в., кото-

¹ Российское законодательство X—XX вв. ... — Т. 1. — С. 67—68.

рые еще плохо изучены. Ряд исследователей считает ее памятником позднего происхождения, появившемся в результате сокращения Пространной Правды. Тихомиров, однако, возводил текст Сокращенной Правды к протографу, возникшему во второй половине XII в. и использованному при создании Пространной Правды.

Как уже указывалось, княжеское законодательство являлось одним из источников сборника законов, каким была Русская Правда. Княжеское законодательство X—XV вв. оформлялось в виде уставных грамот, уставов.

Княжеская *уставная грамота* отражала прецедентный характер древнерусского законодательства. Она возникала в связи с конкретным случаем на определенной территории и в определенное время. Например, в уставной грамоте определялись повинности феодально-зависимого населения или закреплялись экономические и судебные интересы светской и церковной властей. Таким образом, уставные грамоты приближались к документам договорного характера.

Устав — источник более сложного состава и происхождения, чем грамота. В его основе могли лежать одна или несколько уставных грамот.

Особую группу составляют княжеские уставы, касавшиеся взаимоотношений светской и церковной властей и отражавшие земельные, финансовые и иные интересы государства и церкви. Они стали выдаваться церкви в связи с учреждением в Киевской Руси епископских кафедр. Самым ранним подобным документом считается Устав киевского князя Владимира Святославича о десятинах, судах и людях церковных, созданный, по-видимому, в начале XI в. Устав определял место церковной организации в государстве: источники ее материального обеспечения, сферы юрисдикции.

В течение XI—XII вв. по мере укрепления церкви и увеличения числа ее институтов изменялось и содержание Устава. Некоторые положения Устава о десятинах, судах и людях церковных были развиты в Уставе киевского князя Ярослава Владимировича о церковных судах. Он был создан в период между 1051 и 1054 гг. Новый устав трактовал последствия нарушения норм церковного права в области семейных отношений.

Тексты уставных грамот, послуживших источниками обоих уставов, до настоящего времени не дошли.

В целом уставы обобщали нормы отношений светской власти, церкви и населения, действовавшие длительное время на различных территориях.

В уставах было меньше указаний на конкретные место и время их создания, чем в уставных грамотах, но они отличались широкой содержания.

2.2.2. Законодательные источники периода феодальной раздробленности (30-е гг. XI — конец XV в.)

В период феодальной раздробленности законодательство продолжало развиваться в форме уставных грамот и уставов, которые теперь выдавались местными князьями. Такую уставную грамоту, например, смоленский князь Ростислав Мстиславович дал церкви Богородицы, при которой была создана епископская кафедра. Эту грамоту принято датировать 1136 г., когда в Смоленске была учреждена епископская кафедра. Однако в последние годы возникла гипотеза о более сложном составе грамоты. Янин считает, что ее текст, дошедший до нас в единственном списке первой половины XVI в., объединяет два документа, полученные смоленской соборной церковью и епископской кафедрой в разное время: уставную грамоту на десятину, датирующуюся в пределах от 1139 до 1149 г., и уставную грамоту 1150 г. на безусловную собственность (статьи о «прощениках», изгоях, селах и т. д.). Новая реконструкция позволяет сделать вывод, что в XII в. в Смоленском княжестве складывалось свое законодательство, регламентировавшее взаимоотношения местных светской и церковной властей.

Сохранились уставные грамоты и уставы XIII в., отражавшие административную деятельность государственной власти в некоторых землях Руси. Среди них уставная грамота волынского князя Мстислава Даниловича (около 1289 г.), назначавшая размеры и формы феодальных повинностей с «берестьян» и горожан в пользу княжеской администрации. Она сохранилась в составе Ипатьевской летописи. Важным свидетельством существования у новгородской купеческой корпорации устава является «рукописание» князя Всеволода XIII в. Оно регулировало отношения князя, епископа и города с церковью Иоанна на Петрятином дворе. «Рукописание» создано на основе ряда грамот, среди которых были документы XII в. О порядке надзора за благоустройством новгородских улиц говорится в Уставе князя Ярослава о мостех (60-е гг. XIII в.).

В период феодальной раздробленности на территориях самостоятельных государственных образований возникали свои законодательные нормы, которые отвечали новой реальности. Эти нормы отражались в кодифицированных законах. Свои своды законов имели Новгород и Псков.

Наиболее полным из дошедших законодательных памятников периода феодальной раздробленности является Псковская судная грамота. Свод законов Псковской феодальной республики сохранился в двух списках XVI в. Первый, так называемый Воронцовский, список содержит ст. 1 — 120. Второй список — Синодальный — представляет собой фрагмент документа со ст. 109 — 120.

В Воронцовском списке имеется заглавие грамоты, которое позволило ученым поставить и решить (с разной степенью убедительности) ряд источниковедческих вопросов, связанных с историей Псковской судной грамоты и датировкой окончательного текста и его более ранних пластов, отразившихся в дошедшем до нас полном списке.

В заглавии кратко представлена история создания законодательного акта и названы источники, которые были использованы законодателями: «Ся грамота выписана из великаго князя Александровы грамоты и из княж Костянтиновы грамоты и изо всех приписков псковьских пошлин по благословению отец своих попов всех 5 съборов, и священноиноков, и дияконов, и священников и всего Божиа священства всем Псковом на вечи, в лето 6905-е»¹. Однако указанная здесь дата принятия Псковской судной грамоты (1396/1397 г.) не соответствует дате возведения в Пскове пятого собора. Он был построен в 1462 г. Хронологическое несоответствие объясняется тем, что каждая из названных дат отражает конкретный этап формирования законодательного источника.

Все вехи в истории грамоты восстановить невозможно, но один этап, связанный с переработкой текста, выявляется из упоминания в заглавии «княж Костянтиновы грамоты». Князь Константин Дмитриевич Белозерский княжил в Пскове дважды: в 1407 и 1414 г. Нумизматическая терминология, зафиксированная в ст. 107, с одной стороны, подтверждает возможность включения норм грамоты Константина в Псковскую судную грамоту, а с другой — помогает достаточно точно датировать время составления самой статьи. В ст. 107 упомянуты пенязи: «А кто коли заклад положит в пенезех, что любо, а по том времяне имет пенязи отдавати, а своего заклада просит, и он запрется его закладу, а молвит так: тебе есми пенязи не давал...»². Пенязи — денежная единица, которая существовала в Пскове (по данным летописей) с 1409 по 1424 г. Сохранение этого термина в тексте, который редактировался позднее, свидетельствует о том, что в ходе последней переделки свода полного редактирования не производилось. Последняя, третья, переработка текста грамоты была осуществлена, как полагает большинство ученых, между 1462 и 1471 г. Именно редакционную работу 60—70-х гг. XV в. сохранил дошедший до нас текст Псковской судной грамоты.

Происхождение Псковской судной грамоты отражается и в ее композиции, которая подтверждает, что грамота не была единовременно созданным законом, она постоянно дополнялась новыми статьями.

¹ Российское законодательство X—XX вв. ... — Т. 1. — С. 331.

² Там же. — С. 341.

К числу слабо изученных относится вопрос об источниках Псковской судной грамоты. Некоторые «глухие» отсылки на нее есть в заглавии: Александрова грамота, Константинова грамота и псковские пошлыны (т.е. местные традиционные налоги).

Самостоятельное псковское законодательство стало складываться в середине XIII в., начало ему положила грамота великого князя Александра Невского, упоминаемая в послании митрополита Киприана от 12 мая 1395 г. в Псков. В дальнейшем законодательство неоднократно дополнялось и редактировалось.

После Русской Правды Псковская судная грамота — наиболее полный сборник русского права. В этом заключается ее ценность. Кроме того, эта грамота раскрывает специфику общественного устройства вечевых городов-земли периода феодальной раздробленности.

2.2.3. Законодательные источники Русского централизованного государства (конец XV — XVII в.)

Начало формирования правовых основ Русского централизованного государства положила Белозерская уставная грамота наместничьего правления, которая датируется 1488 г. — годом окончательного присоединения Белозерского княжества к Московскому государству. Она открывает новую эпоху в истории русского законодательства. Уставные грамоты в этот период юридически оформляли вхождение какого-либо княжества или какой-либо земли в состав Московского государства и распространяли на эту территорию власть московского князя. Для управления присоединенной территорией московские великие князья назначали наместника и волостелей, которым в качестве основного документа, определявшего их судебные и административные полномочия, вручалась уставная грамота.

Наиболее древней подобной грамотой, дошедшей до нас, является Двинская уставная грамота 1397 или 1398 г. Появилась она в тот период, когда на короткое время Двинская земля, принадлежавшая ранее Новгороду, вошла в состав княжества Великого Московского. Двинская уставная грамота — результат законодательной деятельности московских великих князей, обобщавших правовые нормы Московского государства. Кроме того, отмечается близость этой грамоты Русской Правде в пространной редакции, а также новгородским и псковским нормативным актам периода феодальной раздробленности.

Белозерская уставная грамота сохранилась в единственном списке. Основное назначение этого законодательного документа состояло не только в регламентации судебно-административной деятельности наместника, определении сословных привилегий горожан, ог-

раничении феодального иммунитета монастырей, но и в уничтожении старых порядков и закреплении главенства московского наместника и его аппарата над местными органами управления.

Логически текст грамоты делится на преамбулу и 23 статьи, которые, в свою очередь, могут быть объединены в нескольких тематических блоках: о наместниках и их людях; об общих правилах торговли и торговых пошлинах; о судебных наказаниях и пошлинах; о защите местного населения от произвола наместничьих людей; о вызове белозерцев на суд в Москву. Источником данного законодательного памятника стала Двинская уставная грамота.

Как было отмечено выше, формирование русского законодательства шло от частного к общему. Именно такой была зависимость Белозерской уставной грамоты от первого общерусского Судебника 1497 г.

Первым крупнейшим законодательным кодексом Русского централизованного государства конца XV в. является *Судебник 1497 г.* Его назначение состояло в том, чтобы унифицировать порядок судебно-административной деятельности на территории всего государства. В первом общерусском Судебнике затрагиваются вопросы судопроизводства по важнейшим делам и распределения судебных пошлин среди представителей центральной и местной администрации, осуществлявших правосудие.

Судебник 1497 г. был обнаружен в 1817 г. Строевым. До настоящего времени известен лишь один его список. Заголовок источника передает самые общие сведения о порядке создания Судебника и его содержании: «Лета 7006-го (1497 г.) месяца септемвриа уложил князь великий Иван Васильевич всея Руси с детми своими и с бояры о суде, како судити бояром и околничим»¹.

Судебник 1497 г. не имеет постатейной разбивки текста, что характерно и для более ранних законодательных памятников. С учетом киноварных заголовков и мелких киноварных инициалов Судебник 1497 г. принято подразделять на 68 статей. Это деление текста, обоснованное М. Ф. Владимирским-Будановым (1838—1916), признано в науке. Однако существуют и иные варианты членения Судебника на статьи. Например, исследование, проведенное Черепнинным, дало ученому основание говорить о 100 статьях.

Исследователи отмечают наличие определенной тематической системы в Судебнике 1497 г. и выделяют статьи, посвященные центральному суду, местному суду, материальному праву. В Судебнике также есть статьи, которые не попадают в указанную систему.

Сопоставление текста Судебника 1497 г. с предшествующими законодательными документами выявило ряд параллелей между ними. Прежде всего просматривается влияние на Судебник Русской Правды. Определенная близость законодательных норм этих источников

¹ Российское законодательство X—XX вв. ... — Т. 2. — С. 54.

обнаруживается в нескольких статьях: о несостоятельном должнике-купце (ст. 55 Судебника 1497 г. и ст. 54 Пространной Правды); о наследовании (ст. 60 Судебника 1497 г. и ст. 91 Пространной Правды); о межах (ст. 62 Судебника 1497 г. и ст. 72 Пространной Правды); о холопах (ст. 66 Судебника 1497 г. и ст. 110 Пространной Правды). Связь Судебника 1497 г. с Пространной редакцией Русской Правды была в основном опосредована законодательными документами периода феодальной раздробленности. К числу памятников, при создании которых обращались к нормам Русской Правды, относятся, к примеру, Псковская судная грамота.

В то же время составители Судебника 1497 г. пользовались новыми статьями уставных грамот наместнического правления (в первую очередь, Двинской и Белозерской), Псковской и Новгородской судных грамот, а также Указом наместником о суде городским 1483—1484 гг., Указом о езде, Указом о недельщиках¹. Источниками были также жалованные грамоты, грамоты отдельных княжеств и т.д.

Более трети статей Судебника 1497 г. обнаруживает следы переработки ранее созданных и известных в науке законодательных памятников и норм обычного права. Статьи, взятые из прежнего законодательства, перерабатывались с учетом изменений политических и социально-экономических условий. Примером такой переработки может служить ст. 8 «О татбе», источником которой считают ст. 10 Белозерской уставной грамоты.

*Белозерская уставная
грамота 1488 г.
(ст. 10)*

«А доведут на кого татьбу, или розбой, или душегубство, и наместники велят на виноватом истцово доправити, а тот разбойник или душегубец наместником в продаже и в казне»².

Судебник 1497 г. (ст. 8)

«А доведуть на кого татбу, или разбой, или душегубство, или ябедничество, или иное какое лихое дело, и будет ведомой лихой, и боярину того велети казнити смертною казнью, а истцево велети доправити изъ его статка, а что ся у статка останеть, ино то боярину и диаку имати себе. А противень и продажа боярину и диаку делити: боярину два алтына, а диаку осмь денег. А не будет у которого лихого статка, чем исцево заплатити, и боярину лихого истцу въ его гибели не выдати, а велети его казнити смертною казнию тиуну великого князя московскому да дворскому»³.

¹ *Недельщик* — должностное лицо, в обязанности которого входили вызов в суд сторон, арест и пытка обвиняемых, передача в суд дел о воровстве, организация судебного поединка, исполнение решения суда.

² Российское законодательство X—XX вв. ... — Т. 2. — С. 194.

³ Там же. — С. 55.

Из сопоставления видно, что Судебник вводил новые составы преступлений. Татьба, разбой и душегубство дополнены «ябедничеством» (ложным доносом) и неопределенным по содержанию «лихим делом». В ст. 8 Судебника подробно рассматривается наказание за любое преступление «ведомого лихого человека». В данном случае предусматривалась смертная казнь даже тогда, когда у «ведомого лихого человека» не было имущества («статка»). Преступники, совершившие преступления иного характера, при невозможности возмещения ими материального убытка отрабатывали повинность в хозяйстве истца.

В Судебнике смертная казнь ставится в зависимость от личности преступника, а не от состава его преступления (состав «лихого дела» не раскрыт). Это свидетельствует о том, что в конце XV в. законодательство развивалось как феодально-сословное.

Те статьи, которые не имеют параллелей с известным сегодня законодательством, могли восходить к недошедшим до нас законодательным актам отдельных земель и княжеств. Существует предположение о том, что среди них могли быть некоторые звенигородские нормы. Однако, возможно, Судебник 1497 г. не был обработкой ранее созданных законодательных документов. Ученые полагают, что статьи, не имеющие параллелей в ранее возникшем законодательстве, могли быть созданы специально для нового кодекса.

То обстоятельство, что ряд статей не использовался на практике, можно объяснить именно их новизной. Судебник 1497 г. был положен в основу Судебника 1550 г., в котором его отдельные положения и принципы получили дальнейшее развитие.

Судебник 1497 г. отражает достаточно развитую систему письменных делопроизводственных источников, связанную, прежде всего, с судебно-следственными делами. В статьях Судебника упоминаются правые грамоты (ст. 15, 17, 19, 22, 23), докладной список (ст. 16, 24), отпускная грамота (ст. 17), грамота беглая (ст. 20), бессудная грамота (ст. 25, 27), срочные грамоты (ст. 26), приставные грамоты (ст. 28), полная грамота (ст. 66) и т.д. Хотя в этом источнике не уделялось особого внимания делопроизводственной документации, он косвенно закреплял сложившуюся к концу XV в. систему документов.

В исторической литературе XIX—XX вв., посвященной Судебнику 1497 г., обсуждалась проблема его авторства, возникшая в связи с записью в Типографской летописи под 1497 г. Согласно этой записи, составителем Судебника являлся боярский сын Владимир Гусев. Сомнения в исправности летописной записи были высказаны только в середине XX в. Лурье предположил ее неполноту, и слова «Володимера Гусева писати» связывал не с Судебником, а с известием о заговоре 1497 г., участником которого был этот человек. О механическом соединении в летописной записи выдержек из разных источников писал Черепнин.

Правильность рассуждений о неточности информации погодной записи 1497 г. в Типографской летописи и о невозможности участия Владимира Гусева в составлении Судебника подтверждает текст летописца, обнаруженного А. Н. Насоновым (1898—1965). В этом сочинении встречается упоминание о составлении Судебника (в погодной записи 7005 г.), но Владимир Гусев не назван составителем Судебника. Сравним тексты этих источников:

Типографская летопись

«В лето 7006 (1498 г.), фев[ра]ля, князь великий Иванъ Васильевичъ посадилъ на княжение вноука своего князя Дмитриа Ивановича.

Того же лета князь великий Иванъ Васильевичъ и околничимъ и всемъ судьямъ, а уложилъ соудъ судити бояромъ по судебнику, Володимера Гусева писати.

Того же лета Симону митрополиту...

Лета 7006-го поималъ князь великий по Рожестве Христове Володимера Гусева, Елизарова сына, да Афонасиа Яропкина...»¹.

Летописец

«В лето 7005 (1497 г.) февраля князь велики Иван Васильевич посадил на великое княжение внука своего князя Дмитрея Ивановича.

Того же лета князь велики Иван Васильевич придумал з бояры и уложил суд судити и бояром, околничим, а у боярина быти дяку, а судити по судебнику по великого князя.

В лето 7006 поимал князь великий Володимера Елизара сына Гусева да Офонасья Яропкина...»².

Объяснить происхождение замечания о Владимире Гусеве в Типографской летописи можно тем, что в ее протографе на поле листа напротив известия о Судебнике стояла короткая запись — «Володимера Гусева писати». В текстологии такие добавления, примечания, разъяснения, помещенные на полях рукописей и графически не сливающиеся с основным текстом, принято называть *маргиналиями*, или *глоссами*.

Для составителя летописи маргиналия была знаком того, что далее следовало поместить известие о заговоре, в котором участвовал Владимир Гусев. Однако с протографом Типографской летописи позднее работал автор, который, не поняв смысл и назначение записи, внес ее в текст, превратив маргиналию в так называемую *интерполяцию* — вставку в текст произведения, сросшуюся с этим текстом графически, но зачастую не по существу — и исказив известие о создании Судебника. Подтвердить гипотезу о том, что Владимир Гусев не был автором Судебника 1497 г., помогла находка не зависимого от Типографской летописи текста, в котором вставка отсутствует.

¹ Полное собрание русских летописей. — М., 2000. — Т. 24. — С. 213—214.

² Цит. по: *Зимин А. А.* Летописные свидетельства о коронации Дмитрия-внука и заговоре Владимира Гусева (1497—1498 гг.) // *Летописи и хроники*. 1973: сб. ст. — М., 1974. — С. 245.

На сегодняшний день проблема авторства Судебника решается следующим образом. Признаются результаты исследования этого источника Черепниным, который пришел к выводу, что активное участие в его создании принимали бояре: князья Патрикеевы, Рязанские, а также великокняжеские дьяки Долматов, Курицын и др.

Как и Судебник 1497 г., *Судебник 1550 г.* регулировал судостроительство и судопроизводство. Его часто называют Царским Судебником, так как он был принят при великом князе Иване Васильевиче, венчавшемся на царство. Этот документ отражал тенденции централизации управления и судопроизводства в государстве, намеченные в Судебнике 1497 г.

Условия, в которых создавался Судебник 1550 г., были связаны со становлением самодержавия и необходимостью дальнейшего укрепления централизованного государства.

В отличие от первого Судебника, дошедшего до нас в единственном списке, Судебник 1550 г. сохранился в более чем 40 списках XVI—XVIII вв. В большинстве списков он имеет следующий заголовок: «Лета 7000 пятьдесят осмаго июня (1550 г.)... царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси с своею братьею и з бояры сесь Судебник уложил: как судити бояром, и околничим, и дворецким, и казначеем, и дьяком, и всяким приказным людем, и по городом наместником, и по волостем волостелем, и тиуном и всяким судьям»¹. Заголовок нового Судебника построен по схеме Судебника 1497 г., но в нем перечисляется больше должностей, представлявших судебные инстанции середины XVI в. Он свидетельствует также о том, что законодательный документ был утвержден на заседании Боярской думы в июне 1550 г. (точнее дату определить сложно, так как в списках называются различные числа, от 1 до 24 июня).

Судебник 1550 г. состоит из нумерованных статей. Деление текста на строго определенные статьи представляет собой новый шаг в развитии законодательства. Однако состав статей Судебника непостоянен: в одних списках насчитывается 99 статей, в других — 100. Ст. 100 имеет заглавие «О суде с уделными князи». Изучив все имеющиеся списки, Черепнин пришел к выводу, что эта статья отсутствовала в первоначальном тексте Судебника 1550 г. Она возникла позднее, чем сам Судебник. Черепнин датировал появление статьи и включение ее в состав кодекса июлем 1550 г., а Зимин и Г. В. Семенченко — 1553—1554 гг.

Источниками Судебника 1550 г. были статьи Судебника 1497 г., Двинской уставной грамоты, Псковской судной грамоты, Белозерской таможенной грамоты 1497 г. и великокняжеской жалованной грамоты кормленщикам первой половины XVI в. В то же время в нем имеются 37 новых статей.

¹ Российское законодательство X—XX вв. ... — Т. 2. — С. 97.

Законодатель уделил внимание поддержке того социального слоя, на который он опирался — служилому сословию, права которого заметно расширялись.

Период второй половины XVI — первой половины XVII в. отличался активной законодательной деятельностью, что было связано с изменением социального и политического строя России и постепенным переходом от сословно-представительной к абсолютной монархии. На гребне увеличения числа законов и разнообразия их тематики были созданы Стоглав 1551 г., два Судебника — Судебник 1589 г. и Судебник 1606—1607 гг., а также Соборное уложение 1649 г.

Постановления Судебника 1589 г. не были утверждены официально, но тем не менее они имели силу закона. Ими руководствовались земские судьи черносозных волостей Севера. Судебник 1606—1607 гг., как и Судебник 1589 г., не был официально утвержден и применялся в отдельных случаях.

Соборное уложение 1649 г. отличалось от предыдущих Судебников широтой охвата различных сторон жизни общества. Помимо судопроизводства и процессуального права, оно содержало законы, связанные с экономикой, формами землевладения, положением господствующих и зависимых слоев населения, государственно-политическим строем. Построение Соборного уложения также отличалось от Судебников. В уложении отражена система норм права по предметам, которые легко могут быть объединены по разновидностям права. Оно состоит из 25 глав, разделенных на статьи, которых насчитывается 967. В начале Уложения помещено предисловие, разъясняющее мотивы составления свода и ход работы над ним. Таким образом, Соборное уложение может быть определено как свод законов.

Источниковедчески Соборное уложение изучалось по следующим направлениям: история его возникновения (причины и условия создания крупнейшего законодательного памятника феодальной эпохи); выявление его источников; обобщенный анализ его норм.

Инициаторами появления нового законодательного кодекса стали участники московского восстания, которое произошло в июне 1648 г. Одним из требований восставших было упорядочение законодательства и составление новой Уложенной книги. Для авторов челобитной к царю от 10 июня 1648 г. — дворян и торговых людей — создание Уложенной книги являлось важным условием упрочения государственного строя. Требования восставших были учтены. 16 июля 1648 г. был созван Земский собор, на котором подана челобитная о составлении Уложения. Для разработки новой Уложенной книги была создана специальная комиссия во главе с князем Никитой Ивановичем Одоевским. Согласно предисловию к Соборному уложению, в задачу комиссии входила подго-

товка проекта Уложения. Процесс его подготовки включал несколько этапов, среди которых: выписки из прошлого законодательства статей, которые «пристойны... к государственным и к земским делам»; сверка статей с прежними Судебниками; подготовка проектов статей по тем вопросам, по которым «в судебниках указу не положено и боярских приговоров на те статьи не было».

Комиссия Одоевского составляла первоначальный вариант Уложения в течение двух с половиной месяцев. К этой работе были привлечены также приказы, которые присылали в комиссию необходимые материалы.

Предисловие к печатному изданию Соборного уложения сообщает также о ходе обсуждения его проекта. Слушание проекта на Земском соборе, открытом 1 сентября 1648 г., проходило в двух палатах: в одной заседали царь, Боярская дума и Освященный собор, в другой — Ответной палате — выборные люди всяких чинов под председательством князя Юрия Алексеевича Долгорукого. Активное участие в обсуждении проекта членов Ответной палаты оказало влияние на состав Уложения.

Последовательность глав Уложения, обсуждавшихся в Ответной палате, зависела, по-видимому, от степени их готовности. Например, известно, что последней обсуждалась глава 7 «О ратных людях». Есть основания предполагать, что проект подвергся существенной переработке в ходе его обсуждения в Ответной палате. Во время обсуждения проекта комиссия Одоевского составляла доклады для царя по новым челобитным выборных людей.

Составление и редактирование текста Уложения в ходе заседаний Земского собора было закончено 29 января 1649 г. Вероятно, это и дата утверждения этого документа Земским собором и царем. С утвержденного Уложения были изготовлены два списка: в виде свитка (с 315-ю подписями членов Собора и дьяков) и в виде кодекса (книги) (предназначен для Печатного двора). Из этих вариантов сохранился только свиток.

Соборное уложение 1649 г. стало первым русским законодательным документом, который был напечатан сразу после его утверждения. До Уложения новые законы обычно оглашались на торговых площадях и в храмах. Такой способ оповещения порождал возможность злоупотреблений должностных лиц. Появление печатного Уложения подрывало основу для этого. Уложение вышло в свет весной 1649 г. тиражом в 1200 экземпляров. По всей видимости, во второй половине того же года состоялось еще одно издание таким же тиражом.

Интерес к Соборному уложению проявили в XVII и XVIII вв. и зарубежные законодатели. Были сделаны его переводы на латинский, французский, датский и немецкий языки.

Изучение источников Соборного уложения насчитывает длительную историю. Оно проводилось в двух направлениях: во-пер-

вых, изучалась рецепция (т.е. заимствования и приспособления) иноземного права и, во-вторых, устанавливались отечественные источники.

Одним из иностранных источников являлся Литовский статут. Еще в XIX в. было установлено, что многие статьи глав 2, 3, 4, 5, 7 и 9 представляют или буквальный перевод или точный перефраз Статута. В основе Литовского статута, в свою очередь, лежала Русская Правда.

Непростым является вопрос о рецепции в Уложении норм римско-византийского права. В свитке этого документа содержатся ссылки на источники отдельных статей «градского закона греческих царей», «из градских». Однако это право оказывало влияние на Уложение опосредованно, через юридические сборники «Номоканон», «Кормчая» и др.

Для решения проблемы соотношения законодательных текстов и иноземных правовых документов важно учитывать общую социально-экономическую, политическую и культурную ситуацию, в которой создавался юридический памятник. Иногда то общее, что обнаруживается в законах разных стран, объясняется не зависимостью одного текста от другого, а сходством условий, в которых он разрабатывался. Об этом свидетельствует, например, сравнительное исследование Соборного уложения и Правил Василе Лупу (Василе Лупу — молдавский господарь) 1646 г., проведенное Черепниним. В этих законодательных памятниках содержатся сходные статьи относительно политических, уголовных преступлений и гражданских правонарушений, много внимания в них уделяется судебнo-следственному процессу и судопроизводству. Почти полностью совпадают глава Уложения «О разбойных и татиных делах» и раздел Правил «О ворах на больших дорогах, о разбое», а также разделы о фальшивомонетчиках; близки нормы, касающиеся охраны феодального землевладения. Общими являются также нормы о крестьянской крепости без урочных лет, запрет принимать беглых крестьян и установление материальной ответственности за их прием. По-видимому, не случайно и в России и в Молдавском княжестве почти в одно и то же время возникли правовые документы с определенной феодально-крепостнической направленностью, хотя влияния Правил Василе Лупу на Уложение не обнаружено.

Изучение отечественных источников Соборного уложения показало, что ими были Судебники, челобитные служилых и выборных людей, заседавших на Земском соборе 1648 г., а также предшествующее законодательство, представленное в указных книгах приказов.

Наиболее перспективным направлением в изучении источников Соборного уложения является исследование указных книг. Было установлено, что указная книга Поместного приказа (всего в книге

62 указа) почти целиком вошла в главу 16 («О поместных землях») и главу 17 («О вотчинах») Уложения. Только очень немногие указы частного характера не попали в Уложение. Указы, которые были заимствованы полностью, подверглись редакции, были снабжены поправками и дополнениями. Также использовались указные книги Земского, Разбойного и Холопьяго приказов.

Судебники XV—XVII вв. и Соборное уложение 1649 г. имели характер кодифицированного закона. Кодификация и систематизация нормативных актов проводились на определенном этапе развития государства, когда новые условия требовали отобрать из прежде выработанного законодательства действующие законы, отказаться от устаревших законов, по необходимости выработать новые.

В Русском централизованном государстве в периоды между систематизациями законов законотворческая деятельность отражалась в грамотах и указах верховного правителя (великого князя, царя), приговорах Боярской думы, постановлениях Земских соборов, отраслевых распоряжениях приказов. Поскольку законодательство оставалось прецедентным (т. е. из решения частного случая законодатель выводил законодательную норму), то все эти материалы в дальнейшем служили источниками кодифицированного закона.

Таким образом, в XVI—XVII вв. не существовало различий между законом, административным распоряжением и судебным решением. Основными формами закона были *грамота* и *указ*, которые исходили только от верховной власти (непосредственно или от ее имени). Законодательные акты, принятые царем совместно с Боярской думой, назывались *указами с боярскими приговорами*. В отсутствие царя по его распоряжению бояре в Боярской думе подготавливали *боярские приговоры*.

Наименования основных документов текущего законодательства XVI—XVII вв. представлены в табл. 1.

Таблица 1

Основные законодательные акты XVI—XVII вв.

Наименование документа	Начальные формулы документа
Грамота	«Божиею милостью мы, великий государь царь Алексей Михайлович, всея Великия и Малыя и Белья России самодержец...»
Указ	«От царя и великого князя Михаила Федоровича всея Руси...»
Указ с боярским приговором	«Царь указал, а бояре приговорили...»
Боярский приговор	«По указу великого государя бояре приговорили...»

Одним из проявлений процесса укрепления самодержавия и складывания предпосылок перехода к абсолютизму было усиление законодательной деятельности носителя верховной власти.

Понимая невозможность охватить все нормы судебно-процессуальными кодексами, каковыми были Судебники, и предусматривая возникновение новых законов, законодатель в ст. 98 Судебника 1550 г. впервые установил порядок принятия и опубликования закона: «А которые будут дела новые, а в сем Судебнике не написаны, и как те дела с государева доклада и со всех боар приговору вершается, и те дела в сем Судебнике приписывати»¹. Иначе говоря, при отсутствии в Судебнике указания на порядок решения того или иного дела оно вершилось вышестоящей инстанцией — Боярской думой. Порядок принятия новых законов состоял в следующем: в каждом приказе из новых казусов, указанных практикой, составлялся перечень вопросов или готовился доклад царю и Боярской думе по конкретному делу. Ответы на вопросы сообщались в тот приказ, из которого исходили доклады.

Подборки законодательных актов в приказах представляли собой своеобразные специальные кодексы в той области права, которой ведал тот или иной приказ. В приказах приговоры заносились в так называемые *указные (уставные) книги*. Как собрание законодательных актов эти книги являлись дополнением к Судебнику и руководством для рассмотрения в будущем других схожих дел. Документы в указных книгах располагались в хронологическом порядке и объединялись лишь ведомственной принадлежностью. До нас дошли указные книги судных дел Земского, Поместного и Разбойного приказов.

После издания Соборного уложения 1649 г. продолжалась работа по созданию новых законов в дополнение к этому своду. По неполным подсчетам исследователей, во второй половине XVII в. было введено в действие более 1800 законов, представленных в самых разных формах: в виде грамот, указов, указов с боярским приговором, боярских приговоров, наказов, уставов, статейных списков.

Практика накопления в приказах текущего законодательства сохранялась. Она помогала приказным людям, с одной стороны, сверяться с предшествующим законодательством, а с другой — выявлять те стороны государственной, социальной и хозяйственной деятельности, которые не получили необходимого законодательного подкрепления.

Во второй половине XVII в. в развитии законодательства просматривается тенденция к созданию законов, охватывающих целые отрасли права или регламентирующих деятельность уполномоченных лиц (законодательство о торговле, законодательство о

¹ Российское законодательство X—XX вв. ... — Т. 2. — С. 119—120.

сыске беглых, законодательство об описании и межевании земель и т.д.).

Отраслевое законодательство второй половины XVII в., посвященное определенным объектам права, было представлено *статейными списками, уставами и наказами*. С одной стороны, отраслевые кодексы отражали разнообразие объектов, требовавших, по мнению законодателя, регламентации. С другой — в их содержании проявлялось стремление лиц, причастных к законотворчеству, охватить явления политической, социальной и экономической жизни во всей их многогранности.

Многие из отраслевых законов возникли в результате кодификации, т.е. упорядочения правовых норм, переработки ранее созданных нормативных актов, отмены одних и принятия других законодательных актов.

Таким кодифицированным законом был, например, Наказ сыщикам 2 марта 1683 г. Наказ стал крупнейшим законодательным памятником по крестьянскому вопросу во второй половине XVII в. В этот документ входили законы, касавшиеся не только сыска беглых крестьян и холопов, но и урегулирования взаимных претензий феодалов по поводу беглых. Таким образом, новый закон касался и крепостного права в целом.

Наказ возник в Поместном приказе как ответ на просьбы дворян посылать сыщиков для поиска беглых людей и крестьян. На основе разнообразной предшествующей документации (заповедных грамот, наказов сыщикам, грамот уездным воеводам, серии указов и боярских приговоров, имевших целью установить общие нормы сыска) в Поместном приказе был составлен доклад с «указными статьями о беглых людех и крестьянех», который был представлен царям Ивану и Петру и Боярской думе. Заслушав эти статьи 2 марта 1683 г., «великие государи... указали и бояре приговорили: в тех статьях пополнить и из иных статей убавить», т.е. переработать Наказ. Наказ начинается традиционно — с доклада Поместного приказа царям, в котором рассказывается история появления этого закона, затем следуют 52 статьи. Этот документ имел самостоятельное значение, поскольку развивал законодательную основу Соборного уложения 1649 г. и многолетней деятельности сыщиков.

Если вопросам крепостного права, сыску беглых крестьян посвящены статьи и главы Соборного уложения, то сфера торговли в нем не затрагивалась. К середине XVII в. консолидированные интересы отечественных купцов еще не определились, и только со второй половины XVII в. государство встало на путь законодательной защиты отечественной торговли и ограничения прав иностранных купцов на российском внутреннем рынке.

Важным законом в этой области стал Новоторговый устав 1667 г., разработанный в Посольском приказе. Его создатели ори-

ентировались на Соборное уложение 1649 г. Они взяли из последнего некоторые приемы оформления закона. Текст устава начинался преамбулой, которая заменила традиционный доклад царю. По обстоятельности и мотивировочной основе преамбула Новоторгового устава может быть сравнима с преамбулой Соборного уложения 1649 г. За вводной частью следовал Новоторговый устав (ст. 1—94), за ним — Устав из 7 статей об иностранной торговле в России, порядке сбора пошлин иноземных купцов и их обязанностях. В конце текста стоит дата — 22 апреля 1667 г.

Во второй половине XVII в. становится заметным влияние структуры делопроизводственной документации на законодательные источники. Текст ряда законов разбит на статьи (пункты), каждая из которых посвящена определенному вопросу. Такое построение текста связано с формуляром делопроизводственного документа — докладом, который подготавливался в приказе по вопросам, находящимся в компетенции данного учреждения. Ответы царя и Боярской думы помещались в соответствии с пунктами доклада. К числу источников, в которых законодателем выделены статьи, — Новоторговый устав 1667 г. и Новоуказные статьи 1669 г.

Таким образом, уже во второй половине XVII в. наметились тенденции, которые станут главными в развитии законодательства и оформлении законов в следующий период. К ним относятся развитие отраслевого законодательства, появление в тексте закона мотивировочной части, содержащей правовые, политические и экономические аргументы в подкрепление предписываемых норм.

2.2.4. Законодательные источники периода абсолютизма (XVIII в.)

В XVIII в., в условиях абсолютной монархии, единственным субъектом законодательной власти был царь (с 1721 г. — император). Иначе говоря, право издания законов принадлежало только верховному правителю. Особенностью законодательной деятельности монарха было стремление регламентировать как можно больше сфер государственной и общественной жизни. В первой четверти XVIII в. Петр I провел реформу многих отраслей права (государственного, гражданского, уголовного права, судопроизводства). Все это определило существенные изменения в характере, содержании и форме законодательных материалов.

Новым моментом в законодательной деятельности в XVIII в. явилось изменение принципов подготовки законов. Российское законодательство перестало накапливать прецеденты, законодатель активно вмешивался в жизнь, стремясь с помощью закона

преодолеть прежние порядки. Изменилась процедура подготовки и издания законов. Работа над законами была, как правило, многостадийной. Для начала разработки закона была необходима законодательная инициатива. Она могла исходить от императора. С инициативой разработки закона к императору могли обращаться Сенат, Синод, коллегии и местные учреждения. Следующая стадия работы над законом — составление его проекта. Проекты разрабатывались в государственных учреждениях (Сенате, Синоде, коллегиях или специальных комиссиях). Затем следовало обсуждение законопроекта. Предварительное обсуждение проводилось в коллегиях и специальных комиссиях, а окончательное — в высших государственных учреждениях (Сенате и Синоде). Следующая стадия законопроекта — его санкция (утверждение) верховной властью. Санкция императора была необходимым условием превращения законопроекта в закон. Генеральный регламент предписывал только письменную форму утверждения закона. Однако преемники Петра I допускали и устную форму, которая перестала использоваться в начале XIX в. при введении министерств. После утверждения закон обязательно публиковался. Публикация закона была важным условием деятельности государственных учреждений, в частности судебных, так как по требованию Петра I судебные дела должны были рассматриваться на основе напечатанных и всенародно объявленных указов. После публикации закона начиналось его исполнение.

На каждой из указанных стадий создавались разнообразные материалы (предложения, доклады, проекты, записки, замечания, мнения отдельных лиц и учреждений). Например, все наиболее важные петровские законы имели 3—6 редакций, а Генеральный регламент — 12 редакций. Эти материалы позволяют более глубоко проанализировать происхождение законов, политику правительства, позиции учреждений, группировок и отдельных лиц.

В 1711 г. был создан Правительствующий Сенат — высшее правительственное учреждение, обладавшее законосовещательными функциями. Он заменил Боярскую думу. Сенат был связан с разработкой законопроектов, ему принадлежала важная роль в обнародовании законов. По указу 1721 г., все новые законы должны были представляться в Сенат на апробацию, утверждаться подписью его членов и публиковаться. Согласно указу 1723 г., все письменные и устные указы императора, передаваемые в коллегии и различные канцелярии, должны были немедленно передаваться в Сенат. Сюда приходили законы либо в окончательной редакции для опубликования и исполнения, либо для доработки, а также законопроекты, выработанные членами коллегий или частными лицами. Накопление законодательных материалов в Сенате продолжалось и после учреждения министерств в начале XIX в.

В XVIII в. современники предъявляли к текстам законов определенные требования. По мнению государственного деятеля XVIII в. и историка В. Н. Татищева (1686—1750), законы должны быть доступными для понимания и исполнения. Он писал: «Что же в сочинении законов хранить должно, оное в краткости в том состоит, чтоб было не противное божеским и ко исполнению всем возможное, чтоб было тем языком, которым те подзаконные говорят, к тому точно и ясно написано, особливо в законах, и никакие иноязычные слова и витийственные речения негодны...»¹.

В XVIII в., помимо Соборного уложения 1649 г., основными источниками права были манифесты, именные указы, регламенты, учреждения, наставления, инструкции, положения, указы и жалованные грамоты. При этом самоназвание документа не всегда соответствовало его содержанию и назначению: под одним названием издавались акты, устанавливавшие новые правовые нормы (нормативные акты), и акты, разъяснявшие применение уже изданных законов, их распространение на новые категории населения, новые территории и т. д.

Наиболее значительным законодательным актом XVIII в. принято считать *манифест*, который издавался монархом и был обращен ко всем подданным. Хотя он появился в петровское время, по формальным признакам его аналогом в древнерусском законодательстве была царская грамота. Манифесты издавались в связи с важнейшими политическими событиями в жизни страны: объявлением войны или мира, восшествием на престол, созданием новых учреждений и изменениями в структуре уже существующих органов власти, предоставлением льгот по случаю коронации или заключения мира, рождением наследника престола и т. д. Многие манифесты содержали оценку верховной властью тех или иных событий.

Манифест являлся формой обращения императора к подданным по случаю чрезвычайных событий. Именно их актуальность обусловила такую характерную для этого документа черту, как «синхронность» политической ситуации, оперативный отклик на нее. Манифесты были орудием власти при решении актуальных вопросов внешней и внутренней политики. Зачастую они преследовали цель повлиять на общественное мнение, так как с их помощью верховная власть получала возможность дать мотивировку, «объяснение» своим решениям и действиям.

Манифесты распространялись в печатном виде. Они начинались полным титулом царя (с 1721 г. — императора), после чего следовал текст документа. В конце печатного текста обозначалось

¹ Татищев В. Н. Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской // Татищев В. Н. Избранные произведения. — Л., 1979. — С. 283. — Ст. «Законодавец».

место для печати (буквами М.П.), иногда указывались типография и дата издания документа. В манифестах отсутствовали замечания об удостоверении текста Сенатом, что наблюдается в именных указах, объявленных из Сената. Тем самым подчеркивалось, что манифест адресован подданным непосредственно главой государства и что никакое другое учреждение не принимало участия в его составлении.

В XVIII в. сохранилось такое название законодательного акта, как указ. *Именные указы* издавались монархом по наиболее существенным вопросам государственного значения и были адресованы конкретным государственным учреждениям или высшим должностным лицам. Текст указа подготавливался в канцелярии императора (например, статс-секретарями Екатерины II), а затем поступал в Сенат. Именные указы адресовались и Сенату, и другим учреждениям, и отдельным должностным лицам.

Именные указы, прошедшие обработку в Сенате перед их «всенародным» объявлением, назывались *именными указами, объявленными из Сената*. Их обработка была связана с добавлением в текст ряда начальных и конечных формул, свидетельствовавших о прохождении документа через Сенат, а также с изменением стилистики текста — замены личного местоимения «Мы» на «Его (Ея) Императорское Величество», глаголов 1-го лица множественного числа на глаголы 3-го лица единственного числа.

В качестве примера рассмотрим указы, оформившие в ноябре 1764 г. административную реформу на Левобережной Украине. В связи с этой реформой вышли два именных указа, предназначенные для Сената и датированные одним днем. В обоих текстах разновидность документа и адресат передавались стандартной формулой: «Указ нашему Сенату». Первый именной указ объявлял об упразднении гетманского правления на Левобережной Украине, разъяснял причины увольнения малороссийского гетмана К. Г. Разумовского и называл условия его отставки, а второй указ провозглашал создание вместо «гетманского уряда» Малороссийской коллегии во главе с малороссийским генерал-губернатором П. А. Румянцевым.

Задача Сената состояла в том, чтобы довести содержание именных указов до заинтересованных лиц. Указы распространялись в печатном виде. Хотя эти именные указы возникли в одно время и касались одного сюжета — реформы управления на Левобережной Украине, они представляют собой два самостоятельных текста. В этом, по всей видимости, проявился прецедентный характер мышления российских законодателей даже в середине XVIII в.

Сравним именной указ и именной указ, объявленный из Сената, подготовленные в связи с упразднением гетманского правления и отставкой К. Г. Разумовского:

Именной указ ...
ноября 1764 г.

«Указ нашему
Сенату.

Малороссийский
гетман граф Разу-
мовский поданным
нам письмом все-
подданнейше просил
у нас позволения...
местечками, селами
и деревнями.

И на сие владе-
ние Сенату, изготова
грамоту, для подпи-
сания представить
нам.

Екатерина»¹.

Именной указ ... ноября 1764 г.,
объявленный из Сената

«Указ Ея Императорского Величества само-
держицы всероссийской из Правительствующе-
го Сената.

В указе Ея Императорского Величества за
подписанием собственныя Ея Величества руки,
данном Сенату сего ноября 10 дня, написано:

Малороссийский гетман граф Разумовский
поданным Ея Императорскому Величеству
письмом всеподданнейше просил у Ея Импера-
торского Величества позволения...

местечками, селами и деревнями, которой все-
месточивейшей Ея Императорского Величества
указ ему, генералу-фельдмаршалу сенатору и
кавалеру графу Кирилле Григорьевичу Разу-
мовскому в Сенате объявлен, и о том же к
генералу-аншефу и кавалеру графу Румянцову
в Малороссийскую коллегию и во все присут-
ственные места, в губернии и провинции, а из
оных в приписные города указы посланы, а в
Святейший Синод ведениями сообщено, о том
ведать.

Ноября ... дня 1764 года.

1-го департамента»².

Указ 1714 г. устанавливал, чтобы именные указы, предназна-
ченные для всеобщего ознакомления, обязательно рассылались
из Сената в печатном виде. Тиражирование указа с помощью пе-
чатного станка (количество экземпляров определялось Сенатом)
облегчало работу по созданию копий текста и, что важно, пере-
давало текст единообразно. В том месте текста, где должен быть
назван адресат, в оттиске оставлялись пустыми примерно две стро-
ки. В этот пробел от руки вносилось название учреждения, куда
направлялся указ.

В качестве примера рассмотрим именной указ об учреждении на
Левобережной Украине Малороссийской коллегии и назначении
ее президентом П. А. Румянцева, объявленный из Сената 18 ноября
1764 г. Он начинается словами: «Указ Ея Императорского Величе-
ства самодержицы всероссийской из Правительствующего Сената
*учрежденной по имянному Ея Императорского Величества указу о
винных и соляных доходах комиссии*» (здесь и ниже выделен рукопис-
ный текст. — Т. К.). В конце текста приведено решение Сената: «И о
всем том учреждении к нему, генералу-аншефу, в Малороссий-

¹ РГАДА, ф. 13, оп. 1., ед. хр. 62, л. 15.

² РГАДА, ф. 342, оп. 1, ед. хр. 92-в, л. 5.

скую коллегию и во все присутственные места, в губернии и провинции, а из оных в приписные города указы посланы, и в Святейший Синод и в Московские Сената департаменты ведениями сообщено. И *учрежденной по имянному Ея Императорского Величества указу о винных и соляных доходах комиссии о том ведать*. Ноября 18 дня 1764 года»¹. После печатного текста указа располагались рукописные пометы должностных лиц Сената, скреплявших указ: «Обер-секретарь Иван Ермолаев, секретарь Иван Артемьев, канцелярист Иван Брагин». В нижнем левом углу напечатано «1-го департамента». Это свидетельствует о том, что указ прошел через 1-й департамент, который отвечал за обнародование законодательных актов. Согласно реформе Сената, проведенной Екатериной II в 1764 г., этот департамент занимался также вопросами внутреннего управления, промышленности, финансов, внешней и внутренней торговли, государственного и церковного имущества. На внутреннем поле «лица» документа от руки написано «№ 13684». Под этим номером документ вышел из Сената. На верхнем поле листа имеется рукописная помета: «№ 127 получен 22 ноября 1764 года». Она свидетельствует о регистрации указа в комиссии.

Описанный выше печатный экземпляр именного указа, объявленного из Сената, о создании Малороссийской коллегии обнаружен в составленной в Комиссии о винных и соляных доходах книге указов, поступавших из высших органов власти. Согласно Генеральному регламенту, подобные сборники указов требовалось иметь в каждом учреждении.

Требование именного указа 1714 г. о печатной форме документов, предназначенных для всенародного известия, было подтверждено указом Екатерины II, объявленным Сенатом 17 марта 1764 г. По мнению императрицы, «простой народ по уездам, а особливо ныне, с некоторого времени, по монастырским волостям, нередко обманываем бывал списками ложных от имени Ея Императорского Величества и от Сената указов», и «дабы, истребляя сие зло в самом корени, единожды навсегда освободить подданных Ея Императорского Величества от всяких впредь подобных лжей», императрица повелела «Сенату обнародовать обыкновенным образом печатными на публичных местах прибываемыми и в церквах прочитываемыми листами во всех провинциях империи Ея Императорского Величества, что отныне никакие указы и манифесты для всенародного сведения и исполнения, от имени Ея Императорского Величества собственно или от Сената издаваемые, не должны быть признаваемы за действительные, кроме печатных, как и в самом деле имеет Сенат по тому неотменно впредь поступать»².

¹ РГАДА, ф. 248, кн. 5466, л. 65.

² Полное собрание законов Российской империи (первое). — СПб., 1830. — Т. 16. — № 12090.

На именном указе, объявленном из Сената «во всенародное известие», отпечатанном на отдельном листе или помещенном на страницах газеты «Санкт-Петербургские ведомости», читалось следующее замечание: «Подлинный по высочайшей от Ея Императорского Величества конфирмации, за подписанием Правительствующего Сената» либо «Подлинный за подписанием Правительствующего Сената». Таких замечаний не было на манифестах и печатных указах, представлявших собой деловую переписку Сената с нижестоящими учреждениями.

От имени монарха Сенат издавал указы, которые назывались *сенатскими*. Они оформляли решения Сената по рассмотренным вопросам, рассылались для исполнения в нижестоящие органы управления или определенному лицу и были обязательны только для них. Эти указы были тесно связаны с делопроизводством Сената.

Источниками законодательного характера являются также *регламенты*. Они определяли общую структуру, статус и направление деятельности отдельных государственных учреждений. Эта форма нормативного акта была особенно распространена в период правления Петра I, когда создавалась новая система государственных учреждений. С 1711 по 1721 г. возникло несколько регламентов, среди которых Регламент Кригс-комиссариату (о выдаче жалованья в полках, 1711 г.); Регламент Штатс-контор-коллегии (о государственных расходах, 1719 г.); Регламент Коммерц-Коллегии (о государственных доходах, 1719 г.); Генеральный регламент (о штатах и деятельности коллегий, 1720 г.); Регламент Главному магистрату (о городском устройстве, 1721 г.); Духовный регламент (о Синоде и церковном управлении, 1721 г.).

В XVIII в. законы могли издаваться в форме *жалованных грамот*. Так, в 1785 г. были подготовлены и вступили в действие подробные кодифицированные законы — Жалованная грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства и Жалованная грамота на права и выгоды городам.

Проблема разграничения законов, административных распоряжений и судебных решений в XVIII в. сохранялась, хотя осознание необходимости ее разрешения уже пришло. Наиболее четко различие законов, административных распоряжений и судебных решений представила в Наказе Уложенной комиссии императрица Екатерина II. По ее мнению, законы — «те установления, которые ни в какое время не могут перемениться и таковых числу быть не можно великому»¹; указы — «все то, что для каких-нибудь делается приключений, и что только есть случайное или на чью особу относящееся и может со временем перемениться»².

¹ Императрица Екатерина II. Полн. собр. соч. императрицы Екатерины II. — СПб., 1893. — Т. 1. — С. 62. — Ст. 444.

² Там же. — С. 62—63. — Ст. 446.

2.2.5. Кодификация законов в XVIII — первой половине XIX в.

Уже в начале XVIII в. одной из важнейших задач государства в области законотворчества было приведение законов в определенную систему. Эта система могла возникнуть на основе учета или переработки ранее изданного законодательства с исключением из него недействующих норм или разработкой новых законов. Например, Татищев говорил о необходимости, «чтоб прежняя несогласные оному (новому. — Т. К.) закону точно объяснены были, что уничтожаются или что из оного оставляется, дабы из того выборам сужденные привлекать не могли»¹. Татищев считал работу по созданию нового уложения чрезвычайно важной в связи с тем, что существующие законы противоречили друг другу, были разбросаны по разным изданиям, одних законов не хватало, другие были неясно написаны. В 40-х гг. XVIII в. он писал о современной ему системе законов: «Уложение 1649, потом Петра Великого с 1714 году и наследников его по 1741 в разных книгах напечатано, но понеже многое во оных недостает или есть, да неясно, и оные один другому противоречат, для того с 1719 о сочинении новаго уложения трудятся, но мнится, что за многими прихотями никогда не дожидаться»². Историк оказался провидцем: в течение XVIII в., несмотря на положительные результаты деятельности ряда уложенных комиссий, свод законов так и не был официально утвержден.

Привести законодательство в порядок должна была кодификация законов. В XVIII — первой половине XIX в. существовали два типа кодификации: традиционная, ставящая задачу простого упорядочения ранее созданного законодательства, и новая, направленная на выработку имеющейся основы или без нее нового законодательства.

Рассредоточенность законодательных материалов по различным приказам во второй половине XVII в. создавала трудности для использования законов. В начале XVIII в. Петр I предпринял попытку создания новой Уложенной книги. В 1700 г. по указу царя была сформирована Палата об Уложении. В ее задачу входил сбор списков с «новоуказных статей» (ряда кодифицированных законов, дополнявших Соборное уложение 1649 г.) и боярских приговоров «по вершенным делам», о которых ничего не сказано ни в Уложении 1649 г., ни в новоуказных статьях. Все списки указов должны были быть разнесены по главам и статьям Соборного уложения для рассмотрения их в Палате об Уложении. Работа членов Палаты состояла в сводке действующего права. Текст нового Уложения

¹ Татищев В. Н. Лексикон российской... — С. 283. — Ст. «Законодавец».

² Там же. — Ст. «Закон гражданский и царский».

составлен не был. Палата лишь разработала проекты нескольких глав. Деятельность этого учреждения продолжалась до конца 1703 г.

В дальнейшем Петр I пошел по пути создания не свода законов, а отраслевых кодексов, т.е. законодательства по отраслям. Система феодального права при абсолютизме продолжала оформляться в систему кодифицированных отраслевых законодательных актов, намеченную еще во второй половине XVII в.

Продолжая традицию древнерусского права, согласно которой в первую очередь развивалось уголовное и процессуальное право, петровское законодательство кодифицировало эти отрасли. Прежде всего кодификации подверглись военные отрасли права. В 1715 г. возникли «Воинский артикул» и «Краткое изображение процессов или судебных тяжб», посвященное процессуальному праву и судоустройству в военной юстиции. В 1716 г. была издана «Книга Устав воинский о должности генералов, фелт маршалов, и всего генералитеита, и протчих чинов, которые при воиске надлежат быть, и о иных воинских делах и поведениях, что каждому чинить должно», а в 1720 г. — «Книга Устав морской о всем, что касается доброму управлению и бытности флота на море».

Указ о единонаследии (1714 г.) имеет значение кодекса наследственного права. Генеральный регламент 1720 г. представлял собой кодекс административного права. В его основу был положен шведский Канцелярский устав 1661 г.

Однако в XVIII в. не отказались от идеи создания нового свода законов. В петровское время кроме Палаты об Уложении работали еще две комиссии. Если первая комиссия 1714 г. не дала никаких результатов, то итогом деятельности Уложенной комиссии при Сенате, созданной в 1720 г., стал обширный проект Уложения Российского государства. С деятельностью последней комиссии связаны новые подходы к систематизации законов. Первоначально метод кодификации законов в Уложенной комиссии был традиционным, как и в Палате об Уложении 1700—1703 гг.: законы должны были располагаться в соответствии с главами Соборного уложения 1649 г. Однако в начале 1723 г. принцип систематизации отечественного права был изменен. Структура Соборного уложения уже не была единственной основой систематизируемого нормативного материала. Набор и порядок глав в четырех книгах Уложения определялся по различным источникам: Краткому изображению процессов 1715 г., Новоуказным статьям 1669 г., Уставу морскому, титулам шведского Земского уложения 1608 г., Соборному уложению 1649 г. и т.д.

При кодификации комиссия использовала не только русское законодательство, но и законы Швеции (Земское уложение 1608 г., Градское уложение 1618 г., уставы 1669, 1686, 1695 гг.), эстляндские и лифляндские нормативные акты. В наибольшей степени влияние шведского права отразилось в трактовке вопросов судо-

устройства, процессуального и уголовного права. Что касается области социально-экономических отношений (вопросы имущественного права, положения крестьянства, крепостного права, найма рабочей силы), то эти сферы остались в рамках русского законодательства.

Работа комиссии над проектом Уложения Российского государства была завершена в 1726 г. Проект состоял из 120 глав и 2113 артикулов, расположенных в четырех книгах: книге 1 «О процессе, то есть о суде, месте и о лицах, к суду подлежащих»; книге 2 «О процессе в криминальных, розыскных и пыточных делах»; книге 3 «О злодействах, какие штрафы и наказания последуют»; книге 4 «О цивильных, или гражданских, делах и о состоянии всякой экономии, или о добрых и противных порядках в домоправительстве». Главная идея новой Уложенной книги состояла в том, чтобы в соответствии с проведенными в первой четверти XVIII в. реформами разработать законодательные основы абсолютной монархии.

В 20—40-е гг. XVIII в. проект Уложения Российского государства неоднократно редактировался как целиком, так и по отдельным разделам, но утвержден не был. В 30-е гг. XVIII в. над Уложением работала еще одна комиссия. Она представила в Сенат проекты «вотчинной» и «судной» глав, но дальше этого дело не пошло. В 1754 г. Сенат создал новую комиссию, которая через два года представила две части Уложения: «О суде» и «О розыскных делах».

Самой известной в истории XVIII в. была Комиссия для сочинения нового Уложения (1767—1774). В ее деятельности предусматривались моменты, не известные в работе других комиссий. При подготовке законов предполагалось учитывать наказания различных сословий. Опираясь на эти наказания, переданные через выборных депутатов от всех сословий (кроме крепостного крестьянства) и государственных учреждений, Комиссия должна была составить новый свод законов. Императрица также подготовила свой наказ Комиссии. В нем затронуты различные стороны жизни общества, в том числе и правовое регулирование. Наказ не имел законодательной силы, тем не менее он оказал заметное влияние и на законодательство, и на правовую мысль последней четверти XVIII в.

Возлагавшиеся на Комиссию для сочинения нового Уложения надежды не оправдались: как и предыдущие, она не выработала свода законов. Однако наказания и проекты, подготовленные ее членами, в дальнейшем стали основой при разработке новых государственных институтов и норм частного права. Некоторые предложения, содержащиеся в наказах, были учтены в 70—80-х гг. XVIII в. в ходе проведения губернской и городской реформ, когда были созданы, к примеру, словесные суды. В это время в юридическую терминологию вводилось понятие «собственность», а также определялись права на распоряжение разными видами имущества.

После прекращения деятельности Комиссии по сочинению нового Уложения отдельные ее бывшие члены продолжали изучать и обрабатывать предыдущее законодательство. В 1787 г. они составили три тома «Словаря употребляемым в российском законоположении словам из Уложения, регламентов, указов, инструкций, наказов и прочих учреждений, состоявшихся с 7157-го (т.е. 1649 г. — *Т. К.*), и расположенным по алфавиту». Подобного рода справочники, безусловно, способствовали более точному толкованию действующих законов и помогали совершенствовать процесс составления новых кодифицированных законов.

В правление Павла I вновь встал вопрос о необходимости создания Уложения. В 1796 г. была организована комиссия для составления законов. Ее задача заключалась в том, чтобы создать не новое уложение, а свод из уточненного прежнего законодательства. В результате деятельности этой комиссии (работала с 1796 по 1803 г.) был создан Свод законов, состоящий из 17 глав о судопроизводстве, 13 глав уголовного кодекса и 18 глав, посвященных гражданскому праву.

Деятельность по упорядочению российского законодательства приобрела значительный размах в годы царствования Николая I. В 1830 г. было издано «Полное собрание законов Российской империи» в 45 томах. Законы в нем расположены в хронологическом порядке, начиная от Соборного уложения 1649 г. и кончая последними указами императора Александра I. Затем из этого массива были отобраны и тематически представлены в 15 томах «Свода законов Российской империи» 1832 г., впоследствии периодически переиздаваемого.

2.3. Приемы изучения законодательных источников

Сегодня в корпус русских законодательных источников X—XVIII вв. входят разнообразные материалы. Это разнообразие объясняется рядом моментов: различием принципов законотворчества на отдельных этапах отечественной истории, процедурами составления конкретных памятников и их санкции (утверждения), формами самих законов, а также разным соотношением этих форм на том или ином историческом отрезке, влиянием на письменный закон источников других видов, сохранностью законодательного материала и т.д.

Если говорить о древнерусском законодательстве до конца XV в., то специфика его изучения связана с тем, что оно дошло до нас преимущественно в обширной рукописной традиции. Тексты законодательных памятников представлены в списках, по времени более поздних, чем сами оригиналы. При этом временной разрыв может достигать нескольких столетий. Например, Устав киевского

князя Владимира Святославича о десятинах, судах и людях церковных возник, скорее всего, в начале XI в. на основе двух уставных грамот Владимира, выданных в конце X в. и начале XI в., а самый ранний список этого Устава, дошедший до наших дней, датируется XIV в.

В современном источниковедении изучается вся рукописная традиция одного законодательного памятника. Изучение рукописной традиции подразумевает *выявление как можно большего количества списков источника, прочтение исследуемого текста в каждом списке, датировку списка, определение «конвоя», т.е. состава юридического сборника, в котором может находиться законодательный источник. По мере работы со списками в тексте источника обнаруживаются различия, которые повторяются, причем комплексно: одни различия встречаются вместе с другими. На основе этих расхождений делается предварительная группировка списков. Чем большее число списков будет просмотрено, тем очевиднее станет сходство одних списков и различие других. Далее разновидности текста будут определяться по приметам — наиболее характерным признакам принадлежности текста к той или иной группе. Эти приметы неизменны для данной группы списков, редакции или вида редакции.*

Описанная классификация — формальна, она осуществляется по внешним признакам. Существует и другая классификация, учитывающая происхождение списков. В этом случае списки классифицируются по тому, как они исторически сложились, и по тому, как они генеалогически соотносятся между собой. При такой систематизации необходимо гипотетически восстановить все утраченные звенья, чтобы представить реальную картину соотношения списков и обосновать их исторически сложившуюся группировку. В ходе исследования обе указанные классификации находятся во взаимодействии.

Названные классификации применяются при изучении летописей и других памятников древнерусской письменности. Текстологический метод переносят и на изучение древнерусских законодательных памятников, сохранившихся в большом числе списков. Однако, по мнению специалиста по истории древнерусского законодательства Я. Н. Шапова, хотя при изучении княжеского законодательства X—XV вв. и используется текстология, общая картина его истории пока не восстановлена. В 1972 г. он писал: «Сравнивая состояние изучения княжеских уставов и такого завоевавшего всеобщее признание и довольно хорошо изученного источника, как летописи, можно смело сказать, что знание истории уставов отстает от знания истории летописания более чем на сто лет»¹.

¹ Шапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси X—XIV вв. — М., 1972. — С. 6.

Текстологическое изучение почти 200 списков Устава князя Владимира Святославича о десятинах, судах и людях церковных позволило выделить семь его редакций, относящихся к XIII—XVII вв.: Оленинскую, Синодальную, Варсонофьевскую, Волынскую, Печерскую и Троицкую редакции и редакцию «Степенной книги». Как уже упоминалось ранее, под редакциями понимается обработка памятника, отраженная в списках и свидетельствующая об изменениях в политической, юридической и социально-экономической жизни общества. Возникший в условиях Киевской Руси Устав Владимира продолжал служить правовой основой и в период феодальной раздробленности в Северо-Восточной, Северо-Западной и Южной Руси. Редакции отразили определенные этапы в истории развития текста этого законодательного памятника.

После определения редакций (в основном по формальным признакам) осуществляется работа по установлению взаимоотношений групп источников, по датировке и локализации и определению причин появления каждой из них. Так, Устав Владимира в Синодальной редакции был широко распространен на территории Новгородской республики, Великого княжества Московского и Великого княжества Литовского. В период феодальной раздробленности возникли изводы этой редакции, т.е. варианты текста редакции, не имеющие следов принципиальных переработок. В то же время изводы отражают приспособление законодательного памятника к новым условиям. Предполагают, что Синодальная редакция возникла на территории Новгородской феодальной республики, так как именно здесь был найден старший список редакции в составе кормчей, принадлежавшей Новгородской епископской кафедре. В пользу этого предположения свидетельствует тот факт, что эта редакция легла в основу новгородского Устава Всеволода, а также особенности обработки Устава. Суть переработки связана с вторжением церковного суда в сферу светского, княжеского. Такая ситуация была возможна в особых политических условиях Новгородской республики. Для определения времени создания Синодальной редакции важную роль играет должностная и терминологическая информация источника. Перераспределение функций государственного управления между формирующимися республиканскими органами и княжеской властью изменяло номенклатуру должностей, особенно княжеского аппарата. Изучение времени появления изменений в наименованиях должностных лиц и составе их обязанностей показывает, что обработка Устава Владимира, отраженная в Синодальной редакции, осуществлена, скорее всего, в последней четверти XIII в.

В период Русского централизованного государства изменились условия создания законов. Судебники не имеют списков, в которых отразились бы следы переработки. Новые исторические условия интенсифицировали текущую законодательную деятельность

самодержца. Большой объем нормативных материалов и быстро меняющаяся реальность предполагали более частую кодификацию, или систематизацию, законов.

При изучении происхождения и назначения любого кодифицированного закона, его социальной направленности, места в ряду предыдущих и последующих законов возникает вопрос о законодательной базе, на основе которой он появился. При такой постановке вопроса на первый план выходит поиск ранее созданных нормативных материалов. Однако многие законы в виде грамот, указов, указов с боярским приговором не сохранились. Одной из причин их утраты были московские пожары. Особенно губительным был московский пожар 3 мая 1626 г., когда сгорели «царские хранилы», где находились акты и грамоты за многие годы и документация приказов. Составители Соборного уложения вспоминали об этом пожаре, когда не оказывалось необходимых нормативных документов.

Восполнить пробелы в законодательной базе этого времени помогает изучение сохранившейся делопроизводственной документации XVI—XVII вв. Отсутствие текстов законов порождает дискуссии по ряду фундаментальных проблем. В исторической науке, например, спорным остается вопрос о роли законодательства в закреплении крестьян: были ли переходы крестьян запрещены государством или прикрепление крестьян к земле сложилось стихийно?

Факты, почерпнутые из ряда делопроизводственных документов 80—90-х гг. XVI в. (поручной записи крестьянина вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря 1 мая 1584 г.; наказа писцам города Галича Костромского уезда 30 июня 1585 г.; царской грамоты с изложением челобития игумена новгородского Пантелеймонова монастыря до середины 1595 г.), подкрепляют позицию тех историков, которые считают, что в последние годы жизни царь Иван IV издал специальное установление, запрещающее крестьянские переходы во время проводившегося в 80-е гг. XVI в. писцового описания.

Законодательные источники периода абсолютизма могут изучаться и с помощью других приемов. Как уже отмечалось, специфика законодательных материалов этого времени связана с поэтапным, постадийным возникновением закона. При сохранении документации на всех этапах — законодательной инициативы, выработки проекта закона, его обсуждения и переработок, утверждения верховной властью — возникает значительный комплекс источников, касающихся происхождения одного закона. Эта документация позволяет *определить хронологию возникновения вариантов законопроекта и их авторство* (индивидуальное или коллективное), *установить социальную направленность закона*.

Рассмотрим возможности изучения постадийного создания законодательного акта на примере Регламента Главного магистрата 16 января 1721 г. Этот закон обеспечивал городскую реформу Петра I и детализировал компетенцию Главного магистрата как централь-

ного государственного учреждения коллегиального типа, подчиненного Сенату. Автором первоначального текста (первой редакции) был консультант царя по вопросам административной реформы Генрих Фик. Его проект был существенно изменен обер-секретарем Сената Анисимом Яковлевичем Шукиным. В результате переработки возникла вторая редакция Регламента, вынесенная на обсуждение сенаторов, которые сделали поправки, внесенные в текст Беловика второй редакции. Таким образом в Сенате возникла третья редакция этого документа. Беловик третьей редакции Регламента Главного магистрата был исправлен двумя анонимными лицами. Так появилась четвертая редакция. На совместном обсуждении Регламента Сенатом и Петром I последний лично внес поправки в текст четвертой редакции. Окончательный текст Регламента, подписанный Петром I, представляет собой пятую и последнюю редакцию. Таким образом, менее чем за год текст этого документа прошел стадии подготовки, многократного обсуждения и принятия.

Последовательное изучение текстов всех пяти редакций показывает, в каком направлении перерабатывался первоначальный вариант Регламента и какие цели преследовал законодатель. Согласно варианту Фика, предполагалось дать российским городам самоуправление по образцу западноевропейских городов, однако на разных этапах обсуждения из текста были изъяты главы, связанные с организацией самоуправления («О градских городских службах», «О привилегиях российских городов», «О наследственных городских маестностях и собственных доходах российских городов», «О городских караулах»). Если первоначальный проект предусматривал, что выборным членом магистрата мог стать любой «честный и добронамеренный» горожанин, то при обсуждении в Регламент были внесены ограничения: «выбирать во всех городах из гостей и из гостинной сотни и из гостиных детей и из граждан первостатейных добрых, пожиточных и умных людей»¹. Как видим, проект закона переписывался на каждой стадии обсуждения в интересах не всего городского сословия, а лишь городской верхушки. Изменения авторского проекта привели, в конечном счете, к централизации механизма государственного управления городами и усилению контроля за горожанами.

Источники

Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. — М., 1976.

Законодательство Петра I. — М., 1997.

Полное собрание законов Российской империи (первое). — СПб., 1830. — Т. 1—45.

Памятники русского права. — М., 1952—1961. — Вып. 1—8.

¹ Полное собрание законов Российской империи (первое)... — СПб., 1830. — Т. 6. — № 3708.

Российское законодательство X—XX вв.: в 9 т. — М., 1984—1987. — Т. 1—5.

Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. — Л., 1987.

Литература

Алексеев Ю. Г. Белозерская уставная грамота 1488 г. и вопросы наместнического суда // Вспомогательные исторические дисциплины. — Л., 1991. — Вып. 23.

Алексеев Ю. Г. Вопросы истории текста Псковской судной грамоты // Вспомогательные исторические дисциплины. — Л., 1979. — Вып. 11.

Алексеев Ю. Г. Судебник Ивана III: традиция и реформа. — СПб., 2001.

Водарский Я. Е. Проект Регламента Главного магистрата и его редакции (1720 г.) // Проблемы источниковедения. — М., 1962. — Вып. 10.

Замуруев А. С. Приемы и методы кодификации при подготовке проекта Уложения Российского государства в 20-е гг. XVIII в. (на примере глав о противоцерковных преступлениях) // Вспомогательные исторические дисциплины. — СПб., 1994. — Вып. 25.

Зимин А. А. К истории текста краткой редакции Русской Правды // Труды Московского государственного историко-архивного института. — М., 1954. — Т. 7.

Маньков А. Г. Законодательство и право России второй половины XVII в. — СПб., 1998.

Маньков А. Г. Уложение 1649 г. — кодекс феодального права России. — Л., 1980.

Милов Л. В. Легенда или реальность? (о неизвестной реформе Владимира и Правде Ярослава) // Древнее право. — 1996. — № 1.

Мюллер Р. Б. Законодательные акты второй половины XVI — первой половины XVII в. и принципы их издания // Вспомогательные исторические дисциплины. — Л., 1976. — Вып. 8.

Развитие русского права XV—первой половины XVII в. — М., 1986.

Развитие русского права второй половины XVII—XVIII в. — М., 1992.

Тихомиров М. Н. Пособие для изучения Русской Правды. — М., 1953.

Флоря Б. Н. Об установлении «заповедных лет» в России // Отечественная история. — 1999. — № 5.

Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. — М., 1978.

Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV вв. — М.; Л., 1948—1951. — Ч. 1—2.

Черепнин Л. В. Соборное уложение 1649 г. и Правила Василе Лупу 1646 г. как источники по истории закрепощения крестьян в России и Молдавии // О румыно-русских и румыно-советских связях. Совместная сессия румынских и советских историков. Июнь 1958 г. — М., 1960.

Щапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI—XIV вв. — М., 1972.

Юшков С. В. Судебник 1497 года (к внешней истории памятника) // Труды выдающихся юристов: С. В. Юшков. — М., 1989.

Янин В. Л. Новгород и Литва: пограничные ситуации XIII—XV вв. — М., 1998. — Гл. 2.

Глава 3

АКТЫ

3.1. Общая характеристика

Термин «акт» происходит от латинского оборота «actum est», что в переводе означает «сделано, совершено». Актами часто называют разнообразные документы договорного, законодательного, распорядительного, регистрационного, удостоверительного и другого характера.

Вместе с тем в источниковедении термин «акт» используется в узком смысле для обозначения определенного вида письменных исторических источников, которые имеют специфику в назначении, содержании и форме. В связи с этим они не отождествляются с законодательными, распорядительными и другими документами, также имеющими особые функции, форму и содержание.

Главное назначение акта в узком смысле заключается в закреплении в письменном виде условий соглашения между двумя контрагентами. Одной или обеими договаривающимися сторонами могли выступать верховная власть, церковные объединения, частные лица. Содержание актов отражает многообразие договорных отношений, существовавших на том или ином историческом этапе в политической, социальной и экономической сферах. Тексты договорных документов включают специальные устойчивые формулы, расположенные в определенной последовательности. Таким образом, акты — это «документы, в которых в форме определенных юридических норм зафиксированы экономические или политические сделки, договоры между “частными лицами”; “частным” (юридическим или физическим) лицом и государством (или церковью); между церковью и государством; между государствами»¹.

Сегодня акты X—XVII вв. представлены значительным корпусом текстов на бересте, пергамене и бумаге. Одной из проблем источниковедческого изучения текстов договорного характера является их классификация. Разработано много вариантов деления совокупности договорных документов на более или менее однородные группы. Например, по принадлежности актов к сфере политических, социальных и экономических отношений. Детальную классификацию договоров периода феодализма предложил С. М. Каштанов. Его классификация строится на типах отношений (политических, социальных и экономических) и юридическом

¹ Каштанов С. М. Очерки русской дипломатики. — М., 1970. — С. 9.

положении контрагентов, при этом учитываются стадии развития феодализма. Классификация, основанная на этих трех признаках, показывает, «что в разные периоды развития феодализма акты преобладают в различных сферах общественно-политической жизни»¹.

Еще один вариант систематизации актов учитывает только юридическое положение контрагентов. В соответствии с этим признаком акты делятся на две большие группы: публично-правовые акты и частные акты. В качестве одного или обоих контрагентов *публично-правовые акты* имеют верховную власть. *Частные акты* отражают сделки, в которых контрагентами с обеих сторон выступают частные лица.

3.2. Эволюция актов X—XVII вв.

3.2.1. Оформление договорных отношений в дописьменный период

Разнообразные сделки между отдельными лицами, группами людей или сообществами (обмен продуктами труда, соглашения вождей племен о мире, договоры в области семейно-брачных отношений и т.д.) появились еще в дописьменный период. На данном этапе общественного развития условия соглашений закреплялись обрядами, состоявшими из определенных символических действий и словесных формул. Уникальный пример подобного обряда можно найти в так называемом Усть-Вымском сборнике 20-х гг. XVI в. и Вологодско-Пермской летописи XVI в., которые сообщают о заключении русскими послами мира с остяками и вогулами в конце 1484 г. или начале 1485 г. Остяки и вогулы сопровождали заключение мира обрядом, необычность которого поразила русских послов. Вернувшись в пределы Руси, они рассказали о нем своим соотечественникам: «А мир их таков. Подкинувше елку в жерьдь протолъсту, протесав на четыре, а под нею послали медведно (медвежью шкуру. — Т.К.). Да на медведно покинули две сабли остреи в верх супротивно. Да на медведно же положили рыбу да хлеб. А наши поставили в верх елки крест. А югричи по своему жабу берестену (т.е. свой тотем. — Т.К.) доспену и с ноhti. Да привяжутъ под крестом ниско, да под жабою над нами как почнуть ходити вкруг елки в посолон (т.е. по движению солнца, с востока на запад. — Т.К.) дръжати две сабли, подкинув елку остреи вниз. Да человек, стоячи, приговариваетъ: “Кто сесь мир изменить, по их праву Бог казни”. Да обоидутъ 3-жды, да наши по-

¹ *Каштанов С. М.* Очерки русской дипломатики. — С. 22.

клонятся кресту, а они на полдень (юг. — Т.К.). А после того всего с золота воду пили, а приговор их так же: “Кто изменить, а ты, золото, чуй!”»¹.

В конце XV в. русские послы не предполагали того, что их далекие предки, заключая более пятисот лет назад договоры с Византией, также клялись оружием (мечом) и своими языческими богами. Так, погодные записи 907, 911, 945 и 971 гг. из «Повести временных лет» показывают, что обряд заключения международных договоров языческой Русью включал определенные действия и словесные формулы: «...а Ольга водивше на роту и мужи его по Рускому закону, кляшася оружиемъ своим, и Перуном, богомъ своим, и Волосомъ, скотьемъ богомъ, и утвердиша миръ»² (погодная статья 907 г.); «А некрещеная Русь полагають щиты своя и мече свое наги, обруче свое и прочаа оружья, да кленутся о всемъ, яже суть написана на харатыи сей»³ (погодная статья 945 г., описание утверждения мира Русью в Царьграде); «... и приде на холмъ, кде стояше Перунъ, и покладоша оружие свое, и щиты, и золото, и ходи Игорь роте и люди его, елико поганыхъ Руси»⁴ (погодная статья 945 г., описание процедуры утверждения Русью того же договора в Киеве); «...да имеемъ клятву от бога, въ его же веруемъ — в Перуна и въ Волоса, скотья бога, и да будемъ золоти, яко золото, и своимъ оружиемъ да исечени будемъ»⁵ (погодная статья 971 г., из текста договора).

Следы некоторых сторон процедуры дописьменного оформления сделок сохранились в частных актах периода феодальной раздробленности в виде особых терминов. Так, в текстах купчих и данных грамот, возникших в период независимости Новгорода и Пскова, встречаются термины «одерень», «вдерень». Они происходят от слова «дерн», которое означает верхний слой почвы, заросший травянистыми растениями и скрепленный их переплетающимися корнями. Дерн был символом некоторых обрядов, связанных с отчуждением земли при передаче ее в собственность, при произнесении присяги перед межеванием земли и т.д. В текстах, оформлявших земельную сделку, термин «одерень» («вдерень») означал вечное право собственности: «А продал есми ту четверть лука (лук — единица исчисления размеров земельных, сенокосных и рыбных угодий. — Т.К.) в одерен(ь) без выкупа и отвел, а нет до тое чети лука дела ни моему роду, ни племяни, ни жене, ни детям»⁶.

¹ Цит. по: *Плигузов А.* Текст-кентавр о сибирских самоедах. — М.: Ньютон-вилль, 1993. — С. 150.

² Повесть временных лет. — С. 17.

³ Там же. — С. 26.

⁴ Там же.

⁵ Там же. — С. 34—35.

⁶ Словарь русского языка XI—XVII вв. — М., 1987. — Вып. 12. — С. 270—271.

В купчих грамотах, особенно двинских, и в абсолютном большинстве актов Северо-Восточной Руси конца XIV — первой половины XVI в. встречается термин «пополонок» («пополнок»), означающий натуральную придачу к основной денежной плате за покупку. Натуральная придача могла состоять из скота и домашней птицы, зерна, одежды, меха и т. д. Стоимость пополонка зависела от величины основной суммы сделки: чем она выше, тем дороже придача. Этот термин несет следы уравнивания ценности предметов в ходе натурального обмена. Например, покупая вотчинные земли у Степана Нечая и Парфена Постника Григорьевых Овчининых детей Сытина, архимандрит Новоспасского монастыря Нифонт от себя и братии в купчей грамоте 1544/1545 г. указал: «А дали есмя на неи тритцат(ь) рублей и чотыре рубли да пополнъку вол рыж»¹.

Определенным архаизмом в текстах актов является термин «послух» («послухи»). Это слово имеет корень «слух», который указывает на то, что послух был свидетелем устно совершенной сделки. Послухи выступали гарантами соблюдения условий договора, а в случае их нарушения — свидетелями при дальнейшем разбирательстве.

Когда сделки стали оформляться в письменном виде, в текст договора со временем была введена удостоверительная формула с указанием, как скреплен акт и чья печать приложена к документу. Формула свидетельствовала о подлинности документа. В такой ситуации изменилась роль послухов, чьи имена также записывались в удостоверительной части акта. Теперь они были свидетелями и письменного оформления сделки.

Элементы дописьменного периода заключения сделок, отразившиеся в текстах местных актов, в период Русского централизованного государства постепенно исчезают. В это время возникают более или менее единые по структуре, терминологии и юридическим формулам разновидности документов договорного характера. Кроме того, в новых исторических условиях государство стало вести учет письменно оформленных сделок между контрагентами различных сословий и социальных категорий, тем самым обеспечивая унификацию текстов.

3.2.2. Берестяные грамоты и развитие актов

Важное место в изучении актов на раннем этапе письменного оформления договоров занимают берестяные грамоты XI — XV вв., первая из которых была найдена археологами в Новгороде 26 июля

¹ Акты Российского государства. Архивы московских монастырей и соборов. XV — начало XVII в. — [М.], 1998. — С. 237. — № 101.

1951 г. Понятие «берестяные грамоты» сегодня объединяет разнообразные по содержанию тексты. Их можно рассматривать как прообраз многих видов письменных исторических источников, получивших развитие на пергаменной и бумажной основах.

Среди берестяных грамот встречаются тексты, которые содержат формулы, свойственные некоторым разновидностям актов. Например, почти полностью сохранилось «рукописание» Марии, датированное второй половиной XIV — началом XV в. (грамота № 692). В Новгороде рукописанием называли духовную грамоту, или завешание. При сравнении завешания Марии с самой ранней новгородской духовной грамотой на пергамене (духовная Климента) обнаруживаются краткость грамоты Марии и присутствие в ней традиционных для завешаний формул:

*Духовная Климента
(не позднее 1270 г.)*

«Во имя Отця и Сына и Святаго Духа.

Се аз раб божий Климянт даю рукописанье святому Гергью и игумену Варламу и всеи братье... Даю за все то два села...

А ты, Варламе, исправи, того деля написах, зан да не было у мене брата, ни сыну...»¹.

*Берестяная грамота № 692
(вторая половина XIV в. — начало XV в.)*

«Во имя О(т)ца и С(ы)на и С(вя)таго Д(у)ха.

Се азъ (раба б(ож)ия) Мария, отходя сего света, пишу рукописа(ние при) своемъ животе.

Приказываю остатоко свои (= =) своему Максиму, зандо есмь пуста. Пусты его ты(мь) по мне помянуть»².

Оба текста начинаются с так называемого богословия, в качестве которого в завешаниях часто использовался оборот «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа». Затем в текстах следует имя завещателя «Се яз, раб божий (такой-то)». Далее в грамоте Марии встречается формула «отходя сего света пишу (даю) рукописание при своем животе», указывающая обстоятельства составления документа. В духовной Климента эта формула дана в кратком варианте — «даю рукописание». Различия могут быть объяснены тем, что духовная Климента представляет собой более ранний текст, в котором не все необходимые обороты получили свое развитие.

Оба текста имеют самоназвания. Термин «рукописание» отмечается и в более ранней грамоте № 689, датированной второй половиной XIV в.: «По рукописанию взяле рубель, а прочи рукописания поло третия рубля...». Упомянутое здесь завешание не обязательно написано на бересте, но несомненна связь этой хозяйственной записи о расходах по духовной с текстом самого завешания.

¹ Памятники русского права. — М., 1953. — Вып. 2. — С. 108—109.

² Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984—1989 годов). — М., 1993. — С. 79.

Распоряжения обоих завещателей вводились в тексты оборота-ми: «а приказываю...» («а даю...»), за которыми следовало перечисление завещаемого имущества. При этом в пергаменной духовной Климента распоряжения относительно движимого и недвижимого имущества зафиксированы очень подробно. В грамоте Марии подобного перечисления не было, и это утверждение не опровергается даже небольшой утратой текста.

В конце обоих завещаний объясняется, почему отданы именно такие распоряжения: у Климента не было наследников мужского пола, и он не мог оставить недвижимость своей жене, которая, как следует из текста, «пострижеться в чернице», а Мария, по-видимому, вообще не имела наследников.

Таким образом, условия завещания — самая главная часть в духовной — не отражены в берестяной грамоте № 692. По всей видимости, запись на бересте была сделана «для памяти».

Имея много общего, акты на пергамене и на бересте развивались по-разному. Берестяные грамоты не могли стать основой для развития актов и других видов источников. Причина этого кроется в свойствах писчего материала, не позволявших включать новую информацию в сложившиеся краткие варианты текстов. Краткость «берестяных» текстов договорного характера при одновременном использовании развернутых текстов на пергамене или бумаге позволяет предположить, что они представляют собой не официальные акты, оформленные по всем правилам, а записи «для памяти». По мнению некоторых исследователей, их краткая и четкая структура со всеми присущими конкретному акту формулами свидетельствует о том, что письменная форма фиксации сделок длительное время сосуществовала со словесно-процедурным действием.

В результате дальнейшей специализации письменных текстов, обусловленной государственными и общественными потребностями, а также благодаря переводу с середины XIV в. письменности на бумагу ускорился процесс развития формуляра акта, что выразилось во внесении в текст договора новой информации, необходимой для контрагентов и власти.

Значение берестяных грамот в источниковедении велико и по той причине, что они дают новые аргументы при обсуждении проблемы генезиса русского частного акта. В источниковедении существует дискуссия о времени и месте появления частных актов. Различие мнений было порождено тем, что, во-первых, древнейшие акты сохранились в позднейших списках, во-вторых, в актах не ставилась дата оформления сделки или составления документа. Практика простановки даты в частных актах стала обязательной только с конца XV в. По мнению С. Н. Валка (1887—1975), частные акты прежде появились в Новгороде в XIII в. и только в XV в. в Северо-Восточной Руси. Его оппонентом выступил Тихомиров,

который относил появление частных актов к XII в. Изучив большое количество печатей, которые привешивались к документам, Янин нашел косвенные аргументы в поддержку гипотезы Тихомирова. Исследователь сделал вывод о том, что сохранившиеся буллы принадлежали и частным актам XII в.

Результаты изучения берестяных грамот усиливают позиции исследователей, придерживающихся мнения о достаточно раннем появлении частных актов. Ряд этих грамот позволяет обнаружить следы более ранних письменных актов, чем те, которые сохранились. В берестяной грамоте № 53 (10—30-е гг. XIV в.) упоминается «список с купной грамоты», что косвенно подтверждает более раннее существование письменно оформленных купчих с их отличительными чертами.

3.2.3. Публично-правовые акты: основные разновидности

К числу публично-правовых актов относятся международные договоры; договоры между князьями и Новгородом; между великими и удельными князьями; между князьями и церковью; между верховной властью и отдельными светскими феодалами или церковными организациями.

Грамоты по внешнеполитическим вопросам. Древнейшие русские публично-правовые акты возникли в сфере внешней политики. К ним относятся договоры Руси с Византией 911, 944 и 971 г., тексты которых сохранились в составе «Повести временных лет» второй и третьей редакций. Договоры заключались по византийской и языческой процедурам. Тексты договоров в летописном варианте представляют собой переводы с греческого языка.

В период феодальной раздробленности самостоятельные государственные образования поддерживали договорные отношения с Западом. Активно проявлял себя во внешнеполитической области Великий Новгород. За период с конца XII в. до 1466 г. сохранились около 20 договоров и проектов договоров Новгородской феодальной республики с Готландом, Любеком, городами Ганзейского союза, Ливонским орденом. Соглашения касались торговых, политических и других вопросов. В 1323 г. новгородский князь Юрий Данилович заключил со Швецией так называемый Ореховецкий договор, который почти на два столетия определил новгородско-шведскую границу. Условия этого договора подтверждались дважды, в 1339 и 1351 г. В письменном виде оформлялись договоры Новгорода с Великим княжеством Литовским.

Свои внешнеполитические связи закрепляло договорами и Смоленское княжество. В 1229 и 1230—1240 гг. Смоленск заключил соглашения с Ригой и Готским берегом.

Договорные грамоты Великого Новгорода с великими князьями. Особое политическое устройство Новгородской феодальной республики предусматривало письменное оформление условий, на которых новгородцы приглашали на службу князей. Приглашенные князья были из Твери, Литвы и Москвы. Содержание заключенных с ними договоров касалось условий, на которых князь участвовал в управлении Новгородской землей, и его прав.

Самая ранняя из дошедших договорных грамот Новгорода с приглашенным князем датируется серединой 60-х гг. XIII в. Это грамота, заключенная с тверским великим князем Ярославом Ярославичем. Последний договор подобного рода, заключенный Великим Новгородом в период независимости, был оформлен грамотой 1471 г. В ней указывались условия, на которых московский великий князь Иван Васильевич должен «держати» Новгород.

Докончальные грамоты. Докончальными грамотами (от древнерусского слова «докончание» — договор) назывались соглашения между великими князьями, а также между великими и удельными князьями. Для наименования договоров русских царей с главами других государств термин использовался и позднее, в XVII в.

Одна из ранних известных сегодня междукняжеских договорных грамот была составлена в XIV в. Это докончание 1350/1351 г. между великим князем Семеном Ивановичем Гордым и его братьями — удельными князьями Иваном и Андреем Ивановичами. Большое число междукняжеских договоров оформлялось в условиях феодальной войны второй четверти XV в., когда для князей стал актуальным вопрос о военных и политических союзах. Последняя договорная грамота оформила в 1531 г. соглашение между великим московским князем Василием III и дмитровским князем Юрием Ивановичем.

В докончаниях определялись вассально-сюзеренные отношения князей, поскольку в них фиксировалось старшинство одного князя («брат старейший») и подчиненность другого («брат молодой»). Например, докончание великого князя Дмитрия Ивановича и великого князя рязанского Олега Ивановича, заключенное около 1382 г., начинается так: «По бл(а)гословен(ь)ю отца н(а)-шего Киприяна, митрополита всея Руси, на сем, братъ старейши, княз(ь) велики Дмитреи Иванович, и братъ твои, княз(ь) Володимеръ Андреевич, целуйте ко мне кр(е)сть, къ своему брату к молодшему, ко князю к великому к Олгу Ивановичю»¹.

Грамоты содержали разнообразные договорные статьи: о военной помощи, владении территориями, статусе различных категорий населения, праве отъезда бояр и вольных слуг, порядке взимания пошлин и выплаты «выхода» — ордынской дани.

¹ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей. XIV—XVI вв. — М.; Л., 1950. — С. 29. — № 10.

Формула заключения договора и присяги на верность при соблюдении соглашения выражалась в тексте dokonчания словами: «...целовали есмы межи собе крест...».

Жалованные грамоты. Жалованные грамоты появились на Руси в XII в. Древнейшей жалованной грамотой, сохранившейся в оригинале, является пергаменная грамота великого киевского князя Мстислава Владимировича и его сына — новгородского князя Всеволода. В ней зафиксировано пожалование игумену Исаии и братии Юрьева монастыря села Буйце вместе с иммунитетными правами на землю.

Формуляр этой грамоты еще не развит, в нем нет, в частности, даты. В источниковедении предложено несколько вариантов ее датировки. С учетом времени пребывания Мстислава Владимировича на киевском престоле грамота датируется широко — от 1125 до 1132 г. Попытки уточнить датировку опираются на известие новгородских летописей о том, что до 1128 г. игуменом в Юрьеве монастыре был Кириак. Следовательно, грамота, данная на имя игумена Исаии, возникла уже после этого года. Один из первых исследователей грамоты И. И. Срезневский (1812—1880) датировал ее 1130 г., так как Всеволод после похода в этом году на чудь «ходи Киеву к отцю» и вместе с отцом дал жалованную грамоту. Другие исследователи находят иные события в жизни Мстислава Владимировича, позволяющие датировать грамоту. Так, Т. В. Рождественская считает, что в 1128 г. киевский князь приезжал в новгородский Юрьев монастырь по случаю поставления Исаии игуменом, и относит жалованную грамоту к 1128 г.

В период феодальной раздробленности жалованные грамоты выдавались во многих княжествах: Рязанском, Тверском, Ярославском, Московском и др.

На начальном этапе выдача жалованных грамот в определенной степени свидетельствует о слабости государственной власти, поскольку вместе с землей она передавала вотчиннику собственные права на сбор государственных доходов и суд над людьми, проживавшими на территории вотчины.

В условиях Русского централизованного государства верховная власть, укрепляясь, стремилась ограничить права вотчинников на территории их владений, поэтому уже в XVI в. предпринимались попытки приостановить выдачу жалованных грамот. В отношении светских вотчинников постепенно это удалось сделать, но на вотчины церковных феодалов жалованные грамоты продолжали выдаваться и в XVII в.

В ранних жалованных грамотах нет детализации податного и судебного иммунитета. Жалованными грамотами XIV—начала XV в. бессрочно освобождали только от дани. В дальнейшем список поборов, от которых отказывался верховный правитель в пользу вот-

чинника, увеличивался. Теперь у власти появились варианты различных сочетаний привилегий, которые она предоставляла землевладельцам. С конца XV в. стали бессрочно освобождать от основных прямых налогов и пошлин: дани, ямских денег, тамги, посошной службы, а с середины XVI в. — от полоняничных и писчальных денег. Грамоты, бессрочно освобождавшие вотчину от всех этих налогов и пошлин или некоторых из них, называются жалованными тарханными грамотами. Жалованная льготная грамота освобождала от уплаты государственных податей на оговоренный в грамоте срок. Жалованные тарханно-оборочные грамоты заменяли повинности, падавшие на феодальное владение, единой суммой оброка, уплачиваемого в заранее установленный срок. Судебный иммунитет предоставлялся жалованными несудимыми, «бережельными» и другими грамотами. Жалованные обельно-несудимые грамоты сочетали освобождение от второстепенных поборов в пользу великого князя с привилегиями судебного характера.

Княжеские духовные грамоты. Самыми ранними духовными грамотами — княжескими завещаниями — являются два «рукописания» владимиро-волынского князя Владимира Васильковича, созданные около 1287 г. и сохранившиеся в тексте Ипатьевской летописи. Факт составления духовной отдельно для каждого наследника (брата и жены князя) свидетельствует о неразвитости завещаний как разновидности актов. Позднее все распоряжения завещателя как в публично-правовом, так и в частном документе оформлялись в едином тексте, независимо от количества наследников.

Духовные грамоты великих князей Северо-Восточной Руси создавались с XIV по XVI вв., однако сохранились грамоты только князей московского дома. Духовные грамоты московских князей появляются с конца 20-х или конца 30-х гг. XIV в. С 1327 (или 1339 г.) по 1375 г. их известно четыре, причем духовные Ивана Калиты и Ивана Красного дошли в двух вариантах. Все шесть текстов сохранились в подлинниках. В письменном тексте суть договора передают формулы: «...целым своим умом пишу душевную грамоту...» и «...даю ряд...». Такие же формулы использовались и в завещаниях частных лиц.

Поздней из сохранившихся княжеских духовных грамот является завещание царя Ивана Грозного 1572 г., которое по своему содержанию близко к публицистическому сочинению.

Духовные грамоты составляли и удельные князья. Последняя из них — завещание углицкого князя Дмитрия Ивановича Жилки (1521 г.)

Уставные грамоты. Древнейшие уставные грамоты реконструируются на основе церковных уставов. Как уставные грамоты, так и церковные уставы касались взаимоотношений светской и цер-

ковной властей и отражали земельные, финансовые и иные интересы государства и церкви.

Результаты реконструкции уставных грамот, проведенной Шаповым, таковы. Первая уставная грамота князя Владимира Святославича предоставляла в 995 или 996 г. десятину только церкви Богородицы. Следующая уставная грамота князя Владимира о церковных судах, выданная до 1011 г., относилась ко всем русским епископиям. На основе обеих грамот возник древнейший текст церковного Устава Владимира о десятинах, судах и людях церковных, распространившего действие этих постановлений на все русские земли.

Выдача второго Устава князя Ярослава Владимировича о церковных судах датируется периодом между 1051 и 1054 гг. Некоторые исследователи считают, что, как и Устава Владимира, Устав Ярослава имели предшественницей уставную грамоту — договор князя с первым русским митрополитом Иларионом. Об этом свидетельствует начальная формула архетипа устава «Се аз, князь великий Ярослав, сын Володимерь, по данию отца своего съгадал есмь с митрополитом с Ларионом, сложил есмь гречьскийи номоканун...»¹. Устав, подвергшийся переработке в последующие периоды, так же, как и церковные уставы, выданные впоследствии в Смоленске и Новгороде, по своему назначению, содержанию и форме ближе к законодательным документам, чем к договорным. Уставы иногда называют кодексами, судебниками. Таким образом, уставные грамоты играли роль нормативных источников для последующих кодификаций законов.

К середине XVI в. область возникновения публично-правовых договоров и актов, их оформлявших, несколько сузилась. Завершение процесса объединения государства и установление власти московского великого князя над всеми русскими землями как «государя всея Руси» упразднили, например, необходимость регулировать с помощью договоров отношения как великого князя, так и удельных князей. «Самодержавство», утвердившееся в это время, понималось современниками как неограниченная власть монарха, не зависимого от своих подданных. В новых исторических условиях механизмами, регулировавшими отношения между верховной властью и различными категориями населения, стали законодательство и административное управление, представленное приказной и местной системами государственных учреждений. В связи с этим возросло значение нормативных и распорядительных материалов, исходивших от имени царя. В дальнейшем соотношение публично-правовых и частных актов менялось в пользу последних.

¹ Шапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI—XIV вв. ... — С. 293.

3.2.4. Частные акты: основные разновидности

Частные акты обязаны своим происхождением развитию сферы социально-экономических отношений. По мере ее развития росло разнообразие как объектов сделок частных лиц (земля, деньги, люди и т.д.), так и условий, на которых достигалась договоренность контрагентов. Сохранившийся корпус частных актов отражает это разнообразие.

Большинство частных актов, возникших до конца XV в., связано с перераспределением земельного фонда. Письменно оформленные договоры, объектом которых была земля, раскрывают процесс образования феодальной собственности на землю, показывают различные пути формирования этой собственности и т.д.

Переход земли от одного лица к другому, а также закрепление права собственности нового владельца фиксировали данные, купчие и меновные грамоты. Эти акты фиксировали различные формы перехода земли от одного владельца к другому и условия, на которых совершались сделки.

Если земли даровались, сделка оформлялась *данной (вкладной) грамотой*. Дарителями в данном случае выступали светские лица, а получавшими дар — церкви, монастыри. Вклады были одним из основных путей формирования церковного и монастырского землевладения. Эта разновидность грамот начинались формулой: «Се аз (такой-то) дал есмь в дом (название монастыря) игумену с братьею...».

О времени появления данных грамот в источниковедении нет единой точки зрения. Древнейшей подобной грамотой некоторые исследователи считают новгородскую данную игумена Антония Римлянина, несмотря на то что она сохранилась в списке второй половины XVI в. Они датируют ее не позднее 1147 г., основываясь на годе смерти вкладчика. К настоящему времени высказаны и другие мнения о грамоте Антония Римлянина: Валк и Ю.Г.Алексеев считают ее подделкой. Янин относит ее составление к более позднему периоду — концу XIII — середине XIV в. Тихомиров, признавая раннее происхождение грамоты (XII в.), объясняет ее позднюю терминологию поновлением текста при копировании.

Данные грамоты на землю оформлялись до 80-х гг. XVI в., когда законодательно были запрещены земельные вклады в монастыри.

Если земля покупалась, то приобретение недвижимости фиксировалось в *купчей* грамоте. В сделке типа «купля-продажа» с обеих сторон могли участвовать как светские, так и духовные лица. Купчие грамоты на землю сохранились, начиная со второй половины XIV в. В тексте купчей суть сделки передавала фраза: «Се аз (такой-то) купил есми (то-то)...».

Обмен землей отражался в *меновной грамоте*. Первые меновные грамоты появились в Пскове в XIV в., а со второй четверти XV в. они распространились и в Северо-Восточной Руси. Характер сделки передавала формула: «Се аз (такой-то) променил есми (такому-то) свою вотчинку...».

Тексты этих трех групп актов близки по форме и отчасти по содержанию. В них назывались стороны, участвовавшие в сделке, ее объект и условия. В удостоверительной статье грамот перечислялись свидетели (послухи) оформления документа, назывался писец, позднее в нее включилось замечание о печати.

Помимо статей, характеризующих суть сделок, главные различия касались конкретных условий передачи земли новому собственнику. В данной грамоте сторона, получавшая вклад, была обязана поминать умерших родственников дарителя. В одних грамотах это условие обозначалось кратко, в других вносилось уточнение о том, что имена родственников должны быть записаны в синодик. Особенностью поздних текстов данных грамот является указание прежних владельцев и условий, на которых была получена земля дарителем.

В купчей грамоте обязательно указывалась сумма, выплаченная продавцу земли. В текстах купчих XVI в. стала фиксироваться обязанность продавца «очищать» землю, т.е. при возникновении претензий третьих лиц на землю доказывать свое право на ее продажу и освобождать покупателя от судебных издержек. Это обязательство свидетельствовало о значительном развитии процесса отчуждения земли, многократной смене землевладельцев и желании покупателя обезопасить себя в случае появления третьих лиц, претендовавших на купленную землю. Например, вот как письменно оформлена в 1569/1570 г. договоренность об «очищении» вотчинной земли в Боровском уезде, проданной Раковыми «в дом Михаилу Арханилу, что на Москве на площади в старом городе, арханилскому протопопу Григор(ь)ю Иванову с(ы)ну з брат(ь)ею...»: «А у кого вялжет на ту н(а)шю вотчину купчая или кабала, или запис(ь), или иная какая крепость нибуди, и нам та своя вотчина очищати, а протопопа Григор(ь)я з брат(ь)ею в тои своеи вотчине не довести ни которого убытка. А что ся протопопу Григор(ь)ю з брат(ь)ею в тои н(а)шей вотчине учинит убытка, и нам ему те убытки платити»¹. В купчих можно встретить запись о праве покупателя поступать с землей по своему усмотрению, а также замечание об отчуждении продавца от земли навечно.

Крупные землевладельцы собирали свои владения в течение многих лет, осуществляя и другие сделки, которые оформлялись закладными и деловыми (дельными, раздельными) грамотами.

¹ Акты Российского государства. — С. 67.

Закладные грамоты, которые появились еще в начале XV в. в период феодальной раздробленности, оформляли получение денежной суммы в долг под заклад (залог) земли. В качестве заемщиков выступали и феодалы, и крестьяне, и церковнослужители. Закладные грамоты обычно начинались формулой: «Се яз (такой-то) занял есми у (такого-то) (столько-то) денег, а в тих деньгах заложил есми... (описание земли)». Важным пунктом в условиях такой сделки был срок, на который брались деньги взаймы. В закладной грамоте он обычно обозначался церковными праздниками. Кроме того, в закладной зачастую указывались размер процентов («рост»), способ их взимания, права кредитора во время залога и в случае невыкупа должником своих земель в срок.

Деловые грамоты фиксировали раздел вотчины светского феодала между его наследниками. Эти акты были тесно связаны с духовными грамотами, в которых завещатель отдавал распоряжения относительно всего своего движимого и недвижимого имущества. Однако в дельной грамоте отражался только раздел земли в соответствии с распоряжением завещателя. В дельной грамоте раздел мог быть расписан более подробно, чем в духовной.

Развитие товарно-денежных отношений и связанный с ним процесс формирования категорий несвободных людей отражены во многих разновидностях частных актов, среди которых полные грамоты, служилые кабалы, порядные, ссудные грамоты, жилые записи и др. В историографии на основе этих грамот изучались происхождение крепостного права, экономическое положение различных категорий крестьян и т.д.

Полные грамоты регистрировали один из вариантов купли-продажи, и ее объектом являлись люди. Первые сведения о таких грамотах относятся к XV в. Сегодня известны две подлинные полные грамоты — грамота 1494 г., составленная в Суздале, и грамота 1511 г., написанная в Пскове. Другие полные грамоты сохраняются в списках конца XVI в. в новгородских записных книгах старых крепостей. Последняя известная сегодня полная грамота датируется 1554 г.

Название этой группы грамот происходит от слова «полница», обозначающего переход свободного человека в полное холопство («в полницу»). В полное холопство человек продавал себя сам (или его продавали) за определенную денежную сумму. Суть данной сделки передавала фраза «Се аз (такой-то) купил есмь (такого-то) в полницу себе и своим детям... на нем полтора рубли. А продал есми по своей воле без пристава...».

Докладными назывались полные грамоты о самопродаже людей «в полницу», совершенной с доклада наместнику.

С начала XVI в. и до конца XVII в. похолопление оформлялось *служилыми кабалами*. Слово «кабала» обозначало письменное дол-

говое обязательство, долговую расписку. Служилые кабалы фиксировали заем денег с обязательством должника «служити по вся дни и всякое дело делати» во дворе заимодавца. В отличие от закладных, в заемных кабалах заем не обеспечивался залогом земли. Поэтому заемные кабалы заключались с представителями тех социальных слоев, которые не располагали свободно отчуждаемой землей. В роли кредитора мог выступать светский или церковный феодал, а в роли заемщиков — монастырские слуги, крестьяне, посадские люди. Поступавший в кабалу заемщик имел право после погашения долга выйти из кабалы, однако это случалось крайне редко.

С конца XV в. получают распространение акты крестьянского порядка, т.е. акты, оформлявшие поступление в крестьяне к частному феодалу. К ним относятся оброчные, порядные и ссудные грамоты.

Оброчные грамоты оформляли отношения между феодалом и крестьянином, который получил от этого феодала землю для обработки. Эти акты появились в конце XV в. Они начинались формулой: «Се яз (такой-то) дал есми на оброк...». Далее описывалась земля, размер ренты, которую должен был выплатить крестьянин феодалу с этой земли. Арендаторами вотчинной земли выступали и другие сословия.

Порядные записи происходили в основном из северных монастырей. Свое название документ получил от слова «ряд» (договор). В период феодальной раздробленности в Новгородской республике *рядной* наименовался договор между двумя сторонами по какому-либо спорному делу. Она заключалась «полюбовно», без суда или согласно судебному решению. Самой ранней рядной считается псковская рядная Тешаты и Якима 1266 — 1291 гг.

Сравнение рядной периода феодальной раздробленности и порядной записи периода Русского централизованного государства показывает, что эти акты, несмотря на схожесть наименований, отражают различные договорные отношения.

На Северо-Востоке в XVI — XVII вв. порядная оформляла вступление в феодальную зависимость обедневших и обезземеленных крестьян. Порядные заключали также церковнослужители (дьячки, попы). Порядчик обязывался освоить выделенный ему земельный надел и нести повинности в пользу землевладельца, а феодал давал на определенный срок льготу на оброк и барщину.

Особенностью содержания порядных грамот является подробное перечисление повинностей крестьян, савившихся на чужой земле.

В порядных указывалось следующее: 1) кто поряжается; 2) к кому; 3) на какой участок; 4) с какого времени и на какой срок; 5) подмога (натуральная или денежная субсидия); 6) условия эксплуатации участка; 7) трудовые повинности и подати в пользу

феодала; 8) государственные повинности; 9) неустойка в случае невыполнения поставки; 10) удостоверительная часть, где названы имена свидетелей сделки и писца.

Порядные записи по своей сути являлись договорами, но они не получали удостоверения в государственных учреждениях. Существует мнение о том, что они представляли собой внутреннюю документацию монастырей. В формуляре отсутствует указание на пошлины за совершение сделки. В качестве писца порядных могли выступать или монастырский дьячок, или больничный старец и т.д. Местом хранения порядных являлась монастырская казна.

Порядные записи иногда делались в двух экземплярах. Сначала оформлялась порядная от лица монастырского собора, затем составлялся крестьянский «противень» порядной.

Получив порядную, крестьяне давали *покладное письмо*. Его назначение состояло в том, чтобы при возможном отказе крестьянина от условий «ряда» или утрате им «противеня» можно было предъявить документ, исходящий от самого рядившегося крестьянина.

Приведем образец покладного письма 4 февраля 1671 г.:

«Се аз Богословской вотчины Пинежской волости монастырской крестьянин Иван Артемьев сын Осокин дал есми сие покладное письмо того ж Богословского монастыря в казну игумену Ионе да келарю старцу Сергию, да казначею старцу Матфею з братиею в том, что оне, игумен Иона з братиею, в нынешнем 179 году порядили меня, Ивана, в свой монастырской пашенной починок на Березнике, где преж сего жил я ж, Иван. И тому оу меня, Ивана, от них порядная следует. И как им, игумену Ионе з братею, та порядная смотреть понадобитца, и мне, Ивану, та порядная им смотреть давать, за собою не таить, да в том я, Иван, им, игумену Ионе и всеи братии Богословского монастыря, в Богословскую казну сие и покладное письмо дал. На то послуши отец мои Иванов родной Артемеи Никитин сын Осока.

Писал сие письмо по его Иванову велению в Богословском монастыре казенной дьячек Оська Степанов.

179-го году (7179 г., т.е. 1671 г. — Т.К.) февраля в 4 день»¹.

Появление покладного письма как документа, констатировавшего только факт заключения порядной и некоторые новые условия, касающиеся самого документа (не таить порядную, при необходимости показать ее монастырю), отражает стремление феодалов фиксировать информацию о сделках как можно в большем числе документов, чтобы затем использовать их для удержания крестьянина в зависимости.

Ссудные грамоты появились в 20-е гг. XVII в. Ими оформлялась выдача денежной ссуды вступавшему в крестьяне. Получив ссуду,

¹ Васильев Ю. С. Порядные записи северной монастырской вотчины XVII в. // Археографический ежегодник за 1976 год. — М., 1977. — С. 86. — Сноска 26.

порядчик должен был «жить... безвыходно», т.е. без отсрочек платить оброк, нести тягло, трудиться на хозяина.

В период становления и существования крепостного права (конец XVI — середина XIX в.) стали совершаться новые сделки, объектами которых были холопы и крестьяне. Акты, оформлявшие эти сделки, регулировали обмен и распределение крестьян и холопов. В конце XVI в. появились так называемые *поступные* (от слова «поступиться», т.е. уступить) *грамоты*. В них владелец беглых крестьян уступал их другому феодалу, у которого крестьяне жили «в бегах».

Крестьяне без земли стали объектом купли-продажи с середины XVII в. Эти сделки оформлялись в *купчих на крестьян*.

Отпускные грамоты освобождали кабальных людей, холопов, крестьян от личной зависимости. Они появились в XVII в.

Купчие и отпускные просуществовали до отмены крепостного права в 1861 г.

Жилая запись была прообразом договора найма рабочей силы. В условиях господства крепостнических отношений найм носил полукабальный характер. Жилые записи распространились с начала XVII в., самая ранняя из них датируется 1607 г. В текст жилой записи включались, как правило, сведения о сумме денежной оплаты труда человека, дававшего на себя запись, и сроке, в течение которого хозяин будет пользоваться его трудом. Кроме того, записывались обязательства нанимавшегося выполнять оговоренную в жилой записи работу, не приносить хозяину убытков. Самостоятельными пунктами условий были характер дополнительного вознаграждения труда, а также неустойка в случае неисполнения договора.

В XVII в. зарождаются и в дальнейшем получают распространение акты трудового и имущественного найма, акты на совместное предпринимательство и т.д.

3.2.5. Акты в системе делопроизводственной документации государственных учреждений

До настоящего времени в подлинниках дошло очень мало древнерусских средневековых актов. Основная масса исторических источников этого вида сохранилась в современных или позднейших копиях или в переработанном виде.

Накоплению копий актов, а также краткой информации о состоявшихся сделках способствовала организация во второй половине XVI в. специального государственного учетно-регистрационного делопроизводства.

До появления приказов, где регистрировались сделки, письменное закрепление договоров между частными лицами было свя-

зано с так называемым институтом доклада князю или его агенту. Оформленный в результате доклада текст начинался словами: «Доложа князя Ивана Михайловича, наместника суждальского» (из докладной полной грамоты 1494 г.). После этой начальной формулы о докладе от первого лица приводилось заявление одного из контрагентов: «Се аз (такой-то) купил есми, господине, (такого-то)...». Таким образом, докладные грамоты письменно закрепляли устное сообщение о заключенном договоре.

Структура докладной грамоты позволяет предположить, что доклад верховному правителю или его агентам был одной из ранних форм фиксации информации о некоторых видах частных сделок в зарождавшейся делопроизводственной документации. В пределах небольшой территории княжеств и при незначительном количестве сделок можно было контролировать выполнение условий соглашения, а при их нарушении проводить расследование.

Позднее, когда в Русском централизованном государстве сложился достаточно разветвленный аппарат управления, институт доклада непосредственно верховной власти о частных сделках был заменен нотариально-учетной деятельностью центральных государственных учреждений и лиц, представляющих на местах верховную власть. С учетом потребностей государства они проводили обработку письменно оформленных сделок.

Тексты договоров часто писали площадные дьяки, работавшие в различных городах. В Москве, например, местом письменного оформления частных сделок была Ивановская площадь в Кремле. О своей причастности к составлению акта площадные дьяки сообщали в конце текста после перечисления послухов: «А даную писал алаторские площади под(б)ячей Куземка Попов» (запись в приданое 1678 г.).

С расширением территории Русского государства, созданием системы органов управления, ростом числа лиц, обслуживавших процесс управления, и углублением социально-экономических процессов верховная власть взяла под свой постоянный контроль выдачу письменных свидетельств о разнообразных сделках.

Большую роль в оформлении актов играл Печатный приказ. Учреждение под этим названием впервые было упомянуто в 1611 г. Приказ просуществовал до 1722 г., когда его функции были переданы вновь организованной Печатной конторе. Деятельность Печатного приказа носила регистрационно-нотариальный характер: приложением печати здесь удостоверялись акты, выдаваемые в Москве частным лицам. Сюда же поступали печатные пошлины, взимавшиеся за регистрацию частных актов в приказных избах по всей территории Российского государства. В то же время следует отметить, что печатник — должностное лицо в княжеской администрации, в обязанности которого входило хранение печати и удостоверение ею документов, — упоминается еще в XIII в.

Акты, на которые накладывалась печать, регистрировались в специальных книгах. В них в хронологическом порядке фиксировалась краткая информация о грамоте: кому выдана; суть документа с минимумом дополнительных сведений (местонахождение вотчин, поместий и их размеры); сумма взимаемых печатных и подписных пошлин; помета о получении пошлин. *Книги* такого содержания назывались *пошлинными*. Отдельно велись книги, в которых записывалось обоснование освобождения от уплаты пошлин. Они назывались *беспошлинными книгами*.

Вот несколько записей, сделанных 27 февраля 1613 г. в записной пошлинной книге: «Запечатана грамота на Углич по челобитью Гурья Волынцова да Захарья Гошневского о дозоре. Пошлин полтина. *Взято*»; «Запечатана грамота в Осташково по челобитью Чесново Корцова: велено ево написать по дворовому списку. Пошлин полполтины. *Взято*»; «Запечатана грамота в Осташково по челобитью Тимофея Виселицына на старое поместье. Пошлин полполтины. *Взято*»¹ (курсивом выделены пометы дяков. — Т. К.) и т. д.

Разделение книг на пошлинные и беспошлинные показывает, что приказ не только накладывал печать, но и исполнял фискальные функции. Так называемые записные книги Печатного приказа, несмотря на краткость записей, в XVIII—XIX вв. заменяли подлинные документы в случае их утраты.

В государственных учреждениях использовался и другой прием обработки актов, поступавших для учета и придания им юридической силы. Рассмотрим его на примере учета служилых кабал.

Огромные масштабы кабального холопства в XVI в. породили стремление верховной власти законодательно упорядочить выдачу кабальных грамот и взять под контроль сбор пошлин от регистрации этих сделок.

Оформление служилых кабал в конце XVI—40-х гг. XVII в. осуществлялось на основе указа 1 июня 1586 г. Этим указом предписывалось регистрировать служилые кабалы в определенных местах: в Москве — в приказе Холопьевого суда, а за пределами столицы — в приказных и съезжих избах (губные старосты). Текст кабалы должен был вноситься в специальные книги записей, содержание которых определял указ. В книге записей кабальных сделок необходимо было указывать пошлину, взимавшуюся в казну с каждой сделки — алтын с рубля. Согласно указу, в кабальные книги включались описания внешних примет и биографические данные кабальных холопов, полученные в результате личного опроса и осмотра каждого из них.

Указ требовал также отправлять два раза в год копии книг и деньги из местных учреждений в Москву на Казенный двор.

¹ Документ Печатного приказа (1613—1616 гг.). — М., 1994. — С. 11.

Наилучшим образом сохранились книги Северо-Запада за конец XVI—XVII вв. Самая ранняя известная сегодня книга записей, созданная после указа 1586 г., относится к новгородской Водской пятине и датируется 1591/1592 г.

Со временем книги записей служилых кабал превратились в подборки документов по холопству, поскольку в них включались и другие документы: жилые записи, отпускные грамоты, челобитные о розыске холопов и т.д.

Сделка и текст, оформивший ее, не занимают центрального места в кабальной книге. Главное назначение записи — отразить результаты проверки процедуры сделки и подлинности документа. Эта специфическая (учетная и нотариальная) деятельность определенных должностных лиц фиксировалась в кабальной книге. Происхождение, назначение и содержание отдельной записи (как и всей кабальной книги) указывает на принадлежность ее к иному, нежели акты, виду исторических источников — к делопроизводственной документации. Запись в кабальной книге является разновидностью учетного делопроизводства. Служилая кабала в записи обрастает дополнительной информацией, ради фиксации которой и создается новый текст.

Запись в книге служилых кабал состояла из нескольких структурных частей. В начале указывались обстоятельства внесения служилой кабалы в книгу. Затем следовал текст документа. Далее помещались вопросы официального должностного лица (дьяка, земского старосты) о фактах биографии холопа: не был ли он ранее в холопстве и не является ли он беглым крестьянином. Ниже записывались ответы на них, а также приводилось описание внешности человека, поступавшего в холопство. Наконец, перечислялись распоряжения должностного лица, признавшего подлинность служилой кабалы. Подлинность служилой кабалы придавала юридическую силу и записи в кабальной книге, что удостоверяли рукоприкладства авторов кабалы.

Приведем пример записи от 1 октября 1594 г. из новгородской кабальной книги:

«Октября в 1 день к дьяку к Дмитрею Алябьеву площадные подьячие Софейские стороны Ондрыша Дмитриев да Жданко Пупынин принесли к записке служилую кабалу на Олексейка Федорова сына и того Олексейка к дьяку к записке с собою ж привели. А сказали: “Пришод, господине, к нам на площадь тот Олексейко, и велел нам на себя служилую кабалу в трех рублех московских написати, а идет во двор служить ко князю Василью ко князю Степану ко княж Михайловым детям Мещерского. И мы, господине, по его Олексейкову веленью на его Олексейка и кабалу писали”. Да положили перед дьяком тое служилую кабалу, а в кабале пишет: “Се яз, Олексей Федоров сын, занял есми у князя Василья да у князя Степана у княж Михайловых детей Мещерского денег три рубли московских от Покрова Святий Богоро-

дицы да до того ж дни на год, а за рост мне, Олексею, служить у государей своих у князя Степана да у князя Василья по вся дни во дворе; а полягут денги по сроце и мне, Олексею, по тому ж у государей своих служить за рост по вся дни во дворе.

А на то послуши: Ждан Иванов сын Пупынин.

А кабалу писал Ондриуша Дмитриев сын, лета 7103-го, октября, в 1 день”.

И дьяк Дмитрий Алябьев, выслушав служилую кабалу, спросил Олексея Федотова: ты ли тем площадным подьячим на себя такову служилую кабалу в трех рублех писати велел, и денги еси у князя Василья да у князя Степана у Мещерских взял ли, и за рост во двор к ним служить идешь ли, и наперед сего у кого служивал ли?

И Олексею сказал: такову есми, господине, служилую кабалу тем площадным подьячим на себя в трех рублех писати велел, и денги у князя Василья да у князя Степана у Мещерских взял, и за рост во двор к ним служить иду, а наперед сего не служивал ни у кого, а родом ноугородец.

А ростом человек невелик, молод, волосом рус, очи серы.

И дьяк Дмитрий Алябьев велел тое служилую кабалу, записав в книги, отдати князю Василью да князю Степану Мещерским, а тем площадным подьячим — кабальному дьячку и послуху — велел к записным книгам руки свои приложить, а на них с тое служилые кабалы велел взяти пошлины по государеву царя и великого царя Федора Ивановича всея Руси указу с рубля по алтыну.

И с тое служилые кабалы на князе Василье да на князе Степане на Мещерских с трех рублев пошлин три алтына взято, а кабала отдана князю Василью да князю Степану княж Михайловым детям Мещерского.

К сей записи кабальной дьячек Ондриуша Дмитриев и руку приложил.

К сей записке кабальной послух Жданко Пупынин руку приложил»¹.

В самостоятельном виде (вне кабальных книг) служилые кабалы почти не сохранились, поэтому, решая многие вопросы, связанные с социально-экономическими процессами XVI—XVII вв., исследователи обращаются именно к кабальным книгам.

В делопроизводстве центральных и местных учреждений существовали книги записей и других актов. Например, указ 30 марта 1688 г. предписывал все виды сделок на крестьян, включая продажу вотчинных крестьян, регистрировать в Поместном приказе в специальных записных книгах крепостей на крестьян. Занесенный в эту книгу документ получал официальную силу, поэтому в спорах о крестьянах суд решал дело в пользу той стороны, акты сделок которой при прочих равных условиях были зарегистрированы в Поместном приказе.

Книга, составленная согласно указу 1688 г., была озаглавлена следующим образом: «Книга записная крепостям, что записывают

¹ Памятники русского права. — М., 1956. — Вып. 4. — С. 68—69.

крестьян по купчим и по закладным и по данным нынешнего 196-го и 197-го году стола вотчинные записки»¹. Запись в книге позволяет воссоздать процедуру регистрации каждого акта в приказе. Запись о сделке включала следующее: 1) информацию о подаче в приказ таким-то лицом такого-то числа челобитной с просьбой записать за ним крестьян; 2) полный текст челобитной («А в челобитной пишет...»); 3) информацию о предъявлении в приказ тем же лицом крепостного акта на крестьян, о снятии с него копии и возвращении подлинника челобитчику; 4) информацию о помете дьяка на списке крепостного акта, заверяющей его соответствие подлиннику; 5) список крепостного акта (поступной, купчей, данной, закладной, раздельной и др.); 6) пометы дьяка на деле о решении приказных судей записать крестьян в книгу за новым владельцем; 7) помету о взыскании пошлинных денег с указанием даты занесения их в приходную книгу; 8) подпись лица, произведшего запись в книге. Как видим, текст сделки оброс множеством дополнений, связанных с деятельностью приказа.

Именным указом с боярским приговором 9 декабря 1699 г. Петр I ввел новые правила оформления частных актов. Согласно этому закону, они должны были составляться не подьячими Ивановской площади, а подьячими Поместного приказа. Изменялся также порядок записи актов по поместно-вотчинным и крестьянским делам в книгах Поместного приказа. Вместо послухов следовало «писать свидетелей, людей добрых и знатных». Для составления акта, оформлявшего сделку на сумму свыше 100—200 рублей, требовалось от 3 до 5 и больше свидетелей, а на меньшую сумму — 2—3 человека. Обе стороны должны были расписываться в книге записей под текстом акта и указывать свой чин и характер свидетельствуемой сделки. Подлинные крепости, составленные в Поместном приказе, должны были регистрироваться в Москве в иных приказах, а в других городах — у воевод в течение двух месяцев, а затем «к записке в Поместной приказ высылать в два месяца ж»². Согласно данному указу, изменялись структура и содержание текста в книге записей. Запись становилась экономнее: информация о подаче челобитной и ее текст не приводились; содержание самого сделочного документа излагалось кратко с указанием, что подлинную крепость писал такой-то подьячий Поместного приказа при таких-то свидетелях; далее следовали подлинные рукоприкладства сторон, участвовавших в сделке.

¹ Маньков А. Г. Записные книги крепостей на крестьян Поместного приказа второй половины XVII в. // Исследования по отечественному источниковедению: сб. ст., посвященных 75-летию профессора С. Н. Валка. — М.; Л., 1964. — С. 328.

² Полное собрание законов Российской империи (первое). — СПб., 1830. — Т. 3. — № 1732.

Краткая информация о сделке в книге записей просуществовала недолго. Уже в 1701 г. стал вновь использоваться прежний формуляр. Книги записей велись до ликвидации Поместного приказа в 1720 г.

В государственных учреждениях акты не только регистрировались и получали юридическую силу, но и использовались как доказательство, например, при судебных расследованиях. В подобных случаях краткое содержание актов вносилось в тексты судебных решений (протоколов). Такие *акты* называются *включенными*.

3.2.6. Акты в системе частной делопроизводственной документации

В частном делопроизводстве, прежде всего в монастырском, создавались специальные сборники из разновременных публично-правовых и частных актов на землю (жалованных, данных, меновных, купчих грамот и т.д.) и делопроизводственной документации (судных списков, разрезжих грамот и т.д.). Эти сборники называются *копийными книгами*. Копийные книги составлял каждый монастырь, владевший земельной собственностью. В них исчерпывающе полно представлялись материалы, подтверждавшие его право на земли.

О назначении копийных книг в источниковедении нет единого мнения. Одни исследователи считают, что они создавались только для регистрации и сохранения актов и удобства пользования ими. По мнению других историков, документальные сборники возникали единовременно и в связи с какими-либо событиями, угрозившими монастырю потерей недвижимости, поэтому главное их назначение — служить юридическим орудием в борьбе с государством, пытавшимся ограничить монастырское землевладение.

Существовали и другие причины, по которым монастыри составляли копийные книги. Например, их создание могло быть связано с получением жалованной грамоты на всю монастырскую вотчину. Выдача подобной грамоты предусматривала проверку владельческих прав монастыря и подтверждавшей их документации. Стремление получить жалованную грамоту стало непосредственной причиной создания копийной книги Иосифо-Волоколамского монастыря. Грамота была дана монастырю в 1563 г. Ее текст был внесен в книгу, в которой было зафиксировано еще 114 документов.

Иногда копийные книги возникали в связи с государственными инициативами: проведением межевания земель, составлением писцовых описаний, проверкой грамот на землевладение и их подтверждением. Так, сохранившаяся ранняя копийная книга Троице-Сергиева монастыря была создана в связи с проверкой прав

землевладения, организованной правительством Елены Глинской в январе — феврале 1534 г. Копийные книги создавались и для «домового» пользования. К числу таких документов относится копия книга 1604 г. московского Богоявленского монастыря, что «за Ветошным рядом». Она содержит тексты 60 документов, самый ранний из которых датируется второй четвертью XV в., а самый поздний — 1604 г.

Самая ранняя книга копий актов на земельные владения, известная сегодня, была составлена около 1527—1528 гг. московской митрополичьей кафедрой. Ее возникновение явилось, по видимому, откликом церковных иерархов на развернувшуюся в первой трети XVI в. полемику относительно права церкви владеть землями, населенными крестьянами. Занесенные в копия книгу документы должны были играть роль одного из аргументов в защиту церковной земельной собственности. Возможно, по примеру митрополичьего двора и после победы, одержанной сторонниками церковной земельной собственности на церковном соборе 1531 г., копия книги стали чаще составляться в монастырях, владевших значительными земельными богатствами.

К настоящему времени обнаружено более десяти монастырских копия книг XVI в. Самая ранняя из них создана в Троице-Сергиевом монастыре около 1534 г. Всего от XVI в. до нас дошло 10 троичских копия книг. Однако предполагается, что первая троичская книга возникла в последней четверти XV в. в условиях ликвидации последних уделов и обострения борьбы феодалов за землю. В XVI в., помимо Троице-Сергиева монастыря, свои сборники документов имели Кирилло-Белозерский (основан в 1397 г.), Иосифо-Волоколамский (основан в 1479 г.) монастыри и др.

Копия книги создавались и на протяжении XVII в. Одна из книг Кирилло-Белозерского монастыря составлялась в 30-х гг. XVII в. и в последней четверти того же столетия. Она отличается от книги XVI в. объемом и структурой. В нее было включено 1685 документов, хранившихся в архиве монастыря и входивших в состав более ранних копия книг.

Как правило, тексты документов вносились в копия книги полностью со всеми подтверждениями и приписками, которые были необходимы для доказательства подлинности актов при государственных проверках. Однако существуют книги, в которые тексты включались без удостоверительных записей, подписей и скреп, располагающихся в подлинниках на оборотной стороне документов. Иначе говоря, копия передавал только текст, представленный на лицевой стороне документа. Подобная неполнота передачи текстов характерна для книг «домового» назначения.

Копия книги играют важную роль в изучении актов как вида исторических источников, а также истории феодального землевладения в Русском государстве XV—XVII вв. Ценность этих сбор-

ников документов состоит в том, что в настоящее время в них содержится основной фонд публично-правовых актов, связанных с формированием земельной собственности, и в первую очередь жалованных грамот.

3.3. Приемы изучения актов

Изучение документов договорного характера в России имеет длительную историю. Еще до конца XIX в., когда источниковедение оформилось в самостоятельную отрасль исторической науки, сложилась вспомогательная историческая дисциплина, предметом изучения которой были акты. Эту дисциплину называли дипломатикой (от лат. *diplomatica* — относящийся к дипломатам, т.е. разного рода документам). В настоящее время предмет дипломатики вошел в источниковедение, в рамках которого продолжается изучение происхождения, формы и содержания вида исторических источников.

Одной из важных задач источниковедческого анализа средневековых актов является их датировка, поскольку документы до начала XVI в. и их позднейшие копии не имели указаний на время их создания. Датировка документа является одним из первоначальных этапов изучения источника. Лишь после установления твердых хронологических оснований можно приступать к выяснению обстоятельств и причин возникновения актов.

Определить время написания оригинала акта или его списка, не имеющего точной даты, можно несколькими способами. Прежде всего ученые используют *относительные шкалы датировок*. В настоящее время основательно разработаны две шкалы: с временными изменениями рисунков письменных знаков (этим занимается палеография — вспомогательная историческая дисциплина, предметом изучения которой является графика рукописных источников) и с временными изменениями водяных знаков бумаги (этим занимается филигранология — вспомогательная историческая дисциплина, предметом изучения которой являются водяные знаки бумаги). При датировке рукописных источников на бумажном носителе информации, в том числе и актов, обычно бывают задействованы обе эти шкалы. Анализ писчего материала, на котором сохранился текст, и графики документа позволяет определить относительную, а не абсолютную дату возникновения списка акта или создания подлинника (если мы имеем дело с оригиналом). Например, в копийной книге представлены разновременные акты. Если абсолютной даты создания самой книги нет, то все списки актов, входящих в нее, датируются на основе палеографических и филигранологических примет. Если книга создана единовременно, то списки всех разновременных актов будут датированы одинаково.

При определении времени возникновения текста договора *используется информация о каждой сделке*. Сочетание имен исторических персонажей, наименований географических объектов и условий договора встречается только в этом документе. Например, многие акты датируются по годам игуменства и княжения тех или иных лиц, выступавших одной из договаривавшихся сторон.

Необходимая индивидуальная информация об этих людях извлекается из других источников, чаще всего летописей, где есть привязка события и его участников к абсолютной дате, или актов с абсолютной датировкой.

Датировать грамоты помогает и сфрагистика — вспомогательная историческая дисциплина, изучающая печати. Так, в одной из двух духовных грамот великого князя Дмитрия Ивановича нет даты. Датировку документа основывают на упоминании в тексте духовной сына Дмитрия Ивановича Василия, который родился 30 декабря 1371 г., и на печати митрополита Алексея, которой скреплена грамота. Митрополит скончался в 1378 г. Следовательно, духовная была составлена между 1371 и 1378 гг.

В настоящее время уточняется методика датирования не единичных текстов, сохранившихся в оригинале или списках, а совокупности актов, происходящих из одного региона. Методика начала разрабатываться еще на рубеже XIX—XX вв. на базе 157 частных актов, происходящих из Двинской земли и возникших в период независимости Новгорода. Крайние хронологические пределы их появления — с конца XIV в. до 1478 г. На основе многих наблюдений (упомянутых в актах событий, имен, печатей и т. д.) внутри совокупности актов были выделены хронологические группы. Однако более внимательное изучение состава лиц, упомянутых в грамотах несколько раз, уточнение времени их деятельности позволяют составить временную шкалу относительно имен этих лиц. В конечном счете в распределение грамот по хронологическим группам удастся внести значительные коррективы.

В источниковедении выработан общевидовой метод изучения актов, который называется *дипломатическим*, или *формулярным анализом*. С его помощью изучаются внутренняя структура и стилистические особенности текста источника. Метод основан на такой особенности формы исторического источника, как последовательное расположение устойчивых юридических формул, передающих существо договора.

Инструментом формулярного анализа служит общая схема построения договорного документа. Все компоненты договора представлены в так называемом условном формуляре. Условный формуляр можно назвать идеальной моделью договорного документа. Эта модель состоит из трех частей: начального протокола, основного текста и конечного протокола. Каждая из них в свою очередь делится на компоненты.

Начальный протокол включает:

- инвокацию (посвящение Богу, Троице, Богородице);
- интитуляцию (указание лица, от которого исходит документ);
- инскрипцию (указание лица, к которому адресован документ);
- салютацию (приветствие).

В основную часть входят:

- аренга (преамбула, сообщающая о внешних мотивах составления документа);
- промулгацию (требование о том, чтобы изложенное в документе стало известно тем, кому следует это знать);
- наррацию (описание обстоятельств, непосредственно предшествовавших составлению документа);
- диспозицию (условия сделки);
- санкцию (запрещение нарушать документ);
- корроборацию (удостоверение о скреплении документа подписью, печатью).

Конечный протокол включает:

- датум (указание на место и время выдачи документа);
- аппрекацию (удовлетворение по поводу совершения документа).

Тексты реальных договорных документов отличаются от условного формуляра. В них некоторые компоненты могут отсутствовать или располагаться в иной последовательности.

В формулярном анализе главной является проблема соотношения условного формуляра с индивидуальным отдельно взятым конкретным текстом. В отличие от условного формуляра, который делится на компоненты, реальный индивидуальный акт распадается на статьи — законченные по мысли выражения. Статьей может быть одно или несколько грамматически самостоятельных простых или сложных предложений. По своему назначению статьи делятся на сакральные, мотивировочные, содержащие обращение, уведомительные, описательные, договорные, указные, просительные, процессуальные, удостоверительные. Это деление соответствует делению условного формуляра на компоненты. Например, слова «Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа», начинавшие тексты духовных, жалованных, купчих и ряда других грамот, соответствуют инвокации условного формуляра. Здесь одно предложение составляет статью. Статья может состоять и из нескольких предложений. Например, корроборации в ряде грамот может включать указания на печати, скреплявшие документ, и на свидетелей сделки. В данном случае статья будет состоять из нескольких грамматических предложений: «И о(те)ць мои Олексеи, митрополить всея Рус(и), и п[е]чя[ть] свою при[весилъ] к сеи грамоте. А послус(и) на сю грамоту: Тимофеи околничии... Федоръ [Ондр]еевич. А грамоту п(и)салъ дьякъ Нестерь»¹). Таким

¹ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей. XIV—XVI вв. ... — С. 25.

образом, сопряжение условного и конкретного формуляров по своей сути является смысловым и грамматическим разбором текста договора.

Предложения реального текста могут распадаться на более мелкие части — обороты, обороты — на элементы, а элементы — на характеристики, состоящие, в свою очередь, из штампов и реалий.

На основе изучения ряда одинаковых по условиям договора текстов выводится конкретный формуляр (т. е. схема построения) небольших однотипных групп документов внутри разновидности, например, жалованных несудимых грамот. Следующая ступень обобщения — создание абстрактного формуляра для определенной разновидности актов (к примеру, жалованных грамот, представлявших податной и судебный иммунитет).

Таким образом, каждый из формуляров имеет свое назначение. Условный формуляр служит инструментом сравнительного анализа внутренней формы актов различных разновидностей, а конкретные формуляры определяют изменения внутренней формы актов данной разновидности во времени и пространстве. «Членение текста на статьи и приведение этого членения в некоторое соотношение со схемой условного формуляра есть, разумеется, лишь начальная стадия анализа документа, но без нее невозможны какие-либо сравнения изучаемого источника с другими, а также исследование эволюции формы и содержания документов определенной разновидности»¹.

Если формулярный анализ нацелен, в первую очередь, на изучение внутреннего построения актов, то с помощью *текстологического анализа* выясняется социальное и политическое происхождение отдельно взятого акта определенной разновидности или нескольких актов.

Сравнение текстов показывает, что возникновение нового, например, публично-правового акта в Средневековье было связано с переработкой предшествующих актов. Текстологический метод позволяет проследить развитие текста определенной разновидности и соотношение этого развития с эволюцией смежных формуляров, а также установить степень новизны или устойчивости формуляра каждого конкретного акта.

Например, сравнение формуляров и содержания рязанских жалованных грамот последней четверти XV — начала XVI в. и последней четверти XV — начала XVI в. показывает их сходство по структуре и формулированию податного и судебного иммунитета. Таким образом, рязанские публично-правовые грамоты, каковыми являются жалованные грамоты, не свидетельствуют о серьезных изменениях в политической и социально-экономической жизни Рязанского княжества в течение столетия.

¹ Кашианов С. М. Русская дипломатика. — М., 1988. — С. 190.

Источники

Акты Российского государства. Архивы московских монастырей и соборов. XV—начало XVII в. — [М.], 1998.

Акты Русского государства 1506—1526 гг. — М., 1975.

Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в.: в 3 т. — М.; Л., 1952—1964.

Акты феодального землевладения и хозяйства: в 3 ч. — М., 1951—1961.

Грамоты Великого Новгорода и Пскова. — М.; Л., 1949.

Документы Печатного приказа (1613—1616 гг.). — М., 1994.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей. XIV—XVI вв. — М.; Л., 1950.

Памятники русского права. — М., 1952—1961. — Вып. 1—8.

Литература

Андреев В. Ф. Новгородский частный акт XII—XV вв. — М., 1986.

Зимин А. А. О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV—XV вв. // Проблемы источниковедения. — М., 1958. — Вып. 6.

Каишанов С. М. Из истории русского средневекового источника: акты X—XVI вв. — М., 1996.

Каишанов С. М. Интитуляция русских княжеских актов X—XIV вв. (Опыт первичной классификации) // Вспомогательные исторические дисциплины. — Л., 1976. — Вып. 8.

Каишанов С. М. Русская дипломатика. — М., 1988.

Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV в. (внешне-политические договоры). — М., 2003.

Маньков А. Г. Записные книги крепостей на крестьян Поместного приказа второй половины XVII в. // Исследования по отечественному источниковедению: сб. ст., посвященных 75-летию профессора С. Н. Валка. — М.; Л., 1964.

Панеях В. М. Проблемы дипломатики частного акта в трудах С. Н. Валка // Вспомогательные исторические дисциплины. — Л., 1978. — Вып. 10.

Свердлов М. Б. Древнерусский акт X—XIV вв. // Вспомогательные исторические дисциплины. — Л., 1976. — Вып. 8.

Семенченко Г. В. Завещания церковных иерархов XV в. как исторический источник // Источниковедение отечественной истории. 1984: сб. ст. — М., 1986.

Хорошкевич А. Л. Источники по истории полного холопства конца XV—начала XVI в. // Советские архивы. — 1974. — № 4.

Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV вв. — М.; Л., 1948—1951. — Ч. 1—2.

Янин В. Л. Новгородские акты XII—XV вв.: хронологический комментарий. — М., 1990.

Глава 4

ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ДОКУМЕНТАЦИЯ

4.1. Общая характеристика

Делопроизводство — это специфическая деятельность по созданию документов, связанных с принятием решений по различным вопросам и их исполнением. Субъектом, принимавшим решения, выступали государство в лице верховного правителя и своих органов управления, отдельное сословное объединение или частное лицо. Учитывая юридическое положение субъекта, можно говорить о двух системах делопроизводства: государственной и частной, представленной в XV—первой половине XIX в. вотчинной (поместно-вотчинной для XV—начала XVIII в.) и торгово-предпринимательской.

Комплекс документов, отложившихся в ходе решения конкретного вопроса, называется *делом*. В древнерусском языке слово «дело» имеет несколько значений. Среди них: «судебное или административное разбирательство; судебный процесс», «собрание документов, относящихся к какому-либо делу, вопросу»¹. Накопление и сохранение письменной информации по уже рассмотренным делам требовалось для рационализации деятельности учреждений и их служащих, поскольку в будущем возможно как возвращение к уже решенному делу, так и обращение к аналогичным коллизиям.

Как в государственном, так и частном делопроизводстве вырабатывалась документация двух уровней: общая и специальная. В государственном делопроизводстве *общая документация* обеспечивала отношения учреждения с вышестоящими органами власти, равными себе и нижестоящими учреждениями. В частном делопроизводстве она представляла собой деловую переписку вотчинника (помещика) и управляющего его владениями, а также купца и его торговых агентов.

Специальная документация отражала результат специфической деятельности каждого государственного учреждения. В частном делопроизводстве происхождение этой документации связано прежде всего с хозяйственной деятельностью населения.

Общая документация и специальная документация представляют собой неразрывное целое. Специальная документация — следствие принятия решения по какому-либо вопросу. В ходе исполне-

¹ Словарь русского языка XI—XVII вв. — М., 1977. — Вып. 4. — С. 207.

ния решения и оформления специальной документации также велась деловая переписка между лицами, реализующими принятые решения, и учреждениями, перед которыми они отчитываются.

Обе системы документации не были неизменными на протяжении столетий. Они развивались в нескольких направлениях: менялся состав документов (увеличивалось количество разновидностей документации, что вело к перераспределению информации о конкретном деле внутри комплекса документов), использовались новые способы записи информации, особенно в специальном делопроизводстве (например, записи каких-либо показателей словами заменяли цифрами, вместо словесных описаний границ какого-либо имения создавались графические материалы в виде схем, карт). Еще одно изменение связано с формуляром документа: хотя содержательно он беднел, построение его становилось более строгим.

4.2. Эволюция общей делопроизводственной документации государственных учреждений XV — первой половины XIX в.

4.2.1. Система государственных учреждений и делопроизводства

Одним из главных условий возникновения делопроизводства является становление системы государственных учреждений, каждое из которых призвано решать свои специфические задачи. Потребность в системе учреждений, сохранявших в письменной форме результаты своей деятельности, была связана с образованием в конце XV в. русского централизованного государства. В это время резко расширилась территория государства, усложнились задачи лиц, получавших первоначально отдельные поручения великого князя, а потом возглавивших постоянно действующие учреждения для исполнения распоряжений верховной власти.

В соответствии с принципами принятия решений выделяют несколько систем учреждений и их делопроизводства. Самая ранняя из них — *приказная система*. Ее формирование шло одновременно с процессом образования административного аппарата единого Русского государства с конца XV в. Эта система просуществовала до начала XVIII в. В результате административных реформ Петра I сложилась так называемая *коллежская система*. Следующей вехой коренного преобразования высшего звена управления стало образование в 1802 г. министерств, просуществовавших до 1917 г., т. е. создание *министерской системы*.

Изменение принципов управления также влияло на приемы подготовки документов и их движение, состав документальных комплексов, информативную насыщенность документов и их внешний вид.

С конца XVII в. содержание документа и его структура регламентировались законодательно. В условиях разнообразия делопроизводственных материалов наличие четко определенной структуры документа обеспечивало экономию времени при ознакомлении с текстами. Составленные по определенной схеме документы быстрее узнавались и прочитывались.

Распространению и закреплению документальных форм служили специальные пособия. В роли подобных пособий с XVI в. выступали так называемые *формулярники*. В XVII в. в рукописных азбуках наряду с образцами скорописных начертаний букв кириллического алфавита приводились образцы формуляров челобитных. Одно из первых печатных руководств подобного рода — издание «Приклады, како пишутся комплименты разные на немецком языке, то есть писания от потентатов к потентатам, поздравительные и сожалетельные, и иные; такожде между сродников и приятелей». На русский язык эта книга была переведена секретарем Посольского приказа Михаилом Павловичем Шафировым. В условиях введения нового делового этикета спрос на такие руководства был велик. Об этом свидетельствует тот факт, что в течение менее чем двух десятилетий «Приклады, како пишутся комплименты разные...» издавались четыре раза: дважды в 1708 г. (второе издание с добавлениями), 1712 г., и в 1725 г. с новыми дополнениями. В книге среди разнообразных примеров частных писем были помещены образцы деловой документации — челобитной об отставке (или «просительного письма»), паспорта и служебной рекомендации. На протяжении XVIII — первой половины XIX в. создавались разного рода *письмовники*, включавшие образцы не только личных писем, но и деловых документов. В министерский период пособия с образцами документов для своих служащих и других заинтересованных лиц издавали сами ведомства.

4.2.2. Общее документирование деятельности государственных учреждений XV — начала XVIII в.

Формы делопроизводства XV — XVII вв. В XV — XVII вв. использовались различные формы документов. Документы могли оформляться в виде *грамот*. Текст грамоты помещался на одной стороне цельного листа пергамента. Такое одностороннее использование писчего материала характерно и для бересты, применявшейся одновременно с пергаментом до середины XIV в. Возможно, что письмо на бересте отражало древнюю традицию записи информации,

перенесенную на пергамен и бумагу. С распространением бумаги, которая на Руси стала использоваться с середины XIV в., этот односторонний способ расположения текста сохранился. В делопроизводстве XV—XVII вв. на отдельных листах с односторонним их заполнением писались великокняжеские (царские) грамоты.

Также была распространена форма свитков, которые в делопроизводственной практике назывались *столбцами* (*столпами*, *столпиками*). Возможно, что истоки и этой формы документа следует искать в более раннее время. «Свертцы» (свертки) упоминаются в некоторых дошедших до нас грамотах первой половины XIV в. В обоих вариантах духовной грамоты Ивана Калиты 1328 г. упоминается «великий сверток»: «А что мои люди куплений в великомъ свертце, а тыми ся поделять сынове мои»¹. Это свидетельство позволяет предположить, что единичный пергаменный документ мог храниться как свиток. Возможно, традиция хранить тексты на пергамене в свернутом виде шла от использования в качестве писчего материала бересты, которая сама заворачивалась в свитки.

В делопроизводстве XV—XVII вв. эта форма документа продолжала применяться, но в одном столбце уже объединялась группа документов. В столбце могло быть подклеено несколько десятков разных документов.

Столбцы делались из разрезанных пополам листов бумаги. Один такой полулист назывался «сставом», так как соединялся (составлялся) с другим таким же листом. По мере надобности столбец наращивался, и к уже существующему свитку подклеивались новые сставы. Длина столбцов могла быть различной: от двух до нескольких сот сставов. Самым длинным из известных сегодня столбцов является подлинное Соборное уложение, насчитывающее 959 сставов. Столбцы, так же как и грамоты, заполнялись текстом только с одной стороны.

Еще одной формой делопроизводственных документов были *тетради*. Они составлялись из нескольких согнутых пополам листов. Эта форма записи и хранения информации была давно известна в древнерусском книжном деле. Пергаменные книги включали определенное число тетрадей. Например, Изборник Святослава 1073 г. — одна из ранних рукописных книг русского происхождения — состоит из сшитых в один блок 35 тетрадей по 8 пергаменных листов каждая. В делопроизводственной практике термин «тетрадь» фиксируется с конца XV в. Тогда в тетради записывали тексты княжеских грамот (докончаний и духовных грамот).

Использование в делопроизводстве тетрадей неизбежно порождало и такую форму организации записей, как *книги*. Обычно в

¹ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей. XIV—XVI вв. — М.; Л., 1950. — С. 8 (I вариант); С. 10 (II вариант).

виде книг оформлялась документация, возникавшая в результате исполнения учреждением своих специфических функций. Примерно с конца XV в. велись книги, в которые включались материалы по внешнеполитическим делам и разрядные записи, а также составлялись писцовые книги.

Книга, содержащая делопроизводственные документы, также как и книга для богослужения или чтения, состояла из тетрадей, в которые, в свою очередь, входили несколько согнутых пополам листов бумаги. Число тетрадей в книгах было различным. Когда определялся нужный объем книги, тетради сшивались и переплетались.

Приказные люди XVII в. не видели принципиальных различий между книгами и тетрадями. Они воспринимали последние как часть первых. Например, в Описи Царского архива 1614 г. о документах русско-датских отношений за первое двадцатилетие XVI в. замечено: «Книги датские в тетратех не оболочены (т.е. не переплетены. — Т. К.)»¹. Различие между этими двумя формами делопроизводства можно усмотреть только в том, что в книге фиксировался больший, чем в тетради, объем информации.

Книги XV—XVII вв. объединяли разнообразную документацию по какому-либо одному признаку (например, в Посольском приказе — по странам: «книги шамохейские» содержали материалы посольств из Шемахи к Ивану III и Василию II), фиксировали в соответствии с более или менее единым формуляром информацию о выполнении специальной комиссией задания какого-либо приказа (свозные, кормленные, отдаточные, писцовые, переписные, строельные, отказные, сыскные и другие книги), включали документацию нотариального характера (книги записей различных актов, например, книги записей кабал, книги записей крепостей и т.д.).

Оформление документов. В приказах постепенно сложился порядок составления исходящих документов. В их подготовке участвовали дьяк, а также подьячие, подчиненные дьяку. Подьячие делились на «старых», «средних» и «молодых». Иногда подьячие получали право подписи на документах, и тогда они назывались подьячими «с приписью».

Подьячий сочинял черновик документа, который редактировался дьяком. Дьяк исправлял текст, вносил дополнения. Эти поправки учитывались при оформлении белового варианта. «Молодой» подьячий переписывал текст начисто («счерна начисто») и ставил на обороте листа свою помету «Справил (такой-то)», удостоверяющую исправность беловика. «Старый» подьячий сверял беловик с черновиком и делал свою помету — «Смотрел» или

¹ Государственный архив России XVI столетия: опыт реконструкции. — М., 1978. — С. 231.

«Справил (такой-то)». Дьяк или так называемый подьячий «с приписью» скреплял столбец на обороте («на затыли») по местам склейки сставов с таким расчетом, чтобы их приписи заканчивались на лицевой стороне столбца под основным текстом.

Приписи лиц, ответственных за содержание документа, служили в делопроизводстве XV—XVII вв. специальным средством защиты текста и придавали ему юридическую силу. Скрепы ставились в определенных местах документов: в книгах — на внутреннем, внешнем или нижнем полях листа; в столбцах или грамотах — на лицевой (на «лице») и оборотной (на «затыли») сторонах документа.

Приписи имели важное значение для тех лиц, которые работали впоследствии с документацией в других государственных учреждениях. При создании новых документов по различным вопросам приказные люди, ссылаясь на ранее возникший документ, указывали не только его суть, но и включали в свой текст скрепы дьяков. В качестве примера приведем запись из кормленной книги Галицкой четверти 1613—1617 гг. (в кормленных книгах учитывалось денежное четвертное жалованье служилым людям):

«Псков. Савостьянь Григорьевъ сынъ Квашнин. 122-го (1614 г.) августа во 12 день по государеву указу по памяти за приписью дьяка Марка Поздеева велено ему старой его оклад, что было при царе Василье, 6 рублей, по сыску дворянь и детей боярских справить, а в книге 118-го (1609/1610) году те статьи по 6 рублей в разоренье пропали, да 124-го (1616 г.) июля въ 1 день по памяти за приписью дьяка Михайла Данилова за псковскую службу и за осадное сиденье при дано ему ко 6 рублем 5 рублей и придача велено справить»¹.

Юридическая сила дьяческой приписи законодательно утверждалась рядом статей Соборного уложения 1649 г. Например, в главе 20 («Суд о холопех») в ст. 8 описана процедура оформления в приказе Холопьяго суда служилых кабал на бывших холопов, предъявивших полученные в связи со смертью их бывших господ отпускные грамоты. При поступлении таких людей в холопы к новым владельцам предусмотрено «...давать служилые кабалы, а отпускные велеть клеить к кабалам и закреплять дьячьею рукою. А списки с тех отпускных оставливать в Холопье приказе за дьячьею же приписью, и те кабалы и отпускные и холопей в рожеи (т.е. лицом. — Т.К.) и в приметы записывать в книги»².

Разновидности общей делопроизводственной документации. Носителем верховной власти в России был московский великий князь, а с 1547 г. — царь. От имени самодержца исходили *грамоты*. Царские грамоты начинались следующим торжественным титулом: «Божиею милостью мы, великий государь царь Алексей Ми-

¹ Четвертчики Смутного времени (1604—1617). — М., 1912. — С. 91.

² Соборное уложение 1649 г. ... — С. 104.

хайлович, всея Великия и Малыя и Белья России самодержец...». Подобное начало читается, например, в жалованных грамотах.

Боярская дума как орган, участвовавший в принятии решений совместно с верховным правителем, возникла в давние времена. Она сохранилась в период Русского централизованного государства и просуществовала до начала XVIII в. Боярская дума обладала законосовещательными, судебными, военно-административными и дипломатическими функциями. В нее входили представители боярской аристократии — бояре московского князя, бывшие удельные князья и их бояре. Иногда в работе думы участвовали представители высшего духовенства. Совместные заседания бояр и духовных лиц назывались думными соборами.

Поскольку комплекса документов, отражающего деятельность Боярской думы XV—XVII вв., сегодня нет, документацию этого органа власти исследователи пытаются реконструировать. В историографии высказывалось мнение о том, что Боярская дума имела развитое делопроизводство. Однако также существует точка зрения, согласно которой этот орган управления не имел собственной канцелярии и делопроизводства.

Вместе с великим князем (царем) или самостоятельно Боярская дума принимала важные государственные решения, которые оформлялись в виде *приговоров*. Если решение принималось без великого князя (царя), то из Боярской думы исходил приговор с характерной начальной фразой: «По указу великого государя бояре приговорили...», которая подчеркивала то, что инициатором рассмотрения вопроса выступила верховная власть, а бояре самостоятельно приняли решение. Разновидностью приговоров являются *указы с боярским приговором*. Они принимались думой совместно с великим князем (царем). Начальная формула этого документа такова: «Царь указал, а бояре приговорили...». Например: «192-го (1683 г.) декабря в 30 день в(еликие) г(осудари) ц(ари) и в(еликие) к(нязья) Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич в(сеа) В(еликия) и М(алыя) и Б(елыя) Р(оссии) с(амодержцы) и сестра их... великая княжна Софиа Алексеевна, слушав сей выписки и статей (т.е. докладной выписи Стрелецкого приказа о мерах предпринимаемых «впредь для опасения от шатостей стрелецких и от иного своеволства». — Т.К.) в комнате, указали, и бояря приговорили...»¹. Если решение Боярской думой принято не было, то в приговоре употреблялась формула: «Бояре приговорили и о том, как государь произволит...».

К числу высших органов управления Российским государством с конца XV в. до конца XVII в. относился Земский собор — представительный орган в системе сословной монархии. За это время состоялось более 50 соборов: первый — в 1549 г., последний —

¹ Восстание в Москве 1682 г.: сб. документов. — М., 1976. — С. 275. — № 206.

в 1683 — 1684 гг. Они собирались нерегулярно, для решения особо важных государственных вопросов: определения линии во взаимоотношениях с некоторыми иностранными государствами, утверждения реформ, принятия новых кодексов законов, выбора царя (по пресечении царской династии) и его утверждения и т.д. В глазах современников Земский собор был совещанием представителей «земли», посвященным государственному строительству.

В ходе работы Земских соборов возникали *соборные акты*, или дела — протоколы их созыва, обсуждения поставленных вопросов, с приговором в конце (или без приговора). Первым дошедшим до нас соборным актом является акт 1566 г., в котором представлены мнения «чинов» о продолжении войны с Польшей.

В XVII в. сложился определенный формуляр соборного акта. Он достаточно полно передает ход работы Земского собора. Наиболее «развитый» текст акта содержал несколько разделов: указ о созыве собора, доклад правительства (царя или от его имени — дьяка), перечень сословных групп и изложение речей их представителей, царский указ, подготовленный на основе Соборного уложения.

Особую разновидность документации, возникавшей в ходе заседаний некоторых Земских соборов, представляют так называемые *утвержденные* («*утверженные*») *грамоты на царство*. Такие грамоты были составлены при избрании царем Бориса Годунова в 1596 г. и Михаила Романова в 1613 г.

Система приказов — центральных постоянно действующих государственных учреждений — сложилась к середине XVI в. Предшественницами приказов были так называемые избы. С конца 40-х гг. XVI в. появилось несколько центральных ведомств-изб, каждая из которых выполняла определенные функции. Среди них Посольская и Челобитная избы.

Первое упоминание о приказе как об учреждении (им был Разбойный приказ) относится к 1571 г. Число приказов на протяжении XVI—XVII вв. постоянно менялось. За весь период существования их было около 90. Одни приказы функционировали длительное время, другие — непродолжительное. Название учреждения, как правило, отражало его основное назначение. Например, Поместный приказ занимался в первую очередь вопросами обеспечения земельными поместьями за службу, приказ Холопьяго суда — вопросами зависимого населения, Судный приказ осуществлял судебные процессы и т.д.

Центральными учреждениями были также четверти («чети»), создававшиеся для управления отдельными территориями. Существовали Владимирская, Галицкая, Костромская, Новгородская, Устюжская четверти. Первое упоминание об этих учреждениях относится к 1569—1570 гг.

В иерархии учреждений приказы и четверти находились между высшими органами власти и управления (Боярской думой и Земскими соборами) и местными учреждениями (губными, земскими, приказными, или съезжими, избами). В результате взаимодействия органов власти всех уровней формировался комплекс материалов, который относится к общему документированию, иначе говоря, к системе документации, схожей по назначению и форме, но отличающейся конкретным содержанием.

Накопленные в приказах документы, используя современную терминологию, можно разделить на входящие и исходящие.

Рассмотрение какого-либо дела в приказе инициировалось *челобитной*. Этот входящий документ начинался с обращения к царю: «Царю государю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Русии бьют челом холопи твои хатмынские переежие черкашка Васька Сподарухин, да Микитка Тасютенков, да Лукашка Фесовисов с товарищи 20 человек»¹. Далее в челобитной описывалась ситуация, которая заставила челобитчика (челобитчиков) обратиться к великому князю (царю) с просьбой, и излагалась сама просьба. Так, Васька Сподарухин с товарищами, обращаясь в 1651 г. к царю, просили жалованья: «Милосердый государь царь и великий [князь] Алексей Михайлович всеа Русии, пожа[луй нас], холопей своих, бедных и беспомошных пере[езжих и]ноземцов, своем царским денежным жалованьем [против] иных своих государевых городов, в которых [государевых] украенных городех наша братия [переез]жие черкасы служат тебе, государю, чем [тебе], милосердному государю, об нас бедных бог [извес]тит»². Любая челобитная завершалась стандартной фразой «Царь государь, смилуйся, пожалуй».

Если прошение, изложенное в челобитной, принималось к рассмотрению, на обороте записывались решения, принятые царем или Боярской думой, а также пометы приказных людей. Например, на цитированной выше челобитной 1651 г. имеется помета: «Выписать».

Иногда встречаются пространные записи. Они позволяют увидеть, какие документы создавались при принятии решения по конкретному делу. Так, на челобитной запорожского старшины Власка Федорова сына Иванкиева, перешедшего вместе с другими казаками в подданство России, о выдаче жалованья имеются следующие пометы: «147-го (1639 г.) июля в 18 день. Государь пожаловал в приказ велел дать 4 рубля»³ и «Память отпущена по отписке и по челобитной в Большой приход тово ж числа»⁴.

¹ Воссоединение Украины с Россией: документы и материалы: в 3 т. — М., 1953. — Т. 3: 1651 — 1654 гг. — С. 158.

² Там же. — С. 159.

³ Там же. — Т. 1: 1620 — 1647 гг. — М., 1953. — С. 280.

⁴ Там же.

Челобитные могли содержать не только прошения, но и жалобы, заявления. Они исходили от частных лиц, монастырей, объединений купцов, крестьянских общин и т.д. Прощения крестьянских или посадских общин назывались *мирскими челобитными*. В приказном делопроизводстве некоторые группы челобитных имели наименования, учитывавшие их содержание. Например, челобитная, в которой содержался донос (извет), называлась *изветной челобитной*. По способу подачи челобитные делились на *заручные*, т.е. подписанные, и *словесные челобитные*. Последние записывались со слов челобитчика в самом приказе.

Еще одной разновидностью входящих в приказ документов являлись *отписки*. Они носили характер отчетов о выполнении поручения и поступали от какого-либо официального лица (посла, воеводы, губного старосты и т.д.). Начало отписки похоже на вступительную часть челобитной. Отписка также начиналась с обращения к царю: «Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси холоп твой Митька Колтовской челом бьет»¹. Различия начинались далее, поскольку в отписке излагалось задание, которое получало должностное лицо (в приводимом примере ливенский воевода Д. Колтовский): «А по твоей государеве грамоте велено мне, холопу твоему, ливенским нововыезжим черкасом атаману Устинку Холоимову с товарищи 59-ти человеком, дать твоего государева хлебнова жалованья на Ливнах ис твоих государевых житниц...»². Заканчивалась отписка сообщением о том, что было выполнено по силе полученного указа: «И по твоему государеву указу я, холоп твой, нововыезжим черкасом...»³.

В московском приказе на отписке отмечалось, когда и кем представлен документ. Так, на одной из отписок белгородского воеводы Федора Хилкова в Посольском приказе сделана запись: «153-го (1645 г.) апреля в 21 день з белгородским сотником стрелецким со Власом Стерлеговым»⁴. Как и на челобитной, на отписке отмечалось ее продвижение по инстанциям. Вторая помета на отписке Хилкова такова: «Государю чтена. Послать государева грамота, велеть польским и литовским купецким людям торговать за острогом на гостине дворе, а в острог пускать не велеть. А Густынского монастыря потому ж и на Дон никою не отпускать»⁵. Во исполнение распоряжения царя указ Хилкову был послан из Разрядного приказа 29 мая 1645 г.

К числу входящих в приказ документов относится *память*. Она присылалась из другого приказа, для которого этот документ был

¹ Воссоединение Украины с Россией... — Т. 1. — С. 269.

² Там же. — С. 270.

³ Там же.

⁴ Там же. — С. 402.

⁵ Там же.

уже исходящим. Одно учреждение посылало в другое запрос по какому-либо делу или просто информировало о чем-то и т.д. Поскольку приказы как учреждения одного уровня переписывались между собой памятьми, эти документы не имели обращения к царю. Например, текст памяти о выдаче подарков послам Запорожского войска, направленной из Посольского приказа в Казенный приказ, начинается так: «Лета 7128-го (1620 г.) марта в 10 день по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу память казначею Микифору Васильевичу Траханиотову да диаком Ждану Шипову да Булгаку Милованову. Указал государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси дати своего государева жалованья черкасом запорожским, которые приехали ко государю из Запорог ото всего Запорожского Войска з грамотою и с крымскими языки...»¹.

Тексты исходящих из приказов документов оставались в них в виде черновиков, которые назывались *отпусками*. Они сохранялись для контроля за исполнением решения и документооборотом.

Наиболее распространенным исходящим документом являются *указы*, которые составлялись в приказах от имени царя. Часто встречается самоназвание документа — «грамота». Указ носил распорядительный характер, поэтому в начале текста обязательно назывался адресат, которому передавалось царское распоряжение. Указ начинался формулой: «От царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси во Брянск стольнику нашему и воеводе князю Данилу Степановичю Великобогагину»².

Далее в тексте указа можно выделить две части. В первой сообщалась суть дела, содержащаяся в каком-либо входящем документе (челобитной, отписке, памяти) или устном известии: «Ведомо нам учинилось, что у литвы и у поляков с черкасы бой, а во Брянской уезд на Свинскую ярманку приезжают литва, и поляки, и черкасы...»³. Во второй — излагалось принятое царем решение по фактам, изложенным в начале документа: «И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б во Брянску жил с великим береженьем неоплошно. А брянченам... приказал накрепко... и ты б в те поры по дорогам посылал служилых людей... А однолично б тебе тово остерегатца накрепко, и жити с великим береженьем, и сю нашу грамоту держал у себя тайно»⁴.

В приказах подготавливались также *наказы* (инструкции) для должностных лиц, направленных для исполнения решения на месте. Особенности наказов можно увидеть на примере так называемых

¹ Воссоединение Украины с Россией... — С. 5—6.

² Там же. — Т. 3. — С. 94. — № 45. — Указ 17 июля 1651 г.

³ Там же.

⁴ Там же. — С. 94—95.

губных грамот конца 30-х — середины 50-х гг. XVI в. Эти документы, раскрывающие смысл губной реформы, были так названы историками в XIX в., что не вполне соответствует месту этих документов в системе делопроизводства второй четверти — середины XVI в.

При сопоставлении формуляра и стиля губной грамоты с грамотой, исходившей непосредственно от верховной власти, выявляются их некоторые различия. В отличие от царской грамоты, так называемая губная грамота начиналась с даты, как например, губная грамота 24 сентября 1555 г. Владимирскому уезду: «Лета 7064-го (1555 г.) сентября в 24 день царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси пожаловал в Володимере на посаде и в Володимерском уезде...»¹ (далее перечисляются все категории жителей уезда. — Т. К.). Царское пожалование было ответом на челобитную владимирцев, которую кратко пересказывает документ: «Что нам били челом, а сказывают, что, де, у них...»². Все выше обозначенное представляет собой своеобразную преамбулу, в которой указаны причины появления данного документа. В следующем разделе документа излагается распоряжение царя: «И аз, царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси, по их челобитью пожаловал: велел есми у них быти в Володимере на посаде и в Володимерском уезде в тех станех и в волостях у розбойных и у татиных дел в губных старостах Микифору Остафьеву сыну Есипову да Рахману Колзакову да с ними губным целовальником»³. Далее помещается подробная инструкция о том, как сыскивать и наказывать «лихих людей, татей и разбойников», а также какое делопроизводство необходимо вести в губных избах. В конце текста есть замечания: «К сему списку царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси велел печать свою приложить. А у подлинной государевы царевы и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси грамоты припись дьяка Бориса Алексеева сына Щеккина»⁴.

Итак, в тексте встречается самоназвание документа — «грамота». В то же время этот документ называется также «наказом», «наказным списком»: «...а вершити им розбойные и татиные дела по сему наказному списку. А судити старостам и целовальником ведомые розбойные и татиные дела по сему наказу»⁵. Такие же самоназвания отмечены и в губных грамотах — Переяславлю-Рязанскому (21 ноября 1555 г.) и Старой Рязани (20 декабря 1555 г.).

¹ Зимин А. А. Губные грамоты XVI в. из Музейного собрания // Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина. — М., 1956. — Т. 18. — С. 216.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. — С. 220.

⁵ Там же.

Смешение наименований может быть объяснено тем, что в условиях становления общего делопроизводства еще не было четких признаков грамот, исходящих непосредственно от имени государя, и грамот, подготовленных в избе (позднее приказе) от имени царя. Напомним, что указ назывался грамотой даже в XVII в.

Стиль губной грамоты также необычен. Дело в том, что наказ адресовался конкретным исполнителям, но в тексте нет обращения к ним во втором лице. Об исполнителях речь идет в третьем лице. Эта стилистическая особенность отражает, скорее всего, генезис наказа как одной из разновидностей делопроизводственной документации. До появления изб и приказов наказ говорилась великим князем дьяку, а затем устно пересказывался дьяком тому лицу, которому он предназначался. Таким образом, выстраивалась цепочка в передаче устной информации: от великого князя к дьяку, а от него к исполнителю поручения. Дьяк был передаточным звеном в этой цепочке. Для него исполнитель был человеком, с которым он общался непосредственно и, обращаясь к которому, он мог бы употребить местоимение во втором лице: «ты» («вы»), «тебя» («вас») и т. д. Однако в текстах наказов употребляются местоимения в третьем лице: «он» («они»), «его» («их»), «ему» («им») и т. д. Это обстоятельство подчеркивает посредническую роль дьяка в передаче информации. В дальнейшем, когда указы стали фиксироваться письменно, в них надолго сохранились грамматические формы, отражающие многоступенчатость передачи устной инструкции. Формуляр этой разновидности документа и его стилистические особенности сохранялись на протяжении XVI, XVII и начала XVIII вв., например, в инструкциях послам.

Для характеристики так называемых губных грамот важен еще один момент. Дело в том, что в XV—XVII вв. административная, судебная и законодательная власть была сосредоточена в руках одного человека — государя, поэтому различий между административным распоряжением, судебным решением и законом не существовало. В связи с этим некоторые указы, исходившие от имени царя, приговоры Боярской думы и земских соборов в источниковедении относят (по назначению и содержанию) к законодательным источникам. Свидетельством нерасчлененности административных распоряжений и законов в XVI в. как раз и служит губная грамота. По своему назначению и содержанию она может быть определена как законодательный акт, вводивший новые нормы на обширной территории государства. Грамота содержала закон о создании губных изб и их функциях, порядке судопроизводства в них, но оформлен он в виде обычного наказа.

В ходе рассмотрения какого-либо дела в приказах могли делаться *выписки* из различных документов. Так, выписка, сделанная в 1651 г. в Разрядном приказе, посвящена вопросу устройства на постоянное жительство в России украинцев-переселенцев.

В документе содержатся выписки из указов, ранее посланных воеводам в пограничные города Путивль, Брянск и Севск. Согласно этим указам, пришедших украинцев нужно было отправлять в Яблонов. Упоминается «государев указ» в Яблонов воеводе князю Борису Александровичу Репнину с повелением отсылать переселенцев из этого города в Коротояк, Воронеж и Козлов. Затем вкратце пересказываются отписки воевод, в которых характеризуется ситуация в связи с переселением украинцев. Воеводам не хватало информации о том, на каких условиях будут поселять украинцев в перечисленных городах. Поэтому в выписке приведена просьба воевод: «...и государь бы им о том велел свой государев указ учинить», и изложена отписка Репнина о настроениях среди украинцев, которые «готовятца итти на государево имя, сухари сушат и всякие запасы готовят...». Сообщается о назначении нового воеводы в Брянск, а также передается кратко содержание, очевидно, одного из пунктов полученного им наказа, касавшегося поселения украинцев в Коломне и в Калуге. В конце выписки поставлен вопрос о том, «в которых местех на вечное житье строить и какою их (украинцев. — Т. К.) государскою милостью обнадежить», если они будут переселяться «многими людьми», поскольку «по черте от литовские стороны и до Челновой реки за Козлов больших людей устроить негде, больших земель и присадошных лесов, где поселитца, нет»¹.

Таким образом, выписки дают довольно полное представление о состоянии вопроса на каком-то отрезке времени: в них учтены все документы, созданные по конкретному делу, очерчены вновь возникшие проблемы.

Подобные выписки могли служить основой для докладов, которые по мере надобности составлялись по конкретным вопросам в приказах и направлялись царю или Боярской думе. Доклады сообщали об исполнении приговора, полученного от вышестоящей инстанции и содержали предложения о дальнейшем рассмотрении или окончании конкретного вопроса и т. д. Доклад включал в себя выписки из всех документов (иногда документы воспроизводились полностью), которые возникли в ходе рассмотрения дела: из инициативного документа и резолюции на нем, а также из документов, отразивших ход исполнения (например, выписки из наказа, памяти, отписки) и результат (например, выдержку из составленной дозорной книги). На докладе записывалось решение царя или Боярской думы, принятое после слушания доклада.

В качестве примера рассмотрим доклад, подготовленный в Посольском приказе в 1652 г. в связи с челобитной приехавшего из Украины в Москву переводчика киевского старца Арсения. В начале текста дана формула, обозначающая назначение текста: «На-

¹ Воссоединение Украины с Россией... — С. 100—101.

писано в доклад». Затем кратко сказано о времени и цели приезда старца в Москву. Старец Арсений, по-видимому, не только занимался в России переводческой деятельностью, но и выполнял секретные дипломатические поручения. Приказ счел необходимым напомнить царю об этом: «А что он (старец. — Т. К.), приехав к Москве, каких вестей сказал, и что он, будучи в литовской стороне, ис книги выписал, и про то государю ведомо»¹. Сказано, какое жалованье на пропитание старец Арсений и его служба получали в момент составления доклада. Далее указана непосредственная причина появления доклада: «А ныне государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии бьет челом старец Арсений: по государеву де указу ведено ему книгу латинскую на словенский язык перевести»². Далее приведена челобитная старца, в которой он просит прибавить ему жалованья. После челобитной в докладе идет раздел «И выписано ему на пример», где перечислены прецеденты выплат жалованья украинским переводчикам и певцам в прошлом. Этот раздел, содержащий информацию об аналогичных случаях, должен был помочь высшим инстанциям в принятии решения по челобитной Арсения, иначе говоря, служил своеобразной подсказкой. На местах склейки составов, на которых написан доклад, имеется помета: «1[60]-го (1652) года мая в 2[5] день государь пожаловал киевского старца Арсения, велел ему поденного корму давать по гривне на день, да питье попрежнему. Домаскину Птицкому поденного корму давать и с прежним по 4 алтына на день»³. Она свидетельствует о том, что царь одновременно рассматривал и доклад по делу старца Арсения и доклад по делу киевлянина Дамаскина Птицкого, прибывшего в Москву в 1651 г.

После утверждения доклада верховной властью в приказе подготавливался указ в соответствии с принятым решением.

В приказах стремились получить дополнительную информацию, которая помогала бы в их деятельности. Одним из основных каналов такой информации были расспросы купцов, послов, священников, перебежчиков и т. д. Результаты расспросов фиксировались в так называемых *расспросных речах*, которые представляли собой записи устных рассказов о каких-либо интересующих учреждение событиях. В начале текста более или менее подробно записывалось, когда, где и кто «в роспросе сказал». Например, запись рассказа купца, посланного к Богдану Хмельницкому в 1652 г., начиналась так: «А на Москве гостиные сотни торговой человек Перфирей Зеркальников в роспросе сказал: в нынешнем де во 160-м году по государеву цареву и великого князя Алексея Ми-

¹ Воссоединение Украины с Россией... — Т. 3. — С. 217.

² Там же.

³ Там же. — С. 217—218.

хайловича всеа Русии указу отпущан он с Москвы с его государевою грамотою к запорожскому гетману к Богдану Хмельницкому о обидном деле путивльцов торговых людей. А к гетману де он приехал генваря в 4 день... А отпуща де тех польских посланцов... А как де он, гетман, поехал в Суботово... И того ж де дни генваря в 9 день призывал его, Перфирья, к себе писарь Иван Выговской и говорил ему...»¹ и т.д. Стилистической особенностью этих документов является использование частицы «де», которая свидетельствует о записи устной речи.

Такую же стилистическую особенность имели *сказки*, в которые записывалась информация с чьих-то слов в связи с каким-либо делом. Так, в них могло содержаться подтверждение информации, изложенной в челобитной, как, например, в сказке, составленной в Разрядном приказе в связи с проверкой данных о поместном окладе и денежном жалованье жильцов Гаврилки и Ивашки Кузьминых, детей Совина, обратившихся к царю Михаилу Федоровичу с просьбой оставить их в жилецком списке. Жильцами называли лиц, которые находились на службе лично при государе. Подьячий Посольского приказа Григорий Котошихин в сочинении, получившем в науке название «О России в царствование Алексея Михайловича», писал о них: «Чин их таков: для походу и для всякого дела, спят на царском дворе, человек по 40 и болши, и посылают их во всякие посылки; а дети они дворянские ж, и дьячьи, и подьяческие»². В Разрядном приказе нашелся прежний подлинный «жилецкий» список, где были записаны имена обоих братьев. Однако данные о размерах их поместных окладов и денежного жалованья, извлеченные из официального делопроизводства, не совпали с данными, изложенными в челобитной, в которой размеры оклада и жалованья были завышены.

Для проверки информации челобитной был проведен «сыск», который заключался в устном опросе дьяками большого числа людей. «Единое» показание опрошенных зафиксировано в сказке: «И 122-го (1614 г.) генваря въ 11 день в Розряде дьяком думному Сыдавному Васильеву да Марку Поздееву в сыску дворяне и жильцы и дети боярские розных городов, Петръ Нечаевъ сынъ Перфирьев, Офонасей Охлабаевъ, князь Микита Шеховской, Дмитрий Вахромеевъ, Иванъ Вельяминов, Офонасей Есипов, Иван Озеровъ, князь Иван Шеховской, Иван Хрипунов, Федоръ Вельяшев, Савелей Охлабаевъ, Селиверстъ Володимеровъ, сказали по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии крестному целованью: придано государева жалованья при царе Василье Гаврилу Совину за троецкой бой и за московское сиденье помесья к старому ево окладу къ 500 четям 100 чети,

¹ Воссоединение Украины с Россией... — Т. 3. — С. 198—199.

² Русское историческое повествование XVI—XVII вв. — М., 1984. — С. 186.

денег из чети ко 16 руб[лям] 4 рубли; Ивану Совину за службу, что он был при царе Василье в Колязине монастыре з боярином со князем Михайлом Васильевичем Шуйским, помеся к старому ево окладу кь 400 четям 100 чети, денег из чети ко 12 рублем 3 рубли; да к той скаске и руки свои приложили»¹. Рукоприкладства свидетелей расположены на обороте столбца. Формула рукоприкладства повторяла наименование документа: «К сей скаске Петръ Перфирьев руку приложил...». Особенность приведенной сказки заключается в том, что она не фиксировала показания каждого свидетеля, а суммировала все показания в едином тексте, который подтвержден опрошенными лицами.

Местные учреждения (съезжая, губная, земская, таможенная избы) представляли собой канцелярии, делопроизводство которых имело много общего с делопроизводством центральных органов управления. Их основным исходящим документом были отписки, которые воеводы и губные старосты посылали в вышестоящие органы управления. О том, что главы местных учреждений поддерживали отношения со многими приказами, свидетельствуют данные о деятельности во второй половине XVII в. каширского губного старосты Семена Ермолаевича Кашина. Он направлял отписки в Ямской, Судный, Разбойный, Поместный, Стрелецкий, Монастырский приказы и Галицкую четь. Местные должностные лица, посылавшиеся администрацией для сбора сведений по какому-либо делу, составляли отчеты — *обыски*. В избах создавались также расспросные речи, сказки.

4.2.3. Общее документирование деятельности государственных учреждений XVIII — первой половины XIX в.

Первые действия Петра I в области административных реформ были направлены на изменение внешнего вида документов. Отказ от столбцовой формы документации законодательно был оформлен рядом указов. Например, именной указ 10 марта 1702 г. предписывал «...на Москве и во всех городах царевичам и боярам и окольничим и думным и ближним и служилым и иноземцам и купецким и чернослободским и всякого чину людям челобитные о всяких делах писать, и по тем челобитным в приказах всякие дела писать на гербовой листовой бумаге в тетрадах, а по прежнему обыкновению на столбцах не писать, для того, чтоб в приказах всякие челобитчиковы дела были в переплете в книгах, а не в столбцах»².

¹ Четвертки Смутного времени (1604—1617)... — С. 189.

² Полное собрание законов Российской империи (первое). — СПб., 1830. — Т. 4. — № 1901.

Поиск нужного документа в составе столбца требовал значительных временных затрат, поэтому переход на новую форму документации убыстрял поиск ранее сделанных записей и, в конечном счете, ускорял процесс создания документов.

Новая форма документа повлияла на его оформление. Теперь текстом заполнялись обе стороны листа, что в условиях нарастания объема делопроизводства способствовало экономии писчего материала. Зачастую на листе слева оставлялись большие поля для различных поправок, дополнений и резолюций.

Преобразование высшего и центрального аппарата управления, обусловленное оформлением абсолютизма в России, вызвало изменения в системе делопроизводственных материалов общего характера. В 1711 г. был создан Правительствующий Сенат, сменивший Боярскую думу и получивший функции законосовещательно-го органа.

На смену приказам пришли коллегии — центральные органы управления. С 1719 по 1721 г. было открыто 12 коллегий. От приказов коллегии отличались бóльшим единообразием организационного устройства и более четкой компетенцией, совместным обсуждением и решением дел, обновленным делопроизводством. Петр I и его сподвижники надеялись на то, что коллегии позволят принимать правильные решения, уничтожат волокиту в решении дел и ускорят процесс создания документации по конкретным вопросам.

При Петре I впервые были законодательно оформлены деятельность государственных учреждений и их делопроизводство. Вплоть до издания в 1832 г. и «Свода законов Российской империи» коллегии руководствовались в своей работе Генеральным регламентом 1720 г. Этот документ определял структуру, штаты, права и обязанности должностных лиц, общий порядок работы коллегияльного учреждения и его делопроизводство. Немного позже были изданы регламенты отдельных коллегий.

Генеральный регламент в общих чертах устанавливал систему письменных сношений различных звеньев управленческого аппарата. Он предписывал Сенату и коллегиям принимать к производству распоряжения верховной власти только в письменной форме. В главе 4 «О исполнении указов» записано, что «всякой президент (т.е. глава коллегии. — Т.К.) должен все указы Его Величества и Сената, которые надлежат быть письменные и зарученные (т.е. подписанные. — Т.К.), а не словесные, неотложно исполнять...»¹. Это требование способствовало росту текущей деловой переписки и повышению значения личной канцелярии российских императоров, где подготавливались распоряжения самодержца в Сенат, Синод и коллегии.

¹ Полное собрание законов Российской империи (первое) ... — Т. 6. — № 3534.

Петровская административная реформа, конечно, не могла изменить основные направления потоков общей документации, которые сложились еще в приказном делопроизводстве. В Сенат и коллегии поступали следующие разновидности документов: 1) указ от императора или вышестоящих учреждений; 2) промемория от равного коллегии учреждения; 3) доношение и рапорт от нижестоящего органа; 4) челобитная от частного лица или представителей какого-либо сословия.

Документы, исходившие из Сената и коллегий, имели такое же наименование, как и входившие: 1) указ в нижестоящий орган; 2) промемория в равные коллегии учреждения; 3) доношение и рапорт в вышестоящие учреждения.

Особое место Сената и Синода в управлении государством, а также их равное положение подчеркивалось названиями документов, которыми обменивались между собой эти учреждения. Они посылали друг другу *ведения*. Сенат посылал ведения и в свои подразделения, расположенные в Москве. В Сенате подготавливался для императора *доклад*, который можно отнести к исходящим документам.

Тексты отправленных из Сената, Синода и коллегий документов сохранялись, как и в приказах, в черновиках-отпусках.

Таким образом, реформа затронула систему наименований документов. В Генеральном регламенте приведен краткий словарь некоторых иностранных слов, вводившихся в канцелярский обиход. Среди них такие новые слова, как «резолуция», «рекомендация», «прерогативы», «публикация», «формуляр». Они были переведены составителем Генерального регламента соответственно как «решение», «прошение об одном к другому», «преимущества», «всенародное объявление», «образец». В коллегиальное делопроизводство вводились и новые термины, например такие, как «инструкция» (в приказах — наказ), «экстракт» (в приказах — выписка), «промемория» (в приказах — память) и др.

В то же время реформа, установившая коллегиальный принцип принятия решений, предусматривала и создание новой группы документов, которой не было в приказном делопроизводстве. Эти документы имели внутриведомственный характер и предназначались для служебного пользования, поэтому накапливались в стенах учреждений. Они были призваны контролировать работу учреждений и связанный с их деятельностью документооборот.

Работу коллегиальных учреждений (Сената и коллегии) отражал *протокол*. Он должен был показать деятельность как отдельного должностного лица, так и учреждения в целом. Поскольку это была новая разновидность документации, в Генеральном регламенте содержалось подробное описание его формуляра. В протокол заседания, как правило, записывались год и число заседания, имена присутствующих членов, перечень всех дел (если дела

были очень важными, то запись об их обсуждении была пространной), принятые решения. В то же время, как отмечают исследователи, изучавшие делопроизводство Сената петровского времени, в протоколах практически не отражались ни ход рассмотрения вопросов, ни различные мнения, высказанные во время обсуждения. Это относится и к протоколам Сената второй половины XVIII в. Более того, в это время данные документы были чрезвычайно краткими.

Протокол документировал работу Сената и его подразделений на каждом заседании, иначе говоря, он давал представление о повестке дня заседания общего собрания Сената или его подразделений. В этом документе после краткой формулировки конкретного вопроса и указания на документ, инициировавший обсуждение, приводилось принятое решение. Протокол заседания мог содержать от одного до десяти и более вопросов, каждый из которых имел свой порядковый номер.

Протокол собственноручно подписывался лицами, принимавшими участие в заседании. Это требование повышало ответственность за правильность информации, сообщаемой в различных документах.

Формуляр одного из протоколов заседаний в 1-м департаменте Сената выглядит таким образом:

«1766 году ноября 29 дня в собрание Правительствующего Сената первого департамента для конференции обще с определенными к тому по именному Ея Императорского Величества указу персонами прибыли (далее указаны имена сенаторов и лиц, назначенных для обсуждения ниже записанных вопросов. — Т.К.).

В то собрание слушано:

1-е. Поднесенный Ея Императорскому Величеству о возвышенной цене в Лифляндии на горячее вино доклад... (далее следует краткое изложение доклада. — Т.К.).

Приказали: (далее следует текст определения по данному конкретному вопросу. — Т.К.).

2-е. Рапорт генерала-аншефа графа Румянцева, которым он, ответствуя на секретной указ о питейных сборах, доносит... (далее следует краткое изложение рапорта. — Т.К.).

Приказали: (далее следует текст определения по данному конкретному вопросу. — Т.К.)»¹.

Накапливавшиеся в течение четырех месяцев протоколы подшивались и оформлялись в *журналы*.

В журналах вместе с протоколами помещались *приговоры (определения)* коллегиальных органов — Сената и его департаментов, коллегий. Приговор, так же как и протокол, относится к группе внутриведомственной документации. Протокол фиксировал все

¹ РГАДА, ф. 248, кн. 1731, л. 355—358.

вопросы и решения одного заседания, в то время как приговор касался только одного рассмотренного вопроса.

Составление приговора представляло собой следующую, после создания протокола, стадию обработки информации по конкретному вопросу. Сначала из текста протокола выделялся один вопрос, решение по которому фиксировалось в самостоятельном документе. Необходимость «распыления» письменной информации протокола была обусловлена тем, что вопросы, рассматривавшиеся на заседании, могли находиться на разных стадиях подготовки. Например, в Сенат поступал рапорт об исполнении нижестоящим учреждением ранее данного указа. Сенат принимал эту информацию к сведению. В протоколе заседания записано: «Приказали: оные рапорты взять во известие»¹. Если для принятия решения сенаторам не хватало информации, в протоколе делались такие записи: «Приказали:... а о прочем учинить по Сенату справку и, выписав по получении означенного известия, доложить немедленно»²; «Приказали: оное дело отставить до того времени, когда от генерал-аншефа графа Румянцева вновь Сенату представление учинено будет»³; «Приказали: справиться, не имеется ли того о показанных селах обстоятельства, чего в Малороссийской коллегии не достаёт, по делам в Сенате, и что найдется, оное, выписав, доложить»⁴. Иногда лица, обсуждавшие вопрос, приходили к выводу о том, что для принятия решения у них не хватало полномочий. Тогда в протоколе записывалось решение о вынесении вопроса на рассмотрение общего собрания Сената: «Приказали: по оным доношениям доложить в общем собрании для того, что оное со всем следует к установлению вновь закона...»⁵. Иногда требовалось оформить закрытие дела. В этом случае запись в протоколе выглядела так: «Приказали: об увольнении Бороздина доложить в Герольдии от себя и для того означенное доношение отдать к герольдмейстерским делам при известии»⁶.

Постановления, оформленные в протоколах коллегиальных органов управления, способствовали регулированию документальных потоков. Для дальнейшего исполнения принятого решения по конкретному делу из протокола выделялось постановление о нем на индивидуальном уровне. «Дробление» информации протокола вело либо к созданию новых комплексов документов, либо к завершению дел.

Несмотря на зависимость приговора от протокола, записи об одном и том же деле, содержащиеся в этих документах, различ-

¹ РГАДА, ф. 248, кн. 5521, л. 16 об.

² Там же, л. 222.

³ Там же, л. 47.

⁴ Там же, л. 171.

⁵ Там же.

⁶ Там же, л. 173.

ны. Запись в протоколе лапидарна: в ней очень кратко передается содержание документа, инициировавшего обсуждение в Сенате. В приговоре же эта часть документа более подробна.

В ряде случаев перед тем, как принять окончательное решение о каком-либо конкретном деле, проводилась большая работа по поиску в архивах документов за прошлые годы. В результате составлялся документ, который носил название *экстракта*. В нем содержались выдержки из различных документов, так или иначе касавшиеся данного дела. Все найденные материалы в обработанном (сокращенном) виде собирались в приговоре. Они помещались в той его части, которая начиналась словами: «А по справке в Сенате...». Так как Сенат должен был следить за соблюдением законов, в справках прежде всего содержались выписки из законов по рассматриваемому вопросу, а если к этому времени уже накопилась ведомственная переписка по данному делу, то и выписки из нее. Полная идентичность текстов протокола и приговора наблюдается в постановляющей части (со слов «Приказали»). Эта часть документа не могла произвольно изменяться. При необходимости вопрос об изменениях в этой части выносился на обсуждение и протоколировался отдельным пунктом.

Сенатский приговор имел такую же правомочность, как и протокол, поскольку оба документа подписывались одними и теми же людьми. Однако перед подписанием приговор заслушивался. Во время его заслушивания могли возникнуть новые предложения, которые фиксировались в протоколе заседания. Протокольная запись 3-го департамента Сената от 2 ноября 1765 г. демонстрирует процедуру утверждения приговора и письменного оформления изменений его текста: «(№) 8. При слушании заготовленного к подписанию приговора, учиненного минувшего октября 26 об отпуске Киевской губернской канцелярии по требованию генерал-аншефа и кавалера графа Румянцева положенной на войсковые расходы суммы всегда сполна, приказали: написанные в том протоколе следующие речи “а ему, господину генерал-аншефу, однако ж, рекомендовать, дабы ту ведомость постарался, не помешкав, сделать и в Сенат представить”, исключить, а вместо того написать, что ж “принадлежит до повеленной указом ведомости, то Сенат не сомневается, что он, господин генерал-аншеф и кавалер, по получении надлежащих сведений не оставит ее, не помешкав, сочинить”»¹. Приведенная протокольная запись показывает, что протокол играл большую роль в делопроизводстве — он фиксировал все нюансы постановлений коллегиального органа.

Приговоры служили основой для составления исходящих документов: *рапортов* или *доношений* — в вышестоящие учреждения (*докладов* — императору из Сената); *промеморий* — в равные уч-

¹ РГАДА, ф. 248, кн. 5522, л. 169 об. — 170.

реждения (*ведений* — из Сената в Синод и из Синода в Сенат); *указов* — в нижестоящие учреждения. С созданием этих разновидностей документов связан следующий этап письменной фиксации деятельности учреждения по рассмотрению конкретных дел.

Указ, который подготавливался в Сенате и рассылался для исполнения нижестоящим органам или отдельным лицам, назывался сенатским указом. Коллегии также оформляли свои постановления в виде указов для исполнения нижестоящими учреждениями или отдельными лицами.

Зависимость указа от приговора можно показать на примере сенатского указа. Так, тексты приговора 3-го департамента Сената и сенатского указа, которые возникли в связи с обустройством в Петербурге запорожских казаков, приехавших для получения жалованья, почти полностью совпадают:

Приговор Сената

«1765 года июля 6 дня.

По указу Ея Императорского Величества Правительствующий Сенат по доношению присланных сюда от Войска Запорожского низового за обыкновенным на нынешней 1765 год жалованьем полковника Герасима Спичака с товарищи всего двадцати человек приказали: оному полковнику Спичаку с товарищи дватцати человекам для пробытия их здесь за жалованьем от Главной полицмейстерской канцелярии дать квартиры (как и прежде присланным давано было) немедленно и о том в оную канцелярию послать указ (выделено Т.К.).

О жалованье Войску Запорожскому и о даче оным посланным, справясь, доложить.

Подлинной за подписанием Правительствующего Сената»¹.

Указ Сената

«Указ Ея Императорского Величества самодержицы всероссийской из Правительствующего Сената Главной полицмейстерской канцелярии.

По указу Ея Императорского Величества Правительствующий Сенат по доношению присланных сюда от Войска Запорожского низового за обыкновенным на нынешней 1765 год жалованьем полковника Герасима Спичака с товарищи всего дватцати человек приказали: оному полковнику Спичаку с товарищи дватцати человекам для пробытия их здесь за жалованьем от Главной полицмейстерской канцелярии дать квартиры (как и прежде присланным давано было) немедленно и о том в оную канцелярию послать указ (выделено Т.К.).

И Главной полицмейстерской канцелярии учинить о том по сему Ея Императорского Величества указу.

Июля 8 дня 1765-го года.

Подлинной подписано тако...»².

¹ РГАДА, ф. 248, кн. 5521, л. 189.

² Там же, кн. 5523, л. 761.

Выделенный курсивом текст является общим в обоих документах. Различны лишь формулы, окружающие общий текст, и их расположение. В приговоре в начале текста указывалась дата, а в конце — задание по составлению справки о жалованье, выдававшимся запорожским казакам в прошлые годы. Затем следуют подписи лиц, присутствовавших на заседании, где принимался приговор. В указе же вначале названа разновидность документа, откуда и куда он направлен. Эта преамбула свидетельствует о том, что указ являлся разновидностью деловой переписки учреждений разных уровней. После основного текста следует повеление Главной полицмейстерской канцелярии действовать по силе данного указа. Перед подписями помещена дата указа.

На основе приговоров составлялись также доклады Сената императору (императрице). Доклад был необходим в том случае, если Сенат не мог сам справиться с проблемой в связи с отсутствием законов, позволявших решить какое-либо дело без обращения к носителю законодательной власти. Доклады, как правило, отражали всю историю рассмотрения вопроса в Сенате. Если император (императрица) ставил на доклад свою резолюцию, вопрос считался закрытым. Резолюция становилась руководством к дальнейшим действиям. Но нередко доклады оставались не «конфирмованными», т. е. не утвержденными.

В XVIII в. впервые для нужд делопроизводства был использован печатный станок. Именным указом 16 марта 1714 г. предписано «...которые Его Царского Величества именные указы, такожде сенатские приговоры состоятся о всяких государственных генеральных делах, а надлежат ко всенародному объявлению, и те указы и объявленные письма посылати по-прежнему, в губернии к губернаторам, и в приказы к судьям, а для всенародного объявления велеть в типографии печатать и продавать всем, дабы были о том сведомы...»¹. В условиях государственной монополии на типографский станок (до 1783 г.) печатная форма любого документа, исходившего от органов верховной власти, свидетельствовала о подлинности (первородности) и достоверности информации, в нем заключенной. Тиражирование типографским способом как именного указа, предназначенного для всеобщего ознакомления, так и сенатского указа, способствовало быстрому документообороту.

Сенат и коллегии давали самые разнообразные инструкции подчиненным им должностным лицам. Постепенно складывались типовые инструкции. Так, в 1764 г. Сенат подготовил типовой Наказ губернаторам, который был утвержден императрицей. В то же время, наряду с сенатской типовой инструкцией, губернаторы получали секретные инструкции от Екатерины II. Они составлялись ее

¹ Полное собрание законов Российской империи... — Т. 5. — № 2785.

статс-секретарем Адамом Васильевичем Олсуфьевым. В 1763—1765 гг. секретные инструкции были даны губернаторам Архангелогородской, Новгородской, Смоленской, Малороссийской, Новороссийской и Астраханской губерний. В отличие от типового Наказа, секретные инструкции Екатерины II акцентировали внимание губернаторов на решении специфических проблем вверенных им губерний.

Законодательство XVIII в. уделяло внимание формулировкам в тексте и организации информации в документах. Так, именной указ 1 марта 1702 г. определял форму челобитной: «...писать в челобитных свою государскую честь новым изложением, в начале: “Державнейший царь государь милостивейший” и по том писать дело, а перед прошением вместо “милосердного” “Всемилоостивейший государь прошу Вашего Величества” и потом прошение, а по прошении совершить “Вашего Величества нижайший раб”, и под тем писать челобитчикам имена свои с прозванием и месяц и число и год; а по-прежнему обыкновению в челобитных Его царского именованія титул не писать...»¹.

Еще до введения коллегий Петр I распорядился упорядочить информацию в определенных разновидностях документов. Указ 22 февраля 1714 г. требовал от губернаторов при составлении отчета о сборах налогов и о казенных расходах распределить информацию по «пунктам» — логически самостоятельным разделам, которые были в нем обозначены. Указ содержал анкету из 22 пунктов, на которые главы губерний должны были дать ответы. Позднее, 5 ноября 1723 г., это требование было распространено на челобитные и доношения. Структура челобитной в свою очередь влияла на построение других документов, связанных с ее рассмотрением. Под влиянием челобитной документы специального делопроизводства также стали составляться по пунктам, например, приговоры судебных учреждений. Таким образом, законодательство петровского времени способствовало формализации содержания документов. Сенат издал указ, запрещавший в рапорте, сообщавшем о получении распоряжения вышестоящей инстанции и ходе его выполнения, запрашивать о других делах, не относящихся к конкретному сообщению, поскольку чинятся «помешательство» и «упущения». Этот указ стремился сделать отчетную документацию однопредметной. Любые предложения подчиненных должны были оформляться в *мемориях*, т. е. записках. Тематические ограничения, безусловно, обедняли содержание отдельных документов, но вместе с тем стимулировали перераспределение информации внутри разновидностей делопроизводственной документации и способствовали определенной формализации ее содержания.

¹ Полное собрание законов Российской империи (первое)... — Т. 4. — № 1899.

Следующий этап в развитии делопроизводства Российской империи связан с созданием министерств. В соответствии с манифестом 8 сентября 1802 г. в России появились первые восемь министерств. «Общее учреждение министерств», принятое 25 июня 1811 г., определило единообразие организаций министерств и их делопроизводства, а также их взаимоотношений с другими учреждениями. Система документации была окончательно оформлена и закреплена «Сводом законов Российской империи» 1832 г.

Новый принцип управления и изменение делопроизводства предполагал отказ от коллежского «обряда», который характеризовался, по мнению реформаторов, медлительностью исполнения и созданием большого количества документов. Задача состояла в том, чтобы сократить сроки принятия решений и объем документации.

Министерское правление, в отличие от коллегий, основывалось на принципе единоначалия. Право окончательного решения предоставлялось одному лицу. В новой управленческой системе таким лицом являлся министр, которому принадлежала вся полнота власти в своем учреждении. Но по требованию закона он основывал свое решение на предварительном докладе сотрудников структурных частей министерства, которые обязаны были «привести дело в ясность», собрать все нужные справки и изготовить проект решения.

Каждый вопрос обязательно разрабатывался департаментом министерства или канцелярией, где подготавливался доклад для министра. Министр, принимая окончательное решение, мог учитывать или не учитывать мнение подчиненных.

Суть деятельности министерств заключалась в том, что каждый исполнитель на определенном уровне был также и распорядителем, отвечавшим за свои действия перед вышестоящей инстанцией. Данный принцип управления называют бюрократическим.

Коренное изменение функций подразделений министерства влекло за собой смену формы и содержания документа на разных стадиях его подготовки внутри ведомства. При прохождении документов с более низкого на более высокий уровень действовал принцип «поглощения» информации. Если на низшем уровне собирались все документы и на их основе подготавливался доклад, то на рассмотрение к министру поступал текст с уже обобщенной информацией.

При министерском правлении существовала строгая регламентация переписки. Одной из разновидностей переписки стало *представление*. Его текст представления имел четко обозначенную структуру, которая соблюдалась на всех уровнях, несмотря на значительное обобщение информации исходных материалов. Представление состояло из следующих разделов: изложение дела; причи-

ны; неудобства; заключение. По этим частям документа, направленного снизу вверх, шел процесс формализации информации. Такие же разделы имел и доклад министра императору.

В первой половине XIX в. сложились следующие потоки документов: министерства представляли императору ежегодные всеподданнейшие *отчеты*; вышестоящие органы управления посылали в нижестоящие *указы, повеления, постановления, учреждения и предписания*; равные учреждения направляли друг другу *отношения, сообщения, переписку и ведения* (ведениями обменивались Сенат и Синод; ведениями и известиями оформлялись отношения между департаментами, отделениями и общим собранием Сената); нижестоящие органы управления представляли в вышестоящие *доклады, рапорты, представления и доношения*.

В середине XIX в. распорядительная деятельность министерств стала оформляться *приказами*.

С введением министерств коллежский обряд не уничтожился полностью. Он сохранялся в делопроизводстве Сената.

Особенностью делопроизводства первой половины XIX в. является заметная стандартизация ряда документов. Она позволила использовать изготовленные типографским способом бланки. Заранее подготовленный трафарет документа, куда вносились бы индивидуальные особенности сделки, предлагался Петру I еще в конце XVII в. Однако это предложение было реализовано только в 30-е гг. XIX в. Как и в петровское время, оформление документов должно было соответствовать законодательно закрепленным формам. Только в этом случае документы имели юридическую силу.

4.3. Приемы работы с делопроизводственной документацией

Одной из особенностей информации о событиях прошлого, дошедшей до нас в делопроизводственной документации, является ее фрагментарность. К принятию решения по какому-либо вопросу и его исполнению было причастно много инстанций, где создавалась своя документация. Наиболее полное представление об изучаемом конкретно-историческом событии может дать только совокупность взаимосвязанных делопроизводственных материалов, которые возникли во всех учреждениях, имеющих отношение к рассмотрению конкретного вопроса. Поэтому при анализе делопроизводственной документации как вида исторических источников и при использовании ее сведений для изучения конкретных исторических сюжетов необходим *комплексный подход*.

Источники, возникшие в связи с одними и теми же событиями, зачастую хранятся в разных архивных хранилищах, а внутри

одного архива — в разных фондах. Таким образом, перед исследователем, обратившемся к изучению делопроизводственной документации, стоит задача ее поиска и формирования документальной системы. В создании подобной документальной основы помогает знание системы государственных учреждений и их взаимоотношений, процедуры принятия и исполнения решений на разных уровнях, а также основных направлений деятельности учреждения, зафиксированных в письменном виде.

Несмотря на тщательные поиски делопроизводственных материалов в архивах, в формируемых учеными документальных совокупностях возможны пробелы. Особенно это касается приказного делопроизводства. Его плохая сохранность объясняется тем, что многие накапливавшиеся в течение продолжительного периода комплексы материалов погибли в огне московских пожаров (1547, 1571, 1626 гг. и др.). Кроме того, в XVI—начале XVII в. многие делопроизводственные материалы уничтожались за ненадобностью, а также были утеряны в годы Смутного времени, «в разоренье», во время народных движений. Так, во время стрелецкого восстания в 1682 г. были уничтожены документы Судного и Холопьяго приказов. Таким образом, одной из источников поведенческих задач является разработка путей восполнения пробелов, которые существуют в любом комплексе делопроизводственных документов.

Пытаясь восстановить состав утраченных документов, ученые обращаются к так называемым описям Царского архива и описям документов отдельных приказов, составленным еще в XVI—XVII вв. Вместе с тем в ряде случаев выявить документацию XVII в., которая фиксировала принятие решений и их исполнение, можно, обратившись к сохранившемуся специальному делопроизводству. Покажем возможности этого пути исследования на примере материалов сыска беглых крестьян.

Вопросу о сыске беглых крестьян посвящены указы 90-х гг. XVI в. Указ 24 ноября 1597 г. ввел урочные лета сыска, предписывая разыскивать и возвращать прежним владельцам всех беглых и насильно выведенных крестьян в течение пяти лет. По коллективной челобитной помещиков в 1637 г. срок был продлен до девяти лет, а в 1641 г. — еще на один год. Наличие урочных лет предполагало порядок индивидуального сыска беглых крестьян по челобитным их владельцев. В каждом конкретном случае при организации сыска учитывались срок побега крестьян и холопов и срок подачи владельцем челобитной.

Реконструировать процедуру сыска и делопроизводство сыских комиссий начала XVII в. можно по так называемым *свозным книгам* Троице-Сергиева монастыря 1614 г. Они представляют собой разновидность специального делопроизводства — итоговую письменную фиксацию работы приказных людей, отправленных на поиск беглых крестьян. В настоящее время из всех письменных

материалов, возникших в ходе сыска в 1614 г. троецких крестьян, сохранились только две книги. Однако на их основе можно определить основные разновидности материалов общего документирования, обеспечивавших начало и проведение сыска, и реконструировать их содержание.

Свозные книги 1614 г. состоят из предисловия и двух частей. В предисловии изложены причины и предыстория составления книги. Из предисловия следует, что архимандрит Дионисий и келарь старец Авраамий Палицын вместе с братиею подали *челобитную* о сыске беглых монастырских крестьян. К челобитной прилагалась *именная роспись* (список беглых) «за Троецкою Сергиева монастыря келарскою печатью»¹. Челобитная монастыря была принята к рассмотрению, и во исполнение *указа* царя Михаила Федоровича из Приказа Большого дворца был дан *наказ* сыщикам отправиться в Владимир, Юрьев Польской, Суздаль, Стародуб Рязановский, Муром, Гороховец и «троецких старинных крестьян», бежавших «от (7)113 году (1604/1605 г.) от насилства», свезти в вотчины монастыря.

В первой части книг поименно названы беглые крестьяне, которых сыщики возвратили «на старые жеребьи», также указано, с какого времени они «в бегах», какую долю окладной единицы составляла их пашня и где они проживали после побега. Возвращенные на прежнее место жительства крестьяне давали сыщикам *поручные записи*. Эти крестьянские письменные документы в большинстве случаев представляли собой обязательства в том, «что им жить за Троицею, и государевы подати и их монастырские платить, и изделья делати, а впредь никуды от Троицы не бегать»².

Во второй части книг записаны крестьяне, которых новые владельцы, крестьянские общины или посады отказались возвратить монастырю. По терминологии книг, эти люди «учинились государеву указу силны». Новые владельцы должны были явиться в Москву в суд вместе с крестьянами, из-за которых предстояла тяжба. О своем согласии явиться в суд владельцы сообщали в письменном обязательстве, называвшемся *статной* (от слова «стать, встать») *поручной записью*: «подавали по себе в тех троецких крестьянех статные поручные записи, что стати им в тех троецких спорных крестьянех на Москве в Приказе Большого дворца перед боярином перед Борисом Михайловичем Салтыковым да перед дьяки Иваном Болотниковым с товарищы»³.

По ходу сыска возникала, по-видимому, разнообразная по содержанию переписка сыщиков и приказа. Однако в свозных кни-

¹ Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв. — М., 1929. — Т. 1. — С. 185.

² Там же. — С. 245.

³ Там же. — С. 202.

гах 1614 г. упомянуты только послания сыщиков в связи с нежеланием новых владельцев крестьян исполнять царский указ. Так, князь «Роман Петрович Пожарский государева указу не послушал и тех троетцких крестьян вывести из-за себя не дал, учинился силен», а свозчика (свозчик — должностное лицо, обязанное отвозить найденных беглых крестьян к прежнему хозяину) Григория Ильича Терпигорева и приехавших с ним троицких крестьян хотел побить «до смерти», при этом говорил: «"Государева де мне указу не слушивать". И о том на него писано к государю»¹.

О том, что в свозных книгах обобщалась информация многих первичных документов, свидетельствуют замечания составителей книги о поручных записях: «И поручные записи по всех (возвращенных крестьян. — Т. К.) пойманы и вклеены в столп и свежены в Троетцкой Сергиев монастырь»; «И поручные записи по них взяты и вклеены в столп, и отданы поручные записи в монастырь»; «И запись поручная (статная. — Т. К.) взята и вклеена в столп»².

Таким образом, подлинная документация накапливалась в виде столбца. Затем столбы, скорее всего, поступали в приказ, где и хранились. Книги создавались на основе исходной документации, которая отложилась в столбце, но ее информацию передавали в сжатом виде. Следовательно, столбец и книга не были идентичными итоговыми документами. По завершении розыска свозные книги были переданы монастырю. Заметим, что 1614 г. вместе с другой вотчинной документацией были обнаружены именно в архиве Троице-Сергиева монастыря.

Важной вехой в развитии комплекса делопроизводственных документов, оформлявших сыск беглых крестьян и холопов, стало утверждение в 1649 г. Соборного уложения. Этот свод законов отменил урочные лета и узаконил бессрочный сыск помещиками и вотчинниками бежавших крестьян и холопов. Иначе говоря, было законодательно установлено крепостное право. С этого времени сыск крестьян и холопов и возвращение их владельцам заняли важное место в деятельности государственных учреждений. Ликвидация урочных лет создала условия для массового сыска. Под влиянием челобитных от владельцев крестьян новая функция государства — сыск беглых крестьян — была узаконена. Ее осуществляли специально назначаемые сыщики из дворян.

Во второй половине XVII в. было организовано несколько массовых сысков беглых: в 1658—1663, в 70-х гг. XVII в., 1683, 1692—

¹ См.: Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв. ... — Т. 1. — С. 242.

² Там же. — С. 191.

³ Там же. — С. 199.

⁴ Там же. — С. 259.

1693 и 1698 гг. Они охватывали значительную территорию поволжских и центральных городов.

В основных своих чертах письменное оформление процесса сыска и его результатов на новом этапе оставалось таким же, как и в первой половине XVII в. Правительственный сыск беглых организовывался по инициативе самих феодалов. Дело начиналось с челобитной помещика или вотчинника, просившего найти и допросить крестьянина, которого он считал своим. После рассмотрения челобитных возникали указы, боярские приговоры и наказания сыщикам.

Во второй половине XVII в. деятельность членов сыскной комиссии сопровождалась большим количеством документов. Из комиссии посылалась *память* рассыльщику (рассыльщик — один из членов комиссии, в обязанности которого входили поиск беглых и их доставка на допрос к сыщику) о необходимости поймать беглого. О результатах выполнения поручения рассыльщик сообщал в *доезде* (*доездной грамоте*). Доставленный в комиссию крестьянин допрашивался. В допросе участвовали и крестьяне и их прежний владелец. Обе стороны доказывали свою правоту. На этом этапе расследования использовались выписки из разнообразных документов: писцовых, переписных и отказных книг, раздельных записей и других документов. Результаты допроса оформлялись в письменном виде. *Допрос* включал информацию об именах отца беглого и самого беглого, месте жительства, имени прежнего владельца, жизни в бегах, последнем месте жительства, известных допрашиваемому других беглых крестьянах, семье и имуществе.

По окончании расследования сыщик на основании Соборного уложения, наказа, допросов и представленных выписок принимал решение. Оно оформлялось в виде записи, под которой стояла подпись сыщика. От тех владельцев, которым возвращали крестьян, требовалась *отпись* («отписи за их руками вперед для спору»¹).

Окончательно результаты деятельности сыщиков и информация из перечисленных выше документов обобщались в так называемых *отдаточных книгах*.

Одной из ранних отдаточных книг является книга Троице-Сергиева монастыря. Сыск беглых троицких крестьян начался в конце 1649 г., после утвержденного Соборного уложения, и продолжался до 7 июня 1650 г. Территориально он охватил Кострому, Галич и их уезды.

По построению отдаточная книга сходна со свозной книгой. Она имеет предисловие и основную часть, назначение которой состоит в поименном перечислении возвращенных крестьян. В от-

¹ Соборное уложение 1649 года... — С. 65. — Ст. 4.

даточной книге отсутствует раздел свозной книги, в котором отмечались спорные случаи владения крестьянами.

В предисловии отдаточной книги 1649—1650 гг. указывалась причина организации правительственного сыска беглых крестьян Троице-Сергиева монастыря. Инициатива сыска исходила от монастырских властей — архимандрита Андреана, келаря старца Симона, казначея старца Калинника с братею. На их челобитную последовал указ царя в Поместный приказ, где был составлен наказ определенным для проведения сыска Петру Федоровичу Шетневу и подьячему Федору Корчемкину. Порядок их работы отражен в предисловии достаточно полно: указано, где искать беглых, перечислены документы (Соборное уложение, выписки из писцовых и переписных книг), на основании которых крестьяне должны возвращаться их прежнему владельцу. Этот сюжет предисловия, несомненно, раскрыт на основе текста наказа сыщиками.

В то же время главная часть отдаточной книги отличается от свозной книги формой записей и информацией, в ней зафиксированной. В отдаточной книге в стандартных формулировках отражена повседневная работа людей, специально назначенных для сыска беглых. По своей форме этот итоговый документ близок журналу специальной комиссии, в котором на протяжении нескольких месяцев накапливались подневные записи об «отдаче» беглых. Сама запись включает дату, юридическое обоснование «отдачи» (расспросные речи, выписки из писцовых книг, сказки и т.д.), имя лица, у кого крестьяне жили в бегах, и имена возвращенных монастырю «беглецов». Последним элементом записи является количество переданных монастырю крестьян с упоминанием об уплате «поголовных денег» — «по три алтына 3 голы».

Если соотнести информацию отдаточной книги с информацией столбцов, в виде которых накапливалась первичная документация (остатки столбцового делопроизводства второй половины XVII в. по сыску беглых сохранились в архивах), то можно заметить информационную неполноту книги. В ней не упоминается переписка сыщиков с приказами и между собой, нет крестьянских допросов и т.д. Кроме того, в ходе сыска опрашивалось больше беглых крестьян и холопов, чем это отражено в книге, поскольку в отдаточной книге регистрировались только те крестьяне и их семьи, которые возвращались прежним владельцам. Дополнить сведения отдаточных книг о работе сыщиков могут специальные книги с записями «полюбовных договоров» и «мировых зарушных челобитных» о беглых крестьянах.

Интересные результаты дает сопоставление формуляров книг, которые фиксировали результаты деятельности сыскных комиссий первых десятилетий и середины XVII в.:

Свозная книга 1614 г.

«Да во 115-м году села Варварсково из деревни Соколова збежали крестьяне Куземка, да Семейка, да Васка Семеновы дети с полвыти за сына боярсково за Петра Иванова сына Онучина в деревню Нижнюю Роботку.

Да в 114-м году села Варварсково из деревни Игрищ збежал крестьянин Макарко Данилов с чети выти в село Запрудное за немку Варвару. И те крестьяне по государеву указу из-за Петра Онучина и из-за немки Варвары вывезены и посажены на старых жеребьях»¹.

Как видим, одинаковые по своему назначению книги, регистрирующие возвращенных владельцам беглых крестьян, по содержащейся в них информации различаются. Эти различия обусловлены исторической ситуацией, в которой они создавались. Так, в свозной книге указан год побега крестьянина, а в отдаточной книге этого показателя нет. Это принципиально важное различие, оно указывает на изменение условий сыска крестьян в середине XVII в. В начале столетия действовали урочные лета, в течение которых позволялся сыск беглых крестьян. Именно этим объясняется включение в формуляр свозной книги даты побега монастырских крестьян. Отсутствие подобной даты в отдаточной книге свидетельствует о том, что после отмены урочных лет срок давности побега уже не играл никакой роли. В свозной книге указан размер пашни, которую обрабатывал крестьянин. Эта пашня привязана у мелкой окладной единице, с которой крестьяне несли государственные налоги — выти.

В начале XVII в. окладные единицы выть и соха формировались в ходе писцового описания. В середине XVII в. окладные единицы изменились (стали учитываться крестьянские и бобыльские дворы) — и информация о том, какой размер пахотной земли обрабатывал крестьянин в качестве тяглой, перестала иметь государственное значение.

В середине XVII в. отдаточная книга составлялась для сыска крестьян, навечно закрепленных за владельцем, поэтому в ее форму-

Отдаточная книга 1649—1650 гг.

«Маия в 10 день.

По приводу и по роспросным речам и по выписи с костромских писцовых книг письма и меры князь Василья Волконского да подьячего Остафья Колюпанова 137-го и 138-го году отдана за Троицкой Сергиев монастырь беглая их крестьянская девка, что жила в бегах на Костроме у вдовы попады Василицы, Фетюшка Калинкина дочь в Троицкую вотчину села Сухорукова в деревню Степково. Поголовных денег три алтына»².

¹ Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв. ... — С. 187.

² Каишанов С. М. Отдаточные книги Троице-Сергиева монастыря 1649—1650 гг. // Исторический архив. — М., 1953. — Вып. 8. — С. 217.

ляре отсутствует дата, но есть ссылки на документы, имевшие по закону юридическую силу в доказательстве права феодала на крестьянина.

Таким образом, комплексный сравнительный анализ делопроизводства общего и специального назначения показывает, что, в о-п е р в ы х, общая документация и специальная документация государственных учреждений были взаимосвязаны, поэтому для реконструкции всего документального комплекса по какому-либо вопросу необходимо использовать и ту и другую.

Во-в т о р ы х, можно говорить о двух вариантах делопроизводства — столбцовом и книжном, которые велись по одному делу, но различались назначением и содержанием. Вся совокупность документов накапливалась в ходе сыска в столбцах, а в книгах отражались решения сыщиков по поводу конкретных случаев. В то же время решения принимались на основе документов, отложившихся в столбцах. Если в свозных книгах первой половины XVII в. еще видны следы обработки первичной документации, то в отдаточных книгах их почти нет.

В-т р е т ь и х, для отдаточных книг характерен отбор информации, которая отвечала новым историческим условиям. Отметим также специализацию отдаточных книг, которая связана со способами передачи крестьян их бывшим владельцам.

В-ч е т в е р т ы х, при реконструкции делопроизводственной документации следует обращаться к законодательным источникам, которые раскрывают некоторые стороны процедуры принятия решения и его исполнения, регламентацию деятельности должностных лиц и письменного оформления этой деятельности. Уровень разработанности законодательства показывает также масштабы явления, с которым связана информация делопроизводство общего и специального характера.

Источники

Воссоединение Украины с Россией: документы и материалы: в 3 т. — М., 1953.

Государственный архив России XVI столетия: опыт реконструкции. М., 1978. — Вып. 1—3.

Каиштанов С. М. Отдаточные книги Троице-Сергиева монастыря 1649—1650 гг. // Исторический архив. — М., 1953. — Вып. 8.

Новосельский А. А. Коллективные дворянские челобитные о сыске беглых крестьян и холопов во второй половине XVII в. // Дворянство и крепостной строй России XVII—XVIII вв. — М., 1975.

Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв. — М., 1929. — Т. 1.

Сенатский архив. — СПб., 1888—1913. — Т. 1—15.

Литература и справочные издания

Анисимов Е. В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII в. — СПб., 1997.

Гудзинская А. П. Документы сыскных комиссий второй половины XVII в. как исторический источник // Археографический ежегодник за 1967 г. — М., 1969.

Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. — М., 1983.

Ерошкин Н. П. Местные государственные учреждения дореформенной России (1800—1860 гг.). — М., 1985.

Иванова Е. В. Источниковедческий обзор документов Печатного приказа (1613—1649) // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.): сб. ст. — М., 2004.

Литвак Б. Г. Очерки источниковедения массовой документации XIX — начала XX в. — М., 1979.

Лукашевич А. А. Модернизация формуляра документа государственного делопроизводства законодательством первой четверти XVIII века // Исследования по источниковедению истории России дооктябрьского периода: сб. ст. — М., 1993.

Новосельский А. А. Отдаточные книги беглых как источник для изучения народной колонизации на Руси в XVII в. // Труды Московского государственного историко-архивного института. — М., 1946. — Т. 2.

Новохатко О. В. Законодательство во второй половине XVII в. о внутреннем распорядке приказов // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.): сб. ст. — М., 2004.

Центральный государственный архив древних актов СССР: Путеводитель: в 4 т. — М., 1992. — Т. 1—2.

Российский государственный архив древних актов: путеводитель: в 4 т. — М., 1997—1999. — Т. 3—4.

Сокова А. Н. О создании русской традиционной формы документа в делопроизводстве госучреждений XVIII—начала XX в. // Труды ВНИИДАД. — М., 1974. — Т. 5. — Ч. 1.

Тихомиров М. Н. Приказное делопроизводство в XVII в. // Тихомиров М. Н. Российское государство XV—XVII вв. — М., 1973.

Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. — М., 1978.

Шмидт С. О., Князьков С. Е. Документы делопроизводства правительственных учреждений России XVI—XVII вв. — М., 1985.

Глава 5

ИСТОЧНИКИ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

5.1. Частная переписка

5.1.1. Общая характеристика

Выделение источников личного происхождения в самостоятельный комплекс предполагает их противопоставление материалам, возникшим в сфере государственного управления, законотворчества, оформления политических, экономических и социальных отношений и т.д. Название комплекса указывает на совершенно иную область, породившую материалы личного происхождения. Она связана с личностными потребностями конкретного человека, проявлением его социальной активности, интеллектуальным развитием, профессиональными интересами и т.д.

В этот комплекс включают несколько видов исторических источников: частную переписку, личные дневники и воспоминания.

Хотя в отечественном источниковедении изучение источников личного происхождения является традиционным направлением, исследуются они неравномерно. Наибольшее внимание ученых привлекают мемуары, поэтому в данной главе приведена общая характеристика и раскрыта эволюция частной переписки и дневников.

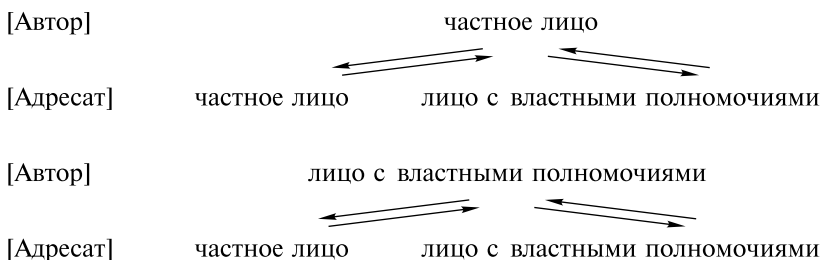
Обмен информацией является одним из необходимых условий развития человечества. Потребность людей в коммуникации первоначально удовлетворялась жестами, потом появилось речевое (устное) общение. С изобретением письменности важным средством коммуникации стал обмен информацией, закодированной знаками различных письменных систем. С точки зрения сохранения информации, ее распространения и точности воспроизведения этот способ более совершенен, чем другие.

Обмен письменной информацией подразумевает взаимодействие по крайней мере двух субъектов: автора и адресата. Через посредника или специальные службы автор передает информацию в письменном виде, а адресат, получив послание и ознакомившись с его содержанием, как правило, отвечает на него.

На основе этого механизма обмена письменной информацией постепенно развивались системы переписки, различавшиеся по назначению, содержанию, форме и месту в специализированных комплексах письменных материалов. Одним из важных признаков, характеризующих происхождение переписки, является юридическое положение корреспондентов. Автором письма мог быть

человек, социальное и должностное положение которого при написании текста не играло никакой роли (назовем его частным лицом). Письмо также могло исходить от лица, наделенного властными полномочиями и представлявшего тот или иной уровень государственного управления, положение которого было определяющим при возникновении послания (назовем такого корреспондента лицом с властными полномочиями). Адресат также мог являться частным лицом или человеком, наделенным властными полномочиями. В этих двух ипостасях мог выступать один и тот же человек. Так, императрица Екатерина II как глава государства обращалась с письменными посланиями к губернаторам, статс-секретарям, сенаторам и другим должностным лицам, а как частное лицо — писала письма мужу князю Григорию Александровичу Потемкину. Каждая разновидность переписки имела свое особое происхождение, форму, стиль.

В результате обмена письменной информацией возникают различные взаимоотношения лиц, участвующих в переписке. Их можно представить следующим образом:

В намеченных схемах движения письменной информации обнаруживаются три системы переписки: в о-п е р в ы х, переписка между собой частных лиц; в о-в т о р ы х, переписка между собой лиц, наделенных властными полномочиями; в-т р е т ь и х, переписка между частными лицами и лицами с властными полномочиями.

Переписка, одним из участников которой выступало официальное лицо (учреждение), представляет собой делопроизводственную документацию. Для того чтобы на основании действующего законодательства решить свою проблему, частное лицо обращалось с письменным заявлением (посланием) в учреждение, которое представляло государственную власть, и в котором служили лица, наделенные властными полномочиями. В ходе рассмотрения конкретной проблемы возникала переписка органов власти, а также переписка официальных лиц с заявителем (частным лицом). Все эти документы носят официальный характер. При определенных исторических условиях они оформились в

специфическую документальную систему, которая выделилась из общей массы писем.

Между частными лицами велась *частная переписка*, которая изначально не была однородной по содержанию. Уже на раннем этапе существования этой переписки наметилось ее разделение на деловую и личную.

Деловая переписка на основе традиции или договора решала в первую очередь хозяйственные задачи. По мере развития экономики увеличивалось разнообразие документов, фиксировавших состояние и деятельность хозяйственных единиц, причем необходимость в такой документации прежде всего испытывали крупные землевладельцы (вотчинники и помещики) и купцы. Со временем в каждом крупном хозяйстве документы стали представлять собой более или менее устойчивые комплексы, называемые поместью-вотчинным и торгово-промышленным делопроизводством. Деловая переписка хозяев и управляющих стала неотъемлемой частью этих делопроизводственных комплексов. Она велась постоянно, так как помещичьи (вотчинные) владения могли быть оторваны от места постоянного проживания хозяина, а торговый приказчик мог совершать операции вдали от главной конторы своего хозяина. Деловая переписка содержала по преимуществу регулярные отчеты приказчиков и наставления хозяев. Письма этой группы частной переписки отличаются предельной лаконичностью и деловитостью.

Личная переписка велась между родственниками, знакомыми и друзьями. Повествование личных писем часто окрашено эмоционально-личностным восприятием действительности. В этих письмах затрагивались многие темы, не подлежавшие обсуждению в деловой, и тем более, в официальной переписке. Их авторы рассказывали о домашних заботах и происшествиях, своих взаимоотношениях с другими лицами, описывали свои чувства, передавали доверительную информацию. На Руси личная переписка не была регулярной, так как близкие люди редко расставались надолго, а прочных дружеских связей между людьми, жившими на значительном расстоянии друг от друга, еще не существовало.

В корпусе древнерусских письменных источников есть тексты, которые лишь по форме напоминают письма. Их содержание имеет публицистическую направленность. Автор текста давал свою оценку каким-либо современным событиям с намерением повлиять на мнение адресата (или более широкого круга лиц) по поводу этих событий. В таких текстах в качестве адресата могло выступать как реальное, так и вымышленное лицо. Эти послания являлись прежде всего средством политической и религиозной борьбы и представляли собой определенный литературный жанр, ближе всего стоящий к поучениям. В древнерусской церковной и светской литературе было создано немало публицистических сочинений.

ний, оформленных в виде посланий. Широко известна, например, полемическая переписка царя Ивана Грозного и князя Андрея Курбского 1564—1579 гг. о самодержавной власти в России, внутренней и внешней политике.

В древнерусском языке для обозначения письменного обращения одного лица к другому существовало несколько понятий: «послание», «епистолия», «грамота» («грамотка»). Слова «письмо», «письмишко», «письмецо» использовались как собирательное наименование текстов различного характера и назначения. Средневековая лексика, таким образом, свидетельствует об отсутствии четкого разделения переписки на определенные разновидности, что говорит о недостаточной развитости эпистолярной практики.

Письмо одного лица к другому строилось по определенной схеме. Оно состояло из трех композиционных частей: зачина (начала), основного текста и заключения (конца). Один из исторических путей размежевания разновидностей переписки заключался в выработке более или менее устойчивых начальных и заключительных формул для каждой группы посланий, а также особых этикетных оборотов для отдельных структурных частей эпистолярного текста.

5.1.2. Эволюция частной переписки (XI — первая половина XIX в.)

Письмовники как своды эпистолярных образцов. Древнерусский человек ознакомился с античной и византийской традицией эпистографии (так в Средние века называлось учение о написании писем) на примере апостольских посланий, включенных в Новый Завет. Книга «Апостол», в которую входят апостольские послания, переведена на старославянский язык одной из первых и была востребована в связи с принятием ею христианства. В начальной формуле апостольского послания читается имя его автора, указывается адресат, приводится приветствие. Таков, например, зачин «Послания апостола Павла ефесянам»: «Павел, волею Божиею Апостол Иисуса Христа, находящимся в Ефесе святым и верным во Христе Иисусе: благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа»¹.

В начале XV в. на Руси стали использоваться специальные своды эпистолярных образцов — так называемые *письмовники*. Они играли важную роль в распространении культуры написания писем, способствовали специализации эпистолярных текстов, закрепляя их наиболее характерные черты, предлагали разнообразные варианты эпистолярного этикета в зависимости от социаль-

¹ Еф. 1, 1—2.

ного положения адресата, а также причин, заставивших автора взяться за перо.

Два самых ранних русских списка письмовника, известных в настоящее время, датируются первой четвертью XV в. Архетип (т.е. предполагаемый список, от которого пошли все сохранившиеся списки) данного письмовника был создан в третьей четверти XIV в. южнославянскими книжниками, усвоившими византийскую традицию написания церковных посланий. При митрополитах «киевских и всея Руси» Киприане (1381—1382, 1389—1406) или Фотии (1408—1431) один из южнославянских списков эпистолярного справочника попал на Русь. В митрополичьей канцелярии и скриптории одного из монастырей Северо-Восточной Руси с него были сделаны копии. Оба списка включают тексты начальных и конечных формул посланий к митрополиту и епископу (приведено два варианта), «царю или ко князю», «властелину», «властелю калугером» (калугер — инок), «старцу велику». Зачины и заключения посланий содержат витиеватые книжные обороты, библейские цитаты.

Фрагмент зачина «послання к святителю, митрополиту, епископу» демонстрирует известный литературный стиль «плетения словес»: «Иже по божественей благодати облагодаяющему и изъ чрева матерня освященному и избранному от божественныя благодати и въ еже быти наставнику и учителю, реку же и пастырю преславнаго и Богом покрываемаго града того имярекъ, въ еже проповедати евангелъе божие и въ еже благовестити нищимъ от добродетели и спасенье и пленникомъ, иже от бесовъ свобоженье, яко да сподобишися и ты самъ паствы ради твоя услышати сладкаго гласа оногю...»¹. В то же время образец концовки данного послания предельно краток: «Конецъ. Всеблагии иже въ благихъ бѣ да створитъ молитвы святого ти владычества деиствены иже о насъ. Аминь».

Неслучайно древнейшие русские списки эпистолярия являются сводом образцов посланий, предназначенных в основном для переписки в церковных и монастырских кругах. Сохранение в период феодальной раздробленности единого для всех русских епархий церковного руководителя в лице митрополита «киевского и всея Руси» способствовало росту письменных обращений к нему глав епархий, игуменов, светских властей. Сам факт использования эпистолярного справочника в церковных кругах свидетельствовал о потребности в определенной специализации и унификации переписки, возникавшей в тот период на территории ряда государств и адресованной одному лицу. Послания становились

¹ Турилов А. А., Плигузов А. И. Древнейший южнославянский письмовник третьей четверти XIV в. // Русский феодальный архив XIV—первой трети XVI в. — М., 1987. — С. 563.

способом разрешения многих вопросов церковной жизни, средством управления церковными структурами.

Помимо письмовников, которые включали образчики частных литературно украшенных писем, на Руси существовали так называемые *формулярники* — сборники образцов документов делового и официального характера. Как своды образцов двух самостоятельных групп переписки формулярники и письмовники появились примерно в одно и то же время. Размежевание письмовников и формулярников обусловлено, с одной стороны, усложнением государственного и церковного аппаратов, функционирование которых требовало упорядочения служебной переписки, а с другой — распространением практики обмена письменной информацией между частными лицами. Об интересе древнерусских людей к эпистолярным руководствам свидетельствует значительное количество выявленных к настоящему времени рукописных письмовников — около 170 текстов различных редакций.

Разнообразие образцов частной переписки людей, находившихся в деловых, дружеских или родственных отношениях, увеличилось в связи с переходом русской письменности на бумажную основу. Бумага стала использоваться на Руси с середины XIV в., а к концу XV в. она повсеместно вытеснила и пергамен, и бересту. Самый древний русский письмовник был создан в Новгородской боярской республике в 1475—1477 гг. Впоследствии он неоднократно переделывался, дополнялся новыми образцами посланий. В 1539—1541 гг. появился письмовник с заглавием «Послание начало, егда хощеша кому послати: к вельможам или ко властным людям, — кому ся ни есть имярек». В последней трети XVI в. была создана еще одна редакция письмовника — «Сказание начертанию епистолиям, предисловиям и посланиям ко всякому человеку». По сравнению с ранними сводами она содержала наибольшее число образцов — до 70 примеров. Это самый популярный древнерусский письмовник. Он переписывался представителями различных общественных слоев. Его особенностью было расположение посланий по алфавиту, независимо от социального положения адресатов. Отсюда второе название свода — «Азбучный письмовник». В него были включены образцы посланий, отражавших разные человеческие взаимоотношения. Например, помимо дружеских посланий, в нем приведены образцы ругательных писем: писем «недругу», «непостоянному другу с посмехом», «к другу преждебывшему», «к другу с лаею» и т. д. В конце XVII в. «Сказание начертанию епистолиям...» было переработано. В результате появился новый вариант письмовника — «Каким образом писати и х кому письма».

В XVIII — первой половине XIX в. потребность в эпистолярных шаблонах возросла. В этот период все большее число людей, принадлежавших к разным социальным категориям, включалось в

информационные потоки и становилось участниками письменной формы передачи информации.

Особенностью письмовников XVIII — первой половины XIX в. было то, что они существовали по преимуществу в печатном виде. В отличие от рукописного способа распространения книги, типографский способ позволял одновременно создавать книгу в большом количестве экземпляров. О повышенном интересе к эпистолярным справочникам и удовлетворении общественной потребности в них с помощью типографского станка свидетельствуют многократные переиздания письмовников. Например, «Кабинетский и купеческий секретарь, или Собрание наилучших и употребительных писем» Ивана Сокольского впервые был издан в 1788 г., а вторично — в 1795 г. Опубликованный в 1793 г. иждивением московского купца Семена Никифорова «Всеобщий секретарь, или Новый и полный письмовник, содержащий письма известительные, совет подающие, обличительные, повелительные, просительные, рекомендательные, представляющие услугу, жалобу содержащие, выговорные, извинительные, содружественные, поздравительные, утешительные, благодарственные, издевательские, любовные, нравоучительные, коммерческие, с присовокуплением разных объявлений, контрактов, духовных завещаний, записей свидетельств, верующих (т. е. доверенностей. — Т. К.), формы векселей, росписок, пашпортов и просьб, принадлежащих до присутственных мест, состоящий в двух частях или пяти отделениях» в 1808 г. был издан в Петербурге в четвертый раз.

«Всеобщий секретарь...» имел черты и письмовника и формулярника, в него были включены образцы не только частной переписки, но также актов и некоторых разновидностей делопроизводственной документации. В XVIII — первой половине XIX в. по такому принципу строились многие издания подобного рода справочников, что говорит о разнообразии официальных и личных письменных контактов, осуществлявшихся частными лицами.

В XVIII в. письмо было фактом не только повседневной деловой и личной жизни. С середины столетия оно становится и фактом литературы. На письмо как литературный жанр обратили внимание ученые. В 1757 г. в сочинении «Предисловие о пользе книг церковных в российском языке» М. В. Ломоносов представил основанную на античной традиции теорию «трех штилей». Согласно этой теории, художественные произведения делятся на три стилистические группы — сочинения высокого, среднего и низкого стиля.

Прозаическое письмо отнесено к группе сочинений низкого стиля, поскольку для его создания, так же как и для создания комедии, эпиграммы и песни, должен использоваться живой разговорный русский язык. Это разделение литературных жанров с точки зрения их языка, безусловно, оказало влияние на стиль

повседневной частной переписки. В то же время в XVIII — первой половине XIX в. многие представители дворянства следовали западноевропейской эпистолярной практике и переписывались на французском языке. Некоторые из письмовников целиком основывались на западной традиции. Таковым было пособие Ивана Соколовского, которое внедряло в купеческую среду западные образцы писем.

Отечественная практика написания писем, сложившаяся к 20-м гг. XIX в., была обобщена писателем и журналистом Николаем Ивановичем Гречем (1787—1867). В 1819 г. вышло в свет его пособие «Учебная книга русской словесности, или Избранные места из русских сочинений и переводов в прозе», ставшее впоследствии очень популярным. Автор отводит большое место характеристике переписки как самостоятельного разряда словесности. Прежде всего Греч дал определение письма: «*Письма* (выделено авт. — Т. К.) в точном значении слова суть разговоры или беседы с отсутствующими. Они заступают место изустного разговора, но заключают в себе речи одного только лица»¹. Разнообразные варианты писем, существовавшие в начале XIX в., он разбил на две большие группы: а) «по предметам общежития» и б) литературные. В свою очередь письма «по предметам общежития», которые определены Гречем как собственно письма, делились на деловые письма; письма «по требованию благопристойности» (посвятительные, поздравительные, соболезновательные, благодарственные письма и т.д.); дружеские; забавные или шуточные, поучительные. От писем автор отделял записки, которые он причислял к самостоятельной группе текстов, возникающих в результате общения.

В пособии Греча не акцентировалось внимание на специфике переписки между людьми, находившимися на разных ступенях социальной лестницы, как это нередко делалось в древнерусских письмовниках. Согласно точке зрения исследователя, письма «к высшим, равным и низшим» особам должны различаться только общим тоном. Пособие рекомендовало ряд правил сочинения писем «по предметам общежития», которые должны строиться логично, по определенному плану.

Частная переписка XI—XV вв. Древнейшие русские частные послания представлены новгородскими берестяными грамотами XI—XV вв. К настоящему времени корпус этих источников насчитывает около 1000 единиц, и значительная их доля относится к переписке. Авторы посланий информировали адресатов о раз-

¹ Греч Н. И. Учебная книга русской словесности или Избранные места из русских сочинений и переводов в стихах и прозе, с присовокуплением кратких правил риторики и пиитики и истории русской литературы. — СПб., 1830. — 2-е изд. — Ч. 1. — С. 54.

личных происшествиях, направляли распоряжения, жалобы и отчеты, рассказывали о своих бедах, признавались в любви и т.д.

В качестве писчего материала береста использовалась жителями не только Новгорода, но и других древнерусских городов. Об этом говорят как единичные тексты, найденные археологами в ряде населенных пунктов, так и косвенные свидетельства — писала, которыми процарапывался текст на бересте. Писала были найдены также в тех населенных пунктах, в которых сами грамоты не обнаружены. Однако обнаруженного материала пока недостаточно для того, чтобы говорить о развитой переписке частных лиц в этих городах.

По мнению ученых, условия для существования интенсивного письменного обмена информацией были только в Новгородской республике. Возникновению большого объема новгородской частной переписки способствовала особая политическая ситуация, которая заключалась в том, что в Новгороде ежегодно проходили выборы магистратских органов управления. Новгородский боярин имел шанс получить как высокую государственную должность, так и стать главой республики — посадником. Это обстоятельство заставляло новгородского вотчинника постоянно находиться в центре политических событий. Оторванные от своих хозяйств землевладельцы вынуждены были руководить деятельностью приказчиков с помощью письменных распоряжений. По мнению Янина и Е.А. Рыбиной, это «разделение землевладельца и его землевладения и стало главной причиной активизации переписки, вызвав к жизни постоянную необходимость в берестяном письме»¹. Преобладавшая в период феодальной раздробленности княжеская форма государственности не способствовала созданию предпосылок для развития частной переписки, поскольку вассал, в отличие от новгородского боярина, стремился удалиться от своего сеньора и обрести самостоятельность в своем владении. Постоянное пребывание его в своем владении не вызывало необходимости как в деловой переписке с управляющим (все распоряжения передавались устно), так и в личной переписке.

Частная переписка на бересте возникла в то время, когда на Руси еще не знали письмовников, поэтому авторы посланий на бересте не испытывали влияния эпистолярных справочников. Формуляр писем XI—XV вв. и их стиль складывались постепенно, с учетом практической целесообразности и возможностей бересты.

В посланиях на бересте слабо развиты композиционные части текста: в зачине дана предельно краткая информация о корреспондентах, заключения, как правило, отсутствуют, использован минимум этикетных формул. Лаконичность изложения информа-

¹ Янин В.Л., Рыбина Е.А. Открытие древнего Новгорода // Путешествия в древность: сб. ст. — М., 1983. — С. 161.

ции обусловлена небольшими размерами площади для послания. Авторы писем стремились заполнять текстом только одну сторону бересты, но если места не хватало, послание продолжали на обороте.

В связи с плохой сохранностью большей части грамот нельзя утверждать, что для одного послания могли использоваться несколько кусков бересты. Во всяком случае, послание на нескольких кусках бересты порождало ряд неудобств при его пересылке и хранении, если последнее было необходимым. Небольшая площадь для текста была постоянным фактором, действовавшим на протяжении всего периода использования бересты как писчего материала, поэтому новгородцы выработали предельно лаконичный стиль эпистолярных текстов.

В то же время, несмотря на краткость повествования и фрагментарность большинства найденных грамот, отдельные стороны процесса специализации переписки и ее размежевания на деловую и личную удастся установить. Этот длительный процесс обнаруживается в появлении устойчивых формул, закреплявшихся за определенными разновидностями переписки, и самоназваний текстов.

Большинство грамот XI—XIII вв. начиналось устойчивым начальным оборотом «От... к...». Подобный зачин сразу выделял послание от одного лица к другому из массы разнообразных текстов на бересте. Такую же краткую формулировку, обозначающую лицо, от которого исходил документ, содержали свинцовые буллы (печати, подвешиваемые к документам) второй половины XI—начала XII в. с надписью: «От Ратибора». Ратибор — тмутараканский наместник, который затем стал киевским тысяцким. Как государственный деятель он известен по летописям, литературным сочинениям и законодательным источникам.

Начальная формула, называвшая только личные имена корреспондентов, не отражает ни сути послания, ни взаимоотношений корреспондентов, ни их социального положения.

Развитие начальной адресной формулы шло путем включения в нее слова «поклон». При встрече люди поклоном головы демонстрировали уважение друг к другу. В текстах берестяных грамот слово «поклон» первоначально передавало именно такое почтительное приветствие автора. Позднее оно стало этикетным. Со второй половины XIII в. многие послания на бересте начинались словами: «Поклон от... к...»: «Поклонъ от Онцифора к бабе к Маремьяне. Что есми, г(оспоже), тебе далъ полтину, дати биричу, а грамота взять. Ажь будешь грамоту взяла, даи Онтану. Или будешь грамо(ту не взяла)...» (грамота № 578, начало XV в.).

Использовался и другой вариант данной формулы, в котором вместо просторечного слова «поклон» употреблялось книжное «поклоняние» («покланяние»). Оно чаще всего встречается в по-

сланиях чернецов. Так, формула «Поклонание от... к...» характерна для переписки монахинь новгородского монастыря святой Варвары (грамоты № 657 и № 682, вторая половина XII в.). Приведем текст одного из иноческих посланий на бересте (грамота № 605, вторая четверть XII в.):

«Поклонание от Ефрема къ братоу моемоу Исоухие. Не распрашавъ, розгневася. Мене игоумене не поустиле, а я прашалъся; нъ посълалъ съ Асафъмъ къ посадьникоу меду деля. А пришьла есве оли звонили. А чемоу ся гневаеши. А я въсыгда оу тебе. А соромъ ми, оже ми лихो мълвляше: “И покланяю ти ся, братъче, мой”. То си хотя мълви: “Ты еси мои, а я твой”». (Перевод: «Поклон от Ефрема к брату моему Исихию. Не расспросив, ты разгневался. Меня игумен не пустил, а я отпрашивался. Но он послал меня с Асафом к посаднику за медом. А вернулись мы, когда звонили. Зачем же ты гневаешься? Я ведь всегда твой. Для меня оскорбительно, что ты так плохо мне сказал: “И кланяюсь тебе, братец мой!” Ты бы хотя бы сказал: “Ты мой, а я — твой”»)¹.

Из приведенных выше двух грамот с зачинами, в которых использованы синонимы «поклон» и «поклонание», первая грамота может быть определена по содержанию как деловое письмо, поскольку она содержит распоряжение одного лица к другому, а вторая грамота — как личное письмо, автор которого высказывал адресату обиду, оправдывался в нарушении своего обещания и т.д.

В берестяных грамотах, адресованных близким людям, изредка встречаются заключительные формулы, подчеркивающие особые родственные, дружеские и побратимские отношения. В конце некоторых грамот, например, читается фраза: «И цюлоую тя» (грамота № 549, рубеж XII—XIII вв.).

В основной текст иногда включались формулы вежливости. Одна из них содержала оборот «добре (добро. — Т.К.) сотворя», который означает «пожалуйста»: «Поклонанье от Мирслава ко Жирошьке. Сътворя добре възма...» (грамота № 17 из Старой Руссы, первая половина XII в.). Другим этикетным словом был глагол «кланяться». Помещенный в определенный контекст он передавал формулу вежливости «пожалуйста», «прошу тебя»: «Поклонание от Ляха к Флареви. Исправил ли еси десять гривень на Руси-ле, с Микулою послѣ сѣмо. Или еси не исправилъ, а исправи, и кланяюся, а дыцьскѣи приима» (грамота № 615, середина — 80-е гг. XIII в.).

Процесс размежевания личной и деловой переписки отражается в самоназваниях текстов. Особые наименования текстов по-

¹ Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977—1983 гг. — М., 1986. — С. 68—69.

являлись в первую очередь для обозначения разновидностей деловой переписки.

Так, ранняя формула «От... к...» расширялась путем добавления слова «приказ». Например, грамота конца XIV в. (№ 275 и № 266) начинается словами: «Приказ о(т) Сидора к Григории...». Аналогичную начальную формулу имеет грамота № 622, датируемая второй половиной XIV — началом XV в.: «Приказо от Матфея ко Марку и ко Саве...». Встречаются композиционные варианты формулы, что свидетельствует о неустойчивости этой части текста. Так, в начальной формуле могла быть изменена последовательность имен получателя грамоты и распорядителя: «Приказ ко Остафии от Сидора...» (грамота № 260, XIV в.).

В отличие от нейтрального «Поклон от... к...» зачин со словом «приказ» подчеркивал деловые отношения корреспондентов, а не родственные или дружеские. Послания с таким началом содержали распоряжения хозяина, которые был обязан выполнять адресат грамоты. Неравное положение корреспондентов отражает и стиль текста: используется повелительное наклонение глаголов.

Позднее на основе аналогичных материалов сформировалась одна из разновидностей поместно-вотчинной переписки.

В корпусе берестяных грамот есть тексты, которые можно считать прообразом позднейших челобитных — одной из разновидностей официального и частного поместно-вотчинного делопроизводства. Тексты этой группы грамот содержат фразеологизм «бьет (бьют) челом...», расположение которого не было строго закреплено. В грамоте № 248 конца XIV — начала XV в. этот оборот помещен в начале текста: «Беют челом...». В грамоте № 694 того же времени он встречается в конце: «...[г]осподину, твои сироте бьют цолом». Текст грамоты № 610 (конец XIV в.) также завершается этим оборотом и именем автора: «А язъ тебе, г(осподи)не, цоломъ бию. Аминъ. Г(осподи), помилуй дьяка Бельского». В грамоте № 297 первой четверти XV в. содержится самоназвание такого документа: «Целобитье от Сергия з братье и из Рагуилово г(осподи)ну Михаили Юрьевцу...».

Изначально выражение «бить челом» было этикетным и передавало приветствие, благожелательство. В дальнейшем оно дало наименование сначала частному деловому посланию, а позднее — официальному документу, поступавшему от частного лица в государственные учреждения и содержавшему какое-либо прошение. В то же время фразеологизм «бить челом» сохранился в личной переписке последующих столетий, причем он имел много семантических значений в зависимости от контекста.

Постепенное размежевание переписки протекало на фоне использования для обозначения разнообразных посланий на бересте слова «грамота»: «От Иванока ко Хотеславоку грамота...» (гра-

мота № 654, 50-е гг. XII — начало 10-х гг. XIII в.). В текстах некоторых берестяных грамот встречается такое же наименование письменных сообщений других людей. Слово «грамота» обозначало любой текст и не передавало специфику конкретного содержания послания.

Частная переписка XVI—XVII вв. Возможность дальнейшего развития частная переписка получила благодаря повсеместному распространению в конце XV в. удобного писчего материала — бумаги. Неслучайно письмовники и формулярники появились именно в тот период, когда произошла смена писчего материала. Предлагаемые письмовниками образцы могли быть внедрены в практику только писцами, работавшими на бумаге. Бумага позволяла писать пространные многотемные послания, расширять начальные и конечные формулы за счет включения новой конкретной информации, церковно-славянских книжных оборотов и разнообразных этикетных формул.

Однако для увеличения объема частной переписки были необходимы и другие важные предпосылки: складывание крупных вотчинных и поместных хозяйств, развитие торговли, высокая подвижность населения, наличие стабильных и надежных каналов передачи письменных посланий, высокий уровень грамотности в обществе и т. д.

В XVI в. частная переписка еще не стала повсеместно распространенной. Сегодня она представлена единичными текстами, дошедшими до нас в копиях. Уникальным для первой половины XVI в. является письмо 1536/1537 г., написанное Авдотьей Нетребуевой игумену Троице-Сергиева монастыря Иоасафу. Оно сохранилось в составе монастырской копийной книги, где названо посылкой грамотой. На самом деле этот текст по начальной формуле и содержанию является частным деловым письмом. В нем отсутствуют книжная торжественность, витиеватость, церковно-славянские обороты, хотя адресовано оно главе монастыря. Стиль послания отличается деловитостью, минимумом эпистолярного этикета.

Образцом личного письма второй половины XVI в. служит послание инокини Марины своему сыну Евфимию Туркову — сначала монаху, а потом игумену Иосифо-Волоколамского монастыря. Сам адресат назвал его «последним благословением». Действительно, письмо представляет собой не юридическое, а своего рода духовное завещание умирающей матери. Оно проникнуто печалью, любовью к сыну и заботой о нем: «Пожалуй, Еуфимьюшка, отпиши ко мне о своем здоровье, как тебя пречистая Богородица милует»¹. Далее старица Марина пишет о своих болезнях и, предчув-

¹ Зимин А. А. Рукописи Евфимия Туркова и письмо Марины Турковой // Лингвистическое источниковедение. — М., 1963. — С. 138. — Сноска 18.

ствуя скорую смерть, просит сына не забывать мать: «А яз здесь грехом своим добре больна. Ныне на Страстной неделе во вторник причастили... и посхимили... и ты сам не забудь мене... поминай душу мою...»¹. Как было принято в эпистолярной практике предыдущего периода, это письмо не имело даты. Его можно датировать временем пребывания Евфимия Туркова в монастыре — между июлем 1551 г. и 1587 г.

От XVII в., особенно его второй половины, сохранилось большее число писем. Комплекс частных писем начала XVII в. представлен перехваченными поляками письмами из осажденных Смоленска и Троице-Сергиева монастыря. Другие комплексы обнаружены в составе делопроизводственной документации государственных учреждений: это письма подьячего тотемской приказной избы Арефы Малевинского, купца Климентия Прокофьевича Калмыкова и др.

Частные письма XVII в. хранились в семейных архивах, формирование которых относится к более позднему времени — XVIII — первой половине XIX в. Адресатами этих писем были мелкопоместные дворяне, вотчинники, служилые люди, представители духовенства: И.С. и Т.С. Ларионовы, А.Н. и П.А. Квашнины-Самарины, Д.И., Ф.Д. и И.А. Масловы, С.И. Пазухин, Ф.М. Челищев, И.И. Киреевский и др. В фамильных архивах ответы на полученные послания, как правило, не сохранились. Около 600 частных писем конца XVII — начала XVIII в. обнаружено в Государственном историческом музее, Российской государственной библиотеке, Российском государственном архиве древних актов, Российской национальной библиотеке.

В совокупности выявленных к настоящему времени частных писем XVI — XVII вв. прослеживается несколько групп посланий, различающихся степенью развитости их композиционных частей.

Письма одной группы лаконичностью своих начальных формул напоминали берестяные грамоты. В упомянутых выше частных письмах XVI в. сохранялась основа начальной адресной формулы берестяных грамот: «Государю игумену Иасафу Сергиева монастыря Овдотья Дмитриевская жена Нетребуева челом бию»²; «В пречестную обитель пречистыя Богородица честнаго и славнаго ея успения от старицы Марины сыну моему Еуфимию поклон»³. В XVII в. зачины, лишённые торжественной книжной лексики, часто встречались в личной переписке супругов, родителей и детей, друзей и т.д.: «От Михаила Панфил(ь)евича жене моеи Ав-

¹ *Зимин А.А.* Рукописи Евфимия Туркова и письмо Марины Турковой... — С. 138. — Сноска 18.

² *Кашианов С.М.* Частное письмо 1536/37 г. // Лингвистическое источниковедение. — М., 1963. — С. 141.

³ *Зимин А.А.* Рукописи Евфимия Туркова и письмо Марины Турковой... — С. 138. — Сноска 18.

дот(ь)е от меня тебе з дет(ь)ми поклон...»¹; «Г(о)с(у)д(а)рю моему Степану Корнил(ь)евичю женишко твоя Ул(ь)ка челом бьет...»²; «Приятелю моему Федору Васил(ь)евичу Афонка Зыков челом быю...»³ и др.

В другую группу писем входят эпистолярные тексты, зачины которых под влиянием письмовников сильно отличались от традиционных. Вступления таких писем становятся намного пространнее, чем в берестяных грамотах. Они включают новую информацию: автор письма мог сообщить о своем местопребывании в момент написания письма, указать день, когда письмо создавалось (заметим, что ни в одной берестяной грамоте нет даты написания текста). В зачинах полнее передавались собственные имена корреспондентов (обязательно указывались имя и отчество, нередко — прозвище), более отчетливо обозначались взаимосвязи корреспондентов: «Г(о)с(у)д(а)рю Клементью Прокоф(ь)евичю из Нижнег(о) раб Петрушка Окулов челом бьет многолетно г(о)с(у)д(а)рь здравстуи со всем своимъ праведном домом м(и)л(о)стию своею изволиш(ь) о мне рабе своемъ напаметоват(ь) и моему окаянству еще вл(а)д(ы)ко терпить марта по 18 де(нь)»⁴.

Под влиянием книжной фразеологии, заимствованной из различных редакций письмовников, этикетные формулы становятся более разнообразными. Очень часто особое уважение к адресату облекалось в сложные книжные обороты, витиевато построенные фразы. Приведем в качестве примера подобного письма послание Федора Зиновьева Ф.Т. Вындомскому, написанное 23 ноября 1697 г.: «Г(о)с(у)д(а)рю моему ко мне многом(и)-л(о)стивому приятелю Федоту Тихановичю искатель твоего милостиваго к себе приятства и докучник твоего приятнаго жалованья Фетька Зинов(ь)ев челом бьетъ. Здравствуи приятель мои о Христе на веки и з детками своими и со всеми любящими тя челом быю...»⁵. Письмо Федора Зиновьева интересно и тем, что автор указал не только число и месяц, что было распространено в эпистолярной практике XVII в., но и год. Завершено письмо концовкой и развернутой датой: «...по сем тебе приятелю премножеством челом быю и брату Григор(ь)ю Богдановичю з женишкою и з детишками премного челом быю. Писана 206-г(о) (1697 г.) ноября 23 день»⁶.

В целом последние строки писем включали, как правило, менее пространное челобитье, чем зачин: «...по том тебе г(о)с(у)д(а)рю

¹ Грамотки XVII — начала XVIII в. — М., 1969. — С. 6. — № 99.

² Там же. — С. 65. — № 111.

³ Там же. — С. 25. — № 21.

⁴ Там же. — С. 181. — № 340.

⁵ Там же. — С. 99—100. — № 173.

⁶ Там же. — С. 100.

челом бью до лица земнаго»¹; «...по сем Алешка Салтыков челом бьет июня во вторый на десят(ь) ден(ь)»²; «...писавы Ивашка Шокуров стократно рабски челомъ б(ь)еть до лица земли»³ и т.д.

Адресат иногда оставлял на письме подробную помету о том, когда и каким образом оно было получено. Например, Ф. Т. Вындомский на послании Федора Зиновьева записал: «206-г(о) году декабря въ 3 де(нь) отдал мне Федоту сю грамотку и в грамотки челобитна и списокъ з зговорной записи митрополичь страпчеи Богдан Нееловъ а пришла через почту»³.

В XVI — XVII вв. от частной переписки постепенно отпочковывается и становится самостоятельной разновидностью поместно-вотчинного делопроизводства хозяйственная переписка, с одной стороны, вотчинника (помещика), а с другой стороны — управляющих вотчинами (поместьями). Сохранившиеся крупные комплексы поместно-вотчинного делопроизводства свидетельствуют, что эта переписка по номенклатуре названий текстов, их формулярам и стилю была ориентирована на систему документов общего государственного делопроизводства. Отказ от тональности частных писем и их этикета, выработанного в XVI — XVII вв., объясняется социальной пропастью между корреспондентами: приказчики в вотчинах и поместьях происходили, как правило, из среды зависимых людей и крепостных крестьян, поэтому землевладелец в своих письменных посланиях к управляющему не мог использовать, например, фразеологизм «бить челом», который в зависимости от контекста означал приветствие, просьбу или благопожелание.

Что касается деловой переписки купца и его торговых приказчиков, то ей присущи черты личной переписки близких людей. Об этом свидетельствует, например, сохранившаяся переписка конца XVII — начала XVIII в. купца К. П. Калмыкова с приказчиками. В этом комплексе писем представлены одно послание купца приказчику Мирону Галактионову сыну Селиверстову от 1699 г. и около 80 писем главного приказчика Петра Окулова к Калмыкову, в которых сообщалось о положении дел и содержались просьбы о присылке разнообразных инструкций.

Рассмотрим, как купец использовал общепринятые этикетные формулы в послании к своему приказчику. В единственном сохранившемся письме Калмыков информировал Мирона Галактионова сына Селиверстова об отправке лык, закупленных на Нижегородской Макарьевской ярмарке, и давал подробное распоряжение о том, как поступить с товаром после его доставки на место. Начало письма идентично зачину многих берестяных грамот и

¹ Грамотки XVII — начала XVIII в. ... — С. 53.

² Там же. — С. 54. — № 83.

³ Там же. — С. 49. — № 68.

⁴ Там же. — С. 100. — № 173.

личных посланий на бумаге: «Мирону Галактионову с Макарьевской ярмонки от Клина Калмыкова челобитье». В конце дважды повторено пожелание здоровья: первое — «За сим здравствуйте о Христе во веки», а после приписки о товаре второе — «О сем здравствуйте». Патриархальные отношения, отраженные в переписке купцов и их приказчиков, связаны с тем, что последние были, как правило, вольнонаемными людьми и имели перспективу стать предпринимателями. Эти обстоятельства сближали торговых приказчиков с хозяевами и делали их почти членами купеческой семьи.

Частная переписка XVIII — первой половины XIX в. Результаты государственных, политических и культурных преобразований начала XVIII в. дали мощный импульс для роста объема частной переписки и ее качественного развития. Петровские реформы изменили образ жизни человека, сделали более разнообразными его интересы и потребности, а также способы их удовлетворения. Человек стал более мобильным, расширилось пространство для его деятельности. В стране увеличилось количество грамотных людей.

В силу своей деятельности и личных обстоятельств многие люди были заинтересованы в расширении информационного пространства и ускорении перемещения информации. Этим запросам отвечала созданная во второй половине XVII в. специальная почтовая служба. К концу XVIII в. вся территория Российской империи была покрыта сетью почтовых учреждений. К середине XIX в. в России почтовая связь была налажена между более чем 700 населенными пунктами. С самого начала функционирования почтовой службы государство гарантировало сохранность корреспонденции, конфиденциальность ее содержания, быстроту доставки. Появление почты способствовало увеличению не только деловой, но и частной переписки.

Письма информативного содержания, истоки которых лежат в глубокой древности, составляли значительную долю частной переписки. Они создавались в XVIII в. представителями разных сословий. В это время складываются и новые группы частной переписки, появление которых стало следствием дальнейшего углубления общественного разделения труда в России. В XVIII в. специализация труда привела к появлению конкретных видов деятельности, многие из которых были связаны прежде всего с интеллектуальным трудом. К ним можно отнести науку, литературу и искусство. Новые виды деятельности находили отражение в переписке людей, объединенных интересом к предмету изучения, творческому процессу и его результатам.

Письменный обмен профессиональной информацией обогащал тематику писем и способствовал созданию новых групп частной переписки (переписка ученых, писателей, поэтов, художников и т.д.). Теперь переписка одного человека выходила за пределы

хозяйственных и семейных интересов, круг адресатов значительно расширился.

Например, видный сановник, археограф, коллекционер и владелец рукописного сборника, в который входило «Слово о полку Игореве», А. И. Мусин-Пушкин (1744—1817) вел не только деловую и личную (семейную, дружескую) переписку, но и состоял в профессиональной переписке с разными лицами, занимавшимися изучением отечественной истории. Среди его корреспондентов были К. Ф. Калайдович, А. Н. Оленин, В. С. Попов и др. В своих письмах Мусин-Пушкин размышлял о происхождении древнерусских слов, сообщал о находках замечательных рукописей, делился мнением о новых исторических исследованиях и т. д. В целом можно сказать, что его письма и ответы на них формируют новое по содержанию информационное поле, отражающее состояние исторической науки на одном из этапов ее развития.

Профессиональной по содержанию можно назвать переписку А. С. Пушкина и П. А. Вяземского. Она отражала литературные интересы обоих корреспондентов. В ней давалась оценка творчества отдельных писателей и их произведений, обсуждались замыслы сочинений, планы на будущую совместную деятельность в области журналистики и т. д.

В XVIII—первой половине XIX в. частные письма испытывают влияние политики, поскольку интенсивно развивалась общественная мысль, формировались идейно-политические течения, в первую очередь в среде дворянства. Все эти процессы не могли не найти отражения в частных письмах.

В условиях формирования общественного мнения государство стремилось контролировать переписку частных лиц и не допускать распространения не благоприятной для верхов информации. Неслучайно поэтому в государственном почтовом ведомстве XVIII—первой половины XIX в. была введена перлюстрация, т. е. проверка почтовыми служащими содержания писем на предмет политической благонадежности корреспондентов. Письма, содержание которых казалось почтовым чиновникам подозрительным, изымались и переписывались. Их копии затем направлялись вышестоящему начальству для принятия окончательного решения о судьбе конкретного послания. Письма, подвергнутые перлюстрации, могли не дойти до адресатов. Такой была судьба личного письма, отправленного 22 октября 1813 г. из Олива (под Данцигом) участником Петербургского ополчения в войне с Наполеоном, будущим декабристом Владимиром Ивановичем Штейнгейлем экзекутору Департамента государственного хозяйства и публичных зданий Министерства внутренних дел Федору Васильевичу Мошкову. В послании сообщалось о военных и политических событиях и слухах, которые распространялись в военной среде. Подозрение чиновников вызвало, скорее всего, критическое опи-

сание экипировки русской армии: «Не стану Вам описывать положение наших воинов. Взгляните на погоду и вспомните, что они без сапог и без одежды, день и ночь почти в ружье; да, правда, немного уже и осталось их. Ниспошли, господа, мир! вот единственная всех нас молитва»¹. Изъятное письмо Штейнгеля прошло несколько ведомственных инстанций, и, наконец, его участь решил император. Перлюстрационная копия письма имеет несколько помет: «Великое герцог[ство] Баденское. Гор. Фрейбург. 12 декабря 1813 г. [Генерал] Аракчеев»; «Оставлено до повеления». Резолюция Александра I была окончательной: «Истребить». Таким образом, оригинал был уничтожен, а копия личного письма сохранилась в делопроизводстве почтового ведомства.

Перлюстрация влияла на содержание писем и форму изложения информации. Авторы писем старались быть более осторожными в отборе информации, выражались иносказательно. Известно, что многие письма Пушкина, в том числе и к жене, подвергались перлюстрации, что вызывало негодование поэта и его друзей. Поэт не доверял почте и в некоторых случаях стремился найти иные способы передачи писем. Например, 20 декабря 1823 г. поэт писал Вяземскому: «Я бы хотел узнать, нельзя ли в переписке нашей избежать как-нибудь почты — я бы тебе переслал кой-что слишком для нее тяжелое. Сходнее нам в Азии писать по оказии»².

На основе частного письма возникло письмо как литературный жанр, получивший признание и распространение в связи с формированием в 60-е гг. XVIII в. сентиментализма. В спорах и полемике с классицизмом в 90-е гг. XVIII в. родилась эстетическая теория, по-новому рассматривавшая жизнь и человека. Сентиментализм провозглашал ценность каждого человека, независимо от сословия, воспитывал в индивидууме чувство достоинства и уважение к своим силам, способностям и таланту. Содержанием произведений искусства и объектом изображения стало «наслаждающееся размышление самого себя». Это кредо сентиментализма оказало влияние на содержание личной переписки. Авторы многих писем обращаются к собственному «Я», сделав более явственным личностно-субъективное начало в этой группе переписки.

Личностно-субъективное начало характерно для так называемых дружеских писем, появившихся в конце XVIII в. Эта группа писем разнообразна по содержанию, но в каждом письме его многозначность объединена индивидуальностью автора, личностным осмыслением действительности.

Несмотря на выраженную индивидуальность писем, их авторы старались следовать принятому эпистолярному этикету. Об этом свидетельствуют, например, некоторые замечания Ф. И. Тютчева

¹ Штейнгель В. И. Сочинения и письма: в 2 т. — Иркутск, 1985. — Т. 1. — С. 184.

² Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. — 3-е изд. — М., 1966. — Т. 10. — С. 77.

в письмах к жене — Эрнестине Федоровне. После ухода поэта из семьи, он уже не мог писать жене письма в том ключе, в котором к ней обращался ранее. Новые отношения между бывшими супругами требовали изменения стиля и этикетных формул писем, и поэт четко осознавал это. «Не могу привыкнуть пользоваться в отношении тебя оборотами, принятыми в постоянной установившейся переписке...», — писал Тютчев в письме 14 августа 1851 г.¹ В другом письме Тютчевой 5 июня 1858 г. он назвал причину несоблюдения общепринятого этикета: «P.S. Замечаю, что я не то чтобы забыл, но, вернее, упустил сообщить тебе тысячу важных эпистолярных вещей. Но это потому, что, когда я пишу, я никогда не говорю ни того, что хотел бы, ни так, как хотел бы, — вот это-то и внушает мне безмерное отвращение к писанию»².

5.2. Личные дневники

5.2.1. Общая характеристика

Записи различного содержания, ведущиеся каждодневно, называются дневниками. Назначение дневников заключается в накоплении и сохранении информации для анализа ее в будущем. Единое назначение разнообразных по содержанию дневников порождает единую форму их текстов, структурной единицей которых является подневная запись. В пределах таких записей повторяющимся элементом выступает календарная дата. Она объединяет самые разные события и организует изложение.

Объекты, взятые для дневникового наблюдения, могут принадлежать к различным системам государственной, общественной и хозяйственной жизни. К их числу относятся управленческая, военная и учебная системы, наука, поместно-вотчинная система и т.д. В каждой из этих систем с помощью регулярно фиксируемой информации решаются профессиональные задачи. Например, служебные дневники освещают деятельность сотрудников государственных учреждений. В научном дневнике регистрируются результаты экспериментов, наблюдений за изменением состояния изучаемых объектов. Во время учебы школьник ведет дневник, в котором учитывается его успеваемость.

Дневники, отражающие состояние объектов самых разных сфер, имеют специфическое содержание, связанное исключительно с задачами профессиональной деятельности и оформленное по установленным формулам. Такие профессиональные *дневники* вхо-

¹ Тютчев Ф. И. Сочинения: в 2 т. — М., 1980. — Т. 2. — С. 129.

² Там же. — С. 188.

дят в системы делопроизводственной документации и называются *официальными*.

Существуют также *хозяйственные дневники*, которые представляют собой одну из разновидностей поместно-вотчинной документации. Составление такого рода дневников предусматривалось в XVIII в. вотчинными инструкциями, в которых задавались объекты описания и их признаки.

В то же время объектом собственного наблюдения может быть и сам человек. Независимо от своей профессиональной и социальной принадлежности, возраста, образовательного уровня и т. д. он мог создавать дневник, изо дня в день фиксируя в нем факты своей жизни, переживания, реакцию на события, произошедшие непосредственно с ним, или слухи, дошедшие до него от других лиц, впечатления от встреч и разговоров с разными людьми, надежды на будущее. О подобном дневнике можно сказать, что это частица жизни того, кто его создал. Такие *дневники* называются *личными*.

Личный дневник дает возможность в наиболее простой и доступной форме запечатлевать изменяющуюся во времени действительность, окружающую его автора.

Об авторе дневника говорят, что он «идет вслед за жизнью». Это означает, что информация о событиях представлена в дневнике по мере того, как они разворачиваются. Наиболее значимые из событий еще не определились и не получили общественной оценки, не выявились взаимосвязи различных событий, их иерархия и т. д. Также особенностью ежедневной записи является то, что текущие события фиксируются в ней выборочно. Иначе говоря, автор по своему усмотрению отбирал информацию, которую представляет дневник.

Содержание личного дневника во многом определяется представлениями его создателя о смысле жизни, которые в свою очередь меняются с возрастом, образованием, профессиональными и общественными интересами, местом проживания, кругом общения и т. д.

5.2.2. Эволюция личных дневников (XVIII — первая половина XIX в.)

Истоки личных дневников. Как самостоятельный видовой комплекс исторических источников личные дневники стали формироваться в России в начале XVIII в. Прообразом дневниковых записей служили семейные летописцы второй половины XVII в. с описаниями событий, участниками которых были авторы и их родственники. Именно такие события стремились сохранить в памяти создателя летописцев, именно они интересовали последую-

щие поколения, принадлежавшие одной фамилии. В числе первых дневников можно считать семейную хронику московских подьячих Шантуровых. Она велась с 1684 по крайней мере до 1696 г. и еще имела летописную форму повествования.

Осознание необходимости вести личные подневные записи формировалось на фоне социальных, политических и культурных преобразований Петра I, которые прямо и косвенно затрагивали все сословия российского общества. Реформы обострили восприятие русскими людьми действительности. Они острее ощутили нестабильность окружающего мира, влияние общественных изменений на их жизнь, использовали потребность в точной информации, привязанной ко времени и определенным персоналиям, и в то же время столкнулись с неспособностью человека удерживать эту информацию в памяти на протяжении длительного времени и т.д.

Ускорение темпов жизни и ее насыщенность самыми разными событиями стали очевидными в XVIII в. и благодаря появлению в России печатной газеты. Расширяя информационное пространство, газета пробуждала интерес человека к событиям, происходившим вне той территории, на которой он проживал: в столицах, за границей, в других губерниях и т.д. Многие дневниковые записи содержат отсылки на газеты как источник тех или иных сведений.

Поток разнообразной информации, непосредственно касавшейся какого-либо лица или представлявшей для него познавательный интерес, требовал хотя бы выборочной письменной ее фиксации. Подневную форму записи информации иногда «подсказывала» газета.

Внедрение дневниковой формы фиксации событий в повседневную жизнь русских людей было отчасти предопределено административными реформами начала XVIII в. Изменив систему управления страной, Петр I изменил и государственное делопроизводство, в котором появилась новая разновидность документации — *журнал*. Слово «журнал» (от фр. *jour* — день) означает «ежедневный», «подневный». Основное назначение нового документа заключалось в регулярной фиксации конкретной работы каждого государственного учреждения и его служащих: Сената, Синода, коллегий и т.д. Журналы сохранялись и в министерском делопроизводстве, пришедшем на смену коллежскому в начале XIX в.

Официальные журналы велись также в канцеляриях государственных деятелей: военачальников, губернаторов и т.д. Так, в канцелярии санкт-петербургского генерал-губернатора А.Д. Меншикова они составлялись на протяжении длительного времени. До нас дошли семь подлинных журналов за 1716—1720, 1726—1727 гг. и копия конца XIX в. за 1718 г. Подневные записи оформлялись в журналах по единому формуляру: сначала указывались

дата и день недели; затем, начиная с раннего утра, по часам отмечалось, что делал Меншиков, кто у него бывал, куда он выезжал, с кем встречался. В конце дня отмечалась погода. Степень подробности записей зависела от значимости события, которую, скорее всего, определял сам генерал-губернатор. Записки велись первоначально в черновом варианте, затем оформлялся беловик. Оба варианта создавались секретарем канцелярии Меншикова.

Журналы велись и некоторыми государственными служащими на небольшом отрезке времени в ходе выполнения ими одноразового поручения (подневные записи дипломатов, секретарей и канцеляристов посольств, офицеров и т. д.). Исполняя отдельные поручения, должностные лица создавали документ в форме журнала, содержание которого отличалось от канцелярских журналов. Их подневные записи включали описание маршрута к пункту назначения, раскрывали существо порученного задания и его выполнение, описывали обратный путь, а также фиксировали информацию, представлявшую, с точки зрения автора, государственный интерес.

Подобного рода журналы регулярно велись, например, русскими офицерами, которые направлялись киевским генерал-губернатором в 50-х гг. XVIII в. в Крымское ханство для разрешения пограничных конфликтов. Один из журналов составлялся с 21 августа по 10 сентября 1755 г. Он озаглавлен так: «Журнал, содержащий Киевского гарнизона Стародубского полку секунд-майором Матвеем Мироновым во время посылки его в Крым до Бакцысарая к хану крымскому Арслан-Гирею с письмами, а что им, секунд-майором, в бытность его в Бакцысарее и в проезде в оба пути о тамошних обращениях разведано и присмотрено, явствует ниже»¹.

Эти журналы являлись частью официального делопроизводства. Журнал Миронова стал одним из документов дела, в которое вошли также письмо к хану киевского вице-губернатора Костюрина, ответное письмо хана, инструкция, данная Миронову от вице-губернатора, ордера кошевому атаману Запорожской Сечи. В Киеве журнальные записи сначала были проанализированы. Затем в связи с ними были предприняты определенные действия, породившие ряд новых делопроизводственных комплексов в других государственных учреждениях. Так, особый интерес в Киевской губернской канцелярии, несомненно, вызвали беседы сопровождавших Миронова двух запорожских казаков с постоянно проживавшими в Крыму украинцами Федором Мировичем и Федо-

¹ Анд[иевский] А. К истории пограничных наших сношений с Крымским ханством. Путевой журнал секунд-майора Матвея Миронова, в командировку его к крымскому хану, 1755 года // Киевская старина. — Киев, 1885. — Т. 11. — № 2. — С. 344.

ром Ивановым сыном Нафимовским. Последние сообщили крайне важную информацию: «а ныне король прусской, король французской и король шведской согласились де между собою против России и намерены войну иметь, и мы де присланы от польской стороны для того, чтоб совокупить орду татарскую и нападение учинить на Россию со всех сторон в декабре месяце сего года или предбудущего 1756 г. в генваре месяце; так мы москаля со всех сторон возьмем; а вы не сказывайте молодым козакам о сем, а сказывайте таким, которые еще были во владении под ханом, чтоб они к нам писали и чтоб согласились с нами вместе на москаля, а мы де по времени будем и от себя к старым козакам, кого знаем, писать...»¹. Эта запись в журнале не могла не вызвать реакции главы Киевской губернской канцелярии. Из Киева в Сенат, Коллегию иностранных дел и Военную коллегию, безусловно, были отправлены донесения с информацией о возможной подготовке некоторых западноевропейских стран к войне с Россией. Но, как показала начавшаяся в следующем году Семилетняя война, информация о возможных противниках России оказалась неверной. Против России и ее союзников выступила только Пруссия. Киевскую губернскую канцелярию заинтересовали те люди, которые сообщили, с одной стороны, секретную информацию, а с другой — собирались агитировать запорожских казаков выступить против России. Сбор сведений о Федоре Миновиче и Федоре Иванове сыне Нафимовском отразился в переписке Киевской губернской канцелярии с полковыми канцеляриями Левобережной Украины в виде указов и ордеров. Журнал Миронова, таким образом, занимает важное место в ряду разновидностей делопроизводственной документации, возникавшей в недрах как Киевской губернской канцелярии, так и других центральных и местных учреждений.

Составление официальных журналов в учреждениях различных уровней способствовало расширению круга лиц, для которых ведение личных подневных записок стало обычным делом. Несомненно, под влиянием официального делопроизводства создавались дневники дипломатов, которые в большинстве случаев принадлежали дворянскому сословию. Среди тех, кто вел личные дневники, был дипломат петровского времени князь Борис Иванович Куракин (1676 — 1747). Он оставил несколько комплексов дневниковых записей: автобиографические поденные записки с 1676 по 1712 г.; записки о пребывании за границей с июня 1705 г. по август 1708 г. и с 1710 по 1712 г. Ему приписывают авторство журнала о поездке Петра I за границу.

О знакомстве авторов ряда личных дневников XVIII в. с государственным делопроизводством свидетельствуют сами тексты.

¹ Андр[иевский] А. К истории пограничных наших сношений... — С. 353.

Подробное изложение в личном дневнике саратовского священника Герасима Алексеевича Скопина (1746—1797) содержания указов, поступавших в местную консисторию из центральных органов, косвенно подтверждает его знакомство с документацией, которая накапливалась в данном учреждении. Личный дневник вел его сын — саратовский протоиерей Николай Герасимович Скопин (1767—1836), который принимал также участие в составлении в 1806—1812 гг. специального «Журнала для записи деяний и иных поступков, до духовного причта саратовского касающихся». Дмитровский купец Иван Алексеевич Толченев начал свой дневник в том возрасте, когда к документации городского магистрата, членом которого он стал намного позже, никакого отношения не имел. По всей видимости, привычка к ведению дневника досталась ему от отца, который входил в число местных городских служащих, а в 1767 г. был избран депутатом от купечества города Дмитрова в Комиссию сочинения Нового уложения. Возможно, и в этой семье складывалась традиция ведения личных дневников.

О единых истоках личных дневников и официальных журналов свидетельствует общее наименование этих источников в XVIII—первой половине XIX в. Обе группы источников назывались журналами, поденными (повседневными, дневными, повременными) записками. Так, самоназвание личного дневника Толченова — «Журнал, или Записка жизни и приключений Ивана Алексеевича Толченова». Официальные журналы Меншикова при описании их в XVIII в. были названы «Поденными записками». В дворянской среде наименование личного дневника журналом сохранилось, скорее всего, благодаря тому, что записи велись на французском языке. Например, на каждой из десяти книжек дневника статского советника, гофмейстера Павла Дмитриевича Дурново (1804—1864), указано «Journal de P... D...ff». Поэт В. А. Жуковский также называл собственные каждодневные записи журналом.

Особенности личных дневников XVIII — первой половины XIX в. Имея единые корни и некоторые общие формальные признаки, официальный журнал и личный дневник в то же время принципиально различались.

В любом государственном учреждении производство журнала было непрерывным процессом. Однажды запущенная законом государственная машина воспроизводила эту разновидность делопроизводственной документации на протяжении нескольких столетий. Приостановить составление официального журнала мог только закон. Он же определял содержание и формуляр журнала.

К числу таких официальных журналов относится, например, вахтенный журнал корабля, обязательное ведение которого предписывал Устав морской Петра I (1720). Вахтенный журнал представлял собой книгу установленной формы, прошнурованную, пронумерованную и скрепленную сургучной печатью. В нее заноси-

сились сведения о местонахождении, обстоятельствах плавания и состоянии корабля, метеорологические, гидрографические и другие наблюдения. В военное время в вахтенном журнале отмечалось участие корабля в боевых действиях.

Личные дневники обычно начинали писать в юношеском возрасте. Однако не каждый из числа тех, кто начинал вести дневник в юности, продолжал это дело на протяжении всей своей жизни. Ведение частного дневника зависело от воли автора, который мог в любой момент начать дневник, в любой момент прервать свои записи, в любой момент их возобновить. Так, Пушкин оставил свидетельство о своих неоднократных попытках вести дневники: «Несколько раз принимался я за ежедневные записки и всегда отступался из лени»¹. Однако неудачи поэта в этом деле были связаны, скорее всего, с его темпераментом, неусидчивостью, разнообразием увлечений, жизненными обстоятельствами и т.д. Среди пушкинских бумаг сохранились два дневника за разные годы: дневник путешествия поэта в Арзрум, охватывавший период с 15 мая по начало августа 1829 г., и дневник, начатый 24 ноября 1833 г. и завершившийся записями за февраль 1835 г. Пушкинисты предполагают существование еще одного дневника поэта, поиском которого они занимаются.

На примере пушкинских материалов видно, что записи в личных дневниках могли вестись на протяжении разных временных отрезков: от нескольких месяцев до нескольких лет. Небольшими по хронологии и объему подневных записей были заметки, которые велись во время непродолжительных путешествий. Например, подробную «Дневную записку пешеходца, саратовского церковника из Саратова до Киева по разным городам и селам, бытие в Киеве и обратно из Киева до Саратова» Г.А. Скопин вел с 11 мая до 11 августа 1787 г. Никита Акинфиевич Демидов, путешествовавший по Европе более двух с половиной лет, оставил «Журнал путешествия», охватывающий период с 17 марта 1771 по 22 ноября 1773 г. Таким образом, протяженность путевых дневниковых записей иногда определялась продолжительностью путешествия.

От XVIII — первой половины XIX в. остались образцы хронологически весьма длительных дневников. Таковым был «Журнал, или Записка жизни и приключений Ивана Алексеевича Толченова», включавший подневные записи с 1769 до лета 1812 г., когда в связи с приближением наполеоновской армии автор был вынужден выехать из Москвы. Еще более значительным по временному охвату был дневник бывшего крепостного крестьянина, чиновника Цензурного комитета, литератора, профессора Петербургского университета, академика Александра Васильевича Никитенко (1804 — 1877). Свой дневник он вел на протяжении всей со-

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. ... — Т. 8. — С. 76.

знательной жизни — с 1818 по 1877 г. Никитенко делал записи ежедневно, обращаясь к дневнику несколько раз в день. Он писал о погоде, встречах и беседах с различными людьми, своих впечатлениях, событиях семейной жизни и т.д. Если учесть, что автор дневника принадлежал к высшему кругу российского чиновничества и был свидетелем важных событий в истории России (восстания декабристов, отмены крепостного права, проведения буржуазных реформ и т.д.), то информативные возможности этого источника можно оценить очень высоко. На протяжении многих десятилетий — с 1836 по 1908 г. — вел дневник известный историк Иван Егорович Забелин (1820—1908). С некоторыми пробелами, вызванными, возможно, лишь частичной сохранностью дневника, дошли до наших дней подневные записи П.Д. Дурново за период с 1835 по 1861 г. Его родной брат флигель-адъютант и генерал-майор Николай Дмитриевич Дурново (1792—1828), погибший под Варной во время русско-персидской войны, оставил 17 книжек дневника, который охватывал период с 9 ноября 1811 по 14 сентября 1828 г.

В официальных журналах каждодневные записи велись по определенному формуляру. Интересен формуляр официального учебного дневника, в котором фиксировались ежедневные занятия великого князя, цесаревича, будущего императора Александра II. Этот дневник представлял собой типографским способом изданную книгу со следующими графами, расположенными на обороте листов: «Часы»; «Чем занимались»; «Номера (А, В, П)»¹; «Примечания». В разработке формы этого рабочего дневника принимал участие наставник наследника престола — поэт В.А. Жуковский, который неоднократно высказывался о положительной роли дневника в развитии личности. Он составил специальный «План учения» Александра, рассчитанный на 12 лет. План был одобрен императором Николаем I. Рабочий дневник занимал, таким образом, важное место в воспитательном и учебном процессе.

В официальных журналах пропуски записей были невозможны, а если они все же случались, то это специально оговаривалось. Например, в журнале сенатского департамента могло быть сделано такое замечание: «1765 года апреля с 23-го мая по 2-е собрания не было, а 2-го числа, понедельник, в собрание Правительствующего Сената прибыли по полуночи...»².

Для личных дневников допустимы нерегулярность записей (встречаются пробелы за какие-то числа и даже месяцы), а также повествование о событиях разных дней под одной календарной датой. Иногда под более ранней датой помещались события, про-

¹ Так обозначались имена будущего императора и его соучеников: Виельгорского и Паткуля.

² РГАДА, ф. 248, кн. 5521, л. 1.

изошедшие позднее. Последняя запись за 1824 г. в дневнике Н. Г. Скопина свидетельствует о том, что она была внесена в текст позднее: «По 31-е [декабря]. Стояли все мокрота, сырость и грязь. Накануне нового года приехал преосвященный в Саратов для выборов судей и прожил по 13-е генваря 1825 года»¹.

В личных дневниках возможны самые разнообразные способы датирования записей. Первую запись было принято датировать подробно — указывать год, число и месяц. В дальнейшем автор дневника мог использовать разные варианты датировки своих записей: указывать только число («12») или день недели («пятница»); увязывать день недели с церковным календарем («Среда на Святой неделе» или «Месяц март. 1-го. Чистый понедельник или [день] первая недели поста»).

Для записей в официальных журналах требовалось документальное обоснование или подтверждение их содержания. Текст документов, служивших основанием для записи в журнале, либо вносился в подневную запись, либо прикладывался к журналу на отдельных листах. Такая система существовала, например, при оформлении журналов Меншикова.

Журналы Сената XVIII в. составлялись из протоколов заседаний общего собрания сенаторов или заседаний присутствующих в отдельных структурных подразделениях Сената. Принятые на заседаниях и записанные в журналах решения документировались приговорами и указами Сената и докладами императрице.

Записи в личном дневнике были свободны от этого требования. Однако некоторые важные или интересные официальные документы (указы, манифесты и т. д.), а также корреспонденции, напечатанные в газетах, и личные письма могли быть внесены автором в текст дневника по его выбору.

Официальные журналы как разновидность делопроизводственной документации предназначались для внутриведомственного использования. Однако государственные интересы иногда диктовали необходимость сделать содержание некоторых журналов достоянием широкой публики. В XVIII в. для обнародования подобных официальных материалов использовались приложения к газете «Санкт-Петербургские ведомости». На их страницах издавались, например, выдержки из журналов, которые составлялись походными канцеляриями командующих войсками в ходе военных кампаний, журналы путешествий членов императорской семьи и т. д. Так, в годы Семилетней войны регулярно публиковались «Журнал Российской императорской армии из главной квартиры» и журналы отдельных воинских подразделений (корпусов). О работе

¹ Саратовский исторический сборник, издаваемый Саратовской ученой архивной комиссией в память трехсотлетия города Саратова. — Саратов, 1891. — Т. 1. — С. 575.

знаменитой екатерининской законодательной комиссии за период с июля 1767 по январь 1769 г. читателей газеты информировала «Дневная записка Комиссии о сочинении проекта Нового уложения». Некоторые официальные журналы выходили отдельными изданиями. Например, с поездкой Екатерины II в июне — июле 1764 г. в Прибалтику познакомил публику «Журнал путешествию Ея Императорского Величества в Эстляндию и Лифляндию», изданный типографией Сухопутного кадетского корпуса в 1769 г.

Что касается личного дневника, то его автор, как правило, не предполагал копирование и издание своего текста. Дневник создавался в единственном экземпляре и предназначался либо только для автора, либо для узкого круга родственников и друзей. Он хранился среди бумаг в домашнем архиве.

О том, что частные лица не предусматривали обнародования своих записей, свидетельствует ряд особенностей дневников. В о п е р в ы х, некоторые имена упоминавшихся в тексте лиц передавались только инициалами. Сокращения имен встречаются, например, в записях Н. Г. Скопина: «Посланы письма к О. И., к С., к пр. Ф. И. и к Мал. С.» (запись 8 марта 1815 г.)¹. Подобное сокращение имен есть и в дневнике опочечского купеческого сына Ивана Игнатьевича Лапина, который вел записи с 1817 по 1837 г. На страницах его дневника можно найти записи такого рода: «30 марта (1817 г.). Я был именинник, и были у меня любезные друзья (далее вместо имен следуют заглавные буквы. — *Изд.*), и я сей день так провел весело, что еще первой по начатии весны. Играл на той стороне (т. е. на Завелицкой стороне г. Опочки. — *Изд.*) с девушками в холостые, т. е. с П..., и получил поцелуй»².

Во-вторых, автор дневника иногда скрывал информацию, записывая свои размышления на иностранном языке, особенно в тех случаях, когда они содержали критику в адрес верховной власти или непосредственных начальников. Назначение этих записей становится очевидным в том случае, если весь дневник составлялся на русском языке. Так, зная многие иностранные языки, Н. Г. Скопин вел свои подневные записи на русском. Однако 24 июля 1801 г. он записал: «Было очень жарко, хотя ветерок маленькой и дул. Nihil novi ex Petropoli, nisi quod Imperator protectorem sese pronuntiavit ordinis ioannitarum maltiensium; sed probe notandum, Magni Magistri titulum non accepit» («Из Петербурга (не слышно) ничего нового, кроме того, что император объявил себя протектором (покровителем) мальтийского ордена Иоаннитов, но следует хорошо заметить — титул “Великого Магистра” не принял»)³.

¹ Саратовский исторический сборник... — С. 493.

² Дневник Ивана Игнатьевича Лапина // Труды Псковского археологического общества. 1914—1915 гг. — Псков, 1915. — Вып. 11. — С. 27.

³ Саратовский исторический сборник... — Т. 1. — С. 256.

Сообщение из Петербурга было неожиданным для саратовского жителя, а для представителя православного духовенства даже огорчительным. В записи усматривается оттенок неодобрения поступка императора Павла Петровича. Для случайного читателя дневника, не владевшего латинским языком, запись становилась закрытой.

В-третьих, впервые упоминаемые автором лица включаются в повествование без каких-либо комментариев: отсутствуют указания на их титулы, социальное и профессиональное положение, связи между людьми. Автор не думал о возможных читателях своего дневника, поэтому не комментировал то, что для него было данностью: его родственные, дружеские, служебные, соседские связи. Но для постороннего человека, не включенного в систему контактов автора дневника, безусловно, требовался определенный контекст.

В-четвертых, текст некоторых дневников состоял из минимальных единиц сообщения, своего рода «ключевых слов». Подобный стиль был присущ прежде всего путевым дневникам. Этот стиль диктовался условиями, в которых они создавались. Задачей составителя каждодневных записей, находящегося в пути, была фиксация хронологии событий, названий населенных пунктов, через которые пролегал маршрут, достопримечательностей того или иного города, имен новых знакомых и т.д. Краткость записей оправдана тем, что, читая позднее собственную запись об увиденном или услышанном, человек восстанавливал в памяти многие детали и свои эмоции. Лаконичные записи являются своего рода «подсказкой» для памяти. Поэт П. А. Вяземский характеризовал их так: «Дневник его (В. А. Жуковского. — Т. К.) не систематический и не подробный. Часто отметки его просто колья, которые путешественник втыкает в землю, чтобы означить пройденный путь, если придется ему на него возвратиться, или заголовки, которые записывает он для памяти, чтобы после на досуге развить и пополнить»¹.

В качестве образца кратких записей приведем фрагмент из дневника флигель-адъютанта императора Александра II Александра Семеновича Корсакова (1831 — 1862). Весной 1861 г. Корсаков был командирован в Курскую губернию в связи с введением Положений 19 февраля 1861 г., содержавших условия освобождения крестьян от крепостной зависимости. Во время поездки, продолжавшейся с конца зимы до конца лета 1861 г., он вел свои записи. В одной из подневных записей читаем: «16 апреля. Вербное воскресенье. Обедня. Краткий разговор со старшинами. Отъезд на Обоянь. Первая станция в Казе <...> селе. Ямщик малоросс не знает дороги; ищем подставы. Красивые места, вид на Обоянь. Приезд к

¹ Вяземский П. А. Жуковский в Париже. 1827 год. Июнь // Вяземский П. А. Полн. собр. соч. князя П. А. Вяземского. — СПб., 1882. — Т. 7. — С. 481.

Лукину. Ден еще здесь; у него вечер, ревизия его. Воскресенье в городе. Ночью в Курск»¹. Совершенно очевидно, что для постороннего человека содержание подобного дневника требовало пояснений.

Однако известны случаи, когда составители подневных записей знакомили с фрагментами своего рукописного текста определенный круг читателей. К числу таких авторов принадлежал Семен Андреевич Порошин — учитель и воспитатель великого князя и наследника престола Павла Петровича. Со своими записями он ознакомил ряд лиц, о которых рассказывал дневник (Н. И. Панина, вел. кн. Павла Петровича, о. Платона), своих приятелей из числа военных. Он также показывал «сии *Записки* некоторым из любопытных купцов, особливо такие в них места, кои о его высочестве могут подать высокое мнение»². Однако распространение в обществе неофициальной информации о «закулисной» жизни двора принижало в глазах подданных императрицу Екатерину II и членов императорского дома, что было крайне нежелательно. По всей видимости, именно это обстоятельство послужило причиной отставки в 1766 г. Порошина, вынесшего эту информацию за пределы дворца.

Дружеские и доверительные отношения между людьми допускали обмен личными дневниками для ознакомления с мыслями, чувствами, поступками друг друга, особенно в тех случаях, когда друзья не имели возможности общаться устно. Жуковский предлагал М. А. Протасовой, с которой поэт был разлучен жизненными обстоятельствами, обмениваться дневниками, чтобы каждый из них мог знать, чем живет любимый человек.

В 1859 г. фрейлина Антонина Дмитриевна Блудова (1812—1891) послала поэту Тютчеву фрагмент своих дневниковых записей с размышлениями о грядущей в России крестьянской реформе. Тютчев ответил ей письмом, в котором делился мыслями о неспособности власти провести справедливые преобразования: «Возвращаю вам ваш дневник, дорогая графиня. Если бы я не опасался пышных слов, то сказал бы вам, что прочел его не только с восхищением и интересом, но с благоговейным умилением... Да, конечно, если бы дух, которым проникнуты эти несколько листков, мог каким-либо чудом переселиться во всех нас, сделаться душой власти, администрации, высших классов, — одним словом, всей официальной России, — тогда, быть может, нам и удалось бы спастись, то есть Святая Русь смогла бы осуществить преобразования, ставшие неизбежными, не проходя через все испытания, столь ею заслуженные»³.

¹ Дневник А. С. Корсакова (1861) // Река времен: альманах: в 5 т. — М., 1995. — Кн. 2. — С. 64.

² Порошин С. А. Записки, служащие к истории великого князя Павла Петровича // Русский Гамлет. — М., 2004. — С. 369.

³ Тютчев Ф. И. Сочинения... — Т. 2. — С. 183.

Публикации личных дневников однако уже встречаются в XVIII в. Спустя 15 лет после путешествия, в 1786 г., был опубликован дневник путешествия Н. А. Демидова в Западную Европу. Не случайно то, что именно путевые дневники стали издаваться первыми: они расширяли кругозор читающей публики, удовлетворяли познавательный интерес русских людей, принадлежавших к разным сословиям.

По мере развития системы периодических изданий в XVIII — первой половине XIX в. на их страницах помещались тексты различного содержания, которые имели форму путевых дневников.

Составители журнала как разновидности делопроизводственной документации демонстрировали свою беспристрастность по отношению к объекту описания. Это ярко видно на примере так называемых камер-фурьерских журналов, которые велись при императорском дворе со времени правления Петра I и до февраля 1917 г.

Приведем фрагмент изданного «Церемониального, банкетного и путевого журналов 1764 г.», составлявшихся при дворе императрицы Екатерины II:

«8-го числа (8 января 1764 г.), в четверг, при Дворе Ея Императорского Величества ничего особенного не происходило.

9-го числа, в пятницу, по утру, в 10-м часу, Ея Императорское Величество изволила иметь выход в Сенат, откуда изволила возвратиться во Дворец по полудни в 1-м часу. Обеденное кушанье изволила кушать с кавалерами и фрейлинами за ординарным столом, поставленным в боковой от галереи комнате. А ввечеру Ея Величество и Его Высочество покоями изволили проходить в Оперный дом смотреть игральной там французской комедии при одном балете; по окончании изволили возвратиться в свои апартаменты»¹.

Как видим, в записи за 9 января 1764 г. зафиксирована только последовательность некоторых действий императрицы без какого-либо комментария об их причинах и сути. Такой характер записей для подобных журналов оправдан, поскольку записи делали люди, которые только наблюдали внешнюю сторону жизни членов императорского дома. Отстраненность авторов официальных журналов от духовной и эмоциональной жизни лиц, о которых они писали, приводила к появлению трафаретных формул в описании событий.

Для того чтобы еще ярче показать различие записей официального журнала и личного дневника, сравним два описания одного события, произошедшего 10 января 1765 г., — похода в театр великого князя цесаревича Павла Петровича и его воспитателя Порошина. В камер-фурьерском журнале сухо и без подробностей констатировалось:

¹ Камер-фурьерские журналы, 1764 г. — Б. м., б. г. — С. 9—10.

«10-го числа, в понедельник, ввечеру, в начале 7-го часа по полудни, Его Императорское Высочество покойми изволил проходить в Оперный дом смотреть представленной там французской комедии при одном балете; по окончании изволил возвратиться в свои апартаменты»¹.

В личном дневнике Порошина это же событие изложено с подробностями, отвечающими задаче, которую он поставил перед собой — «записывать каждый день упражнения и разговоры вселюбезнейшего наследника российского престола»:

«10 (января 1765 г.)...Часов в шесть пошли мы в театр. Комедия сего дня была французская, сочинения комедианта Л'Анжа: «Le bienfait rendu»; балет Нейвилев «La jalousie villageoise», маленькая пьеса «La Deuil». Ее величество быть не изволила. Великий князь напросился сам сего дня, чтоб идтить в комедию, более для угождения Никите Ивановичу (Панину. — Т. К.), нежели по собственной охоте. Вообще сказать, его высочество театральные позорища не весьма изволит жаловать, частью от того, что они иногда долго продолжаются и он принужден сидеть все на одном месте, что живости его почти несочно; також, что в таком случае и опочивать лечь против обыкновенного опоздает, что нам всего тяжелее; частью ж и в самых оных (позорищах), по собственному его высочества уверению, не изволит он находить большого веселья и удовольствия. Великий князь несказанно похвалял автора выборных историй из светских писателей («Histoires choisies des auteurs profanes») за то, что в артикуле о позорищах, который мы с его высочеством некогда читали, рассуждает, что театральные позорища развращают нравы, отвлекают от дела и человека в некоторое ту-неядство приводят. Возвратясь из комедии, изволил он пойтить к государыне во внутренние покои. Мы дожидались в бильярдной. Более четверти часа быть там не изволил. Пришед к себе, сели мы за стол. Разговаривали по большей части об актерах. Опочивать изволил государь лечь, было три четверти десятого»².

Эта запись многое рассказывает о наследнике: в ней раскрываются характер 10-летнего мальчика, его интересы, взаимоотношения с людьми, обозначается круг его чтения и т. д. В то же время записи раскрывают личность автора, характеризуют его как целеустремленного, внимательного и вдумчивого воспитателя.

Авторы дневников записывали и анализировали свои и чужие ошибки с тем, чтобы избежать их в будущем. Особенно часто такие записи встречаются в дневниках духовных лиц, которые в своих проповедях часто обращались к примерам из жизни.

Так, Н. Г. Скопин, рассуждая о достоинствах и недостатках одного из умерших знакомых, записал: «Сие длинное примечание отнюдь не во осуждение его пишу, но в наставление свое и собственное, ибо из всего надобно научиться»³ (запись 8 января 1803 г.).

¹ Камер-фурьерский журнал, 1765 г. — Б. м., б. г. — С. 8.

² Порошин С. А. Записки... — С. 155.

³ Саратовский исторический сборник... — Т. 1. — С. 292.

В официальных журналах использовался своеобразный канцелярский стиль, сформировавшийся в недрах государственных учреждений в XVIII в. В таких текстах авторская манера никак не просматривается, так как они оформлялись по определенному трафарету или были результатом обработки записей многих лиц по заданному шаблону. К числу последних относятся камер-фурьерские журналы. Например, в течение 1765 г. журнал частями сдавался в Придворную контору камер-фурьером Герасимом Крашенинниковым-Журавлевым. Его можно считать редактором окончательного текста журнала, который состоял из записей дежурных камер-фурьеров.

В журнале секунд-майора Матвея Миронова есть стилистическая особенность, характерная для некоторых официальных документов. Она заключается в том, что в тексте, составленном и подписанном Мироновым, автор упоминался в третьем лице: «В Козлеве на пристани лежат больших медных новых пушек десять, видел их сам секунд-майор»¹; «Да он же грек Янакий секунд-майору объявил: ежели де хана не переменят, то намерены войну с ханом иметь бахтигиреевы сыны»². Таким образом, в официальном журнале личность автора отодвигалась на второй план, а на первый выходила собранная им и его подручными информация, ее источники. Подобный стиль отражал генезис данной разновидности делопроизводственной документации. Задание, которое получил Миронов, было сродни дипломатическому, поэтому его журнал имел черты отчета о выполнении задания и восходил к древнерусским статейным спискам, которые также оформлялись от третьего лица.

Личный дневник велся автором собственноручно, и это обстоятельство определяло стиль записей, отбор фактов для внесения в дневник. Запись в нем делалась, как правило, от первого лица. В качестве примера приведем отрывок из дневника Никитенко:

«Май 1 (1826 г.). Был на гулянье в Екатерингофе. Пыль, холод, ветер, шумные толпы народа, болото, усаженное жидкими елями и соснами — вот все достопримечательности его.

23 (мая). Несколько дней тому назад г-жа Штерич праздновала свои именины. У ней было много гостей и в том числе новое лицо, которое, должен сознаться, произвело на меня довольно сильное впечатление. Когда я вечером спустился в гостиную, оно мгновенно приковало к себе мое внимание. То было лицо молодой женщины поразительной красоты. Но меня всего больше привлекала в ней трогательная томность в выражении глаз, улыбки, в звуках голоса.

Молодая женщина эта — генеральша Анна Петровна Керн, рожденная Полторацкая. <...>

¹ Андр[иевский] А. К истории пограничных наших отношений... — С. 354.

² Там же. — С. 353.

Сегодня я целый вечер провел с ней (А.П.Керн. — Т.К.) у г-жи Штерич. Мы говорили о литературе, о чувствах, о жизни, о свете. Мы на несколько минут остались одни, и она просила меня посещать ее»¹.

Эта и последующие дневниковые записи передают переживания и мысли молодого человека, которые возникали у него при общении с А. П. Керн.

Записи в дневнике отражают разные состояния, в которых пребывал автор. Среди однообразных, повторявшихся сюжетов (например, записей о погоде) временами появляются записи о глубоких переживаниях автора, вызванных недовольством собой, сомнениями, надеждами и т.д. Например, Н.Г.Скопин записал в дневнике 1—2 ноября 1803 г.: «Нынешний день испытал, что не должно о вещах скороспешно судить, ибо я грубо ошибся и мне стыдно... Как быть! я человек! Вреда от сей ошибки никакого не последовало. Так-то иногда мы других осуждаем!.. Впредь наука!»².

Создатель личного дневника имел две задачи. Одна из них была очевидной — фиксировать каждодневные события, которые он хотел сохранить в памяти. Своими записями автор связывал себя с прошлым, поскольку запись, сделанная вчера, сегодня становилась записью об уже неповторимом дне.

Некоторые авторы личных дневников ставили перед собой и такой вопрос: «для чего они накапливали огромный фактический материал о прошедших событиях и о себе?»

Порошин сознательно избрал объектом своего наблюдения повседневную жизнь наследника престола. «Повседневные записки» о Павле Петровиче должны были стать пособием для «составления его истории». Порошин видел ценность своего «журнала» в мелочах, на которых он сосредотачивал внимание. Он подчеркивал, что «иногда по видимому и не важные бы вещи лучше, нежели прямые дела, изображают нрав и склонности человеческие, особливо в нежной младости»³. Итак, Порошин фиксировал информацию для будущего.

Усиление личностного начала в дневниках приходится на последнюю треть XVIII в. В этот период на содержание личных дневников повлияла художественная литература, в которой с 60-х гг. XVIII в. начало формироваться новое направление — сентиментализм. Для произведений этого литературного направления характерно внимание к личности обыкновенного человека, его частной жизни, внутреннему миру, сфере личных чувств и взаимоотношений. Под влиянием русских авторов, а также произведений западного сентиментализма читатели приходили к осознанию того,

¹ Никитенко А. В. Дневник: в 3 т. — М., 1955. — Т. 1. — С. 46—47.

² Саратовский исторический сборник. — С. 315.

³ Порошин С. А. Записки... — С. 11.

что истинная жизнь — это способность чувствовать, умение сопереживать.

В результате усиления внимания к «движениям сердца» каждого человека независимо от его социального положения содержание дневников обогатилось новой информацией — описанием переживаний автора. Теперь наряду с событийной канвой во многих дневниках фиксировалась внутренняя жизнь автора. Так, 14 апреля 1815 г. Жуковский рекомендовал своей возлюбленной Протасовой «записывать свой день» — вести дневник: «Знаешь ли, как это утешительно, особливо тогда, когда бы желал и не можешь кому-нибудь передать сердце. Пусть этот *кто-нибудь* (выделено издателем. — Т. К.) будет бумага»¹.

Наполнение личных дневников новым содержанием превращало их в средство самопознания и познания действительности. К середине XIX в. такое назначение дневников было усвоено даже гимназистами. Характерна запись в дневнике петербургского гимназиста, затем студента Санкт-Петербургской медико-хирургической академии В. Н. Чемезова. Делая в дневнике записи о конкретном событии — студенческом волнении в Санкт-Петербургском университете в 1861 г. — он раскрывает свое понимание назначения дневниковых записей: «Я решил записывать решительно все, что говорят об университете; конечно, бóльшая часть из этого неправда или преувеличение, но это важно с той стороны, что изо всех рассказов, ходящих по городу, я могу вынести взгляд общества на дело студентов и понятие его об университете. По крайней мере лет через десяток на досуге я прочитаю это и обсужу, правы ли были студенты в своих требованиях или нет, и наконец, самый мой образ мыслей. Может быть, мне даже захочется написать историю этого происшествия, конечно для себя и знакомых, а не для публики, потому что печатать историю, в которой высказано много правды касательно правительства, не позволяют»². Как видим, гимназист предполагал в будущем на основе своих записей выработать объективный взгляд на требования студентов в 1861 г., отношение общества к ним и, наконец, собственную оценку событий. Таким образом, заполняя свой дневник, автор связывал настоящее с будущим.

Автор личного дневника мог использовать его для написания мемуаров. Например, по мнению исследователей, в основе знаменитых мемуаров Андрея Тимофеевича Болотова лежат его дневниковые записи. Во многих мемуарах об Отечественной войне 1812 года, написанных спустя многие годы после военной кам-

¹ Письма-дневники В. А. Жуковского 1814 и 1815 гг. // Памяти В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя. — СПб., 1907. — Вып. 1. — С. 200.

² Цит. по: Эйдельман Н. Я. Дневник гимназиста 1860-х гг. // Археография и источниковедение Сибири: сб. ст. — Новосибирск, 1975. — С. 53—54.

пании, также просматривается дневниковая основа. Таковы мемуары участников войны Ф. Н. Глинки, А. Ф. Раевского, И. И. Лажечникова, И. Т. Раджицкого, Н. А. Дуровой.

Личный дневник мог использоваться в профессиональных и служебных целях. Пушкин написал «Путешествие в Арзрум», опираясь на свой путевой дневник. Отправляясь на Кавказ, поэт не имел еще замысла литературного произведения, он появился после его возвращения с Кавказа. При подготовке текста для публикации поэт переработал текст дневника.

В ряде случаев на основе личных дневниковых записей могли создаваться и определенные разновидности делопроизводственной документации. Так, Корсаков вел в 1861 г. личный путевой дневник для того, чтобы по возвращении в столицу написать подробный и точный отчет об исполнении данного ему служебного поручения.

5.3. Приемы изучения материалов личного происхождения

Материалы личного происхождения всегда привлекали внимание историков. Они считали эти материалы ценными прежде всего для написания биографических исследований и комментариев. Именно биографические факты представлялись ученым наиболее достоверными. В источниковедении был выработан ряд общих подходов к проверке достоверности известий, сообщаемых источниками личного происхождения. Например, меру достоверности информации дневников, писем и мемуаров предлагается определять, характеризуя черты личности создателя текста, его социальное положение, мировоззрение, профессию, круг общения, каналы получения информации и т. д. Еще один распространенный способ проверки достоверности сведений о конкретном событии опирается на их сопоставление со сведениями об этом же событии, находящимися в источниках других видов.

Долгое время недостатком писем, дневников и мемуаров считалась значительная степень субъективности оценок, касавшихся событий, о которых авторы писали. В настоящее время ситуация изменилась, и субъективность материалов личного происхождения признается как одно из главных достоинств этого вида исторических источников.

Понимание того, что в материалах личного происхождения особую ценность часто имеют не сами события, о которых повествует автор, а их оценка автором, позволило найти новые пути извлечения из источников объективной информации, которая характеризует в первую очередь самого автора.

Сегодня существуют методики, которые позволяют получить значительный объем скрытой информации как об одном лице, так и о социальной группе, к которой принадлежал автор. Принято считать, что значительный объем скрытой информации источников можно выявить с помощью *количественных методов*, которые используются для обработки большого массива исторических источников. Применительно к переписке эти методы (в сочетании с традиционными) были апробированы Е. Н. Марасиновой при изучении состояния сознания элиты российского дворянства в последней трети XVIII в. В этом исследовании основные этапы источниковедческой обработки писем заключались в следующем.

Во-первых, в соответствии с поставленными конкретными задачами исследования и заявленными критериями отбора источников (принадлежность авторов писем к определенному социальному кругу, время написания писем) формировалась источниковая база.

Во-вторых, был проведен историко-типологический анализ текстов, вошедших в созданный комплекс. Анализ показал, что эпистолярные тексты последней трети XVIII в. имели разную тематику, стиль, степень следования образцам и т. д. С учетом социальных функций материал комплекса был разделен на традиционно-ритуальные (прошения, жалобы, рекомендации, благодарности; соболезнования, поздравления; информативные письма; семейная переписка бытовой тематики), эмоционально-интимные (не имеющие четкой прагматической цели, выступающие в качестве беседы с адресатом) и интеллектуально-эмоциональные (средство общения интеллектуальной элиты) письма.

В-третьих, чтобы сделать сопоставимыми эти разнообразные письма, в рамках так называемого контент-анализа была осуществлена формализация содержания каждого послания. После ряда операций содержание всех писем было унифицировано и представлено в числовом выражении.

В-четвертых, результаты, полученные в ходе работы с формализованным содержанием источников, были интерпретированы в соответствии с поставленной конкретно-исторической задачей.

В заключение автор отметил, что предложенный «анализ источников эпистолярного характера позволил выделить в сознании представителей господствующего сословия традиционные нормы, зафиксировать девальвацию общепринятых ценностей и уловить начало формирования новых альтернативных ориентаций»¹.

¹ Марасинова Е. Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII в. (По материалам переписки). — М., 1999. — С. 238.

Источники

Грамотки XVII—начала XVIII в. — М., 1969.

Греч Н. И. Учебная книга российской словесности, или Избранные места из русских сочинений и переводов в стихах и прозе: в 4 ч. — СПб., 1819.

Дневник А. С. Корсакова (1861) // Река времен: альманах — М., 1995. — Кн. 2.

Дневник А. С. Пушкина 1833—1835. — М., 1997.

Дневник Ивана Игнатьевича Лапина // Труды Псковского археологического общества. 1914—1915 гг. — Псков, 1915. — Вып. 11.

Журнал, или Записка жизни и приключений Ивана Алексеевича Толченова. — М., 1974.

Журнал, содержанной Киевского гарнизона Стародубского полку секунд-майором Матвеем Мироновым во время посылки его в Крым до Бакцысарая к хану крымскому Арслан-Гирею с письмами, а что им, секунд-майором, в бытность его в Бакцысарее и в проезде в оба пути о тамошних обращениях разведано и присмотрено, явствует ниже // Киевская старина. — Киев, 1885. — Т. 11. — № 2.

Забелин И. Е. Дневники. Записные книжки. — М., 2001.

Камер-фурьерский журнал, 1764 г. — Б. м., б. г.

Камер-фурьерский журнал, 1765 г. — Б. м., б. г.

Никитенко А. В. Дневник: в 3 т. — М., 1955—1956.

Новгородские грамоты на бересте: из раскопок 1951 г. [...1952, 1953—1954, 1955, 1956—1957, 1958—1961, 1962—1976, 1977—1983, 1984—1989, 1990—1996, 1997—2000 гг.]. — М., 1953—2004.

Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. — Л., 1979.

Письма русских писателей XVIII в. — М., 1980.

Порошин С. А. Записки, служащие к истории великого князя Павла Петровича // Русский Гамлет. — М., 2004 (серия «История России и Дома Романовых в мемуарах современников. XVII—XX вв.»).

Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. — 3-е изд. — М., 1966. — Т. 10.

Саратовский исторический сборник, издаваемый Саратовской ученой комиссией в память трехсотлетия города Саратова. — Саратов, 1891. — Т. 1.

1812 год... Военные дневники. — М., 1990.

Тютчев Ф. И. Сочинения: в 2 т. — М., 1980.

Литература и справочные издания

Аксенов А. И. Из эпистолярного наследия А. И. Мусина-Пушкина // Археографический ежегодник за 1969 г. — М., 1971.

Бакланова Н. А. Торгово-промышленная деятельность Калмыковых во второй половине XVII в.: к истории формирования русской буржуазии. — М., 1959.

Буланин Д. М. Письмовники // Словарь книжников и книжности Древней Руси. — Л., 1989. — Вып. 2. Вторая половина XIV—XVI в. — Ч. 2.

Глаголева А. П. Повседневные записки князя А.Д. Меншикова (к изучению материалов Меншиковского архива) // Проблемы источниковедения. — М., 1956. — Вып. 5.

Гусев А. В. Письма царя Алексея Михайловича как исторический источник // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.): сб. ст. — М., 2004.

Демин А. С. Вопросы изучения русских письмовников XV—XVII вв.: из истории взаимодействия литературы и документальной письменности // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом). — М.; Л., 1964. — Т. 20.

Егоров О. Г. Русский литературный дневник XIX в. История и теория. Исследование. — М., 2003.

Зимин А. А. Рукописи Евфимия Туркова и письмо Марины Турковой // Лингвистическое источниковедение: сб. ст. — М., 1963.

Иезуитова Р. В. Пушкин и «Дневник» В.А. Жуковского 1834 г. // Пушкин. Исследования и материалы. — Л., 1978. — Т. 8.

История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях: аннотированный указатель книг и публикаций в журналах: в 5 т. — М., 1976—1989.

Марасинова Е. Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII в. (По материалам переписки). — М., 1997.

Панкратова Н. П. Элементы эпистолярной традиции в частной переписке XVII в. // Исследования по лингвистическому источниковедению: сб. ст. — М., 1963.

Глава 6

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ

6.1. Общая характеристика

Предшественником русских периодических изданий являются «Вести-куранты» («Вестовые письма», «Куранты»). Так назывались рукописные подборки материалов с известиями о событиях, произошедших в иностранных государствах. «Вести-куранты» составлялись на протяжении всего XVII в. в Посольском приказе и предназначались царю и его ближайшему окружению.

Содержание «Вестей-курантов» ограничивалось главным образом переводами из иностранных газет (немецких, голландских и др.). Кроме иностранных газет, источником «Вестей-курантов» были статейные списки — отчеты русских послов о поездках за границу. В эту разновидность делопроизводственной документации обязательно входил блок информации, собранной послом в стране пребывания. Послы сообщали о политической ситуации в Европе (если посольство было направлено в европейскую страну), отношениях между различными государствами. Иногда в статейных списках указывались источники подобных сведений. Среди них назывались иностранные газеты. «Курантельщики», т.е. лица, служившие в Посольском приказе и причастные к созданию «Вестей-курантов», приводили известия в порядок — составляли столбцы, на которых располагалась рукописная газета.

Связь между «Вестями-курантами» и первой русской печатной газетой «Ведомости» (1702—1727) доказывается тем общим наименованием единицы информации, для регистрации которой создавались и рукописная и печатная газеты. Слова «вести» («весть») и «ведомости» («ведомость») имеют общий корень и являются синонимами. Синонимический ряд можно продолжить словами «известие», «сообщение», «новость». Они указывают на то, что тексты «Вестей-курантов» и «Ведомостей» содержали информацию о современных читателю событиях. Таким образом, Петр I предполагал, что газета ознакомит большой круг читателей с современными событиями.

Слово «ведомости» было использовано и для названий двух других официальных газет XVIII в. — «Санкт-Петербургских ведомостей» и «Московских ведомостей», а также для губернских газет второй четверти XIX в. Информативная функция газеты как определенного типа периодического издания сохраняется и сегодня наряду с другими функциями.

Периодическое издание — это регулярно (с заданной периодичностью) издающаяся типографским способом подборка текстов, предназначенных для оповещения читателей об определенных событиях и формирования на основе предложенного материала общественного мнения.

Основными типами периодической печати являются газета и журнал. *Газета* — повременное, как правило, ежедневное издание для оперативного сообщения информации о текущих событиях и публикации разного злободневного материала. *Журнал* — это повременное издание, выходящее с определенной периодичностью (чаще всего ежемесячно) в виде книг и содержащее разнообразный литературный, политический и научный материал. Таким образом, главные различия типов современной периодики состоят в характере содержания и форме подачи информации, периодичности выхода в свет, а также внешнем виде.

Различия газет и журналов складывались в России постепенно. В XVIII в. еще не было четкого размежевания периодики на типы ни внешне, поскольку и газета и журнал имели один прообраз — печатную книгу, ни по структуре изданий и жанрам, поскольку первый русский журнал возник как приложение к газете.

Слово «газета» встречается на страницах «Ведомостей», но регулярно оно стало использоваться лишь в XIX в. В названии повременного издания впервые оно встречается с 1809 г. Первым изданием, наименование которого содержало слово «газета», стала «Северная почта, или Новая Санкт-Петербургская газета», выходящая при Почтовом департаменте Министерства внутренних дел (1809—1819).

Слово «журнал» широко использовалось в XVIII в. для обозначения и особого делопроизводственного документа и личных поданных записок, т. е. личных дневников. В названиях повременных изданий оно стало широко использоваться в 90-е гг. XVIII в.: «Московский журнал» (1791—1792) Н. М. Карамзина; «Магазин общепользных знаний и приобретений с присовокуплением Модного журнала...» (СПб., 1795); «Санкт-Петербургский журнал» И. П. Пнина (1798).

Система периодики включает в себя разнообразные по происхождению, содержанию и форме издания, но единого основания для классификации изданий внутри типов не существует. Более или менее однородные группы периодической печати принято выделять по многим признакам: по периодичности выхода издания в свет (ежедневные, еженедельные, ежемесячные, ежегодные и т. д.); по административному уровню населенного пункта, в котором издание вышло в свет (столичная, провинциальная или местная — губернская, областная, уездная — периодическая печать); по юридическому положению издателей (официальная, правительственная, ведомственная печать; частная печать; печать

общественных учреждений); по отношению к цензуре (подцензурная легальная печать; нелегальная печать); по языку (русские издания; издания, выходившие в России на иностранных языках); по содержанию (общественно-политические, литературные, научные издания и т.д.). Эти признаки используются для анализа каждого типа периодических изданий, групп изданий внутри типов или одного издания как представителя какой-то определенной группы.

В истории периодической печати XVIII — первой половины XIX в. обычно выделяют два периода: 1702 — 1800 гг. и 1801 — 1861 гг.

Первый период — время становления отечественной периодики. В XVIII в. начал использоваться печатный станок, что способствовало расширению информационного поля в России. Началось массовое оперативное тиражирование тех известий, которые издатель считал необходимым донести до читателей. В течение столетия обозначились в общих чертах два основных типа изданий — газета и журнал. В это время постепенно складывались свойственные этим изданиям жанры, шли поиски в оформлении изданий в соответствии с их информационной спецификой, выявлялось общественное значение повременных изданий.

Периодические издания России за период с 1703 по 1800 г. насчитывали 119 наименований. Их особенностью является то, что они, за исключением официальных, существовали короткое время.

Второй период характеризуется завершением оформления разновидностей изданий и увеличением числа повременных изданий. В этот период появились 595 новых органов печати.

6.2. Эволюция периодической печати

6.2.1. Периодическая печать XVIII в.

Газеты. Первая печатная газета России «Ведомости» выходила с конца 1702 до середины 1727 г. Инициатором ее издания был Петр I. В именном указе от 16 декабря 1702 г. «О печатании газет для извещения оными о заграничных и внутренних происшествиях» определено, с какой целью и для кого предназначались «Ведомости» и каким образом должен был собираться материал для номеров газеты. Распоряжение царя гласило: «...по ведомостям о воинских и о всяких делах, которые надлежит для объявления Московского и окрестных государств людям, печатать куранты, а для печати тех курантов, ведомости, в которых приказах о чем ныне какие есть и впредь будут, присылать из тех приказов в Монастырской приказ без мотчания (промедления. —

Т. К.), а из Монастырского приказа те ведомости отсылать на Печатной двор»¹.

Содержание печатной газеты теснейшим образом было связано с событиями первой четверти XVIII в. Петр I понимал, что использование печатного станка способствовало информированию широких слоев общества о событиях в России и за границей и формированию общественного мнения о деятельности монарха. Поэтому отбор информации для публикации в «Ведомостях» носил целенаправленный характер и зависел от требований политической ситуации в России, намерений Петра I и его правительства. Официальный характер газеты подчеркивало размещение на ее страницах правительственных материалов: реляций, трактатов, экстрактов из донесений и писем государственных деятелей и т. д.

Одной из особенностей первой русской печатной газеты было то, что она не имела постоянного названия. Ее общее самоназвание для всех номеров, вышедших в течение года, встречается в комплектах за 1704, 1705 и 1707 гг. Оно было таким: «Ведомости о военных и иных делах, достойных знания и памяти, случившихся в Московском государстве и во иных окрестных странах. Начаты в лето от Христа 1704-е от генваря, а окончены декабрем сего же года».

У «Ведомостей» не было постоянной периодичности выхода в свет и последовательности в нумерации выпусков. Номер газеты издавался по мере накопления материала, поэтому годовые комплекты состояли из различного числа номеров. Так, в 1718 г. вышел всего 1 номер, а в 1720 г. — 71. Не был постоянным и объем отдельного номера газеты: он колебался от 1 до 48 страниц.

Первая русская печатная газета имела небольшой формат, поэтому переплетенный годовой комплект петровских «Ведомостей» внешне был похож на книгу. При оформлении газеты учитывались приемы оформления печатной книги: текст размещался в одну колонку, применялись виньетки, заставки, рамки-заставки, имевшие декоративное назначение. Для выделения в номере газеты наиболее важных с точки зрения издателя текстов могла использоваться киноварь (красная краска).

На страницах «Ведомостей» преобладали информационные заметки. Они содержали ответы на вопросы: где, когда, что произошло, и начинались стандартной формулой: из такого-то города (или страны) пишут, далее следовали дата и описание события. В газете отсутствовали рубрики, объединявшие сообщения однотипного характера.

В то же время в «Ведомостях» зарождались и другие газетные жанры: рецензия, политический памфлет, репортаж. Корреспон-

¹ Полное собрание законов Российской империи (первое). — СПб., 1830. — Т. 4. — № 1921.

денции на военные темы содержали в себе зачатки аналитического рассмотрения фактов.

В 1728 г. на смену «Ведомостям» пришли «Санкт-Петербургские ведомости». Новая газета носила также официальный характер и издавалась Академией наук. Печаталась газета в академической типографии.

На протяжении всего XVIII в. «Санкт-Петербургские ведомости» сохранили порядок отбора и подготовки информационного материала к публикации, установленный Петром I для «Ведомостей». Иначе говоря, на протяжении XVIII в. основной массив российских информационных материалов имел строго официальное происхождение и в большей своей части исходил из Секретной экспедиции Коллегии иностранных дел. Отбор оригинальной информации, наиболее важной в политическом плане, осуществляли высшие органы государственной власти (Кабинет министров, Конференция при Высочайшем дворе и т. п.) в лице специально выделенных для этой цели представителей. Например, в 60-е гг. XVIII в. ведомостями руководил статс-секретарь императрицы Екатерины II Г. Н. Теплов, который иногда сам писал в «Санкт-Петербургские ведомости» анонимные заметки по российской тематике.

В отличие от первой печатной газеты, новое издание имело постоянное название и выходило два раза в неделю — «в почтовые дни».

«Санкт-Петербургские ведомости» выходили на русском, немецком, а в отдельные периоды — на французском языках.

В самой газете преобладал иностранный отдел, который составлялся из выборочных статей зарубежных газет. Издатели «Санкт-Петербургских ведомостей» были знакомы с содержанием большого числа зарубежных газет. Так, например, в 1757 г. Академия наук предполагала получить «к сочинению немецких, русских и французских ведомостей» через Санкт-Петербургский почтамт следующие иностранные газеты: одну утрехтскую на французском языке, одну лейденскую на французском языке, одну кельнскую на французском языке, одну брауншвейгскую на французском языке, одну берлинскую на французском языке, одну голландскую амстердамскую, одну итальянскую миланскую, две немецкие берлинские, одну гамбургскую «Корреспондент», одну франкфуртскую «Журнал»¹.

Как правило, материалы, заимствованные из иностранных газет и представленные на страницах «Санкт-Петербургских ведомостей», не сопровождались какими-либо комментариями.

Информация о русских событиях была представлена в «Санкт-Петербургских ведомостях» главным образом в трех типах матери-

¹ См.: Санкт-Петербургское отделение Архива РАН, ф. 3, оп. 1, ед. хр., 215, л. 490 об.

алов: 1) информационных сообщениях; 2) публикациях официальных материалов, не имевших собственно газетного происхождения; 3) газетных объявлениях. Если первые два типа газетных материалов существовали еще в «Ведомостях», то газетные объявления впервые появились в России на страницах «Санкт-Петербургских ведомостей» в 1732 г.

В середине XVIII столетия такой характер газеты перестал устраивать правительство. В протоколе Конференции при Высочайшем дворе от 30 сентября 1756 г. отмечено, что «печатающиеся при Академии наук ведомости... находятся противу всех в Европе издаваемых в меньшем почтении, потому что только копиями с других суть собою, никакого здешнего артикула, кроме случающихся при дворе торжеств, не содержат»¹.

В годы Семилетней войны (1756—1763) русский материал газеты стал более разнообразным. Он был представлен манифестами, сообщениями с арены военных действий — «Журналом российской императорской армии» и реляциями главнокомандующих о наиболее значительных сражениях.

Русские информационные материалы и публикации текстов официальных документов касались нескольких основных тем: придворной, светской и дипломатической хроники; деятельности государственных учреждений и изданий наиболее важных правительственных распоряжений; пожалований и назначений на высшие государственные должности; военных действий русской армии; «восприявших православную веру»; «родившихся, умерших и браком сочетавшихся» в разных регионах; метеорологических наблюдений; культурной жизни и т. д.

В последующие десятилетия русский материал увеличивался за счет включения в газету разнообразных объявлений, усиливших информационную функцию издания. Объявления поступали от официальных учреждений и частных лиц. Они касались пожалований, присвоения новых чинов, назначений, публикаций новых указов.

В 1756 г. при Московском университете стала выходить еще одна казенная газета — «Московские ведомости». Она была связана с петербургским изданием, поскольку должна была помещать на первых страницах официальные известия, перепечатанные из «Санкт-Петербургских ведомостей», и только потом — московские новости. Особенностью содержания этой газеты было то, что внимание ее издателей было направлено на освещение внутренней жизни страны.

В обогащении содержания «Московских ведомостей» большую роль сыграл Н. И. Новиков, который с 1779 по 1789 г. был ее арен-

¹ Сборник Русского исторического общества. — СПб., 1912. — Т. 136: Протоколы Конференции при Высочайшем дворе. 15 марта 1756 г. — 13 марта 1757 г. — С. 284.

датором, издателем и редактором. Он стремился привлечь как можно больше читателей, для чего расширил тематику газеты, добавив статьи по литературе, искусству, культурной и научной жизни и открыв отдел «Провинциальная жизнь». Новиков добивался точности и оперативности информации благодаря сети собственных корреспондентов и ускорению доставки зарубежных газет. В «Московских ведомостях» стали указывать источник информации, авторов заметок.

Новиков привнес новые черты в оформление газеты. Он увеличил ее формат и число колонок на полосе. В наборе текстов сочетались различные шрифты: прямой и курсив, жирный и светлый. Более важные по содержанию тексты набирались шрифтом крупных кеглей, т.е. типографскими литерами крупных размеров.

В «Московских ведомостях» информация была организована более четко. Материал подбирался по тематическому и географическому принципам, а подборки отделялись линейками, на смену которым вскоре пришли рубрики («Провинциальная жизнь», «О новых книгах» и т.д.).

Тираж является одной из важных характеристик любого периодического органа. Большой тираж издания свидетельствует, как правило, о его популярности среди читателей, хотя определение объема тиража («большой» или «малый») для разных этапов развития отечественной периодики было различным. В XVIII в. тираж издания даже в 400 экземпляров иногда расходился не полностью.

Большими тиражами для XVIII в. выходили официальные издания, которые служили инструментом формирования общественного мнения. О том значении, которое придавалось распространению официальных «Санкт-Петербургских ведомостей», свидетельствует табл. 2.

Таблица 2

Тиражи газеты в период с 1756 по 1776 г.¹

Год	Тираж (средне- месячный)	Год	Тираж (средне- месячный)	Год	Тираж (средне- месячный)
1756	550	1763	783	1770	1265
1757	801	1764	822	1771	1420
1758	947	1765	870	1772	1400
1759	1014	1766	780	1773	1350
1760	1054	1767	670	1774	1260
1761	950	1768	672	1775	828
1762	947	1769	1040	1776	873

¹ Таблица составлена на основе данных о тиражах, приведенных в справочнике «Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII в.» (М., 1966. — Т. 4. — С. 66—94).

На двадцатилетний период, с середины 50-х до середины 70-х гг. XVIII в., пришлось два важных внешнеполитических события в жизни России: Семилетняя война (1756—1763) и русско-турецкая война (1769—1774). Данные таблицы свидетельствуют о том, что тираж «Санкт-Петербургских ведомостей» резко возрастал в годы войн. Этот рост обусловлен и правительственной политикой, и общественным интересом к событиям на войне. В межвоенный период тираж газеты снижался.

В целом русские официальные газеты XVIII в. играли большую роль в формировании в стране информационного поля. О своем отношении к газете как источнику знания об окружающей действительности астраханский церковнослужитель Н. Г. Скопин в 1801 г. записал в дневнике: «Новый сей год есть начало столетия тож нового. Зри же, читатель, чем началось оно. Европа, бедная Европа! удручается жестокостями франков; Испания почти издыхает под тягостию заразительной болезни, из Америки привезенной и известной под именем желчной лихорадки; Англия, распростерши очень далеко завоевания свои, остается в недоумении: что далее начать? Ибо недостаток в хлебе, наложение амбарго на все английские товары в России, взятие до 40 судов французами в Ливорне заставят подумать о перемене своих обширных планов...»¹. Далее автор дневника обстоятельно охарактеризовал расстановку сил на европейской арене. Возникает вопрос: откуда человек, далекий от дипломатической деятельности, так хорошо знает внешнеполитическую картину в Европе? Ответ на него дает сам автор дневника в этой же записи: «Желающему подробнее знать (о позиции России в этой непростой ситуации. — Т. К.), читать должно нынешнего времени газеты. Вот новости в целом свете!»².

Журналы. Типологическая картина русской периодики изменилась во второй половине 20-х гг. XVIII в. В это время появилась новая разновидность повременного издания — журнал. Академия наук, к которой перешло право выпускать газету «Санкт-Петербургские ведомости», начала издавать научную и научно-популярную журнальную периодику.

Зарождение первого русского литературного и научно-популярного журнала теснейшим образом связано с газетой «Санкт-Петербургские ведомости». В год создания газеты при ней стало выходить приложение, называвшееся «Месячные исторические, генеалогические и географические примечания в “Ведомостях”» (1728—1742). Другое, обиходное, название приложения — «Примечания». Изначально журнал был задуман как словарь для разъяснения иностранных слов, географических и политических терми-

¹ Саратовский исторический сборник, издаваемый Саратовской ученой архивной комиссией в память 300-летия города Саратова. — Саратов, 1891. — Т. 1. — С. 229—230.

² Там же. — С. 230.

нов, встречающихся в текстах «Санкт-Петербургских ведомостей». Однако «Примечания» быстро потеряли связь с газетой, которая была ориентирована на современные события. В журнале печатались естественнонаучные, философские, исторические материалы, статьи по истории театра, культуры и т.д. В нем помещались статьи русских авторов, в том числе В. Н. Татищева, В. К. Тредиаковского, М. В. Ломоносова и др.

В январе 1755 г., через 12 лет после прекращения выхода первого литературного и научно-популярного журнала, увидел свет новый научно-популярный журнал «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие», издателем которого была Академия наук. Он просуществовал до 1764 г. В создании этого журнала принимал участие Ломоносов. Он задумал новое издание внешне более солидным, чем прежнее, и с точно установленной периодичностью.

Помещенный на титульном листе журнала девиз «Для всех» указывал на самый широкий круг читателей, которых издатели хотели заинтересовать публикуемыми материалами.

В «Ежемесячных сочинениях, к пользе и увеселению служащих», как и в первом русском журнале, помещался разнообразный материал. Первое место по количеству и качеству занимали статьи по истории, географии и статистике России. На втором месте были статьи на естественнонаучные темы: о научных открытиях, медицине, природных явлениях. В нем публиковались аннотированные библиографические описания новых русских и иностранных книг, переводные и русские беллетристические произведения. Изменилась система жанров. Журнал все более тяготел к аналитическим публикациям. Большое место стали занимать книжная рецензия и очерк.

В истории русской периодической печати важным событием стало рождение так называемых частных журналов, принадлежавших частным лицам. Их появление разрушило монополию государства и его ведомств на печатание и распространение периодических изданий в России.

Частные журналы XVIII в. по содержанию были в основном литературными. Они издавались поэтами и драматургами, которые печатали в них свои произведения и сочинения единомышленников. Эти журналы отражали литературный процесс второй половины XVIII в., борьбу старых и новых литературных направлений — классицизма, сентиментализма, реализма. Каждое из этих направлений по-своему представляло современную действительность.

В течение 1759—1763 гг. появилось семь частных изданий, в направлении и характере которых были определенные различия. Некоторые частные журналы носили оппозиционный по отношению к правительству характер, что свидетельствовало об обще-

ственной потребности публичного обсуждения злободневных проблем. Скрытая и прямая полемика между журналами различных направлений позднее станет одной из форм политической борьбы, фактором формирования общественного мнения в России.

В 1759 г. поэт и драматург А. П. Сумароков начал издавать первый русский частный журнал, называвшийся «Трудолюбивая пчела». Журнал выходил ежемесячно в течение года. В нем публиковались как литературно-критические статьи, так и статьи по философии, филологии, истории.

«Трудолюбивую пчелу» принято считать предтечей сатирических журналов, поскольку значительную часть объема издания составляли сатирические материалы. В сатирических очерках и фельетонах Сумароков обличал пороки современного ему общества: казнокрадство, взяточничество, насилие. Издатель находился в оппозиции правящей группировке дворянства, что отразилось на содержании журнала.

Вторым по времени выхода частным журналом был журнал бывших воспитанников Сухопутного шляхетского корпуса — «Праздное время, в пользу употребленное». Он издавался в Санкт-Петербурге в 1759—1760 гг. В этом журнале печатались главным образом морально-дидактические переводы из иностранных журналов.

Помимо этих двух петербургских журналов, в начале 60-х гг. XVIII в. выходили пять частных журналов, которые издавались в Москве. Два из них издавал поэт и драматург М. М. Херасков (1733—1807), который после открытия Московского университета заведовал его библиотекой, типографией, издательством, а также с 1763 по 1770 г. был директором университета. При университете он также выпускал журналы «Полезное увеселение» (1760—1762) и его продолжение — «Свободные часы» (1763), проповедовавшие масонские идеи. Вокруг этих журналов объединились многие поэты — В. И. Майков, И. Ф. Богданович, А. А. Ржевский и другие.

В январе—июне 1763 г. Богданович совместно с Е. Р. Дашковой издавал журнал «Невинное упражнение». В нем помещались переводы философских и этических произведений французских просветителей.

В 1769—1774 гг. издавался ряд журналов, которые принято называть сатирическими. Они играли большую роль в формировании общественной мысли в России. В них обсуждались в жанрах так называемой малой сатиры многие острые социальные вопросы. Среди подобных журналов выделяются, например, журналы «Всякая всячина» и «Трутень». Первый стал выходить с января 1769 г. Его формальным издателем считался статс-секретарь Екатерины II Г. В. Козицкий, но фактическим руководителем и автором ряда анонимных статей была Екатерина II. Второй увидел свет в мае 1769 г. и принадлежал Новикову.

Эти журналы вели полемику по вопросам, волновавшим общество. Новиков вынес на страницы своего журнала темы социального характера. В его журнале была дана острая критика крепостнических порядков. Начало полемике положила статья о задачах сатирического жанра в понимании Екатерины II, опубликованная во «Всякой всячине». Оба журнала просуществовали недолго: до 1770 г. включительно.

Новиков, а также Ф. А. Эмин, издававший журнал «Адская почта», создали новый тип сатирического журнала, в котором на смену статьям с юмористическим занимательным сюжетом пришли статьи с острым социально-злободневным содержанием. В них современники улавливали намеки на конкретные события и конкретные лица.

После закрытия «Трутня» Новиков издавал другие сатирические журналы: «Пустомеля» (1770), «Живописец» (1772—1773), «Кошелек» (1774).

Еженедельный журнал М. Д. Чулкова «Ни то ни се» (1769) и ежемесячный «Парнасский щепетильник» (1770) были ориентированы на читателей-разночинцев и отображали бытовую сторону современной жизни. В этих журналах публиковались короткие бытовые рассказы, анекдоты.

Сатирические журналы XVIII в. были небольшими по объему (несколько листов книжного формата). Их издатели вынуждены были обращаться к необычным жанрам малой сатиры: письму, рецепту, афоризмам, объявлению, отписке, притче и т. д. Малые формы сатиры стали благодатной почвой для использования и развития эзопова языка в периодической печати.

В последней четверти XVIII в. новым явлением в русской журналистике стала ориентация издателей на определенный круг читателей, что проявлялось в содержательном отборе информации для издания. Большую роль в учете интересов читающей публики сыграл Новиков. В годы аренды им «Московских ведомостей» в виде приложений к газете вышли два десятка изданий журнального типа. Эти бесплатные приложения являлись по сути специализированными журналами. Они определили одно из главных направлений развития журнальной периодики в дальнейшем — тенденцию к специализации. Так, женщинам адресовался журнал «Модное ежемесячное издание, или Библиотека для дамского туалета» (1779). Это первый женский журнал. По содержанию он был литературным, но к каждой книжке журнала прилагались картинки с изображением модных нарядов и головных уборов. В журнале, таким образом, использовались изобразительные материалы. «Экономический магазин, или Собрание всяких экономических известий, опытов, открытий... в пользу российских домостроителей и других любопытных людей образом журнала издаваемый» (1780—1789) составлял и редактировал А. Т. Болотов. Этот

журнал предназначался, в частности, и для помещиков, стремившихся к рационализации своего хозяйства. Еженедельно выходил журнал для детей «Детское чтение для сердца и разума» (1785—1789), редакторами которого были А.А. Петров и Карамзин. Он был первым периодическим изданием для детей, преследовавшим широкие воспитательные и педагогические цели.

Во второй половине XVIII в. закладывались основы отдельных групп отечественной отраслевой журналистики. Первым отраслевым изданием принято считать «Труды Вольного Экономического общества» (1765—1915).

Помимо указанных выше специализированных приложений к «Московским ведомостям», существовал ряд журнальных изданий, содержание которых было целиком связано с каким-либо одним конкретным видом деятельности: музыкальной — «Музыкальные увеселения» (1774), театральной — «Русский феатр» (1786), литературно-критической — «Московский журнал» (1791—1792), медицинской — «Санкт-Петербургские врачебные ведомости» (1792—1794), в области истории — «Российский магазин» (1792—1794).

В последней четверти XVIII в. расширяется география журнальной периодики. Журналы издаются не только в Петербурге и Москве, но и в провинциальных городах. Выход издательской деятельности за пределы обеих столиц стал возможным благодаря указу Екатерины II от 15 января 1783 г. «О позволении во всех городах и столицах заводить типографии и печатать книги на российском и иностранных языках с освидетельствованием оных от Управы благочиния». Управы благочиния, иначе — городские полицейские учреждения, согласно этому указу, становились органами местной цензуры.

Первым изданием, вышедшим в свет в российской провинции, стал журнал «Уединенный пошехонец». Он выходил в Ярославле с 1786 по 1787 г. по инициативе ярославского губернатора А. П. Мельгунова. На рубеже 80—90-х гг. XVIII в. центром издания периодической печати в Сибири стал город Тобольск. Здесь издавались несколько журналов: «Иртыш, превращающийся в Ипокрену...» (1789—1791), «Журнал исторический, выбранный из разных книг» (1790), «Библиотека ученая» (1793—1794).

Отвечая на запросы местных жителей, провинциальные журналы печатали материалы по истории, географии, этнографии своих регионов. Такие журналы положили начало краеведческим периодическим изданиям.

Значительный вклад в развитие журналистики внес Карамзин, который считается одним из первых в России профессиональных журналистов. Он трудился во многих журналах, выходивших в 80-х гг. XVIII в. Опыт издательской работы и впечатления об иностранной прессе, с которой он познакомился во время путеше-

ствия по Западной Европе, были использованы им при издании «Московского журнала» (1791—1792).

Этот журнал предназначался читателям-дворянам, однако был доступен и разночинной читающей публике. Программа журнала свидетельствует о продуманности тематики и структуры издания. Карамзин сознательно отказался от теологических, мистических материалов и «слишком ученых, педантических, сухих» статей. «Московский журнал» должен был стать литературным изданием. Он был хорошо структурирован. Объемом и содержанием выделялся отдел «Русские сочинения в стихах и прозе». Материалы также располагались в отделах: «Разные небольшие иностранные сочинения в чистых переводах», «Критические рассмотрения русских книг», «Известия о театральнх пьесах». В «Московском журнале» впервые появился регулярный отдел критики, библиографии, смеси.

Опубликованные в журнале материалы в основном принадлежали перу Карамзина и выражали его взгляд на современный литературный процесс. Журнал способствовал утверждению нового литературного направления — сентиментализма.

«Московский журнал» Карамзина явился родоначальником «настоящего» журнала, который характеризуется следующими чертами: 1) определенным направлением; 2) строгим отбором произведений для печати с учетом общего направления издания; 3) разнообразием материала, его познавательным характером; 4) чувством современности; 5) наличием постоянных отделов и рубрик; 6) разработанным отделом критики; 7) чистым литературным языком; 8) умением говорить с читателем «увлекательно», «занимательно и живо»¹.

В целом можно сказать, что особенностями журнальной периодики XVIII в., прежде всего частной, были ее непродолжительное существование, нечеткая периодичность выхода в свет, в ряде случаев — зависимость от газет. Журналы этого времени в основном имели литературное содержание, в них разрабатывались жанры новых сменявших друг друга литературных направлений. В некоторых журналах проявилась тенденция к публицистичности, связанной с общественным обсуждением злободневных вопросов современности.

6.2.2. Периодическая печать первой половины XIX в.

Газеты. В начале XIX в. продолжали существовать только две столичные официальные газеты, появившиеся в XVIII в. Однако в первой половине XIX в. число газет резко возросло, и к середине

¹ Березина В. Г. Карамзин — журналист // Проблемы журналистики. — Л., 1973. — Вып. 1. — С. 99.

столетия уже насчитывалось около 100 наименований официальных и частных газет. География газетных изданий также изменилась, поскольку в этот период зародилась провинциальная газетная периодика. Новым в развитии газетного дела стало возникновение первых русских частных газет.

Увеличение числа наименований газет в первой половине XIX в. было связано с рядом моментов. Среди них — политика правительства в информационной сфере. Стремясь сохранить монополию на информацию и контроль за формированием общественного мнения, правительство расширило сеть официальных изданий. Еще одним фактором роста газетных изданий стали общественные потребности в специальной информации. В первой половине XIX в. эта потребность отчасти удовлетворялась ускоренным процессом специализации содержания газет и возникновением новых изданий.

До 30-х гг. XIX в. рост числа официальных газет был невелик. Их сеть расширялась только за счет новых столичных изданий. Общее количество периодических изданий резко возросло в связи с появлением в конце 30-х гг. XIX в. губернских ведомостей — официальных газет, которые стали выходить во многих губерниях под контролем губернаторов. В этих газетах печатались: 1) постановления и предписания; 2) казенные объявления; 3) известия; 4) частные объявления. Создание широкой сети официальных газет повлияло на то, что с 1838 г. до конца 40-х гг. XIX в. ни одна частная газета не была открыта.

Идея создания губернских ведомостей родилась под влиянием частных газет, которые возникали в столицах и в провинции. Известной частной газетой, издававшейся в Петербурге, была «Литературная газета» (1830—1831).

В провинции до 1838 г. частные газеты возникали преимущественно в крупных университетских и торговых городах. В 1811—1820 гг. появились «Казанские известия», «Харьковский еженедельник», в 1813—1816 гг. в Астрахани выходили «Восточные известия». Стремясь ограничить самостоятельность частных издателей, власти осуществляли контроль над содержанием газет с помощью ведомств и местных учреждений, которые обязывались утверждать программу частного издания. В частных газетах не разрешалось открывать раздел политических новостей, хотя именно этот аспект информации был привлекателен для провинциального читателя. Местные газеты были обязаны перепечатывать материал из официальных столичных изданий. Оригинальной была только неофициальная часть издания, где могли помещаться литературные и исторические произведения, описания путешествий, этнографический материал.

Газеты первой половины XIX в. по содержанию принято делить на литературные, общественно-политические и отраслевые. К ли-

тературным изданиям можно отнести следующие газеты: «Бабочка» (1829—1831), «Литературная газета», «Колокольчик» (1831), литературные прибавления к «Русскому инвалиду, или военным ведомостям»; к общественно-политическим изданиям — «Санкт-Петербургские ведомости», «Московские ведомости», «Русский инвалид, или военные ведомости» (с 1813), «Тифлиссские ведомости» (1828—1831), «Одесский вестник» (с 1829), «Северная пчела» (с 1825), «Кавказ» (с 1846), «Московский городской листок» (1847) и др. Большую группу отраслевых газетных изданий составляли специальные газеты, посвященные промышленности, торговле, земледелию, медицине, домоводству. Среди них: «Коммерческая газета» (издавалась с 1825), «Северный муравей» (1830—1833), «Купец» (1832—1835), «Друг здравия» (издавалась с 1833) и др. Узко-специальные издания играли большую роль в пропаганде отечественных и зарубежных достижений науки и техники. Они могли быть как частными, так и ведомственными.

В формировавшейся системе периодической печати особое место занимала единственная свободная русская газета — «Колокол» (1857—1867), издававшаяся А. И. Герценом и Н. П. Огаревым. Она выходила сначала в Лондоне, а потом в Женеве, в России же распространялась нелегально. Публиковавшиеся в этой газете статьи были направлены против самодержавия, крепостничества, в них осуждался антинародный характер крестьянской реформы 1861 г.

Если говорить о внешнем виде газет, то он заметно изменился, и к началу 40-х гг. XIX в. многие газетные издания приобрели свой специфический облик: они имели, как правило, листовой формат, также в них использовались разнообразные украшения-линейки, позволявшие графически объединять или разграничивать материал, текст стал делиться на колонки.

Журналы. Исторически принято выделять три разновидности русских журналов первой половины XIX в.: 1) литературно-общественные; 2) официально-ведомственные; 3) научные и специальные отраслевые. Эта систематизация учитывает содержание журналов.

В литературно-общественных журналах печатались литературно-художественные сочинения, научно-популярные и критические статьи, имелись обзоры новой литературы. В этих изданиях с наибольшей полнотой, возможной для подцензурной печати, отражалась идейная, и даже политическая борьба.

В ряду таких журналов находится частный журнал «Вестник Европы» (1802—1830), основателем и первым редактором которого был Карамзин. Это издание стало первым русским частным политическим журналом. Подобный тип литературно-художественного и научно-политического издания в дальнейшем будет именоваться «толстым» журналом.

Карамзин писал, что «Вестник Европы» должен быть извлечением из двенадцати лучших английских, французских и немецких журналов, что литература и политика составят его главные темы.

В издании предусматривались два отдела: «Литература и смесь», в котором печатались оригинальные и переводные художественные произведения, и «Политика» — о политических событиях. Однако впоследствии, при других редакторах, были созданы новые отделы: «Критика и театральные рецензии», «Наука и критика». На страницах «Вестника Европы» публиковались сочинения многих известных писателей и поэтов первой трети XIX в. — самого Карамзина, Г. Р. Державина, И. И. Дмитриева, В. А. Жуковского, В. Л. и А. С. Пушкиных, А. А. Дельвига и др., а также историков — М. Т. Качановского, К. Ф. Калайдовича и др.

В 30-х гг. XIX в. начался процесс идейно-политического размежевания изданий. В эти годы формируется оппозиционный лагерь, представители которого выступали на страницах журналов. Оппозиционными органами печати можно считать «Московский телеграф» (1825—1834), издававшийся публицистом и историком Н. А. Полевым, «Телескоп» (1831—1836), издателем которого был профессор Московского университета Н. И. Надеждин, «Современник» (1836—1866), основанный А. С. Пушкиным, «Отечественные записки» (1838—1848) А. А. Краевского.

После создания министерств стали выходить *официально-ведомственные журналы*. Первыми своими органами печати обзавелись Министерство просвещения и Министерство внутренних дел. Министерство просвещения издавало «Периодическое сочинение об успехах народного просвещения» (1803—1819), «Журнал Департамента народного просвещения» (1821—1844), «Журнал Министерства народного просвещения» (1834—1917). Особенно много официально ведомственных изданий такого рода появилось в 30—50-х гг. XIX в.

Содержание журналов различных ведомств (министерств и их департаментов, управлений, комитетов) освещало специфическую сферу деятельности издателей и их ведомственные интересы. Как и официальные газеты, эти издания имели два отдела: официальный и неофициальный.

В первом отделе помещались различные законодательно-распорядительные документы, предназначенные для опубликования: законы, предписания, министерские циркуляры, разъяснения, правила, регламенты и т. д. Во втором отделе публиковались статьи и материалы, обзоры печати, касавшиеся конкретной сферы деятельности, и т. д.

В первой половине XIX в. возросло число *специализированных изданий*, выпускавшихся по преимуществу государственными учреждениями или их структурными подразделениями. По сравне-

нию с официально-ведомственными журналами они имели более узкую специализацию и часто научную направленность. Это были издания с названиями «Журнал», «Записки» («Ученые записки»): «Военный журнал, издаваемый Военно-ученым комитетом» (1810—1859); «Инженерные записки, издаваемые по повелению инженерного начальства Инженерным отделением Военно-ученого комитета» (1826—1856); «Ученые записки императорского Московского университета» (издавались с 1833) и т.д.

Научные журналы издавались также частными лицами, среди которых было много университетских профессоров. Так, профессор Московского университета, философ и историк искусства И. Ф. Буле издавал «Журнал изящных искусств» (1807). В первой половине XIX в. стали выходить периодические издания Общества истории и древностей российских при Московском университете. Созданное в Петербурге в 40-х гг. XIX в. Русское археологическое общество регулярно выпускало свои «Записки».

Цензура и периодическая печать в первой половине XIX в. Роль цензуры в развитии русской периодической печати была значительна. Она влияла на отбор материала для публикации, способы передачи информации, способствовала выработке эзопова языка.

Появление цензуры связано с выходом в свет частных журналов и газет. Первый цензурный устав был издан в 1804 г. Однако требования к периодической печати были сформулированы только цензурным уставом 1826 г., разработанным министром народного просвещения А. С. Шишковым. Цензорам предписывалось «обращать особенное внимание на повременные и мелкие сочинения, кои быстрее других расходятся и в случае предосудительного содержания могут производить гораздо опаснейшие последствия»¹.

В 1828 г. был принят новый цензурный устав, действовавший до начала 60-х гг. XIX в. В нем о периодике особо не говорилось. Однако в 30—40-х гг. XIX в., когда заметно возросло число периодических изданий, увеличилось и количество дополнений и поправок к Уставу. Среди них были цензурные требования и к периодическим изданиям. Правительство боролось, например, с анонимностью газетных и журнальных материалов. Так, постановлением 28 декабря 1830 г. предписывалось следующее: «Все поступающие в редакцию повременных изданий статьи, как оригинальные, так и переводные... должны быть за подписью сочинителей и переводчиков, и притом не вымышленной, но подлинной их фамилии»².

¹ Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 г. — СПб., 1862. — С. 168.

² Там же. — С. 219.

В эти же десятилетия расширился круг ведомств, которые получали право рассматривать и рекомендовать к изданию относившиеся к сфере их интересов газетные и журнальные статьи. Таким образом начала складываться разветвленная отраслевая цензура, о которой известный цензор А. В. Никитенко 22 марта 1850 г. оставил в дневнике запись: «Итак, вот сколько у нас ныне цензур: общая при министерстве народного просвещения, главное управление цензуры, верховный негласный комитет, духовная цензура, военная, цензура при министерстве иностранных дел, театральная при министерстве императорского двора, газетная при почтовом департаменте, цензура при III отделении собственной его величества канцелярии и новая, педагогическая. Итого: десять цензурных ведомств. <...> Еще цензура по части сочинений юридических при II отделении собственной канцелярии и цензура иностранных книг, — всего двенадцать»¹.

Власть, привлекая эти ведомства к цензуре, стремилась использовать их в борьбе с распространением революционных идей. Революционные события 1848 г. в Европе привели к ужесточению российских цензурных постановлений. Для постоянного контроля над ведомственной цензурой и направлением периодических изданий был учрежден межведомственный комитет по делам печати. Его постановления предписывали цензорам искать в разных сочинениях «двойной» (тайный) смысл, не пропускать в печать критику действий и распоряжений правительства, обсуждения и порицания действующего законодательства, рассуждений, могущих «возбуждать неприязнь и завистливое чувство одних сословий против других»², и т. д.

6.3. Приемы изучения периодической печати

Изучение отдельного издания периодической печати складывается из решения разнообразных задач, которые в конечном счете помогают определить его место среди других газет или журналов своего времени.

Сначала необходимо *охарактеризовать изучаемое издание в целом*. Наиболее общие представления о нем формируются в ходе составления библиографического описания, которое включает сведения о заглавии издания и его изменениях, владельцы (издателях, редакторах), времени существования издания, периодичности выхода в свет и тираже, количестве выпущенных в свет

¹ Никитенко А. В. Дневник: в 3 т. — М., 1955. — Т. 1. — С. 335—336.

² Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год. — С. 249.

номеров, языке (языках) издания, наличии приложений. Библиографическое описание подразумевает также создание росписи содержания издания (по номерам), которая позволяет в целом охарактеризовать тематическую направленность издания, жанровую систему его материалов, структуру, установить круг авторов.

Работа по составлению библиографического описания сочетается со сбором фактов истории издания: выявлением причин, условий и конкретных обстоятельств появления издания и его прекращения, источников информации для публикаций, взаимоотношений издателей с цензурой и т.д.

Информация, необходимая для полного описания издания и изучения его истории, заключена, в первую очередь, в комплекте всех его номеров, а также в источниках других видов: законодательстве о печати, действовавшем в период, когда выходило издание; делопроизводстве редакции и государственных учреждений, причастных к выпуску изданий периодической печати; документах личного происхождения (мемуарах, дневниках, письмах издателей, редакторов, авторов, цензоров).

Общая характеристика конкретного издания может служить основой для определения его места в системе современных периодических изданий.

С изучением издания в целом тесным образом связан *анализ отдельных статей и произведений*, публикуемых на страницах газеты или журнала. Источниковедческий анализ может касаться атрибуции публикации, т.е. определения ее автора, поскольку в периодической печати XVIII — первой половины XIX в. было много анонимных материалов.

Вместе с тем при решении этой задачи возникают большие сложности. В отдельных случаях исследователи обращаются к анализу авторского стиля, определяемого в том числе и с помощью количественных методов. Для изучения истории какой-либо публикации (т.е. от начального авторского варианта до опубликованного текста) используется текстологический метод. Внутренний, подлинный смысл публикации раскрывается с помощью приемов герменевтики.

В источниковедческом плане одним из направлений в изучении изданий периодической печати является *анализ содержания газетных и журнальных текстов*, позволяющий раскрыть их специфику в отражении исторической действительности того или иного времени.

Периодическая печать изначально призвана не только информировать читателей о событиях, но и влиять на их оценку. На более поздних этапах общественного развития и в системе различных периодических изданий последняя задача становится особенно важной. Вместе с тем, говоря и об официальных изданиях XVIII в., главной функцией которых была информационная функ-

ция, можно обнаружить стремление издателя направить рассуждения читателя о тех или иных событиях в желаемое русло.

Сопоставление разнovidовых источников, содержащих параллельные сведения об одном и том же событии, позволяет выявить целенаправленную обработку материалов в редакции, например, «Санкт-Петербургских ведомостей» в XVIII в.

На страницах «Санкт-Петербургских ведомостей» в годы Семилетней войны публиковался «Журнал российской императорской армии», служивший хроникой военных событий. Он фиксировал передвижения русских и неприятельских войск, сведения о переходе прусских солдат на сторону России и т.д. Выдержка из «Журнала российской императорской армии», помещенного в прибавлении к «Санкт-Петербургским ведомостям» за 30 мая 1757 г., дает представление о характере этих сведений: «19 числа прибыли к местечку Мишкунтен, а 20 числа, сюда, в Шавле. Завтра прибудем мы в Радзивилки, а послезавтра в Шадов, а тамо на один день растаг (день отдыха во время похода. — Т. К.) будет. Между тем его превосходительство генерал и кавалер Василий Абрамович Лопухин 18 сего месяца также в Литву вступил и при Линкове лагерем стал. 19 числа при Клаване растаг имел, а 20 числа паки далее в поход отправился»¹.

«Журнал российской императорской армии» составлялся в «главной квартире» действующей армии и предназначался для внутреннего пользования. Решение о публикации записей этого делопроизводственного документа принималось в Петербурге. Придавая гласности события, о которых рассказывал документ, правительство рассматривало их не только как частные события войны, но как события общественной значимости.

О происходивших в армии событиях (сражениях, снабжении армии продовольствием и оружием и т.д.) главнокомандующие доносили императрице в форме реляций, которые, так же как и «Журнал российской императорской армии», представляют собой делопроизводственную документацию.

В годы Семилетней войны на страницах газеты публиковались некоторые из этих реляций. Их отбор осуществляла Конференция при Высочайшем дворе — высший правительственный орган, который принимал решения административно-политического характера. Конференция действовала с марта 1756 г. по январь 1762 г. Для публикации отбирались те реляции, в которых шла речь о наиболее крупных победах русской армии. Кроме того, реляции подвергались первичной обработке в Конференции и в редакции газеты.

В результате исходный материал мог значительно отличаться от опубликованного в газете. Характер переработки делопроизводствен-

¹ Санкт-Петербургские ведомости. — 1757. — № 43. — Прибавление.

ной документации для опубликования можно увидеть на примере реляции П. С. Салтыкова от 9 августа 1759 г., в которой сообщалось о победе русской армии при Франкфурте 1 августа 1759 г.

Салтыков направил две реляции о сражении под Франкфуртом: краткую — 2 августа и обстоятельную — 9 августа. Они были напечатаны на отдельных листках, а вторая, помимо этого, помещена в «Санкт-Петербургских ведомостях». Сравнение текста реляции Салтыкова от 9 августа с текстом, обнародованным в «Санкт-Петербургских ведомостях», свидетельствует о значительной переработке документа:

*Реляция Салтыкова
от 9 августа 1759 г.*

«...до 9 часов (вечера. — Т. К.) победа весьма сумнительна была»¹.

*Реляция Салтыкова от 9 августа 1759 г.
(газетный вариант)*

До 17 часов «можно было баталию почитать одержанною, ибо хотя неприятель и силился войско свое паки в порядок привести, однако ж всегда отступить принужден был, а наше войско всегда на него наступало»².

В приведенных фрагментах разное освещение получила оценка, данная событию самим Салтыковым: если Салтыкову даже в 9 часов вечера 1 августа 1759 г. приходилось сомневаться в успешном завершении битвы, то в тексте, опубликованном в газете, отмечалось, что уже четырьмя часами ранее победа была на стороне русской армии.

Отдельные места исходной реляции были опущены в газетном варианте, например, о потерях, понесенных русскими войсками при успешном наступлении армии Фридриха II, бывшем лишь эпизодом в сражении при Франкфурте.

При наступлении прусской армии «со всех его батарей (т. е. батарей Фридриха II. — Т. К.) жестокая пальба бомбами и ядрами из 200 пушек производилась, так что места почти не было, где бы пушки его (не) навредили, отчего многие у нас ящики с зарядами подорваны и у пушек лафеты повреждены»³, — доносила реляция из армии.

В реляции Салтыкова отсутствовали сведения об уроне русской армии, о ее трофеях. Между тем в печатной реляции сообщалось о числе убитых и раненых с прусской стороны и со стороны России. Вероятно, эти данные были почерпнуты из «Журнала российской императорской армии», присланного в Конференцию при Высочайшем дворе.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что русская официальная газетная периодика XVIII в., еще не имея своих специ-

¹ Семилетняя война. Материалы о действиях русской армии и флота в 1756 — 1762 гг. — М., 1948. — С. 488.

² Санкт-Петербургские ведомости. — 1759. — № 68. — Прибавление.

³ Семилетняя война... — С. 487.

фических источников информации, использовала делопроизводственные материалы и сознательно вносила в них изменения, которые должны были представить картину событий, соответствующую замыслу издателя. В то же время подобная переработка текста не была очевидной для читателя, для которого делопроизводственная документация русской армии была недоступной.

Источники

Вести-куранты. — Кн. 1: 1600—1639 гг. — М., 1971; Кн. 2: 1642—1644 гг. — М., 1976; Кн. 3: 1644—1646, 1648 гг. — М., 1980; Кн. 4: 1648—1650 гг. — М., 1983.

Первые русские ведомости, печатавшиеся в Москве в 1703 г. — СПб., 1855.

Литература и справочные издания

Боград В. Э. Журнал «Отечественные записки». 1839—1848: указатель содержания. — М., 1985.

Быкова Т. А. Первая печатная газета // Книга: Исследования и материалы. — М., 1960.

Газета «Санкт-Петербургские ведомости» XVIII в.: указатели к содержанию. — 1728—1731 гг. [...1732—1735 гг., 1736—1740 гг., 1741—1745 гг., 1746—1750 гг., 1751—1755 гг., 1756—1760 гг., 1774 г.]. — Л.; СПб., 1987—1992.

Дмитриев С. С. Русская периодическая печать // Очерки русской культуры XVIII в.: в 4 т. — М., 1987. — Т. 2.

Долгова Р. С. Неизвестные петровские «Ведомости» и их рукописные оригиналы (по материалам РГАДА) // Рукописная и печатная книга: сб. ст. — М., 1975.

Ермолин Е. А., Севастьянова А. А. Воспламененные к отечеству любовью (Ярославль 200 лет назад: культура и люди). — Ярославль, 1990.

Есин Б. И. Русская дореволюционная газета. 1702—1917: краткий очерк. — М., 1971.

Митюк Л. В. Общественно-политическое направление журнала «Вестник Европы» (1802—1830) // Писатель и литературный процесс. — Душанбе, 1978. — Вып. 1.

Морозова Т. Ю. Источниковедческие аспекты изучения русской газетной периодики XVIII в. (историография вопроса) // Проблемы истории СССР: сб. ст. — М., 1983. — Вып. 13.

Мохначева М. П. Историко-краеведческие материалы на страницах газетной периодики XVIII—середины XIX в. // Археографический ежегодник за 2004 г. — М., 2005.

«Письма к Фалалею». Кто есть кто?! (Николай Новиков или Денис Фонвизин) // *Милов Л. В., Бородин Л. И., Иванова Т. В.* и др. От Нестора до Фонвизина: новые методы определения авторства / под ред. Л. В. Милова. — М., 1994.

Русская периодическая печать (1702—1894): справочник. — М., 1959.

Сапунов Б. Б. Из истории международных культурных связей Руси в XVII в. («Вести-Куранты») // Культурное наследие Древней Руси. Истоки. Становление. Традиции. — М., 1976.

Сафонова Н. И. Первая русская газета «Ведомости» в собрании Отдела редких книг и рукописей // Из истории фондов научной библиотеки Московского университета. — М., 1978.

Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII в. — М., 1962—1966. — Т. 1—5.

Сводный каталог сериальных изданий России (1801—1825). — СПб., 1997—2000. — Т. 1—2.

Станько А. И. Русская периодическая печать XVIII в. — Ростов н/Д, 1979.

Станько А. И. Русские газеты первой половины XIX в. — Ростов н/Д, 1969.

Татаринова Л. Е. История русской литературы и журналистики XVIII века. — М., 1982.

Раздел II. Источники второй половины XIX — начала XXI в.

Глава 7

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АКТЫ

7.1. Общая характеристика

Законодательные акты — вид письменных исторических источников, которые фиксируют в юридических формулах нормы, обязательные в пределах юрисдикции государства. Отличительной чертой законодательных актов является их утверждение верховной властью.

На протяжении второй половины XIX — начала XXI в. Россия была: самодержавной монархией (по февраль 1917 г.); государством с юридически неопределенным «образом правления» (март — октябрь 1917 г.); республикой Советов (октябрь 1917 г. — 1922 г.), а затем Союзом Советских Социалистических Республик (1922 — 1991 гг.). В настоящее время Россия — парламентская республика.

По «Основным государственным законам» Российская империя представляла собой наследственную монархию. Император «есть монарх самодержавный и неограниченный. Повиноваться верховной власти его, не токмо за страх, но и за совесть, сам бог повелевает»¹. В 1906 г. были утверждены новые «Основные государственные законы», в которых характеристика сути верховной самодержавной власти не изменилась за исключением того, что определение «неограниченный» было снято².

В результате победы Февральской революции 1917 г. самодержавная монархия в России прекратила свое существование. Однако большинство законодательных актов Российской империи продолжало выполнять регламентирующую и регулирующую функции в государстве. Правопреемство новой власти обосновывалось, исходя из старых норм. 2 марта 1917 г. император Николай II отрекся от престола от своего имени и от имени своего сына цесаревича Алексея в пользу своего младшего брата великого князя Михаила Александровича. Однако последний отложил решение о принятии престола до тех пор, пока Учредительное собрание «ус-

¹ Свод законов Российской империи. — СПб., 1832. — Т. I. — Ст. 1.

² См.: Свод законов Российской империи. — СПб., 1906. — Т. I. — Ч. 1. — Ст. 4.

тановит образ правления и новые основные законы Государства Российского». До созыва Учредительного собрания легитимным органом власти признавалось Временное правительство. Указ Правительствующему Сенату о назначении князя Г. Е. Львова председателем Совета министров Николай II датировал двумя часами ранее, чем манифест об отречении от престола. В период с марта по октябрь 1917 г. Временное правительство было высшим органом Российского государства по вопросам законодательства. Оно заменило все прежние институты власти: императора, Государственную думу, Государственный совет, Совет министров. Сенат, Синод и Особые совещания были поставлены в подчиненное правительству положение. Постановления, принимавшиеся Временным правительством, имели значение законодательных актов, которые должны были сохранять силу до их утверждения или отмены Учредительным собранием. Они публиковались в официальном «Вестнике Временного правительства». Прекращение деятельности Временного правительства в октябре 1917 г. решило судьбу принятых им актов.

Новый «образ правления» определил Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, собравшийся в Петрограде в октябре 1917 г. В обращении «К рабочим, солдатам, крестьянам!», принятом съездом, говорилось: «Опираясь на волю громадного большинства рабочих, солдат и крестьян, опираясь на совершившееся в Петрограде победоносное восстание рабочих и гарнизона, съезд берет власть в свои руки... Съезд постановляет: вся власть на местах переходит к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»¹. Согласно Конституции РСФСР 1918 г. Россия объявлялась республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, вся полнота власти в которой «в центре и на местах принадлежит этим Советам» (ст. 1).

30 декабря 1922 г. на Первом съезде Советов Союза Советских Социалистических Республик был создан СССР, в состав которого, наряду с Украинской Социалистической Советской Республикой (УССР), Белорусской Социалистической Советской Республикой (БССР) и Закавказской Социалистической Федеративной Советской Республикой (ЗСФСР: Советская Социалистическая Республика Азербайджан, Советская Социалистическая Республика Грузия, Советская Социалистическая Республика Армения), на правах союзной республики вошла Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика (РСФСР). В 1956—1991 гг. в состав СССР входили пятнадцать союзных советских социалистических республик.

После развала СССР в 1991 г. в РСФСР (с 1992 г. — Российской Федерации), признанной правопреемницей СССР, государствен-

¹ Декреты Советской власти. — М., 1957. — Т. 1. — С. 8—9.

ные институты советской республики сохранялись по 1993 г. включительно. В Конституции Российской Федерации (РФ), принятой в декабре 1993 г., Советы как институт государственной власти не упоминаются. Согласно ст. 1 «Российская Федерация — Россия есть демократическое правовое государство с республиканской формой правления». Законодательную власть в РФ осуществляет парламент — Федеральное собрание (ст. 94).

В истории российского законодательства рассматриваемого периода выделяют три этапа:

- XIX в. — февраль 1917 г. — законодательство Российской империи;
- октябрь 1917 г. — начало 90-х гг. XX в. — законодательство РСФСР и СССР;
- начало 90-х гг. XX в. — по настоящее время — законодательство Российской Федерации.

7.1.1. Законодательство Российской империи

В императорской самодержавной России законом являлось все, что утверждалось верховной властью, т. е. императором. В связи с кодификацией российского законодательства во второй четверти XIX в. была предпринята попытка отграничить законодательные акты от прочих документов, получивших одобрение самодержца. Согласно букве ст. 54 «Свода основных государственных законов», «Новый закон постановляется не иначе как за собственноручным высочайшим подписанием»¹. Но подпись императора ставилась и под законодательным актом и под распорядительным документом, принятым в порядке верховного управления. Многообразие разновидностей законодательных актов и неразграниченность их содержания от содержания прочих распоряжений главы государства обуславливались сутью самодержавного строя.

Вплоть до 1906 г. в Российской империи законодательные акты издавались «в форме уложений, уставов, учреждений, грамот, положений, наказов (инструкций), манифестов, указов, мнений Государственного совета и докладов, удостоенных высочайшего утверждения»². Сверх того император объявлял «повеления в порядке управления» в форме рескриптов и приказов³.

Законодательные акты могли иметь как общий, так и частный (сепаратный) характер. При этом содержание общих и сепаратных законодательных актов, регламентирующих одни и те же нормы, могло быть прямо противоположным. Так, порядок возник-

¹ Свод законов Российской Империи. — СПб., 1832. — Т. I. — Ст. 54.

² Там же. — Ст. 53.

³ Там же.

новения и деятельности в Российской империи акционерных компаний вплоть до 1917 г. определялся законом от 6 декабря 1836 г. «О товариществах по участкам или компаниям на акциях» и уставами компаний, каждый из которых утверждался императором. Общим законом разрешался «один только вид акций, именно: с точным означением в них лица получателя, званием и чином, именем, отчеством и фамилией»¹. Со второй половины XIX в. в связи с увеличением количества учреждавшихся компаний и расширением масштаба их деятельности в уставах акционерных предприятий (сепаратных законодательных актах) указывалось право компаний иметь акции на предъявителя. На практике нормы сепаратных законов корректировали устаревшие положения не отмененных общих законов.

Неразграниченность в законодательстве самодержавной России законодательных актов и повелений, изданных в порядке управления, приводила к тому, что даже самые мелкие, повседневные распоряжения власти зачастую оформлялись в виде закона. В 1901 г. В. И. Ленин предпринял опыт статистического анализа законодательных актов за период с 29 декабря 1900 г. по 12 января 1901 г.² Всего за это время был принят 91 акт. Среди них: о возникновении, изменении условий и порядка деятельности торгово-промышленных акционерных компаний, финансово-кредитных учреждений и т. п.; об учреждении новых штатных полицейских должностей для охраны фабрично-заводских предприятий; об увеличении содержания повивальным бабкам, состоящим при частях войск Кавказского военного округа; об учреждении низшей школы скотников в имении его императорского высочества великого князя Петра Николаевича при селе Благодатном; об увеличении площади лесов, предназначенных для развития и улучшения императорской охоты и т. д. В целом законодательство самодержавной монархии стимулировало установление в стране норм буржуазного общества и создавало условия для развития капитализма.

В ходе революции 1905 — 1907 гг. в законотворческую практику российского самодержавия были внесены изменения. Их зафиксировал новый «Свод основных государственных законов». Эти изменения были связаны с участием в создании законодательных актов новых государственных институтов — Государственной думы и реформированного Государственного совета, который из законосовещательного учреждения превратился в законодательное. Согласно ст. 7 «Свода основных государственных законов» император впредь должен был осуществлять законодательную деятель-

¹ Свод законов Российской Империи. — СПб., 1857. — Т. X. — Ч. 1. — Ст. 2160.

² См.: Ленин В. И. Случайные заметки. III. Объективная статистика // Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 4.

ность «в единении с Государственным советом и Государственной думой»¹. Ст. 86 разъясняла это положение следующим образом: «Никакой новый закон не может последовать без одобрения Государственного совета и Государственной думы и воспринять силу без одобрения Государя Императора»². В связи с этим термин «закон», сохраняя прежнее значение синонима понятия «законодательный акт», стал употребляться и в более узком смысле — как разновидность законодательных актов, принятых в соответствии со ст. 86. Таких законодательных актов было немного. Почти все они относятся к периоду III и IV Государственных дум. Общегосударственное значение имел закон от 14 июня 1910 г. «Об изменении и дополнении некоторых постановлений о крестьянском землевладении», принятый в связи с проведением столыпинской аграрной реформы. Большинство законов было посвящено частным вопросам, как, например, закон «Об отпуске из государственного казначейства дополнительных средств на освещение дома военного министерства».

В отличие от «Свода основных государственных законов» 1832 г., в новом «Своде основных государственных законов» ничего не говорилось о других разновидностях законодательных актов. Однако ничего не было сказано и об их упразднении. Такое умолчание позволяло издавать манифесты и указы, инструкции и положения, равно как и другие традиционные для законодательства Российской империи разновидности актов. Ст. 11 определенно устанавливала, что в порядке верховного управления император может издавать указы «в соответствии с законом» и повеления, «необходимые для исполнения законов». На практике самодержавный характер власти ликвидировал нормативное различие между законом как формой законодательного акта, и указом или повелением самодержца, принятыми им «в порядке верховного управления».

7.1.2. Законодательство РСФСР и СССР

В октябре 1917 г. в результате победы революции Россия была провозглашена республикой Советов, образующих единую систему органов государственной власти трудящихся в центре и на местах. Высшую власть в государстве осуществлял Всероссийский съезд Советов, а в период между съездами — Всероссийский центральный исполнительный комитет (ВЦИК). Для управления страной было образовано рабоче-крестьянское правительство — Совет народных комиссаров (СНК).

¹ Свод законов Российской Империи. — СПб., 1906. — Ст. 7.

² Там же. — Ст. 86.

Решения съезда Советов, ВЦИК и СНК получали силу временных (до подтверждения Учредительным собранием) законодательных актов. Право СНК издавать законодательные акты было обосновано в резолюции ВЦИК от 4 ноября 1917 г., принятой в связи с запросом левых эсеров по поводу издания СНК ряда декретов без санкции ВЦИК. В резолюции говорилось:

«1. Советский парламент рабочих масс не может иметь ничего общего по своим методам с буржуазным парламентом, где представлены разные классы с противоположными интересами и где представители правящего класса превращают регламент и наказ в орудие законодательной обструкции.

2. Советский парламент не может отказать Совету народных комиссаров в праве издавать без предварительного обсуждения Центральным исполнительным комитетом неотложные декреты в рамках общей программы Всероссийского съезда Советов.

3. В руках Центрального исполнительного комитета сосредоточивается общий контроль над всей деятельностью Совета народных комиссаров и возможность сменять Правительство и отдельных его членов...»¹.

После роспуска в январе 1918 г. Учредительного собрания, отказавшегося признать законодательные акты, принятые Советской властью, по постановлению Третьего Всероссийского съезда Советов от 18 января 1918 г. из текстов советских законов были удалены ссылки на их временный («впредь до созыва Учредительного собрания») характер.

Первая советская Конституция (Конституция РСФСР 1918 г.) была принята Пятым Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 г. Вместе с утвержденной Третьим Всероссийским съездом Советов в январе 1918 г. Декларацией прав трудящегося и эксплуатируемого народа она составила единый основной закон Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (РСФСР). Конституция закрепила систему сложившихся к этому времени в РСФСР органов государственной власти и предоставила законодательную власть Всероссийскому съезду Советов, ВЦИК и СНК РСФСР, которые в пределах своей компетенции издавали законодательные акты в форме декретов, постановлений, распоряжений, инструкций и т.п. В литературе законодательные акты первых лет Советской власти получили собирательное наименование декретов (от лат. *decretum* — постановление, решение).

Конституция Союза Советских Социалистических Республик (СССР) была принята на Втором съезде Советов СССР 31 января 1924 г. Ее текст состоял из двух разделов: Декларации об образовании Союза Советских Социалистических

¹ Декреты Советской власти... — Т. 1. — С. 44.

Республик и Договора об образовании Союза Советских Социалистических Республик.

Верховным органом власти СССР являлся съезд Советов, а в период между съездами — Центральный исполнительный комитет (ЦИК) СССР, состоявший из двух равноправных палат — Союзного Совета и Совета национальностей. ЦИК СССР издавал законодательные акты в форме кодексов, декретов, постановлений и распоряжений.

Еще осенью 1918 г. ВЦИК принял Кодекс законов РСФСР об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве. Затем был создан Кодекс законов о труде — КЗоТ. В годы НЭПа в СССР были пересмотрены существовавшие ранее и вновь появившиеся кодексы, в частности: уголовный, земельный, гражданский, таможенный и другие. Эти кодексы послужили основой для разработки кодексов союзных республик.

В период между сессиями ЦИК СССР высшим законодательным, распорядительным и исполнительным органом был Президиум ЦИК. В пределах своей компетенции он принимал декреты, постановления и распоряжения. РСФСР как союзная республика имела свою Конституцию, утвержденную съездом Советов республики и издавала законодательные акты, утверждавшиеся ВЦИК и Президиумом ВЦИК. Согласно Конституции СССР все законодательные акты, принятые высшими органами власти союзного государства, «обязательны к непосредственному исполнению на всей территории Союза Советских Социалистических Республик» (ст. 19). Эта норма определяла верховенство союзного законодательства над республиканским. Поэтому законодательство РСФСР периода 1924 — 1990 гг. (до принятия Декларации о государственном суверенитете России), составляющее органическую часть законодательства СССР, специально не рассматривается.

Вторую Конституцию СССР утвердил 5 декабря 1936 г. Чрезвычайный Восьмой съезд Советов СССР. Принятию Конституции предшествовало ее всенародное обсуждение, длившееся более пяти месяцев. Текст Конституции отразил коренные социально-экономические перемены, произошедшие в стране за время после принятия Конституции СССР 1924 г. В Конституции 1936 г. проведено строгое разделение между законодательной и исполнительной функциями власти. В связи с этим право законодательной инициативы, разработки и обсуждения законопроектов, утверждения законов было закреплено только за высшим органом государственной власти в стране — Верховным Советом СССР, состоящим из двух равноправных палат: Совета Союза и Совета национальностей. Ст. 32 Конституции гласила: «Законодательная власть СССР осуществляется исключительно Верховным Советом СССР». Устанавливалась единая форма законодательного акта —

закон. Аналогичные изменения были внесены в Конституции союзных республик.

11 февраля 1957 г. Верховный Совет СССР принял закон о расширении прав союзных республик в области законодательства. Согласно этому закону за Верховным Советом СССР сохранялись утверждение обязательных для всей территории государства норм в форме общесоюзного закона и установление «Основ законодательства», на базе которых Верховные Советы союзных республик принимали соответствующие кодексы. Примерами общесоюзных законов, принятых после введения данной практики, можно назвать Закон СССР «О всеобщей воинской обязанности» (1967), Закон СССР «О народном контроле в СССР» (1979).

Также Верховный Совет СССР разработал и принял в форме «Основ законодательства СССР и союзных республик» общесоюзные законодательные акты: «О недрах» (1959), «О здравоохранении» (1969), «О труде» (1970) и др. Уже к концу 1973 г. действовало 12 общесоюзных «Основ законодательства», что позволило Верховным Советам союзных республик принять кодексы законов, регулирующие основные отрасли права. Практика создания «Основ законодательства» сохранялась и в последующие годы. Одним из законодательных актов, принятых Верховным Советом СССР в последний год его деятельности, были «Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о занятости населения», утвержденные 15 января 1991 г.

Третья Конституция СССР была утверждена 7 октября 1977 года Внеочередной седьмой сессией Верховного Совета СССР девятого созыва. Как и в 1936 г. ее принятию предшествовало всенародное обсуждение текста законопроекта. Конституция 1977 г. внесла ряд изменений в процедуру принятия законодательных актов СССР. В частности, ст. 108 допускала два варианта принятия законодательного акта. Констатируя, что «высшим органом государственной власти СССР является Верховный Совет СССР», она далее вносит новацию: «Законы СССР принимаются Верховным Советом СССР или всенародным голосованием (референдумом), проводимым по решению Верховного Совета СССР». В соответствии с этой нормой в СССР состоялся только один референдум — по вопросу о сохранении Союза ССР (17 марта 1991 г.).

В 1988 г. в Конституцию СССР были внесены изменения. Учреждался новый высший орган государственной власти — Съезд народных депутатов СССР. В период между съездами высшая власть в государстве осуществлялась Верховным Советом, состав которого избирался на съезде из числа народных депутатов. В отличие от съездов народных депутатов, работавших сессионно, Верховный Совет должен был осуществлять деятельность постоянно. Право принимать законодательные акты имели и Съезд, и Верховный

Совет. Аналогичные изменения были внесены в Конституции союзных республик.

Первый Съезд народных депутатов СССР состоялся в Москве в марте 1989 г. На нем был сформирован Верховный Совет и избран его председатель, которым стал генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев. В ходе дальнейшего реформирования политической системы СССР в марте 1990 г. М. С. Горбачев был избран Президентом СССР.

12 июня 1990 г. Первый Съезд народных депутатов РСФСР принял Декларацию о государственном суверенитете России. В ней законодательно закреплялся приоритет республиканских законов над союзными. Ровно через год — 12 июня 1991 г. — состоялись выборы Президента РСФСР. Им стал Б. Н. Ельцин. 8 декабря 1991 г. руководители России (Б. Н. Ельцин), Украины (Л. М. Кравчук) и Белоруссии (С. С. Шушкевич) заявили о прекращении действия союзного договора 1922 г. и об окончании деятельности государственных структур СССР. Президент СССР М. С. Горбачев сложил свои полномочия. С конца 1991 г. на международной политической арене появилось новое государство — Россия (с 1992 г. — Российская Федерация), признанное правопреемницей СССР.

7.1.3. Законодательство Российской Федерации

До декабря 1993 г. в РСФСР (с 1992 г. — Российской Федерации) действовала Конституция, утвержденная 12 апреля 1978 г. Конституция Российской Федерации, принятая 12 декабря 1993 г. всенародным голосованием, зафиксировала новые реалии, сложившиеся в Российском государстве после развала СССР. Прекращалось действие Конституции РСФСР 1978 г., утвержденной на основе Конституции СССР 1977 г. Поскольку Российская Федерация — Россия — признавалась правопреемницей СССР, в п. 2 Раздела Второго «Заключительные и переходные положения» Конституции Российской Федерации 1993 г. разъяснялось: «Законы и другие правовые акты, действовавшие на территории Российской Федерации до вступления в силу настоящей Конституции, применяются в части, не противоречащей Конституции Российской Федерации».

В государстве вводилась сложная система законодательных актов, включающая: Конституцию РФ, федеральные законы, законодательные акты «равноправных субъектов Российской Федерации». В отношении последних устанавливалось, что «республика (государство) имеет свою конституцию и законодательство. Край, область, город федерального значения, автономная область, автономный округ имеет свой устав и законодательство» (ст. 5, п. 1, 2).

Кроме того, в состав «правовой системы» РФ включались «обще-признанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации» (ст. 15, п. 4).

В Конституции РФ определена иерархическая соподчиненность этих актов. На первом месте в этой иерархии стоит *Конституция Российской Федерации*. Согласно ст. 15, п. 1, она «имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применение на всей территории Российской Федерации. Законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции Российской Федерации».

Второе место в иерархии нормативных актов современного Российского государства занимают *«общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации»*. В ст. 15, п. 4 разъясняется: «Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора». В Конституции есть прямые указания на случаи, когда применима эта норма. Эти ситуации касаются: прав и обязанностей иностранных граждан, лиц без гражданства и граждан Российской Федерации, имеющих гражданство иностранного государства (ст. 62); предоставления политического убежища, а также выдачи другим государствам лиц, преследуемых за политические убеждения, а также за действия (или бездействие), не признаваемые в Российской Федерации преступлением (ст. 63); суверенных прав и юрисдикции на континентальном шельфе и в исключительной экономической зоне Российской Федерации (ст. 67); прав коренных малочисленных народов (ст. 69).

Места с третьего по пятое в иерархии правовых актов Российской Федерации занимают соответственно: *федеральные конституционные законы; федеральные законы; законы субъектов федерации*. Ст. 76 Конституции РФ трактует их субординацию следующим образом:

«1. По предметам ведения Российской Федерации принимают-ся федеральные конституционные законы и федеральные законы, имеющие прямое действие на всей территории Российской Федерации.

2. По предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации издаются федеральные законы и принимаемые в соответствии с ними законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации.

3. Федеральные законы не могут противоречить федеральным конституционным законам.

4. Вне пределов ведения Российской Федерации, совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации республики, края, области, города федерального значения, автономные области и автономные округа осуществляют собствен-

ное правовое регулирование, включая принятие законов и иных нормативных правовых актов.

5. Законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации не могут противоречить федеральным законам, принятым в соответствии с частями первой и второй настоящей статьи. В случае противоречия между федеральным законом и иным актом, изданным в Российской Федерации, действует федеральный закон.

6. В случае противоречия между федеральным законом и нормативным правовым актом субъекта Российской Федерации, изданным в соответствии с частью четвертой настоящей статьи, действует нормативный правовой акт субъекта Российской Федерации».

Федеральные конституционные законы, согласно ст. 108, «принимаются по вопросам, предусмотренным Конституцией Российской Федерации». К числу таких вопросов относятся:

- установление обстоятельств и порядка введения чрезвычайного положения как на всей территории Российской Федерации, так и в ее отдельных местностях (ст. 56, 88);

- принятие в Российскую Федерацию и образование в ее составе нового субъекта Российской Федерации (ст. 65, п. 2; ст. 66, п. 5; ст. 137, п. 1);

- установление государственного флага, герба и гимна Российской Федерации, их описание и порядок официального использования (ст. 70, п. 1);

- порядок назначения и проведения референдумов (ст. 84, п. В);

- определение режима военного положения (ст. 87, п. 3);

- порядок деятельности Правительства Российской Федерации (ст. 114, п. 2);

- установление судебной системы Российской Федерации (ст. 118, п. 3);

- полномочия, порядок образования и деятельности Конституционного суда, Верховного суда, Высшего арбитражного суда и иных федеральных судов (ст. 128, п. 3);

- порядок деятельности Конституционного собрания для подтверждения либо для разработки и принятия новой Конституции Российской Федерации (ст. 135, п. 2).

Законодательную власть в Российской Федерации осуществляет Федеральное собрание — парламент (ст. 94). Федеральное собрание состоит из двух палат: Совета Федерации и Государственной думы (ст. 95). Государственная дума является нижней палатой, а Совет Федерации — верхней палатой парламента.

Таким образом, в России XIX—начала ХХI в. формы государственного устройства, государственные институты, осуществлявшие законодательную власть, и разновидности законодательных актов неоднократно менялись (см. табл. 3).

Формы государственного устройства, институты законодательной власти, разновидности законодательных актов Российской империи, РСФСР, СССР, РФ

Форма государственного устройства	Институты законодательной власти	Разновидности законодательных актов
Российская империя (по февраль 1917 г.): по апрель 1906 г. апрель 1906 г. — февраль 1917 г.	Император Император, Государственная дума, Государственный совет	Уложение, устав, грамота, учреждение, положение, наказ (инструкция), манифест, указ, мнение Государственного совета, доклад, удостоенный высочайшего утверждения Закон, а также явочным порядком ранее существовавшие разновидности законодательных актов
Государство с юридически неопределенным «образом правления» (февраль — октябрь 1917 г.)	Не было	Наряду с сохранившими силу законодательными актами Российской империи, значение временных законов имели постановления Временного правительства
РСФСР (октябрь 1917 г. — 1922 г.; 1990 — 1993 гг.); СССР (1922 — 1991 гг.): октябрь 1917 г. — 1923 г. 1924 — 1936 гг. 1936 — 1988 гг.	Съезд Советов, ВЦИК, СНК РСФСР Съезд Советов, ЦИК, Президиум ЦИК СССР Верховный Совет СССР	Конституция, декрет (собирательное наименование, включающее разновидности законодательных актов первых лет Советской власти: декреты, постановления, распоряжения, инструкции и др.), кодекс Конституция, декрет, постановление, распоряжение, кодекс Конституция, закон, кодекс, «Основы законодательства»

Форма государственного устройства	Институты законодательной власти	Разновидности законодательных актов
1988 — 1991 гг.	Съезд народных депутатов, Верховный Совет СССР	Конституция, закон, кодекс, «Основы законодательства»
1990 — 1991 гг.	Съезд народных депутатов, Верховный Совет РСФСР и Съезд народных депутатов, Верховный Совет СССР	Конституция, закон, кодекс, «Основы законодательства»
1992 — 1993 гг.	Съезд народных депутатов, Верховный Совет РФ	Конституция, закон, кодекс
Парламентская республика Российская Федерация (с 1993 г. по настоящее время)	Федеральное собрание (Государственная дума и Совет Федерации)	Конституция, федеральный конституционный закон, федеральный закон, кодекс. Конституция РФ 1993 г. включает в правовую систему государства «общепризнанные принципы и нормы международного права» и международные договоры Российской Федерации, которые имеют в этой системе более высокий ранг, чем федеральные законы

7.2. Эволюция законодательных актов

В XIX — начале XXI в. общий порядок создания законодательных актов определялся нормативами, закрепленными в «Сводах основных государственных законов» Российской империи и в Конституциях РСФСР, СССР, РФ. Цель создания законодательных актов — фиксирование общеобязательных в пределах юрисдикции государства правовых норм. Законотворческая деятельность государства отражает изменения в обществе, которым перестали соответствовать нормативы уже существующего законодательства. Сходство принципов создания и вступления в силу законодательных актов позволяет проследить происходившие в ходе этого про-

цесса изменения и выделить следующие его основные стадии: 1) законодательная инициатива — почин; 2) разработка и обсуждение (рассмотрение) законопроекта; 3) утверждение законопроекта; 4) обнародование (опубликование) законодательного акта.

7.2.1. Право законодательной инициативы

В Российской империи право законодательной инициативы, т.е. принятия решения о необходимости разработать новый законопроект до 1906 г. принадлежало исключительно императору¹. Процедура реализации этого права разъяснялась следующим образом: «Первообразное предначертание законов составляется или по особенному высочайшему усмотрению и непосредственному повелению, или же приемлет начало свое от общего течения дел, когда при рассмотрении оных в Правительствующем Сенате, в Святейшем Синоде и в Министерствах признано будет необходимым или пояснить и дополнить действующий закон, или составить новое постановление. В сем случае места сии подносят предположения их установленным порядком на высочайшее усмотрение»².

«Основные государственные законы», изданные в 1906 г., сохраняли за императором «почин по всем предметам законодательства». Особо подчеркивалось, что «единственно по его почину «Основные государственные законы» могут подлежать пересмотру в Государственном совете и в Государственной думе» (ст. 8). Последним разрешалось «возбуждать предположения об отмене или изменении действующих или издании новых законов, за исключением «Основных государственных законов», почин пересмотра которых принадлежит единственно Государю Императору»³. Таким образом, Государственная дума и Государственный совет также получали право законодательной инициативы, но в отличие от императора — право ограниченное.

Одновременно в «Основных государственных законах» предусмотрен ряд исключений из общего порядка принятия законодательных актов. Так, «во время прекращения заседаний Государственной думы, если чрезвычайные обстоятельства вызовут необходимость в такой мере, которая требует обсуждения в порядке законодательном, Совет министров представляет о ней Государю Императору непосредственно. Мера эта однако не может вносить изменений ни в основные государственные законы, ни учреждения Государственного совета или Государственной думы, ни в

¹ См.: Свод законов Российской империи. — СПб., 1832. — Т. I. — Ст. 47.

² Там же. — Ст. 49.

³ Там же. — СПб., 1906. — Ст. 107.

постановления о выборах в Совет или в Думу»¹. Законопроекты по вопросам компетенции военного и морского ведомств вообще не подлежали рассмотрению в Государственной думе и в Государственном совете, если они «не касаются предметов общих законов и не вызывают нового расхода из казны или же вызываемый ими новый расход покрывается ожидаемыми сбережениями по финансовой смете военного или морского министерства, по принадлежности»².

Практика издания законодательных актов на основании ст. 87 в форме высочайше утвержденных положений Совета министров и именных высочайших указов Сенату хорошо известна. В период между роспуском I Думы и началом работы II Думы (8 июля 1906 г. — 19 февраля 1907 г.) со ссылкой на ст. 87 «Основных государственных законов» было принято 60 актов. В их числе: 14 актов по вопросам осуществления карательной политики (в частности — введения военно-полевых судов с ускоренным судопроизводством); 18 актов — по вопросам правительственной политики реформ (среди них — указ от 9 ноября 1906 г., положивший начало проведению столыпинской аграрной реформы); 24 акта — по вопросам текущего управления (главным образом, в связи с истечением сроков договоров с торгово-промышленными и транспортными фирмами); 4 акта — по делам военного ведомства. В период второго междудумья (3 июня — 31 октября 1907 г.) было принято 18 актов. После 1908 г. в связи с кампанией в прессе и Думе против чрезвычайного указного законодательства самодержавие фактически отказалось от ссылок на ст. 87, проводя самые различные акты законодательного характера в порядке верховного управления.

Первые законодательные акты Советской власти формально не проходили стадии законодательной инициативы. В них в юридических формулах получили воплощение программные положения ставшей правящей партии большевиков, а также требования трудящихся масс, сформулированные в наказах, резолюциях, постановлениях съездов и собраний рабочих, крестьян и солдат. В частности, в текст декрета «О земле» вошел «Примерный наказ», составленный на основе 242 крестьянских наказов, привезенных на Первый Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов в мае 1917 г. и опубликованный 19 августа 1917 г. в «Известиях Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов».

По Конституции РСФСР 1918 г. правом законодательной инициативы обладали съезды Советов, ВЦИК, СНК и отдельные ведомства.

Конституция СССР 1924 г. закрепляла право законодательной инициативы за союзным съездом Советов, ЦИК и Пре-

¹ Свод законов Российской империи. — СПб., 1906. — Ст. 87.

² Там же. — Ст. 96.

зидиумом ЦИК СССР, Союзным Советом и Советом национальностей, СНК и отдельными народными комиссариатами Союза ССР, а также центральными исполнительными комитетами союзных республик.

Конституция СССР 1936 г. предоставляла право законодательной инициативы только палатам Верховного Совета — Совету Союза и Совету национальностей.

Конституция СССР 1977 г. вновь существенно расширила состав государственных институтов, имеющих право законодательной инициативы, а также предоставила это право общественным организациям и даже отдельным лицам. Это: Совет Союза, Совет национальностей и Президиум Верховного Совета СССР, Совет министров СССР, союзные республики в лице их высших органов государственной власти, комиссии Верховного Совета СССР и постоянные комиссии его палат, депутаты Верховного Совета СССР, Верховный суд СССР, Генеральный прокурор СССР и общественные организации в лице их общесоюзных органов. После создания Съезда народных депутатов, реформирования Верховного Совета и учреждения поста Президента СССР право законодательной инициативы было расширено.

Согласно Конституции 1993 г. в Российской Федерации право законодательной инициативы принадлежит Президенту, Совету Федерации, членам Совета Федерации, депутатам Государственной думы, Правительству, законодательным (представительным) органам субъектов Российской Федерации, Конституционному, Верховному и Высшему арбитражному судам.

7.2.2. Разработка и обсуждение законопроектов

В Российской империи разработка законопроектов осуществлялась учреждениями и лицами по выбору самодержца. В 1810 г. для централизации законодательной практики и унификации юридических норм был создан Государственный совет. По букве «Основных государственных законов» все законопроекты должны были рассматриваться в Государственном совете (ст. 50). Следствием реализации этого правила стало возникновение особой разновидности законодательных актов — высочайше утвержденных мнений Государственного совета. Необходимо иметь в виду, что император мог одобрить мнение как большинства, так и меньшинства членов Государственного совета.

Самодержавный характер власти в Российской империи допускал возможность нарушения норм, установленных «Основными государственными законами» самим самодержцем либо с его санкции. Согласно ст. 63 закон «должен быть свято и ненарушимо исполняем всеми и каждым, как подданными, так и иностранца-

ми, в России пребывающими»¹. Эта норма была сохранена в ст. 85 «Основных государственных законов» Российской империи и после 1906 г. Но так как император не был ни подданным, ни иностранцем, он, единственный в России, не был ограничен закрепленными в законодательных актах правилами.

С. Ю. Витте рассказал в воспоминаниях о том, каким образом ему, находясь на посту министра финансов, удалось добиться принятия закона о денежной реформе 1897 г. в обход Государственного совета. Встретив там противодействие, Витте убедил Николая II собрать для решения вопроса о реформе расширенное заседание финансового комитета под личным председательством императора. Члены этого комитета в силу служебного положения были заведомо лояльны по отношению к позиции министра. Император пригласил на заседание председателя Государственного совета великого князя Михаила Николаевича и нескольких членов Совета по его выбору. На этом заседании и решилась судьба денежной реформы, в ходе которой в России был осуществлен переход на золотую валюту. По справедливому утверждению Витте, ему удалось добиться одобрения законопроекта потому, что он «имел за себя только одну силу, но силу, которая сильнее всех остальных, это — доверие императора»².

В «Основных государственных законах» 1906 года предусматривалась более сложная, по сравнению с действовавшей ранее, процедура обсуждения законопроектов, требовавшая их рассмотрения и в Государственном совете, и в Государственной думе: «Законодательные предположения рассматриваются в Государственной думе и, по одобрении ею, поступают в Государственный совет. Законодательные предположения, предначертанные по почину Государственного совета, рассматриваются в Совете и, по одобрении им, поступают в Думу. Законопроекты, не принятые Государственным советом или Государственной думой, признаются отклоненными. Законопроекты, предначертанные по почину Государственного совета или Государственной думы и не удостоившиеся высочайшего утверждения, не могут быть внесены на законодательное рассмотрение в течение той же сессии. Законопроекты, поступившие в Государственную думу и одобренные как ею, так и Государственным советом, равно как законопроекты, предначертанные по почину Государственного совета и одобренные как им, так и Государственной думой, представляются Государю Императору председателем Государственного совета»³. Таким образом, предполагалась двухэтапная процедура обсуждения законопроектов, не предусматривавшая, однако, определенной по-

¹ Свод законов Российской империи. — СПб., 1832. — Ст. 63.

² *Bumme С. Ю.* Воспоминания. — М., 1960. — Т. 2. — С. 96.

³ Свод законов Российской империи. — СПб., 1906. — Ст. 110, 111, 113.

следовательности обсуждения. На каждом из этапов проект мог быть отклонен. Именно на стадии обсуждения законопроектов наиболее наглядно проявилось положение ст. 106 «Основных государственных законов» 1906 г. о том, что «Государственный совет и Государственная дума пользуются равными в делах законодательства правами».

Первые законодательные акты Советской власти не проходили стадии специальной разработки. Так, декрет «О земле» был написан В. И. Лениным 26 октября 1917 г. и вечером того же дня предложен им на заседании Второго Всероссийского съезда Советов. Однако уже проект Конституции РСФСР 1918 г. был разработан Конституционной комиссией, созданной ВЦИК. После обсуждения в этой комиссии он был рассмотрен и одобрен специально созданной комиссией ЦК РКП(б) под председательством Ленина и с учетом внесенных поправок представлен на рассмотрение и утверждение Пятого Всероссийского съезда Советов.

В 1918—1924 гг. разработка и обсуждение законопроектов осуществлялись, как правило, комиссиями тех государственных органов, которым Конституцией было предоставлено право издания законодательных актов. Законопроект, прежде чем поступить на обсуждение законодательного органа государственной власти, направлялся заинтересованным ведомствам и учреждениям для рассмотрения и получения конкретных замечаний, возражений и предложений. Только после доработки с учетом полученных замечаний, предложений и пожеланий законопроект подготавливался к заседанию соответствующего законодательного органа.

Конституция СССР 1924 г. установила принципы и процедуру рассмотрения общесоюзных законодательных актов. Все законопроекты, в которых определялись общие нормы политической и экономической жизни СССР, должны были рассматриваться в обеих палатах ЦИК СССР (Союзном Совете и Совете национальностей). Устанавливалось, что в случае разногласий между палатами «вопрос передается в создаваемую ими согласительную комиссию» (ст. 23). А «при недостижении соглашения в согласительной комиссии вопрос переносится на рассмотрение совместного заседания Союзного Совета и Совета национальностей, причем, в случае отсутствия большинства голосов Союзного Совета или Совета национальностей, вопрос может быть передан, по требованию одного из этих органов, на разрешение очередного или чрезвычайного съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик» (ст. 24). С незначительными изменениями такой порядок рассмотрения законопроектов просуществовал в СССР до 1991 г. включительно.

Принятие Конституции СССР 1936 г. обогатило практику разработки и утверждения законодательных актов. Наиболее

важные из них выносились на всенародное обсуждение. Разработка законопроекта Конституции осуществлялась Конституционной комиссией, созданной ЦИК по предложению Седьмого съезда Советов СССР. Председателем комиссии был избран И. В. Сталин. На первом заседании комиссии 7 июля 1935 г. было образовано 12 подкомиссий, в состав которых вошли партийные, государственные, профсоюзные и военные деятели, а также ученые и представители союзных республик. В течение февраля — марта 1936 г. подкомиссии подготовили проекты разделов будущей Конституции, на основе которых был создан «Черновой набросок проекта Конституции СССР». В процессе последующих обсуждений были выработаны ряд промежуточных и окончательный текст проекта Конституции СССР, одобренный Президиумом ЦИК СССР и вынесенный по его решению на всенародное обсуждение. 12 июня проект был опубликован в печати. Во всенародном обсуждении проекта Конституции СССР приняли участие 51,5 млн человек — более 60 % взрослого населения страны. 5 декабря 1936 г. Чрезвычайный Восьмой Всесоюзный съезд Советов утвердил новую Конституцию СССР. Впоследствии всенародно обсуждались проекты закона «О государственных пенсиях» (1956 г.), основ законодательства СССР и союзных республик о браке и семье, о здравоохранении, о народном образовании, основ земельного законодательства и проект Конституции СССР 1977 г.

В ст. 114 Конституции СССР 1977 г. закреплено положение о том, что «проекты законов и другие наиболее важные вопросы государственной жизни решением Верховного Совета СССР или Президиума Верховного Совета СССР, принятым по их инициативе или по предложению союзной республики, могут быть вынесены на всенародное обсуждение». Одновременно как общее правило устанавливалось: «Проекты законов и другие вопросы, внесенные на рассмотрение Верховного Совета СССР, обсуждаются палатами на их отдельных или совместных заседаниях. В случае необходимости проект закона либо соответствующий вопрос может быть передан для предварительного или дополнительного рассмотрения в одну или несколько комиссий».

В Российской Федерации, согласно Конституции 1993 г., для разных категорий законодательных актов предусмотрены различные процедуры рассмотрения.

Положения глав 1, 2, и 9 Конституции Российской Федерации могут быть пересмотрены только Конституционным собранием, которое в случае выдвижения такого предложения и при поддержке его тремя пятими голосов от общего числа членов Совета Федерации и депутатов Государственной думы, должно быть созвано в соответствии с федеральным конституционным законом. «Конституционное собрание либо подтверждает неизменность Конституции Российской Федерации, либо разрабатывает

проект новой Конституции Российской Федерации» (ст. 135). Поправки к главам 3—8 Конституции «принимаются в порядке, предусмотренном для принятия федерального конституционного закона» (ст. 136).

Законопроекты федеральных конституционных законов и федеральных законов вносятся в Государственную думу (ст. 104, п. 2), где рассматриваются в комиссиях, а затем с заключением одной или нескольких комиссий выносятся на обсуждение депутатов Государственной думы на пленарном заседании. В Конституции разъяснено, что законопроекты «о введении или отмене налогов, освобождении от их уплаты, о выпуске государственных займов, об изменении финансовых обязательств государства, другие законопроекты, предусматривающие расходы, покрываемые за счет федерального бюджета, могут быть внесены только при наличии заключения Правительства Российской Федерации» (ст. 104, п. 3).

Федеральные законы принимаются Государственной думой и в течение пяти дней после их одобрения большинством голосов депутатов Думы передаются на рассмотрение Совета Федерации. Обязательному рассмотрению в Совете Федерации подлежат принятые Государственной думой федеральные законы по вопросам: а) федерального бюджета; б) федеральных налогов и сборов; в) финансового, валютного, кредитного, таможенного регулирования, денежной эмиссии; г) ратификации и денонсации международных договоров Российской Федерации; д) статуса и защиты государственной границы Российской Федерации; е) войны и мира.

Федеральные конституционные законы обязательно рассматриваются и в Государственной думе, и в Совете Федерации (ст. 108).

7.2.3. Утверждение законопроектов

В Российской империи право утверждения законопроектов принадлежало единственно императору. Согласно ст. 50 и 51 «Свода Основных государственных законов» (изд. 1832 г.), все законопроекты «восходят на высочайшее усмотрение» и не могут «иметь своего совершения без утверждения самодержавной власти». Та же норма подтверждена в «Своде Основных государственных законов» (изд. 1906 г.): «Государь Император утверждает законы и без его утверждения никакой закон не может иметь своего совершения» (ст. 9).

В Советской России до вступления в силу Конституции СССР 1924 г. правом утверждать законопроекты обладали съезды Советов, ВЦИК (с 1919 г. и Президиум ВЦИК) и СНК РСФСР.

В 1924—1936 гг. это право имели съезды Советов, ЦИК и Президиум ЦИК СССР. Законопроекты, рассматриваемые ЦИК, согласно ст. 22 Конституции СССР 1924 г., «получают силу закона лишь при условии принятия их как Союзным Советом, так и Советом национальностей».

Конституция СССР 1936 г. закрепляла право утверждения законопроектов исключительно за Верховным Советом СССР и трактовала его однозначно: «Закон считается утвержденным, если он принят обеими палатами Верховного Совета СССР простым большинством голосов каждой палаты» (ст. 39). То же правило утверждается в ст. 114 Конституции СССР 1977 г. Кроме того, согласно ст. 108 этой Конституции, законы могли приниматься всенародным голосованием (референдумом), проводимым по решению Верховного Совета СССР. После учреждения института Съезда народных депутатов в Конституции было закреплено право Съезда принимать законодательные акты.

В Российской Федерации в связи с большим количеством разновидностей законодательных актов утверждение каждой из них требует соблюдения особых условий. Проект новой Конституции может быть утвержден двумя третями голосов от общего числа членов Конституционного собрания или в результате всенародного голосования (референдума). В случае проведения референдума его результат будет признан положительным, если в нем примет участие больше половины лиц, имеющих право голоса, и если большинство из них проголосует за этот проект (ст. 135 Конституции РФ 1993 г.). Таким образом, проект новой Конституции будет считаться принятым, если его одобрит четвертая часть граждан, имеющих право участвовать в голосовании, плюс один.

Федеральные конституционные законы должны быть одобрены большинством членов Совета Федерации (не менее трех четвертей голосов) и депутатов Государственной думы (не менее двух третей голосов) (ст. 108, п. 2).

Федеральные законы принимаются Государственной думой простым большинством голосов от общего числа ее депутатов. Принятый Государственной думой федеральный закон должен быть одобрен Советом Федерации. Федеральный закон считается одобренным Советом Федерации, если за него проголосовало более половины от общего числа членов этой палаты или если в течение четырнадцати дней он не был рассмотрен Советом Федерации. В случае отклонения федерального закона Советом Федерации палаты могут создать согласительную комиссию для преодоления возникших разногласий, после чего федеральный закон подлежит повторному рассмотрению Государственной думой. В случае несогласия Государственной думы с решением Совета Федерации федеральный закон считается принятым, если при повторном голосовании за него проголосовало не менее двух тре-

тей от общего числа депутатов Государственной думы (ст. 105, п. 4—5).

7.2.4. Обнародование (опубликование) законодательных актов

Законодательные акты вступают в силу после их обнародования. В Российской империи хранение и обнародование законодательных актов было возложено на Правительствующий Сенат. Обнародование законодательных актов производилось различными способами. Наиболее важные, издаваемые в форме манифестов, оглашались в церквях. Акты, имеющие общее значение, публиковались в периодической печати. В 30—60-х гг. XIX в. складывается система официальных изданий, в которых зафиксирована основная часть законодательных актов, утвержденных во второй половине XIX—начале XX в., и сохранявших значение действующих обязательных нормативов. Эту систему изданий образовали: «Полное Собрание законов Российской империи», «Собрание узаконений и распоряжений правительства» и «Свод законов Российской империи».

Работа над «*Полным Собранием законов Российской империи*» (ПСЗ) была начата в 1826 г. под руководством М. М. Сперанского. Издание выходило с 1830 до 1917 г. Акты, помещенные в ПСЗ, объединены в три Собрания (в литературе получило распространение обозначение их также как изданий).

Собрание первое включает 30600 законодательных актов, начиная с Соборного уложения 1649 г. и заканчивая актами, утвержденными 3 декабря 1825 г. Они опубликованы в 40 томах. В «Предисловии» (том I) дан обзор официальных и важнейших частных изданий законов Российской империи до 1830 г. В томах XLI—XLII помещены хронологический и алфавитно-предметный вспомогательные указатели. В тома XLIII—XLIV вошли штаты военно-сухопутного и военно-морского, духовного и гражданских ведомств, а также узаконения о мундирах. В томе XLV опубликованы тарифы по европейской и азиатской торговле. Кроме того, было издано несколько томов приложений — книга чертежей и рисунков, гербы городов и т. п.

Собрание второе (55 томов) охватывает период с 12 декабря 1825 г. по 28 февраля 1881 г. и включает 61 928 актов. В конце каждого тома помещены алфавитно-предметный и хронологический указатели.

Собрание третье (33 тома) осталось незаконченным. В нем опубликованы 40846 актов, изданных с 1 марта 1881 г. по 31 декабря 1913 г. В конце каждого тома помещены алфавитно-предметный и хронологический указатели. С 1885 г. для каждого акта

указан номер статьи «Собрания узаконений и распоряжений правительства», под которым он был обнародован.

Принцип расположения законодательных актов в ПСЗ хронологический — в соответствии с последовательностью их утверждения царем. Следует помнить, что *законодательные акты датируются по времени их утверждения верховной властью*. Полнота ПСЗ относительна: в него не включались акты, имевшие секретный характер, как, например, текст закона 19 мая 1871 г. об изъятии из ведения судебных следователей дознания по политическим делам и передаче этих функций офицерам корпуса жандармов. После 1885 г. в ПСЗ перестали печататься тексты уставов акционерных компаний: помещались только их заголовки и давалась отсылка на публикацию в «Собрании узаконений и распоряжений правительства». Поэтому обращение к этому изданию и материалам, сохранившимся в архивных фондах Сената, может существенно восполнить пробелы в составе актов, опубликованных в ПСЗ. В то же время необходимо подчеркнуть, что *ПСЗ является наиболее полной публикацией законодательных актов по истории России* за 264 года (с 1649 по 1913 г.). Это издание отражает не только внутреннюю, но и внешнюю политику государства, так как здесь помещены трактаты и конвенции России с другими государствами, в частности, мирные договоры, заключенные по окончании войн. Содержание ПСЗ универсально: в нем опубликованы акты, относящиеся к организации государственной власти (в том числе «Основные государственные законы» Российской империи), реформированию аграрного строя (Положения 19 февраля 1861 г., указ 9 ноября 1906 г., закон 14 июня 1910 г. и др.), фабричному законодательству второй половины XIX — начала XX в. и т. д.

Помимо ПСЗ, тома которого выходили с опозданием в среднем на два—три года (к 1917 г. хронологический разрыв между временем утверждения законодательного акта и его опубликованием в ПСЗ достиг четырех лет), с 1 января 1863 г. стало выходить «Собрание узаконений и распоряжений правительства» (СУиРП). Это издание не было периодическим: частота выхода его выпусков колебалась в диапазоне от двух раз в неделю до двух—трех раз в день. Это было обусловлено тем, что выпуски СУиРП формировались по мере поступления материалов в Сенат. В них включались законодательные акты, предназначенные для обнародования, а также распоряжения глав ведомств. В отличие от ПСЗ в СУиРП законодательные акты расположены не в хронологической последовательности их утверждения, а в порядке их поступления в Сенат. С 1902 г. это издание имело два отдела: в первом помещались узаконения и распоряжения, имевшие общий характер, а во втором — уставы торговых и промышленных компаний, артелей, благотворительных обществ и т. п. материалы. Дважды в год выпуски СУиРП брошюровались в отдельный том и снабжались хроно-

логическим и алфавитно-предметным указателями. Для периода 1914—1917 гг., за который отсутствуют тома ПСЗ, СУиРП является наиболее полным хронологическим изданием законодательных актов Российской империи.

Свод действовавшего в XIX—начале XX в. законодательства представлен в издании «Свод законов Российской империи» (СЗ). Источником для него служило ПСЗ, а затем и СУиРП. СЗ включает только действующие законы, помещенные не в хронологическом, а в тематическом порядке. В отличие от ПСЗ и СУиРП, в которых законодательные акты объединены в форме инкорпорации, т.е. опубликованы без изменения текстов, в СЗ законодательные акты кодифицированы. В процессе кодификации законодательные акты становятся внутренне согласованным целым, охватывающим определенную область общественно-правовых отношений. При этом ликвидируются пробелы в законодательстве, устраняются противоречия, заменяются устаревшие положения. Таким образом, создается по существу новый законодательный акт — свод, или кодекс (от лат. *codex* — книга), фиксирующий нормы действующего законодательства.

Впервые СЗ был издан в 1832 г. в 15 томах: Т. I. Основные законы и учреждения государственные; Т. II. Учреждения губернские; Т. III. Уставы о службе гражданской; Т. IV. Свод уставов о повинностях рекрутской и земской; Т. V. Уставы о податях, пошлинах, питейном сборе и акцизе; Т. VI. Свод уставов таможенных; Т. VII. Свод устава монетного. Свод устава горного. Свод устава о соли; Т. VIII. Свод устава лесного. Свод устава оброчных статей. Свод устава арендных и старостинских имений; Т. IX. Свод законов о состоянии людей в государстве. Т. X. Свод законов гражданских и межевых. — Ч. 1. Законы гражданские; Ч. 2. Законы межевые; Т. XI—XII. Свод уставов государственного благоустройства (Ч. 1—5); Т. XI. — Ч. 1. Учреждения и уставы кредитных установлений; Т. XI. — Ч. 2. Учреждения и уставы торговые; Т. XI. — Ч. 3. Постановления о фабричной, заводской и ремесленной промышленности; Т. XII. — Ч. 4. Учреждения и уставы путей сообщения, устав строительный и устав пожарный; Т. XII. — Ч. 5. Постановления о благоустройстве в городах и селениях; Т. XIII—XIV. Свод уставов благочиния (Ч. 1—5); Т. XIII. — Ч. 1. Устав о обеспечении народного продовольствия, учреждения и уставы о общественном призрении; Т. XIII. — Ч. 2. Учреждения и уставы врачебные по гражданской части; Т. XIV. — Ч. 3. Устав о паспортах и беглых; Т. XIV. — Ч. 4. Устав о предупреждении и пресечении преступлений; Т. XIV. — Ч. 5. Учреждения и уставы о содержании под стражей и о ссыльных; Т. XV. Свод законов уголовных. — Кн. 1. О преступлениях и наказаниях вообще; Кн. 2. О судопроизводстве по преступлениям.

Группировка законодательных норм в СЗ по тематическому принципу делает данное издание удобным для изучения россий-

ского законодательства по отдельным вопросам. Следует, однако, помнить, что в отличие от ПСЗ и СУиРП, в которых тексты законодательных актов опубликованы так, как они утверждены императором, в *СЗ нормы законодательства представлены в кодифицированной форме, т. е. содержат обобщенное изложение действующих положений по данному вопросу.*

Первоначально предполагалось полностью переиздавать СЗ через каждые 10 лет. Второе издание было выпущено в 1842 г., третье — уже только в 1857 г. С тех пор на протяжении XIX в. СЗ полностью не переиздавался. Попытки нового издания СЗ были предприняты в 1876 и 1892 гг., но оба издания остались незавершенными. В издание 1892 г. был добавлен новый — XVI том, включавший судебные уставы 1864 г. (впервые они были официально опубликованы в 1864 г., но в систему СЗ тогда не вошли). Во второй половине XIX — начале XX в. неоднократно переиздавались отдельные тома и части томов СЗ, в которые при этом вносились необходимые изменения. Так, утверждение новых «Основных государственных законов» обусловило необходимость переиздания в 1906 г. соответствующего тома СЗ. Кроме того, в связи с утверждением новых законов периодически издавались «Продолжения» к СЗ. Они были двух типов: очередные — охватывающие период в полгода или год, и сводные — за период в несколько лет. Многочисленные дополнения и фрагментарные переиздания СЗ затрудняли пользование этим изданием в целом. Поэтому в начале XX в. были опубликованы так называемые *неофициальные полные издания СЗ*, т. е. издания, осуществленные в частном порядке под наблюдением Сената. В них учтены изменения в действующем законодательстве в целом.

Кроме общего «Свода законов Российской империи» издавались и переиздавались ведомственные своды законодательных актов: «Свод военных постановлений», «Свод морских постановлений», «Свод удельных постановлений». В частном порядке выпускались сборники законодательных актов. Так, в 1906—1909 гг. в издательстве «Право» тремя изданиями под редакцией Н. И. Лазаревского вышел сборник «Законодательные акты переходного времени». В состав сборника были включены акты, которые, по мнению редактора, «имели отношение к преобразованию государственного строя России» и отразили переход от неограниченной монархии к конституционной¹. Во всех трех изданиях акты расположены в хронологической последовательности их утверждения царем. Но состав документов и форма их публикации не одинаковы. Наряду с включением в новые издания актов, ко-

¹ Законодательные акты переходного времени. — СПб., 1909. Предисловие. В первое издание (1906 г.) включены законодательные акты с 12 декабря 1904 г. по 1906 г., во второе издание — с 12 декабря 1904 г. по 1907 г., в третье издание — с 12 декабря 1904 г. по 1 сентября 1908 г.

торые были приняты уже после завершения предшествовавших сборников, часть ранее опубликованных в данном издании документов впоследствии была исключена. В первом издании все тексты законодательных актов приведены по их публикации в ПСЗ, в последующих изданиях значительная часть документов представлена в кодифицированном виде. Аналогичный характер имела публикация законодательных актов, вышедшая в 1908 г. в Петербурге с примечаниями и вступительной статьей Л. Слонимского. Показательно название сборника: «Конституция Российской империи. Высочайшие манифесты о народном представительстве. Основные законы. Положения о Государственной думе и Государственном совете. Законы о выборах, об усиленной и чрезвычайной охране, о личных и общественных правах граждан, о свободе печати, об общественных союзах и публичных собраниях».

При использовании текстов законодательных актов, опубликованных в неофициальных изданиях, необходимо обратить внимание на цели и принципы издания, источники публикации, полноту и точность воспроизведения текстов документов.

Первые законодательные акты Советской России были опубликованы в *«Газете Временного Рабочего и Крестьянского Правительства»*, выходившей в Петрограде с 28 октября 1917 г. по 28 февраля 1918 г. С декабря 1917 г. народным комиссариатом юстиции издавалось *«Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства»*, аналогичное дореволюционному СУИРП. Издание выходило по мере накопления материала, который публиковался в хронологическом порядке. Это наиболее полная публикация законодательных актов Советского государства. С марта 1918 г. официальным изданием, в котором публиковались законодательные акты, стала газета *«Известия»* (орган ВЦИК).

После образования СССР, с 1924 г., законодательные акты публиковались в *«Собрании законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства СССР»*. Согласно ст. 34 Конституции СССР 1924 г. официальная публикация общесоюзных законодательных актов осуществлялась на шести общеупотребительных в союзных республиках языках: русском, украинском, белорусском, грузинском, армянском и тюрко-татарском. Одновременно, в 1924—1938 гг., выходило *«Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР»*. Учитывая несовершенство публикаций первых законодательных актов Советского государства, в 1933 г. Институт Маркса-Энгельса-Ленина подготовил под руководством профессора С. Н. Валка сборник документов *«Декреты Октябрьской революции»*. Составители сборника произвели выверку текстов законодательных актов, отметили разночтения, обнаруженные в различных публикациях, включили в издание варианты законопроектов.

Таблица 4

**Общий порядок создания законодательных актов
в Российской империи, РСФСР, СССР, РФ**

Годы	Право законодательной инициативы	Последовательность рассмотрения законопроектов	Право утверждения законопроектов	Обнародование законодательных актов
1810—1906 гг.	Император	Государственный совет	Император	Сенат
1906—1917 гг.	Император (по всем вопросам); Государственный совет и Государственная дума (кроме пересмотра «Основных государственных законов»); Совет министров (в соответствии со ст. 87 «Основных государственных законов»)	Государственный совет, затем Государственная дума или Государственная дума, затем Государственный совет	Император	Сенат
1917—1923 гг.	Съезд Советов РСФСР, ВЦИК, Президиум ВЦИК, СНК РСФСР, отдельные ведомства	Съезд Советов РСФСР, ВЦИК, Президиум ВЦИК, СНК РСФСР	Съезд Советов РСФСР, ВЦИК, Президиум ВЦИК, СНК РСФСР	ВЦИК, СНК РСФСР, Народный комиссариат юстиции РСФСР
1924—1936 гг.	Съезд Советов СССР, ЦИК СССР (Президиум, Союзный Совет, Совет национальностей), СНК СССР, народные комиссариаты СССР, ЦИК союзных республик	Съезд Советов СССР, ЦИК СССР, Президиум ЦИК СССР	Съезд Советов СССР, ЦИК СССР, Президиум ЦИК СССР	ЦИК СССР, Народный комиссариат юстиции СССР

1936 — 1977 гг.	Верховный Совет СССР	Верховный Совет СССР	Верховный Совет СССР	Президиум Верховного Совета СССР
1977 — 1988 гг.	Верховный Совет СССР (Совет Союза, Совет национальностей, Президиум, комиссии Верховного Совета, постоянные комиссии Совета Союза и Совета национальностей, депутаты); Совет министров СССР, союзные республики в лице их высших органов государственной власти, Верховный суд СССР, Генеральный прокурор СССР, общественные организации в лице их общесоюзных органов	Верховный Совет СССР	Верховный Совет СССР	Президиум Верховного Совета СССР
1988 — 1991 гг.	Съезд народных депутатов СССР, Верховный Совет СССР (Председатель Верховного Совета СССР, Совет Союза, Совет национальностей, Президиум, комиссии Верховного Совета, постоянные комиссии Совета Союза и Совета национальностей), народные депутаты СССР, Совет министров СССР, союзные республики в лице их высших органов государственной власти, Верховный суд СССР, Генеральный прокурор СССР, общественные организации в лице их общесоюзных органов	Съезд народных депутатов СССР, Верховный Совет СССР	Съезд народных депутатов СССР, Верховный Совет СССР	Президиум Верховного Совета СССР

Окончание табл. 4

Годы	Право законодательной инициативы	Последовательность рассмотрения законопроектов	Право утверждения законопроектов	Обнародование законодательных актов
1990 — 1991 гг.	Съезд народных депутатов СССР, Президент СССР, Верховный Совет СССР (Председатель Верховного Совета СССР, Совет Союза, Совет национальностей, Президиум, комиссии Верховного Совета, постоянные комиссии Совета Союза и Совета национальностей), народные депутаты СССР, Совет министров СССР, союзные республики в лице их высших органов государственной власти, Верховный суд СССР, Генеральный прокурор СССР, общественные организации в лице их общесоюзных органов Съезд народных депутатов РСФСР, Верховный Совет РСФСР (Председатель, Президиум, Совет Республики, Совет национальностей, комитеты Верховного Совета, постоянные комиссии Совета Республики и Совета национальностей, народные депутаты РСФСР), Совет министров РСФСР, автономные республики в лице их высших органов государственной власти, края, области, автономные области и автономные округа в лице Совета народных депутатов,	Съезд народных депутатов СССР, Верховный Совет СССР Съезд народных депутатов РСФСР, Верховный Совет РСФСР	Съезд народных депутатов СССР, Верховный Совет СССР Съезд народных депутатов РСФСР, Верховный Совет РСФСР	Президиум Верховного Совета СССР Президиум Верховного Совета РСФСР

	Верховный суд РСФСР, Прокурор РСФСР, Главный государственный арбитр РСФСР, общественные организации в лице их республиканских органов, а в случае их отсутствия — общесоюзных органов			
1991 — 1993 гг.	Съезд народных депутатов РСФСР, Президент РСФСР (с 1992 — РФ), Верховный Совет РСФСР (Председатель, Президиум, Совет Республики, Совет национальностей, комитеты Верховного Совета, постоянные комиссии Совета Республики и Совета национальностей, народные депутаты РСФСР), Совет министров РСФСР, автономные республики в лице их высших органов государственной власти, края, области, автономные области и автономные округа в лице Совета народных депутатов, Верховный суд РСФСР, Прокурор РСФСР, Главный государственный арбитр РСФСР, общественные организации в лице их республиканских органов, а в случае их отсутствия — общесоюзных органов	Съезд народных депутатов РСФСР, Верховный Совет РСФСР	Съезд народных депутатов РСФСР, Верховный Совет РСФСР	Президиум Верховного Совета РСФСР
1993 г. — наст. время	Президент РФ, Совет Федерации, члены Совета Федерации, Государственная дума, Правительство РФ, законодательные (представительные) органы субъектов Федерации, Конституционный суд РФ, Верховный суд РФ, Высший арбитражный суд РФ	Государственная дума, затем Совет Федерации	Федеральное собрание	Президент РФ

После принятия Конституции СССР 1936 г. в порядок публикации законодательных актов были внесены изменения. Ст. 40 Конституции устанавливала, что «законы, принятые Верховным Советом СССР, публикуются на языках союзных республик за подписями председателя и секретаря Президиума Верховного Совета СССР». С 7 апреля 1938 г. вместо «Собрания законов» начали выходить «*Ведомости Верховного Совета СССР*», в 1938—1953 гг. в форме газеты, с 1954 г. — в форме журнала. Аналогичное издание с 1939 г. выпускал Верховный Совет РСФСР.

Были осуществлены также научные публикации некоторых разновидностей законодательных актов Советского государства. В 1957 г. Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и Институт истории АН СССР предприняли многотомное издание законодательных актов под общим названием «*Декреты Советской власти*». Институт права АН СССР издал ряд сборников документов по истории Конституции СССР и союзных республик, в частности сборник «*История Советской Конституции (в документах). 1917—1956*» (М., 1957).

Конституция СССР 1977 г. сохранила существовавший до ее принятия порядок публикации законодательных актов. В связи с принятием этой Конституции было осуществлено переиздание массовым тиражом текстов прежних советских конституций. Так, Издательством политической литературы был выпущен сборник «*Конституция общенародного государства*» (М., 1978). В него были включены тексты Конституции РСФСР 1918 г., Конституций СССР 1924, 1936 и 1977 гг., документы, характеризующие подготовку и принятие Конституции СССР 1977 г. Следует иметь в виду, что включаемые в подобные публикации тексты законодательных актов не всегда полностью соответствуют тем, которые были первоначально утверждены: нередко они содержат позднейшие изменения и дополнения. Поэтому для использования текста законодательного акта в научных целях необходимо обращаться к официальным публикациям.

С июня 1989 г. по октябрь 1991 г. вместо «Ведомостей Верховного Совета СССР» выходили «*Ведомости съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР*». В РСФСР с июня 1990 г. по январь 1992 г. вместо «Ведомостей Верховного Совета РСФСР» издавались «*Ведомости съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР*»; с февраля 1992 г. по сентябрь 1993 г. — «*Ведомости съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации*».

Согласно Конституции Российской Федерации 1993 г. Президент подписывает и обнародует федеральные законы РФ (ст. 84, п. Д). Принятый Федеральным собранием федеральный конституционный закон «в течение четырнадцати дней подлежит подписанию Президентом Российской Федерации и обна-

родованию» (ст. 108, п. 2). В течение пяти дней он направляется Президенту для подписания и обнародования. Президент в течение четырнадцати дней подписывает федеральный закон и обнародует его. Если Президент в течение четырнадцати дней с момента поступления федерального закона отклонит его, то Государственная дума и Совет Федерации в установленном Конституцией порядке вновь рассматривают данный закон. Если при повторном рассмотрении федеральный закон одобряется в ранее принятой редакции большинством — не менее двух третей голосов от общего числа членов Совета Федерации и депутатов Государственной думы, — он подлежит подписанию Президентом в течение семи дней и обнародованию (ст. 107).

Законодательные акты Российской Федерации официально публикуются в издающемся с января 1994 г. Администрацией Президента РФ издании *«Собрание законодательства Российской Федерации»*. Общий порядок создания законодательных актов в России XIX — начала XXI в. представлен в табл. 4.

7.3. Приемы изучения законодательных актов

Законодательные акты отражают совокупный общественный интерес, представляющий собой результат взаимодействия многих, часто разнонаправленных интересов. Эти — общий и частные — общественные и личные интересы проявляются в процессе создания законодательных актов и в скрытой форме кристаллизуются в их окончательных текстах.

Выявление целей создателей законодательных актов возможно при последовательном исследовании истории возникновения этих документов на стадиях: законодательной инициативы, разработки и обсуждения, утверждения законопроекта, обнародования законодательного акта.

Общая направленность законодательного акта раскрывается, прежде всего, в результате литературно-юридического анализа включенных в его текст юридических норм и формул, лексических и грамматических форм.

Рассмотрим общие приемы изучения законодательных актов на примере манифеста 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка». Ниже приводится полный текст этого документа:

«Смуты и волнения в столицах и во многих местностях империи нашей великой и тяжкой скорбью преисполняют сердце наше. Благо Российского Государя неразрывно с благом народным, и печаль народная его печаль. От волнений, ныне возникших, может явиться великое нестроение народное и угроза целости и единству державы нашей.

Великий обет царского служения повелевает нам всеми силами разума и власти нашей стремиться к скорейшему прекращению столь опас-

ной для государства смуты. Повелев подлежащим властям принять меры к устранению прямых проявлений беспорядка, бесчинств и насилий, в охрану людей мирных, стремящихся к спокойному выполнению лежащего на каждом долга, мы, для успешнейшего выполнения общих предназначенных нами к умиротворению государственной жизни мер, признали необходимым объединить деятельность высшего Правительства.

На обязанность Правительства возлагаем мы выполнение непрелюбимой нашей воли:

1) Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний, союзов.

2) Не останавливая предназначенных выборов в Государственную думу, привлечь теперь же к участию в Думе, в мере возможности, соответствующей краткости остающегося до созыва Думы срока, те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав, предоставив за сим дальнейшее развитие начала общего избирательного права вновь установленному законодательному порядку, и

3) Установить, как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от нас властей.

Призываем всех верных сынов России вспомнить долг свой перед Родиною, помочь прекращению сей неслыханной смуты и вместе с нами напрячь все силы к восстановлению тишины и мира на родной земле.

Дан в Петергофе, в 17-й день октября, в лето от Рождества Христова тысяча девятьсот пятое, царствования же нашего одиннадцатое.

На подлинном собственною его императорского величества рукою подписано:

«Николай»¹.

Эффективным приемом изучения законодательных актов является последовательное рассмотрение основных стадий его подготовки.

Чтобы понять причины разработки и принятия манифеста 17 октября 1905 г. и мотивы, которыми руководствовались его авторы, проследим процесс создания законодательного акта. Для этого обратимся к дневниковым записям императора Николая II², воспоминаниям графа Витте³ и документальным материалам по истории создания манифеста, опубликованным в журнале «Красный архив»⁴.

Император Николай II был человеком чрезвычайно педантичным, внимательным к деталям. В его дневниковых записях, кото-

¹ Полное собрание законов Российской Империи. — СПб., 1905. — Т. 25. — Отд. 1. — № 26803. — С. 754—755.

² См.: Дневники императора Николая II. — М., 1991. — С. 284—285.

³ См.: Витте С. Ю. Воспоминания. — М., 1960. — Т. 3. — С. 3—56.

⁴ См.: Манифест 17 октября // Красный архив. — 1925. — Т. 4—5 (11—12). — С. 39—106.

рые он вел изо дня в день на протяжении многих лет, не выявлено каких-либо фактических неточностей. Его лаконичные свидетельства о конкретных событиях безусловно достоверны.

Витте работал над воспоминаниями, находясь в отставке. Опытнейший чиновник создал автопортрет мудрого политика, верного слуги престола, ставшего жертвой происков неумных, но ловких завистников-царедворцев. Историки неоднократно указывали на многочисленные фактические неточности, допущенные Витте-мемуаристом, на его склонность выдавать желаемое за действительное. Не является исключением и рассказ Витте о манифесте 17 октября 1905 г. Так, Витте воспроизвел в тексте воспоминаний хранившиеся в его личном архиве свидетельства участников и очевидцев создания манифеста 17 октября 1905 г. Среди них «Записка князя Н. Д. Оболенского». В журнале «Красный архив» этот же документ опубликован по тексту, хранившемуся в архиве Витте и с его правкой. Документ озаглавлен «Дневник князя А. Д. Оболенского» с указанием, что «заголовок сделан рукою Витте, причем сперва им было написано «Записка» вместо слова «Дневник». В итоге не ясно, кому из братьев князей Оболенских — Николаю или Алексею — принадлежит авторство. Таким образом, свидетельства Витте нуждаются в проверке.

До известной степени скорректировать воспоминания Витте об истории создания манифеста 17 октября 1905 г. позволяют документы, опубликованные в журнале «Красный архив»: всеподданнейшая записка Витте от 9 октября 1905 г.; проект манифеста, составленный по просьбе Витте князем А. Д. Оболенским и замечания к этому проекту; окончательный текст проекта манифеста, представленный Витте Николаю II; проекты манифеста, составленные членами Государственного совета И. Л. Горемыкиным и А. А. Будбергом. Эти документы, о которых Витте упоминает в воспоминаниях, а также документы, которые он включил в состав своих воспоминаний, воспроизведены публикатором И. Татаровым по текстам, выявленным в государственных архивах СССР.

Первая стадия процесса создания законодательного акта — стадия законодательной инициативы. 9 октября 1905 г. Николай II принял председателя Комитета министров графа Витте по просьбе последнего для доклада о тех мерах, которые, по его мнению, целесообразно предпринять для борьбы с нарастающим в стране революционным движением. Витте представил императору всеподданнейшую записку, в которой предлагал «или стать во главе охватившего страну движения, или отдать ее на растерзание стихийных сил»¹. Одним из возможных выходов из сложившегося положения, о котором Витте доложил устно, было «облечь соответствующее лицо (диктатора) полновластием,

¹ Красный архив. — 1925. — Т. 4—5 (11—12). — С. 61.

дабы с непоколебимой энергией путем силы подавить смуту во всех ее проявлениях»¹. Император выслушал доклад Витте, но своего мнения не высказал.

Следует отметить, что, по словам Витте, он был принят Николаем II дважды: 9 октября наедине и 10 октября в присутствии императрицы. Император же в дневнике отметил, что принимал Витте вместе с императрицей 9 октября. За 10 октября такой записи в его дневнике нет. На этом основании можно сделать вывод: была одна аудиенция 9 октября.

Зачем Витте потребовался рассказ о двух аудиенциях? Слухи, будто он вырвал у Николая II манифест 17 октября 1905 г., вынуждали графа оправдываться. Версия о двух докладах, на первом из которых он представил «наскоро составленную всеподданнейшую записку», а на втором — записку с изменениями, учитывающими указания императора, должна была показать, что Николай II действовал в данном случае по доброй воле.

Еще до доклада императору по указанию Витте в аппарате Комитета министров была начата работа по подготовке всеподданнейшего доклада, в котором кратко излагались положения записки, представленной 9 октября императору. Предполагалось, что в случае утверждения доклада текст его можно будет опубликовать. После приема Николаем II председателя Комитета министров эта работа была продолжена.

Между тем революция нарастала. 12 октября забастовала Балтийская железная дорога, и железнодорожное сообщение между столицей и резиденцией императора в Петергофе было прервано. Связь поддерживали пароходы. Николай II записал в дневнике: «Для сообщения с Петербургом два раза в день начали ходить “Дозорный” и “Разведчик”». Милые времена!! Вследствие запоздалого приема сели завтракать в 2 часа». В этот день Витте по поручению императора собрал в Петербурге под своим председательством совещание министров с участием генерал-губернатора Д. Ф. Трепова. Участники совещания пришли к заключению, что наиболее действенной мерой борьбы с революционным движением в стране вообще и с забастовкой на железных дорогах в частности должно стать образование однородного правительства с определенной программой.

13 октября Витте получил по телеграфу повеление императора объединить деятельность министров и повсеместно восстановить порядок. Хотя в телеграмме говорилось только об объединении деятельности министров, 14 октября Витте представил Николаю II подготовленный в канцелярии Комитета министров всеподданнейший доклад, содержащий программу будущих мероприятий. Император беседовал с Витте до и после завтрака, но решение в

¹ *Bumte C. Ю.* Воспоминания... — Т. 3. — С. 11.

этот день не принял и доклад не утвердил. Вечером Витте получил по телефону приглашение прибыть на следующий день в Петергоф для участия в Особом совещании под председательством Николая II. Император приказал ему подготовить и привезти с собой проект манифеста о предполагаемых преобразованиях.

Витте утверждает, что царя «уговорили издать манифест... дали идею государю, что я хочу быть президентом Всероссийской республики и потому я хочу, чтобы меры, *долженствующие успокоить* (выделено *авт.*) Россию, исходили от меня, а не от его величества. Вот для того, чтобы расстроить мои планы о президентстве, уговорили государя, что он непременно должен издать манифест. Нужно воспользоваться мыслями графа Витте, а затем можно с ним и прикончить. Сначала решили ограничиться телеграммой, данной мне 13-го числа, а когда я настаивал, чтобы были приняты более решительные меры и в случае принятия моей программы просил ее утверждения, тогда уже решили, что в таком случае необходим манифест, дабы я не сделался президентом республики»¹. Витте в записке от 9 октября предлагал перехватить инициативу у революции, император, санкционировав разработку манифеста, перехватывал инициативу борьбы с революцией у Витте.

Следующая стадия создания манифеста — стадия его разработки и обсуждения. Первый вариант проекта манифеста был подготовлен по просьбе Витте товарищем министра финансов князем А. Д. Оболенским, находившимся у него в тот момент, когда было получено поручение императора. К утру 15 октября законопроект был составлен. Его рабочее обсуждение произошло на пароходе, на котором Витте, Оболенский, исполняющий должность управляющего делами Комитета министров Н. И. Вуич и министр императорского двора барон В. Б. Фредерикс направлялись из Петербурга в Петергоф.

Пока во дворце проходило заседание Особого совещания под председательством Николая II и при участии великого князя Николая Николаевича, Фредерикса, Витте и члена Государственного совета генерал-адъютанта О. Б. Рихтера, Оболенский и Вуич редактировали текст проекта манифеста с учетом его обсуждения на пароходе. В этот же день проект был представлен императору. Николай II обсуждал его на двух совещаниях: сначала — с великим князем Николаем Николаевичем, Фредериксом, Витте и Рихтером, затем — с членами Государственного совета Горемыкиным и Будбергом. Последние высказались против представленного Витте варианта манифеста. Николай II поручил дальнейшую работу над законопроектом Горемыкину и Будбергу. В течение следующего дня, 16 октября, они подготовили четыре проекта манифеста: три предварительных и один окончательный. В редакци-

¹ *Bumte C. Ю.* Воспоминания... — Т. 3. — С. 35—36.

ровании текста принял участие сам император, который остался доволен проделанной работой. Итоговый вариант проекта манифеста был написан на машинке на отпечатанном литографическим способом бланке. Вот его текст:

«Божиею милостию, мы, Николай Второй, император и самодержец всероссийский, царь польский, великий князь финляндский, и пр., и пр., и пр.

Объявляем всем верным нашим подданным:

Благо России и избрание правильных путей к достижению и обеспечению устройства государства и счастья подданных всегда составляли первейшую заботу царственных помыслов наших. Признав своевременным установить в законе порядок участия выборных от населения в законодательных трудах, мы утвердили учреждение Государственной думы, сохранив за собою почин в дальнейшем усовершенствовании этого закона сообразно потребностям времени и благу государства.

Широкая возможность, предоставленная нами всей мыслящей России, обсудить без стеснений силу и значение этого закона открыла перед нами многосторонние пожелания наших подданных. Многие из этих пожеланий навеяны врагами всякого порядка; другие несомненно проникнуты стремлением ко благу родины и заслуживают особого нашего внимания.

В твердом решении исполнять и впредь царственный долг наш подавлением смуты, препятствующей нам в трудах, направленных к благоденствию народа, мы вместе с тем, глубоко и молитвенно вникнув в современное положение России и веря в благосмыслие верных наших подданных, повелеваем в незыблемую основу подлежащих внесению в Государственную думу законодательных предположений принять даруемые нами ныне населению государства нашего права народного представительства, имеющие быть выработанными на основании закона, в порядке, учреждением Государственной думы установленном.

Даруя ныне же всему населению державы нашей гражданские права, основанные на неприкосновенности личности, свободе совести и слова, а также право собраний и союзов по определению закона, мы вместе с тем повелеваем принять меры к тому, чтобы части населения, по положению о выборах вовсе устранившиеся от участия в оных, имели своих представителей в Государственной думе, сохранив за крестьянским сословием предоставленные ему положением о выборах преимущества.

Да примет Россия, осеняясь крестным знамением, сей дар в залог беспредельной любви нашей, и да укрепится им исконная и неразрывная связь русского царя с богом вверенным ему народом.

Дан в Петергофе, в... день октября, в лето от Рождества Христова тысяча девятьсот пятое, царствования же нашего в одиннадцатое»¹.

Императору оставалось только вписать дату и поставить подпись. Фредерикс по телефону сообщил Витте, что в представленный им проект при доработке внесено несколько редакционных

¹ Красный архив. — 1925. — Т. 4—5 (11—12). — С. 92—96.

изменений, и просил, чтобы выиграть время, не настаивать на ознакомлении с окончательным текстом. Витте все-таки добился, чтобы ему показали проект манифеста, подготовленный для Николая II. Ознакомившись с текстом, он высказался категорически против новой редакции.

Витте мотивировал свою позицию тем, что в отличие от его проекта, где содержалось лишь повеление правительству выполнить непреклонную волю императора — даровать подданным гражданские свободы, в проекте Горемыкина — Будберга прямо провозглашалось дарование всех свобод со дня опубликования манифеста. В результате, желая дать меньше, давали больше, и этим заранее стесняли свободу действий правительства. Вместе с тем в проекте Горемыкина — Будберга были обойдены молчанием меры, объявление о которых, по убеждению Витте, было необходимо в сложившейся ситуации для успокоения общественного мнения, в частности, предоставление Государственной думе права законодательной инициативы. Витте просил Фредерикса доложить Николаю II, что возглавить правительство может только тот сановник, чья программа будет одобрена императором.

Окончательный выбор проекта манифеста Николай II сделал 17 октября после доклада Фредерикса о позиции Витте и беседы с великим князем Николаем Николаевичем, убедившим императора, что недостаток войск не позволяет прибегнуть к военной диктатуре. По указанию императора текст манифеста в редакции Витте был переписан в канцелярии министерства двора и представлен ему на подпись.

Причины, побудившие принять это решение, Николай II изложил в письме матери — вдовствующей императрице Марии Федоровне, написанном 19 октября 1905 г.:

«...Представлялось избрать один из двух путей: назначить энергичного военного человека и всеми силами постараться раздавить крамолу; затем была бы передышка и снова пришлось бы через несколько месяцев действовать силою. Но это стоило бы потоков крови и в конце концов привело бы неминуемо к теперешнему положению, т.е. авторитет власти был бы показан, но результат оставался бы тот же самый и реформы не могли бы осуществляться.

Другой путь — предоставление гражданских прав населению: свободы слова, собраний и союзов и неприкосновенности личности; кроме того, обязательство проводить всякий законопроект через Государственную думу — это, в сущности, и есть конституция. Витте горячо отстаивал этот путь, говоря, что хотя он и рискованный, тем не менее единственный в настоящий момент. Почти все, к кому я ни обращался с вопросом, отвечали мне так же, как Витте, что другого выхода, кроме этого, нет. Он прямо объявил, что если я хочу *его* (выделено авт.) назначить председателем Совета министров, то надо согласиться с его программой и не мешать ему действовать.

Манифест был составлен им и Алексеем Оболенским. Мы обсуждали его два дня, и, наконец, помолившись я его подписал. Милая моя Мама, сколько я перемучился до этого, ты себе представить не можешь! Я не мог телеграммой объяснить тебе все обстоятельства, приведшие меня к этому страшному решению, которое тем не менее я принял совершенно сознательно. Со всей России только об этом и кричали, и писали, и просили. Вокруг меня от многих, очень многих я слышал то же самое, ни на кого я не мог опереться, кроме честного Трепова. Исхода другого не оставалось, как перекреститься и дать то, что все просят»¹.

Теперь рассмотрим, как проходило утверждение манифеста и его обнародование. Манифест был подписан Николаем II в Петергофе 17 октября 1905 г. в присутствии великого князя Николая Николаевича, Фредерикса и Витте. Одновременно император утвердил представленный Витте всеподданнейший доклад, в котором излагались основные положения программы деятельности правительства. В тот же день манифест и утвержденный императором всеподданнейший доклад председателя Комитета министров Витте были официально опубликованы.

Эти два законодательных акта содержали положения, не во всем между собою согласованные. Так, если в манифесте речь шла об одном законодательном учреждении — избираемой подданными императора Государственной думе, то в докладе говорилось о придании законодательной функции, наряду с Государственной думой, реформируемому Государственному совету. Для устранения этого противоречия был издан манифест 20 февраля 1906 г. «Об изменении учреждения Государственного совета и о пересмотре учреждения Государственной думы». Новые нормы законодательства были кодифицированы в «Своде основных государственных законов», утвержденном в апреле 1906 г.

Как видно из истории создания манифеста 17 октября 1905 г., этот законодательный акт явился вынужденной уступкой верховной власти, сделанной под давлением революции. Николай II реалистично оценивал сложившееся положение. В письме к матери, написанном через день после утверждения манифеста, он констатировал: «Мы находимся в полной революции при дезорганизации всего управления страной; в том главная опасность»².

В стремлении подавить революцию Николай II и Витте были едины. Но их частные цели совпадали не полностью. Честолюбивому чиновнику Витте, который воспринимал пост председателя Комитета министров как форму почетной отставки, поручение возглавить правительство дало бы шанс вернуться к актив-

¹ Российский Императорский Дом. Дневники. Письма. Фотографии. — М., 1992. — С. 74—75.

² Там же. — С. 75.

ной политической деятельности. Для этого ему нужно было получить одобрение императором представленного всеподданнейшего доклада или хотя бы утверждение подготовленного им проекта манифеста, возлагавшего осуществление программы государственных преобразований на правительство. Самодержавному монарху Николаю II важно было представить вынужденную уступку как добровольный дар подданным. Реализации этого замысла соответствовала форма императорского манифеста, даже в редакции Витте.

Текст манифеста 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка» отразил как общую направленность этого законодательного акта, так и индивидуальные черты его создателей. *Литературно-юридический анализ* текста манифеста провел П. Н. Милюков — ученик В. О. Ключевского. «Уклончивость выражений», в которые облечено содержание этого законодательного акта, побудила Милюкова, по его выражению, заняться «разбором того, что было обещано и что было недоговорено в манифесте»¹.

Милюков построил свой разбор в форме вопросов к тексту манифеста. Рефреном в его вопросах звучит слово «почему?»: «Почему даются в настоящем одни обещания, а исполнение их предоставляется в будущем “объединенному” кабинету? Что это будет за кабинет и в чем будет состоять “объединение”? Почему понадобилось подкрепить обещания “незыблемых основ” словом “действительное”? Почему, в особенности, “не останавливаются” выборы в Думу по старому закону, а новые элементы населения привлекаются к выборам лишь “по возможности”, в порядке спешности, искусственно создаваемой? Почему “развитие начала общего избирательного права” отлагается до введения “вновь установленного законодательного порядка”?.. Прекрасно, что Дума наконец привлекается к изданию законов; но почему говорится лишь о ее “одобрении”? Почему в новом законодательном порядке скромно умолчано о другом факторе законодательства — Государственном совете? Каковы гарантии «действительного участия выборных от народа» в надзоре над “властями” и почему это слово “надзор” предпочтено “контролю”?.. Почему подчеркнуто, что власти “поставлены от нас”, то есть как бы несменяемы? Почему депутаты по-старинному названы “выборными”?»². Милюков не определил общей направленности манифеста, но ограничился указанием на «явную двусмысленность» его содержания.

Сопоставление содержания акта и его формы может дать дополнительную информацию о направленности закона и целях его

¹ Милюков П. Н. Воспоминания. — М., 1991. — С. 210—211.

² Там же.

создателей. Устойчивые разновидности актов имели определенный формуляр. В частности, манифесты российских императоров были личным обращением самодержца к подданным. Поэтому они начинались формулой: «Объявляем всем нашим верным подданным». Заключительная формула содержала сведения о месте и времени подписания манифеста — день, месяц и год от Рождества Христова, а также лето царствования подписавшего акт самодержца. Обязательным элементом манифеста была собственноручная подпись императора. Отклонения от сложившейся традиции были чрезвычайно редки и в случае их обнаружения необходимо выяснить причину аномалии.

В тексте манифеста 17 октября 1905 г. можно выделить следующие структурные части: обоснование необходимости даруемых подданным благ; основное содержание манифеста; призыв ко всем верным сынам России; заключительную формулу (указание на место и время утверждения акта); подпись императора. Содержание первых двух частей акта в наибольшей степени отразило сложность ситуации, в которой создавался манифест, а также разнонаправленность общественных интересов.

«Смуты и волнения в столицах и во многих местностях империи», угрожающие «целостности и единству державы», «прямые проявления беспорядка», «бесчинства», «насилия» — вот какими словами обосновывалась необходимость усовершенствования государственного порядка при одновременном повелении «подлежащим властям принять меры» к охране «людей мирных, стремящихся к спокойному выполнению лежащего на каждом долга».

В содержании основной части манифеста характеризуются общие меры «к умиротворению государственной жизни», для реализации которых признано необходимым «объединить деятельность высшего правительства». С оговорками, которые отметил Милюков, на обязанность правительства возлагалось выполнение воли императора: даровать населению «основы гражданской свободы», расширить избирательные права населения по выборам в Государственную думу, возложить на Государственную думу законодательную функцию.

В каждом пункте, в каждой словесной формуле прослеживается замысел осторожного и опытного Витте: дать то, чего нельзя не дать сейчас, но дать так, чтобы можно было затем потихоньку отнять. Ведь «основы гражданской свободы» — это еще не сами свободы; а положение о расширении избирательного права «теперь же», но «в мере возможности, соответствующей краткости остающегося до созыва Думы срока», оставляет широкое поле для различных трактовок и т. д. и т. п.

В тексте манифеста 17 октября 1905 г. чувствуется и рука императора: Николай II не хотел утверждать проект манифеста в ре-

дакции Витте, он лично участвовал в редактировании варианта Горемыкина — Будберга и готов был его подписать, но под давлением обстоятельств отступил. Император принял вариант Витте, но за одним-единственным исключением: в тексте манифеста отсутствует начальная формула акта — обращение к подданным. В проекте, который Витте передал Николаю II, эта формула была. С чем же связано ее исчезновение в окончательном тексте?

Трудно допустить, что традиционная для манифестов формула «Объявляем всем нашим верным подданным» могла быть пропущена при переписывании проекта опытными чиновниками министерства императорского двора. Столь же маловероятна невнимательность Николая II. Хорошо известно, что он не только замечал, но и всегда исправлял ошибки и опiski в представленных ему документах. На стадии утверждения манифеста исключить начальную формулу-обращение мог только император.

Что могло побудить Николая II сделать это? Император был очень обидчивым, но весьма сдержанным человеком. Свои обиды он выражал своеобразно. Так, 1 сентября 1904 г., за год с небольшим до описываемых событий, Николай II записал в дневнике: «Настоящий осенний день: 7° с дождем и сильнейшим ветром... В первый раз пришлось затопить камин. Остался дома, обидевшись на погоду»¹.

В случае крайнего недовольства кем-либо Николай II в письме к виновнику своего гнева опускал начальную формулу-обращение. Например, именно таким образом он выразил отношение к проступку своего дяди — великого князя Владимира Александровича:

«Царское Село. 29 января 1897 г.

Просматривая репертуар театров, я увидел, что на днях опять состоится маскарад в Мариинском театре. Поэтому, в случае если бы мы захотели поехать туда, предупреждаю тебя, что я положительно *не желаю* (выделено *авт.*), чтобы в нашей ложе, с нами, сидели разные приглашенные и затем ужинали бы в нашей же комнате. Моя жена и я считаем это совсем неприличным и надеемся, что такой случай в той или другой ложе больше не повторится!

Мне было в особенности больно, что вы сделали это без всякого разрешения с моей стороны. При Папá ничего подобного не случилось бы, а ты знаешь, как я держусь всего, что было при нем. Несправедливо пользоваться *теперь* (выделено *авт.*) тем обстоятельством, что я молод, а также ваш племянник. Не забывай, что я стал главой семейства и что я не имею права смотреть сквозь пальцы на действия кого бы то ни было из членов семейства, которые считаю неправильными или неуместными. Более чем когда-либо необходимо, чтобы наше семейство держалось крепко и дружно, по святому завету твоего деда. И тебе бы первому следовало бы мне в этом помогать. Избавь меня в

¹ Дневники императора Николая II. — М., 1991. — С. 227.

будущем, прошу тебя, милый дядя Владимир, от необходимости писать подобные письма, которые всю мою внутренность переворачивают во мне.

Сердечно тебя любящий твой Ники»¹.

Теперь поставим в этот ряд манифест 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка». Был ли император обижен на подданных? Безусловно — именно об этом говорится в первых строках манифеста: «Смуты и волнения в столицах и во многих местностях империи нашей великой и тяжелой скорбью преисполняют сердце наше». Законы Российской империи ставили самодержца над подданными. Только Бога признавал Николай II стоящим над собой. Природные условия, погода, по его убеждению, не должны были доставлять императору неудобства. Тем более подданные. И он в свойственной ему манере выражает свое крайнее неудовольствие их действиями — исключает из текста манифеста обращение к ним.

Манифест 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка» — законодательный акт, принятый в дни острейшего кризиса императорской власти. История создания этого акта и его содержание определенно характеризуют общую направленность манифеста — попытку власти перехватить инициативу у революции.

Источники

- Ведомости Верховного Совета РСФСР. — М., 1939—1990.
 Ведомости Верховного Совета СССР. — М., 1938—1989.
 Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. — М., 1990—1992.
 Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР. — М., 1989—1991.
 Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. — М., 1992—1993.
 Декреты Октябрьской революции. — М., 1933.
 Декреты Советской власти. — М., 1957—2004. — Т. 1—16.
 История Советской Конституции (в документах). 1917—1956. — М., 1957.
 Конституция общенародного государства. — М., 1978.
 Конституция Российской Федерации. — М., 1993.
 Манифест 17 октября // Красный архив. — 1925. — Т. 4—5 (11—12).
 Полное Собрание законов Российской империи: Собрание Первое (1649—1825). — СПб., 1830. — Т. 1—45; Собрание Второе (1825—1881). — СПб., 1830—1884. — Т. 1—55; Собрание Третье (1881—1913). — СПб., 1885—1916. — Т. 1—33.

¹ Российский Императорский Дом. Дневники. Письма. Фотографии... — С. 59—60.

Саатчиан А. Л. Полный свод законов Российской империи. Все 16 томов со всеми относящимися к ним продолжениями и дополнительными узаконениями по 1 сентября 1910 г.: в 2 кн. — СПб., 1911.

Свод законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая Павловича составленный. — СПб., 1832.

Свод законов Российской империи. — СПб., 1906. — Ч. 1. Свод основных государственных законов.

Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР. — М., 1924—1938.

Собрание законодательства Российской Федерации. — М., 1994. — (Издание продолжается).

Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. — СПб., 1863—1917.

Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР. — М., 1917—1938.

Царскосельские совещания. Протоколы секретного совещания в апреле 1906 г. под председательством бывшего императора по пересмотру Основных законов // Былое. — 1917. — № 4 (26). — Окт.

Литература

Дякин В. С. Чрезвычайно-указное законодательство в России (1906—1914 гг.) // Вспомогательные исторические дисциплины: сб. ст. — Л., 1976. — Т. 7.

Журавлев В. В. Декреты Советской власти 1917—1920 гг. как исторический источник. — М., 1979.

Злоказов Г. И. Документы всенародного обсуждения проекта новой Конституции СССР как исторический источник. — М., 1984.

Кабанов В. В. Из истории создания Конституции 1936 г. // История СССР. — 1977. — № 6.

Корево Н. Н. Об изданиях законов Российской империи. 1830—1899. Сборник сведений об изданиях Свода законов и Продолжений к нему, Полного собрания законов, Свода военных и морских постановлений, а также об изданиях местных законов. — СПб., 1900.

Корево Н. Н. Об изданиях законов Российской империи. 1830—1906. Дополнение к Сборнику сведений... — СПб., 1907.

Корево Н. Н. Об изданиях законов Российской империи. 1830—1911. Второе дополнение к изданному в 1900 г. Сборнику сведений... — СПб., 1912.

Кочаков Б. М. Русский законодательный документ XIX—XX вв. // Вспомогательные исторические дисциплины: сб. статей. — М.; Л., 1937.

Шепелев Л. Е. Законодательные акты акционерного учредительства // Источниковедение отечественной истории. — М., 1973. — Вып. 1.

Якубовская С. И. Из истории разработки первой Конституции СССР // Источниковедение отечественной истории. 1975. — М., 1976.

Глава 8

ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ДОКУМЕНТАЦИЯ

8.1. Общая характеристика

Делопроизводственная документация образует сложную систему исторических источников, созданных в процессе деятельности аппарата управления. Содержание документов и конкретный состав документации определялись функциями учреждений, организаций и предприятий, в которых они возникли, и целями, которые стояли перед их авторами. В то же время принципиальное сходство задач организации управления обусловило формирование комплексов делопроизводственной документации, выработку основных разновидностей и вариантов документов. Знание правил ведения и оформления дел позволяет верно понять и оценить значение информации, зафиксированной в документах делопроизводства.

Зачастую интересующая исследователя информация содержится в нескольких источниках, нередко являющихся разновидностями и вариантами документа. Например, наряду с окончательным вариантом официального письма принято сохранять его проекты. Ясно, что исследователь, которому удалось обнаружить несколько источников, содержащих сведения по одному вопросу, потенциально располагает возможностью получить более полную информацию об объекте изучения. Но чтобы реализовать эту возможность, необходимо знать о свойствах и отличительных особенностях разновидностей и вариантов документов.

Принято выделять три основных комплекса делопроизводственной документации второй половины XIX — начала XXI в.: 1) документацию государственных учреждений (XIX — XXI вв.); 2) документацию частновладельческих предприятий (XIX — 20-е гг. XX в. и 90-е гг. XX в. — настоящее время); 3) документацию общественных организаций и политических партий (XIX — XXI вв.).

Необходимость в использовании значительной части информации документов на протяжении длительного времени привела к созданию специальных хранилищ — архивов. Лишь небольшая часть делопроизводственных документов опубликована. Поэтому работа историка с материалами делопроизводства базируется главным образом на документации, отложившейся в архивах. Закономерности, обусловившие ее современный состав и место хранения, намечают пути поиска в архивах источников по определенным темам.

8.1.1. Основные разновидности

В зависимости от целевого назначения и формуляра документа выделяют следующие их разновидности: 1) нормативные документы (учреждения, положения, уставы, стандарты, инструкции, номенклатуры дел и т.п.); 2) протокольную документацию (журналы, протоколы, стенограммы); 3) деловую переписку (предписания, официальные письма, докладные записки и др.); 4) материалы учета документов (регистрационные картотеки, разного рода реестры, журналы и книги входящих и исходящих документов); 5) отчетные документы (отчеты, доклады, балансы и т.д.).

Нормы, определявшие состав и порядок ведения делопроизводственной документации в учреждениях и предприятиях Российской империи, нередко содержали *законодательные акты*. Например, «Общим учреждением министерств» (1811) устанавливался единый порядок ведения документации в центральных государственных учреждениях империи. В высочайше утвержденном мнении Государственного совета «О товариществах по участкам или компаниях на акциях» (1836) были указаны документы, обязательные для создания и деятельности этой категории частновладельческих предприятий. Устав о промышленном труде (1913) «Свода законов Российской империи» включал совокупность законодательно закрепленных норм, определявших взаимоотношения предпринимателей и рабочих в начале XX в., в том числе требование на каждой фабрике и каждом заводе вести по установленной форме перечисленные в законе документы.

Состав и порядок ведения делопроизводства в отдельных учреждениях и предприятиях Российской империи регламентировали отдельные законодательные акты. Например, 17 августа 1915 г. император Николай II подписал закон об образовании четырех Особых совещаний: по обороне государства, топливу, продовольствию и перевозкам. В тот же день им были утверждены отдельные законодательные акты — положения о каждом из Особых совещаний. В «Положении об Особом совещании для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства», учрежденном под председательством военного министра, в частности, говорилось: «Управление делами Особого совещания возлагается на Начальника канцелярии военного министерства или на особое лицо, по назначению председателя Совещания, а делопроизводство — на означенную канцелярию и на особо назначенных председателем Совещания лиц. Необходимые на делопроизводство денежные средства отпускаются в мере действительной надобности. Обо всех заседаниях Особого совещания составляются журналы, с указанием мнения большинства и тех особых мнений, которые несогласные с большинством члены Совещания пожелают занес-

ти в журнал. На журнале отмечается и принятое председателем решение по обсужденному вопросу»¹.

Аналогичным образом нормировалось документирование деятельности крупных частновладельческих предприятий, организованных в форме акционерных компаний. Устав компании вследствие его утверждения императором был сепаратным законодательным актом. Он дополнял общий закон, в котором определялись правила документального оформления процедуры учреждения акционерных компаний, деятельности их высших органов — собраний акционеров, составления, проверки, утверждения и публикации отчетов. Уставы подробно регламентировали вопросы компетенции правления, руководившего делами компании в периоды между собраниями акционеров. Обычно в обязанность правления входило ведение в соответствии с коммерческими правилами бухгалтерии, кассы, письмоводительства, составление отчетов, баланса, сметы, плана действий, сношения с присутственными местами и т.п. Работа правления отражалась в протоколах его заседаний.

В СССР были разработаны *общегосударственные стандарты*, в которых зафиксированы обязательные требования к содержанию и формам документов, создававшихся в государственных учреждениях, предприятиях и организациях. Задачи, структура и методы работы конкретных учреждений, предприятий и организаций указывались в *положениях*, утверждавшихся вышестоящими органами государственной власти и управления.

Правила ведения делопроизводства в организациях и выборных органах КПСС, ВЛКСМ, профессиональных союзов определялись их *уставами* и специальными *инструкциями*. Например, согласно «Инструкции о делопроизводстве в организациях и выборных органах КПСС», утвержденной Объединенным Пленумом ЦК и ЦКК КПСС 31 января 1991 г. и изданной тиражом 500 тыс. экземпляров, документами организаций и выборных органов партии являлись: постановления и резолюции, протоколы и стенограммы, находящиеся в делопроизводстве и текущем архиве зарегистрированные материалы. На основании Устава КПСС и инструкции ЦК и ЦКК о делопроизводстве выборные органы самостоятельно разрабатывали правила и методические рекомендации документационного обеспечения своей деятельности. По окончании календарного года исполненные документы, сформированные в соответствии с архивными правилами в дела, сдавались по акту в службу делопроизводства, образуя в ее составе текущий архив.

В государственных учреждениях, организациях, предприятиях СССР, в организациях и выборных органах КПСС и обществен-

¹ Собрание узаконений и распоряжений правительства. — Пг., 1915. — Отд. 2. — № 231 от 19 августа 1915 г.

ных организациях были созданы периодически обновлявшиеся *номенклатуры дел*, т.е. перечни обязательных документов с указанием срока их хранения. Документы длительного или постоянно-го срока хранения поступали в архивы. Так, уже в делопроизводстве осуществлялась селекция документов, предопределившая вероятность сохранения одних категорий источников и уничтожения других.

Протокольная документация играла чрезвычайно важную роль в системе делопроизводства. Она была обусловлена коллегиальной формой обсуждения дел в государственных учреждениях XIX—XXI вв., коллективным принятием решений акционерами компаний, членами выборных органов партийных и общественных организаций. Протокольная делопроизводственная документация представлена тремя основными разновидностями документов: журналами, протоколами и стенограммами.

Журналы — традиционная форма фиксирования прений в государственных учреждениях Российской империи. Журналы нумеровались. Перед основным текстом указывались: название учреждения, в котором он составлен; дата, председатель и участники заседания. Журналы были общими и особыми. Первые содержали материалы обсуждения нескольких вопросов, которое проводилось на одном заседании. Вторые посвящались какому-то определенному вопросу, как правило более важному и сложному.

Основной текст журнала обычно состоял из трех частей. Структурно они могли не выделяться, но логика составления документа определяла последовательность расположения материала. Поскольку делопроизводство велось письменно, в первой части журнала излагалось содержание инициативного документа, послужившего причиной и предметом обсуждения. Во второй — приводились мнения участников заседания. В журналах фиксировалось не содержание каждого конкретного выступления, а обобщенное изложение мнений одной или двух (редко более) групп выступавших. В третьей части формулировалось решение по обсуждавшемуся вопросу. Например, в журналах Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства эта часть начиналась формулой: «Председатель Особого совещания, в отношении приведения в исполнение требующих того суждений Особого совещания, решил...». Далее следовали пункты принятого решения. В журналах высших государственных учреждений (Государственного совета, Комитета министров), которые подлежали утверждению лично императором, формулировался проект решения, а если в ходе прений мнения разделились — проекты двух решений. Император соглашался либо с мнением большинства, либо с мнением меньшинства. Решение, принятое императором, было окончательным. После утверждения им журнала резолютивная часть оформлялась в виде самостоятельного документа, кото-

рый получал силу закона (например, Высочайше утвержденное мнение Государственного совета).

С середины 60-х гг. XIX в. в Государственном совете, а с 1895 г. — в Комитете министров документы стали печататься типографским способом во многих экземплярах. Создались условия для более тщательного их редактирования, в частности в соответствии с замечаниями участников прений. Подлинники журналов высших органов власти, как правило, печатались типографским способом. Черновые записи, которые велись во время заседаний, сохранялись редко. Иногда в делах откладывались особые мнения участников заседания, замечания на представленные документы и т.п. материалы. Текст журнала позволяет судить только о результатах прений, а подготовительные материалы нередко содержат информацию и о мотивах принятых решений.

В отличие от журналов, представлявших собой специфическую форму документирования деятельности государственных учреждений Российской империи, *протоколы*, получившие распространение первоначально в делопроизводстве частновладельческих предприятий и общественных организаций, последовательно фиксировали ход заседания. Как правило, в протоколе указывались: его порядковый номер, дата заседания или собрания, присутствовавшие лица или, если речь идет о собрании, количество присутствовавших. Протоколы имели два основных раздела. В первом разделе, озаглавленном «Слушали», излагался ход заседания. Возможны три варианта: 1) в протоколе указаны только повестка дня и фамилии докладчиков (такие протоколы называются «глухими»), 2) в протоколе перечислены также лица, выступившие в прениях, и 3) в протоколе приведена подробная или краткая запись выступлений в прениях. Во втором разделе протокола, озаглавленном «Постановили», фиксировалось принятое по обсуждавшемуся вопросу решение. Только после того, как в протоколе был зафиксирован факт принятия решения на данном заседании, и только после подписания протокола уполномоченными на это лицами (обычно руководителем заседания и секретарем), принятое решение приобретало юридическую силу. К первым экземплярам протоколов прилагались материалы по обсуждавшимся вопросам, которые были подготовлены и представлены к заседанию: тезисы и тексты докладов, справочные таблицы, проекты решений и т.п.

В Российской империи протоколы составляли одну из основных разновидностей делопроизводственных документов акционерных компаний и политических партий. Так, протокол общего собрания акционеров компании содержал сведения о времени проведения собрания, о его председателе и избранном для ведения собрания секретаре, о количестве участников заседания, числе представленных ими акций (лично и по доверенности) и полу-

ченном в соответствии с этим количестве голосов, об обсуждавшихся вопросах и результатах голосования по каждому из них, а также об особых мнениях, заявленных отдельными акционерами. Протокол заверялся председателем собрания и тремя и более акционерами. К протоколу прилагался текст доклада правления собрания, список акционеров, представивших акции, а к годовому собранию также отчет об операциях компании и баланс ее оборотов. Очевидно, что совокупность сведений, содержащихся в этих документах, достаточно полно отражала основные направления и итоги деятельности предприятия. Перечисленные документы существовали в нескольких экземплярах: в делопроизводстве компании сохранялись подлинные экземпляры, их копии, представлялись в государственные учреждения и акционерам по требованию последних.

Протокольная документация — одна из важнейших групп документов политических партий. Показателем того значения, которое придавалось протоколам прежде всего высших органов политических партий — съездов делегатов от местных организаций — была их публикация непосредственно после окончания работы съездов. Так, опубликованы протоколы большевистской партии, партии социалистов-революционеров, конституционно-демократической партии и некоторых других. Существуют также научные публикации протокольной документации политических партий. Например, в конце 20-х — начале 30-х гг. XX в. Институт Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б) переиздал ранее опубликованные протоколы съездов и конференций большевистской партии, заново сверенные с оригиналами. Новое научное переиздание этих документов было осуществлено во второй половине 50-х гг. В 60 — 80-е гг. XX в. издание протокольной документации РСДРП(б) — КПСС было продолжено. С 1994 г. Российский независимый институт социальных и национальных проблем издавал протоколы ЦК конституционно-демократической партии.

В СССР ведение протоколов, наряду с более полной формой записи — стенографированием, играло большую роль в деятельности государственных институтов, правящей политической партии (КПСС) и общественных организаций. Например, в упоминавшейся «Инструкции о делопроизводстве в организациях и выборных органах КПСС» протоколам (стенограммам) посвящено более четверти текста, два из четырех приложений к «Инструкции...» содержат типовые формы протоколов: партийного собрания (конференции) и заседания парткома (партбюро) первичной (цеховой) партийной организации.

Стенограммы заседаний и стенографические отчеты представляют собой последовательную запись всего, что происходило на заседании, включая отдельные реплики. Делопроизводство государственных учреждений Российской империи почти не знало

стенограммы. В начале XX в. сложилась практика стенографирования, а затем подготовки и публикации стенографических отчетов о заседаниях Государственной думы Государственного совета. В СССР стенографирование широко применялось как форма записи прений. В настоящее время введение фонозаписи хода заседаний вытесняет стенограмму из практики делопроизводства. Стенографирование включает фиксирование выступлений в ходе заседания при помощи особых значков, а затем расшифровку произведенных записей. При расшифровке записанный текст воссоздается более или менее точно. Поэтому расшифрованная стенограмма приобретает силу авторского текста только после того, как прочитана, выправлена и подписана выступавшим. Даже при абсолютно точном воспроизведении содержания выступления (что позволяет сделать сегодня диктофонная запись) необходимо его исправление автором, так как в устной речи возможны повторы, незаконченные фразы и т. п. Важно, однако, чтобы внесенные исправления не изменили смысл сказанного. Поэтому выправленную стенограмму сверяют с исходным текстом.

Материалы деловой переписки — неотъемлемая составляющая комплексов делопроизводственной документации. Этим понятием объединена совокупность документов учреждений, предприятий и организаций, посредством которых они осуществляли обмен информацией в процессе выполнения функции управления. Переписка по своей сути всегда представляет собой взаимосвязанную документацию двух или более корреспондентов. В ее основе лежит инициативный документ. Если он создан в делопроизводстве корреспондента, материалы которого изучаются, текст инициативного письма, скорее всего, будет представлен копией с отправленного оригинала. Такая копия имеет специальное название — *отпуск*. Если же работа ведется с материалами делопроизводства корреспондента-адресата, то там должен отложиться *оригинал* полученного письма. В любом случае инициативный документ — начальное звено в цепочке деловой переписки, где соседние звенья взаимосвязаны содержанием. Изучение инициативного документа и знание функций, структуры, корреспондентских связей учреждения, в делопроизводстве которого он выявлен, позволяет наметить пути поиска других материалов переписки как в архиве данного учреждения, так и в составе документации его корреспондентов.

Деловые письма в делопроизводстве делятся на две категории: *входящие* (т.е. полученные) и *исходящие* (т.е. отправленные). Как входящие, так и исходящие документы должны иметь соответствующие удостоверения: подпись, дату, входящий или исходящий номер. Если этих указаний на документе нет, факт его отправки может быть подвергнут сомнению. Иногда на подготовленном в делопроизводстве документе имеется помета: «Не отправлено».

В Российской империи большое внимание уделялось соблюдению законодательно закрепленных правил делопроизводства, поскольку юридическую силу имели лишь полностью соответствовавшие установленным нормам документы. Например, вышестоящие государственные учреждения направляли в подведомственные организации *указы, предписания и приказы*. Равные учреждения посылали друг другу *отношения*, а равные должностные лица, кроме того, *официальные письма*. Сенат и Синод, а также их департаменты сообщались между собой *ведениями*, или *известиями*. Нижестоящие учреждения направляли вышестоящим *рапорты* и *доношения*. Иерархическая соподчиненность учреждений определяла форму обращения к адресату. При обращении высших учреждений к низшим требовался дательный падеж («Московской казенной палате»), в остальных случаях — винительный падеж («Московская казенная палата»); обращение к должностным лицам зависело от их служебного положения, чина, титула. Для ускорения подготовки документов они создавались на напечатанных типографским способом бланках учреждений.

В частновладельческих предприятиях использовался определенный формуляр *делового письма*. Первым его элементом был так называемый бланк фирмы. Он включал полное название предприятия с указанием его местонахождения, специальности, года основания, размера капитала, почтового и телеграфного адресов, номеров телефонов и текущих счетов в банках. Часто на бланке помещалось изображение производственных предприятий фирмы, полученных наград и т.п. Кроме того, в формуляр входили дата (если один из корреспондентов находился за границей, то указывалась двойная дата), адресат, внутренний адрес, обращение, содержание, подпись и отметка о приложениях к письму.

В делопроизводстве государственных учреждений, организаций и предприятий СССР форма делового письма максимально функциональна. Многие разновидности деловых писем, которые характеризовали иерархическую соподчиненность учреждений, были упразднены. Отменено титулование адресатов. Язык документов стал проще, яснее. Из практики деловой переписки вытесняются рукописные тексты. Большая часть официальных писем этого периода напечатана на пишущих машинках. С 80-х гг. XX в. для ведения деловой переписки используются компьютеры. Машинописные и набранные на компьютере документы, в отличие от значительной части рукописей, легко читаются. Как отпуски отправленной корреспонденции они идентичны оригиналам (за исключением отсутствия текста, напечатанного на бланке и на оттисках штампов и печатей). Обычно на отпуске, оставляемом в делопроизводстве, наряду с исходящим номером и датой подписания указываются сведения о подписи под документом. Если в распоряжении исследователя находится оригинал, то подпись от-

ветственного руководителя под документом, заверенная печатью, подтверждает подлинность и официальный характер последнего.

Основной печатью, которая ставилась на документы, подписанные руководителем учреждения, предприятия и организации, была гербовая печать. Круглые печати ставились на документы отделов. Гербовую и круглые печати в СССР имели все государственные учреждения и все массовые организации трудящихся. На печати указывается полное название учреждения, предприятия, организации и зачастую их адрес. На гербовой печати, кроме того, изображался герб СССР или союзной республики. Иногда по надписи на печати, заверившей подпись под документом, можно установить корреспондента деловой переписки.

Наряду с печатью в учреждениях, организациях и предприятиях используются штампы. Основным является угловой штамп, который ставится на документе, составленном не на бланке. Угловой штамп включает: полное и сокращенное наименование учреждения, организации, предприятия, адрес, номер телефона, иногда — телеграфный адрес, число подписания документа и исходящий номер. Если документ составлен на специальном бланке, то перечисленные сведения печатаются на нем. В последнее время с распространением практики пересылки документов по факсимильной связи на бланке помещают необходимые сведения. Число и исходящий номер вписываются после подписания документа, также указывается дата его окончательного оформления. Штампы для регистрации входящей и исходящей корреспонденции позволяют определить дату соответственно ее получения или отправки.

Деловая переписка в специальных системах документирования имеет определенные особенности. Например, в делопроизводстве внешнеполитического ведомства вследствие географической удаленности центральных и местных учреждений друг от друга необходимо постоянное ведение переписки. С конца XIX в., наряду с традиционной посылкой писем, использовался обмен *телеграммами*, а в XX в. и *радиограммами*. Секретный характер внешнеполитической информации требовал доставки почты особо надежными лицами — дипломатическими курьерами. Телеграммы и радиограммы при передаче зашифровывались и при получении подлежали расшифровке. *Письма дипломатических представителей* принято условно делить на *официальные* и *личные*. Последние обычно содержали конфиденциальную информацию или касались вопросов, которые не входили в компетенцию данного чиновника Министерства иностранных дел (МИД). Общий обзор положения в стране пребывания содержали *депеш*, а специально экономическим вопросам были посвящены *консульские донесения*. Каждый сколько-нибудь значительный политический вопрос получал отражение во всех перечисленных раз-

новидностях документов. МИД руководил работой дипломатических представителей за границей, направляя им *инструкции*. Телеграммы или письма одинакового содержания, адресованные одновременно нескольким дипломатическим представителям, назывались *циркулярными*.

Поскольку функцию внешних сношений, наряду с МИД, осуществляли и другие ведомства, переписка по дипломатическим вопросам имела междоведомственный характер. Ее материалы отложились в архивных фондах соответствующих ведомств. Кроме того, в делопроизводстве МИД представлены дипломатические документы, принятые в соответствии с нормами международного права и протокола в практике межгосударственных отношений. Наиболее употребительными из них являются: ноты (личные и вербальные), меморандумы, памятные записки. Выбор той или иной формы документа определялся как содержанием информации, которую надо было сообщить, так и значением, которое хотели этой информации придать.

Личные ноты посылались по вопросам, имевшим важное значение или в порядке информирования о каком-либо событии. Они имеют форму письма и составлены от первого лица. Под текстом ноты обязательно ставится личная подпись ее отправителя. *Вербальные ноты* являются формой дипломатической переписки по текущим вопросам. Текст вербальной ноты составляется в третьем лице и не имеет подписи отправителя. *Памятные записки* составлялись с целью предупреждения возможного неправильного понимания или толкования устного заявления. Поэтому они должны изучаться вместе с донесением получившего записку дипломата о беседе по затронутому в ней вопросу. *Меморандум* — документ, в котором подробно излагается фактическая сторона того или иного вопроса. В отличие от памятной записки меморандум мог посылаться или передаваться без специальной беседы по затронутому в нем вопросу. Специфической разновидностью дипломатических делопроизводственных документов являются *тексты тостов* на официальных приемах.

Разновидности документов и формы ведения деловой переписки, используемые дипломатами, вырабатывались в ходе многовековой практики межгосударственного общения и вследствие этого мало изменялись в XIX—XXI вв. Вместе с тем дипломатическая деятельность СССР вызвала к жизни такие разновидности переписки, как *личные послания глав правительств и государств, правительственные ноты*. Очевидно, что информация этих документов должна восприниматься адресатом как более важная по сравнению с переданной в форме традиционной личной ноты.

Учет входящих и исходящих делопроизводственных документов велся во всех учреждениях, пред-

приятиях и организациях. При этом обязательно фиксировались сведения о дате регистрации документа, его содержании и направлении дальнейшего движения. Например, в организациях и выборных органах КПСС велись *журналы* или составлялись *карточки учета входящих и исходящих документов*.

При учете входящего документа указывались: 1) входящий номер и дата регистрации; 2) исходящий номер и дата полученного документа; 3) от кого поступил; 4) наименование и краткое содержание; 5) кто направил, резолюция, дата; 6) кому направлен документ на исполнение; 7) подпись в получении (ознакомлении), дата; 8) дата возврата, подпись принявшего документ; 9) отметка об исполнении; 10) номер дела, в котором хранится документ, дата отправки и подпись (или номер акта об уничтожении документа и дата).

При учете исходящих документов соответственно указывались: 1) исходящий номер и дата; 2) количество листов и экземпляров; 3) кому направлен; 4) подпись в получении и номер реестра, контрольного талона и дата; 5) наименование или краткое содержание; 6) кем подписан; 7) номер дела, в которое помещена копия документа; 8) отметка о полученном ответе.

Указанные сведения могут оказаться полезными как при поиске документов, так и при частичной реконструкции на их основе содержания утраченных материалов.

Отчеты образуют неотъемлемую часть любой системы делопроизводственной документации. Составление отчетных документов определенным образом нормировалось. Так, в Российской империи высшие и центральные государственные учреждения ежегодно представляли подробные письменные отчеты, содержавшие данные об их деятельности, сгруппированные в разделы по темам, или в соответствии со структурой учреждения. Например, отчет Министерства внутренних дел имел следующие тематические разделы: «Крестьянское дело», «Охранение внутренней государственной безопасности» и т. п. Отчет же Министерства иностранных дел строился по структурному принципу. В 1894 г. отчет по этому министерству содержал характеристику важнейших направлений внешнеполитической деятельности государства, перечислял конкретные дела, осуществленные департаментами и другими подразделениями. В нем также, в частности, отмечено, что на хранение в Государственный и Санкт-Петербургский главный архив поступили присяжные листы, по которым в Ливадии члены российского Императорского Дома присягнули императору Николаю II. В том же отчете в разделе о деятельности Московского главного архива сообщалось как обоснование расходов сверх сметы, что «вследствие частых метелей и обилия снега с самого начала настоящей зимы пришлось до 1-го марта по настоянию полиции вывезти с трех прилегающих к архиву улиц 3.000 возов, це-

ною по 12 1/2 копеек, согласно условию, заключенному с подрядчиком, всего на 400 рублей»¹.

Отчеты высших государственных учреждений систематически публиковались. Так, изданы отчеты Государственного совета за 1869—1916 гг. Форма их издания на протяжении этого времени не была неизменной. С 1892 г. годовые отчеты Государственного совета стали выходить в двух вариантах: кратком — для императора («Всеподданнейшие отчеты председателя Государственного совета» за 1892—1916 гг.) и подробном — для рассылки ведомствам («Отчеты Государственного совета» за 1892—1906 гг.). После реорганизации Государственного совета в 1906 г. вместо отчетов по делопроизводству издавались стенографические отчеты («Государственный совет. Стенографические отчеты» за 1906—1916 гг.). Аналогичное издание «Государственная дума. Стенографические отчеты» за 1906—1917 гг. отразило деятельность Государственной думы.

Отчеты центральных государственных учреждений за вторую половину XIX—начало XX в. также публиковались. Но издания эти осуществлялись не все время, а с перерывами. Так, отчеты Государственного контролера издавались с 1866 по 1917 г., Святейшего Синода — с 1828 по 1897 г., Министерства государственных имуществ с 1838 по 1856 г., с 1862 по 1878 г. и с 1881 по 1916 г.

Систематические сведения содержали отчеты, ежегодно составлявшиеся губернаторами на имя императора и на имя министра внутренних дел. Губернаторские отчеты начали составляться с 1804 г., а с конца 30-х гг. XIX в. была установлена их единая форма, в которую время от времени вносились изменения. С 1870 г. отчет включал две части. Первая содержала краткие сведения о том, что было «достойно высочайшего внимания». Во второй части давался обстоятельный обзор состояния губернии. Этот обзор, напечатанный типографским способом, включал подробное описание губернии и статистические данные, зафиксированные в восьми таблицах.

Правления акционерных компаний, согласно требованию закона, ежегодно представляли акционерам отчет об их операциях и баланс их оборотов. Отчеты должны были содержать сведения о состоянии капиталов компании (акционерного, запасного, на погашение стоимости имущества, облигационного); общем приходе и расходе денежных сумм за отчетный период; издержках на жалование служащим и других расходах по управлению; имуществе компании, принадлежащих ей запасах; долгах и убытках компании; чистой прибыли и ее примерном распределении. Состав-

¹ Голиков А. Г. Архивы российского МИД на службе империи и исторической науки (вторая половина XIX—начало XX в.) // Вестник Московского университета (Серия 8. История). — 2002. — № 5. — С. 11.

ной частью отчета компании за операционный год был баланс, характеризовавший состав, размещение, источники и назначение средств предприятия.

Акционерная компания помимо руководящих органов — общего собрания акционеров и правления — имела, как минимум, еще одно структурное подразделение — производственное или торговое предприятие. Последнее на основании утверждавшейся правлением инструкции представляло в установленные сроки отчеты о своей деятельности. Так, в товариществе нефтяного производства «Братья Нобель» правление ежедневно информировалось обо всех операциях предприятий товарищества. В ежемесячных отчетах приводились товарные рапорты об обороте нефтепродуктов: для каждого продукта по каждому складу давалась группировка по поступлению товаров с других складов, по расходу товаров, а также по обороту товара, отпущенного районным покупателям со складов других районов. Все отчеты перед отправкой в правление обязательно копировались в специальные копировальные книги. Таким образом, отчетные материалы откладывались как в делопроизводстве адресата (в подлиннике), так и в делопроизводстве отправителя (в копии). Аналогичным образом осуществлялась отчетность и в других акционерных предприятиях.

В СССР была установлена единая система отчетности государственных предприятий, учреждений и организаций. Наряду с материалами, содержащими сведения о текущей деятельности, с 1930 г. вводился общегосударственный учет итогов работы за год промышленных предприятий, колхозов, совхозов, МТС на основе отчетов, составлявшихся в соответствии с обязательными требованиями специальных программ и типовых статистических форм.

Практика перспективного планирования развития народного хозяйства в СССР (конец 20-х — начало 90-х гг. XX в.) обусловила публичное подведение итогов выполнения этих планов. Публиковались данные как за пятилетие в целом, так и за отдельные периоды. Общие результаты первой и второй пятилеток получили отражение в следующих специальных изданиях: «Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР» (М., 1933) и «Итоги выполнения второго пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР» (М., 1938). Третья пятилетка не была завершена, так как началась Великая Отечественная война. Результаты выполнения плановых заданий во время войны не публиковались. В послевоенные годы состав и порядок публикаций был изменен. ЦСУ при Совете министров СССР печатал краткие поквартальные, полугодовые и годовые отчеты, а по завершении пятилетки Госплан и ЦСУ СССР публиковали сообщение об общих итогах ее выполнения. Аналогичные сведения оглашали Госпланы союзных и автономных республик, краевые и областные плановые органы.

Состав и порядок составления отчетных документов в организациях и выборных органах КПСС, ВЛКСМ, профсоюзов и других общественных организаций определялись их уставами и внутренними инструкциями.

В делопроизводстве государственных предприятий, учреждений и организаций Российской Федерации в основном сохранены традиции и правила составления текущих и годовых отчетов по основным направлениям деятельности и подведения финансовых итогов. Вместе с тем отказ от политики перспективного планирования развития государственного хозяйства и приватизация большого числа государственных предприятий промышленности, сельского хозяйства, торговли, кредита, транспорта, сферы услуг и т.д. обусловили прекращение практики систематического обобщения достигнутых результатов на основе первичных данных.

8.1.2. Основные варианты

Делопроизводственные документы, как правило, существуют в нескольких экземплярах, так как в процессе деятельности учреждений, предприятий и организаций обычно возникают различные варианты этих документов. Под вариантом имеется в виду экземпляр документа, отличный от других его экземпляров. Попытки дать определения вариантов делопроизводственных документов и классифицировать их пока не могут быть признаны удовлетворительными¹.

Например, в литературе по делопроизводству, архивоведению, археографии, источниковедению и в публикациях документов термин «подлинник» употребляется в трех значениях: в о-п е р в ы х, как антоним термина «поддельный»; в о-в т о р ы х, как определение окончательной редакции документа, соответствующим образом оформленного и подписанного; в-т р е т ь и х, как синоним термина «оригинал».

Исходя из практики исследовательской работы историка целесообразно классифицировать варианты документов в соответствии со следующими признаками:

- по происхождению: *подлинный* — *поддельный*;
- по содержанию: *проект* — *окончательный вариант*;

¹ См.: Митяев К. Г. Теория и практика архивного дела: учеб. пособие. — М., 1946; Он же. История и организация делопроизводства в СССР: учеб. пособие. — М., 1959; Правила издания исторических документов в СССР. — М., 1969; Государственный стандарт Союза ССР. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения. — М., 1971; Единая государственная система делопроизводства (основные положения). — М., 1974; История делопроизводства в СССР: учеб. пособие. — М., 1974; Илюшенко М. П. История делопроизводства в дореволюционной России: учеб. пособие. — М., 1993; и др.

- по форме: *черновик* — *беловик*;
- по делопроизводственной функции: *оригинал* — *копия*.

Очевидно, что для историка важно указание на подлинность документа. Поэтому употребление термина «*подлинник*» как определение варианта документа применимо для характеристики всех *неподдельных* его экземпляров.

Процесс создания *окончательного варианта* делопроизводственного документа был нередко длительным и многоэтапным. Это обстоятельство обусловило появление *проекта*, под которым понимается вариант документа, первичный по отношению к окончательному. Иногда окончательный вариант не создавался, и тогда документ сохранялся в варианте проекта. Если проект принимался без изменений, в окончательном варианте было указано на факт утверждения документа.

При составлении большинства документов возникал *черновик* (первоначальный вариант с возможными изменениями и исправлениями). Текст черновика, переписанный с учетом внесенных изменений и исправлений, становился *беловиком*. Но белой вариант мог быть создан и сразу, без черновика. Принято различать *оригинал* и *копию* (повторение, воспроизведение оригинала различными способами). Назначение копии — заменить оригинал. Многообразие функций, которые копии выполняют в делопроизводстве, породило значительное число их разновидностей: *отпуск* — копия, оставляемая в делопроизводстве взамен исходного оригинала; *дубликат* — копия, назначение которой восполнить утрату оригинала; *кратная копия* — например, копия с копии, когда копия является суборигиналом; *заверенная копия* и др.

Любая копия воспроизводит конкретный оригинал (копия черновика, копия беловика, копия проекта и т.д.). По способу воспроизведения копии могут быть: графически тождественными, факсимильными, частично тождественными и нетождественными. К первым относятся, например, фото- и ксерокопии. Пресс-копии на папиросной бумаге и копии, изготовленные под копирку одновременно с оригиналом, не воспроизводят типографских элементов изготовленного на бланке документа. Графически не тождественны оригиналу рукописные копии.

Использование в современном делопроизводстве создаваемых с помощью компьютеров электронных версий документов побуждает расширить многие представления, сформировавшиеся в процессе изучения традиционных письменных документов. Копия и оригинал как бы меняются местами, так как сегодня документом, имеющим юридическую силу, является *твердая копия* (вариант, отпечатанный на бумаге, тождественный по содержанию электронному оригиналу), заверенная в соответствии с действующими нормами и правилами делопроизводства.

Историк должен знать, чем отличаются варианты документа, поскольку каждый из них обладает собственной информационной ценностью. Например, проекты могут иметь разночтения по сравнению с окончательным вариантом. Следует иметь в виду, что экземпляр документа характеризуется сочетанием вариантных особенностей, обусловленных его происхождением, содержанием, формой, делопроизводственной функцией. Поэтому как проект, так и окончательный вариант могут быть подлинником оригинала беловика, подлинником оригинала черновика, подлинником копии беловика и т.д.

Последовательное изучение вариантов документа позволяет реконструировать историю его создания и определить место каждого из вариантов в этом процессе. Покажем это на примере принятия постановления ЦК КПСС «О публикации данных о потерях личного состава Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов», принятого на заседании Политбюро ЦК КПСС 20 февраля 1989 г.

В журнале «Источник. Документы русской истории» (1994. — № 5) опубликована подборка документов, хранящихся в Архиве Президента РФ. Все опубликованные документы являются подлинниками оригиналов. В подборку включены: 1) записка Министерства обороны СССР (далее — МО) в ЦК КПСС от 16 декабря 1988 г., к которой приложен проект постановления ЦК КПСС; 2) записка отделов ЦК КПСС от 19 января 1989 г. с предложением поддержать представленный МО проект постановления и резолюцией: «Разослать членам Политбюро ЦК КПСС на голосование»; 3) сводка замечаний членов Политбюро к проекту постановления, составленная 8 февраля 1989 г. в ЦК КПСС; 4) записка отделов ЦК КПСС от 10 февраля 1989 г. с проектом постановления, доработанным с учетом замечаний членов Политбюро; 5) постановление ЦК КПСС, утвержденное 20 февраля 1989 г. членами Политбюро с учетом изменений и исправлений, внесенных при обсуждении вопроса.

Предложенный МО первый проект постановления ЦК КПСС «О публикации данных о потерях личного состава Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов» состоял из следующих двух пунктов: «1. Согласиться с предложениями по данному вопросу, изложенными в записке Министерства обороны СССР от 16 декабря 1988 г. (прилагается). 2. Госкомстату СССР провести работу по уточнению потерь гражданского населения СССР в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 годов»¹. В записке МО, послужившей инициативным докумен-

¹ «Сформировалось мнение, что потери составили 20 миллионов человек» // Источник. Документы русской истории. Приложение к журналу «Родина». — 1994. — № 5 (12). — С. 91.

том для рассмотрения вопроса в ЦК КПСС, были приведены данные о потерях Советских Вооруженных сил в годы Великой Отечественной войны и содержалось предложение опубликовать их в открытой печати. Вместе с тем отмечалось, что МО не располагает исчерпывающими материалами о потерях гражданского населения СССР в годы войны, в связи с чем в проект постановления был включен п. 2. Представленные МО документы в ЦК КПСС были размножены и в копиях разосланы членам Политбюро.

По замечаниям членов Политбюро проект постановления был доработан в аппарате ЦК КПСС. Члены Политбюро сформулировали два принципиальных предложения: 1) ответственность и сложность расчета данных о потерях личного состава Вооруженных сил и гражданского населения в годы Великой Отечественной войны требует привлечь для выполнения этой работы, наряду с аппаратом ведомств, коллектив квалифицированных специалистов-ученых; 2) полученные данные о потерях личного состава Советских Вооруженных Сил и гражданского населения СССР в годы Великой Отечественной войны опубликовать в открытой печати одновременно.

Эти предложения легли в основу второго проекта постановления ЦК КПСС от 10 февраля 1989 г.: «1. Поручить Госкомстату СССР, Министерству обороны СССР, Академии наук СССР с привлечением заинтересованных ведомств и общественных организаций сформировать научный коллектив для уточнения потерь личного состава Советских Вооруженных Сил и гражданского населения СССР в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 годов. 2. По завершении работы данные о потерях личного состава Советских Вооруженных Сил и гражданского населения СССР в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 годов опубликовать от имени научного коллектива в открытой печати одновременно»¹. В связи с внесением этих изменений подготовленный в МО проект постановления от 16 декабря 1988 г. стал черновым вариантом проекта от 10 февраля 1989 г.

При обсуждении второго проекта постановления на заседании Политбюро 20 февраля 1989 г. генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачев внес дополнения в п. 2. (курсив мой — А. Г.): «По завершении *этой* работы *доложить ЦК КПСС* данные о потерях личного состава Советских Вооруженных сил и гражданского населения СССР в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 годов *и предложения о публикации этих материалов*»². Вместе с тем он исключил из текста проекта слова: «опубликовать от имени научного коллектива в открытой печати одновременно». Новый,

¹ «Сформулировало мнение, что потери составляют 20 миллионов человек»... — С. 94.

² Там же.

третий проект постановления превратил проект от 10 февраля 1989 г. во второй черновик, так же как тот в свое время превратил в черновик проект от 16 декабря 1988 г. Утвержденный членами Политбюро проект стал окончательным вариантом постановления ЦК КПСС «О публикации данных о потерях личного состава Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 годов».

Рассмотренные проекты документа отразили три различных подхода к решению вопроса. Проект, подготовленный в МО, был ориентирован на решение конкретной задачи — опубликовать уточненные данные исследований, проведенных ведомством в рамках его компетенции. В соответствии с действовавшими правилами для этого требовалась санкция Политбюро ЦК КПСС. Проект, составленный в аппарате ЦК КПСС (обобщивший предложения членов Политбюро В.А. Медведева, Н.И. Рыжкова, Э.А. Шеварднадзе и А.Н. Яковлева), предполагал значительно более широкий подход — изучение всех аспектов проблемы специально сформированным для этой цели коллективом исследователей, проведение независимой научной и общественной экспертизы полученных результатов и их полную публикацию. М.С. Горбачев вновь сузил подход: согласившись с необходимостью полномасштабного изучения вопроса, принятие решения об оглашении его итогов он отложил до окончания планируемой работы. В тот период, когда М.С. Горбачев находился во главе КПСС, полные данные о потерях личного состава Советских Вооруженных Сил и гражданского населения СССР в годы Великой Отечественной войны в открытой печати опубликованы не были.

8.2. Эволюция делопроизводственной документации

На протяжении второй половины XIX — начала XXI в. в государственных, частных, общественных институтах (учреждениях, предприятиях, организациях) было создано огромное количество документов. Принято выделять три основных этапа эволюции делопроизводственной документации в этот период: 1) XIX в. — октябрь 1917 г. — делопроизводство Российской империи и Российского государства с Временным правительством во главе; 2) октябрь 1917 — 1991 гг. — делопроизводство РСФСР и СССР; 3) с 1992 г. по настоящее время — делопроизводство Российской Федерации (РФ).

Историк имеет в своем распоряжении только часть некогда созданных делопроизводственных документов — ту, которая сохранилась. Эти документы, как правило, находятся в архивах, лишь немногие из них опубликованы и доступны исследователям в библиотеках. Очевидно, что необходимым условием успешного целенаправленного поиска документов в отечественных архивах явля-

ется наличие системы справочно-информационных пособий, отражающих местонахождение комплексов материалов в составе Архивного фонда Российской Федерации (АФ РФ).

Такая система пособий существует. Она включает, во-первых, справочники, характеризующие состав АФ РФ (в целом или в определенной его части) на уровне архивов. Наиболее значимы для историков публикации: «Государственные архивы СССР. Справочник» (М., 1989. — Ч. 1—2); «Федеральные архивы России и их научно-справочный аппарат. Краткий справочник» (М., 1994) и «Архивы России. Москва и Санкт-Петербург. Справочник-обозрение и библиографический указатель. Русское издание» (М., 1997). Во-вторых, в эту систему входят справочники-путеводители по конкретным архивам. В них документы учитываются в масштабе архивных фондов. В-третьих, описи документальных материалов архивных фондов фиксируют сведения о единицах хранения (делах). Дела могут состоять из одного архивного документа, но обычно объединяют под общей обложкой определенную совокупность документов. В ряде архивов есть каталоги, картотеки которых учитывают не только отдельные документы, но и части документов, содержащие сведения по определенным темам. В настоящее время ведется работа по информатизации архивов, созданию электронных каталогов и компьютерных баз данных.

С точки зрения возможности обеспечения учета архивных документов и организации проверки их физической сохранности существующая система справочно-информационных пособий вполне достаточна. Однако историка интересует не только документ как таковой, а зафиксированная в нем информация. Работу по ее выявлению историк должен уметь выполнять самостоятельно. Для этого необходимо знать: 1) принципы создания документов на каждом из указанных этапов развития отечественного делопроизводства и 2) закономерности их поступления в архивы. Так как имеются определенные различия в правилах хранения комплексов документов государственных учреждений, частновладельческих предприятий и общественных организаций, рассмотрим эти правила для каждого из комплексов по отдельности.

8.2.1. Делопроизводство государственных учреждений

Определяющую роль в создании и сохранении делопроизводственных документов государственных учреждений XIX—начала XX в. играла их ведомственная принадлежность. Под ведомством понимается система учреждений в центре и на местах, обслуживающих определенную область государственного управления. Ведомства оформились в Российской империи в процессе реформ начала XIX в. В состав ведомств вошли министерства и подчинен-

ные им учреждения в губерниях и уездах (местные учреждения ведомства министерства иностранных дел — посольства, консульства и т.п. — находились за границей). Каждое ведомство имело свой бюджет, штат чиновников, административные порядки, а нередко и собственные делопроизводственные правила.

Законом 1811 г. «Общее учреждение министерств» определялось единообразие организации и делопроизводства центрального аппарата ведомств. Каждое министерство должно было иметь следующую структуру: во главе — министр с товарищем (заместителем), при министре — канцелярия и совет (совещательный орган «для рассмотрения дел, требующих по важности их общего соображения»). Рабочий аппарат министерства состоял из нескольких департаментов, которые подразделялись на отделения. Последние, в свою очередь, делились на столы. В основу организации деятельности министерств был положен принцип единоначалия: директора департаментов подчинялись непосредственно министру, начальники отделений — директорам департаментов, столоначальники — начальникам отделений. Министры назначались императором и были ответственны только перед ним.

Регламентация делопроизводства министерств предусматривала единые формы и правила регистрации входящих документов, движения документов внутри министерства, отправки документов, проверки исполнения дел («ревизии») и составления отчетности. Несмотря на позднейшие изменения в структуре, организации деятельности и делопроизводстве центральных учреждений отдельных ведомств, «Общее учреждение министерств» оставалось для них основным нормативным актом вплоть до октября 1917 г.

Центральный аппарат министерств осуществлял руководство подведомственными местными учреждениями посредством циркуляров и распоряжений (в военном и военно-морском ведомствах — приказов), направлявшихся для исполнения. Делопроизводство в местных учреждениях, наряду с общими правилами, определялось ведомственными инструкциями. Во многих присутственных местах сложились собственные обычаи письменного оформления дел и были выработаны формы письмоводительства, отличные от принятых в других канцеляриях.

По общему закону в каждом департаменте министерства на правах отделения должен был действовать «текущий архив» для хранения документов, утративших оперативное значение, но необходимых при наведении справок. Однако на практике в большинстве министерств возникли не департаментские, а общеминистерские архивы. По образцу министерских были созданы архивы местных учреждений ведомств.

Быстрота, с которой эти архивы стали заполняться документами, побудила руководителей ведомств учредить в министерствах

еще один общий архив — для хранения «старых дел», которые за давностью лет уже редко запрашивались чиновниками при наведении справок. Делопроизводство, «текущий архив» и архив «старых дел» представляли собой как бы систему сит, отсеивающих документы, содержавшие информацию трех уровней: 1) оперативную; 2) определенного срока хранения; 3) постоянного срока хранения.

Собственность ведомств на документы, создававшиеся в государственных учреждениях Российской империи и находившиеся в ведомственных архивах, изначально определила неодинаковую сохранность материалов официального делопроизводства. Последняя зависела не только от ведомственных правил, но нередко и от личного усмотрения главы учреждения. Например, бумаги, признанные ненужными, могли быть проданы купцам на обертку товара. Педантичный чиновник МИД граф В.Н.Ламздорф зафиксировал в дневнике весьма примечательный эпизод: однажды, зайдя в министерскую кухню, он заметил, что слуга принес с рынка рыбу, завернутую в бумагу с грифом «родного» министерства. Крайне встревоженный, он вчитался в нее внимательнее, но быстро понял, что бумага из другого департамента и лично он за нее ответственности не несет. Чиновник успокоился. Дело было обычное.

В РСФСР, а затем в СССР была законодательно закреплена общенародная собственность на документы, созданные в делопроизводстве ведомств. Декрет СНК РСФСР от 1 июня 1918 г. «О реорганизации и централизации архивного дела» установил, что «все архивы правительственных учреждений ликвидируются, как ведомственные учреждения, и хранящиеся в них дела и документы отныне образуют единый Государственный архивный фонд... Все дела и переписка правительственных учреждений, законченные к 25 октября 1917 г., поступают в Государственный архивный фонд...»¹. Декретом СНК РСФСР от 31 марта 1919 г. эти положения были распространены на все архивы и делопроизводства, находящиеся в губернских городах и уездах. Они должны были составить «по каждой губернии особый единый губернский архивный фонд». Со временем понятие «Государственный архивный фонд» (ГАФ) стало обозначать совокупность документальных материалов, принадлежащих государству.

Согласно основам законодательства «Об Архивном фонде Российской Федерации и архивах», утвержденных Верховным Советом РФ 7 июля 1993 г., Архивный фонд (АФ) был разделен на две части: государственную и негосударственную. В федеральном законе от 22 октября 2004 г. «Об архивном деле в Российской Федерации» деление АФ РФ на государственную и негосударственную

¹ Декреты Советской власти... — Т. 2. — С. 383.

части отсутствует. Вместе с тем различаются архивные документы, находящиеся в собственности: 1) государственной (федеральной и субъектов федерации); 2) муниципальной; 3) частной. Документация делопроизводства высших и центральных государственных учреждений Российской империи и Временного правительства входит в состав федеральной собственности и хранится в архивах федерального уровня подчинения, расположенных в Санкт-Петербурге и Москве. Документация делопроизводства местных государственных учреждений за этот период хранится в архивах субъектов РФ.

В связи с тем, что делопроизводственные материалы головных учреждений ведомств оказались рассредоточены по нескольким архивохранилищам федерального уровня, приведем сведения об их местонахождении на основании справочника-обозрения «Архивы России. Москва и Санкт-Петербург» (табл. 5). Более подробную информацию о документах, хранящихся в указанных архивах, содержат опубликованные справочники-путеводители по каждому из них.

В октябре 1917 г. Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов провозгласил создание в России Советского государства. Вплоть до принятия в декабре 1993 г. Конституции РФ, прекратившей действие Конституции РСФСР 1978 г., Советы составляли основу государственного строя страны и осуществляли от имени народа делегированную им власть. Соединяя законодательные и исполнительные функции, они образовывали единую систему органов власти и управления в центре и на местах. Все другие государственные органы утверждались Советами, были подконтрольны и подотчетны им.

Особенности становления и развития в этот период государственности, формирования нового аппарата управления оказали влияние на состав, организацию ведения и условия сохранности документов официального делопроизводства. Например, отпала необходимость в документах, связанных с функционированием институтов самодержавной монархии. Национализация частных кредитных учреждений, предприятий промышленности, транспорта, торговли и необходимость наладить управление ими породили в советском делопроизводстве массивы материалов планирования. Возникнув как производственные программы отраслей, эта категория делопроизводственной документации со временем аккумулировала информацию об основных направлениях экономической и социальной политики государства.

В документации Советов получили отражение: практика коллективного принятия решений; участие в повседневной работе Советов миллионов трудящихся; регулярные отчеты перед избирателями, производственными коллективами и общественными организациями исполнительных и распорядительных органов,

Таблица 5

Архивы, хранящие документы высших и центральных государственных учреждений Российской империи и Временного правительства

Название архива (его местонахождение)	Название учреждения
Российский государственный исторический архив — РГИА (Санкт-Петербург)	Сенат, Синод, Государственный совет, Государственная дума, Комитет министров, Совет министров, Собственная его императорского величества канцелярия, Министерство внутренних дел, Министерство юстиции, Министерство финансов, Министерство торговли и промышленности, Министерство путей сообщения, Министерство земледелия, Министерство народного просвещения, Государственный контроль
Государственный архив Российской Федерации — ГА РФ (Москва)	Особое присутствие по политическим делам Сената, III отделение Собственной его императорского Величества канцелярии, Департамент полиции Министерства внутренних дел, Уголовное отделение I департамента Министерства юстиции, Временное правительство и его министерства, комиссии и комитеты
Российский государственный военно-исторический архив — РГВИА (Москва)	Военное министерство
Российский государственный архив военно-морского флота — РГА ВМФ (Санкт-Петербург)	Морское министерство
Архив внешней политики Российской империи Историко-дипломатического департамента МИД РФ — АВПРИ (Москва)	Министерство иностранных дел

создаваемых Советами. Депутаты Советов всех уровней были обязаны учитывать в своей работе наказы избирателей и регулярно информировать последних о выполнении поручений. Депутат, не оправдавший доверия избирателей, мог быть в любое время переизбран. Демократизация управления способствовала упрощению стиля делопроизводства.

Рост масштабов управленческой деятельности государства выдвинул в числе приоритетных задач унификации и стандартизации документов. Для осуществления функций контроля в управлении был создан специальный Наркомат рабоче-крестьянской инспекции. Институт техники управления (ИТУ) при этом наркомате разработал и в 1931 г. опубликовал проект «Общих правил документации и документооборота». В документе формулировались общегосударственные нормы постановки делопроизводства во всех учреждениях, организациях и предприятиях СССР. «Общие правила» унифицировали названия и функции делопроизводственных подразделений, определяли круг их задач и должностные обязанности сотрудников, разрабатывали вопросы составления документов в учреждениях и исполнения поступивших документов, описывали порядок группировки исполненных документов в дела, подготовки сформированных в делопроизводстве дел к сдаче в архив учреждения и хранения их в архиве. Проект был разослан на отзыв в ряд учреждений, однако в связи с ликвидацией в 1932 г. ИТУ окончательный вариант его подготовить не успели.

В 30-е гг. XX в. разработка вопросов рациональной постановки делопроизводства сосредоточилась в ведомствах, каждое из которых решало их применительно к своей системе. Результаты этой работы отразились в инструкциях по делопроизводству отдельных ведомств (например, АН СССР).

Одновременно составлялись типовые инструкции для однородных организаций, в частности для финансовых отделов — районных и городских (1936), краевых и областных (1938). Постановлением СНК СССР от 5 сентября 1938 г. был утвержден типовой устав высшего учебного заведения, который устанавливал общий порядок документирования учебного процесса и вводил единые формы студенческих билетов, зачетных книжек и дипломов об окончании ВУЗов. В 1943 г. Главное архивное управление СССР издало «Перечень типовых документов, образующихся в деятельности учреждений, организаций и предприятий СССР» с указанием сроков хранения этих документов. В 1957 г. вышло новое издание «Перечня» с необходимыми изменениями и дополнениями.

С 60-х гг. XX в. в СССР был развернут комплекс работ по рационализации делопроизводства, предусматривающих создание общегосударственных нормативов по унификации и стандартизации документов, механизацию делопроизводственных работ, внедрение автоматизированных систем управления.

В 1961 г. Совет министров РСФСР утвердил «Примерную инструкцию о делопроизводстве для учреждений и организаций РСФСР» с приложением образцов бланков документов. Эта инструкция стала основой для разработки ведомствами соответствующих нормативов. В 1966 г. был создан Всесоюзный (ныне — Все-

российский) научно-исследовательский институт документалистики и архивного дела (ВНИИДАД), который должен был заниматься вопросами рационализации систем документации и сохранения документов.

В сентябре 1973 г. Государственный комитет Совета министров СССР по науке и технике утвердил основные положения Единой государственной системы делопроизводства (ЕГСД). В государственных учреждениях, организациях и предприятиях СССР устанавливался единый порядок подготовки, оформления и прохождения служебных документов, их регистрации, справочно-информационного поиска, контроля за исполнением, а также группировки исполненных документов в дела и организации хранения последних в делопроизводстве, в ведомственных и государственных архивах. Таким образом реализовывалось сложившееся в практике делопроизводства разделение документов, содержащих информацию: оперативную, длительного срока хранения и информацию постоянного срока хранения.

Были разработаны и утверждены государственные стандарты, предусматривавшие унифицирование формы документов, введение единых правил их составления, создание трафаретных текстов. Мощным ускорителем унификации и стандартизации документов стала возможность их подготовки, хранения и передачи в машиночитаемой форме. Определились два направления, неразрывно связанные между собой: создание информационно-поисковых систем, позволяющих быстро найти нужный документ в массе других, и разработка автоматизированных систем обработки данных документов.

Характерной особенностью организации делопроизводства советских учреждений был общегосударственный контроль за сохранностью создававшихся в них документов. Уже декрет СНК РСФСР от 1 июня 1918 г. законодательно регламентировал новые взаимоотношения создателей и хранителей документов: «Все ныне производящиеся дела и переписка правительственных учреждений остаются при них в течение срока, устанавливаемого для каждого ведомства особым положением. После указанного срока все оконченные дела передаются в Государственный архивный фонд»¹. Особо указывалось, что «правительственные учреждения не имеют права уничтожать какие бы то ни было дела и переписку или отдельные бумаги без письменного разрешения Главного управления архивным делом»², на которое возлагалось заведывание Государственным архивным фондом.

В 1920 г. для хранения важнейших документов РСФСР, а также наиболее ценных исторических материалов «предшествующих ре-

¹ Декреты Советской власти... — Т. 2. — С. 383.

² Там же.

жимов» был образован Государственный архив РСФСР. Здесь удалось сосредоточить документы значительного числа ликвидированных к этому времени первых советских учреждений. Нередко такие учреждения не имели непосредственных правопреемников в системе позднее созданных органов государственного управления. Оказавшиеся бесхозными документы расхищались, гибли. Со-

Таблица 6

Общегосударственные органы управления архивным делом в РСФСР, СССР, РФ (июль 1918 — настоящее время)

Годы	Название общегосударственного органа (его ведомственная подчиненность)
1918 — 1922	Главное управление архивным делом — ГУАД (Наркомат просвещения РСФСР)
1922 — 1929	Управление Центральным архивом — Центрархив (ВЦИК РСФСР)
1929 — 1938	Центральное архивное управление СССР — ЦАУ СССР (ЦИК СССР); Центральное архивное управление РСФСР — ЦАУ РСФСР (ВЦИК РСФСР)
1938 — 1948	Главное архивное управление СССР — ГАУ (НКВД СССР)
1948 — 1960 1955 — 1960	Главное архивное управление СССР — ГАУ (МВД СССР) Архивное управление — АУ (МВД РСФСР)
1960 — 1991 1960 — 1990 ноябрь 1990 — ноябрь 1991	Главное архивное управление при Совете министров СССР — Главархив СССР (Совет министров СССР). Главное архивное управление при Совете министров РСФСР — Главархив РСФСР (Совет министров РСФСР). Комитет по делам архивов при Совете министров РСФСР — Роскомархив (Совет министров РСФСР)
Ноябрь 1991 — ноябрь 1992	Комитет по делам архивов при Правительстве РФ — Роскомархив (Правительство РФ)
Ноябрь 1992 — август 1996	Государственная архивная служба России — Росархив (Правительство РФ)
Август 1996 — март 2004	Федеральная архивная служба России при Президенте и Правительстве РФ — Росархив (Правительство РФ)
Март 2004 — настоящее время	Федеральное архивное агентство (Министерство культуры и массовых коммуникаций РФ)

Архивы, хранящие документы высших и центральных государственных учреждений РСФСР, СССР, РФ

Название архива (его местонахождение)	Название учреждения
Государственный архив Российской Федерации — ГА РФ (Москва)	Петроградский и Московский ВРК, ВЦИК, ЦИК СССР, Верховный Совет СССР, Верховный Совет РСФСР, СНК — Совет министров СССР, СНК — Совет министров РСФСР, центральные органы государственного управления СССР и РСФСР в области народного образования, здравоохранения, печати, информации, контроля, юстиции, внутренних дел, а также суда, прокуратуры и арбитража
Российский государственный архив экономики — РГАЭ (Москва)	Центральные органы государственного управления народным хозяйством РСФСР (1917 — 1922) и СССР (1922 — 1991) в области планирования, финансирования, промышленности, сельского хозяйства, торговли, транспорта, науки и техники, внешнеэкономических связей
Российский государственный архив литературы и искусства — РГАЛИ (Москва)	Комитеты по делам искусств при СНК СССР и РСФСР, Министерства культуры СССР и РСФСР, а также отраслевые органы управления отдельными видами искусств (Комитет по кинематографии, Дирекция художественных выставок и панорам и т. д.)
Российский государственный военный архив — РГВА (Москва)	Высшие органы руководства Вооруженными силами РСФСР (1917 — 1922) и СССР (1922 — 1941), центральные и окружные органы военного управления (по 1940); Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД (1939 — 1960)
Российский государственный архив Военно-морского флота — РГА ВМФ (Санкт-Петербург)	Центральные учреждения морского ведомства, управления флотов и флотилий (1917 — 1940)

Название архива (его местонахождение)	Название учреждения
Центральный архив Министерства обороны РФ — ЦАМО (Подольск, Московская область)	Народный комиссариат — Министерство обороны СССР, центральные и окружные органы военного управления (с 1941)
Центральный военно-морской архив Министерства обороны РФ — ЦВМА (Гатчина, Ленинградская область)	Центральные учреждения морского ведомства, управления флотов и флотилий (с 1941)
Архив внешней политики Историко-дипломатического департамента МИД РФ — АВП РФ (Москва)	Народный комиссариат — Министерство иностранных дел
Центральный архив Федеральной службы безопасности РФ — ЦА ФСБ (Москва)	ВЧК — ОГПУ — НКВД — КГБ СССР, ФСБ РФ
Архив Президента РФ — АП РФ (Москва)	Государственный Комитет Обороны (1941—1945), аппарат Президента СССР, Администрация Президента РФ

трудникам архива в результате целенаправленного поиска, включавшего осмотр чердаков и подвалов зданий, в которых когда-то размещались учреждения, удалось спасти от гибели ценные источники.

После окончания Гражданской войны стал возможен переход от поиска и спасения отдельных документов к практике систематического комплектования государственных архивов материалами делопроизводства советских учреждений, организаций и предприятий. В 1922 г. архивы, ранее подведомственные Народному комиссариату просвещения, были подчинены ВЦИК РСФСР. Президиум ВЦИК возложил на Управление Центральным архивом, унаследовавшим функции прежнего Главного управления архивным делом, и его губернские отделы заведование уже находившимися в хранилищах материалами и общее руководство постановкой архивной части текущего делопроизводства.

Впоследствии ведомственная подчиненность архивов неоднократно изменялась (табл. 6).

К середине 20-х гг. XX в. советские архивисты выработали принципы распределения материалов Государственного архивного фонда по сети хранилищ. Было установлено, что документы дореволюционной и советской эпох должны откладываться либо в раз-

ных архивах, либо в разных структурных подразделениях одного архива. В зависимости от масштаба деятельности фондообразователя (т.е. учреждения, предприятия, организации или лица, в процессе деятельности которого образовались документальные материалы) его архивный фонд должен был находиться в центральном или в местном хранилище.

В настоящее время документы высших и центральных органов управления советской эпохи хранятся в нескольких федеральных государственных архивах РФ (см. табл. 7). Для того чтобы целенаправленно вести их поиск, историк должен знать местонахождение архивных фондов интересующих его учреждений.

Документы государственного делопроизводства местных учреждений хранятся в архивах субъектов Федерации и в муниципальных архивах.

Создание и сохранение делопроизводственной документации государственных учреждений, организаций и предприятий РФ происходят в соответствии с тенденциями, сформировавшимися в советский период отечественной истории.

8.2.2. Делопроизводство частновладельческих хозяйств и предприятий

Делопроизводство частновладельческих хозяйств и предприятий в отличие от государственного делопроизводства менее регламентировано нормами законодательства и ведомственных инструкций. Во многом оно развивалось под влиянием сложившихся традиций создания тех или иных документов и обычаев их хранения. И то и другое нередко зависело от конкретных возможностей владельца и непосредственного его усмотрения.

Мелкие крестьянские хозяйства, составлявшие основную массу частных владений в Российской империи, практически не знали делопроизводства. Системы документации складывались в основном в хозяйствах, развивающихся на базе помещичьих имений. Они включали прежде всего материалы, характеризующие деятельность хозяйств: книги ежедневных записей работ, книги расходов и доходов, документы отчетности. В этих документах содержатся сведения о земельных угодьях, степени их вовлеченности в хозяйственный оборот, способах ведения хозяйства, номенклатуре выращиваемых культур, рабочем скоте, инвентаре, постройках и многом другом.

Системы текущего учета и отчетности в имениях разных помещиков были различными. Кроме того, формы делопроизводства даже в одном имении не оставались одними и теми же и с течением времени менялись. В пореформенный период, когда помещики стали владельцами и совладельцами предприятий добывающей и обрабатыва-

ющей промышленности и принимали участие в деятельности железнодорожных обществ и банков, большую роль в составе документации землевладельческих хозяйств играли материалы, отразившие процессы зарождения и формирования финансового капитала.

По декрету «О земле», принятому 26 октября 1917 г. Вторым Всероссийским съездом Советов, собственность помещиков на землю была ликвидирована. В годы Гражданской войны помещичьи хозяйства прекратили существование, их делопроизводственные материалы поступили в государственные архивы.

Более однородные по составу комплексы документов формировались в процессе возникновения и деятельности предприятий промышленности, торговли, транспорта, кредита. Основной формой организации наиболее крупных фирм в конце XIX — начале XX в. становится акционерная. Акционерные компании в России носили названия акционерных обществ или товариществ на паях. К ноябрю 1917 г. в стране действовали 2850 торгово-промышленных компаний, 58 железнодорожных, 51 коммерческий и 10 земельных акционерных банков.

При всех различиях, обусловленных спецификой выполняемых функций, общность организационного устройства и условий деятельности позволяют характеризовать делопроизводство акционерных компаний как типологически единое.

Высшим органом акционерного предприятия было общее собрание. Делами компании в период между собраниями руководило правление, члены которого избирались из числа акционеров. Документирование деятельности собраний и правлений нормировалось законом 1836 г. и уставами компаний. Производственные подразделения строили работу в соответствии с инструкциями, утверждавшимися правлениями. Состав их документов различался в зависимости от сферы деятельности. Так, в делопроизводстве предприятий самой многочисленной группы компаний — торгово-промышленных — создавались документы, отразившие положение наемных рабочих и их взаимоотношения с предпринимателями в конце XIX — начале XX в.

По закону не позднее чем через 7 дней после поступления на предприятие каждому рабочему должна была выдаваться расчетная книжка установленного образца. В ней фиксировались имя, отчество и фамилия или прозвище рабочего, условия найма (срок найма, размер заработной платы, способ ее определения, сроки платежей), условия производимых вычетов (за пользование квартирой, баней и т. д.), записи заработка, денежные штрафы с указанием повода к их наложению, извлечения из правил внутреннего распорядка на предприятии, определявших права, обязанности и ответственность рабочих. Расчетная книжка хранилась у рабочего, а после его увольнения оставалась в конторе фабрики. Одновременно администрация вела книгу счетов, в которую за-

носились выданные рабочим суммы. Эта книга представляла собой копию расчетных книжек. Кроме того, фабричное управление обязано было вести именной список (или паспортную книгу), куда в порядке очередности поступления рабочих на предприятие записывались сведения об их месте жительства, возрасте, о том, кем выдан вид на жительство.

Жизнь рабочих на фабрике регламентировалась правилами внутреннего распорядка. Они включали: 1) расписание работ, с указанием количества, времени и продолжительности перерывов, а также времени окончания работ перед воскресными и праздничными днями; 2) перечень праздников, в которые не полагалась работать; 3) порядок и продолжительность отлучек с работы; 4) условия пользования устроенными для рабочих при фабрике квартирами, банями и т.д.; 5) указание времени чистки машин и уборки мастерских, если по условиям найма эти обязанности были возложены на рабочих; 6) требования к рабочим по соблюдению порядка на фабрике; 7) условия техники безопасности.

Все случаи смерти и телесных повреждений в результате несчастных случаев на предприятии записывались в особую книгу. Если рабочий не был застрахован, на имя потерпевшего (а в случае его смерти — членов его семьи) открывался счет по уплате вознаграждения.

Важное место в делопроизводстве торгово-промышленных компаний занимали документы по выполнению принятых заказов и сбыту готовой продукции. Основная часть заказов поступала на завод через правление. В специальной книге правления указывались: заказчик, предмет заказа, срок исполнения и дата передачи заказа на завод. В заводууправлении также велись книги заказов, обычно для каждой категории изделий, для отдельных цехов, для местных и иногородних (заграничных) клиентов. Внутризаводская документация позволяет проследить все этапы исполнения заказа, а также установить соотношение между себестоимостью изделия и его ценой при реализации.

По исполнению заказа на каждое изготовленное изделие в заводууправлении составлялась фактура. В ней указывались: цена изделия; его размер, вес, количество; заказчик или покупатель, место назначения, условия платежа. Одновременно те же сведения заносились в книгу продаж заводууправления и делались соответствующие отметки в книге заказов. Фактура на отправленное заказчику или проданное изделие в тот же день отсылалась правлению, а заказчик или покупатель получал копию фактуры в виде счета.

Специфическую группу материалов в делопроизводстве акционерных коммерческих банков составляли дела (досье) клиентов и переписка по их операциям. В каждом банке формировался свой состав документов досье. Функция целенаправленного сбора сведений о клиентах возлагалась на справочный отдел. Основными

источниками информации были: самоотзывы клиентов, сведения, предоставленные другими лицами и учреждениями, материалы прессы.

Состав материалов, отложившихся в досье клиента, характеризует его взаимоотношения с банком. Предоставление кредита, реализация акций промышленной компании — каждая из подобных единичных операций требовала предварительного сбора информации о клиенте. В результате в досье оказывались уставы, отчеты, балансы акционерных обществ, справки об их финансовом положении и т. п. документы. Для осуществления учредительно-эмиссионных операций такая информация была необходима постоянно. И досье чутко реагировали на изменение ситуации — документы клиента представлены в нем не за отдельные годы, а за ряд лет без сколько-нибудь существенных перерывов. При постоянном финансировании банком клиента в составе документов досье уменьшалась доля информационных материалов о нем и основное место занимают сведения о задолженности клиента банку. С установлением банком полного контроля над промышленным предприятием в досье откладывались черновики писем, отправленных от имени клиента, проекты соглашений клиента с другими фирмами и т. п. материалы, свидетельствовавшие о том, что именно банк является фактическим хозяином дела.

После того, как документы утрачивали оперативное значение, они откладывались в архиве предприятия. Законодательно был установлен десятилетний срок обязательного хранения так называемых торговых книг, т. е. документации, характеризовавшей доходность предприятий и позволявшей проконтролировать правильность уплаты ими налогов. Но обычно в архивах фирм сохранялись и другие документы. Через десять лет с разрешения правления компаний материалы могли уничтожаться. Так, заводууправление Коломенского машиностроительного завода в конце 1911 г. обратилось к правлению акционерного общества с просьбой «разрешить уничтожить все старые дела коммерческого архива до 1902 г.», за исключением основных бухгалтерских книг, в связи с недостатком места.

Большинство акционерных компаний XIX — начала XX в. прекратили деятельность в результате национализации их предприятий Советским государством. Основной массив их документации относится к периоду 1907 — 1917 гг., материалов за более ранний период, особенно за XIX в., сохранилось намного меньше.

Документы правлений и производственных предприятий акционерных компаний после национализации образовали самостоятельные архивные фонды. Эти материалы хранятся в государственных архивах тех республик, краев и областей, на территории которых действовали фондообразователи. Поэтому, например, материалы делопроизводства товарищества «Братья Нобель» нахо-

дятся в составе 22 фондов в 21 архиве, компании «Зингер» — в составе 16 фондов в 13 архивах и т.д. В настоящее время сохранились фрагменты делопроизводства свыше 1000 торгово-промышленных компаний, которые представляют все основные отрасли народного хозяйства дореволюционной России.

В СССР частновладельческие хозяйства и предприятия существовали в период НЭПа. Их небольшие размеры и ограниченный период деятельности (несколько лет) не позволили сформировать сколько-нибудь значительные массивы делопроизводственной документации.

В 90-е гг. XX в. в Российской Федерации в результате приватизации государственных предприятий и закрепления в Конституции права частной собственности на средства производства была реанимирована деятельность частных фирм. Ведущей формой организации наиболее крупных из них, как и в начале XX в., стала акционерная. Деятельность этих компаний еще не стала объектом изучения историков. Сохранность утратившей оперативное значение документации частновладельческих предприятий и допуск исследователей к ней зависят от воли владельца.

8.2.3. Делопроизводство общественных организаций

Делопроизводство общественных организаций складывалось под влиянием норм и правил документирования деятельности государственных учреждений и крупных частновладельческих предприятий. Вместе с тем общественные организации как добровольные объединения граждан для решения определенных задач (политических, профессиональных, хозяйственных, научных и т.д.) руководствовались собственными уставами и созданными в соответствии с ними инструкциями.

Наибольшее внимание историков традиционно привлекают комплексы материалов политических организаций и партий. Как системы документирования и делопроизводства они возникли в России во второй половине XIX в. В их развитии принято выделять три этапа: 1) XIX — начало XX в. — документы народнических организаций, РСДРП, буржуазных, мелкобуржуазных, социал-демократических, монархических политических партий; 2) октябрь 1917 г. — август 1991 г. — документы РСДРП(б) — ВКПБ(б) — КПСС; 3) 90-е гг. XX в. — настоящее время — документы политических партий и движений РФ.

В условиях подполья и строгой конспирации не могло сформироваться сколько-нибудь значительных комплексов документации народнических организаций: многие распоряжения передавались устно, письма шифровались, а при угрозе ареста или обыска нередко уничтожались. В уставе организации «Земля и воля» говори-

лось: «Наилучшей формой сношений кружков признаются личные свидания и сообщения; но так как подобного рода сношения не всегда возможны, то в таких случаях допускается шифрованная переписка через верные адреса. В случаях же особенной важности никакая переписка отнюдь не должна быть допускаема: все дело должно вестись через прямое посредство своих людей»¹. Подобным образом строилось делопроизводство и других народнических организаций. Наиболее систематизировано сохранившиеся документы народников представлены в двух изданиях: «Архив “Земли и воли” и “Народной воли”» (М., 1932) и «Революционное народничество 70-х гг. XIX в.» (М., 1964—1965).

В годы революции 1905—1907 гг. в России оформились политические партии. Публиковались их программы, издавались протоколы съездов, конференций. Сведения об этих публикациях даны в книге «Политические партии России. Конец XIX—первая треть XX в. Энциклопедия» (М., 1996). В 60—90-е гг. XX в. советские историки ввели в научный оборот многие документы из хранившихся в СССР архивов этих партий и их лидеров. Издательством «РОССПЭН» осуществлена многотомная публикация документов партий: «Союз 17 октября», конституционных демократов, социалистов-революционеров, меньшевиков и др.

В процессе деятельности РСДРП с начала XX в. формируется комплекс документов большевистской партии. Ряд положений устава, принятого в 1903 г. на Втором съезде РСДРП, — о роли партийных съездов, о постановлениях ЦК, об отчетности партийных организаций — оказал существенное влияние на ее делопроизводство.

Одну из самых больших групп документов партии большевиков составила протокольная документация. Она представлена протоколами съездов, конференций, заседаний ЦК, совещаний, собраний партийных организаций. Начиная со Второго съезда РСДРП, заседания ЦК партии протоколировались. Записи выступлений утверждались на очередных заседаниях. Избранная делегатами специальная комиссия подготовила к изданию протоколы съезда, которые были опубликованы в 1904 г. в Женеве. Следует иметь в виду, что по соображениям конспирации в дореволюционные издания не включались некоторые резолюции, в публикациях не указывались настоящие фамилии делегатов, а только их партийные псевдонимы. В 1927—1937 гг. было осуществлено переиздание протоколов съездов партии большевиков.

Деятельность строго централизованной политической партии требовала постоянной отчетности нижестоящих организаций и органов перед вышестоящими: местные организации направляли

¹ Революционное народничество 70-х гг. XIX в.: сб. док. и мат.: в 2 т. — М.; Л., 1965. — Т. 2: 1876—1882. — С. 41.

отчеты в адрес ЦК или съезда, центральные органы отчитывались перед съездом. Уже на Втором съезде РСДРП были представлены отчеты Организационного комитета по подготовке съезда, организации газеты «Искра», местных организаций в России (в частности, Тверского, Тульского, Бакинского комитетов).

Функцию постоянной деловой коммуникации выполняла переписка. Так, в докладе организации «Искры» Второму съезду РСДРП сообщалось о том, что редакцией налажена непосредственная переписка с большинством местных комитетов. Эти материалы представлены в издании «Переписка В. И. Ленина и газеты “Искра” с местными социал-демократическими организациями в России. 1900—1903 гг.» (М., 1969—1970. — Т. 1—3). В условиях нелегальной деятельности большевистской партии сообщения нередко зашифровывались. Для хранения партийных документов РСДРП в дореволюционный период были созданы архивы в Женеве и в Париже.

В период с октября 1917 г. по август 1991 г. РСДРП(б) — РКП(б) — ВКП(б) — КПСС была правящей партией. Поэтому в ее делопроизводстве за советский период, наряду с внутрипартийными вопросами, отразились все сколько-нибудь значимые проблемы жизни государства.

В партийных комитетах всех уровней (от ЦК до райкомов и горкомов включительно) предусматривалось ведение документов в связи с замещением должностей руководящих работников советских, хозяйственных, профсоюзных и комсомольских органов. Должности эти указывались в специальных перечнях — номенклатурах — и поэтому назывались номенклатурными. В течение трех лет в партийном делопроизводстве сохранялись личные дела руководящих работников, а за более ранний период в партийных архивах откладывались справки и статистические отчеты о составе и сменяемости работников учреждений, организаций и предприятий, входивших в номенклатуру соответствующих комитетов. Таким образом, документация правящей партии содержит уникальную по полноте и систематичности информацию о руководящих кадрах СССР.

В 20-е гг. XX в. в аппарате ЦК партии был создан информационный отдел. Республиканские и областные комитеты присылали сюда протоколы своих конференций и пленумов, а также информационные отчеты, которые характеризовали регион в политическом и хозяйственном отношениях. Аналогичная практика существовала и на информационной вертикали райком — обком. Общие отчеты дополнялись специальными отчетами, которые были затребованы отраслевыми отделами (отделами промышленности, сельского хозяйства, строительства, транспорта и т.д.) вышестоящих партийных комитетов. Так формировался представительный массив сведений, охватывающий все сферы жизнедеятельности Советского государства.

Как и в делопроизводстве государственных учреждений, в документации партийных органов широко представлены материалы рассмотрения поступавших в них писем и жалоб трудящихся. Анализ тем, которым они посвящены, позволяет реконструировать комплекс повседневных проблем, вызывавших негативную реакцию советских людей.

Другую сторону картины — позитивную — отразила документация по вопросам награждений и присвоения почетных званий, проходившая в соответствии с действующим порядком согласование в партийных инстанциях.

Внимание исследователей в последние годы привлекали сформированные в делопроизводстве ВКП(б) — КПСС так называемые «особые папки»: хранившиеся лично у заведующих общими отделами райкомов, обкомов и ЦК документы с грифом «Совершенно секретно, особой важности». Они учитывались в специальных регистрационных журналах и хранились в запечатанных конвертах, вскрывать которые имели право только два человека в партийном комитете: первый секретарь и заведующий общим отделом. Состав документов «особых папок» и допуск для работы с ними определялись не инструкцией, а личным решением руководителя партийного комитета.

Не все документы, попадавшие в «особые папки», могут показаться историку заслуживающими грифа «Особой важности». Например, в журнале «Вестник Архива Президента Российской Федерации» (1995 г. — № 1), выходившем в составе журнала «Источник», опубликован небольшой документ: «Совершенно секретно Особая папка. Лично. № П 187/154. Тт. Горбачеву, Болдину. Выписка из протокола № 187 заседания Политбюро ЦК КПСС от 23 июня 1990 года. Перевести государственно-общественные архивные документы, хранящиеся в VI секторе Общего отдела ЦК КПСС, в архив Президента СССР. Секретарь ЦК»¹. Распоряжением Президента СССР от 10 сентября 1991 г. в этот архив были переданы документы архива Политбюро ЦК КПСС за 1919—1991 гг. «как имеющие информационно-справочное значение». Так была создана еще одна своеобразная «особая папка». В настоящее время она хранится в Архиве Президента РФ (АП РФ).

Положение правящей партии позволило КПСС создать собственные архивы — центральные и местные, в которых на постоянное хранение откладывались документы, утратившие оперативное и информационно-справочное значение.

После прекращения деятельности КПСС и ликвидации системы партийных архивов документы высших и центральных орга-

¹ «Находившиеся на хранении в Кремле» // Источник. Документы русской истории. Приложение к российскому историческому журналу «Родина». — 1995. — № 1(14). — С. 115—116.

**Архивы, хранящие документы общественных организаций
Российской империи, РСФСР, СССР, РФ**

Название архива (его местонахождение)	Название общественной организации
Государственный архив Российской Федерации — ГА РФ (Москва)	Конституционно-демократическая партия, «Союз 17 октября», «Всероссийский союз русского народа», ВЦСПС, центральные комитеты отраслевых профсоюзов, Союз обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР, Всесоюзное общество культурных связей с заграницей, Союз советских обществ дружбы с зарубежными странами, Комитет советских женщин, Советский комитет защиты мира и др.
Российский государственный архив социально-политической истории — РГАСПИ (Москва)	РСДРП(б) — РКП(б) — ВКП(б) — КПСС, Партия социалистов-революционеров, РСДРП (меньшевиков), РКСМ — РЛКСМ — ВЛКСМ, КМО СССР, Центральный совет Всесоюзной пионерской организации
Российский государственный архив новейшей истории — РГАНИ (Москва)	Высшие и центральные органы КПСС и Компартии РСФСР (1953 — 1991)
Российский государственный архив литературы и искусства — РГАЛИ (Москва)	Союзы писателей, архитекторов, композиторов, художников, кинематографистов СССР, Всероссийское театральное общество и др.
Архив Президента РФ — АП РФ (Москва)	Высшие органы РКП(б) — ВКП(б) — КПСС (1919 — 1991)

нов партии оказались рассредоточены по трем московским архивам: АП РФ, РГА новейшей истории (РГАНИ) и РГА социально-политической истории (РГАСПИ). Документы местных партийных организаций находятся в бывших партийных архивах субъектов РФ.

Документация других общественных организаций также отложилась в нескольких архивах. Приведем сведения о местонахождении документов высших и центральных органов общественных организаций (табл. 8).

Делопроизводство общественных организаций РФ развивается в русле традиций, сформировавшихся в советский период. Как исторические источники эти документы пока практически не используются.

8.3. Приемы изучения делопроизводственной документации

Для успешной работы с материалами делопроизводства надо помнить несколько основных положений. Во-первых, чтобы адекватно понять значение каждого отдельного документа необходимо знать ту *систему*, в которой он возник. При этом нужно учитывать, что любая система документации включена в другую, более общую. Так, делопроизводство одного из департаментов — звено документации министерства в целом, а эта последняя — составляющая государственного делопроизводства.

Во-вторых, известно, что *комплекс делопроизводственной документации* в силу разных причин *никогда не сохраняется полностью*. В том числе и потому, что потребность в некоторой части документов, обеспечивающих функционирование учреждений, со временем пропадает и их перестают хранить. Но в то же время складывается определенное ядро документов, подлежащих долгосрочному хранению. Это обуславливает возникновение архива (департамент, министерства, ведомства и т.д.), что для историка создает возможность использовать сохранившуюся документацию как *исторический источник*. К тому же, так как делопроизводственная документация обычно существует в *нескольких экземплярах и вариантах*, при утрате какого-либо конкретного документа в составе одной системы вполне возможно обнаружение его в других, с ней связанных.

В-третьих, поскольку делопроизводство — система, в которой отдельный документ составляет только ее звено, происходит *перелив информации из документа в документ*. Это позволяет исследователю узнавать о содержании несохранившихся документов и способствует тому, что утрата отдельного документа не ведет к полной утрате информации. Например, в делопроизводстве российского МИД действовали правила регистрации в специальных журналах получаемых и отправляемых телеграмм, писем, депеш, а сама получаемая корреспонденция вкладывалась в двойной лист — «шемиз» (от фр. *chemise* — рубашка), на котором обозначались: дата, место, отправитель и краткое, в несколько слов, содержание документа. Таким образом, даже при утрате самого документа можно установить суть его содержания.

Вот почему знание закономерностей движения документов внутри системы и между системами позволяет исследователю вести *целенаправленный поиск* нужной ему информации. Покажем некоторые приемы изучения материалов делопроизводства на конкретных примерах.

В межгосударственных отношениях и дипломатической деятельности слово — устное и письменное — играет исключительно важную роль. Произнесенное от имени государства, оно становится

фактом международной жизни. Поэтому современники так внимательно прислушиваются к тому, что говорят государственные и политические деятели в публичных выступлениях, будь то речь в парламенте или тост на официальном приеме. С полным основанием газета «Новое время», которая в конце XIX — начале XX в. зачастую использовалась российским МИД как официоз, утверждала, что предполагаемые к оглашению слова всех высокопоставленных ораторов бывают строго взвешены и обдуманы заранее, и ни в каком случае не произносятся под влиянием минуты. Любое публичное выступление тщательно готовится. Это касается и тоста — краткого приветственного выступления первого лица принимающей стороны и ответного выступления гостя во время протокольных мероприятий, устраиваемых по случаю официальных визитов зарубежных государственных и политических деятелей. Таким образом, *тост как исторический источник* является политической декларацией и элементом делопроизводства¹.

Тост произносится на протокольных приемах, например, на завтраке, после десерта, когда он съеден всеми гостями и после того, как всем гостям налито шампанское; стоя или сидя, в зависимости от местных обычаев. Тост становится своеобразным «политическим блюдом» на этих мероприятиях. Текст тоста, подготовленный в письменном виде, может быть зачитан; если хозяин или гость произносят его без письменного текста, это не означает, что он не был подготовлен заблаговременно.

Так, во время визита французской Северной эскадры в Кронштадт в 1891 г. император Александр III 12 июля посетил ее флагманский броненосец «Маренго» и произнес тост за процветание Франции. Он говорил без «бумажки», однако текст тоста был предварительно составлен. В делопроизводстве канцелярии российского МИД (в АВПРИ) нет свидетельств этого, но они есть в документах старшего советника МИД В. Н. Ламздорфа, хранящихся в его личном архиве (в ГА РФ). В приложениях к дневнику этого дипломата сохранились два черновых варианта текста, датированных 12 июля 1891 г. Позже тост Александра III, произнесенный на «Маренго», был опубликован в газете «Новое время». Сравнение с черновыми заготовками Ламздорфа позволяет установить, что царь произнес первый, более краткий, его вариант.

Обычно тосты публиковались полностью или частично. Но они могли изыматься цензурой. Визит французской эскадры в Кронштадт был задуман правящими верхами России как политическая манифестация — ответ на укрепление Тройственного союза и отказ кайзера Вильгельма II возобновить в 1890 г. русско-германский секретный договор. Вместе с тем Петербург оставлял откры-

¹ См.: Рыбаченок И. С. Русско-французский союз в тостах // Россия и Франция XVIII—XX вв. — М., 1998. — Вып. 2.

той дверь для переговоров с Берлином и старался не слишком далеко заходить в демонстрации симпатий к Парижу. Французская сторона, напротив, всячески подчеркивала политическое значение сближения с Россией.

Цензор российского МИДа Н.А.Греч с беспокойством сообщил Ламздорфу, что во время франко-русских празднеств в 1891 г. тосты командующего французской эскадрой А.Жерве становятся «все более определенными». Это легко проследить по их текстам, опубликованным в русских газетах. Но тост адмирала во время завтрака, который он дал на «Маренго» 15 июля и текст которого Греч переслал Ламздорфу, в газеты не попал.

Ответный визит русской Средиземноморской эскадры в Тулон в 1893 г. состоялся после заключения дипломатического соглашения и военной конвенции между Россией и Францией. Русская сторона настаивала на сохранении в тайне как самого факта, так и сути договоренностей. Поэтому при подготовке визита был учтен опыт 1891 г. Из дневника А.В.Богданович и воспоминаний Н.А.Епанчина известно, что при выборе командующего эскадрой Александр III распорядился прислать ему список контр-адмиралов с пометами: кто хорошо говорит по-французски, кто хуже и кто хуже всех прочих. Это был Ф.К.Авелан. Именно он и был назначен командиром эскадры с тем, «чтобы поменьше там болтал».

Эта информация из документов личного происхождения подтверждается материалами делопроизводства. В инструкции, составленной для командующего эскадрой, предписывалось: «Посещению Тулона не следует придавать какое-либо особое политическое значение, и потому необходимо воздерживаться от речей и разговоров в подобном направлении»¹. Такую нацеленность подтверждают и тосты, которые адмирал произносил на многочисленных празднествах в честь России. В первый же день визита Авелан признался, что с годами подзабыл французский и просил извинить его за то, что «лезет за словом в карман». Все его тосты в течение 14-дневных празднеств немногословны, составлены в общих выражениях и свидетельствуют о том, что выбор императора оправдался.

Оба адмирала — Жерве и Авелан — вероятно не готовили письменных текстов своих выступлений. Но в тех случаях, когда тосты произносят главы государств, дипломатический протокол предписывает несколько обязательных правил.

Тост должен включать приветствие в адрес гостя; общие положения, послужившие поводом для встречи; общепринятую фор-

¹ Рыбаченок И. С. Россия и Франция: союз интересов и союз сердец. 1891 — 1897. Русско-французский союз в дипломатических документах, фотографиях, рисунках, карикатурах, стихах, тостах и меню. — М., 2004. — С. 54.

му пожеланий главе государства, пожелания процветания стране и народу. Хозяин посылает копию своего тоста гостю, чтобы тот мог подготовить ответ. Ответ, который на важной политической встрече обычно согласовывается заранее, содержит: благодарность за гостеприимство; выражение взаимной заинтересованности во встрече и заверения в дружеских чувствах; добрые пожелания главе государства, пожеланиям процветания народу и стране. Тост и ответ составляются на одном языке. Так как в XIX в. официальным языком международного общения являлся французский, тексты тостов составлялись на нем. Покажем, как это происходило.

После коронации Николай II совершил в 1896 г. серию официальных визитов к главам европейских государств. Он побывал в Вене, Лондоне, Берлине и Париже, где вел переговоры о позициях заинтересованных сторон в ходе ближневосточного кризиса. На следующий год состоялись ответные визиты на высшем уровне. При подготовке к встрече австрийского императора Франца Иосифа II в апреле 1897 г. министр иностранных дел М. Н. Муравьев доложил Николаю II, что австрийский посол в Петербурге получил конфиденциальное поручение из Вены осведомиться о тосте царя на торжественном обеде в честь австрийского императора и, если возможно, сообщить содержание этого тоста, чтобы император мог сообразовать с ним свой ответ.

Сохранившаяся в фонде канцелярии российского МИД (в АВПРИ) документация (черновики, чистовики, варианты) позволяет проследить механизм *составления тоста*. Резолюция царя содержала указание подготовить проект тоста «в одну фразу», основываясь на прецеденте тоста, произнесенного в Вене в 1896 г. Его текст, опубликованный в газете «Новое время», гласил: «Принося Вашему Величеству благодарность за любезную встречу, которую вы нам устроили, я пью за здоровье Их Величеств императора австрийского, короля венгерского и императрицы королевны»¹.

В канцелярии российского МИД был подготовлен *проект* тоста, в котором в косвенной форме нашла отражение суть договоренностей между Россией и Австро-Венгрией о взаимном обязательстве сохранять существующее статус-кво на Балканах. Текст показался Николаю II слишком длинным. Тогда было составлено *два новых варианта*. Первый: «Я поднимаю мой бокал в честь Его Величества императора и короля Франца Иосифа, с которым меня объединяет искренняя дружба и полное сходство взглядов, основанных на принципах укрепления порядка, уважения права и упорочения всеобщего мира». Второй: «Я поднимаю мой бокал в честь Его Величества императора и короля Франца Иосифа моего высококочтимого друга, присутствие которого среди нас является но-

¹ Новое время. — 1896. — 17(29) авг. — № 7353.

вым залогом поддержания всеобщего мира, столь драгоценного для народов, которыми Господь доверил нам управлять».

После стилистической правки *окончательный вариант* приобрел следующий вид: «Я поднимаю мой бокал в честь Его Величества императора и короля Франца Иосифа моего высокопочтимого друга, присутствие которого среди нас является новым залогом поддержания мира, столь драгоценного для всех народов». Сохранилась и копия текста ответного тоста австрийского императора, в котором повторялось положение об укреплении порядка и подержании мира.

В августе того же года состоялся ответный визит французского президента Ф. Фора. О подготовке тостов сохранились свидетельства в фонде канцелярии МИД (в АВПРИ) и личном фонде Николая II (в ГА РФ). Министр иностранных дел М. Н. Муравьев представил царю проекты трех тостов: в честь президента, в честь французской армии и в честь французского флота. Они были высочайше одобрены. Французской стороне сообщили лишь текст первого тоста и запросили текст тоста, который произнесет президент. Он был получен своевременно и доложен Николаю II. Редактирование текстов тостов за процветание армии и флота происходило уже в ходе визита, поскольку французская сторона стремилась к большей ясности и определенности формулировок. Сохранившиеся черновики и варианты позволяют проследить как кропотливо работали дипломаты в поисках точного слова. Окончательное же решение оставалось за царем.

Главное, министр иностранных дел Г. Аното под занавес добился провозглашения факта существования союзных обязательств между двумя государствами. Опубликованные личные материалы из архива Аното и черновики тостов глав государств позволяют узнать подробности дела. Сначала два министра составили проект тоста президента и ответа царя, затем обговорили их с Фором, который должен был получить согласие Николая II. Последний не возражал, и формулировка о двух дружественных и союзных нациях прозвучала в тостах во время прощального завтрака на борту французского крейсера «Потюю».

Отметим также, что царю на выбор были представлены как рукописные тексты тостов, так и их печатные оттиски. На рисунке, запечатлевшем торжественный момент прощального завтрака, можно видеть, что Николай II произносит тост, держа его текст в руках, а архивные материалы свидетельствуют, что это был печатный оттиск.

Использование материалов делопроизводства безусловно необходимо в тех случаях, когда исследователю нужно *выяснить историю разработки и принятия важного политического решения*. Рассмотрим это на примере подготовки России к первой конференции мира, состоявшейся в Гааге в 1899 г.

16 августа 1898 г. в русских газетах была опубликована нота министра иностранных дел России Муравьева с предложением державам собраться на международную конференцию для обсуждения вопроса о приостановке вооружений и выработки способов мирного урегулирования конфликтов. Публикация ноты застала врасплох почти всех как в России, так и за рубежом. Мемуарные свидетельства современников дают противоречивую картину того, кто и когда был инициатором этой идеи и как проходила подготовка конференции. На авторство и свою особую роль в осуществлении замысла претендовали военный министр А. Н. Куропаткин, министр финансов С. Ю. Витте, директор I департамента МИД А. К. Базили, профессор права Ф. Ф. Мартенс и другие лица.

Из дневников Куропаткина известно, что в конце февраля 1898 г. он высказал Николаю II мнение о целесообразности заключить военную конвенцию с Австро-Венгрией, по условиям которой обе державы в течение десяти лет не будут использовать новых скорострельных пушек в своих армиях. Эта мера, по мнению министра, могла бы стать первым шагом на пути к приостановке расходов на вооружение во всей Европе. Одобренную царем мысль Куропаткин тут же сообщил Муравьеву, и дело пошло.

По версии Витте, именно он впервые разъяснил Муравьеву пользу сокращения вооружений. Подчеркивая свою роль в этом деле, он сознательно сместил хронологию событий и датировал свой разговор с министром иностранных дел о проекте военного министра серединой 1898 г. Такая «ошибка» памяти позволила Витте обойти историю вопроса о длительной подготовке — с марта по август — опубликованной ноты. Так же не точны и другие мемуаристы.

Обращение к материалам делопроизводства российского МИД позволяет воссоздать более полную и достоверную канву событий. Документы свидетельствуют, что после устной беседы Муравьева с Куропаткиным последний составил письмо, послужившее толчком к выработке в МИД инициативного документа: в конце марта там была составлена записка с формулировкой сути замысла конференции. В принципе одобренный царем документ был отложен в ожидании подходящей международной обстановки для его оглашения. Затем в середине июня документ был обсужден на совещании министров: иностранных дел, финансов, военного, морского и нескольких ведущих чиновников МИД. Совещание поддержало замысел обращения к державам (именно тогда Витте о нем и узнал) и выработало его форму. Через неделю был подготовлен проект документа. Однако Николай II его не одобрил, и началась проработка подходящих формулировок.

Здесь перед исследователем открываются широкие возможности для сопоставления черновых и окончательных вариантов текста. Выявляется, что черновик мартовской записки написан де-

лопроизводителем I департамента МИД М. Г. Приклонским и имеет значительную правку товарища министра иностранных дел Ламздорфа. Его рука видна также и на других многочисленных документах, связанных с подготовкой конференции. Документов же, составленных или отредактированных лично министром, историк не обнаружит, что вполне подтверждают свидетельства современников: о Муравьеве — как о ленивом и не склонном заниматься делами человеке, о Ламздорфе — как о чиновнике работоспособном и весьма ответственном.

Специальная подборка материалов канцелярии МИД позволяет проследить предысторию замысла «дела о мире». В нее включены: переписка министра иностранных дел Н. К. Гирса с послом в Лондоне Е. Е. Стаалем (с резолюциями царя на письмах), о попытках премьер-министра Англии А. Розбери в 1894 г. побудить Александра III выступить с инициативой конференции по сокращению вооружений; донесение советника посольства в Вене А. К. Базили о межпарламентской конференции 1898 г., а также составленный им под впечатлением от конференции проект организации международного третейского разбирательства. Этот проект и лег, спустя два года, в основу записки МИД.

Многочисленные варианты проекта августовской ноты показывают, как вдумчиво дипломаты подбирали каждое слово документа. Большое внимание уделялось и переводу его на французский язык, с тем чтобы добиться адекватной передачи замысла.

Обращение к черновикам и вариантам помогает выяснить историю выбора места проведения конференции — Гааги, что произошло далеко не сразу. В опубликованной августовской ноте этот вопрос вообще не затрагивался. В ответных нотах державы высказали два предложения: получить от России программу конференции и проводить ее в Санкт-Петербурге. Дневниковые записи Мартенса свидетельствуют о том, что опасения неудачи, которая могла бы нанести ущерб престижу России, побудили МИД отказаться от проведения конференции в столице империи. Во второй, декабрьской, ноте, российская сторона предложила проводить заседания в каком-либо небольшом европейском городе, чтобы избежать острых политических дискуссий. Однако в одном из рукописных вариантов августовской ноты был абзац, не вошедший в окончательный текст, в котором говорилось, что, в случае согласия держав участвовать в конференции, Николай II «соизволяет предложить ей гостеприимство в пределах России». Таким образом замысел проведения форума в столице государства-инициатора, как и принято в международной практике, присутствовал изначально, но не осуществился.

Делопроизводственные документы МИД содержат важную информацию о подготовке публикации августовской ноты, ее рассылке и вручении. Они показывают, что послы 14 иностранных

держав в Санкт-Петербурге получили ноту лично из рук Муравьева 12 августа; в тот же день она была разослана представителям еще 8 держав, а также всем российским послам и посланникам за границей. Кроме того, копия текста ноты была направлена военному министру, управляющему морским министерством, министрам финансов, двора, внутренних дел, юстиции, народного просвещения, путей сообщения, управляющему министерством государственных имуществ, государственному контролеру, обер-прокурору Синода и главноуправляющему собственной Его императорского Величества канцелярией. Список этих лиц, сообщенный министром иностранных дел министру внутренних дел, очерчивает круг важнейших сановников империи.

Тщательно была выбрана дата публикации ноты — день торжественной церемонии открытия памятника Александру II в Москве, на которой присутствовал Николай II. То, что это не было совпадением или случайностью, а входило в идеологическую составляющую замысла, подтверждает черновой вариант проекта всеподданнейшей записки Муравьева. В ней министр испрашивал разрешение царя напечатать текст ноты в газетах. В черновике записки зачеркнут абзац (не вошедший в окончательный вариант), в котором прямо указывалось, что публикация должна появиться в день открытия памятника.

Получив согласие держав участвовать в международной конференции, российские дипломаты начали готовить ее программу. Варианты, разработанные в МИД, были предварительно согласованы с министерствами. *Делопроизводственная документация МИД раскрывает механизм межведомственной деятельности* по этому вопросу. Так, записка Мартенса о предложениях, с которыми Россия могла бы выступить на конференции, была разослана военному министру, министру финансов и управляющему морским министерством. Муравьев просил коллег сообщить свои соображения, чтобы выработать единую программу. Работая с этими документами, исследователь обнаружит, что в делопроизводстве МИД содержатся: в копиях — все отправляемые в другие ведомства материалы, а в подлинниках — все полученные в ответ материалы на обращения МИД. Подлинные документы, отправленные МИД в военное, морское министерства и министерство финансов, сохранялись в делопроизводстве этих министерств. Результаты обсуждения предложений дипломатов в сопредельных ведомствах, зафиксированные в их документации, сохранялись там в подлинниках, а их копии направлялись в МИД.

Комплекс документации ведомств дает исследователю возможность шаг за шагом проследить длительный и сложный процесс поиска согласованных решений. При этом следует иметь в виду, что в самодержавной России окончательное решение по всем вопросам, в том числе и внешнеполитическим, оставалось за царем.

Поэтому очень важно учитывать резолюцию Николая II на документе, которая позволяет выявить его позицию в каждом случае, а иногда и причину, по которой решение не принималось или откладывалось. Известно, что основные достижения первой конференции мира охватывали вопросы международно-правового регулирования, поскольку договориться о каких-либо практических мерах в области сокращения вооружений не удалось. Но чтобы добиться включения вопросов о международном арбитраже в программу конференции, российским дипломатам пришлось преодолеть неприятие этой идеи царем. Документы свидетельствуют о том, что Николай II несколько раз отвергал проекты, в которых упоминалось о третейском суде, так как считал его посягательством на prerogatives монарха.

Поскольку документы, относящиеся к конференции, были необходимы как в текущем делопроизводстве МИД, так и для сообщения другим ведомствам, они неоднократно копировались литографским способом (поэтому назывались литографиями). Идентичный блок литографий самых важных материалов, составляющих ядро документации по Гаагской конференции, отложился в АВПРИ в фондах «Канцелярия министра», «Политархив» и «Посольство в Лондоне» (так как главой российской делегации был назначен посол в Лондоне Стааль, и ему для сведения пересылались необходимые материалы). Для исследователя важно, что такое *многократное дублирование документов обеспечивает сохранность информации*.

Работы конференции проходили по трем направлениям, и поэтому делегаты обсуждали вопросы в трех комиссиях, а затем выносили их на пленарные заседания. В каждой комиссии велся протокол, который публиковался после того, как выступавшие знакомились с его текстом и вносили в него поправки. Сравнение сохранившихся рукописных вариантов протоколов и окончательных — печатных — вариантов позволяет выявить, что многие формулировки при внесении в окончательный вариант смягчались, а детали сглаживались.

Существенный интерес для исследователя внешней политики России представляют депеши, которые ежедневно (и по несколько в день) составлялись членом российской делегации Базили, а затем подписывались Стаалем. Эти материалы дают представление о ходе конференции и в то же время отражают оценку результатов с точки зрения ее инициатора.

Системность делопроизводственной документации и существование определенного порядка ее движения позволяют исследователю разработать методику целенаправленного поиска конкретного документа. Опыт решения подобной эвристической задачи успешно реализовал В.И. Бовыкин, выявивший в архиве и опубликовавший документ, о существовании которого было хорошо извест-

но, но обнаружить который долго не удавалось — так называемый «красный договор» синдиката «Продуголь»¹. Свое название соглашение получило по цвету обложки, который имела брошюра с его текстом.

Законодательство Российской империи запрещало соглашения об установлении монопольных цен на товары. Обходя этот запрет, отечественные сбытовые монополии (синдикаты) создавались посредством заключения двусторонних (контрагентских) соглашений между предприятиями — производителями товара и учрежденной этими предприятиями конторой по его продаже (в данном случае — «Продуголь»). По отдельности каждое из подобных соглашений было законно, но вместе они позволяли контролировать рынок, что создавало монополию. Организаторы синдиката могли быть привлечены к уголовной ответственности. В 1911 г. два контрагента «Продугля» обратились с исками в суд, требуя признать незаконными заключенные ими с «Продуглем» соглашения как направленные на установление монополии. Следствие по этому делу длилось около четырех лет и было прекращено в марте 1915 г. «по недостаточности собранных улик».

Тексты контрагентских договоров хранились после их подписания в конторе синдиката (оригинал) и у контрагента (копия). Очевидно, что именно там следовало искать документ. Но архивный фонд «Продугля» не сохранился, а в дошедших до нас остатках делопроизводства контрагентов текст договора обнаружен не был.

Исследователь продолжил поиск — изучил архивные фонды правительственных учреждений, причастных к судебному делу синдиката «Продуголь». В них удалось найти подробные выписки из «красного договора», которые позволили реконструировать его текст. Однако необходимо было найти сам документ. Многие годы занимаясь проблемами финансового капитала, Бовыкин знал, что в начале XX в. в России крупные промышленные предприятия патронировались банками.

В результате поисков в архивных фондах банков «красный договор» был выявлен им в делопроизводстве Волжско-Камского банка, финансировавшего одного из контрагентов синдиката «Продуголь» — Алексеевское горнопромышленное общество. Найденный документ представлял собой нотариально заверенную копию с копии (той самой, которая выдавалась контрагенту) договора между «Продуглем» и Алексеевским горнопромышленным обществом. Позднее Бовыкин обнаружил еще один подобный экземпляр «красного договора» в архиве французского банка «Генеральное общество», финансировавшего ряд угледобывающих предприятий юга России.

¹ См.: Бовыкин В. И. «Красный договор» Продугля // Исторические записки. — М., 1965. — Т. 78.

Варадинов Н. Делопроизводство. Руководство к составлению всех родов деловых бумаг и актов по данным форматам и образцам. — СПб., 1881.

ГОСТ 16487 — 83. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения. — М., 1984.

Государственная дума. Стенографические отчеты. — СПб., 1906 — 1917.

Гуляев А. И. Справочная книга для лиц, занимающихся торговыми и конторскими делами. — М., 1906.

Документы внешней политики СССР. — М., 1957 — 1992. — Т. 1 — 22.

Единая государственная система делопроизводства. Основные положения. — М., 1974.

Единая государственная система документационного обеспечения управления. Общие требования к документам и службам документационного обеспечения. — М., 1990.

Журналы Особого совещания по обороне государства. 1915 — 1917. — М., 1975 — 1979.

Инструкция о делопроизводстве в организациях и выборных органах КПСС. — М., 1991.

Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898 — 1986. — М., 1983 — 1989. — Т. 1 — 15: Справочный том. — М., 1990.

Лившиц Я. З. Сборник законодательных актов по делопроизводству. 1917 — 1970. — М., 1973.

Максимов В. Руководство для составления деловых бумаг. Образцы и формы. Справочные сведения. — М., 1913.

Материалы по истории СССР. — Т. 6: Документы по истории монополистического капитализма в России. — М., 1959.

Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств. 1878 — 1917. — Сер. 2. 1900 — 1913. — Т. 18 — 20. — М., 1938 — 1940; Сер. 3. 1914 — 1917. — Т. 1 — 10. — М.; Л., 1931 — 1938.

Меньшевики. Документы и материалы. 1903 — февраль 1917 г. — М., 1996.

Меньшевики в 1917 г. — М., 1994 — 1997. — Т. 1 — 3.

Меньшевики в 1918 г. — М., 1999.

Общие правила документации и документооборота. — М., 1931.

Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. — Л., 1924 — 1927. — Т. 1 — 7.

Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК. Т. 1. — 1905 — 1907. — М., 1996.

Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. — М., 1996 — 2001. — Т. 1 — 3.

Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг. — М., 1986 — 1989. — Т. 1 — 2.

Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919—1952. Каталог. — М., 2000—2001. — Т. 1—3.

Правые партии. 1905—1917. Документы и материалы. — М., 1998. — Т. 1—2.

Протоколы и стенографические отчеты съездов и конференций КПСС. Документы и материалы. 1898—1990. — М., 1958—1991.

Протоколы Президиума Высшего совета народного хозяйства. — М., 1991—1993. — Ч. 1—2.

Российская Федерация. Федеральное Собрание. Государственная дума. Стенограммы заседаний. Весенняя сессия. — М., 1994—1995. — Т. 1—10.

Российская Федерация. Федеральное Собрание. Совет Федерации. Стенографический отчет. — М., 1994—1995. — Вып. 1—20.

Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877—1878 гг. на Балканском полуострове. — СПб., 1898—1912. — Вып. 1—97.

Стенографические отчеты съездов народных депутатов СССР. — М., 1989—1991.

Съезды и конференции конституционно-демократической партии. — Т. 1. — 1905—1907. — М., 1997.

Унифицированная система организационно-распорядительной документации. Унифицированные формы, инструктивные и методические материалы по их применению. — М., 1982.

Литература

Ананьич Б. В., Панеях В. М. «Академическое дело» как исторический источник // Исторические записки. — М., 1999. — Т. 2 (120).

Борисова Л. В. Протоколы Президиума ВСНХ (1917—1920 гг.). Опыт источниковедческого анализа // Исторические записки. — М., 1988. — Т. 116.

Виноградова Л. В. Основные виды документов Сената и организация его делопроизводства // Некоторые вопросы изучения исторических документов XIX—начала XX в.: сб. ст. — Л., 1967.

Воронкова С. В. Материалы Особого совещания по обороне государства. Источниковедческое исследование. — М., 1975.

Генкина Э. Б. Протоколы Совнаркома РСФСР за 1917—1922 гг. и их значение как исторических источников // Археографический ежегодник за 1976 г. — М., 1977.

Георгиев А. В. Документы посольств и миссий России как источник для изучения роли заграничной службы МИД во внешнеполитическом аппарате самодержавия // История СССР. — 1988. — № 4.

Голиков А. Г. К вопросу о составе, содержании и сохранности документов акционерных компаний // Источниковедение отечественной истории. 1979: сб. ст. — М., 1980.

Голиков А. Г. Архивоведение отечественной истории: учеб. пособие. — М., 2005.

Городецкий Е. Н. Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б). Март—октябрь 1917 г. // Источниковедение истории Великого Октября: сб. ст. — М., 1977.

Дятлова Н. П. Отчеты губернаторов как исторический источник // Проблемы архивоведения и источниковедения. — Л., 1964.

Илюшенко М. П. История делопроизводства в дореволюционной России. — М., 1993.

История делопроизводства в СССР. — М., 1974.

Лисовина А. П. Теория и методика исследования годовых отчетов социалистических предприятий как исторического источника. — Кишинев, 1983.

Литвак Б. Г. Очерки источниковедения массовой документации. XIX—начало XX в. — М., 1979.

Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма. — М., 1979.

Мацкина Р. Ю. Министерские отчеты и их особенности как исторического источника // Проблемы архивоведения и источниковедения: сб. ст. — Л., 1964.

Митяев К. Г. История и организация делопроизводства в СССР. — М., 1959.

Михайлова Н. М. О подготовке Истпартом издания протоколов съездов и конференций коммунистической партии // Археографический ежегодник за 1990 г. — М., 1992.

Петропавловский Е. С. Некоторые аспекты источниковедения материалов общероссийских съездов, конференций и совещаний РСДРП // Вопросы истории. — 1978. — № 2.

Рыбаченок И. С. Русско-французский союз в тостях // Россия и Франция XVIII—XX в. — М., 1998. — Вып. 2.

Сидоров А. Л. Материалы о свержении царизма в фонде Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства // Исследования по отечественному источниковедению: сб. ст. — М.; Л., 1964.

Членова Н. А. Архив газеты «Русское слово» // Источниковедение отечественной истории. 1981: сб. ст. — М., 1982.

Шепелев Л. Е. Архивные фонды акционерных коммерческих банков // Проблемы источниковедения. — М., 1959. — Т. 7.

Шепелев Л. Е. Проблемы источниковедческого изучения делопроизводственных документов государственных учреждений XIX—начала XX в. // Источниковедение отечественной истории. 1975: сб. ст. — М., 1976.

Шепелев Л. Е. Отчеты Государственного совета царской России как исторический источник (1869—1906 гг.) // Вспомогательные исторические дисциплины. — Л., 1987. — Т. 19.

Глава 9

СТАТИСТИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

9.1. Общая характеристика

Статистические источники представляют собой сложный по происхождению и составу комплекс документов, в которых зафиксированы систематические сведения и данные, целенаправленно собираемые для принятия обоснованных управленческих решений. Эти материалы характеризуют количественные закономерности истории человеческого общества в неразрывной связи с их качественным содержанием. Статистические источники возникают в процессе сбора, обработки, анализа и публикации информации об объекте изучения. Они включают: программу текущего учета или специальных статистических обследований; первичные документы учета (отчеты, в том числе бухгалтерские; учетные карточки, бланки, анкеты, ведомости); сводки первичных статистических данных; публикации статистических трудов.

Статистические источники органично связаны с делопроизводственной документацией, в составе которой представлены материалы текущего учета и отчетности, необходимые для повседневной деятельности государственных учреждений, частновладельческих предприятий и общественных организаций. Расширение масштабов и усложнение функций управления потребовали более полной, чем прежде, достоверной информации о различных сферах жизнедеятельности государства и общества. Наряду с обобщением данных текущей статистики такие массовые однотипные сведения могли быть получены в результате их единовременного сбора по определенной программе.

Во второй половине XIX в. в развитии отечественной статистики произошли качественные изменения: был совершен переход от экономико-географических и статистических описаний к количественной характеристике основных явлений исторической действительности. Материалы статистики сформировались в особый вид письменных исторических источников. Главное их значение для историков состоит в том, что они предоставляют в распоряжение исследователей массовые данные. При работе с материалами статистики необходимо иметь в виду, что они по своему происхождению являются *массовыми историческими источниками*.

Класс массовых исторических источников выделил И.Д. Ковальченко. Он полагал, что «с точки зрения внутреннего характера

и воздействия на общественный организм всю многообразную совокупность явлений общественной жизни можно разделить на две категории — явления *массовые* и *индивидуальные*» (курсив. — Авт.).

Первые «представляют собой совокупность исторических феноменов (объектов), с одной стороны, обладающих *одинаковыми свойствами*, а с другой, — характеризующихся *различной мерой* этих свойств. Совокупности таких объектов составляют в большей или меньшей мере сложные *системы* с присущими им структурами, подверженными непрерывным колебаниям и изменениям. Поэтому совокупный результат функционирования подобных систем представляет собой *равнодействующую* разных ее состояний, т. е. является *объективно закономерным*»¹. Индивидуальные явления общественной жизни, в отличие от массовых, проявляют себя как *субъективно-индивидуальные*.

Поэтому «*массовыми* (курсив — авт.) являются источники, характеризующие такие объекты действительности, которые образуют определенные общественные *системы* с соответствующими *структурами*. Массовые источники отражают сущность и взаимодействие массовых объектов, составляющих эти системы, а следовательно, строение, свойства и состояние самих систем»².

Структурный характер информации массовых источников позволяет использовать для ее извлечения, обработки и анализа количественные методы исследования и современную компьютерную технику.

Многоэтапность создания статистических источников обусловила *многократность субъективизации зафиксированной в них информации*.

На каждом из этапов — разработки программы сбора сведений, ее реализации, обработки первичных материалов и подготовки статистических трудов — составители (субъекты), исходя из собственных представлений об объекте изучения и стоящих перед ними задачах, по-своему корректировали материал.

Историк должен помнить, что статистические источники, как и всякие другие, представляют собой не действительность, которую характеризуют содержащиеся в них данные, а ее отражение. При использовании в качестве исходной базы исследования субъективизированной картины прошлого необходим предварительный критический анализ этой картины. В отношении статистических источников такой анализ *всегда* многоэтапен.

¹ Ковальченко И.Д. Задачи изучения массовых исторических источников // Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма. — М., 1979. — С. 6.

² Там же.

9.1.1. Программы сбора статистических сведений

Объектом статистического изучения могут быть различные сферы общественной жизни и общественной деятельности. В связи с этим принято выделять статистику народонаселения, промышленности, сельского хозяйства, труда, торговли, транспорта и т.д. Статистические источники создаются государственными институтами, частновладельческими предприятиями и общественными организациями с целью получения необходимых им массовых сведений. Состав этих сведений фиксируется в программах сбора статистических данных.

Так, программа первой в России всеобщей переписи населения, утвержденная императором Николаем II 5 июня 1895 г., предусматривала сбор персональных сведений обо всех лицах, проживающих на территории государства, независимо от пола, возраста, состояния, вероисповедания, национальности и подданства. В переписной бланк были включены следующие вопросы: имя, отчество, фамилия (прозвище); пол; возраст (сколько лет или месяцев от роду); семейное состояние (холост, женат, вдов, разведен); отношение к главе хозяйства и главе своей семьи (родственник, свойственник, приемыш или жилец, прислуга, работник и т.д.); сословие, состояние или звание; место (губерния, уезд, город) рождения, приписки, постоянного жительства; вероисповедание; родной язык; грамотность; занятие, ремесло, промысел, должность или служба (главное, т.е. то, которое доставляет главные средства для существования; побочное, или вспомогательное). Перепись проводилась 28 января 1897 г. Благодаря собраным сведениям население России впервые было учтено одновременно и по единой программе.

Системную характеристику населения РСФСР и СССР содержат материалы нескольких переписей. Включенные в их программы вопросы имели целью получить по возможности полные и точные сведения, которые позволяли бы верно оценить уровень демографического и социокультурного развития страны. О происходивших изменениях можно судить по формулировкам одного и того же вопроса в программах переписей. Покажем это, сравним формулировки вопроса о грамотности и образовании в бланках переписей 1897, 1920, 1926, 1937, 1939, 1959 и 2002 гг.

В 1897 г. грамотность определялась как умение читать. Для грамотных следовало уточнить: где обучается, обучался или кончил курс образования. В 1920 г. была проведена перепись населения РСФСР, данные которой предполагалось положить в основу советского строительства. В переписном бланке вопрос о грамотности формулировался более детально: а) читает и пишет или только читает на русском языке; б) читает и пишет или только читает на другом языке (следовало указать, на каком именно); в) или

вовсе неграмотен. На вопрос об образовательном цензе нужно было назвать «последнее по времени заведение, в котором обучался», указав его тип (общеобразовательное или специальное), и сообщить, кончил ли опрашиваемый курс.

Ту же формулировку вопроса о грамотности содержала и программа первой общесоюзной переписи населения 1926 г. Она позволяла получить необходимую информацию в связи с политикой Советского государства по ликвидации безграмотности. В инструкции по заполнению переписного листа разъяснялось, что грамотными следует считать только тех лиц, которые умеют читать хотя бы по слогам и могут написать свою фамилию. Лица, умеющие подписать свою фамилию, не умея читать, записывались как вовсе неграмотные.

В переписном листе, заполнявшемся в 1937 г., вопрос задавался предельно лаконично: «Грамотен ли?» Ответ предполагался столь же краткий: «Да» или «Нет». Подвопросы об уровне грамотности и языке, на котором умеет читать и писать опрашиваемый, в переписной лист не были включены. Но был детализирован вопрос об образовании, ответы на который должны были характеризовать достижения в этой области: в какой школе учиться (начальной, средней или высшей); в каком классе или на каком курсе учиться, окончил среднюю или высшую школу. Следует отметить, что в приведенном перечне не указаны такие широко распространенные в то время виды обучения, как школы ФЗУ, профсоюзные школы, различные курсы и т. п.

В переписном листе 1939 г. формулировка вопроса о грамотности была снова расширена: «Читает и пишет или только читает на каком-либо языке; или вовсе неграмотен». Однако язык, на котором умеет читать и писать опрашиваемый, как и при проведении переписи 1937 г., не отмечался, и, значит, собранные в ее ходе сведения заведомо содержали меньшую информацию по этому вопросу, чем сведения, полученные при переписи в 1926 г. Для учащихся следовало указать полное название учебного заведения, школы, курсов; в каком классе или на каком курсе обучается. Вопрос об окончании средней или высшей школы был выделен как самостоятельный.

Всесоюзная перепись населения 1959 г. — последнее в СССР общее демографическое обследование, зафиксировавшее сведения о неграмотных. В связи с тем, что к этому времени неграмотность в стране была в основном ликвидирована, вопрос о грамотности не был включен в переписной бланк как самостоятельный. Он вошел в вопрос об образовании, формулировка которого была значительно расширена по сравнению с программами более ранних переписей населения: «Для лиц 9 лет и старше, не имеющих начального образования, указать: читает и пишет или только читает на каком-либо языке; или вовсе неграмотен». Предусматри-

валась дифференцированная оценка уровня образования: высшее, незаконченное высшее, среднее специальное, среднее общеобразовательное, семилетнее, начальное. Для учащихся, кроме того, следовало указать полное название учебного заведения.

Результаты проведенных в РСФСР и СССР всеобщих переписей населения отразили положительную динамику демографических изменений в стране.

Всего десятилетие спустя после развала СССР в Программу Всероссийской переписи населения 2002 г. вновь был включен казалось бы навсегда забытый вопрос о грамотности. «Для лиц в возрасте 10 лет и старше» он формулировался следующим образом: «Если Вы не имеете начального общего образования, укажите, умеете ли читать и писать?» Каждый должен был дать однозначный ответ: «Да» или «Нет».

Официальное издание «Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.» (М., 2004) засвидетельствовало: в стране есть неграмотные, т.е. не умеющие писать и даже читать. Но сведения о грамотности населения опубликованы лишь частично. Поскольку федеральный закон РФ «Об образовании» предусматривает обязательное получение основного общего (неполного среднего — 9-классного) образования до достижения учащимися 15-летнего возраста, в публикации названо только количество неграмотных в возрасте 15 лет и старше — 670 480 человек, т.е. 0,6 % группы опрашиваемых. Кроме того, в переписных листах 1 364 408 респондентов данной возрастной группы вообще нет ответа на вопрос об уровне образования. Логично предположить, что значительную часть этих «забывчивых» людей также составляют не умеющие читать и писать. О грамотности подростков 10—14 лет сведения не приводятся.

Во второй половине XIX в. произошли качественные изменения в отечественной статистике промышленности. На протяжении всего XIX в. основным источником текущих сведений о предприятиях обрабатывающей промышленности, занимавшей центральное положение в структуре промышленного производства России, были ведомости, ежегодно рассылавшиеся на фабрики и заводы. Их рассылку и разработку полученных сведений осуществлял Департамент торговли и мануфактур Министерства финансов. Формуляр ведомости был законодательно утвержден в 30-х гг. XIX в., но в 1884—1885 гг. явочным порядком в него были внесены изменения, расширившие спектр запрашиваемых сведений.

Согласно вопроснику ведомости за 1885 г., владелец предприятия должен был представить сведения: о местонахождении заведения; дате его основания; количестве изготовленных изделий в натуральном и стоимостном выражении; числе паровых машин и их мощности, других типах двигателей, числе рабочих (взрослых, малолетних, мужчин, женщин, занятых на фабрике или работаю-

щих на стороне); заработной плате и продолжительности рабочего дня; количестве используемых механизмов; топливе; сырье; сбыте изделий; о непрерывности производства в течение года. Новый формуляр содержал также вопросы о фабричных зданиях, об образовании и подданстве лиц, заведующих производством, об имеющихся при фабрике училище, больнице, сберегательной кассе и т. д.

В 1895 г. Департаментом торговли и мануфактур Министерства финансов была предпринята попытка реформы методов сбора статистических сведений о фабрично-заводской промышленности. Цель реформы сформулировал министр финансов Витте — обеспечение потребности государства в постоянном получении широкой экономической информации. В циркулярном обращении к владельцам промышленных предприятий он разъяснял, что система государственного покровительства промышленности требует «постоянно и зорко следить за ходом развития этой промышленности, по крайней мере, в главных ее отраслях, за важнейшими изменениями ее технических и экономических условий и за результатами этих изменений в связи с общими интересами народного хозяйства»¹.

Всего ведомость 1895 г. включала 35 вопросов, многие из которых, в свою очередь, состояли из системы таблиц и ряда подвопросов. Пункты 1 — 8 обращали внимание «владельца или заведующего промышленным заведением, отвечающего *по закону* за достоверность сообщенных сведений» (п. 5), на необходимость обязательного заполнения ведомости «за *последний отчетный год*», если предприятие имеет «не менее *пятнадцати* рабочих», либо, при числе рабочих менее пятнадцати, — «паровой котел, паровую машину или другие механические двигатели и машины или заводские и фабричные устройства» (п. 1 — 2). Требовалось указать название промышленного заведения, точное его местонахождение, перечень производств, данные о владельце, заведующем производством и т. п.

Пункты 9 — 10 были посвящены характеристике производственных товаров (изделий) и их сбыта. Каждый товар (изделие) необходимо было назвать отдельно, указав количество (пуды, штуки, мешки и т. п.) и стоимость (сумму в рублях). Пункты 11 — 13 предусматривали получение столь же подробных сведений об израсходованных за отчетный год сырье и топливе. Пункты 14 — 17 содержали вопросы об энерговооруженности предприятия, количестве и качестве имеющихся паровых котлов и машин, а также станков (с указанием числа занятых на них рабочих).

¹ Цит. по: Воронкова С. В. Статистика промышленного производства // Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма. — М., 1979. — С. 42.

Пункты 18—21 касались длительности рабочего года и количества праздничных дней. Пункты 22—33 предполагали получение сведений о составе рабочих, продолжительности рабочего дня, заработной плате, жилищных условиях, организации медицинской помощи, страховании. Пункт 34 содержал подвопросы о казенных, городских и земских сборах. Наконец, пункт 35 требовал изложить краткую историю предприятия.

Были получены более 15 000 заполненных ведомостей предприятий, данные которых частично опубликованы в издании «Перечень фабрик и заводов. Фабрично-заводская промышленность России» (СПб., 1897).

После 1897 г. ведомостный учет как основная форма получения статистической информации о деятельности обрабатывающей промышленности в России прекращается. На смену системе ежегодных сборов государственными органами сведений о промышленном производстве приходит метод единовременных обследований промышленности. С 30-х гг. XX в. в СССР статистический учет промышленности осуществлялся на основе годовых отчетов государственных предприятий, составлявшихся в их делопроизводстве по установленным статистическим формам.

Сходные тенденции развития отечественной статистики отразили программы сбора сведений о сельскохозяйственном производстве. До 80-х гг. XIX в. такие сведения применительно ко всем категориям землевладельцев содержали только губернаторские отчеты. Посевы и сборы хлебов (зерновых культур и картофеля) учитывались в них в натуральном выражении, т. е. в объеме высеваемого и собираемого зерна. Способ их исчисления был прост: местные чиновники выясняли общие размеры посевов озимых и яровых культур, а затем на основе пробных умолов определяли высоту урожайности в «самах», умножение на которые давало предположительный объем валового сбора хлебов.

В 1881 г. в России впервые был произведен учет посевных площадей под отдельными культурами. В результате этой новации объектом статистического изучения стала эффективность землевладельческого производства, оцениваемая как отношение урожайности к единице засеянной площади. Сбором данных о площадях посевов и урожайности занимался Центральный статистический комитет (ЦСК) Министерства внутренних дел. Для получения сведений о площадях посевов различных культур во все сельские общества и всем владельцам и арендаторам имений были разосланы опросные листы.

До 1903 г. включительно при сборе сведений о площадях посева под различными культурами ЦСК выделял две основные категории посевов: посевы на землях наделных и посевы на землях владельческих. К последним относились все земли, кроме наделных, в том числе купленные у частных владельцев целыми сель-

скими обществами, а также находившиеся в аренде у отдельных крестьян-общинников. С 1904 г. сведения о размерах посевов собирались отдельно по землям: наделным, прикупленным целыми сельскими обществами, арендованным крестьянами у частных владельцев, частновладельческим.

Параллельно с учетом посевных площадей, которые выявлялись методом сплошной переписи, ЦСК собирал сведения о высевах и урожайности на единицу площади. С 1883 по 1915 г. данные урожайной статистики ежегодно публиковались ЦСК в серии «Урожай 18...-го года», входившей в состав многотомной «Статистики Российской империи».

С 1881 г. одновременно с ЦСК сведения об урожайной статистике собирал Департамент земледелия и сельской промышленности (с 1894 г. — отдел сельской экономики и сельскохозяйственной статистики) Министерства земледелия и государственных имуществ. Добровольные корреспонденты — хозяева имений — фиксировали данные о предполагаемом и фактическом урожае различных культур на наделных и частновладельческих землях, и затем на их основе в министерстве определялся средний урожай с десятины. Собранные сведения публиковались ежегодно несколькими выпусками в издании «18... год в сельскохозяйственном отношении по материалам, полученным от хозяев» (СПб., 1881—1915). Следует иметь в виду, что сведения Министерства земледелия об урожаях по большей части собраны по имениям, в которых урожайность была выше средней, и поэтому в целом они выше, чем аналогичные данные статистики ЦСК.

Еще один комплекс источников об урожаях составляют материалы земской статистики. Первые статистические работы были проведены земствами уже в конце 60-х — начале 70-х гг. XIX в. С середины 70-х гг. XIX в. при губернских, а затем и при уездных земских управах начали создаваться статистические бюро, или отделения. В 80-х гг. XIX в. они действовали в большинстве губерний, в которых, по положению 1864 г., были введены земства. Первоначально земская статистика возникла с целью изучения объектов земского налогообложения. Но уже в 70—80-х гг. XIX в. в программах земских статистических исследований ставится более широкая задача — описать основные элементы, из которых складывается экономическое благосостояние деревни, и прежде всего крестьянского хозяйства.

Собранные земскими статистиками сведения о размерах посевов, об урожайности и сборе хлебов разрознены во времени и пространстве и менее систематичны по сравнению с данными статистики ЦСК и Министерства земледелия. Но их ценность состоит в том, что сведения о земледелии даны наряду со многими другими показателями о крестьянском и частновладельческом хозяйствах и характеризуют положение в более мелких территори-

альных единицах — не в губерниях и уездах, а в отдельных селениях и хозяйствах.

Содержательная ценность подворных обследований крестьянских хозяйств определялась программами сбора данных, включавшими от 100 до 250 показателей. Программы эти не были едиными для разных губерний и уездов и неизменными при проведении повторных обследований. В них отчетливо проявлялись региональные особенности: в нечерноземных губерниях более детально учитывались промысловые занятия населения, в то время как на юге подробно анализировались прежде всего земледельческие занятия крестьян. Но вследствие в целом единых буржуазно-капиталистических тенденций развития отечественной деревни во второй половине XIX — начале XX в. при всех различиях в программах подворных обследований в отдельных губерниях основной состав учитываемых сведений был одинаков.

Как правило, подворное описание крестьянского хозяйства включало сведения: о домохозяине (фамилия, имя; если не приписан к общине, то откуда; народность; вероисповедание; сословие), о составе семьи (с разделением по полу, возрасту, грамотности), о наделной земле (засеянной, необработанной, под лугом, сланной в аренду, заброшенной), о количестве собственной и арендованной земли, о величине посева (отдельно — на наделной земле, на собственной земле, на арендованной земле), о выращиваемых культурах (овес, рожь, пшеница, ячмень, гречиха и т.д.), о количестве скота (лошадей, коров, овец, коз, свиней), о сенокосении, об инвентаре, о постройках, о постороннем заработке членов семьи (местном и отхожем), о наемных рабочих, о недоимках и т.д.

В программах обследования частновладельческих хозяйств состав запрашиваемых сведений иной. Прежде всего следовало указать имя, отчество и фамилию владельца, его сословную принадлежность, местонахождение имения (уезд, волость, расстояние от уездного города, железнодорожной станции, шоссе). Ряд вопросов предусматривал подробную характеристику принадлежащей владельцу земли и ее использования: сколько в имении земли (под усадьбой, садом и огородами; пахотной, сенокосной; под лесом); из числа пахотной земли в имении — на скольких десятинах ведется своя запашка, сколько десятин отдано в аренду на длительный срок, сколько десятин раздается мелким съемщикам на одно лето и т.д.; какой в имении принят севооборот, т.е. сколько лет земля отдыхает, какие культуры и в каком порядке затем выращиваются; как производится обработка полей: постоянными рабочими, пришлыми поденщиками или окрестными крестьянами — если последними, то за какие деньги, на каких условиях, чьим инвентарем и скотом; сколько десятин посеяно ржи, пшеницы озимой, пшеницы яровой, ячменя, овса, гречихи, других расте-

ний; кем и на каких условиях производится уборка хлебов, их средний урожай в пудах и т.д. Столь же подробные сведения собирались о скотоводстве, лесоводстве, сенокосении, инвентаре, постройках и других элементах системы владельческого хозяйства.

В бланках описаний селений и общин вопросы носили более обобщенный характер: есть ли земли, находящиеся в общем пользовании всех домохозяев общества или всех жителей селения; на какое число душ отведен надел; поделена ли по душам пахотная земля (по качеству или на иных основаниях), как влияет местоположение на урожайность полей и на удобство обработки; какие хлеба сеют преимущественно, сколько мер или пудов высевается на десятину; удобряют ли землю и под какой хлеб преимущественно (если не удобряют, то почему), когда производится уборка разного рода хлеба (не препятствуют ли своевременной уборке хлеба климатические условия или обязательные обработки) и т.п.

Опыт земско-статистических описаний был впоследствии использован советскими статистиками при разработке программ сельскохозяйственных обследований в 20-е гг. XX в., а с 30-х гг. XX в. — при подготовке формуляров бланков годовых отчетов колхозов и совхозов.

Если программы сбора данных характеризуют возможную полноту информации статистических источников, то достоверность информации во многом зависит от способа сбора сведений.

9.1.2. Сбор статистических сведений

Принято различать два основных способа получения статистических данных: *экспедиционный*, при котором специально подготовленные лица осуществляют сбор сведений и их проверку непосредственно на месте, и *анкетный (корреспондентский)*, когда информация предоставляется владельцем имущества или предприятия, представителем администрации, добровольным корреспондентом и т.п. Большую достоверность и точность информации, по мнению исследователей, обеспечивал экспедиционный метод.

Статистика государственных учреждений Российской империи базировалась чаще всего на корреспондентском методе сбора данных (или на извлечениях их из делопроизводственной документации). Поэтому высшим достижением отечественной дореволюционной статистики справедливо считаются статистические сведения земств, полученные экспедиционным методом. По способу сбора данных земская статистика разделяется на *текущую* (по показаниям добровольных корреспондентов и по периодическим отчетам земских учреждений) и на *основную* (по показаниям дворо-

хозяев). Само название второго комплекса статистических материалов свидетельствует о том, что он рассматривался как главный.

Техника сбора данных экспедиционным методом требовала выезда членов земских статистических бюро на места. Для проведения подворной переписи обычно созывался сход дворохозяев, на котором происходил их опрос. Такой прием давал более точные сведения, чем при обходе хозяйств, так как обеспечивал большую четкость ответов и взаимоконтроль. Статистические данные первоначально записывались в виде пообщинных списков. Затем широко стали применяться подворные карточки, которые были более удобны для последующей обработки.

Важное значение имело точное фиксирование ответов в соответствии с вопросами программы сбора данных. Специально составленные инструкции разъясняли, что следует считать, например, двором: «Двором считать каждого домохозяина, живущего за свой страх, платящего и не платящего подать, имеющего свой дом или живущего на квартире».

В инструкции указывалось: «Переписывать нужно всех наличных домохозяев, крестьян и не крестьян, приписанных к данному обществу и не приписанных; но необходимо в заголовке карточки отметить сословие и место, откуда пришли домохозяева, не приписанные к обществу. Отсутствующие домохозяева того общества, которое описывается, если ни одного члена семьи этих хозяев в селении нет, хотя на карточку для счета душ, платящих подати, и вписывается, но вместо всех подробностей о их хозяйстве отмечаются лишь куда они ушли и зачем»¹.

При сборе сведений о посевах следовало: «Посевы хлебов выяснить возможно точнее в переездах; так как часто у домохозяина его земля разбросана в разных местах, так что сразу определить площадь, занятую тем или другим хлебом, он не в состоянии, то необходимо неспеша выпросить его предварительно — где, сколько, чего у него посеяно, записывая постепенно то, что он говорит, на отдельной бумаге, а затем, вычислив общую площадь посева хлеба, выставлять ее на карточке. Чтобы получить ответ на вопрос: сколько вспахано паров под озимь, под яровое, в том случае, если хозяин не кончил еще пахать, необходимо внимательно расспросить его, сколько он вспахал и сколько еще думает вспахать?»².

В связи с вопросом о грамотных дано пояснение: «Между грамотными следует различать малограмотных — умеющих только читать — от грамотных, умеющих и читать и писать. Над летами малограмотных ставить знак А, например, 40^А значит: сорокалетний мужчина умеет только читать; цифра без знака будет показывать, что записанный вполне грамотен». Отметим, что бланк все-

¹ Велицкий С. Н. Земская статистика. — М., 1899. — С. 488.

² Там же. — С. 489.

русской переписи населения 1897 г. не предусматривал детализации сведений о грамотности и ограничивался указанием на необходимость фиксирования только умения или неумения читать.

Примененная земскими статистиками техника сбора материала и его проверки обеспечивала надежность и высокую степень точности данных.

Достоверность статистических сведений, полученных корреспондентским методом, ниже, так как их проверка могла осуществляться только логически при сопоставлении ответов на взаимосвязанные вопросы программы. Тот же прием эффективен и при оценке статистических данных материалов публичной отчетности. Покажем это на примере отечественной акционерной статистики конца XIX — начала XX в.

В середине 80-х гг. XIX в. законом была установлена обязательная публикация заключительных балансов и извлечений из годовых отчетов компаний в журнале Министерства финансов «Вестник финансов, промышленности и торговли». С 1 января 1886 г. они публиковались в двух специальных приложениях к этому изданию: «Балансы кредитных учреждений» для банков и «Отчеты предприятий, обязанных публичной отчетностью» для остальных акционерных предприятий. Публикуемое извлечение из отчета должно было содержать следующие сведения: суммы основного (т.е. акционерного), запасного, резервного и прочих капиталов, счет прибылей и убытков за отчетный год, распределение «чистой» (т.е. за вычетом издержек) прибыли с указанием дивиденда, причитающегося на одну акцию. Контроль за предоставлением данных для публикации возлагался на губернские казенные палаты как местные органы ведомства Министерства финансов.

Правительство использовало акционерную статистику как инструмент налогообложения акционерных компаний. Обязанность публиковать данные ежегодных балансов была возложена на правления компаний в связи с налогом на акционерный капитал (15 коп. с каждой сотни рублей) и процентным сбором с прибыли, превысившей 3 % по отношению к сумме акционерного капитала.

Публикуя данные балансов, руководители компаний преследовали две разнонаправленные цели: в о-п е р в ы х, они стремились избежать чрезмерного налогообложения и, в о-в т о р ы х, хотели привлечь акционеров. Поэтому официально оглашаемая сумма прибыли компании обычно не завышалась. В то же время существовала нижняя грань возможных манипуляций. Она определялась необходимостью выдать акционерам достаточно высокий дивиденд. Эта цель могла быть достигнута, если публикуемые сведения о величине прибыли и дивиденда свидетельствовали об успешном ходе дел предприятия. Таким образом формировался диапазон достоверности балансовых сведений о доходности предприятия.

Проверка опубликованных данных балансов компании осуществлялась прежде всего методом сопоставления сведений за ряд лет. Такой прием позволял выявить, независимо от желания составителей балансов, действительные тенденции развития предприятий. Исследователями установлено, что наибольшую подвижность обнаруживают такие показатели балансов, которые характеризуют оборотные капиталы и кредит компаний. Менее чувствительным барометром состояния дел в силу указанных выше причин являются сведения о величине полученной «чистой» прибыли и дивиденда. Показатель величины акционерного капитала не мог быть гибким заведомо, поскольку его изменение каждый раз производилось лишь с особого разрешения правительства.

Из двух обязательных для балансов компаний показателей их доходности — «чистой» прибыли и суммы, выданной в качестве дивиденда акционерам, — первый больше и, в случае успешного хода дел предприятия, обнаруживает тенденцию к опережающему росту (как в абсолютном, так и в относительном — к величине акционерного капитала компании — выражении). Так, например, акционерное общество Коломенского машиностроительного завода в начале XX в. дважды (за 1906 и 1916 операционные годы) выдало акционерам дивиденд в 14 % от величины акционерного капитала компании. В первом случае выданная сумма составила 1,05 млн рублей (при показанной «чистой» прибыли чуть более 2 млн рублей, или 26,9 % к величине акционерного капитала). Во втором — 2,1 млн рублей (при показанной «чистой» прибыли около 7,5 млн рублей, или 49,9 % к величине акционерного капитала).

Все эти «хитрости» были хорошо известны правительственным чиновникам. Дополнительную для них возможность проверки публикуемых компаниями статистических данных создавало хранение основных бухгалтерских книг в архивах предприятий. Благодаря публикациям балансов и высокой степени сохранности в архивах Российской Федерации документации акционерных компаний конца XIX—начала XX в. такую проверку могут проводить и современные исследователи.

Разумеется, тот или иной метод сбора статистических данных сам по себе не гарантировал их достоверности. Примером того, как при решении одной и той же статистической задачи — учета численности населения СССР — были получены с интервалом всего в два года существенно различные результаты, являются всесоюзные переписи 1937 и 1939 гг. Первая перепись определила численность населения страны в 162 млн человек. Ее организация была признана постановлением СНК СССР неудовлетворительной, а сами материалы ее — «дефектными».

В чем причина столь значительных расхождений в статистических данных и в оценке организации их сбора? Главная причина состояла в том, что перед статистиками была поставлена полити-

ческая задача: подтвердить результатами переписи расчетную цифру численности населения страны, которую огласил И. В. Сталин на XVII съезде ВКП(б) — 168 млн человек на конец 1933 г. Поскольку в то время в науке существовало представление, согласно которому повышение жизненного уровня населения автоматически ведет к его расширенному воспроизводству, ожидалось, что к 1937 г. общая численность населения СССР составит примерно 180 млн человек.

Перепись 1937 г. была экспериментальной — однодневной. Она проводилась 6 января, в канун Рождества, и учитывала лишь наличное население, т. е. тех, кто в момент прихода счетчика находился дома. Организаторы переписи 1937 г. были обвинены в преднамеренном недоучете населения. Утверждалось, что ими была нарушена официальная инструкция, по которой в переписные листы должны были вноситься не только лица, ночевавшие в данном помещении, но также временно отсутствующие (ночная смена, базар и т. п.). Однодневной переписи предшествовал предварительный обход населения, осуществлявшийся в течение пяти дней, в ходе которого заполнялись переписные листы. Якобы в нарушение инструкции, к каждому переписному листу была приложена памятка, согласно которой нужно было вычеркнуть из переписного листа тех, кто не ночевал дома в ночь с 5-го на 6-е января, в том числе уехавших до 12 часов ночи. Поэтому некоторые лица, предварительно внесенные в переписные листы, а затем выехавшие до 12 ночи 5-го января, посчитали себя переписанными и больше не переписывались. Кроме того, перепись проводилась лишь на крупных железнодорожных узлах, на небольших же станциях учет организован не был; на Украине предварительный обход населения был сокращен до трех дней и т. д. Все перечисленные обстоятельства, безусловно, могли способствовать недоучету населения, но, по существующим в современной литературе оценкам¹, он не выходил за рамки статистически допустимого.

При подготовке переписи 1939 г. ее организаторами был выдвинут лозунг: «Не пропустить ни одного человека!». Он стал девизом социалистического соревнования за проведение переписи на «отлично». Перепись рассчитывали осуществить в городах в течение недели, а в селах — в течение полутора недель. Тщательно отобранные счетчики и контролеры прошли специальную подготовку. Для них был разработан техминимум, содержащий в числе прочих пункт об «извращениях и недостатках» переписи 1937 г., главным из которых назывался «недоучет населения». Этот техминимум должен был сдавать каждый из полумиллиона счетчиков, которым предстояло заполнять переписные листы, и каждый кон-

¹ Жиромская В. Б. Всесоюзные переписи населения 1926, 1937, 1939 гг. Итоги подготовки и проведения // История СССР. — 1990. — № 3. — С. 89.

тролер, выделенный для проверки правильности учета населения при повторных обходах. Для проведения переписи был выбран обычный зимний будний день — 17 января 1939 г. К этому дню были приведены в порядок домовые книги, упорядочены названия улиц и площадей, составлены порайонные карты и т.д.

За полгода до начала переписи СНК СССР принял постановление «О Всесоюзной переписи населения 1939 г.» и утвердил инструкцию о порядке ее проведения. В инструкции подробно перечислялись все категории населения, которые могли по каким-либо причинам отсутствовать дома во время переписи. Все они переписывались по месту нахождения и получали справки о прохождении переписи. Заключение переписывались в местах заключения. Счетчикам и контролерам предписывалось «всесторонне изучить места возможного скопления бездомных, нищих, безнадзорных»; осмотреть чердаки, подвалы, котлы для варки асфальта, общественные уборные и др. Были посланы специальные экспедиции в необжитые и малоизвестные места Каракумов.

Чтобы избежать повторной переписи одного и того же лица, счетчикам и контролерам рекомендовалось проводить личный опрос каждого человека. В этих целях предусматривалось неоднократное посещение опрашиваемого, и только в крайнем случае, при полной невозможности опросить его лично, сведения о нем заносились в списки со слов членов семьи, но после тщательной проверки всех сведений. Лица, прошедшие перепись по месту жительства и выехавшие, получали справку о прохождении переписи, чтобы не проходить ее вторично.

В отличие от переписи 1937 г., которая учла лишь наличное население, перепись 1939 г. зафиксировала как постоянно, так и временно проживавших и в городе, и в деревне. Сведения переписи 1939 г. более полные. Тщательность ее подготовки и организации должна была обеспечить получение возможно точных сведений о численности населения страны.

9.1.3. Обработка и публикация статистических сведений

После того как статистические сведения были собраны, они обрабатывались специалистами-статистиками (эта операция получила название разработки данных) и частично публиковались. Так, для разработки материалов проводившейся в 1897 г. первой переписи населения России в ЦСК была составлена программа под названием «Пособия при разработке первой всеобщей переписи населения» (СПб., 1898). Серию публикаций «Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года» составили 89 выпусков (119 тетрадей) по губерниям, областям, четырем городам (Петербургу, Москве, Одессе и Варшаве) и острову Са-

халин. В 1905 г. вышел двухтомный «Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г.».

В связи с недостатком средств первоначально намеченная программа была существенно сокращена. Например, материал о занятиях населения предполагалось обработать отдельно по каждому занятию с учетом занимаемого в нем положения: хозяева, администрация, рабочие. В итоговую разработку «Распределение населения по видам главных занятий и возрастным группам по отдельным территориальным районам» (СПб., 1905. — Т. 1 — 4) включены данные о всем населении империи. Оно было поделено на 65 групп и 390 видов профессий. Из названия публикации следует, что представлены только данные о главном занятии, выявленном в ходе переписи. Поэтому на их основе нельзя определить ни численность наемных рабочих, ни число хозяев предприятия.

В дальнейшем сначала Министерством внутренних дел, а затем Министерством финансов проводились специальные разработки данных о лицах наемного труда. Часть подсчетов была опубликована в особой тетради под названием «Распределение рабочих и прислуги по группам занятий и по месту рождения на основании данных первой всеобщей переписи населения Российской империи 28 января 1897 г.» (СПб., 1905). В ней помещены две таблицы: «Распределение рабочих и прислуги по группам занятий (по губерниям)» и «Распределение рабочих и прислуги по месту рождения». Общие итоги разработки были изданы в 1906 г. Они составили два тома, озаглавленные «Численность и состав рабочих России на основании данных первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года». В издание были включены три таблицы: «Распределение рабочих по группам и видам занятий (по губерниям)», «Распределение рабочих по полу, семейному состоянию и по отношению к семье (по группам занятий и по губерниям)» и «Распределение рабочих по видам занятий, полу, возрасту и грамотности». Последняя таблица содержит итоговые сведения по империи в целом, по Европейской России, Привислинскому краю, Кавказу, Сибири и Средней Азии, по отдельным губерниям и по десяти важнейшим промышленным центрам страны: Петербургу, Москве, Ростову-на-Дону, Одессе, Риге, Киеву, Харькову, Иваново-Вознесенску, Варшаве и Лодзи.

Всего по переписи 1897 г. общее число лиц, указавших службу и работу по найму как свое главное занятие, составило 9 156 080 человек, или 27,7 % производительного населения страны. В подсчет не вошли данные о лицах, для которых, по их собственной оценке, работа по найму и служба были побочным заработком. Очевидно, что программа сбора данных ограничила возможности их статистической разработки.

Иногда уже разработанные данные не публиковались. Так, общие итоги разработки материалов переписи населения СССР 1939 г. были опубликованы спустя полгода в центральной печати в форме сообщения Госплана СССР. В апреле 1940 г. были изданы краткие данные этой переписи о возрастном составе населения, о грамотности, уровне образования, распределении населения по национальностям и общественным группам. Но подготовленные разработки — «Краткие итоги переписи 1939 г.» в одном и трех томах и семитомник «Основные итоги переписи» — опубликованы не были. Только в 90-е гг. XX в. увидела свет первая из указанных разработок. Причина ограниченного и избирательного оглашения данных переписи 1939 г. состояла в том, что они отразили чрезвычайно сложную картину состояния огромного государства с исторически сложившимися диспропорциями развития. В условиях назревшего мирового политического кризиса полная публикация данных переписи была нецелесообразной. На многих подготовленных разработчиками таблицах стоит помета: «Снять». Например, о грамотности населения был оглашен только средний по стране показатель — 81,2 % (для лиц старше 50 лет — 40,9 %), исключены из публикации данные по национальным группам (например, для казахов соответственно 51,1 % и 11 %). Так как уровень грамотности женщин был в то время ниже, чем уровень грамотности мужчин, данные публиковались «без разделения по полу».

При разработке первичных данных для публикации неизбежно происходила их дополнительная субъективизация. Часто ее причиной были особенности сбора сведений. В дореволюционной статистике внешней торговли России использовались сведения, полученные во время досмотра товаров на таможнях, а также из сопроводительных документов. На таможне каждый отправитель или получатель товара заполнял так называемое объявление, в котором среди других сведений указывал: наименование товара, его количество и стоимость, а также страну назначения (для экспортируемых товаров). Эти сведения записывались на таможне в специальную книгу, а затем в составе еженедельных, ежемесячных и ежегодных ведомостей сообщались в Петербург. Там, в счетном (с 1883 г. — статистическом) отделении таможенных сборов Министерства финансов полученные сведения проверялись и затем группировались по отдельным видам товаров (по импорту и экспорту).

Ежегодная публикация сведений о внешней торговле России началась в 1802 г. и продолжалась (с перерывом в 1808—1811 гг.) вплоть до 1915 г. В 1863—1869 гг. издание называлось «Виды государственной внешней торговли» и «Виды внешней торговли России», а с 1870 г. — «Обзор внешней торговли России по европейским и азиатским границам». Принятое в отечественной статисти-

ке деление внешней торговли на «европейскую» и «азиатскую» основывалось не на географической принадлежности стран-контрагентов, а на данных таможенного учета товаров, пересекавших границы Российской империи. В результате в «европейскую» торговлю включался товарообмен со странами не только Европы, но и Америки, Африки и Азии. Например, большая часть раздела о «европейской» торговле посвящена Турции. Одновременно в разделе, посвященном «азиатской» торговле, представлены такие государства, как Англия, Франция, Италия и Австрия.

Другой причиной существенных отличий публикаций сводных статистических данных от послуживших им основой первичных материалов была разработка этих материалов с позиций априорных представлений об объекте изучения. Так, в ходе земских подворных описаний крестьянских хозяйств, проводившихся во второй половине XIX — начале XX в., был собран огромный массив сведений о размерах земельных наделов, об арендуемых и сдававшихся в аренду землях, о величине посева, количестве рабочего скота, употреблении наемного труда и т.п. Собранный первичный материал оказался столь объемным, что даже в пределах отдельных уездов требовал обработки и сводки. Это выдвинуло перед земскими статистиками задачу выработки принципов группировки данных. В своем значительном большинстве они решали эту задачу, исходя из народнических представлений о крестьянстве как едином социальном слое. Поэтому при сводке подавляющей части первичных данных были использованы пообщинные, или поселенные, группировки. Суть их состояла в том, что первичные данные суммировались в целом по общинам (селениям) без выделения каких-либо слоев в среде крестьянства (например, зажиточных, бедных и т.п.). Наряду с пообщинными сводками аналогичные подсчеты делались по волостям (группам селений) и уездам. В таком виде данные подворных переписей включались в публикации.

Ясно, что сводные данные будут адекватно отражать содержание первичных материалов только в том случае, если сбор и разработка сведений будут осуществляться по единой программе. В действительности же этому критерию соответствовал только принцип группировки крестьянских хозяйств по размеру наделной земли, поскольку сама земская статистика была порождена потребностью в оценке недвижимых имуществ с целью раскладки налогов. Возможность применения при разработке первичных данных других принципов группировки исходного материала (по величине посева, количеству рабочего скота и т.д.) ограничивалась наличием и представительностью сведений по этим вопросам, собранных разными земствами. Поэтому значительная часть оказавшегося в распоряжении земских статистиков материала не вошла в публикации.

Общий объем публикаций сводок материалов подворных переписей составил несколько сот томов (как правило, один том охватывает уезд). Перечень публикаций дан в приложении к работе З. М. и Н. А. Свамицких «Земские подворные переписи 1880—1913 гг. Поуездные итоги» (М., 1926). В. Н. Григорьевым составлен «Предметный указатель материалов в земско-статистических трудах с 1860-х гг. по 1917 г.» (М., 1926. — Вып. 1—2).

Иногда разработка первичных данных предпринималась с целью «подтвердить» заранее сформулированное положение. Показательна в этом отношении история изучения прибыльности российских акционерных предприятий статистическим отделом все-русской предпринимательской организации — Совета съездов представителей промышленности и торговли. Итоги этого исследования по данным балансов компаний за 1901—1909 гг. опубликованы в журнале Совета съездов «Промышленность и торговля» (СПб. — 1912. — № 2). Статистики крупнейшего объединения предпринимателей Российской империи утверждали: акционером быть невыгодно.

В основу разработки были положены сведения, опубликованные в «Вестнике финансов, промышленности и торговли». Для каждой компании, опубликовавшей годовой отчет, в специальной книге заводился особый лист, в который вносились сведения балансов. Затем погодные росписи балансовых данных переносились в отраслевые ведомости. Были выделены 15 отраслевых групп компаний: кредитные; страховые и транспортные; по обработке волокнистых веществ; бумагомассные; лесопромышленные; горнопромышленные; металлургические; минеральные; по обработке животных продуктов; по обработке питательных продуктов; химические; сельскохозяйственные; перевозочные; по благоустройству городов; торговые.

Все предприятия каждой отрасли разделялись по принципу доходности на следующие шесть групп: прибыльные; непостоянной доходности; бездоходные и убыточные; новые (т. е. возникшие после 1901 г.); перешедшие в администрацию; ликвидировавшиеся. В каждой ведомости были сделаны сводки по отдельным районам и стране в целом.

Статистическим отделом Совета съездов данные балансов систематизировались в том виде, в каком они были опубликованы компанией. В виду отсутствия единой обязательной формы баланса в сводных таблицах количество рубрик было различным для предприятий разных групп. Так, для компаний, объединенных в первые четыре группы, были выделены 9 рубрик: «количество предприятий», «акционерный капитал», «облигационный капитал», «запасной капитал», «капитал погашения», «выдано в дивиденд», «процент дивиденда», «понесено убытков», «процент убытков». Но уже по следующей группе — «предприятия, пере-

шедшие в администрацию» — статистики смогли выделить лишь 5 рубрик: «количество предприятий», «акционерный капитал», «облигационный капитал», «запасной капитал», «капитал погашения». Наконец, по группе «предприятия ликвидировавшиеся» оказалось только две рубрики: «количество предприятий» и «акционерный капитал». Ясно, что полные данные о предприятиях по всем отраслям имелись только по двум последним рубрикам.

Была применена следующая методика расчетов: по каждой группе бралась сумма дивиденда, выданного акционерам, и из нее вычиталась сумма убытков. Полученный остаток, по определению статистиков Совета съездов, составлял «чистый дивиденд», который делился на весь акционерный капитал группы. Затем аналогичным образом подсчитывался «средний процент дивидендности» всей акционерной промышленности.

Отметим, что в годовом отчете сведения о дивиденде в рублях на акцию и в процентах к акционерному капиталу компании показывали акционеру величину его дохода. Подсчет «среднего дивиденда» для группы компаний и в масштабе всей акционерной промышленности (свыше 1000 компаний) имел для акционера такой же смысл, как для конкретного больного сведения о средней температуре по больнице. «Чистый дивиденд» — категория мистическая, так как в компаниях, показавших прибыль, дивиденд выдавался после вычета из нее всех издержек, а убыточные предприятия вообще не выдавали дивиденда. Вычитание из суммы дивиденда (а не прибыли) одних предприятий убытков других предприятий было неправомерно и заведомо приводило к занижению показателя прибыльности акционерной промышленности в целом. Подсчет же «среднего процента дивидендности» еще больше занижал результат, поскольку в расчет принимались не только существовавшие, но и ликвидированные компании.

Согласно выводу статистиков Совета съездов, в 1901 — 1909 гг. дивиденд на капитал, вложенный в предприятия, был значительно ниже учетного процента. Иными словами, в начале XX в. в России владеть акциями было гораздо менее выгодно, чем хранить деньги в банках, гарантировавших вкладчикам устойчивый и, как утверждалось, более высокий доход. Правда, при этом в конце 1909 г. по сравнению с началом 1902 г. число действовавших в стране компаний увеличилось на 12, а сумма их капиталов возросла на 352 млн руб. Пытаясь опровергнуть утверждения правительственных чиновников о сверхвысоких доходах акционерных компаний, статистики перестарались: они пришли к заключению о невыгодности владения акциями. Как показали более поздние исследования, описанная методика разработки статистических данных позволила занижить показатель прибыльности, как минимум, вдвое.

9.2. Эволюция статистических источников

Принято выделять два основных этапа эволюции статистических источников: 1) вторая половина XIX в. — 1917 г. — статистика Российской империи и Российского государства с Временным правительством во главе; 2) 1918 г. — настоящее время — статистика РСФСР, СССР, РФ.

Для второй половины XIX—начала XX в. характерна разобщенность статистических работ, осуществлявшихся, наряду с государственными институтами (ЦСК МВД, отдельными ведомствами), также земствами, органами городского самоуправления, предпринимательскими организациями, научными обществами и т. д.

В РСФСР и СССР была создана единая система государственной статистики, которая была частью государственного управления и планирования народного хозяйства. Для объединения всех статистических работ в стране и контроля за правильностью их проведения в 1918 г. было организовано Центральное статистическое управление (ЦСУ) РСФСР. От дореволюционной советскую статистику отличали централизация всей статистической работы в стране и наличие единой государственной системы статистической службы; единство методологии общегосударственной и ведомственной статистики; взаимосвязь и взаимодействие органов государственного управления, планирования и статистики.

В РФ функции государственной статистики сузились. Вместе с тем формируется статистика негосударственных структур (частновладельческих предприятий, некоммерческих фондов и др.). Развивается статистика социологических опросов.

Единой классификации статистических источников нет. В источноведческой литературе используется их разделение:

по происхождению — государственные учреждения, земства, органы городского самоуправления, частновладельческие предприятия, общественные организации и т. п.;

по объекту изучения — народонаселение, социальная структура общества, промышленность, сельское хозяйство, торговля, транспорт и т. д.;

по масштабности — государство в целом, регион, отдельное предприятие или учреждение;

по способам получения данных — текущая отчетность, анкетирование, обследования и переписи, социологические опросы и т. п.

Наиболее последовательно эволюцию отечественной статистики как вида исторических источников можно проследить по изменению способов получения данных. Так, в XIX в. широкое распространение имел сбор сведений посредством рассылки анкет и ведомостей. С конца XIX в. и до начала 30-х гг. XX в. преобладающее

значение имели обследования и переписи разного масштаба (при получении данных о народонаселении этот способ и в дальнейшем остался основным). С начала 30-х гг. XX в. все государственные учреждения, предприятия и организации СССР представляли в вышестоящие органы и статистические службы отчеты по заранее установленным формам. В 90-е гг. XX в. в отечественной статистике резко возросли количество и значение данных, полученных при социологических опросах населения.

Разумеется, процесс эволюции статистических источников развивался нелинейно и в разных учреждениях имел свои особенности. Поэтому в хронологических рамках двух выделенных этапов рассмотрим эволюцию комплексов статистических источников, исходя из их происхождения и с учетом способа получения данных.

9.2.1. Статистика Российской империи

Характерной особенностью статистического учета в России второй половины XIX — начала XX в. было отсутствие единой системы сбора, обработки и публикации данных.

Центральный статистический комитет (ЦСК) Министерства внутренних дел, учрежденный в 1863 г. для координации статистических работ в империи, а также для проверки, обобщения и публикации сведений, собранных местными (губернскими, областными, городскими) статистическими комитетами, и проведения единовременных общегосударственных обследований, — в действительности ведал ограниченным кругом вопросов. Наиболее полно в его материалах представлена статистика населения, населенных мест и сельского хозяйства. Основным источником сведений, поступавших в ЦСК, служили разного рода анкеты и ведомости, заполнявшиеся добровольными корреспондентами и полицейскими чинами. Систематическая публикация статистических сведений осуществлялась ЦСК в двух основных изданиях: «Статистический Временник Российской империи» (1866—1890) и «Статистика Российской империи» (1887—1917).

В «Статистическом Временнике...» публиковались данные о населении, территории, административном делении и населенных пунктах, землевладении и урожае хлебов, скотоводстве и коневодстве, народном образовании и вероисповеданиях, путях сообщения, промышленности и торговле, государственных доходах, банках, сберегательных кассах и многом другом.

Каждый том издания «Статистика Российской империи» посвящен, как правило, какому-либо одному вопросу. Например, так называемой «урожайной статистике» (28 томов под единообразными заголовками «Урожай ... года», некоторые из них в двух-

трех частях); учету конского поголовья (материалы военно-конских переписей — 9 томов) и т.д.

В 1861—1885 гг. выходило большое серийное издание «Списки населенных мест Европейской России». В него вошли выпуски по 43 губерниям, в том числе по Енисейской, Тобольской и Томской. По каждому населенному пункту указывались: название, местоположение, расстояние от городов (столичных, губернских, уездных), число дворов (или домов), число жителей (с разделением по полу и возрасту), «достопримечательные места» (церкви и монастыри, фабрики и заводы, ярмарки) и т.д.

ЦСК были собраны, разработаны и опубликованы материалы переписи населения России 1897 г., переписей землевладения 1877, 1887 и 1905 гг., сельскохозяйственной переписи 1916 г.

Статистика Министерства финансов и Министерства торговли и промышленности (с 1905 г.) содержит систематические сведения о российской промышленности. В XIX в. основной формой получения ежегодной статистической информации о промышленности служили заполнявшиеся владельцами предприятий вопросники-ведомости. Усложнение задач и содержания промышленной политики правительства потребовало более обширной и достоверной информации, что привело к изменению системы сбора сведений. В начале XX в. в России были проведены три переписи фабрично-заводской промышленности империи: в 1900, 1908 и 1910—1912 гг.

Перепись 1900 г. охватила 68 губерний Европейской России и частично Кавказа. Обследовались предприятия обрабатывающей промышленности, не обложенные акцизом и подчиненные надзору фабричной инспекции. Анкета переписи состояла из листа общих сведений и трех специальных бланков — «А», «Б» и «В». Бланк «А» предусматривал получение сведений: о времени возникновения предприятия, его владельце, производственной структуре, времени работы за год и за сутки, численности рабочих (общий и отдельно по полу и возрасту), участии рабочих в производстве (работающие в заведении, вспомогательные, работающие на стороне), оборудовании, потреблении топлива, расходах (на заработную плату, содержание производственных помещений и благотворительных учреждений при предприятии), стоимости произведенной продукции. Бланк «Б» включал вопросы о сырых материалах (или полуфабрикатах), переработанных в течение года. Бланк «В» детально выяснял количество готовых изделий (полуфабрикатов), произведенных предприятием за свой счет и по заказам, а также стоимость изделий. Бланки «А», «Б» и «В» заполнялись отдельно по каждому производству предприятия. Состав вопросов анкеты в переписи 1900 г. обеспечивал сбор детальных данных о структуре и технико-экономическом состоянии как отдельных предприятий, так и обрабатывающей промышленности России в целом на рубеже XIX и XX столетий.

Перепись 1908 г. проводилась на территории более чем 80 губерний империи, включая Сибирь, Среднюю Азию и Кавказ. Она охватила предприятия всех отраслей обрабатывающей промышленности, в том числе производства, облагаемые акцизом. Обследовались также горнозаводские металлургические предприятия, казенные заводы морского ведомства, железнодорожные мастерские МПС. В большинстве случаев вопросник анкеты 1908 г. совпадал с вопросником предыдущей переписи. Но в связи с недостатком у ведомства средств ряд вопросов был снят (о количестве и стоимости сырых материалов, о техническом оборудовании предприятий и др.). Единство принципа составления анкет переписей 1900 и 1908 гг. обеспечивает сопоставимость их данных. Перепись 1908 г. дала информацию о большем числе промышленных предприятий, чем перепись 1900 г., но ее программа была менее полной и не столь детально разработанной. Отмеченные различия в объектах изучения и составе вопросов, включенных в анкеты, не позволяют проводить сравнение по всем параметрам.

В ходе переписи 1910—1912 гг. обследовалась промышленность только Европейской России. Данные собирались лишь по предприятиям, подчиненным надзору фабричной и горной инспекции. Анкета была более краткой по сравнению с анкетами 1900 и 1908 гг.: вопросник был менее полным и требовал менее детальных данных. Так, сведения о стоимости произведенной продукции должны были указываться в форме валового дохода по всем отделам. О рабочих следовало сообщить только среднесуточное количество занятых на производстве (без вспомогательных рабочих). Данные анкеты были сведены в две таблицы, содержавшие перечни продукции, производившейся в той или иной отрасли.

В результате проведения переписей в 1900, 1908 и 1910—1912 гг. были собраны массовые данные о промышленном развитии России в начале XX в. Первичные материалы утрачены, и в распоряжении исследователей находятся лишь публикации статистических разработок данных. Материалы переписи 1900 г. опубликованы в двух изданиях: «Статистические сведения о фабриках и заводах по производствам, не обложенным акцизом, за 1900 г.» (СПб., 1903) и «Список фабрик и заводов Европейской России» (СПб., 1903). Первое издание включает публикацию сведений по 12 группам производств, подразделенных на 171 разряд. По каждому производству данные приведены по губерниям и в большинстве случаев по 10 экономическим районам. Второе издание представляет собой перечень фабрик и заводов, распределенных по 12 группам производств, а внутри них — по губерниям.

Материалы переписи 1908 г. опубликованы также в двух изданиях: «Статистические сведения по обрабатывающей фабрично-заводской промышленности Российской империи за 1908 год» (СПб., 1912) и «Списки фабрик и заводов Российской империи»

(СПб., 1912). В их названиях отражено сходство основных принципов публикации, которых придерживались разработчики материалов переписей 1900 и 1908 гг.

Материалы переписи 1910—1912 гг. опубликованы в 12 выпусках (по числу групп производств) под названием «Фабрично-заводская промышленность Европейской России в 1910—1912 гг.» (СПб., 1914—1915) и в специальном выпуске «Общие итоги».

В СССР материалы всех трех промышленных переписей (частично переработанные) были переизданы под названием «Динамика российской и советской промышленности в связи с развитием народного хозяйства за 40 лет»: материалы переписи 1900 г. (М.; Л., 1929); материалы переписи 1908 г. (М.; Л., 1929); материалы переписи 1910—1912 гг. (М.; Л., 1930).

Во второй половине XIX—начале XX в. наряду со статистикой ведомств значительное развитие получила статистика неправительственных учреждений и организаций. Рассмотрим ее особенности на примере статистических исследований, проводившихся органами городского и земского самоуправления.

Органы городского самоуправления в конце XIX—начале XX в. организовали ряд переписей населения городов, материалы которых характеризуют численность и состав жителей крупнейших административных, промышленных, торговых и финансовых центров страны. По полноте и детальности программ обследований, тщательности разработки собранных материалов лучшими, по оценке исследователей, были городские переписи населения Петербурга, Москвы, Одессы, Баку, Харькова и Киева.

То обстоятельство, что в ряде городов, особенно крупных, переписи проводились неоднократно, дает возможность изучать динамику численности различных категорий населения. Так, городские переписи Петербурга проводились восемь раз (с 1862 по 1910 г., причем последние пять — с интервалом примерно в десять лет); Москвы — четыре раза, Баку — два раза (в один и тот же день 22 октября с интервалом в десять лет — в 1903 и 1913 гг.) и т.д. К сожалению, единой программы проведения городских переписей населения не было выработано. Поэтому, хотя при составлении программ переписей в их основе были уже апробированные образцы (в частности, перепись населения Баку 1913 г. во многом следовала не только программе переписи 1903 г., но и программам переписей Москвы 1902 и 1912 гг.), сравнительно лучше сопоставимыми являются материалы переписей по одному городу, проводившихся, как правило, на основе единых или близких программных установок.

Формуляр переписного листа наряду с такими вопросами, как имя, отчество и фамилия (или прозвище), пол, возраст, место рождения и приписки, семейное состояние, сословие (для иностранцев — подданство), вероисповедание, грамотность и т.п.,

обязательно включал вопрос о занятии. В переписных листах городской переписи Петербурга 1869 г. он был сформулирован в самой общей форме: «Какое имеете занятие?», в опросном листе переписи 1881 г. вопрос о занятии состоял уже из двух пунктов: «Главное занятие, доставляющее средства к жизни» и «Побочные занятия, приносящие доход». В «Наставлении для счетчиков», разработанном для переписи 1890 г., отмечалась необходимость особого внимания при заполнении ответов на вопросы о занятии, с тем, чтобы определить в отношении каждого лица не только род промысла, но и положение, занимаемое им в промысле. Таким образом, от переписи к переписи содержание вопросов уточнялось и конкретизировалось.

Статистика земств занимает особое место среди статистических источников по истории России второй половины XIX — начала XX в. По объему, детальности и точности собранных данных о русской деревне и происходивших в ней на протяжении почти полувека социально-экономических процессах земская статистика намного превосходит материалы правительственных учреждений. Первые исследования были проведены земствами в 1870 и 1871 гг. в Вятской и Тверской губерниях. В начале объектом их изучения было все сельское общество, но уже в 80-е гг. XIX в. им становятся крестьянский двор и отдельное частное владение. Первая подворная перепись в границах целого уезда была проведена в Борисоглебском уезде Тамбовской губернии в 1880 г.

В истории земской статистики принято выделять три периода: 1) 1870—1893 гг.; 2) 1893—1905 гг.; 3) 1907—1914 гг. В 1905—1907 гг. и 1914—1917 гг. земские подворные обследования, за редким исключением, не проводились. В годы Первой мировой войны земские статистики приняли участие в организованной ЦСК сельскохозяйственной переписи 1916 г.

Для первого периода земской статистики характерно всестороннее изучение крестьянского хозяйства на основе сплошных подворных переписей. В центре внимания были неимущие и малоимущие группы крестьянства, выяснение причин их упадка и обеднения. В общей сложности были обследованы крестьянские хозяйства в 178 уездах.

В 1893 г. был принят закон об оценке стоимости земель в целях упорядочения налогообложения недвижимости. Он определил основное содержание земско-статистических исследований во второй период. Земства развернули работы, в ходе которых, наряду со сплошными переписями крестьянских дворов, проводились выборочные обследования. Выборочные земские подворные переписи сочетали сплошное обследование крестьянских хозяйств по сокращенной программе и выборочное — по более подробной программе. В разных губерниях обследования проводились по разной методике. Первая выборочная подворная перепись при оце-

ночном исследовании была осуществлена в Калужской губернии А. В. Пешехоновым, будущим министром продовольствия Временного правительства. Он обследовал 10 % крестьянских хозяйств, отобранных методом механической выборки — каждое 1-е, 11-е, 21-е и т. д. В Вятской губернии в 1901 — 1902 гг. использовалась выборка по типическим признакам: на основании данных предыдущего обследования были определены типичные для губернии уезды, волости, селения дворы. Всего за десятилетие — 1894 — 1905 гг. — подворные переписи были проведены в 123 уездах (примерно в 1/3 из них осуществлялись выборочные обследования).

В третий период на содержание программ земских подворных переписей оказала влияние столыпинская аграрная реформа. В анкеты были включены вопросы об укреплении общинной земли в личную собственность, ее купле-продаже, выходе на хутора и отруба и т. п. Важной чертой подворных исследований этого периода земской статистики было совершенствование выборочных обследований и приемов их сочетания со сплошными переписями.

Так, статистики Пензенской губернии в 1909 — 1913 гг. осуществили комплексное описание крестьянских хозяйств, разработав для этого в дополнение к поселенному бланку целую систему подворных карточек-вопросников. По «сокращенной похозяйственной карточке» обследовались все хозяйства, по «краткой» — каждое третье, по «подробной» — каждое девятое, а по «специальной» — каждое 27-е хозяйство. Кроме того, в 25 хозяйствах каждого уезда (отобранных по типическим признакам) проводились бюджетные обследования. Всего в 1907 — 1914 гг. были обследованы 82 уезда.

Собранный земскими статистиками материал подворных описаний крестьянских хозяйств содержит данные по 311 уездам 35 губерний Европейской России, причем в 236 уездах они проводились по одному разу, в 58 — по два раза, в 17 — по три раза. Хотя программы сбора данных в разных уездах различались, основной состав вопросов был единым. Поэтому в целом информация этого источника сопоставима.

9.2.2. Статистика РСФСР, СССР, РФ

В РСФСР и СССР была создана единая система государственной статистики. Согласно «Положению о государственной статистике», утвержденному СНК РСФСР 25 июля 1918 г., Центральный статистический комитет Народного комиссариата внутренних дел, как орган государственной статистики, прекращал свое действие, оставаясь ведомственным органом этого комиссариата. Ведение статистики в РСФСР возлагалось на Центральное статисти-

стическое управление (ЦСУ) и образуемые им органы; на статистические организации отдельных ведомств; на губернские и городские статистические организации; на губернские, районные, уездные, волостные и сельские административные и административно-хозяйственные органы.

На ЦСУ возлагалось «общее попечение о развитии правильной постановки статистики в государстве и расширении статистических знаний». Кроме того, в функции центрального статистического учреждения государства входило: утверждение планов статистических работ ведомств; ведение статистики — здравоохранения и санитарии, демографической, землепользования, потребления и продуктообмена, сельскохозяйственного производства, труда, военной и просвещения, транспортной; объединение промышленной общегосударственной статистики; производство работ по кадастру; производство общегосударственных переписей населения (промышленных, профессиональных, сельскохозяйственных и т. п.), обработка собранных переписями материалов; объединение и согласование работ по городской статистике, производимых городскими организациями; выпуск периодических изданий, сборников, обзоров, монографий по вопросам ведения ЦСУ; организация статистической библиотеки, музея и архива статистических материалов; а также «производство других статистических работ, не вошедших в предыдущие пункты, кои могут быть возложены на ЦСУ законом или постановлениями центральной советской власти»¹.

После образования СССР было учреждено ЦСУ СССР. В январе 1931 г. оно было преобразовано в сектор народно-хозяйственного учета Госплана СССР, в декабре 1931 г. — в Центральное управление народно-хозяйственного учета СССР при Госплане СССР (ЦУНХУ СССР), в 1941 г. — в ЦСУ Госплана СССР, а в 1948 г. — в ЦСУ при Совете министров СССР.

Единство принципов организации советской статистики позволяет рассматривать ее материалы как единый комплекс исторических источников. В истории создания этого комплекса отчетливо выделяются *два периода*: 1) 1918—1930 гг.; 2) 1930—1991 гг. В первый период главным способом сбора статистических данных было проведение единовременных переписей и обследований; во второй период основой сбора данных служили годовые отчеты государственных и кооперативных предприятий. Проследим этот процесс на примере двух базовых объектов статистического изучения — промышленности и сельского хозяйства.

В первый период статистическое изучение промышленности проводилось в двух основных формах: текущего учета и сплошных переписей промышленных предприятий. Задачей теку-

¹ Декреты Советской власти. — М., 1964. — Т. 3. — С. 22.

щей статистики была регистрация таких показателей, которые изменялись в относительно короткие промежутки времени: движения рабочей силы, расхода топлива и электроэнергии, движения сырья и полуфабрикатов, выпуска продукции и т.д. Регистрация менее подвижных показателей, характеризующих промышленное предприятие — технического оборудования, земли, путей сообщения и т.п., — входила в задачи промышленных переписей. Такие переписи были проведены ЦСУ в 1918, 1920 и 1923 гг.

Всероссийская промышленная перепись 1918 г. проводилась одновременно с профессиональной переписью занятых в описываемых предприятиях рабочих. В Положении о проведении переписей формулировались следующие задачи: 1. Освещение современного положения промышленности в стране с экономической и технической сторон в связи с той важной ролью, которая будет принадлежать промышленности в новом народнохозяйственном устройении. 2. Изучение динамики отечественной промышленности за последнее пятилетие (период с 1913 г. по июнь 1918 г. включительно) в целях выяснения тех изменений, которые произошли в ней в связи с войной и по другим причинам. 3. Выявление характера промышленности в условиях мирного довоенного времени.

Программа промышленной переписи включала следующие основные разделы: общие вопросы (сведения о предприятии, владельце и проч.); организация и управление предприятия, администрация и технический персонал; земля и пути сообщения; техническое оборудование; годовое потребление топлива, сырья и полуфабрикатов за период с 1913 г. по июнь 1918 г. включительно; выработка изделий; финансовое состояние предприятия; организация труда (учет рабочих по полу и возрасту, величина заработной платы).

Перепись должна была охватить все предприятия обрабатывающей и добывающей промышленности (кроме сельского хозяйства, лесоводства и рыболовства), имеющие механический двигатель и не менее 16 рабочих или не менее 30 рабочих при отсутствии механического двигателя. Владельцы и администраторы предприятий с установленным ЦСУ цензом были обязаны по указанию местных переписных органов и командированных ими лиц сообщать все требуемые программами сведения и справки, представлять в распоряжение командированных лиц бухгалтерские книги, инвентарные списки и прочие материалы, которые могли оказаться необходимыми в связи с работами. Все сведения учитывались по состоянию дел на 31 августа 1918 г. Перепись 1918 г. охватила 9 750 предприятий 31 губернии Европейской части страны.

В 1920 г. по краткой программе, включавшей всего 12 вопросов, была проведена общая перепись крупных, мелких и кустар-

но-ремесленных предприятий, а в 1923 г. — перепись городской промышленности. Вследствие различий в объектах статистического изучения материалы публикаций разработок данных промышленных переписей 1918, 1920 и 1923 гг. несопоставимы между собой.

В 1926 г. переписи промышленности были заменены ежегодными обследованиями фабрик и заводов. Предприятия на основании данных годовых отчетов в соответствии с вопросами, включенными в опросный бланк, предоставляли ЦСУ сведения по основным показателям производства. С 1930 г. ЦСУ приступило к непосредственной обработке данных годовых отчетов предприятий. При разработке данных обследований 1926—1930 гг. была введена новая классификация отраслевой структуры промышленности. Старое деление по производствам было заменено двумя основными экономическими группами: производство средств производства (группа «А») и производство средств потребления (группа «Б»).

Трудности непосредственного учета средств производства и продукции миллионов крестьянских хозяйств, разбросанных по огромной территории, объективно делали единственно возможным способом систематического изучения хозяйственных процессов выборочные обследования. Поэтому ЦСУ провело только одну сплошную сельскохозяйственную перепись — в 1920 г. Учитывались количество членов семьи (с разделением по полу и возрасту), полевые и приусадебные посевы, данные о скоте, о сельскохозяйственном инвентаре, о промысловых занятиях и т.п. Перепись проходила в обстановке Гражданской войны — этим объясняется ограниченность охваченной ею территории (25 губерний Европейской части РСФСР) и различная степень достоверности собранных данных. По оценкам исследователей, наиболее достоверны сведения о населении и инвентаре и наименее достоверны — о посевах.

Распространенным способом статистического изучения сельского хозяйства в 20-е гг. XX в. были выборочные обследования крестьянских хозяйств. Применялись два основных их варианта: динамические («гнездовые») переписи и обследования крестьянских хозяйств, выбранных из поселенных списков на основе принципа механической выборки.

Динамические («гнездовые») переписи крестьянских хозяйств — ежегодные обследования всех дворов в одних и тех же «гнездах» (волостях) — наиболее массовый источник среди выборочных статистических обследований советской доколхозной деревни. Они проводились в 1919—1927 гг. и в 1929 г. В 1920—1926 гг. «гнездовыми» переписями были охвачены более 600 тыс. хозяйств, в 1927—1929 гг. — 750 тыс. хозяйств. В большинстве губерний «гнезда» включали 3—5 % крестьянских хозяйств. Программы обследований состояли из следующих разделов: наличное население (в том числе

данные о сельскохозяйственных занятиях); землепользование; рабочий и продуктивный скот; сельскохозяйственный и транспортный инвентарь. Непрерывная перепись одних и тех же хозяйств в течение ряда лет позволяла получить представление о тенденциях их развития и динамике этого процесса. Однако материалы «гнездовых» переписей не были представительны, и выводы, сделанные на их основе, не распространялись на более обширную территорию. Поэтому параллельно с «гнездовыми» проводились переписи крестьянских хозяйств, отобранных по принципу механической выборки. По времени проведения они получили наименование весенних и осенних опросов.

В ходе весенних и осенних опросов 1921—1929 гг. обследовались от 3 % (1922) до 10 % (1926—1929) крестьянских дворов. 10-процентная выборка при равномерном охвате всей территории обеспечивала представительность собранных данных в масштабах губерний и областей.

Весенние опросы имели целью сбор сведений о состоянии крестьянского хозяйства к моменту окончания весеннего сева. Эти данные были необходимы для определения размеров сельскохозяйственного производства в текущем году, прежде всего валового сбора хлебов. Программа опроса включала следующие пункты: численность населения и работников в хозяйстве (отдельно мужчины, женщины, с выделением отсутствующих более месяца); число наемных сельскохозяйственных рабочих (годовых и срочных); полевые посевы под урожай текущего года по отдельным культурам (в том числе на арендованной земле); размер гибели озимых и их пересеве яровыми; о приусадебных и огородных посевах (всего и с разбивкой по культурам); поголовье скота (по видам и возрастным группам); количество взрослой птицы (по видам); количеством сельскохозяйственного инвентаря (по видам); способы обработки земли весной.

Сведения об урожайности продукции земледелия и продуктивности скота, необходимые для исчисления валовых сборов хлебов и продукции животноводства, собирались в ходе осенних опросов. Программа осеннего хозяйственного обследования предусматривала детальное выяснение размеров урожая хлебов и других полевых культур. По каждой культуре следовало указать: площадь посева, с которой собран урожай (в десятинах), сколько намолочено хлеба (снопов, возов, телег), сколько после обмолота получено зерна и соломы, а также дать качественную оценку собранного урожая (по пятибалльной шкале — «хороший», «выше среднего», «средний», «ниже среднего», «плохой»).

Опрос каждого главы хозяйства проводился силами волостных статистиков с привлечением работников волисполкомов, учителей, добровольных корреспондентов (главным образом из крестьян) и других лиц. Вопросы задавались устно и записывались со

слов опрашиваемого. Опасаясь повышения налогообложения, крестьяне стремились занижить сведения о величине посева, количестве скота, урожайности. Поэтому данные опросов необходимо было сверять с материалами других статистических обследований.

В результате коллективизации отпала необходимость в получении сведений о производственных возможностях каждого крестьянского хозяйства. С 30-х гг. XX в. в сельском хозяйстве основной формой статистического учета становится анализ годовых отчетов колхозов, совхозов и машинотракторных станций (МТС).

Второй период характеризуется унификацией способов сбора данных органами государственной статистики. С начала 30-х гг. XX в. основным источником статистической информации становятся годовые отчеты, составлявшиеся по стандартным формам в делопроизводстве предприятий, учреждений и организаций. На основе отчетов разрабатывались статистические данные в масштабе отраслей и регионов. Переписи (за исключением специальных — например, промышленного оборудования) сохранили значение основного способа сбора статистических данных о народонаселении.

Соединение в годовом отчете данных статистического учета и бухгалтерской отчетности предприятия делало возможной логическую и документальную проверку полноты и достоверности представленных сведений. Проверки проводились в плановом порядке местными статистическими органами и отраслевыми органами управления. Например, ЦУНХУ Госплана СССР и Народным комиссариатом земледелия была разработана «Инструкция к составлению годового отчета в колхозах за 1935 г.». Подготовленный правлением колхоза по утвержденной СНК СССР форме такой отчет докладывался общему собранию колхозников и утверждался не менее чем двумя третями от состава членов коллектива. Затем за подписью председателя правления, председателя ревизионной комиссии и счетовода колхоза документ представлялся в двух экземплярах: в районный земельный отдел (колхозами, которые не обслуживались МТС) и в МТС (колхозами, которые ими обслуживались). Годовые отчеты колхозов проверялись логически, т.е. методом сопоставления показателей в разных таблицах, поскольку в правильно составленных отчетах показатели, характеризующие итоги хозяйственного года, должны были согласовываться друг с другом.

В послевоенные годы в связи с укрупнением колхозов общее их количество уменьшилось, и документальная проверка годовых отчетов стала приобретать все большее значение. Проверка могла производиться районными и другими органами сельского хозяйства и статистики, которым был подотчетен колхоз как на основе имевшихся у этих органов документов, так и непосредственно на месте, по документации материального и бухгалтерского учета в

делопроизводстве хозяйства. В помощь проверяющим ЦСУ издавало специальные «Указания по проверке достоверности данных годовых отчетов колхозов за ... год».

После проверки районными органами сельского хозяйства (а до 1958 г. — обслуживавшими колхозы МТС), годовые отчеты, признанные недоброкачественными, отсылались обратно правлению колхоза для доработки и вторичного утверждения. Доброкачественные и исправленные отчетные документы колхозов использовались для обобщения статистических данных в масштабе района. Подсчитывались: общее число колхозников в хозяйствах района, общая площадь их земельных угодий и т. п. Кроме того, делались расчеты процента колхозников, принимавших участие в работе колхозов, величины денежного дохода в среднем на один колхоз и т. д. Эти разработки направлялись в вышестоящие органы управления сельским хозяйством и служили основой для составления сводных отчетов колхозов в масштабе областей, краев, автономных и союзных республик, а затем и в масштабе страны. Для органов государственной статистики годовые отчеты предприятий являются первичными материалами статистического наблюдения.

С начала 30-х гг. XX в. статистика промышленности также основывалась на данных годовых отчетов предприятий. С 1932 г. регистрационными признаками предприятия являлись наличие промфинплана (техпромфинплана) и годовая отчетность. Регистрации подлежали государственные, коммунальные и кооперативные предприятия. Первоначально статистическими органами разрабатывались годовые отчеты только крупных промышленных предприятий. Небольшие предприятия до 1964 г. учитывались на основании специальных переписей, которые только с этого времени были заменены текущим учетом и годовой отчетностью. В середине 70-х гг. XX в. в СССР насчитывалось примерно 50 тыс. крупных и более 150 тыс. небольших предприятий.

Характер и масштабы деятельности промышленных предприятий, особенно крупных, требовали делопроизводства более значительного по объему и более сложного по составу документов. В 70-е гг. XX в. по данным Госстандарта СССР только на одном предприятии обрабатывалось от 1,5 до 5 млн управленческих документов, более половины которых составляла счетная (бухгалтерская) и отчетная документация. Годовой отчет предприятия содержал статистические данные по основным показателям производственной и финансовой деятельности: объему промышленной продукции, ее качеству, себестоимости, производительности труда, стоимости основных производственных фондов, важнейшим статьям бухгалтерского баланса и т. д. В основе этих данных лежали сведения материалов делопроизводства предприятия.

Годовые отчеты предприятий в соответствии с ведомственной подчиненностью последних направлялись в отраслевые управления и министерства, а также в финансовые и статистические органы. Данные отчетов разрабатывались ими как первичные материалы для составления статистических сводок по регионам, отраслям, по всей промышленности и по всему народному хозяйству страны в целом.

Вплоть до начала 90-х гг. XX в. данные отчетов государственных, кооперативных, общественных предприятий, учреждений и организаций составляли информационную основу системы статистики в СССР. Высокая степень сохранности годовых отчетов как документов, подлежащих постоянному хранению в архивах, благоприятствует их использованию в качестве исторического источника.

В Российской Федерации не сформировалось принципиально новой системы статистики по сравнению с советским периодом отечественной истории. Основу государственной статистики по-прежнему составляют отчеты предприятий, учреждений и организаций. Статистический учет в частновладельческих предприятиях (как образованных на базе государственных, так и вновь созданных) ведется в рамках их делопроизводства, впитавшего отечественные традиции в этой сфере.

Новым направлением публичной статистики в условиях идеологического плюрализма и многопартийности стало изучение политических предпочтений граждан. Это направление развивается в форме исследований результатов референдумов, выборных кампаний и опросов общественного мнения.

Так, накануне выборов в Государственную думу в декабре 1999 г. восемь общероссийских центров социологических исследований опубликовали результаты опросов избирателей с прогнозом итогов выборов. На вопрос о том, как распределяться голоса избирателей, поданные за тех или иных кандидатов, баллотирующихся по партийным спискам, социологи Агентства региональных политических исследований (АРПИ), Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Института социально-политических исследований РАН (ИСПИ РАН), Российского независимого института социальных и национальных проблем (РНИСиНП), Независимого исследовательского центра РОМИР, Фонда «Общественное мнение», Центра исследований политической культуры России (ЦИПКР) и Центра социологических исследований МГУ им. М.В. Ломоносова (ЦСИ МГУ) дали разные прогнозы. Все прогнозы объединяет то, что ни один из авторитетных исследовательских центров не сумел предсказать результат голосования в пользу межрегионального движения «Единство» — свыше 23 %. Даже ЦИПКР и ЦСИ МГУ, данные которых (18 %) оказались ближе всего к цифрам официальных итогов выборов, ошиблись более чем на 5 %. ИСПИ РАН, точнее других указав-

ший результат голосования в пользу КПРФ (24 %), утверждал, что «Единство» поддержат только 6 % избирателей. На второе место (19 %) социологи ИСПИ РАН ставили избирательный блок «Отечество — Вся Россия» (ОВР), на третье (14 %) — блок «Яблоко». Согласно официальным итогам, первый набрал чуть больше 13 % голосов, второй — менее 6 %. Наиболее точно (12 %) результат ОВР предсказали социологи АРПИ и РНИСиНП. Официальный итог голосования — 8,6 % за «Союз правых сил» — не угадал никто. Наиболее близкий к официальным результатам прогноз (7 %) дали ИСПИ РАН, РОМИР и Фонд «Общественное мнение». Показательно, что указанный прогноз регистрировал максимум предпочтений, которые респонденты восьми общероссийских исследовательских центров накануне выборов отдавали этому политическому объединению.

Очевидные расхождения результатов выборов, официально утвержденных Центральной избирательной комиссией, и прогнозов социологов делают необходимой проверку тех и других данных по первичным материалам.

В настоящее время бо́льшая часть материалов статистики Российской Федерации в силу различных причин (прежде всего вследствие ограниченного доступа к ним исследователей) еще не может быть использована в качестве исторических источников. Опубликованные данные статистических разработок результатов референдумов, выборных кампаний, опросов общественного мнения неполны и несут на себе печать политических предпочтений их создателей.

9.3. Приемы изучения статистических источников

Историки, работая со статистическими источниками, обычно используют опубликованные итоговые данные статистических разработок. Как было показано, такие данные могут существенно отличаться от первоначально собранных сведений. Поэтому исследователи должны прежде всего оценить достоверность и полноту информации источника. Важной источниковедческой задачей является также получение обоснованного ответа на вопрос: каким образом данные, собранные и разработанные для изучения, например численности населения целой страны, или доходности отдельных крестьянских хозяйств и общин, или товарооборота между государствами и т. д., могут быть использованы исследователем при работе над его конкретной темой? Понятно, что решаться такая задача может по-разному. Покажем это на нескольких примерах.

Писатели-сатирики И.Ильф и Е.Петров в своем романе «Двенадцать стульев», написанном в 1927 г., утверждали, что статистика

знает все, за исключением количества стульев в СССР. И для того чтобы восполнить этот досадный пробел, предложили собственную «методику разработки» данных переписи населения 1926 г.: «Последняя статистическая перепись определила численность населения союзных республик в сто сорок три миллиона человек (разработка и публикация материалов переписи продолжалась несколько лет, окончательная цифра численности населения СССР в 1926 г. составила 147 млн человек. — А. Г.). Если отбросить девяносто миллионов крестьян, предпочитающих стульям лавки, полати, завалянки, а на Востоке — истертые ковры и паласы, то все же остается пятьдесят миллионов человек, в домашнем обиходе которых стулья являются предметом первой необходимости. Если же принять во внимание возможные просчеты в исчислениях и привычку некоторых граждан Союза сидеть между двух стульев, то, сократив на всякий случай общее число вдвое, найдем, что стульев в стране должно быть не менее двадцати шести с половиной миллионов. Для верности откажемся еще от шести с половиной миллионов. Оставшиеся двадцать миллионов будут числом минимальным».

Разумеется, данная схема не может претендовать на роль методической рекомендации для работы со статистическими источниками. Но она является примером того, как можно извлечь из источника содержащуюся в нем скрытую информацию, исходя из очевидной посылки: в XX в. для городских жителей стулья были одним из предметов первой необходимости.

Исследователи зачастую изучают проблемы, которые либо совсем не интересовали создателя источника, либо рассматривались им под другим углом зрения. Так, земские статистики в большинстве своем рассматривали русское крестьянство второй половины XIX в. как единый социальный слой населения Российской империи. В. И. Ленин в исследовании «Развитие капитализма в России. Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности» подошел к изучению этой проблемы иначе. Он исходил из того, что общественно-экономическая обстановка, в которой оказалось крестьянство в связи с развитием капиталистических отношений, «есть товарное хозяйство». В этой обстановке неизбежно расслоение крестьянства и формирование новых типов сельского населения: зажиточного крестьянства («размеры хозяйства превышают здесь в большинстве случаев рабочие силы семьи»); среднего крестьянства («самостоятельный земледельческий труд лишь в лучший год и при особо благоприятных условиях покрывает содержание такого крестьянства»); неимущего крестьянства, наемных рабочих с наделом (отличительные черты этого типа — ничтожный размер находящегося в полном упадке хозяйства на клочке земли, «невозможность существовать без продажи рабочей силы»). Этот процесс Ленин определил как «разложение

крестьянства», которое, по его словам, создает внутренний рынок для капитализма. Он и стал объектом исследования, предпринятого на основе опубликованных данных земских подворных переписей.

При сводке подавляющей части первичных данных земские статистики сгруппировали их по общинам или по селениям. Суть таких группировок состояла в том, что исходные данные суммировались в целом, без выделения каких-либо слоев в составе крестьянства. Значительно меньше статистических публикаций земств содержат группировки крестьянских дворов по хозяйственной состоятельности. Наиболее распространенной при таком подходе была группировка первичных данных подворных переписей по размерам землевладения, прежде всего по обеспеченности крестьян наделными землями. В реальности величина наделов в связи с широким распространением аренды земли не отражала истинных размеров крестьянского хозяйства. Поэтому группировка по наделам искажала соотношение слоев в среде крестьянства и затушевывала различие между ними.

Ленин считал, что при обработке подворных данных о крестьянстве не следует ограничиваться группировкой по наделу, а надо использовать различные признаки, сообразуясь с местными условиями и формами земледелия. Например, если при экстенсивном зерновом хозяйстве удачным приемом будет группировка подворных данных по размерам посева (или по количеству рабочего скота), то при других условиях необходимо принять во внимание и переработку сельскохозяйственных продуктов, и ведение молочного хозяйства, и огородничество, и промысловые занятия, и т.д. Из всего массива публикаций земско-статистических данных подворных переписей Ленин отобрал те, которые охватывали значительные территории, давали достаточно подробные сведения о важнейших признаках расслоения крестьянства и были обработаны таким образом, что позволяли выделить группы крестьян по их хозяйственной состоятельности. Этим условиям удовлетворяли данные, относившиеся к семи губерниям: Таврической, Самарской, Саратовской, Пермской, Орловской, Воронежской и Нижегородской. Кроме того, были проанализированы менее полные данные, основанные на сплошных подворных переписях, еще по семи губерниям: Новгородской, Черниговской, Иркутской, Енисейской, Полтавской, Калужской и Тверской.

Для того чтобы свести воедино данные, выявленные в публикациях земств, Ленин применил оригинальный прием. Он сравнивал не абсолютные цифры, подсчитанные по-разному в каждом уезде и в каждой губернии, а соотношения между процентными долями дворов разной хозяйственной состоятельности. По каждой региональной совокупности хозяйств он выделил 20 % дворов наиболее зажиточ-

ных крестьян и 50 % самых неимущих. Таким образом удалось получить сопоставимый материал, дававший возможность сравнить данные о расслоении крестьянства на три крупные типа с ясно определенными признаками.

Сравнение проводилось по следующим 14 показателям: числу дворов; числу душ обоего пола; количеству надельной земли (купчей, арендованной, сданной в аренду); общему количеству земли в землевладении или землепользовании (надельная земля + купчая + аренда – сдача); величине посева; количеству рабочего скота; общему количеству скота; числу дворов с батраками; числу дворов с заработками; числу торгово-промышленных заведений; количеству улучшенных земледельческих орудий. Показатели «сдача земли» и «заработки» характеризуют упадок хозяйства, разорение крестьянства. Все остальные показатели свидетельствуют о расширении хозяйства и превращении крестьянина в сельского предпринимателя.

По этой методике Ленин произвел расчеты данных, относящихся к 21 уезду 7 губерний (о 558 570 душ обоего пола). Результаты наблюдений он проверил данными военно-конских переписей об обеспеченности крестьянских дворов лошадьми в 49 губерниях. Расчет, произведенный по той же методике, подтвердил вывод, сделанный на основании данных земских статистиков. Он показал, что в 1888—1891 гг. у 20 % наиболее зажиточных крестьянских дворов было 52,6 % лошадей, а у 50 % наименее обеспеченных дворов — только 13,7 % лошадей. Очевидно, что данные земско-статистических подворных переписей представительны для изучения на их основе процесса расслоения крестьянства в русской деревне второй половины XIX в. Этот источниковедческий вывод Ленина стал отправной точкой для историков И.Д. Ковальченко и Л.В. Разумова¹. Они убедительно показали, что пообщинные сводки данных подворных переписей, представленные в большей части земско-статистических публикаций, позволяют изучать процесс расслоения крестьянства на уровне волостей и селений. В пообщинных сводках содержатся данные: о числе дворов безлошадных и безкоровных; с одной, двумя, тремя или четырьмя и более лошадьми и коровами; о величине посевов. Это дает возможность выделять группы волостей и селений по соотношению в них дворов с разной обеспеченностью рабочим или продуктивным скотом, а также по величине посевов. Кроме того, по средним данным о состоянии крестьянских хозяйств в полярных группах селений (наиболее богатых и наиболее бедных) можно составить представление (разумеется, самое общее) о степени внутриобщинного расслоения крестьян-

¹ Ковальченко И.Д., Разумов Л.В. Источники о хозяйстве и положении крестьян // Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма. — М., 1979.

ства. Поэтому в тех случаях, когда отсутствуют подворные данные, они частично могут быть восполнены материалами пообщинных сводок.

Нередко историку приходится преодолевать национальные особенности формирования исторического источника даже одного и того же вида. Специфика статистики внешней торговли породила скептическое отношение исследователей к этому источнику. Хрестоматийным стал пример о балансе в русско-германских торговых отношениях начала XX в., когда по данным статистики двух этих стран он получался отрицательным... одновременно для обеих! Поэтому при работе с материалами внешнеторговой статистики наряду с такими общими для всех видов источников проблемами, как полнота и достоверность, особое значение для исследователей приобретает выяснение сопоставимости данных отечественной и зарубежной статистики.

Официальной статистикой внешней торговли была таможенная статистика, возникшая на базе таможенного учета, главной задачей которого изначально был фиск (контроль за доходами). Осознание того, что внешняя торговля составляет одну из отраслей народного хозяйства, побудило правительство регламентировать ее, видоизменяя таможенное обложение. Это потребовало организовать сбор, обработку и публикацию необходимых данных. Ежегодные статистические сборники о внешней торговле под разными названиями выходили в России более ста лет, вплоть до 1917 г.

Важнейшим достоинством этой статистики был ее централизованный характер: все работы по сбору, сводке, группировке сведений по заданным параметрам, а также подготовка их к публикации осуществлялись специальным органом таможенного ведомства. Вместе с этим ряд особенностей российской таможенной статистики порождает проблемы ее сопоставимости со статистикой других государств. Различия в данных объясняются несколькими причинами.

Во-первых, расхождением в понимании таможенной территории. Таможенная территория, которая охватывалась учетом внешней торговли, не совпадала с государственной территорией Российской империи. Так, Финляндия находилась за пределами российской таможенной границы и поэтому ее торговля с другими странами не включалась в российскую внешнюю торговлю.

Во-вторых, расхождениями в структуре статистики. Включение в статистические ежегодники помимо сведений об экспорте и импорте данных о транзите товаров искажало общую картину торговли, увеличивая долю экспорта. Кроме того, часть привезенных, досмотренных и учтенных как импорт товаров не попадала на российский рынок сразу, а оседала на таможенных складах, и затем частично вновь вывозилась за границу. В результате завыша-

лись данные об импорте. В-третьих, несовершенством принципов определения страны происхождения и назначения товара. В статистике всех стран недостаточно четко выделялась посредническая торговля. Торговля делилась на «специальную», представлявшую собственно экспорт и импорт страны, и «общую», включавшую помимо «специальной» еще и сведения о транзите (прямом и косвенном), реэкспорте и реимпорте товаров. В-четвертых, различными методами определения ценности товара и его количества (веса). В-пятых, изменением в группировке и обозначении товаров. В-шестых, методикой сбора сведений и контроля за их достоверностью. Так, вывезенные в конце года и зарегистрированные как экспорт вывозящей страны в отчетном году товары прибывали в страну назначения и регистрировались там как импорт уже в следующем году.

Несопоставимость данных усугублялась несовпадением российского и европейского календарей.

В целом несоответствие данных об экспорте товаров из России за границу по российской статистике со сведениями об импорте этих товаров по данным статистики государства-контрагента порождалось как различной методикой статистических работ в разных государствах, так и трудностями осуществления этих работ на практике.

Для преодоления расхождения данных и получения более адекватной общей картины внешней торговли между Россией и Германией И. И. Астафьев предложил использовать смешанную статистику, предполагающую сопоставление данных импорта той и другой страны¹. Эта методика основывалась на положении о том, что, как правило, сведения о привозе более точны, чем сведения о вывозе товаров. Применение этой методики позволило установить, что в русско-германской торговле оборот был больше, чем это представляется только по русским или только по германским данным; торговый баланс все время положительный для России. Рост оборота происходил главным образом за счет увеличения вывоза сельскохозяйственных продуктов из России (прежде всего ячменя и пшеницы); более 90 % всего вывоза из России в Германию по ценности составляла продукция сельского хозяйства и лесоводства.

Источники

Велицкий С. Н. Справочная книга по земской статистике. Программы земских обследований. — М., 1899. — Т. 1—2.

¹ Астафьев И. И. Русско-германская торговля в период империализма (опыт источниковедческого анализа) // Вестник Московского ун-та (Серия «История»). — 1978. — № 2.

Всероссийская перепись членов РКП 1922 г. — М., 1922—1923. — Вып. 1—5.

Всесоюзная перепись членов ВКП(б) 1927 г. — М., 1927. — Вып. 1—8.

Всесоюзная перепись населения 1926 г. — М., 1928—1933. — Т. 1—56.

Всесоюзная перепись населения 1937 г. Краткие итоги. — М., 1991.

Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. — М., 1992.

Динамика российской и советской промышленности в связи с развитием народного хозяйства за 40 лет (1887—1926 гг.): в 3 т. — М.; Л., 1929—1930.

Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: в 14 т. — М., 2004.

Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г.: в 15 т. — М., 1962—1963.

Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г.: в 7 т. — М., 1972—1974.

Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г.: в 10 т. — М., 1989—1990.

Итоги Всесоюзной переписи социалистической промышленности. — М., 1940. — Вып. 1—4.

Кафенгауз Л. Б. Эволюция промышленного производства России (последняя треть XIX в. — 30-е гг. XX в.). — М., 1994.

Квиткин О. А. Население городов Европейской части РСФСР по переписям 1897, 1917, 1920, 1923 гг. // Бюллетень ЦСУ. — 1923. — № 77.

Материалы для статистики Российской империи, собираемые по ведомству Министерства государственных имуществ. — СПб., 1858—1871. — Вып. 1—6.

Краткая социально-демографическая характеристика РСФСР (по данным Всесоюзной переписи 1989 г.): в 4 т. — М., 1991.

Материалы по статистике движения землевладения в России. — СПб.; Пг., 1896—1917. — Вып. 1—25.

Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Статистический сборник. — М., 1990.

Народное хозяйство СССР за 70 лет. Юбилейный статистический ежегодник. — М., 1987.

Население СССР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. — М., 1990.

Обзор внешней торговли России по европейским и азиатским границам за ... год. — СПб.; Пг., 1870—1915.

Общий свод по империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 янв. 1897 г.: в 2 т. — СПб., 1905.

Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. (по подсчетам, произведенным местными переписными учреждениями). — Пг., 1916—1917. — Вып. 1—3.

Профессиональный состав персонала фабрично-заводской промышленности СССР на 1 января 1927 г. — М., 1927. — Вып. 1—9.

Профсоюзная перепись 1932—1933 гг. — М., 1934.

Россия в конце XIX в. — СПб., 1900.

Россия 1913 г. Статистико-документальный справочник. — СПб., 1995.

Свод данных о фабрично-заводской промышленности России [за 1867—1897 гг.]. — СПб., 1889—1900.

Свод отчетов колхозов за период Отечественной войны // Исторический архив. — 1962. — № 6.

Свод отчетов фабричных инспекторов [за 1900—1914 гг.]. — СПб.; Пг., 1902—1915.

Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX в. — СПб., 1902—1906. — Вып. 1—3.

Сдвиги в сельском хозяйстве СССР между XV и XVI партийными съездами. Статистические сведения по сельскому хозяйству за 1927—1930 гг. — М., 1931.

Сельское хозяйство СССР. Ежегодник 1935 г. — М., 1936.

Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. — М., 1971.

Сельскохозяйственные статистические сведения по материалам, полученным от хозяев. — СПб., 1884—1905. — Вып. 1—12.

Списки населенных мест Российской империи. — СПб., 1861—1885. — Выпуски по губерниям.

Список фабрик и заводов Европейской России. — СПб., 1903.

Список фабрик и заводов Российской империи. — СПб., 1912.

Статистика землевладения 1905 г. Вып. 1—50. Свод данных по 50 губерниям Европейской России. — СПб., 1906—1907. — Выпуски по губерниям.

Статистика Российской империи: в 110 т. — СПб., 1887—1917.

Статистические сведения о фабриках и заводах по производствам, не обложенным акцизом, за 1900 г. — СПб., 1903.

Статистические сведения по обрабатывающей фабрично-заводской промышленности Российской империи за 1908 г. — СПб., 1912.

Статистический Временник Российской империи. — СПб., 1866—1890. Сер. 1. — Вып. 1; Сер. 2. — Вып. 1—25; Сер. 3. — Вып. 1—25.

Статистический ежегодник России. 1911—1916 (за 1904—1910 гг. — Ежегодник России). — СПб.; Пг., 1905—1918.

Стоимость производства главнейших хлебов. Статистические сведения по материалам, полученным от хозяев. — СПб.; Пг., 1915—1917. — Вып. 1—3.

Фабрично-заводская промышленность Европейской России за 1910—1912 гг. — СПб.; Пг., 1914—1915.

Фабрично-заводская промышленность в период 1913—1918 гг. // Труды ЦСУ. — М., 1926. — Т. 26. — Вып. 1—3.

Численность и состав населения СССР по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. — М., 1984.

Юбилейный сборник Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. — СПб., 1913.

Литература

Антонова С. И. Статистика фабричной инспекции как источник по истории пролетариата // Рабочий класс и рабочее движение в России. 1861—1917. — М., 1966.

Анфимов А. М. «Свод по России» как источник для изучения помещичьего хозяйства XX в. // Проблемы источниковедения. — М., 1959. — Т. 8.

Астафьев И. И. Русско-германская торговля в период империализма (опыт источниковедческого анализа) // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. — 1978. — № 2.

Бовыкин В. И. Формирование финансового капитала в России. Конец XIX в. — 1908 г. — М., 1984.

Бокарев Ю. П. Бюджетные обследования крестьянских хозяйств 20-х годов как исторический источник. — М., 1981.

Воронкова С. В. Массовые источники по истории промышленности России конца XIX—начала XX в. — М., 1995.

Гозулов А. И. Местные переписи населения до революции // Ученые записки Ростовского-на-Дону финансово-экономического ин-та. — Ростов н/Д, 1941. — Т. 1.

Григорьев В. Н. Предметный указатель материалов в земско-статистических трудах с 1860-х гг. по 1917 г. — М., 1926—1927. — Вып. 1—2.

Гриф секретности снят. Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование. — М., 1993.

Дробизhev В. З., Соколов А. К., Устинов В. А. Рабочий класс Советской России в первый год пролетарской диктатуры (Опыт структурного анализа по материалам профсоюзной переписи 1918 г.). — М., 1974.

Ежов А. И. Организация статистики в СССР. — М., 1968.

Жиромская В. Б. Всесоюзные переписи населения 1926, 1937, 1939 гг. История подготовки и проведения // История СССР. — 1990. — № 3.

Кабузан В. М. О достоверности учета населения России (1858—1917) // Источниковедение отечественной истории: сб. ст. — М., 1982.

Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. — М., 2003.

Комиссаров Ю. П., Славко Т. И. Бюджеты рабочих 20-х гг. как исторический источник (Вопросы источниковедения и методики обработки) // История СССР. — 1987. — № 2.

Ленин В. И. Развитие капитализма в России. Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности // Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 3.

Литвак Б. Г. Перепись населения 1897 г. о крестьянстве России (источниковедческий аспект) // История СССР. — 1987. — № 2.

Массовые источники по истории рабочего класса периода развитого социализма. — М., 1982.

Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма. — М., 1979.

Массовые источники по социально-экономической истории советского общества. — М., 1979.

Машихин Е. А., Симчера В. М. Статистические публикации в СССР. Библиографический указатель. — М., 1975.

Минарик Л. П. «Статистика землевладения 1905 г.» как исторический источник по изучению крупного помещичьего землевладения России в начале XX в. // Малоисследованные источники по истории СССР XIX—XX вв. — М., 1964.

Панин Л. И. «Списки населенных мест» Российской империи как исторический источник // Археографический ежегодник за 1959 г. — М., 1960.

Поляков Ю. А. Советская страна после окончания Гражданской войны. (Территория и население). — М., 1986.

Свавицкий Н. А. Земские подворные переписи (Обзор методологии). — М., 1961.

Свищев М. А. Налоговая статистика как источник для изучения социальной структуры города 20-х гг. // История СССР. — 1985. — № 6.

Тарасюк Д. А. Военно-конские переписи конца XIX—начала XX в. // Источниковедение отечественной истории. 1989: сб. ст. — М., 1989.

Яцунский В. К. О применении статистического метода в исторической науке // Исследования по отечественному источниковедению. — М.; Л., 1964.

Глава 10

ДОКУМЕНТЫ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

10.1. Общая характеристика

Документы личного происхождения — собирательное наименование совокупности письменных исторических источников, созданных в частном порядке с целью самовыражения, самоосознания и самоутверждения автора. В источниковедении принято различать три главные их разновидности: *личные дневники, частную переписку и воспоминания*.

В основе различения — критерий адресности документа. Повеоря бумаге свои наблюдения, мысли и чувства, автор дневника обычно не предполагает постороннего читателя. Он как бы смотрит в зеркало. И подобно пушкинской царице задается вопросом: «Я ль на свете всех милее?» Частное письмо всегда имеет конкретного адресата, с учетом личных качеств которого автор формулирует свое сообщение. Воспоминания адресуются многочисленным, неизвестным автору, читателям. Очевидно, что каждой из указанных разновидностей документов личного происхождения присущи во многом отличные приемы реализации целевых установок автора.

Как документы личного происхождения также могут рассматриваться литературно-художественные произведения и произведения научного творчества.

Любой документ личного происхождения содержит непосредственную информацию о его творце и опосредованную — об описываемых им событиях. Особенности конкретных источников данного вида обусловлены индивидуальностью их создателей. Социальное происхождение автора, его общественное положение, профессия, жизненный опыт, мировоззрение, пол, возраст, характер, самочувствие, настроение, а также множество других факторов и обстоятельств влияют на содержание, достоверность, точность записей. Как нет двух одинаковых людей, так нет и двух одинаковых личных дневников, частных писем или воспоминаний.

Содержание документов личного происхождения часто полифонично: один и тот же автор может оставить в них свидетельства, существенные для изучения очень разных тем. Поэтому единая общепринятая классификация этого вида источников не выработана. Наибольшее распространение получила их группировка по двум признакам: по преобладающему тематико-хронологичес-

кому содержанию (например, о Столыпинской аграрной реформе, о Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.) и по социально-профессиональной принадлежности авторов (например, дворянин или крестьянин, дипломат или военный). Такое деление во многом условно, но оно позволяет фокусировать внимание на основном содержании источника и выделять то особенное, что характеризует позицию автора по отношению к описываемым событиям.

Сохранение документов личного происхождения зависит, прежде всего, от воли авторов и тех лиц, в собственности или распоряжении которых эти документы находились. Поэтому первоначально они откладываются главным образом в личных архивах. Но достаточно быстро дневники, частная переписка, воспоминания государственных и общественных деятелей, литераторов, ученых становятся объектом коллекционирования и собирания. В XIX—начале XX в. значительные коллекции личных источников отложились в Публичной библиотеке и в архиве Академии наук в Петербурге, в Публичной библиотеке Румянцевского музея и в Историческом музее в Москве, в библиотеках и музеях других университетских центров. В советский период собирание и хранение документов личного происхождения, наряду с библиотеками и музеями, осуществляли также государственные и партийные архивы.

Наиболее полные сведения о местонахождении личных архивных фондов, поступивших на государственное хранение, содержит справочник «Личные архивные фонды в государственных архивохранилищах СССР» (М., 1962. — Т. 1; М., 1963. — Т. 2; М., 1980. — Т. 3). Только немногими хранилищами (как, например, отделом рукописей преемницы Публичной библиотеки Румянцевского музея — Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина) изданы указатели находящихся в них рукописей, дневников и воспоминаний¹.

Значительное число опубликованных дневников и воспоминаний учтено в справочниках: «История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. Аннотированный указатель книг и публикаций в журналах» (М., 1976—1989. — Т. 1—5); «История советского общества в воспоминаниях современников. Аннотированный указатель мемуарной литературы» (М., 1958—1967. — Ч. 1—2); «Советское общество в воспоминаниях и дневниках. Аннотированный указатель книг, публикаций в сборниках и журналах» (М., 1987—1994. — Т. 1—3). Сводных библиографических указателей опубликованных частных писем на русском языке за вторую половину XIX—начало XXI в. нет.

¹ См.: Воспоминания и дневники XVIII—XX вв. Указатель рукописей. — М., 1976.

10.1.1. Личные дневники

Такие дневники содержат записи личного характера, ведущиеся в частном порядке изо дня в день. Как все документы личного происхождения они бывают разномасштабны — по социально-профессиональному положению авторов (императоры, министры, светские дамы, писатели, ученые, инженеры и т.д.) и по хронологическому охвату описываемых событий (десятилетия, несколько лет, недели и даже дни). В каждом конкретном случае ценность дневников как исторического источника определяется для исследователя той информацией, которую он может извлечь из них для своей темы. По сравнению с письмами и воспоминаниями дневники представляют собой более непосредственную форму самовыражения, самоосознания и самоутверждения личности.

От личных дневников, создаваемых по желанию их авторов, следует отличать служебные дневники, которые ведутся по обязательной форме в рамках выполнения должностных обязанностей. Таковы камер-фурьерские журналы, книги записей посетителей, дневники экспедиций и т.д.

Писатель М. М. Пришвин, который вел личный дневник на протяжении полувека, справедливо подметил: «Дневник пишется или для себя, чтобы самому разобраться в себе и вроде как бы посоветоваться с самим собой, или пишется с намерением явным или тайным войти в общество и в нем сказать свое слово»¹. Первое намерение преобладает при ведении подневных записей в продолжении длительного времени, когда заполнение дневника становится не просто привычным делом, но необходимостью, даже своего рода средством нравственной гигиены. Второе — при написании записок, побудительным мотивом к составлению которых послужили исключительные обстоятельства, давшие автору доступ к информации, заведомо ценной, но известной очень ограниченному числу лиц. В обоих случаях описание событий дается сквозь призму их восприятия автором и вследствие этого является формой самохарактеристики.

Можно выделить три группы личных дневников, которые авторы ведут «для себя»: 1) дневники-хроники, в которых, преимущественно для памяти, отмечаются день за днем существенные для автора события; 2) дневники-фотографии, в которых авторы стремятся зафиксировать информацию, представляющую для них служебный или профессиональный интерес (нередко в таких дневниках цитируются личные письма, документы, дается оценка упоминаемых событий и т.д.); это материал, к которому обращаются постоянно; 3) дневники-размышления, представляющие собой часто нерегулярные заметки, по-

¹ Пришвин М. М. Дневники. — М., 1990. — С. 364.

водом для которых обычно становятся общественно значимые события; в наибольшей степени характеризующие гражданскую позицию автора.

Приведем примеры конкретных дневников каждой из перечисленных групп. Образцом *дневника-хроники* является дневник императора Николая II. Он начал вести его тринадцати лет от роду, будучи цесаревичем, и не изменил привычке делать краткую запись о событиях минувшего дня ни в годы царствования, ни после отречения, когда он стал гражданином Романовым. Первые книжки для наследника престола изготовлялись по заказу. Для записей за каждый день в них отводилась отдельная страница с заранее проставленной датой. Формат книжки не позволял делать пространственные записи. Позднее для ведения дневника использовались тетради типа общей, учебной тетради, переплетенные в черную кожу. Но стиль записей — небольших по объему, лаконичных, фиксирующих факты преимущественно личной жизни и скупых отражающих события общественно значимые — в них сохранился. В течение 36 лет, день за днем, ровным, аккуратным почерком Николай II записывал то, что было ему интересно: какая была погода, с кем провел день, что делал.

Автор дневника-хроники обычно фиксирует события дня как одинаково важные, он как бы наблюдает за ними со стороны. Для такого дневника характерен постоянный интерес автора к определенным темам. Покажем это на примере записей, сделанных Николаем II в разные периоды жизни и в разных жизненных обстоятельствах. Чтобы избежать возможного упрека в искажении мысли автора, будем приводить подневные записи полностью¹.

Вот несколько фрагментов из дневников за 1894 г., сделанных в Ливадии; цесаревичу в это время 26 лет. Меньше чем через месяц он станет российским императором:

«27-го сентября. Вторник. Утром после кофе, вместо прогулки, дрались с Ники каштанами, сначала перед домом, а кончили на крыше. В 2 часа отправились верхом к водопаду; влезли выше второй площадки. Опоздали к чаю. Сандро и Ксения обедали у себя — провели вечер без них!

28-го сентября. Среда. День был хороший, ветер стихал, хотя пароходы в море здорово качало. После завтрака отправились верхом за Папа и Мама, Ксенией и Сандро в Массандру. Управляющий Шелухин угостил нас земляникой, персиками, орехами и каштанами. Получил два письма от милой дорогой Аликс.

29-го сентября. Четверг. Утро было ясное, но к полудню небо затянуло тучами, хотя было совершенно тепло. Опять дрался с Ники шишками на крыше. Завтракали как всегда в 12 ч. У дорогого Папа вид как будто лучше, но самочувствие скверное по-прежнему — его

¹ Дневники императора Николая II. — М., 1991.

мутит и опухоль в ногах мешает движению ног! Поехали верхом через Орианду вниз на *plage*. Видели яхту «Форос», которая проходила совсем близко, идя в Севастополь. Ночь была чудная и лунная».

Прошло десять лет. Автор дневника теперь глава великой державы — Российской империи. Почти год длится война на Дальнем Востоке. В стране назрела революция. Нижеследующие записи сделаны в 1905 г. в Царском Селе:

«8-го января. Суббота. Ясный морозный день. Было много дела и докладов. Завтракал Фредерикс. Долго гулял. Со вчерашнего дня в Петербурге забастовали все заводы и фабрики. Из окрестностей вызваны войска для усиления гарнизона. Рабочие до сих пор вели себя спокойно. Количество их определяется в 120 000 ч. Во главе рабочего союза какой-то священник — социалист Гапон. Мирский приезжал вечером для доклада о принятых мерах.

9 января. Воскресенье. Тяжелый день! В Петербурге произошли серьезные беспорядки вследствие желания рабочих дойти до Зимнего дворца. Войска должны были стрелять в разных местах города, было много убитых и раненых. Господи, как больно и тяжело! Мама приехала к нам из города прямо к обедне. Завтракали со всеми. Гулял с Мишей. Мама осталась у нас на ночь.

10 января. Понедельник. Сегодня особых происшествий в городе не было. Были доклады. Завтракал дядя Алексей. Принял депутацию уральских казаков, приехавших с икрою. Гулял. Пили чай у Мама. Для объединения действий по прекращению беспорядков в Петербурге решил назначить ген.-м. Трепова генерал-губернатором столицы и губернии. Вечером у меня состоялось совещание по этому поводу с ним, Мирским и Гессе. Обедал Дабич (деж.)».

Минуло еще восемь лет. Казалось, ничто не предвещало новых потрясений. Царь с семьей в любимой им Ливадии. Подходил к концу последний предвоенный 1913 г.:

«27-го сентября. Пятница. Утром покатался на тройке до больших скал в Орианде и обратно при штиле. Отлично выкупался. Днем играли в теннис. Погода была чудная и теплая. После чая в садике занимался бумажками и военными отчетами. Обедали на балконе. С Ольгой, Татьяной и Аней сделал прогулку на автомобиле в Массандру при яркой луне. Вернулись в 10 ¹/₄.

28-го сентября. Суббота. Утром сделал хорошую прогулку и выкупался в море при 15 ¹/₂°. До завтрака принял ген. Ренненкампа. Кроме него завтракало 4 офицера Эриванского полка. Пошел дождь. Сидели дома и наклеивали фотографии в альбом. В 4 ¹/₄ поехал с дочерьми в Айтодор к Ксении и Сандро. После чая они показали новый дом, выстроенный для детей. В 6 час. принял Танеева. Был у всенощной и обедал со всеми.

29-го сентября. Воскресенье. Всю ночь дул порывистый N-й ветер. К нам в спальню занесло красную куропатку, кот. утром нашел под кроватью и сам выпустил в окно. День простоял очень холодный и

большую частью серый. Погулял до обедни. После завтрака поиграли в теннис. Чай пили у себя. От 6 ч. до 8 принял Маклакова. Обедали: Митя и Татьяна Константиновна. Они просидели до 10 $\frac{1}{4}$ ».

1917 год. Момент крушения Российской империи. Николай II отрекается от престола, предав идею самодержавия и клятву при миропомазании (венчании на царство). Его хроникальные записи почти бесстрастны — автор отмечает только, что ему неприятны измена, трусость и обман других:

«2-го марта. Четверг. Утром пришел Рузский и прочел свой длиннейший разговор по аппарату с Родзянко. По его словам, положение в Петрограде таково, что теперь министерство из Думы будет бессильно что-либо сделать, так как с ним борется соц.-дем. партия в лице рабочего комитета. Нужно мое отречение. Рузский передал этот разговор в Ставку, а Алексеев всем главнокомандующим. К 2 $\frac{1}{2}$ ч. пришли ответы от всех. Суть та, что во имя спасения России и удержания армии на фронте в спокойствии нужно решиться на этот шаг. Я согласился. Из Ставки прислали проект манифеста. Вечером из Петрограда прибыли Гучков и Шульгин, с кот. я переговорил и передал им подписанный и переделанный манифест. В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого. Кругом измена и трусость, и обман!

3-го марта. Пятница. Спал долго и крепко. Проснулся далеко за Двинском. День стоял солнечный и морозный. Говорил со своими о вчерашнем дне. Читал много о Юлии Цезаре. В 8.20. прибыл в Могилев. Все чины штаба были на платформе. Принял Алексеева в вагоне. В 9 $\frac{1}{2}$ перебрался в дом. Алексеев пришел с последними известиями от Родзянко. Оказывается Миша отрекся. Его манифест кончается четыреххвосткой для выборов через 6 месяцев Учредительного Собрания. Бог знает, кто надоумил его подписать такую гадость! В Петрограде беспорядки прекратились — лишь бы так продолжалось дальше.

4-го марта. Суббота. Спал хорошо. В 10 ч. пришел добрый Алек. Затем пошел к докладу. К 12 час. поехал на платформу встретить дорогую Мама, прибывшую из Киева. Повез ее к себе и завтракал с нею и нашими. Долго сидели и разговаривали. Сегодня, наконец, получил две телеграммы от дорогой Аликс. Погулял. Погода была отвратительная — холод и метель. После чая принял Алексеева и Фредерикса. К 8 час. поехал к обеду к Мама и просидел с ней до 11 час.».

1918 год. Последние месяцы жизни в Екатеринбурге. Бывший император живет по инерции и так же по инерции делает записи в дневнике:

«5 мая. Суббота. Погода стояла сырая и дождливая. Свет в комнатах тусклый и скука невероятная! Во время игры с Марией у меня вышел настоящий трик-трак, так же редко, как четыре безика. Гуляли полчаса днем. Ужина дожидались с 8 до 9 час. Электрическое освещение в столовой поправили, а в зале еще нет.

6 мая. Воскресенье. Дожил до 50 лет, даже самому странно! Погода стояла чудная, как на заказ. В 11 $\frac{1}{2}$ тот же батюшка с диаконом

отслужил молебен, что было очень хорошо. Прогулялся с Марией до обеда. Днем посидели час с четвертью в саду, грелись на теплом солнце...

25 мая. Пятница. День рождения дорогой Аликс провел в кровати с сильными болями в ногах и др. местах! Следующие два дня стало лучше, мог есть, сидя в кресле».

Далее ежедневный характер записей в дневнике нарушается. За июнь их только 10, последняя — 30-го июня. За июль записи отсутствуют.

Известно, что Николай II неоднократно перечитывал эти свои заметки. Иногда вместе с женой. Он не допускал и мысли, что его дневники прочтут посторонние ему люди. В 1918 г. после расстрела царской семьи в Екатеринбурге дневники вместе с другими документами были доставлены в Москву и с этого времени хранятся в составе Государственного архивного фонда. Фрагменты дневника, начиная с 20-х гг. XX в., публиковались за границей и в СССР. Так стало возможным их использование в качестве исторического источника.

Показательно, что историками высказаны существенно различные мнения о познавательной ценности этого документа для изучения отечественной истории конца XIX — начала XX в. По утверждению А. Н. Боханова, дневники Николая II — не более чем «своеобразный каждодневный каталог встреч и событий, позволяющий с достаточной полнотой и последовательностью установить лишь два момента его биографии: где он был и с кем общался. Это сугубо личный, глубоко камерный документ, отражающий в самой общей форме повседневное времяпровождение»¹. Историк считает, что, поскольку царь «не думал оставлять потомкам историческое свидетельство», его «личные, лапидарные поденные заметки не позволяют делать никаких широких исторических обобщений»². К. Ф. Шацлло, напротив, уверен в бесспорной исторической ценности дневников последнего российского императора. По его словам, ценность эта состоит, прежде всего, в том, что «они ярко рисуют характер человека, почти четверть века стоявшего у кормила крупнейшей мировой державы»³.

Отмечая встречи и события день за днем, царь обычно не давал им оценки на страницах личного дневника. Но наряду с теми сведениями, которые автор хотел зафиксировать, есть и такие, сообщение которых в его намерение не входило. Совокупность этих сведений дает исследователям основание рассматривать казалось бы сугубо интимную информацию в общем контексте обществен-

¹ Боханов А. Н. Император Николай II. — М., 1998. — С. 32.

² Там же.

³ Шацлло К. Ф. Предисловие // Дневники императора Николая II. — М., 1991. — С. 5.

но значимых фактов отечественной истории. Ежедневные записи Николая II поражают читателя своей обыденностью. Главный вывод, который позволяет сделать изучение дневника, — последний российский император не был сомасштабен выполнявшейся им общественной функции.

Примером *дневника-фотографии* могут служить подневные записи старшего советника Министерства иностранных дел Российской империи графа В. Н. Ламздорфа. Его дневник за 1886—1896 гг.¹ занимает совершенно особое место среди источников личного происхождения, принадлежащих перу отечественных дипломатов. Он позволяет с исчерпывающей полнотой установить тот круг информации, которую учитывали лица, принимавшие внешнеполитические решения в России в конце XIX в., а также выяснить мотивы их действий.

В служебные обязанности Ламздорфа входило: изучение текущей документации по МИД, подготовка директивных писем российским представителям за границей, утверждавшихся затем министром, шифровка и расшифровка секретных телеграмм (он был начальником комитета шифров). Министр иностранных дел Н. К. Гирс, неограниченным доверием которого пользовался Ламздорф, обсуждал со своим советником содержание и результаты еженедельных докладов царю. После смерти Гирса в январе 1895 г. Ламздорф записал в дневнике: «Странным является мое положение в данный момент. Мои секретные архивы содержат все тонкости последнего царствования... Я работал в глубокой тени возле моего бедного старого начальника, меня никто не знает, и вот теперь, когда исчезли как он сам, так и государь, которому он так замечательно помогал править, я оказываюсь в положении единственного обладателя государственных тайн, являющихся основой наших отношений с другими державами».²

Ламздорф чрезвычайно дорожил своей особой информированностью, дававшей ему возможность быть в курсе всего происходящего. Так, 18 сентября 1895 г. флигель-адъютант германского императора Вильгельма II Х. Мольтке был принят Николаем II. Во время аудиенции он вручил царю собственноручное письмо кайзера. «Его Величество, — записал Ламздорф, — в тот же день прислал данное послание на прочтение г-ну Шишкину, временно управляющему министерством иностранных дел, который был в тот же понедельник вызван на доклад в Царское Село»³. За не-

¹ См.: Дневник В. Н. Ламздорфа (1886—1890). — М.; Л., 1926; *Ламздорф В. Н. Дневник. 1891—1892.* — М.; Л., 1934; *Ламздорф В. Н. Дневник. 1894—1896.* — М., 1991.

² *Ламздорф В. Н. Дневник. 1894—1896.* — М., 1991. — С. 123.

³ Там же. — С. 244.

сколько часов, пока письмо находилось в министерстве, советник министра успел снять с него копию и подготовить для Шишкина проект докладной записки по поводу затронутых Вильгельмом II вопросов международных отношений. Эту записку с пометами на ней Николая II Ламздорф также скопировал для своего архива.

Следует отметить профессионализм и шепетильную точность Ламздорфа, проявлявшиеся даже в мелочах. Так, письмо Вильгельма II Николаю II, копию которого он включил в дневник, написано по-английски. Запись Ламздорфа сделана по-французски, но слова «на прочтение» и «доклад» даны по-русски.

Дневник был для дипломата, прежде всего, хранителем служебной информации. Но автор вполне осознавал значимость доступных ему сведений и для потомков. Он с удовлетворением отмечал в дневнике: «Мое положение дает мне возможность записывать факты, вскрывать подспудные стороны исторической игры в карты; это может оказаться полезным в будущем. Сколько исследований пришлось бы тогда делать в секретных и недоступных архивах, чтобы выяснить даже частицу того, что мне легко сделать сегодня путем фотографирования, если так можно выразиться, своего рабочего дня»¹.

Ламздорф вел дневник на французском языке. В нем также встречаются краткие вставки на русском языке и документы на немецком и английском языках. Издатели дневника отметили, что записи сделаны бисерным почерком с педантичной тщательностью и шепетильной точностью: все случаи цитирования обозначены кавычками, особо выделены резолюции царя на документах. Для дневника Ламздорф использовал толстые тетради в твердых переплетах, в которые он клеивал вырезки из газет и сообщений телеграфных агентств. К некоторым из этих вырезок он делал примечания, в которых указывал источники информации и степень осведомленности органа печати.

За несколько месяцев записи в тетрадях отсутствуют. Эти провалы в ряде случаев восполняют черновые наброски дневниковых записей, вложенные автором в пакеты вместе с относящимися к ним по содержанию копиями документов и вырезками из русских и иностранных газет.

В публикацию дневника вошли наряду с чистовыми записями и вклейками в тетради также материалы, вложенные в пакеты и еще не внесенные автором в основной текст. Следует иметь в виду, что дневник издан не целиком: в публикацию не включены записи, имевшие, по мнению составителей, сугубо личный характер. Кроме того, дневник издавался в переводе на русский язык. Переводы, сделанные разными лицами, имеют отличия. По-

¹ Ламздорф В. Н. Дневник. 1894 — 1896... — С. 248.

этому в ряде случаев может оказаться необходимым обращение исследователя к оригиналу дневника Ламздорфа, находящемуся в составе его личного архивного фонда в ГАРФе.

Примером *дневника-размышления* — личных записей, сделанных под непосредственным впечатлением событий, — могут служить записи академика И. Д. Ковальченко. Автор предназначал их исключительно для себя. Фрагмент дневника за 1991 — 1992 гг. опубликован Л. В. Миловым как мемориальный¹. Заметки делались по многолетней привычке, выработанной преподавательской и научной работой, — мгновенно улавливать и письменно фиксировать суть информации, сразу формулировать собственные соображения, прогнозировать развитие событий, делать практические выводы.

«25.VIII.91. *Всякий переворот* (выделение здесь и далее авт.) (дворцовый, государственный, военный) — *явление негативное*, ибо в той или иной мере ведет к диктатуре и к нарушению нормального развития. 1. Смена руководящего эшелона и разной степени репрессии. При значит[ельном] размахе это ведет к снижению профессионализма и опыта управленческих и других кадров и возникновению слоя недовольных. 2. Ломка старых управленческих структур и институтов без надлежащей готовности новых систем, сбои в координации и субординации элементов системы. Особенно опасно вторжение политики в экономику. Оправдано только в том случае, если сметаются преграды для широкого прогресса...»

«21 декабря 91 г. 22.30. Сегодня в Алма-Ате произошел очередной государственный переворот. Главы 11 бывших союзных республик, а ныне независимых государств, приняли решение об упразднении СССР и образовании Союза Независимых государств. Распалось существовавшее более 1000 лет государство. В обстановке расцвета национального эгоизма, политических амбиций местных лидеров и борьбы за полную независимость, характерной для последней пары лет, такой исход был неизбежен. Но при более высоком классе местных политических лидеров и их окружения упразднение единого государства и замена его Союзом государств могло быть демократическим и конституционным, ибо ведь есть Съезд народных депутатов, Верховный Совет и Президент страны. Но как и везде и во многом верх взял красногвардейски-омоновский способ действия. Плевали не только на высшие структуры и мартовский референдум 1991 г., когда более 2/3 населения страны высказались за Союз, но и напрочь забыли, что кроме всех мандатов, на которые ссылаются, есть еще 1000-летний мандат истории. А он никому не дан. За игнорирование этого мандата раньше или позже история вынесет свой приговор».

Разумеется, по дневникам одного человека нельзя реконструировать ход глобальных изменений в стране в целом. Они — только

¹ Ковальченко И. Д. Заметки о текущем моменте. Из неопубликованных материалов // Вестник Московского университета. (Серия 8. История.) — 1997. — № 3.

штрих к общей картине. Но охарактеризовать автора, его отношение к описываемому вполне возможно. Суть последнего, думается, определяет следующее замечание: «Ломать могут все, но строить надо уметь».

Механизм целенаправленного создания личного дневника, претендующего на сохранение для потомков максимально полной и точной информации об исторически значимых событиях, подробно раскрыл М. К. Лемке в предисловии к публикации книги «250 дней в царской Ставке (25 сентября 1915—2 июля 1916)». (Пг., 1920). Возглавив «Бюро печати» при Ставке Верховного главнокомандующего русской армией, Лемке «с систематической аккуратностью и точностью ежедневно записывал все, что удавалось узнать за день». «Бесчисленные документы» тщательно копировались: «когда на месте, в управлении же, когда дома, когда в театре, в ресторане, на дежурстве в аппаратной секретного телеграфа (больше всего)». Ежедневные беседы с людьми, «хорошо знавшими то, что ставилось предметом умышленно направлявшегося... разговора», часто после проверки, записывались «по возможности немедленно». Вечером и ночью записи обрабатывались «дома, на покое, за несколькими запорами входных дверей, и вместе с копиями документов вносились в очередную тетрадь». Автор неукоснительно соблюдал правило: не ложиться спать раньше, чем будут записаны впечатления «всего истекшего дня». Утром «незагроможденная память была опять готова к восприятию новых сведений и впечатлений».

По словам Лемке, ни на минуту не забывая свою роль — «преимущественно роль фотографа и фонографа», он иногда все же «не чувствовал сил отказаться от роли ретушера и даже публициста», «не мог не отразить в известной доле своего внутреннего “Я” на страницах собственного “Дневника”, потому что он, как и всякий вообще дневник, есть отражение фактов, мыслей и чувств в сознании и сердце живого человека»¹.

31 декабря 1915 г., подводя своеобразный итог месячного пребывания в Ставке, Лемке записывает: «Ясно вижу, что, вообще, на службе, нет людей, которые думали бы о добросовестном выполнении дела; нет, все это чиновники 20-го числа и внеочередных “пособий”. Какое ничтожество! Какой безвыходный круг. Кому из них дорога Россия? О ней все говорят не с большим одушевлением, чем о съеденной вчера плюшке (они еще есть у нас в собрании и очень вкусные). Да, кто после частного самостоятельного дела побудет в проклятом болоте казенной службы, тот поймет, как нелепы мечты о сколько-нибудь скором обновлении страны с этим подлым механизмом. Вот где школа жизни, вот где можно

¹ Лемке М. К. 250 дней в царской Ставке (25 сентября 1915—2 июля 1916). — Пг., 1920. — С. XV—XVI.

или стать революционером, или научиться презирать людей, или самому сделаться негодяем. Одно можно сказать, что при всяком перевороте — разумеется, левее кадетского — *все* (выделено авт.) русские чиновники, исключая рядовой мелочи, и *все* военные генералы и штаб-офицеры должны быть заменены в самый короткий срок, иначе любому перевороту грозит быть аннулированным пассивным сопротивлением этой гнусной банды. Сила ее страшна, она может свести на нет все реформы любой революции. Единодушие этой саранчи поразительно»¹.

Публицистичность — неотъемлемое свойство дневников, создаваемых с целью оставить потомкам свидетельство того, как повернулась история.

Грани, отделяющие дневники от частной переписки и воспоминаний, подвижны. Часто эти разновидности документов личного происхождения как бы взаимопроникают друг в друга. Так, Ламздорф цитирует в дневнике полученные им личные письма и свои ответы на них (копии которых хранил). Возможно преобразование одной разновидности документов личного происхождения в другую. Например, М. А. Газенкампф составил дневник за период службы при Главной квартире русской армии в Русско-турецкую войну 1877—1878 гг., сделав дословные извлечения из 116 писем жене и включив в текст документы, сохранившиеся у него частью в подлинниках, а частью в копиях. Этот дневник первоначально был напечатан в журнале «Вестник Европы», а затем вышел отдельным изданием².

10.1.2. Частная переписка

Частное письмо — это письменное личное обращение автора к определенному адресату. Такое обращение, как правило, предполагает ответ корреспондента. Возникает переписка, которая выполняет функцию заочного личного общения. «Нужно же кому-нибудь высказаться», — замечал генерал А. А. Брусилов в письме с фронта жене и тут же прибавлял: «Только сердечно прошу никому ни слова не говори»³.

Не всякое личное письмо является частным. Так, следует иметь в виду, что личные письменные обращения, адресованные должностным лицам, в государственные учреждения, в общественные организации, в редакции газет и т. д., становятся частью делопроизводственной документации получателя. Личные послания глав

¹ Лемке М. К. 250 дней в царской Ставке (25 сентября 1915—2 июля 1916)...

² Газенкампф М. А. Мой дневник 1877—1878 гг. — СПб., 1908.

³ ГА РФ, ф. 5972, оп. 3, д. 69, л. 241 об. А. А. Брусилов — Н. В. Брусиловой. 10 октября 1916 г. Рукопись. Автограф.

государств и правительств обычно изначально создаются как делопроизводственные документы. Например, проекты писем и телеграмм российского императора Николая II, адресованные лично «дорогому кузену Вилли» — германскому императору Вильгельму II, тщательно готовились в аппарате Министерства иностранных дел в Петербурге.

Устойчивыми формальными элементами частного письма являются: указание адресата, даты и места написания, обращение к адресату, подпись автора. Содержание частного письма не регламентируется; в нем могут быть затронуты любые общественные или личные вопросы, представляющие интерес для обоих корреспондентов.

Письма, в которых сообщается о заведомо общественно значимых событиях, традиционно используются как исторические источники.

Например, помощник присяжного поверенного округа Санкт-Петербургской судебной палаты А. Ф. Керенский начинает письмо родителям в Ташкент, датированное 25 января 1905 г., вполне обычно для сугубо личного письма: «Дорогая Мама! Как твое здоровье, чем ты была больна, долго ли хворала?! Мы так давно не имели писем, что совсем ничего не знаем, что у вас творится. Да, каюсь, и сам давно не писал...» Но далее, объясняя свое длительное молчание, он рассказывает о политических событиях января в столице, свидетелем которых стал: «...никогда не видел такой дисциплинированной, тихой, серьезной, даже религиозно настроенной толпы — стояли сплошными массами 10-ки тысяч рабочих и ни одного пьяного, ни одного ругательства не было слышно — они стояли, веря, что их никто не обидит. Я ушел часов около трех, а в три был уже залп в упор в толпу, стоящую около Дворц. площади на углу Алекс. Сада, еще раньше стреляли в женщин, шедших впереди у Троиц. Моста, и об этом в толпе разговаривали уже при мне, но толпа не верила. Они поверили, когда первые их ряды упали на землю в крови. Ужасное преступление потрясло здесь всех и кровь, которая обагрила улицы Петер., действительно безвозвратно убила “режим”»¹. Необходимость и возможность использования таких свидетельств в качестве исторического источника очевидна.

Другое дело — *письма, цель которых сообщить сугубо личные сведения*, имеющие значение, казалось бы, только для корреспондентов, но не для историков. Таковы, в частности, письма 57-летнего вдовца А. А. Брусилова к 45-летней Н. В. Желиховской, в которую в молодости он был тайно влюблен и которую почти на 20 лет

¹ «Будущий артист Императорских театров...». Письма Александра Керенского родителям // Источник. Документы русской истории. Приложение к журналу «Родина». — 1994. — № 3. — С. 19—20.

потерял из вида. Осенью 1910 г. по инициативе Брусилова они возобновили переписку. Давнее знакомство с ее семьей, воспоминания о юной Желиховской и основанная на этом уверенность, что она отлично справится с ролью важной дамы, интересами которой будут служебные дела мужа, определили заочное решение генерала — предложить ей свою руку и добиться согласия. Сохранившиеся письма позволяют проследить все этапы матримониальной «кампании». Эта операция на личном фронте как бы предвосхитила образ действий генерала на полях сражений Первой мировой войны.

История его женитьбы представляет определенный научный интерес для понимания личности полководца. Последовательное изучение содержания его писем к Желиховской, написанных осенью 1910 г., делает возможным объяснение «феномена Брусилова» лета 1916 г.¹

Разумеется, один и тот же человек по-разному пишет различным корреспондентам, приспосабливая свое сообщение к интересам, вкусам и уровню грамотности адресата. Примером могут служить письма генерала А.А. Власова, которые он посылал в 1941—1942 гг. с фронта в тыл своим женам — А.М. Власовой (Ане) и А.П. Подмазенко (Але)². А.М. Власова, 1906 г. рождения, односельчанка Власова и его жена с 1926 г. А.П. Подмазенко, 1917 г. рождения, врач при штабе армии, которой в 1941 г. под Киевом командовал Власов, с его слов считала, что их отношения узаконены. В январе 1942 г. по состоянию здоровья была командирована с фронта в тыл (уехала к матери, чтобы родить от Власова ребенка).

Один и тот же человек одной и той же ручкой, зачастую в один и тот же день писал письма в два адреса. Некоторые из них словно изготовлены в двух экземплярах. Но это не варианты и не копии одного документа. Это оригинальные личные письма одного автора двум разным адресатам.

Так, 14 февраля 1942 г. датированы два письма. Для удобства сопоставления расположим их тексты рядом, выделив в них центральный блок информации — рассказ о беседе с И.В. Сталиным. Оба письма — подлинники, автографы. Орфография и синтаксис оригинала нами сохранены.

¹ «Считаю тебя перед Богом и людьми своей невестой». Генерал Брусилов — Надежде Желиховской // Источник. Документы русской истории. Приложение к журналу «Родина». — № 5. — С. 12—26. О значении писем А.А. Брусилова к Н.В. Желиховской как исторического источника см.: Голиков А.Г. Генерал А.А. Брусилов: страницы жизни и деятельности // Новая и новейшая история. — 1998. — № 4.

² «Ты у меня одна...» Письма генерала Власова женам (1941—1942) // Источник. Документы русской истории. Приложение к журналу «Родина». — 1998. — № 4 (35). — С. 89—117.

«Почт. Отд. Сорочинская
Чкаловской области,
до востребования

Власовой Анне Михайловне

Дорогая и милая Аня! Только сейчас получил от тебя письмо, которое ты писала 2.2.42. Спасибо за заботу о мне... Дорогая Аня, что ты пишешь все постараюсь сделать и к теплу прислать тебе с посыльным в Сорочинскую. Я на днях был у Тани проездом. Меня вызывали туда по делу. Ты не поверишь дорогая Аня! Какая радость у меня в жизни. Я беседовал там с самым большим нашим Хозяином. Такая честь выпала мне еще первый раз в моей жизни. Ты представить себе не можешь как я волновался и как я вышел от него воодушевленным. Ты видимо даже не поверишь, что у такого великого человека хватает времени даже для наших личных дел. Так верь он меня спросил где у меня жена и как живет. Он думал что ты в Москве. Я сказал, что далеко, поэтому в Москве и часу останавливаться не буду а поеду обратно на фронт. Дело не ждет. Дорогая Аня б'ем фашистов попрежнему и гоним их на запад... Целую крепко и много раз свою милую Аню! Твой всегда и всюду Андрюша»¹.

«гор. Энгельс,
ул. Чапаевская, 27

Подмазенко Агнессе Павловне
Все твои письма получил...

Пойми моя дорогая, что все письма так меня согревают и вдохновляют на дальнейшую борьбу с фашистскими гадами... Дорогая и милая Аличка! Я на днях был у Маруси Чижма. Меня вызывал к себе самый большой и главный хозяин. Представь себе он беседовал со мной целых полтора часа. Сама представляешь какое мне выпало счастье. Ты не поверишь такой большой человек и интересуется нашими маленькими семейными делами. Спросил меня: где моя жена и вообще о здоровья. Это только может сделать ОН, который ведет нас всех от победы к победе. С ним мы разоб'ем фашистскую гадину. Дорогая и милая Аля, я видел у Чижма два твоих чемодана. Приму меры к отправке их тебе с первой возможностью... Целую крепко и много раз... Твой Андрюша»².

Цель автора ясна — уверить каждую из женщин в том, что для него, «их Андрюши», она — любимая и единственная. Достижению этой цели подчинено содержание писем: нежное обращение и ласковые слова, благодарности за заботу о нем и выражение готовности оказать помощь. Письма ярко характеризуют и самого автора. Власов тщеславен: это проявилось в его рассказе о приеме

¹ «Ты у меня одна...» Письма генерала Власова женам (1941—1942) // Источник. Документы русской истории. Приложение к журналу «Родина». — 1998. — № 4 (35). — С. 96—97.

² Там же.

у И. В. Сталина («Хозяина»). Показательно, что даже в этом фрагменте писем отчетливо видно различие в отношении Власова к его корреспондентам. Письмо односельчанке Ане более многословно и эмоционально. Оно написано генералом, который и на фронте живет «по-культурному» («даже ходил в баню»), женщине без образования и воображения: «ты не поверишь», «ты представить себе не можешь» и т.п. В письме к военврачу Але Власов более лаконичен и осторожен: «сама представляешь какое мне выпало счастье».

О конкретных действиях вверенной ему армии Власов в письмах не сообщает. Тщательно зашифровывает место и участников описываемого события. Из содержания полуторачасовой беседы со Сталиным (наедине или нет — неясно) указывается лишь вопрос о жене. В чем же тогда ценность этих писем как исторического источника? Зафиксированная в них информация определенно свидетельствует о двоедушии автора и позволяет объяснить, почему стало возможным предательство им Родины, сделавшее имя Власова нарицательным.

Важная задача исследователя — по возможности выявить и изучить *переписку в целом*, а не только письма одного из корреспондентов. В отличие от делопроизводственной документации частные письма сохраняются далеко не всегда. При этом они редко концентрируются в составе одного комплекса: обычно каждый из корреспондентов хранит оригиналы полученных писем и лишь немногие авторы оставляют черновые варианты или копии отправленных частных писем.

Например, личные письма К. П. Победоносцева к великому князю Александру Александровичу, впоследствии императору Александру III, отложились в архиве библиотеки Зимнего дворца, а письма и записки высокогородного корреспондента Победоносцеву — среди бумаг последнего в Отделе рукописей Румянцевского музея. В 20-е гг. XX в. они были опубликованы соответственно в составе двух документальных сборников: «Письма Победоносцева к Александру III» (М., 1925—1926, т. 1—2) и «Победоносцев и его корреспонденты» (М.; Пг., 1923. — Т. 1).

До вступления Александра на престол переписка имела по преимуществу частный характер. Так, 29 января 1881 г. Победоносцев сообщал цесаревичу о кончине близкого своего приятеля Ф. М. Достоевского: «Грустно, что его нет. Но смерть его — большая потеря и для России. В среде литераторов он, — едва ли не один, — был горячим проповедником основных начал веры, народности, любви к отечеству... Теперь некому заменить его»¹. Александр ответил в тот же день: «Очень и очень сожалею о смерти бедного Достоевского, это большая потеря и положительно никто его не

¹ Письма Победоносцева к Александру III: в 2 т. — М., 1925. — Т. 1. — С. 310.

заменить»¹. То, что корреспонденты выразили свои чувства в связи со смертью писателя одними и теми же словами, очевидно характеризует их духовную близость, а отсутствие в текстах специального обращения к адресату свидетельствует о частном статусе переписки. Первое письмо подписано просто — «К. Победоносцев», второе — одной только буквой «А».

Спустя два месяца Александр стал императором. Теперь свои письменные обращения к царю Победоносцев начинает формулой «Ваше императорское Величество» и заключает подписью: «Вашего императорского Величества верноподданный Константин Победоносцев». Их переписка осталась личной, но перестала быть частной.

Частные письма обоих корреспондентов оказываются в одном хранилище в исключительных случаях. Примером может служить переписка И. В. Сталина и Н. С. Аллилуевой, отложившаяся в личном архиве. Она невелика по объему: 17 писем Сталина и 13 — Аллилуевой². Большая часть писем относится ко времени пребывания Сталина на отдыхе в Сочи в 1929—1931 гг., когда Аллилуева в связи с учебой в Промышленной академии находилась в Москве.

Письма носят сугубо личный характер и свидетельствуют о доверительных и теплых отношениях корреспондентов. Аллилуева сообщает о своей учебе, о здоровье детей, об очередях за продуктами, о высоких ценах в магазинах и т. п. Пишет, что ждет не дождется своего дорогого Иосифа: «Без тебя очень и очень скучно, как поправишься, приезжай и обязательно напиши мне, как себя чувствуешь... Приезжай. Вместе будет хорошо. Ребята здоровы. Жаль, что тебя последнее время погода не балует. В Москве дни ясные, но холодные. Пиши, как себя чувствуешь. Целую тебя крепко, крепко. Приезжай. Твоя Надя»³. Сталин ответил незамедлительно: «Думаю приехать через неделю. Целую крепко. Твой ИОСИФ».

Тема служебной и партийной деятельности Сталина в переписке не затрагивалась. Лишь однажды Аллилуева обратилась к мужу с просьбой вмешаться в «заведомо несправедливое дело» в связи с запланированным обсуждением в Политбюро ЦК ВКП (б) конфликтной ситуации в редакции органа ЦК газеты «Правда». Разобравшись в ситуации, Сталин поддержал точку зрения жены.

Частная переписка наиболее непосредственно, по сравнению с другими разновидностями документов личного происхождения, отражает взаимоотношения людей. Но для историка она бывает

¹ Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. — Т. 1. — Полутом 1. — М. — Пг., 1923. — С. 43.

² См.: Иосиф Сталин в объятиях семьи. Из личного архива: сб. документов. — Берлин — Чикаго — Токио. — М., 1993.

³ Там же. — С. 28.

важна также ненамеренными свидетельствами об интересах и занятиях корреспондентов. В частности в переписке Сталина и Аллилуевой упоминается, среди прочего, о том, что Сталин, находясь на отдыхе и лечении, наряду с государственными и партийными делами занимался изучением английского и немецкого языков, осваивал рабочий технический минимум по электротехнике и черной металлургии.

10.1.3. Воспоминания

Воспоминания (синоним — мемуары) — литературные произведения, написанные от лица автора и повествующие о событиях и людях, современником которых он был. Обычно они включают и жизнеописание самого автора. Как литературный жанр воспоминания занимают промежуточное положение между произведениями художественной литературы и научными сочинениями по истории. Отличительная особенность воспоминаний заключается в том, что основой для их написания являются память и жизненный опыт автора. Однако воспоминаний, написанных исключительно по памяти, немного. Как правило, мемуаристы используют также собственные дневники и письма, относящиеся к описываемому времени документы, воспоминания современников, материалы опубликованных научных исследований и т. д. Некоторые авторы включают в воспоминания документы, в создании которых они принимали участие. Но в их подборе, как и в воспроизведении личных впечатлений, всегда проявляется субъективность поэта мемуариста.

В отличие от личных дневников и частных писем, воспоминания изначально создаются в расчете на ознакомление неизвестных автору читателей. Поэтому мемуаристы часто используют литературные приемы, облегчающие восприятие текста (например, излагают содержание беседы в форме прямой речи ее участников); создающие впечатление высокой степени достоверности сообщаемых сведений (например, имитируют синхронность сделанных автором записей описываемому событию) и т. п. Автор воспоминаний может привлечь для их записи или обработки литературного помощника. Стремясь создать удобочитаемый текст, такой помощник неизбежно влияет не только на стиль, но и на содержание произведения.

Подобного рода работу описал В. А. Оболенский, в прошлом земский деятель и член ЦК кадетской партии, который готовил для публикации стенографические записи воспоминаний бывшего председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства А. И. Гучкова. В письме Н. А. Базили, интервьюировавшему Гучкова в Париже в 1932—1933 гг., Оболен-

ский сообщает: «Работа оказалась гораздо труднее, чем я ожидал. Стенографированный Ваш разговор перескакивал с одного предмета на другой, и все эти отдельные клочки разговора приходилось отделять друг от друга и сцеплять с другими клочками. Затем пришлось каждую фразу подвергнуть грамматической переработке. От этого текст местами потерял гучковскую красочность. Все-таки я старался по-возможности придерживаться ближе к тексту. Иногда приходилось кое-что добавлять от себя, вставляя целые вводные куски, ибо без них лаконичные замечания Гучкова были бы совершенно непонятны. Сделал я и кое-какие купюры в таких случаях, когда знал, что Гучков ошибается»¹. В результате проведенной таким образом литературной переработки появившаяся в августе — сентябре 1936 г. в парижской газете «Последние новости» публикация «Из воспоминаний А. И. Гучкова» по объему была примерно вдвое меньше текста стенографических записей воспоминаний. К тому же Оболенский частично изъясал, а в каких-то случаях изменил авторские характеристики ряда событий и лиц.

Полный текст воспоминаний Гучкова опубликован в 1993 г. редакцией журнала «Вопросы истории» в Москве по авторизованному экземпляру стенографических записей его рассказов, хранящемуся в архиве Гуверовского института войны, революции и мира Стэнфордского университета в США. Проведенное подготовителями этой публикации сопоставление двух вариантов воспоминаний — до и после литературной обработки — привело их к заключению, что первоначальный текст подвергся значительным изменениям как по содержанию, так и по толкованию отдельных сюжетов. На последнее, безусловно, не могло не повлиять различие в политических взглядах октябриста Гучкова и кадета Оболенского.

Включение в процесс создания текста воспоминаний помимо титульного автора литературного помощника, политического редактора-цензора и других лиц делает понятие «авторство» применительно к мемуарам часто более широким и менее определенным, нежели понятия «автор личного дневника» и «автор частного письма». Поэтому выяснение персонального состава авторского коллектива и места каждого из его членов в творческом процессе создания мемуарного произведения — неперемнное условие научного использования воспоминаний.

Для того чтобы воспоминания могли дойти до массового читателя, необходимо их опубликовать. Ни авторы личных дневников, ни авторы частных писем обычно не предполагают их публикации. В дореформенной России мемуаристы писали преимущественно для потомков и не рассчитывали на скорую публикацию своих воспо-

¹ Цит. по: Ляндерс С., Смолин А. В. Примечания // Александр Иванович Гучков рассказывает... Воспоминания председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. — М., 1993. — С. 129—130.

минаний. Преобладающей формой воспоминаний было пространное, хронологически последовательное жизнеописание автора.

В ходе буржуазных реформ второй половины XIX в. и революций XX в. в стране произошли глубинные социально-экономические и политические изменения. Миллионы людей, вовлеченные в активное участие в общественной жизни, захотели узнать и понять свое давнее и недавнее прошлое и одновременно — рассказать о себе и быть услышанными. Объективную возможность для этого создали стремительный рост грамотности населения и развитие периодической печати. Именно периодическая печать, отражающая жизнь человеческого общества во всей ее полноте, позволила публиковать на страницах журналов и газет огромное количество мемуаров по самой различной тематике. Авторами их выступали представители разных социальных, политических, национальных и других общественных объединений.

Публикация воспоминаний в прессе не могла не оказать влияния на литературный жанр этих сочинений. Получили распространение *тематические воспоминания* об отдельных событиях, эпизодах, в которых участвовал автор. Зачастую такие воспоминания заказываются редакторами и издателями конкретным авторам. Они пишутся специально для публикации в определенном органе печати. В этом случае время от написания автором воспоминаний до их напечатания сокращается. Так, художник-баталист Н. С. Самокиш поместил в журнале «Новый мир» (1905. — № 10) воспоминания «Моя поездка на войну», где описал впечатления от посещения в мае — ноябре 1904 г. района боевых действий русских войск на Дальнем Востоке (города Мукден и Ляоян, обстановка в прифронтовой полосе, наблюдение за ляоянским боем и сражением на реке Шахэ, беседы с ранеными солдатами, отступление).

Еще более оперативной была публикация — сразу на русском языке в газете «Известия» и на английском в американском журнале «Тайм» — воспоминаний А. С. Черняева о событиях 18—21 августа 1991 г. «Известия» поместили их в номере за 30 сентября 1991 г. под броским заголовком, вынесенном на первую полосу: «Форос, август-91. Дневник помощника Президента Анатолия Черняева». На самом деле опубликованный тогда текст представлял собой не дневник, а воспоминания, правда, написанные по горячим следам событий, но уже тогда, когда их исход не мог вызвать у автора сомнений. В этом убеждает первая же запись: «21 августа 1991 года. Крым. Дача “Заря”. Видимо, пора писать хронику событий. Кроме меня, никто не напишет. А я оказался свидетелем поворота истории. 18-го, в воскресенье, после обеда...». 21 августа Черняев записал по памяти события трех суток «Форосского пленения». Уж в Москве он добавил рассказ об обстоятельствах освобождения и возвращения в столицу. Очевидно, что использование формы дневника в данном случае является литературным

приемом, цель которого — создать у читателя иллюзию будто бы синхронного фиксирования событий. Автор активно вводит в свое повествование диалоги в форме прямой речи участников, демонстрирует языковую раскованность: «Женька» (Примаков), «Сашка» (Бовин), «встряла» (о Раисе Максимовне Горбачевой) и т.д.

Для воспоминаний Черняева характерна публицистичность, вообще свойственная тематическим воспоминаниям. Все упомянутые в них персонажи четко поделены на «хороших» и «плохих» — тех, кто, подобно автору, был тогда за М.С. Горбачева, и тех, кто был против него. Первых Черняев уважительно называет по имени-отчеству: Иван Степанович (Силаев), Александр Владимирович (Руцкой). Вторых — пренебрежительно, только по фамилии: Лукьянов, Ивашко, Бакланов, Язов, Крючков. По-видимому, для американских читателей в воспоминания был включен абзац о телефонном разговоре Горбачева и Дж.Буша, состоявшемся 21 августа: «Это был радостный разговор. М.С. благодарил за поддержку, за солидарность. Буш приветствовал его освобождение, возвращение к работе».

Публицистичность воспоминаний, созданных специально для печати, нередко побуждает их авторов по прошествии времени готовить новую версию, что-то дополнительно «вспоминая» или же, наоборот, что-то «забывая». Показательно, что уже в 1993 г. Черняев в книге «Шесть лет с Горбачевым. По дневниковым записям» не воспроизвел опубликованный в «Известиях» и «Тайм» фрагмент о «Форосе-91». Косвенно отвечая возможным оппонентам, мемуарист ограничился замечанием: ни в одном из описаний событий августа 1991 г. — «тех, что попались на глаза» — он не нашел «достойных внимания» опровержений своей публикации двухлетней давности.

Учитывая варианты, подобные вышеописанному, историку, прежде чем использовать содержащуюся в воспоминаниях информацию, следует составить представление обо всех мемуарных источниках, принадлежащих перу автора.

Наряду с многочисленными тематическими воспоминаниями во второй половине XIX—XXI вв. по-прежнему создаются *мемуары-жизнеописания*. Начальной хронологической гранью таких воспоминаний обычно является дата рождения автора; вопрос о том, где «поставить точку», различные мемуаристы решают по-разному. Так, например, Д. А. Милютин доводит свои воспоминания до апреля 1873 г., когда на 57-м году жизни и на 13-м году руководства военным министерством он начал вести дневник. В сентябре 1886 г. Милютин составил «Предварительное объяснение для читателя, в руки которого когда-нибудь попадут мои записки»¹. В нем он ука-

¹ Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1816—1843. — М., 1997. — С. 34—37.

зал, что причиной, побудившей его предпринять этот шаг, было чувство нравственной обязанности «сохранить для будущего историка те данные, которые могут пригодиться ему», чтобы разъяснить обстоятельства происходившего на глазах и при участии автора.

Находясь с 1881 г. в отставке, Милютин решил дополнить материалы дневника воспоминаниями за предшествующие годы, «насколько хватит памяти, умения и терпения». Хотя автор стремится уверить будущего читателя в том, что «всеми силами старался устранить всякое пристрастие или преднамеренное искажение фактов; всегда становился на объективную точку зрения, не увлекался своими отношениями к людям и событиям», он вполне отдает себе отчет в полемичности своих заметок. Рукой мемуариста, по его признанию, водило желание пресечь «несправедливые нарекания» и «враждебные нападки», которые встречали нововведения в устройстве русской армии и военного управления. В воспоминаниях Милютин выставлял эти нападки «в истинном свете и по возможности указывал, откуда исходили интриги и гнусные изветы». Таким образом, автор отводил своим воспоминаниям функцию идейного обоснования осуществленных под его руководством мероприятий.

Дневник и воспоминания Милютин рассматривал как единый, цельный документ. Под этим углом зрения в 1900 г. под его непосредственным наблюдением был исправлен и переписан набело подготовленный для печати экземпляр. Первые двадцать его книг составили воспоминания, охватившие время с 1816 по 1873 г.; последующие двенадцать — дневники с апреля 1873 до 1899 г.

Воспоминания С. Ю. Витте могут служить примером мемуаров — жизнеописания, охвативших по сути всю жизнь автора. Работа шла в несколько приемов. Начал ее отставной премьер летом 1907 г. за границей, «удалившись, от активной политической жизни», и побуждаемый желанием выявить «крупные ошибки» дальневосточной политики новых советников царя, которые привели к катастрофам.

В январе 1908 г. Витте продолжил работу в Петербурге, изложив свою версию истории манифеста 17 октября 1905 г. Распространившиеся слухи о том, что отставной премьер-министр пишет мемуары, в которых дает неллицеприятные характеристики покойным и здравствующим государствующим деятелям, включая членов императорской фамилии и самого императора, заставили опытного сановника быть осторожнее: он сделал длительную паузу и вернулся к работе над текстом только зимой 1910—1911 гг. Тогда Витте продиктовал стенографистке мемуарные рассказы, начиная с описания детства. Следующей зимой он довел их до конца 1911 г.

Жанр жизнеописания позволил автору несколько смягчить характеристики лиц, более острые в тематических фрагментах, ка-

савшихся событий, сохранявших политическую злободневность. В этом варианте мемуаров Витте сделал хронологический пропуск — от предыстории манифеста 17 октября 1905 г. до своей отставки с поста главы правительства. Он объяснил его наличием собственноручных записей воспоминаний за это время. Но дело было в другом: тема революции и ответственности за нее казалась Витте опасной, поскольку в случае изъятия текста автору грозили, по его прогнозу, «большие неприятности».

Оба текста воспоминаний — собственноручные заметки и стенографические диктовки, — содержащие отчасти параллельное описание событий, Витте поместил в один из французских банков на имя жены. Позже она перевела рукопись в другой банк на чужое имя. Сразу после смерти Витте в феврале 1915 г. его кабинет в Петрограде был опечатан. Ознакомившись с обнаруженным там оглавлением воспоминаний, Николай II пожелал их прочитать. Узнав от вдовы, что рукопись находится за границей, власти произвели в отсутствие хозяев тщательный обыск на вилле Витте в Биарице, но безуспешно.

После Октябрьской революции 1917 г. вдова продала право на издание мемуаров Витте сразу двум фирмам: американской и берлинской. В 1921 г. увидели свет однотомный вариант воспоминаний на английском языке и первый том трехтомного варианта на русском. Трехтомный вариант, изданный в Берлине в 1921—1922 гг., в 1923—1924 гг. без изменений был опубликован в нашей стране. С 1965 г. рукопись воспоминаний, переданная наследниками мемуариста на хранение в библиотеку Колумбийского университета в Нью-Йорке, доступна для исследователей.

С 20-х гг. XX в. началась история воспоминаний Витте как исторического источника. При этом исследователи располагали не их оригиналом, а сводной редакцией, специально подготовленной для публикации уже после смерти автора. Работа редактора-составителя заключалась в перестановке фрагментов текста, разделении его на главы и устранении повторов. По желанию вдовы были исключены некоторые отрывки, касавшиеся семейной жизни Витте и характеристики второстепенных деятелей. Таким образом, публикация не дает полного и точного воспроизведения того, что было написано и надиктовано самим Витте. По мнению исследователей, хотя составитель создал единый и удобочитаемый текст, он при этом недостаточно считался с особенностями строя мыслей и изложения автора.

В 2003 г. Санкт-Петербургский институт истории РАН и Бахметьевский архив русской и восточно-европейской истории и культуры Колумбийского университета в Нью-Йорке совместно издали авторские тексты мемуарных рукописных заметок Витте и стенографические записи его рассказов. Научная публикация рукописей воспоминаний Витте существенно расширяет возможности

использования информационного потенциала этого ценнейшего исторического источника.

10.2. Эволюция документов личного происхождения

Условия создания и сохранения личных дневников, частной переписки и воспоминаний были неодинаковы на протяжении второй половины XIX—XXI в. Выделяются три этапа эволюции документов личного происхождения, характеризующиеся качественными отличиями: 1) вторая половина XIX в. — 1917 г.; 2) 1917 г. — 80-е гг. XX в.; 3) 90-е гг. XX в. — настоящее время.

На первом этапе действовали факторы, благоприятные для возникновения всех названных разновидностей документов личного происхождения: росла грамотность населения; развивалась общегосударственная система почтовой связи; определился общественный спрос на мемуарные свидетельства современников и сложилась практика их заказа и публикации, в том числе и в периодической печати. Наряду с дворянскими родовыми архивами документы личного происхождения в это время сохраняются в архиве Академии наук, в отделах рукописей библиотек и музеев.

На втором этапе условия для создания документов личного происхождения в целом складывались также благоприятно: в стране была ликвидирована неграмотность и в результате массовых миграций населения частная переписка стала в буквальном смысле всеобщим и всеобъемлющим явлением общественной жизни; в процессе изменения социальной структуры общества расширился состав авторов воспоминаний, возросло количество создаваемых и публикуемых мемуаров; в то же время личные дневники велись реже. Документы личного происхождения были включены в Государственный архивный фонд СССР и стали одним из источников комплектования государственных архивов. Значительная часть дневников, частной переписки и воспоминаний сохранялась также в партийных и личных архивах, собраниях музеев и библиотек.

На третьем этапе в результате развала единого государства — СССР — между его бывшими республиками были установлены государственные границы, ликвидировавшие прежде единую систему почтовой связи; многократно выросла стоимость услуг по доставке писем, открыток, телеграмм, бандеролей в пределах РФ и за границу. По информации газеты «Труд», перепечатанной еженедельником «Мир за неделю» (2000. — № 2), общий поток писем, открыток и бандеролей за десятилетие уменьшился в четыре раза, причем очевидно, что бо́льшую часть этого потока составляет служебная переписка. Сокращение объема частной переписки, по-видимому, более точно характеризуют данные об

уменьшении количества отправленных по почте посылок: за последние десять лет их стало в десять раз меньше.

Изменились состав авторов и тематика публикуемых воспоминаний. По-прежнему небольшую по сравнению с воспоминаниями группу документов личного происхождения образуют дневники. Современные документы личного происхождения откладываются преимущественно в личных и частных архивах. Лишь небольшую их часть, как и прежде, принимают на государственное хранение библиотеки и музеи, а также некоторые архивы, например, РГАЛИ (документы писателей, деятелей культуры), Архив РАН (документы ученых) и т. п.

10.2.1. Личные дневники

Наиболее широкое распространение ведение регулярных подневных записей в России получило во второй половине XIX — начале XX в. Полного учета личных дневников за это время нет. По данным справочника «История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях» в Российской империи и в СССР напечатано почти в пять раз больше этих источников за 1857—1917 гг., чем за 1801—1856 гг. Но и это — лишь небольшая часть сохранившихся документов личного происхождения. Так, Е. И. Мокряк выявила в центральных государственных архивах СССР 140 дневников и мемуаров русских помещиков второй половины XIX — начала XX в., из них опубликованы 11 документов (6 мемуаров и 5 дневников)¹.

Ведение личных дневников, которое уже в первой половине XIX в. приобрело в глазах современников «чуть ли не соблазнительную привлекательность моды»², во второй половине XIX в. перестало быть привилегией дворянства. Разумеется, значение этой категории дневников как исторических источников по-прежнему велико вследствие высокого общего уровня дворянской культуры и осведомленности авторов. Историками давно оценены и введены в научный оборот подневные записи членов императорского дома; министров П. А. Валуева, Д. А. Милютина, А. Н. Куропаткина; государственных секретарей А. А. Половцова и Е. А. Перетца; советника министра иностранных дел В. Н. Ламздорфа; хозяйки петербургского светского салона А. В. Богданович, жены министра внутренних дел Е. А. Святополк-Мирской и др.

¹ Мокряк Е. И. Обзор дневников и мемуаров русских помещиков второй половины XIX — начала XX в. // Вестник Московского университета. — Серия 8. История. — 1976. — № 4.

² Дмитриев С. С. Мемуары, дневники, частная переписка первой половины XIX в. // Источниковедение истории СССР XIX — начала XX в. — М., 1970. — С. 346.

Наряду с дворянами к ведению дневников во второй половине XIX в. все больше приобщаются представители других сословий: духовенства, купечества. Так, в РГБ сохранились подробные дневниковые записки за 1848—1876 гг. архиепископа Ярославского Леонида, в которых содержится информация о его распорядке дня, делах, церковных службах, встречах. Автор излагает (часто дословно) свои беседы с митрополитом Филаретом и императором Александром II, описывает поездки по монастырям, посещение духовных учебных заведений, освящение церквей, официальные приемы русских и иностранных деятелей церкви. В дневнике священнослужителя зафиксированы и отклики на политические события эпохи: Крымскую войну, покушение Д. В. Каракозова на Александра II и др.

Купеческий быт Москвы второй половины XIX в. получил отражение в дневнике М. Н. Шустовой за 1870—1878 гг. Описание быта, нравов и торгово-промышленной деятельности московского купечества начала XX в. содержится в дневнике костромского фабриканта И. К. Коновалова.

Ведение подневных записей становится нередким занятием офицеров, принимавших участие в боевых действиях, представителей разночинной интеллигенции: врачей, инженеров и др. Например, военный врач В. П. Кравков составил личный дневник событий Русско-японской (1904—1905) и Первой мировой (1914—1917) войн. Инженер А. В. Ливеровский, министр путей сообщения в последнем составе Временного правительства, подробнейшим образом, буквально поминутно, описал свой день 25 октября 1917 г. от того момента, когда он «в 9 час. 15 мин. вышел из дому», и до ареста в Зимнем дворце вместе с другими членами правительства уже утром 26 октября: «1 час 50 мин. Арест. Составление протокола. 2 часа 10 мин. Отправились под конвоем. 3 час. 40 мин. Прибыли в крепость. 5 час. 5 мин. Я в камере № 54»¹.

Значительное количество дневников было создано учеными, деятелями культуры, особенно литераторами, для которых записи, сделанные под непосредственным впечатлением событий, впоследствии служили материалом для творческого осмысления действительности. Таковы, например, дневники историка В. О. Ключевского, композитора П. И. Чайковского, драматурга А. Н. Островского, писателей Ф. М. Достоевского, В. Г. Короленко, И. А. Бунина, В. Я. Брюсова, А. А. Блока и многих других.

Историку подобные источники дают сведения прежде всего о событиях, участниками или свидетелями которых были авторы. В частности А. А. Блок рассказал в дневнике о своей работе в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства,

¹ Дневник А. В. Ливеровского о последних часах Временного правительства // Исторический архив. — 1960. — № 6. — С. 40—47.

расследовавшей деятельность бывших царских министров. Искусствовед И. В. Цветаев, инициатор создания и первый директор Музея изящных искусств имени императора Александра III при Московском университете (современный Музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина), в дневниковых записях за февраль 1898 — апрель 1900 г. отразил многие эпизоды истории возникновения этого музея, включая сбор средств, разработку и утверждение проекта, выделение земельного участка, церемонию закладки здания, выбор материалов для строительства, переговоры с подрядчиками и ход работ, заказ и получение экспонатов, роль и участие конкретных лиц в создании музея.

Следует иметь в виду, что зачастую то или иное событие получает отражение в нескольких источниках, и исследователь может составить о нем более объемное представление, обратившись к свидетельствам не только его активных участников, но и очевидцев. В дневнике фрейлины А. Ф. Тютчевой подробно описаны торжества коронации императора Александра II. С того места в Успенском соборе Московского Кремля, на котором она находилась, императорская чета была не видна и, быть может, поэтому Тютчева отметила невниманье и равнодушие окружавших ее лиц к происходившему таинству: «Смеялись, болтали, шептались, расспрашивали друг друга о назначениях и милостях, которые должны были быть дарованы по случаю коронации. Некоторые даже взяли с собой еду, чтобы подкрепиться во время долгой службы. В самые торжественные минуты становились на цыпочки, чтобы видеть, что происходит, а те, кто ничего не видел, высказывали свое неудовольствие словами, совершенно не соответствующими моменту... Общее впечатление, вынесенное мною из всего этого торжества, была глубокая грусть»¹.

История революционного движения в Российской империи не могла получить сколько-нибудь заметного отражения в личных дневниках активных участников, поскольку условия их деятельности — конспирация, постоянная угроза обысков и арестов — делали невозможными подобные записи. Чтобы возник дневник революционера, было необходимо особое стечение обстоятельств. Например, Ф. Э. Дзержинский, находясь в тюремном заключении, вел записи, которые составили дневник за 1908 — 1909 гг., частично опубликованный в нелегальном органе социал-демократии Польши и Литвы — журнале «Пшегленд социал-демократычны» в 1909 — 1910 гг. В нем дана картина порядков каторжной тюрьмы, сложившаяся из эпизодов, убедительных прежде всего своей обыденностью и повседневностью. Поэтому публикация дневника

¹ Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров. Воспоминания и фрагменты дневников фрейлины двора Николая I и Александра II. — М., 1990. — С. 146 — 147.

Дзержинского использовалась революционным социал-демократическим подпольем России в агитационно-пропагандистских целях.

В советский период дневники велись реже. Многие представители дворянства, торгово-промышленной буржуазии и духовенства покинули страну или погибли в годы революции и Гражданской войны. Коренным образом изменилось социальное и материальное положение тех из них, кто остался на родине. Миллионы крестьян и рабочих, недавно освоивших грамоту, еще только приобщались к письменной культуре. Само время, бурное и динамичное, не способствовало саморефлексии. Показательно, что в учебном пособии М. Н. Черноморского «Источниковедение истории СССР. Советский период» (М., 1976) вообще нет главы о личных дневниках — только о мемуарах.

Традиция ведения личных дневников сохранилась прежде всего у творческой интеллигенции: ученых, деятелей культуры. Например, возвратившийся в СССР из эмиграции публицист Н. В. Устрялов еще по дороге в Москву, в поезде, начал день за днем записывать свои мысли и впечатления. Его дневник за 1935—1937 гг.¹ отразил глубоко индивидуальное восприятие советской действительности и собственного места в ней. Вместе с тем авторы этой категории дневников обычно осознавали значимость своих непосредственных наблюдений и впечатлений для будущих поколений. Драматург В. В. Вишневский предварил свои дневниковые записи следующим утверждением: «Наша задача: сохранить для истории наши наблюдения, нашу сегодняшнюю точку зрения — участников. Ведь через год, через десять лет с дистанции времени все будет виднее. Возможно, будет иная точка зрения, оценка. Оставим же внукам и правнукам свой рассказ. Наши ошибки и победы будут уроками для завтрашнего дня»².

В советский период дневники создавались также рабочими и крестьянами. Главная трудность их введения в научный оборот как исторического источника заключается в том, что они редко поступали на хранение в государственные архивы. Но вероятность находок велика. Так, в РГБ хранится дневник крестьянина И. Д. Фролова из деревни Верхнее Хорошово Коломенского района Московской области за 1934—1943 гг. В нем находим систематические сведения о погоде, заметки о сельскохозяйственных работах в колхозе и дома, об урожае, оплате трудодней, выполнении государственных обязательств, рыночных ценах, рассказ о начале Великой Отечественной войны, налетах немецкой авиации на Москву

¹ «Служить Родине приходится костями...». Дневник Н. В. Устрялова. 1935—1937 // Источник. Документы русской истории. Приложение у журналу «Родина». — 1998. — № 5—6.

² Вишневский В. В. Собрание сочинений. — М., 1956. — Т. 3. — С. 5.

и Коломну, эвакуации Коломенских заводов в тыл, работе населения на трудовом фронте (рытье окопов, заготовка дров).

Значительную группу авторов дневников, созданных в 50-е — 90-е гг. XX в., составляют сотрудники государственного и партийного аппарата. Известны эти дневники главным образом по ссылкам на них в воспоминаниях, опубликованных в 90-е гг. XX в.

10.2.2. Частная переписка

На протяжении XIX—XX вв., вплоть до начала 90-х гг. XX в., прослеживается тенденция роста объема частной переписки. Объективную основу этого процесса составила сложившаяся к середине XIX в. общегосударственная система почтовой связи.

В границах Российской империи постоянная почтовая связь действовала между 733 городами. Еще в 40-х гг. XX в. в них появились почтовые ящики, и отправители могли посылать письма в любое время суток, а не только в присутственные часы почтовой конторы. Тогда же были введены в обращение специальные конверты с напечатанными на них круглыми штемпелями; приобретая такой конверт, отправитель заранее оплачивал пересылку письма. С 1858 г. в этих же целях в России применялись почтовые марки. Поскольку грамотность была распространена в XIX в. главным образом в городах, до Первой мировой войны частная переписка имела резко выраженный городской характер. Ее четвертая часть приходилась на два города — Петербург и Москву.

Ведение обширной частной переписки как своего рода замены личного общения, беседы во время разлуки было широко распространено во второй половине XIX — начале XX в. в среде образованных людей. Исследователям давно известна переписка Николая II с женой и матерью. Историк и журналист М. М. Стасюлевич, находясь вне дома, ежедневно писал жене, сообщая в письмах обо всем, что видел и слышал. За 52 года их переписки (1859 — 1911) образовался своеобразный личный дневник. Из писем-дневников состояла переписка П. И. Чайковского и Н. Ф. фон Мекк, которая длилась 14 лет (1876 — 1890).

Далеко не все современники придавали значение сохранению частных писем; нередко после прочтения они уничтожались адресатом. Так, из огромной переписки, которую вел Л. Н. Толстой, удалось собрать 8500 его писем. Но это только часть написанного им. Со второй половины 60-х гг. XIX в. письма печатались в толстых журналах общего типа и в отраслевых, прежде всего исторических, журналах. Традицией стало включение писем писателей в издания собраний их сочинений.

В XIX в. получила распространение телефонная связь, что привело к некоторому сокращению частной переписки — главным

образом внутригородской. В масштабе же страны количество отправляемых и получаемых писем продолжало расти. В годы Первой мировой войны поток частной почтовой корреспонденции впервые перестал быть почти исключительно меж- и внутригородским: из 15,8 млн человек, призванных в русскую армию за время войны, 12,8 млн было мобилизовано из деревни. Солдаты писали домой и с нетерпением ждали вестей из дома.

В СССР в результате ликвидации неграмотности появились новые авторы и адресаты частных писем. Не было ни одного населенного пункта в стране, куда бы не приходили письма, ни одного общественного или личного вопроса, который не получал бы в них отражения. Большая часть писем не сохранилась, лишь немногие из них откладывались в импровизированных личных и семейных архивах. Небольшую часть личной корреспонденции смогли принять на хранение государственные архивы и музеи. За исключением писем известных людей (государственных деятелей, академиков, военачальников, выдающихся деятелей культуры) документы эпистолярного жанра публикуются редко. Первое место в тематических публикациях переписки занимают публикации о Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. (например, «Великая Отечественная война в письмах». — М., 1982).

В 90-е гг. XX в. в Российской Федерации произошло резкое сокращение частной переписки. Причины этого явления — политические и социальные. Развитие технических средств связи, включая электронную почту, мало повлияло на интенсивность межличностной коммуникации. Но интерес исследователей к материалам частной переписки как историческому источнику, напротив, возрос.

10.2.3. Воспоминания

На протяжении второй половины XIX — начала XXI в. прослеживается рост количества, тематического и жанрового разнообразия мемуаров. Следует иметь в виду, что, в отличие от дневников и частных писем, для воспоминаний характерен хронологический разрыв между временем создания и временем, когда происходили описываемые события. Продолжительность паузы, которую выдерживал автор, могла определяться как его собственной заинтересованностью, так и общими условиями, благоприятными, или, наоборот, неблагоприятными для написания и публикации воспоминаний: общественной востребованностью мемуаров, возможностью их быстро обнародовать, цензурными ограничениями и т. п.

История России второй половины XIX — начала XX в. получила отражение в огромном количестве мемуаров. Все они по времени

составления образуют две большие группы: написанные до февраля или до октября 1917 г. либо написанные после одной из указанных дат. Этот хронологический рубеж стал определяющим для содержания и направленности воспоминаний о дореволюционной России. Одни мемуаристы — рабочие, крестьяне, участники революционного движения — только после Октябрьской революции получили возможность записать и опубликовать свои воспоминания, другие — утратившие власть, потерявшие землю и капитал, потерпевшие поражение в Гражданской войне — вынуждены были взяться за перо, чтобы попытаться хотя бы задним числом оправдать свои действия.

Значительная часть мемуаров дворян, написанных до Октября 1917 г., преимущественно посвящена событиям дореформенного времени. Таковы, в частности, воспоминания Н. К. Гирса, министра иностранных дел Александра III. Из государственных деятелей второй половины XIX — начала XX в. только Витте оставил мемуарное свидетельство о периоде 1849—1911 гг., завершив работу над текстом в 1912 г.

Социальные сдвиги, произошедшие в стране в результате буржуазных преобразований, сказались на изменении социально-профессионального состава отечественных мемуаристов. Основную категорию авторов составили писатели, журналисты, адвокаты, педагоги, художники, артисты, музыканты, ученые, инженеры, агрономы, врачи. Один из лучших образцов мемуаров, принадлежащих перу российских предпринимателей — «Воспоминания о виденном, слышанном и испытанном» (М., 1903—1905. — Ч. 1—2) председателя правления Московского торгового банка и Московского биржевого комитета Н. А. Найденова. Появляются также воспоминания крестьян и рабочих, правда, они очень немногочисленны. Так, например, в 1900 и 1914 г. в Москве вышла книжка крестьянина М. Е. Николаева «Мои воспоминания. Посвящаются моим детям». Автор, бывший крепостной, рассказал, как после реформы 1861 г. он стал предпринимателем-подрядчиком по перевозке товаров для фабрикантов Морозовых и волостным старшиной.

В 80-е гг. XIX в. В. Г. Герасимов впервые в русской литературе написал воспоминания рабочего-революционера, в которых описывались условия фабричного труда на Кренгольмской мануфактуре в Нарве, события стачки 1872 г., арест ее участников и суд над ними. Опубликованы они были уже в советское время. До революции 1905—1907 гг. легальное издание в Российской империи воспоминаний революционеров было невозможно. Первые мемуары народников и социал-демократов печатались за границей. Их названия точно и емко характеризовали содержание: «Подпольная Россия» С. М. Степняка-Кравчинского, «Записки революционера» П. А. Кропоткина, «Русский рабочий в революционном

движении» Г. В. Плеханова и др. С 1905 г. воспоминания участников революционно-демократического движения, шестидесятников и революционных народников публиковались в отдельных изданиях и в журналах «Былое» и «Голос минувшего».

После Октября 1917 г. тема революционного движения в России стала в отечественной мемуаристике приоритетной. Собираание и публикацию воспоминаний деятелей народнического движения осуществляло Всесоюзное общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, издававшее журнал «Каторга и ссылка». Особое место в мемуарном наследии народовольцев принадлежит книге В. Н. Фигнер «Запечатленный труд». К работе над ней революционерка приступила в 1913 г. в Швейцарии, но рукопись осталась за границей. Во время Первой мировой войны Фигнер возвратилась в Россию и здесь вторично написала мемуары. В своей работе она использовала собственные показания 1883 г., обнаруженные после Февральской революции в архиве департамента полиции. Автору удалось рассказать об истории «Народной воли» с позиций тогдашней, тридцатилетней Фигнер ее языком, сохранить в тексте, написанном спустя десятилетия, взгляд на причины неудачи движения, которое существовало в среде народовольцев в 80-е гг. XIX в.

Значительное место в мемуарной литературе занимают воспоминания большевиков об истории партии, ставшей в октябре 1917 г. правящей в стране, о ее вожде — Ленине, об Октябрьской революции и гражданской войне. Организационными центрами по сбору и публикации воспоминаний по этим темам стали Истпарт — Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП (б), издававшая журналы «Пролетарская революция» и «Красная летопись», Общество старых большевиков, Институт В. И. Ленина (впоследствии Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС). Этапными рубежами в работе были юбилейные даты, в связи с которыми количество публикаций возрастало во много раз.

Так, отдельные воспоминания о Ленине появились в связи с пятидесятилетием со дня его рождения, отмечавшимся в 1920 г. В течение многих лет в годовщины со дня смерти Ленина воспоминаниям о нем отводились полосы газет, страницы журналов; они публиковались в специальных сборниках. В предисловии к одному из таких сборников Н. К. Крупская справедливо отметила: «Каждый вспоминает по-своему, но в общем получается нечто цельное»¹. К столетию со дня рождения вождя вышел пятитомник «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине» (М., 1969—1970), а в 1989 г. было начато оставшееся незавершенным десяти томное издание. Наиболее полным собранием сведений о жизни и деятельности основателя и первого руководителя Советского государства

¹ Крупская Н. К. Рассказы рабочих о Ленине. — М., 1934. — С. 5.

является уникальное 12-томное издание «Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника» (М., 1970—1982). В нем даны отсылки на все выявленные к тому времени воспоминания. Пики публикации воспоминаний об Октябрьской революции 1917 г. совпадают с ее пятой, десятой, сороковой и пятидесятой годовщинами.

После окончания Гражданской войны за рубежом — прежде всего в Праге, Берлине, Париже, Харбине — сформировались российские эмигрантские научные и издательские центры, которые осуществляли собирание, хранение и публикацию документов личного происхождения. Наибольшую известность получила деятельность Русского заграничного исторического архива в Праге. В начале 30-х гг. XX в. архив имел представителей в 16 странах мира: Англии, Болгарии, Германии, Италии, Китае, Латвии, Литве, Польше, Румынии, США, Турции, Финляндии, Франции, Швейцарии, Эстонии, Югославии. Были опубликованы мемуары министра финансов и председателя Совета министров Российской империи В. Н. Коковцова, глав дипломатического ведомства А. П. Извольского, С. Д. Сазонова, председателя Государственной думы М. В. Родзянко и бессменного министра Временного правительства А. Ф. Керенского, вождей белого движения А. И. Деникина и П. Н. Врангеля и т. д.

Издавались документальные сборники, значительную часть которых составили воспоминания белоэмигрантов, — «Архив русской революции», «Белое дело» и др. Сведения о публикации мемуаров российских белоэмигрантов первой волны содержат фундаментальные издания: «Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX в.» (М., 1996), «Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX в. Энциклопедический биографический словарь» (М., 1997), «Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918—1940. Писатели русского зарубежья» (М., 1997). Ряд мемуаров, впервые опубликованных за границей, переиздан в СССР в 20—30-е гг. XX в. и в РФ — в 90-е гг. XX в.

После Октября 1917 г. стало возможным создание значительно корпуса воспоминаний рабочих и крестьян о жизни до революции. Как правило, их записывали и обрабатывали профессиональные литераторы. Типична в этом отношении книга А. Г. Васюнкиной «Жизнь колхозницы Васюнкиной, рассказанная ею самой» (запись и предисловие Р. С. Липец), изданная в 1931 г. в серии «Массовая библиотека» государственным издательством «Художественная литература».

Особую группу мемуаров рабочих и крестьян составили коллективные воспоминания, подготовленные по единому плану и имевшие задачей воссоздать по возможности полную историю предприятия. Так, в 1935 г. под редакцией А. М. Горького двумя изданиями вышла книга «Были горы Высокой» — рассказ рабочих нижнетагильских медного и железного рудников. Составление книги

происходило в несколько этапов: 1) запись воспоминаний; 2) литературная обработка записей; 3) монтаж отдельных рукописей «в связное единое целое, руководствуясь композицией и планом произведения»; 4) совместная читка и обсуждение всего текста коллективом авторов. Очевидно, что при создании мемуаров в несколько этапов авторская индивидуальность в большей или меньшей степени утрачивается, и важной задачей исследователя становится установление роли каждого из участников творческого процесса.

В изданных в СССР в 20 — 30-е гг. XX в. коллективных воспоминаниях отчетливо прослеживается цель — через личное восприятие авторов раскрыть изменения, произошедшие в стране в результате революционных преобразований. Показательны названия сборников мемуаров: «Как мы жили при царе и как живем теперь. Рассказы работниц и ткачих Трехгорной мануфактуры» (М., 1934; изд. 2. — М., 1937), «Теперь и прежде. Рассказы рабочих, колхозников и трудовой интеллигенции о своей жизни при царизме и при Советской власти» (М., 1938) и т.п.

После начала Великой Отечественной войны формируется фонд мемуарных свидетельств о ней, который по широте тематического охвата и представительности состава авторов не имеет аналогов в отечественной мемуаристике. В 1941 г. вышла из печати книга воспоминаний военного корреспондента А. Полякова «В тылу врага». В короткий срок она выдержала несколько изданий. Продолжая сложившуюся в предвоенные годы традицию творческого содружества «бывалых людей», которым есть о чем рассказать, но которые непривычны к литературному труду, и писателей, — в военные и первые послевоенные годы были подготовлены и опубликованы мемуары партизан, офицеров Действующей армии: Игнатова П. «Записки партизана» (М., 1944; лит. редакция и обработка П. Лопатина); Пенежко Г. «Записки советского офицера» (М., 1949; лит. обработка Е. Герасимова); Федоров А. «Подпольный обком действует» (М., 1954; лит. запись Е. Босняцкого) и др.

Со второй половины 50-х гг. XX в. наряду с рядовыми участниками войны воспоминания о ее событиях все чаще публикуют военачальники армейского и фронтового уровня. В конце 60 — начале 70-х гг. XX в. издаются мемуары представителей Ставки Верховного главнокомандования, начальников и ответственных работников Генерального штаба. В подготовке этих книг авторам, как правило, помогали генералы и офицеры Военно-научного управления Генерального штаба, сотрудники Института военной истории Министерства обороны, редакторы издательств. Опубликовано и воспоминания тружеников советского тыла, ведущих отечественных конструкторов, руководителей оборонных отраслей промышленности. Очевидно, что в состав корпуса мемуаров о Ве-

ликой Отечественной войне входят также воспоминания союзников и противников СССР.

В послевоенный период постепенно складывается небольшой по объему, но целенаправленно формируемый фонд воспоминаний новаторов производства, зачинателей и активных участников народных движений за повышение эффективности труда. Среди их авторов: П. Б. Быков — рабочий московского завода шлифовальных станков, освоивший скоростную обработку металла; А. С. Чутких — помощник мастера ткацкого цеха на московском Краснохолмском камвольном комбинате, инициатор соревнования за отличное качество продукции; В. И. Гаганова — бригадир прядильщиц, инициатор движения за переход передовиков производства на отстающие участки, чтобы поднять их до уровня передовых.

Широкое распространение получили воспоминания деятелей науки, литературы, театра и кино. В них отражены как факты личной биографии, так и этапные события в жизни страны, очевидцами и участниками которых были авторы. Мемуары этой группы в наибольшей степени выражают творческую индивидуальность авторов, их способность видеть в обыденном и повседневном проявления общего и закономерного, умение рассказать о сложном просто и одновременно ярко и в запоминающейся форме. Так, академик В. Г. Трухановский, создавший биографические портреты государственных деятелей Англии XIX—XX вв. (Б. Дизраэли, Э. Идена, У. Черчилля), вспоминая на склоне лет об участии в Потсдамской конференции 1945 г., дал мастерскую зарисовку характеров членов «Большой тройки» — И. В. Сталина, Г. Трумэна, У. Черчилля. Вот как он описывает приезд этих государственных деятелей на заседания конференции:

«В первый же рабочий день наше внимание неожиданно привлек шум, рев моторов и грохот выхлопов, похожий на стрельбу. Грохот нарастал, и вскоре ко входу в левое крыло проследовал внушительный кортеж — мотоциклы со снятыми глушителями, грузовики с автоматчиками, черные машины с охранниками как внутри, так и гроздьями висевшими на подножках. Затем следовал автомобиль с Трумэном, после которого все повторялось в обратном порядке и завершалось мотоциклистами.

Черчилль подъезжал спокойнее: были и мотоциклисты, и грузовик с автоматчиками, и машины со специальной охраной, но все это без излишнего шума и грохота.

Сталин подъезжал с обратной стороны здания. Между кромкой воды озера и стеной здания замка по дорожке из гравия почти бесшумно проезжали три черные большие легковые машины. Из средней выходил Сталин в сопровождении некоторых членов делегации и входил в дверь, выводящую в сравнительно небольшой, вытянутый прямоугольником холл — там собирались все наши сотрудники, которые должны были присутствовать в зале заседаний. В центре холла находилась тумбочка и на ней черный телефон, рядом стоял генерал-пол-

ковник. Сталин спрашивал у него: «Ну как, союзники прибыли?». Генерал отвечал: «Прибыли». Еще через минуту-две сообщал: «Направляются в зал заседаний. Можно проходить». Наши товарищи двигались к двери и почти всегда оказывались в зале одновременно с американцами и англичанами. До сих пор не понимаю, как достигалась такая синхронность»¹.

В 90-е гг. XX в. воспоминания ученых, деятелей литературы, театра и кино по-прежнему многочисленны и часто публикуются. В связи с прекращением существования СССР издаются мемуары бывших сотрудников государственного и партийного аппарата, в том числе помощников советских руководителей, начиная с Н. С. Хрущева и до М. С. Горбачева включительно. Достоянием гласности становятся неизвестные ранее факты закулисных влияний в отечественных «коридорах власти».

Характерное в этом смысле название дал своим мемуарам А. А. Собчак: «Хождение во власть». Его воспоминания о событиях декабря 1989 — декабря 1990 г. были продиктованы, по его свидетельству, «согласившемуся записать» их корреспонденту еженедельника «Московские новости» А. Чернову и выпущены в начале 1991 г. трехсоттысячным тиражом. В том же году вышло второе издание книги, дополненное рассказом «Провал августовского путча». Запись датирована 29 августа.

Новое слово в мемуаристике принадлежит Б. Н. Ельцину. В книге «Исповедь на заданную тему», подготовленной при участии журналиста В. Юмашева, наряду с воспоминаниями о прошлом и настоящем он изложил свое видение будущего: «Самые последние события. По Москве бродят слухи, что на ближайшем Пленуме намечается переворот. Хотят снять Горбачева с поста Генерального секретаря ЦК КПСС и оставить ему руководство народными депутатами. Я не верю этим слухам, но уж если это действительно произойдет, я буду драться на Пленуме за Горбачева. Именно за него — своего вечного оппонента, любителя полушагов и полумер. Эта тактика его в конце концов и погубит, если, конечно, он не осознает этой своей ошибки сам...»².

В мемуарах 90-х гг. XX в. грань между воспоминаниями и публицистикой иногда практически стирается. Авторы пишут не столько о прошлом, сколько о настоящем. Это особенно типично для «новых политиков». Публицистичность — характерная черта мемуаристики в РФ, обусловленная конфронтационностью общественной жизни в переломную эпоху. Политические противостояния августа 1991 г. и сентября — декабря 1993 г. получили отражение в воспоминаниях многих участников событий. Позиция, которую

¹ Ответы академика В. Г. Трухановского на вопросы редакции журнала // Новая и новейшая история. — 1994. — № 6. — С. 81.

² Ельцин Б. Н. Исповедь на заданную тему. — М., 1990. — С. 183.

занимал автор по ту или другую сторону баррикад, явно обозначена и в опубликованном тексте.

10.3. Приемы изучения документов личного происхождения

Создаваемые в целях самоосознания, самовыражения и самоутверждения документы личного происхождения наиболее непосредственно по сравнению с источниками других видов отражают субъективизм их творцов. Стремление авторов подробно рассказать о своих успехах и, наоборот, умолчать о неудачах или, по крайней мере, представить их как следствие неблагоприятного стечения объективных обстоятельств — в одинаковой степени прослеживается и в личных дневниках, и в частных письмах, и в мемуарах. Даже тогда, когда источник был результатом коллективного творчества (например, автора и редактора), *соотношение в нем объективной и субъективной информации о действительности* может быть установлено вполне определенно. Покажем это на примере отражения событий начала Великой Отечественной войны в опубликованных воспоминаниях советских военачальников.

Как известно, директива о приведении всех войск приграничных округов в полную боевую готовность была утверждена вечером 21 июня 1941 г. Она адресовалась Военным советам Ленинградского военного округа (ЛВО), Прибалтийского особого военного округа (ПрибОВО), Западного особого военного округа (ЗапОВО), Киевского особого военного округа (КОВО) и Одесского военного округа (ОдВО). Копия — народному комиссару Военно-морского флота, в подчинении которого на западной границе находились Северный, Балтийский и Черноморский флоты. Сообщая о возможном внезапном нападении немцев «в течение 22—23.6.41 г.», нарком обороны и начальник Генерального штаба поставили перед войсками задачу: «быть в полной боевой готовности, встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников». Для этого следовало: «а) в течение ночи на 22.6.41 г. скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе; б) перед рассветом 22.6.41 г. рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно ее замаскировать; в) все части привести в боевую готовность. Войска держать рассредоточено и замаскировано; г) противовоздушную оборону привести в боевую готовность без дополнительного подъема приписного состава. Подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов»¹.

¹ Цит. по: Жуков Г. К. Воспоминания и размышления: в 3 т. — М., 1992. — Т. 1. — С. 387—388.

Г. К. Жуков, занимавший в июне 1941 г. должность начальника Генерального штаба, впервые опубликовал текст этой директивы в 1969 г. в своих воспоминаниях. Он утверждал, что «Генеральному штабу о дне нападения немецких войск стало известно от перебежчика лишь 21 июня». Узнав по телефону от начальника штаба КОВО генерала М. А. Пуркаева, что немецкое наступление начнется утром 22 июня, Жуков тотчас же доложил наркому и И. В. Сталину то, что передал М. А. Пуркаев и получил приказ приехать с наркомом в Кремль минут через 45. По словам Жукова, Сталин встретил его и С. К. Тимошенко один, затем в кабинет вошли члены Политбюро. Жуков зачитал проект директивы, которая после обсуждения и внесения поправок тут же, в кабинете Сталина, была подписана.

Записи дежурных в приемной И. В. Сталина¹ позволяют уточнить время утверждения директивы. Вечером 21 июня 1941 г. Тимошенко и Жуков вместе находились в кабинете Сталина с 20 ч 50 мин до 22 ч 20 мин. К моменту их прихода там уже были кроме И. В. Сталина В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, Л. П. Берия и Г. М. Маленков. Одновременно с наркомом обороны и начальником Генерального штаба прибыл С. М. Буденный. Позднее к участникам обсуждения присоединился Л. З. Мехлис.

Жуков единственный из перечисленных лиц опубликовал воспоминания о начале Великой Отечественной войны. По его словам, «в ночь на 22 июня 1941 года всем работникам Генерального штаба и Наркомата обороны было приказано оставаться на своих местах», так как «необходимо было как можно быстрее передать в округа директиву о приведении приграничных войск в боевую готовность».

В это время Тимошенко и Жуков вели «непрерывные переговоры с командующими округами и начальниками штабов». В половине первой ночи на 22 июня они доложили Сталину, что директива передана в округа.

Готовя мемуары, авторы не могли не учитывать общественно-политическую ситуацию в стране и обусловленные ею историографические оценки событий кануна и начала Великой Отечественной войны. В воспоминаниях военачальников, написанных и опубликованных во второй половине 50-х — первой половине 60-х гг. XX в., господствовал тезис, согласно которому «для нашей армии, в том числе и для командующих войсками округов, нападение было внезапным, поскольку армия не была своевременно приведена в боевую готовность»². Ответственность за это возлага-

¹ Из тетради лиц, принятых И. В. Сталиным 21—28 июня 1941 г. // Известия ЦК КПСС. — 1990. — № 6. — С. 216.

² Еременко А. И. На западном направлении. Воспоминания о боевых действиях войск Западного, Брянского фронтов и 4-й ударной армии в первом периоде Великой Отечественной войны. — М., 1959. — С. 10.

лась на Сталина и «высшие военные инстанции», т.е. Наркомат обороны и Генеральный штаб.

Тезис о внезапности нападения не требовал специального обоснования — в массовом сознании он ассоциировался с позицией Советского правительства, оглашенной в первые часы войны: «до последней минуты Германское правительство не предъявляло никаких претензий к Советскому правительству»¹. События кануна войны в этом контексте трактовались как ожидание военачальниками всех рангов приказа, который последовал, увы, слишком поздно. Хронологическая канва мемуаров минимальна. Она не позволяла читателям самостоятельно проанализировать сообщенные сведения.

После изменений в партийно-государственном руководстве СССР осенью 1964 г. в отечественной мемуаристике произошел пересмотр многих ранее утвердившихся оценок. В частности, нарком ВМФ Н.Г. Кузнецов в 1969 г. предварил рассказ о событиях ночи на 22 июня 1941 г. следующим полемическим замечанием: «Так повелось, что, говоря о начальном периоде войны, обычно подчеркивают внезапность нападения на нас гитлеровской Германией и те преимущества, которые враг получил благодаря этому. Но объяснять наши неудачи только этой причиной нам, военным людям, не к лицу. Мы не имеем права быть застигнутыми врасплох»². Начиная со второй половины 60-х гг. XX в. военачальники-мемуаристы в воспоминаниях о последних предвоенных часах обязательно обозначают хронологию собственных действий. Мемуарные свидетельства становятся более аргументированными. Складывается комплекс источников, позволяющих предпринять их *сравнительно-историческое изучение*.

По содержанию все воспоминания вне зависимости от времени создания и опубликования образуют две большие группы: 1) подробные и конкретные воспоминания, если авторы успели подготовить вверенные им войска к отражению нападения, и 2) уклончиво-обтекаемые воспоминания, если авторам приходилось оправдывать свои действия.

Ограничим состав мемуаристов военными руководителями, находившимися в ночь с 21 на 22 июня 1941 г. в штабах и на командных пунктах западных приграничных округов и дислоцированных на западной границе флотов. Были выявлены воспоминания командующего ОдВО Я.Т. Черевиченко (Одесса) и начальника его штаба М.В. Захарова (Тирасполь), первого заместителя командующего ЗапОВО И.В. Болдина (Минск), начальника оперативного управления КОВО И.Х. Баграмяна (Тернополь), коман-

¹ Выступление по радио заместителя председателя СНК СССР, наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова 22 июня 1941 г. // Правда. — 1941. — 23 июня.

² Кузнецов Н.Г. Накануне. — М., 1969. — С. 336.

дующего ВВС ЛВО А. А. Новикова (Ленинград), командующих флотами: Северным — А. Г. Головки (Полярное), Балтийским — В. Ф. Трибуца (Таллин), Черноморским — Ф. С. Октябрьского (Севастополь)¹. По ПриОВО мемуары автора, сомасштабного по должностному положению перечисленным военачальникам, выжить не удалось.

Опираясь на воспоминания указанных авторов, ответим на три вопроса: 1) получили ли руководители военных округов и флотов предупреждение по телефону о возможном внезапном ударе немцев или их союзников в ночь на 22 июня? 2) получили ли штабы военных округов и флотов текст директивы? 3) как выполнялась директива?

1. По словам командующего ОдВО, ровно в 23 часа 21 июня (одновременно с боем часов) ему позвонил нарком обороны, который уже переговорил по телефону со всеми командующими округами, начиная с ПриОВО, и сообщил о возможной вооруженной провокации со стороны Германии и ее союзников в ночь на 22 июня.

Командующий Балтийским флотом Трибуц около 23 часов на командном пункте в Таллине получил по телефону приказ наркома ВМФ: не дожидаясь телеграммы, которая уже послана, привести флот в полную боевую готовность. Об этом приказе он информировал начальника штаба ЛВО и правительство Эстонской ССР.

По сообщению Кузнецова, сразу после разговора с Трибуцем он связался по телефону с командующим Северным флотом Головки, а затем с начальником штаба Черноморского флота И. Д. Елисеевым. Они получили тот же приказ: привести флот в полную боевую готовность. Адмирал Головки, опубликовавший воспоминания в 1960 г., об этом разговоре не упоминает.

Ничего нет о телефонных переговорах с Москвой и в изданных в 1961 г. воспоминаниях первого заместителя командующего ЗапОВО Болдина. По его утверждению, ночь с 21 на 22 июня 1941 г. он провел дома и был вызван в штаб округа только после начала войны. В то же время известно, что в 1 час ночи 22 июня по приказу наркома обороны в штаб был вызван командующий Д. П. Павлов, где находились и другие руководители округа². Из воспоминаний

¹ См.: *Черевиченко Я. Т.* Так начиналась война // *Война. Народ. Победа. Статьи. Очерки. Воспоминания.* — М., 1984. — Кн. 1; *Захаров М. В.* Страницы истории советских вооруженных сил накануне Великой Отечественной войны // *Вопросы истории.* — 1970. — № 5; *Болдин И. В.* Страницы жизни. — М., 1961; *Баграмян И. Х.* Так начиналась война. — М., 1971; *Новиков А. А.* В небе Ленинграда // *Новый мир.* — 1970. — № 2; *Головки А. Г.* Вместе с флотом. — М., 1960; *Трибуц В. Ф.* Балтийцы вступают в бой. — Калининград, 1972; Из дневника адмирала Ф. С. Октябрьского // *Октябрьская Р. Ф.* Штормовые годы. Рассказ об адмирале Ф. С. Октябрьском. — Киев, 1989.

² Протокол допроса арестованного Павлова Дмитрия Григорьевича. 7 июля 1941 г. // *Неизвестная Россия. XX век.* — М., 1992. — Вып. 2. — С. 63.

начальника штаба 4-й армии ЗапОВО Л. М. Сандалова узнаем, что в течение ночи старший командный состав армейского управления поддерживал постоянную телефонную связь со штабом округа. В частности, около 23 часов звонил начальник штаба округа, предупредивший о необходимости повышенной бдительности¹.

Баграмян и Новиков не упоминают о телефонных звонках из Москвы. По своему должностному положению они могли о них не знать.

Очевидно, что все штабы приграничных округов и флотов около 23 часов 21-го июня получили предупреждение по телефону о возможности военного нападения со стороны Германии и ее союзников в ночь на 22 июня.

2. Согласно мемуарному свидетельству заместителя начальника оперативного управления Генерального штаба А. М. Василевского «в первом часу ночи 22 июня» их управление обязали «в срочном порядке передать поступившую от начальника Генштаба Г. К. Жукова подписанную наркомом обороны и им директиву... В 00.30 минут 22 июня 1941 г. директива была послана в округа»².

Сведения о времени получения директивы в воспоминаниях военачальников окружного и флотского звена дают временной интервал — от половины первого до половины третьего 22 июня. Адмирал Головкин в своих воспоминаниях не указал, когда им была получена шифровка из Москвы о переводе всех частей флота на повышенную боевую готовность, но нарком ВМФ Кузнецов в 1966 г. назвал время приема директивы штабом Северного флота с точностью до минуты — 0 часов 56 минут 22 июня. Командующие Балтийским и Черноморским флотами свидетельствуют о том же: в Таллине шифровка из наркомата ВМФ была получена «уже за полночь», в Севастополе — около часа ночи.

По словам Баграмяна, окружной узел связи КОВО в Тернополе начал прием телеграммы из Москвы в 0 часов 25 минут и принимал ее до половины третьего ночи. А Захаров, по приказу командующего ОдВО руководивший приемом этой шифровки в Тирасполе, зафиксировал время начала ее передачи — «во втором часу ночи». Командующий ВВС ЛВО Новиков около двух часов ночи был вызван в штаб округа. Начальник штаба лично ознакомил его с текстом телеграммы. Командующий ЗапОВО Павлов на допросе 7 июля 1941 г. сказал, что «примерно около двух часов ночи» командующий ВВС округа доложил ему о приведении в боевую готовность и рассредоточении на аэродромах авиации «в соответствии с приказом НКО»³.

¹ Сандалов Л. М. Пережитое. — М., 1966. — С. 90.

² Василевский А. М. Дело всей жизни. — М., 1973. — С. 121.

³ Протокол закрытого судебного заседания Военной коллегии Верховного суда Союза ССР. 22 июля 1941 г. // Неизвестная Россия. XX век. — М., 1992. — Вып. 2. — С. 106.

Отметим тенденцию — работники Генерального штаба (Жуков, Василевский) утверждают, что передача директивы в округа завершена к половине первого 22 июня, когда об этом доложили Сталину, а мемуаристы-военачальники окружного и флотского звена называют более позднее время. По-видимому, истина где-то посередине. Исходя из предположения, что авторы, успешно выполнившие директиву, указывают в воспоминаниях более точное время ее получения, будем считать, что шифровка из Москвы поступила в штабы округов и флотов около часа ночи 22 июня.

3. Адмирал Головкин в главе «Неожиданность, которую ждали. 1941, июнь» подробно разъяснил свое понимание причин того факта, что в ночь на 22 июня советские моряки не потеряли ни одного корабля: «На всех флотах к весне 1941 г. была введена система разных степеней оперативной готовности, очень продуманная и досконально разработанная. Каждая степень (всего насчитывалось три) предусматривала свои мероприятия, которые обеспечивали готовность той или иной части боевых сил флота к немедленным действиям. Такая система сыграла весьма положительную роль в боевой подготовке: она приучила командиров и личный состав обходиться без дополнительных распоряжений и приказов, всегда отнимающих лишнее и всегда драгоценное время»¹. И если командующий Северным флотом в 1960 г. показал, как проводилась эта работа главным образом до 21 июня, нарком ВМФ, командующие Балтийским и Черноморским флотами позднее восполнили пробел, описав по часам и минутам свои действия в ночь на 22 июня.

Так, по воспоминаниям адмирала Октябрьского, весь личный состав был срочно вызван в свои части, на корабли, батареи, аэродромы; в Севастополе было произведено абсолютное затемнение, погашены маяки. «Все находились на своих постах, в том числе и городские власти. Было начало третьего часа, когда мы закончили все приготовления и проверки... В кабинете стали уже раздаваться телефонные звонки отдельных флагманов, которые осторожно, но настойчиво спрашивали: “Как, товарищ командующий, долго еще будем находиться в такой готовности? Может быть, пора давать отбой, расходиться по домам?” Какое-то чутье, которого я не могу объяснить и сейчас, заставило меня ждать... И я ждал, не давая отбоя»². Результат полностью оправдал затраченные усилия. Адмирал Кузнецов констатировал: на флоте «никто не оказался застигнутым врасплох».

Начальник штаба ОдВО Захаров в воспоминаниях последовательно и детально проследил ход выполнения директивы. Получив от военного совета округа задание: немедленно расшифровать

¹ Головкин А. Г. Вместе с флотом. — М., 1960. — С. 17.

² Из дневника адмирала Ф. С. Октябрьского // Октябрьская Р. Ф. Штормовые годы. Рассказ об адмирале Ф. С. Октябрьском. — Киев, 1980. — С. 56.

телеграмму особой важности, о которой сообщил командующему нарком обороны, и отдать соответствующие распоряжения, он проявил оперативность и инициативу. Захаров выделил опытного шифровальщика, способного быстро и точно расшифровать телеграмму, как только последует вызов из Москвы; связался с оперативным дежурным по Генеральному штабу, которому доложил о готовности принять шифровку и с командирами корпусов, получившими приказ — поднять штабы по боевой тревоге и вывести их из населенных пунктов, частями прикрытия занять оборонительные рубежи согласно плану, установить связь с пограничниками; приказал начальнику ВВС округа до рассвета рассредоточить самолеты по оперативным аэродромам и удостоверил этот приказ письменно. Сразу после приема телеграммы с текстом директивы он подтвердил командирам корпусов приказ о выводе войск в районы сосредоточения и объявил боевую тревогу во всех гарнизонах округа.

Командующий ВВС ЛВО Новиков после ознакомления с текстом директивы «по телефону обзвонил командиров всех авиасоединений, приказав немедленно поднять части по сигналу боевой тревоги и рассредоточить их по боевым аэродромам, от себя же добавил, чтобы для дежурства на каждой точке базирования истребительной авиации выделили по одной эскадрилье, готовой к вылету по сигналу ракеты, а для бомбардировщиков подготовили боекомплект для нанесения ударов по живой силе и аэродромам противника»¹. Все работники управления были вызваны в штаб. В 3 часа утра истребители были подняты в воздух и уже в 3 часа 20 мин вели первый бой. Летчикам ЛВО удалось помешать немецким самолетам минировать фарватер в Финском заливе.

По воспоминаниям Сандалова, командующий 4-й армией ЗапОВО А. А. Коробков получил приказ привести все части в боевую готовность в 3 часа 30 минут 22 июня и до 4 часов утра, когда немцы открыли огонь по Бресту и крепости, успел лично передать по телефону распоряжение начальнику штаба 42-й дивизии и коменданту укрепрайона. Сам Коробков в показаниях Военной коллегии Верховного суда СССР, которые он дал 22 июля 1941 г., назвал более позднее время получения приказа наркома обороны — 4 часа 00 минут.

Воспоминания начальника оперативного управления КОВО Баграмяна воссоздают логику поступков тех военачальников, которые сначала ждали письменного текста директивы, а затем, получив его, выполняли приказ, строго руководствуясь существующими инструкциями. В отличие от других мемуаристов, этот автор утверждает, что прием и расшифровка телеграммы продолжались... два часа. Приведем его рассказ: «Только в половине третье-

¹ Новиков А. А. В небе Ленинграда // Новый мир. — 1970. — № 2. — С. 138.

го ночи закончился прием этой очень важной, но, к сожалению, весьма пространной директивы. До начала фашистского нападения оставалось менее полутора часов. Читатель может спросить, а не проще было бы в целях экономии времени подать из Генерального штаба короткий обусловленный сигнал, приняв который командование округа могло бы приказать войскам ввести в действие “КОВО-41” (так назывался у нас план прикрытия государственной границы). Все это заняло бы не более 15—20 минут. По-видимому, в Москве на это не решились. Ведь сигнал о вводе в действие плана прикрытия означал бы не только подъем всех войск по боевой тревоге и вывод их на намеченные рубежи, но и проведение мобилизации на всей территории округа»¹.

Что же удалось сделать штабу КОВО в оставшиеся час — полтора мирного времени? Согласно Баграмяну, «пока телеграмму изучали и готовили распоряжения армиям, гитлеровцы обрушили на наши войска мощные авиационные и артиллерийские удары. Эти удары, застигшие большинство частей еще в местах их постоянной дислокации, нанесли нам первые чувствительные потери»². Впрочем, как следует из разъяснений мемуариста, в сложившихся условиях иначе и быть не могло: «для того, чтобы части заняли приграничные укрепления, им требовалось не менее 8—10 часов (2—3 часа на подъем по тревоге и сбор, 5—6 часов на марш и организацию обороны). А на приведение в полную боевую готовность и развертывание всех сил армий прикрытия государственной границы планом предусматривалось двое суток!»³. Жуков закончил свой рассказ о событиях вечера 21 июня 1941 г. рассуждением о том, что «директива, которую в тот момент передавал Генеральный штаб в округа, могла запоздать и даже не дойти до тех, кто завтра утром должен встретиться лицом к лицу с врагом».

Рассмотренные воспоминания убедительно свидетельствуют о том, что директиву выполнили военачальники, которые, получив предупреждение об опасности, проявили инициативу, оперативность, твердость и решительность. Так действовали руководители флотов, ОдВО, командующий ВВС ЛВО. Там же, где в экстремальных обстоятельствах продолжали действовать не торопясь, руководствуясь нормативами мирного времени (ЗапОВО, КОВО), директиву выполнить не успели. Различие в поступках мемуаристов и отразили их воспоминания о начале Великой Отечественной войны.

Источники

Архив русской революции. — Берлин, 1922—1934. — Т. 1—21; репринтное воспроизведение — М., 1991—1993.

¹ Баграмян И. Х. Так начиналась война. — М., 1971. — С. 91.

² Там же. — С. 92.

³ Там же. — С. 93.

- Блок А. А. Дневники. 1901—1921. Собр. соч.: в 8 т. — М.; Л., 1963. — Т. 7.
- Богданович А. В. Три последних самодержца. — М., 1990.
- Были горы Высокой. Рассказы рабочих Высокогорского железного рудника о старой и новой жизни. — Свердловск, 1960.
- Великая Отечественная война в письмах. — М., 1982.
- Витте С. Ю. Воспоминания: в 3 т. — М., 1960.
- Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: в 5 т. — М., 1969—1970.
- Герасимов В. Г. Жизнь русского рабочего. — М., 1959.
- Дзержинский Ф. Э. Дневник заключенного. Письма. — М., 1984.
- Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел: в 2 т. — Т. 1—2. — 1861—1876. — М., 1961.
- Дневник государственного секретаря А. А. Половцова. — Т. 1—2. — 1883—1892. — М., 1966.
- Дневник Д. А. Милютин: в 4 т. — 1873—1882. — М., 1947—1950.
- Дневники императора Николая II. — М., 1991.
- Ельцин Б. Н. Записки президента. — М., 1994.
- Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. — М., 1969.
- Игнатъев Н. П. Походные письма 1877 г. Письма к Е. А. Игнатъевой с балканского театра военных действий. — М., 1999.
- Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания. — СПб., 2003. — Т. 1 (Кн. 1—2) — 2.
- Император Александр III и императрица Мария Федоровна. Переписка. 1884—1894 гг. — М., 2001.
- Иосиф Сталин в объездах семьи. Из личного архива: сб. документов. — Берлин — Чикаго — Токио. — М., 1993.
- Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары. — М., 1993.
- Коковцов В. Н. Воспоминания. 1903—1919. — М., 1992. — Кн. 1—2.
- Коржаков А. В. Ельцин от рассвета до заката. — М., 1997.
- Ламздорф В. Н. Дневник. 1886—1890. — М.; Л., 1926; 1891—1892. — М.; Л., 1934; 1894—1896. — М., 1991.
- Лемке М. К. 250 дней в царской Ставке (25 сентября 1915—2 июля 1916). — Пг., 1920.
- Миллюков П. Н. Воспоминания. — М., 1991.
- Милютин Д. А. Воспоминания. 1816—1873. — М., 1997—2006.
- Михайловский Г. Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914—1920. — М., 1993. — Кн. 1—2.
- Морозов Н. А. Повести моей жизни. Мемуары: в 2 т. — М., 1965.
- Найденев Н. А. Воспоминания о виденном, слышанном и испытанном. — М., 1903—1905. — Ч. 1—2.
- Симонов К. М. Разные дни войны. Дневник писателя // Симонов К. М. Собр. соч.: в 10 т. — М., 1982. — Т. 8—9.
- Чуев Ф. И. Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. — М., 1991.

Литература и справочные издания

- Ананьич Б. В., Ганелин Р. III. Сергей Юльевич Витте и его время. — СПб., 1999.
- Воспоминания и дневники XVIII—XX вв. Указатель рукописей. — М., 1976.

Голубцов В. С. Мемуары как источник по истории советского общества. — М., 1970.

Дмитриев С. С. Личные архивные фонды. Виды и значение их исторических источников // Вопросы архивоведения. — 1965. — № 3.

Жучков Б. И., Кондратьев В. А. Письма советских людей периода Великой Отечественной войны как исторический источник // История СССР. — 1961. — № 4.

История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. Аннотированный указатель книг и публикаций в журналах: в 5 т. — М., 1976—1989.

История советского общества в воспоминаниях современников. Аннотированный указатель мемуарной литературы: в 2 ч. — М., 1958—1967.

Курносков А. А. Приемы внутренней критики мемуаров (Воспоминания участников партизанского движения в период Великой Отечественной войны как исторический источник) // Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. — М., 1969.

Крупская Н. К. Отзывы на воспоминания и биографические материалы о В. И. Ленине // Исторический архив. — 1957. — № 2.

Михайлова С. Б. Воспоминания Н. А. Морозова как исторический источник // Археографический ежегодник за 1965 г. — М., 1966.

Окунева Р. Я. Как создавались «Были горы Высокой» (источники и приемы работы) // Малоисследованные источники по истории СССР XIX—XX вв. — М., 1964.

Открытый архив. Справочник опубликованных документов по истории России XX в. из государственных и семейных архивов (по отечественной журнальной периодике и альбомам 1985—1996 гг.) / сост. И. А. Кондакова. — М., 1999.

Сидоров А. Л. К вопросу о характере текста и источников воспоминаний С. Ю. Витте // Сидоров А. Л. Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции. — М., 1970.

Советское общество в воспоминаниях и дневниках. Аннотированный указатель книг, публикаций в сборниках и журналах: в 3 т. — М., 1987—1994.

Трухановский В. Г. Размышления в связи с книгой Р. Эдмонса «Большая тройка» // Новая и новейшая история. — 1992. — № 2.

Глава 11

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ

11.1. Общая характеристика

Понятие «периодическая печать» (синонимы — «повременная печать», «пресса») объединяет издания, выпускаемые в определенные промежутки времени. Каждый экземпляр периодического издания представляет собой единство многих, различных по происхождению материалов.

Периодическая печать как вид исторических источников зафиксировала информацию, предназначавшуюся для осведомления современников о наиболее важных событиях и явлениях действительности с целью выявления, выражения и отстаивания определенных общественно-групповых интересов. Формы организации этой информации различны. С одной стороны, они могут создаваться самой прессой в рамках сложившихся устойчивых жанров: статья, очерк, фельетон, обозрение, заметка, отчет, репортаж, интервью и т.д. С другой стороны, периодические издания публикуют тексты законопроектов и законодательных актов, делопроизводственные документы, статистические материалы, мемуары, литературные произведения, рисунки, карикатуры, фотографии и т.п. Степень важности этих материалов подчеркивается их местоположением на страницах органа печати, объемом комментария.

Для историка периодическая печать — источник, содержащий информацию практически по любой теме второй половины XIX — начала XXI в. Информация периодической печати: полифонична; целенаправленно отобрана и подана; систематична; заведомо хорошо сохранилась.

Во второй половине XIX в. широкое распространение получила афористическое определение: «Периодическая печать — шестая великая держава». Статус Австрии, Англии, Пруссии, России и Франции как великих держав был установлен Венским конгрессом 1815 г. Такая характеристика периодической печати свидетельствовала о признании ее общественно-политического значения и в силу этого — ее права знать и судить обо всем. В дальнейшем, несмотря на изобретение радио, телевидения, телекоммуникаций и информационных сетей, периодическая печать сохранила присущую ей роль в общественной жизни и значение источника познания прошлого.

Другое, не менее афористическое, определение прессы — «четвертая власть» — возникло в XVIII в. как характеристика англий-

ской периодической печати. В постсоветской России первоначально переносный смысл этого определения приобрел буквальное значение. Конституция РФ 1993 г. закрепила принцип разделения власти в государстве на законодательную, исполнительную и судебную (ст. 10). Средства массовой информации (СМИ), фактически выйдя из-под государственного контроля, по своему воздействию на общественную жизнь во всех ее проявлениях на деле стали четвертой — внеконституционной — властью.

Периодической печати внутренне присущи регулярность публикации сведений по тому или иному вопросу, определенность высказываемых оценок и суждений, их изменчивость во времени. Отражая жизнь общества в его движении, пресса, по словам К. Маркса, сообщает современникам «то, что она, в надежде и тревоге, подслушивает у жизни... она произносит над этим свой приговор — резко, страстно, односторонне, как подсказывают ей в данный момент взволнованные чувства и мысли. То ошибочное, что заключается сегодня в сообщаемых ею фактах или высказываемых ею суждениях, завтра будет ею же самой опровергнуто»¹. Поэтому при всех неточностях, а нередко и искажениях при освещении отдельных фактов периодическая печать в целом верно отражает событийную канву современной действительности. Она и выражает, и целенаправленно формирует общественное мнение, публикуя повседневную информацию о текущих событиях, аналитические и оценочные материалы.

До тех пор пока событие, по мнению издателя органа печати, имеет общественное значение, информация о нем будет сообщаться. Наличие определенной периодичности выхода того или иного издания предопределяет систематический характер сообщаемых сведений.

То обстоятельство, что периодические издания выпускаются во многих идентичных экземплярах, обусловило высокую степень их сохранности.

Единой, общепринятой классификации периодической печати нет. Традиционно периодические издания делятся на две группы: *газеты* и *журналы*. В источниковедческой литературе к периодическим изданиям относят также многочисленные разновидности продолжающихся изданий и листовки.

Поскольку отечественные газеты и журналы ориентированы на читательскую аудиторию с определенной традицией восприятия сообщаемой информации, сложившиеся типы изданий в тех или иных модификациях воспроизводились на новых этапах. Выделяются следующие типы газет: «*большие*» — солидные общественно-политические и литературные издания и «*малые*» — ориентированные на массового читателя, к вкусам которого они стара-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 1. — С. 166.

лись приспособляться. Журналы делятся на «толстые» — солидные издания, объединяющие в одной книге научную энциклопедию, литературно-художественный сборник и политическую газету, и «тонкие» — более специализированные издания, ориентированные на массовую аудиторию.

Периодические издания могут быть также классифицированы: *по издателям* — правительственные, ведомственные, политических партий, общественных организаций, научных учреждений, частные и т.д.;

по периодичности — ежедневные, выходящие 2—3 раза в неделю, еженедельные, двухнедельные, ежемесячные и т.д.;

по территориальному признаку — столичные (для досоветского периода выходившие в Петербурге и Москве, с 1918 г. — выходившие в Москве), провинциальные, или периферийные, местные (краевые, губернские, областные, уездные, районные, городские) и т.д.;

по отношению к цензуре — легальные (подцензурные и неподцензурные) и нелегальные;

по отношению к власти — официальные, официозные, оппозиционные;

по содержанию — исторические, медицинские, сельскохозяйственные, детские, женские, спортивные, театральные, юмористические и т.д.;

по языку — в книге рассматриваются только выходившие на русском языке.

Попытки дать определение понятий «газета» и «журнал» предпринимались неоднократно. Их неудовлетворительность, по авторитетному мнению С.С.Дмитриева, объясняется «двумя главными причинами: а) чрезвычайным разнообразием изданий, появляющихся более или менее повременно; б) абстрактно-логическим, антиисторическим подходом, обычным для таких попыток»¹.

В самом общем виде различие между газетой и журналом можно провести, прежде всего, по форме подачи материала: если ежедневная газета, как правило, несет информацию о текущих событиях в форме сравнительно небольших по объему публикаций, то в ежемесячном журнале ведущее место занимают обзорные, проблемные и аналитические статьи.

Так, отражение событий 1 марта 1881 г., связанных с убийством императора Александра II, существенно отличается в ежемесячном журнале «Русский вестник» и в ежедневной газете «Новое время». «Новое время» в течение недели ежедневно посвящало убийству императора половину газетной площади, в том числе до

¹ Дмитриев С.С. Источниковедение русской исторической журналистики (Постановка темы и проблематика) / Источниковедение отечественной истории: сб. ст. 1975. — М., 1976. — С. 276.

90 % первой страницы. Затем интерес к теме резко падает — через две недели после события ей посвящено уже только 20 % площади первой страницы.

После сообщения в номере от 4 апреля 1881 г. о казни народовольцев эта тема сменяется другими. В течение марта отчетливо видны пики внимания газеты к событию: в связи с террористическим актом и откликом на него, похоронами императора, процессом над народовольцами. В мартовском номере «Русского вестника» описание событий 1 марта занимает 36 страниц из 504: 33 страницы — перепечатка из газеты «Московские ведомости» и 3 страницы — стихотворение А. Н. Майкова «Первое марта» и манифест Александра III. До конца года другие материалы, непосредственно связанные с убийством императора, в журнале не публиковались, но почти в каждом номере помещен материал, косвенно осуждавший революционные действия. В отличие от газеты журнал сосредоточил внимание не на информационном, а на обобщающем освещении события, на развенчании самой идеи революционной борьбы.

11.1.1. Газеты

Во второй половине XIX—начале XX в. газеты формируются в группу периодических изданий, основной функцией которых становится предоставление массовому читателю оперативной, полной и точной информации. Развернутую характеристику такой газеты дал руководитель самого многотиражного периодического издания дореволюционной России — газеты «Русское слово» — В. М. Дорошевич: «Газета... Утром вы садитесь за чай. И к вам входит ваш добрый знакомый. Он занимательный, он интересный человек... Он рассказывает вам, что нового на свете. Рассказывает интересно, рассказывает увлекательно. Он ни на минуту не даст вам скучать. Вы с интересом слушаете о самых сухих, но важных предметах. Высказывает вам свои взгляды на вещи. Совсе нет надобности, чтоб вы с ним во всем соглашались. Но то, что он говорит, должно быть основательно, продуманно, веско. Вы иногда не соглашаетесь, но выслушиваете его со вниманием, интересом, как умного и приятного противника. Он... берет вас за руку и ведет туда, где сейчас интересно. Война, парламент, празднества, катастрофа, уголовный процесс, театр, ученое заседание. Там-то происходит то-то. Он ведет вас туда, показывает вам, как это происходит, делает вас очевидцем. И вы сами присутствуете, видите, как, где и что происходит. И, полчаса проживши мировую жизнь, остаетесь полный мыслей, волнений и чувств. Вот что такое газета»¹.

¹ Ситин И. Д. Жизнь для книги. — М., 1960. — С. 131—132.

Удовлетворению потребности в получении разнообразной информации о внутренней и международной жизни способствовали революционные изменения в технике связи и оперативные организационные меры по их использованию в работе органов периодической печати.

В 1855 г. был изобретен буквопечатающий телеграфный аппарат Д. Э. Юза, а уже в ноябре 1856 г. в Петербурге были впервые опубликованы известия из-за границы, полученные по телеграфу. В сообщениях из Берлина содержались сведения всего двухдневной давности. Немецкие же газеты достигали берегов Невы лишь на шестой или седьмой день.

С 1859 г. на основании соглашения между тремя информационными агентствами — германским «Вольфа», французским «Гавас» и английским «Рейтер» — мировой рынок новостей был поделен на сферы интересов. Петербург и Москва вошли в сферу интересов агентства «Вольфа», поэтому до начала Первой мировой войны в 1914 г. российские телеграфные агентства получали международные телеграммы на условиях договоров, заключенных с германским агентством.

Первое национальное Российское телеграфное агентство (РТА) было создано в 1866 г. по ходатайству ряда петербургских газет и газеты «Московские ведомости» для сбора «политических, финансовых и торговых депеш». Тогда же издатель-редактор выходившей в Петербурге газеты «Биржевые ведомости» К. В. Трубников получил разрешение издавать и распространять по подписке «Бюллетени РТА». В 1872 г. в России было образовано еще одно телеграфное агентство — Международное телеграфное (МТА).

В 1882 г. в связи с окончанием срока предоставленной правительством аренды на право деятельности РТА и МТА были вытеснены вновь учрежденным Северным телеграфным агентством (СТА), просуществовавшим до 1894 г. СТА имело свои отделения по всей России и в главных центрах Европы. Кроме того, оно получало заграничные телеграммы от мировых информационных агентств.

Политические телеграммы из-за границы поступали в Петербург накануне их опубликования в местных заграничных газетах и печатались одновременно и в Европе, и в России. Авторская собственность агентства на телеграфную информацию устанавливалась в течение двух дней. Считалось, что после этого срока телеграммы утрачивали актуальность. На третий день газеты и журналы могли перепечатывать их бесплатно.

С конца XIX в. внутригородская и междугородная информация начинает передаваться по телефону. С 1881 г. в России действовали городские телефонные станции, а в 1898 г. была открыта междугородная телефонная линия Петербург — Москва.

С 1 января 1895 г. приступило к работе новое Российское телеграфное агентство (РТА), учрежденное по ходатайству редакторов ряда петербургских газет. Это агентство, считавшееся частным, но возглавлявшееся директором-распорядителем, назначаемым Министерством внутренних дел, не имело собственных корреспондентов за границей и поэтому зависело от мировых информационных агентств. Для преодоления этой зависимости в 1902 г. на базе «Торгово-промышленной газеты», издававшейся Министерством финансов, было учреждено Торгово-телеграфное агентство (ТТА), преобразованное в 1904 г. в Санкт-Петербургское телеграфное агентство (СПА). СПА был придан статус единственного официального национального агентства. Хотя РТА продолжало деятельность до 1907 г., иностранные агентства в 1905 г. не возобновили с ним договор, а заключили соглашение с СПА. По 1909 г. включительно СПА находилось в подчинении Министерства финансов, а с 1 января 1910 г. перешло в ведение Совета министров.

В Советской России функция обеспечения периодической печати информацией о внутренних и международных событиях была возложена на организованное в 1918 г. по постановлению ВЦИК Российское телеграфное агентство (РОСТА). После образования СССР было создано Телеграфное агентство Советского Союза (ТАСС), РОСТА продолжало действовать в 1925 — 1935 гг. как телеграфное агентство РСФСР. ТАСС имело сеть корреспондентов во всех крупных городах СССР и за границей. Кроме того, оно находилось в договорных отношениях с мировыми иностранными информационными агентствами. В Положении о ТАСС говорилось: «На Телеграфное агентство Союза ССР возлагается распространение по всему Союзу ССР и за границей политических, экономических, торговых и всяких других, имеющих общий интерес сведений, относящихся как к Союзу ССР, так и к иностранным государствам»¹. Большая часть информации, публиковавшейся в советской центральной и местной печати, являлась информацией ТАСС. В 1961 г. было создано всесоюзное Агентство Печати Новостей (АПН) — орган Союза журналистов СССР, Союза писателей СССР, Союза Советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами, Всесоюзного общества «Знание». В отличие от ТАСС, деятельность АПН была ориентирована на получение и распространение не оперативной, а аналитической информации о событиях в СССР и в мире.

В связи с тем, что Российская Федерация является правопреемницей СССР, ТАСС преобразовано в официальное Информационное телеграфное агентство России (ИТАР — ТАСС). Правопрее-

¹ Пальгунов Н. Г. Основы информации в газете. ТАСС и его роль. — М., 1955. — С. 21.

емником АПН стало Российское информационное агентство «Новости» (РИА — Новости). Значительное место в публикациях современной отечественной периодической печати занимают материалы мировых информационных агентств.

Наряду с информацией, поступающей в редакции через агентства, отечественные газеты стремились получать информацию самостоятельно. Солидные издания второй половины XIX в. создали сеть собственных корреспондентов в других городах России и за границей. Присылаемые ими корреспонденции представляли собой небольшие статьи о текущих событиях и имели главным образом информационное значение. Особой разновидностью материалов этого жанра были военные корреспонденции — сообщения с театра боевых действий.

В 60-е гг. XIX в. в России впервые появился новый, по преимуществу газетный, жанр — репортаж (от англ. *reporter* — собиратель новостей), т.е. рассказ очевидца о каком-либо событии специально для читателей. Репортеры по городу постоянно держали руку на пульсе всех сколько-нибудь значимых местных событий.

Для историка большое значение имеют публиковавшиеся в газетах некрологи. Нередко они служат основным источником биографических сведений о деятелях прошлого.

В СССР центральные и местные газеты получали информацию по каналам ТАСС и через сеть собственных корреспондентов. Собственные корреспонденты в наиболее важных политических и хозяйственных центрах республик, краев и областей должны были не только снабжать редакции информацией, но и организовывать работу местного авторского актива своих газет. Опора на рабочих и сельских корреспондентов — внештатных общественных сотрудников редакций — характерная черта советской партийной печати.

В газетах Российской Федерации наряду с материалами информационных агентств значительное место занимают сведения, собираемые сотрудниками редакций. Сеть собственных корреспондентов на местах имеют лишь немногие издающиеся в столице газеты. Главным источником информации о событиях, происходящих в субъектах федерации, для них зачастую являются сообщения местных «независимых» журналистов, заключивших с редакцией соответствующий договор. Получила распространение практика выпуска столичных газет в нескольких региональных вариантах, когда номер периодического издания составляется из сверстанных в Москве страниц и подготовленных местными журналистами вкладок. Региональные газеты в условиях резкого сокращения тиражей и локализации ареала распространения прессы сосредоточивают внимание на освещении и обсуждении по преимуществу местных проблем. В современной периодической печати РФ обозначилась тенденция к расчленению общегосудар-

ственной «информационной территории» на «суверенные» составляющие.

В пореформенный период (после 1861 г.) в России складывается тип большой общественно-политической газеты. Такая газета имела большой формат, выходила чаще всего ежедневно, на четырех-восьми страницах и уделяла постоянное внимание вопросам политики, экономики и литературы. Неотъемлемой составляющей газеты этого типа наряду с информационными материалами была передовая (по терминологии того времени — руководящая) статья. Жанр передовой статьи, излагающей отношение редакции к различным вопросам внутренней и внешней политики, получил развитие с 60-х гг. XIX в. Передовая статья, как правило, публиковалась на видном месте на первой странице, с постоянной пометой: например, указывались место, число, месяц, день недели. В больших влиятельных газетах передовые статьи в течение многих лет писались постоянными авторами.

Передовые статьи выявляли принадлежность газеты к определенному направлению. Такими были статьи М. Н. Каткова в газете «Московские ведомости» в 1863—1887 гг., П. Н. Милюкова в газете «Речь» в 1906—1917 гг. Вместо предисловия к «Собранию передовых статей “Московских ведомостей” за 1863 год» (М., 1897) приведена выдержка из передовой статьи газеты от 8 марта 1884 г., в которой, в частности, говорилось: «Все, что в ней (в нашей газете) печаталось и печатается от редакции, главным образом передовые статьи, если не всегда прямо выходит из-под пера издателя (или издателей как прежде), то пишется ближайшими сотрудниками по его указанию. Не было ни одного вопроса, который бы возбуждался “Московскими ведомостями” не по инициативе того, кому эта газета служит органом... Всякая статья, имеющая значение, пишется не только по мысли, но прямо со слов издателя, и ни одна статья не проходит без его проверки и переработки, причем написанная статья нередко исчезает и на полях корректуры появляется новая... Даже в отсутствие издателя, редакционные статьи посылаются к нему и печатаются не иначе как по его корректуре».

Известны случаи, когда в больших газетах, не склонных занимать определенную позицию по актуальным вопросам политики, в одном номере помещалось одновременно несколько передовых статей, в которых высказывались разные точки зрения по одной и той же проблеме. Таким образом нередко действовала газета «Новое время» А. С. Суворина.

В советских газетах передовая статья обычно помещалась на первой странице слева. Содержание передовой статьи должно было выполнять функцию политической директивы.

Большая часть современных российских газет не публикует передовых статей. Стремление «независимой» печати завуалировать

свое политическое лицо обусловило возникновение и распространение особой разновидности публикаций — «журналистского материала» — универсального произведения, сочетающего в себе жанровые особенности информационной заметки, фельетона и публицистической статьи.

Ориентация больших газет второй половины XIX — начала XX в. на читателей с определенным уровнем образования обусловила постоянство их интереса к вопросам литературы и театра. Отражая реалии капиталистического развития страны, в начале XX в. каждая вторая ежедневная газета из числа выходивших в Петрограде и Москве имела постоянный отдел или рубрику, посвященные финансам, промышленности, торговле, акционерному делу или, по крайней мере, регулярно публиковала биржевую таблицу.

Аналогом больших газет XIX — начала XX в. в системе партийно-советской печати были центральные периодические издания. В Российской Федерации продолжают выходить газеты, сохранившие названия бывших центральных партийных и советских изданий.

В Российской Федерации предпринята попытка внедрить новый для отечественной периодической печати тип газеты — аналог западных «качественных газет». Эти издания адресованы интеллектуальной и политической элите общества, в отличие от «массовых газет», публикующих материалы, подбор и подача которых отвечают запросам и вкусам читателей, не способных, как предполагается, самостоятельно осмыслить сообщаемые факты и которым поэтому предлагается простое и доступное их объяснение. Элитарный характер издания может быть специально подчеркнут. Так, «Независимая газета» в 90-е гг. XX в. выходила под девизом-эпиграфом: «Sine ira et studio». Предполагалось, что элитарный читатель хорошо знаком с творчеством Тацита и свободно владеет латынью. Поэтому он переведет эти слова буквально: «Без гнева и пристрастия», но их можно перевести и так: «Без предвзятого мнения».

Параллельно с типом большой газеты в пореформенный период формируется тип малой газеты. Разнообразностям и газет этого типа были столичные газеты, ориентированные на провинциального читателя; уличные «листки» и возникшие после революции 1905 — 1907 гг. «газеты-копейки». Газеты этого типа издавались в небольшом, удобном для чтения формате и были существенно дешевле, чем большие газеты. Главное место в них уделялось злободневным новостям и слухам. Такие газеты касались событий политики, литературы и искусства лишь в той степени, в какой эти события могли претендовать на сенсацию или скандал; публиковали авантурные романы и фельетоны; помещали пародии и карикатуры.

Малоформатную, недорогую, популярную ежедневную газету, издававшуюся в столице, но распространявшуюся исключительно в

провинции, создал редактор-издатель газеты «Биржевые ведомости» С. М. Проппер. С ноября 1893 г. в дополнение к большой газете биржи, финансов, торговли и общественной жизни (со стоимостью подписки — 15 рублей в год) он начал издавать под тем же названием новую газету — со стоимостью подписки 4 рубля в год. В название большой газеты были добавлены слова «Первое издание», а малая газета получила название «Биржевые ведомости. Второе издание». Газета ежедневно публиковала беседы, в которых Д. А. Линёв (псевдоним Далин) обсуждал конкретные факты притеснений со стороны провинциальных чиновников, сообщенные редакции читателями. Нередко эти публикации давали основания для проведения официального расследования по факту злоупотребления властью. Популярность нового издания быстро росла: уже через год после начала издания газета имела 8 тыс. постоянных подписчиков, через два года — 10 тыс., через три года — 16 тыс. При сменившем Линёва на посту редактора второго издания «Биржевых ведомостей» И. И. Ясинском (псевдоним Независимый) популярность газеты стала всероссийской. Завоеванию читательской аудитории способствовало также большое количество приложений. Среди них: журналы «Общедоступные моды», «Здоровье семьи», «Знание и искусство», «Новая иллюстрация», «Огонек»; серии брошюр «Политическая библиотека» (52 выпуска), «Библиотека для саморазвития» (107 выпусков), «Библиотека знания» (26 выпусков) и др. В 1916 г. второе издание «Биржевых ведомостей» выходило тиражом 89 тыс. экземпляров.

В пореформенной России особую разновидность малых газет представляли *городские «листки»*. Типичным образцом подобных изданий был основанный в 1881 г. бывшим содержателем трактира Н. И. Пастуховым «Московский листок». Определенного политического направления газета не имела. Широкую известность получил ответ Пастухова на вопрос московского генерал-губернатора о направлении этого издания: «Кормимся, Ваше сиятельство». «Московский листок» был коммерческим предприятием — наряду с подпиской, стоимость которой составляла 6 рублей в год, значительный доход издателю приносила розничная продажа газеты. Популярности «Московского листка» у жителей второй столицы способствовали репортажи по городу, которые публиковал в отделе «По улицам и переулкам» В. А. Гиляровский, а также хлесткие и злободневные заметки, которые помещались в отделе «Советы и ответы». Москвичи, в надежде посмеяться над «попавшими в газету» знакомыми и опасаясь прочитать в ней свое имя, спешили приобрести только что вышедший номер. Большие газеты презрительно именовали «Московский листок» «кабацким листком» — действительно, его получали и читали во всех трактирах Московской губернии. Хорошо зная своего читателя, Пастухов печатал газеты на специальной бумаге, которая годилась на само-

крутки. Читатель «Московского листка» был практичен, он еще не отказался от привычек деревенской жизни, но стремился к культуре, как он ее понимал. Поэтому шесть раз в неделю «Московский листок» печатал романы с продолжениями (например, сам Пастухов написал для газеты роман «Разбойник Чуркин»), а по воскресеньям — фельетон. В 1912—1918 гг. в качестве приложения к газете издавался журнал «Всемирная иллюстрация».

Наиболее демократичной разновидностью малых газет были возникшие в 1908—1911 гг. во всех крупных городах «газеты-копейки». Номер такой газеты стоил 1 копейку, в то время как номер солидной газеты — 5 копеек. Содержание «газет-копеек» универсально: информация о городских событиях, сенсация дня, скандалы, статьи, разъясняющие текущие события политической и общественной жизни, беллетристика. «Газеты-копейки» были многотиражными изданиями. Для привлечения внимания читателей в них постоянно публиковались фельетоны, карикатуры, использовались необычные формы подачи материала. В московской «Газете-копейке» журналист, подписывавшийся «Дядя Селифан», публиковал городскую хронику в рифмованной форме. Так, в номере от 31 января 1917 г. помещена зарисовка «Небывалого явления» — отключения 15 тысяч газовых рожков, освещавших улицы города. «Погасли, сударики, газовые фонарики! И больше они не горят, о том, что видят, не говорят! В темноте по улицам жарь, коли не поставил себе под глазом фонарь! Небывалое явление: потухло газовое освещение!.. Картина мало потешная. Не сверкает газ, темь, хоть выколи глаз. Петровка, Ильинка, Мясницкая да Ордынка, Серпуховка да Таганка, Никитская да Полянка — всех улиц не перечеть, где газовое освещение есть. И везде в воскресенье началось «затмение». И темно, и жутко!..»

Цензура, оценивая «газеты-копейки» как издания «умеренно прогрессивного направления», порой недоучитывала их информационной роли. Поэтому малая пресса успевала сообщить о том, что вынуждены были «не замечать» большие газеты. Это важно для понимания значения «газет-копеек» как исторического источника. Например, 9 января 1917 г., когда отмечалась двенадцатая годовщина расстрела рабочей демонстрации 1905 года, вошедшего в историю как Кровавое воскресенье, журналисты больших газет «не заметили» демонстрантов на улицах, «не увидели» лозунгов, которые они несли, «не услышали» прозвучавших на митингах речей. Выходившая в Москве газета «Русское слово», которую современники справедливо называли «фабрикой новостей», на следующий день сообщила в отделе городской хроники... о краже в Малом театре. Издававшаяся на средства крупного московского капиталиста ежедневная политическая и литературная газета «Раннее утро» 10 января 1917 г. позволила себе лишь констатировать закономерность «роковых случайностей» в нарушениях меж-

дугородной телефонной связи на линии Петроград — Москва: «Когда темп политической жизни поднимается, неизбежно повторяется одна и та же история: Петроградский телефон не работает!.. Та же случайность произошла, конечно, и вчера». Отечественные читатели больших газет, привыкшие понимать эзопов язык подцензурной прессы, безусловно, догадывались: происходит что-то серьезное, причем нежелательное для власти. Но что?

Ответ давала «Трудовая копейка», в номере от 10 января 1917 г. которой была опубликована информация о состоявшихся накануне демонстрациях на улицах Москвы. Правда, день спустя на этот номер газеты был наложен арест, и полиция конфисковала оставшиеся не распроданными экземпляры, но значительная часть тиража уже разошлась. По свидетельству газеты, после полудня 9 января в городе «можно было наблюдать усиленные наряды полиции, конной стражи, а также казаков. Вскоре в центральных местах города, на Театральной площ[ади], у Страстного мон[астыря], в Охотном ряду, на Лубянской площ[ади], Китай-городе и др. местах появились группы демонстрантов... Самые большие наблюдались в Охотном ряду и на Лубянской площ[ади], доходящие до 300 чел. Демонстранты быстро рассеивались конными нарядами полиции... В городе с быстротой молнии разнеслась весть о демонстрации».

Как и другие разновидности изданий малой прессы «газеты-копейки» издавали многочисленные приложения. Например, выходившая в 1908—1918 гг. «Газета-копейка» давала подписчикам такие приложения: «Дом и хозяйство», «Здоровая жизнь», «Сборник русской литературы», «Веселый балагур», «Всемирная панорама» и др.

Аналогов малых газет XIX—начала XX в. в системе партийно-советской печати не было, но отдельные элементы их получили развитие. В массовой печати первых лет советской власти использовались формы подачи материала, которые были доступны для недавно освоивших грамоту читателей: краткие статьи и заметки, построенные по четкому плану и набранные крупным шрифтом. Форма кратких ответов на вопросы читателей позволила создать популярный еженедельник «Аргументы и факты». Его разовый тираж в 1990 г. превысил 33 млн экземпляров — факт, не имеющий аналогов в истории отечественной периодической печати.

В Российской Федерации в 90-е гг. XX в. произошло возрождение малой газеты. Наряду с внедрением присущих этому типу изданий элементов (сенсационные заголовки, скандальная хроника, нарочито хлесткая подача материалов) в ежедневные газеты, бывшие прежде партийными и советскими (например, «Московский комсомолец»), были созданы многочисленные малые газеты-еженедельники («Калейдоскоп», «Спид-инфо», «Мегаполис-Экспресс. Экзотика городской жизни» и др.).

11.1.2. Журналы

Во второй половине XIX в. сложился тип толстого журнала — солидного ежемесячного общественно-политического и литературно-художественного издания. Отличительными его чертами были: большой объем публикуемых материалов — 300—400 страниц текста; объединение в каждом номере литературно-художественного сборника, научной энциклопедии и политической газеты. В литературном отделе читатель находил новейшие романы и повести, обычно печатавшиеся с продолжениями в нескольких номерах, рассказы, стихи, документальные очерки, воспоминания и т. п. В научном отделе публиковались статьи по истории, философии, социологии, естественным наукам. В структуре журнала обязательно присутствовал обзор политических событий, который помещался в отделах «Внутреннее обозрение», «Внутренняя хроника», «Внутренние и иностранные известия» и т. п. Кроме того, типичными были отделы: «Критика и библиография», «Художественное обозрение», «Смесь» (иногда — «Мелочи», «Слухи и вести», «Известия», «Анекдоты»). В последнем отделе значительную часть публикаций составляли не оригинальные материалы, а перепечатки, в том числе из иностранных изданий.

В условиях России с ее огромной территорией и плохими путями сообщения такой тип общероссийского периодического издания позволял провинциальным читателям знакомиться с новинками в области литературы и искусства, быть в курсе научных теорий и открытий, выполнял функцию лозман в политике. Неоднократные попытки создать какой-либо другой тип общего журнала оказывались неудачными.

Так, издававшийся с марта 1866 по апрель 1918 г. журнал «Вестник Европы» первоначально задумывался по типу английских трехмесячников. Он начал выходить с подзаголовком «Журнал историко-политических наук» и в течение первых двух лет помещал научные статьи по истории, историческую беллетристику, хронику и библиографические обзоры. Но уже с 1868 г. издание стало ежемесячным. Его программа была расширена за счет создания литературного отдела и обзоров внутренней и внешней политики.

С 1870 г. в подзаголовке значилось: «Журнал истории, политики, литературы». «Вестник Европы» по периодичности, составу и организации материала приобрел типологические черты издания, которое во второй половине XIX в. называлось современниками журналом «обычного русского типа». Первую часть каждой книжки ежемесячника занимали беллетристика, научные статьи и очерки; вторая часть включала постоянные отделы: «Внутреннее обозрение», «Иностранная политика», «Литературное обозрение»,

«Известия». На последней странице обложки печатались библиографические заметки.

Издавал и редактировал журнал на протяжении сорока трех лет отставной профессор истории Петербургского университета М. М. Стасюлевич. С «Вестником Европы» в разное время сотрудничали писатели и поэты П. Д. Боборыкин, И. А. Бунин, И. А. Гончаров, М. Горький, Д. Н. Мамин-Сибиряк, Д. С. Мережковский, А. Н. Островский, М. Е. Салтыков-Щедрин, А. К. Толстой, И. С. Тургенев, А. П. Чехов и др. Среди авторов журнала были также историки В. И. Герье, И. Е. Забелин, Н. И. Кареев, Н. И. Костомаров, П. Н. Милюков, М. П. Погодин, В. И. Семевский, С. М. Соловьев, Е. В. Тарле и др.; философ В. С. Соловьев; юристы К. Д. Кавелин, А. Ф. Кони и др.; естествоиспытатели И. И. Мечников, И. М. Сеченов, К. А. Тимирязев и др.

Политическое лицо «Вестника Европы» определяли материалы, публиковавшиеся прежде всего в разделе «Внутреннее обозрение». Журнал выступал за реформирование различных сторон государственного устройства Российской империи на началах конституционализма и обеспечения гарантий прав личности. В период революции 1905—1907 гг. многие ведущие сотрудники «Вестника Европы» стали видными деятелями партии кадетов. С ноября 1908 г. издателем журнала стал М. М. Ковалевский, а редактором — К. К. Арсеньев.

Классическим выражением типа толстого журнала в истории отечественной журналистики принято считать издания революционеров-демократов 60-х гг. XIX в. «Современник» и «Отечественные записки». К этому же типу изданий принадлежали выходившие во второй половине XIX — начале XX в. журналы «Дело», «Русская мысль», «Русское богатство», «Русское слово», «Северный вестник», «Современный мир».

В 1903 г. писатели и религиозные философы супруги Д. С. Мережковский и З. Н. Гиппиус предприняли издание журнала «Новый путь». Они поставили целью продемонстрировать возможность создания нового вида ежемесячного толстого журнала, соответствующего новым запросам интеллигенции XX в. В отличие от классических журналов «обычного русского типа», каждый из которых имел определенную идейную направленность, объединявшую все публиковавшиеся на его страницах материалы (в том числе литературные и научные), издатели «Нового пути» взяли за образец французские «*Revue*s» — журналы-обозрения, не претендовавшие на единую мировоззренческую позицию авторов и не следующему определенному направлению в целом. В редакционной статье, помещенной в первом номере журнала, декларировалась задача стать не изданием «унисонного, хорового пения, а журналом солистов». Каждый «солист» получал свою «партию» — отдел. Так, отдел «В своем углу» вел В. В. Розанов,

авторами отдела «Из частной переписки» были Мережковский и религиозный философ Н. М. Минский. Традиционный для старых толстых журналов отдел внутренних и иностранных известий в «Новом пути» отсутствовал. Журнал заявил об отказе от идейного наследия революционеров-демократов 60-х гг. XIX в. в пользу творческой индивидуальности личности. В центре внимания «солистов» были философские и эстетические вопросы. Элитарный характер журнала обусловил ограниченность круга подписчиков — их число не превышало 2 тыс. человек. В 1904 г. издание было прекращено.

Аналога толстого журнала «обычного русского типа» в СССР, а затем в Российской Федерации не было создано. В наибольшей степени типологические черты такого издания свойственны литературно-художественным и общественно-политическим журналам, которые издавались и издаются писательскими организациями.

В начале XX в. толстый журнал «обычного русского типа», занимавший до этого времени ведущие позиции и удовлетворявший потребность отечественного читателя в политической информации, знакомстве с литературными новинками и достижениями науки, был потеснен другими группами и типами периодических изданий. В связи с ростом грамотности населения была ликвидирована монополия образованных слоев общества на чтение газет и журналов. Оперативную политическую информацию массовый читатель находил, прежде других, в ежедневных газетах, количество которых резко увеличилось. Если в 1860 г. их было всего 7, то в 1894 г. — уже 112, а в 1913 г. — 649. Доставка столичных газет в провинцию по железной дороге и ежедневный выход на местах изданий, получавших информацию по телеграфу, сохранили за толстыми журналами главным образом функцию публицистического обозрения известий. Но и эту роль после 17 октября 1905 г. взяли на себя легальные газеты политических партий.

Тяга миллионов людей к знаниям, к культуре требовала выработки особого типа журнала — ориентированного на массовую аудиторию. Таким изданием стали еженедельные *тонкие журналы*, издававшиеся в России с 70-х гг. XIX в. Существовало множество разновидностей тонких журналов: литературные и общественно-политические, семейные, научно-популярные и т. д.

Литературный и общественно-политический еженедельный тонкий журнал по оперативности и содержанию публикуемых материалов занимали промежуточное положение между ежемесячным толстым журналом и ежедневной газетой. В нем читатель находил русскую и иностранную беллетристику, злободневные статьи и заметки. Для тонких журналов характерно наличие значительного иллюстративного ряда — здесь и фоторепортажи, и гравюры с рисунков, и портреты. В журнале «Огонек» (1900—1917), издававшемся как приложение к газете «Биржевые ведомости»,

фоторепортажные материалы занимали больше половины площади. Во время Первой мировой войны в «Огоньке» печатались фотографии солдат и офицеров, отличившихся в боях. Это принесло журналу невиданную доселе популярность: в 1915 г. его тираж достиг 800 тысяч экземпляров.

К числу наиболее распространенных тонких журналов принадлежал журнал «Нива», издававшийся в 1870—1917 гг. А. Ф. Марксом. В начале XX в. его тираж превышал 200 тысяч экземпляров. Это было издание для семейного чтения. В № 50 за 1904 г. редакция так разъясняла, что такое семейный журнал и в чем его задача: «Задача, несомненно, воспитательная в самом широком смысле этого слова. В сущности ее даже можно бы назвать продолжением школы. Идеал, который преследует семейный журнал, сознающий все значение своей просветительской миссии, заключается в том, чтобы заурядная семья, более или менее поглощаемая житейскими заботами и добыванием насущного хлеба и, следовательно, не имеющая возможности уделять много времени и средств на чисто культурные цели, избрав себе один орган общения с отечественной и мировой жизнью, находила в нем настолько солидную пищу, чтобы не отошать, от современности не отстать и в то же время не терять и понимания вечных начал этики и красоты». Редакция «Нивы» сделала акцент на духовном воспитании своих читателей. Большое место в журнале занимала беллетристика: в нем печатались произведения И. А. Гончарова, Н. С. Лескова, А. А. Фета. Ориентированные на массового читателя, тонкие журналы, как и малые газеты, давали своим подписчикам многочисленные приложения. Так, подписчики «Нивы» получали 52 номера хорошо иллюстрированного общественно-политического и литературного журнала, 12 номеров модного журнала, от 20 до 40 книг известных отечественных и зарубежных писателей. В самой «Ниве» печатались репродукции с картин отечественных и зарубежных художников, что позволяло подписчикам собрать домашнюю «картинную галерею».

Для массового неподготовленного читателя журнал предлагал популярную энциклопедию. В нем публиковались биографии выдающихся деятелей отечественной и мировой культуры, статьи по археологии, краеведению, истории России, естествознанию, педагогике, спорту, библиографические заметки, портреты, фотографии, рисунки, относящиеся к истории войн, в которых участвовала Россия в 1877—1878, 1904—1905, 1914—1917 гг., а также к политическим и общественным событиям. Постоянное место занимал отдел «Смесь». Каждый член семьи находил в журнале «Нива» интересный именно для него материал, который позволял расширить кругозор.

Развитие науки и прогресс техники вызвали к жизни многочисленные научно-популярные тонкие журналы. Каждый такой

еженедельник концентрировал внимание на определенных областях знаний. Например, журнал «Вокруг света» (1885—1917) отдавал предпочтение проблемам географии и этнографии. В нем велись разделы: предания и легенды разных народов, научные экспедиции и географические открытия, биографии знаменитых путешественников и исследователей, образовательные экскурсии по России и за границей, люди науки, искусства и литературы, исторический калейдоскоп (крупные исторические годовщины), современный спорт, уголок филателиста, научные развлекания и ответы. В форме тонкого журнала издавались также еженедельники для детей, женщин, военнослужащих и др.

Тонкий журнал как тип издания получил дальнейшее развитие в структуре партийно-советской печати. Показательно, что названия некоторых популярных органов печати, прекративших выход в 1917 г., были присвоены потом новым журналам. Так, с 1923 г. в Москве издавался массовый еженедельный общественно-политический и литературно-художественный иллюстрированный журнал «Огонек». Значительная часть журналов этого типа выходила в СССР ежемесячно, например научно-художественный журнал ЦК ВЛКСМ «Вокруг света».

В Российской Федерации тонкие журналы взяли на себя, прежде всего, функцию организации досуга. Наряду с продолжающимися выходить под прежними названиями тонкими журналами (например, «Работница», «Крестьянка») появились новые: «Лиза», «Настя», «Отдохни!», «Вояж» и др.

Во второй половине XIX—начале XX в. значительную группу газет и журналов составляли *отраслевые периодические издания*. Среди них первостепенное значение для историков имеют исторические журналы.

В 1863—1917 гг. в Москве выходил журнал П. И. Бартенева «Русский архив». Издание имело подзаголовок «Историко-литературный сборник». В нем публиковались преимущественно воспоминания, дневники, письма по истории России XVIII—XIX вв. Печатались также анекдоты — рассказы о фактах, не зафиксированных письменно, но дошедших в изустном изложении. Статей было мало, но регулярно публиковались библиографические заметки. Материал об иностранных книгах о России для этого отдела на протяжении двадцати лет готовил профессор кафедры гражданского права Московского университета, впоследствии обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев, преподававший законоведение великим князьям. Принято считать, что с изданием «Русского архива» отечественные исторические журналы сформировались как одна из ветвей отраслевой периодики.

Во второй половине XIX—начале XX в. в России выходили еще два исторических журнала-долгожителя: «Русская старина» (1870—1918) и «Исторический вестник» (1880—1917). В течение сорока

восьми лет издавался «Сборник Русского Исторического общества» (1867—1916).

Ежемесячный журнал «Русская старина» был основан историком либерального направления М. И. Семевским, и в течение двадцати двух лет (1870—1892) выходил под его редакцией. В журнале публиковались документы, исследования, исторические биографии, многочисленные портреты и рисунки, библиографические материалы, и главное — собранные и опубликованные Семевским документы. Редактор не только разыскивал интересные документы, но и инициировал их создание, заказывал написание мемуаров. Многие передавали материалы в архив журнала в расчете на возможность их опубликования через 10, 20 и более лет. Основное место в журнале занимал отдел «Мемуары и дневники» (до двух третей объема месячной книжки). Благодаря «Русской старине» свет увидели дневники и записки декабристов, петрашевцев, деятелей отечественной культуры, сельских священников, крестьян. Ежегодно один номер журнала посвящался крестьянской реформе 1861 г. В «Русской старине» были опубликованы неизвестные до тех пор произведения А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, И. А. Крылова и других писателей и поэтов. После смерти Семевского в 1892 г. журнал перешел в собственность товарищества на паях и его роль в исторической периодике в значительной степени была утрачена.

В 1880 г. генерал-майором, редактором (1875—1879) исторического журнала «Древняя и новая Россия» историком С. Н. Шубинским был основан ежемесячник «Исторический вестник». Его целью было знакомить читателей в живой, общедоступной форме с современным состоянием исторической науки и литературы в России и в Европе. Одна половина объема месячной книжки отводилась документам (главным образом мемуарам), а другая — популярным статьям по истории, археологии, этнографии, истории литературы и т. п. В журнале помещалось много рисунков и фотографий.

Три названных журнала составляли ядро дореволюционной отечественной исторической периодики. Всего во второй половине XIX — начале XX в. в России выходило несколько десятков специальных исторических периодических изданий, причем до 35—40 изданий одновременно. Подавляющее большинство органов исторической периодики прекратило существование к концу 1917 г. и только два журнала — «Былое» и «Голос минувшего» выходили до середины 20-х гг. XX в. Попытки наладить издание исторической периодики в годы Гражданской войны были безуспешными.

В начале 20-х гг. XX в. были созданы советские исторические журналы. Прежде всего они были нацелены на публикацию документов. Среди таких изданий — журналы «Пролетарская революция» (1921—1941) и «Красный архив» (1922—1941). С 1926 г. на-

чал выходить научно-исследовательский журнал «Историк-марксист» (в 1941 г. объединен с «Историческим журналом» и в годы Великой Отечественной войны издавался под этим названием, с 1945 г. — «Вопросы истории»). Большая часть исторических журналов 20—30-х гг. XX в. перестала выходить в связи с началом Великой Отечественной войны; издание многих из них так и не было впоследствии возобновлено.

Во второй половине 50-х гг. XX в. были созданы новые исторические журналы: «Исторический архив» (1955—1962), «История СССР» (с 1957; «Отечественная история» — с 1991); «Новая и новейшая история» (с 1957), «Исторические науки. Доклады и сообщения высшей школы» (1957—1960) и др. С 1959 г. возобновлено издание «Военно-исторического журнала», начатое в 1939 г. и прекратившееся с началом Великой Отечественной войны. К началу 90-х гг. XX в. советская отраслевая историческая периодика была представлена, наряду с несколькими десятками одновременно издававшихся специальных журналов, большим количеством солидных продолжающихся изданий, главным образом, типа тематических сборников: «Источниковедение отечественной истории», «Источниковедение истории советского общества», «Вспомогательные исторические дисциплины», «Археографический ежегодник» и др.

В Российской Федерации, наряду с существовавшими в СССР историческими журналами и продолжающимися изданиями, с 1993 г. по 2003 г. как приложение к журналу «Родина» выходил новый публикаторский журнал «Источник. Документы русской истории». С 1995 г. Отделением истории РАН возобновлено издание «Исторические записки». Ранее они выпускались Институтом истории (с 1937, затем Институтом истории СССР — с 1968) АН СССР. Подчеркнув преемственность издания нумерацией — № 1(119) — издатели в подзаголовке обозначили его новое направление: теоретические и методологические проблемы исторических исследований.

В 90-х гг. XX в. появились новые издания, заявившие о своей преемственности с выходившими ранее историческими журналами: «Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.», «Исторический архив».

11.2. Эволюция периодической печати

На протяжении второй половины XIX—начала XXI в. в России существовали три принципиально отличные системы периодической печати, что позволяет выделить три этапа развития периодической печати: 1) с середины XIX в. по октябрь 1917 г. — периодическая печать Российской империи и Временного правительства;

2) с октября 1917 г. по август 1991 г. — периодическая печать РСФСР и СССР; 3) с августа 1991 г. по настоящее время — периодическая печать Российской Федерации.

На протяжении каждого из этих этапов выходили издания официальные и неофициальные. Первые публиковали материалы, выражавшие позицию государственного или общественного института, органом которого они являлись (например, «Правительственный вестник» в Российской империи, «Известия» и «Правда» в СССР, «Российская газета» в Российской Федерации). Вторые, формально не связанные с властью, могли поддерживать официальную линию, т.е. выступать в роли официоза или находиться в оппозиции.

На первом этапе бо́льшая часть отечественных газет и журналов издавалась отдельными лицами или акционерными обществами и товариществами на паях. Правительственных органов печати было немного (менее 10 % от общего количества по данным на 1908 г.). Их тиражи были, как правило, невелики, а влияние незначительно. Но в руках правительства были рычаги воздействия на частные издания — цензурные ограничения в отношении направленности газет и журналов. Во время революции 1905—1907 гг. цензурная узда была ослаблена, а в период с марта по октябрь 1917 г. цензура вообще не действовала (кроме военной).

На втором этапе была сформирована и действовала система партийно-советской печати. Прекратился выход частных периодических изданий. Все газеты и журналы издавались партийными, советскими, государственными и общественными органами и организациями и были обязаны проводить единую политическую линию. С 1 августа 1990 г. вступил в силу закон СССР «О печати», в соответствии с которым допускалось издание газет и журналов также и общественными движениями, ассоциациями, кооперативами и частными лицами. В установленный законом срок до 1 января 1991 г. были зарегистрированы и получили государственные свидетельства на право издания около 2 тыс. только московских газет и журналов, в том числе более 200 частных.

На третьем этапе выходившие ранее издания прошли перерегистрацию. Учредителями их, как правило, заявили себя журналистские коллективы. Так, в качестве учредителя бывшего органа ВЦСПС газеты «Труд» обозначена «Автономная некоммерческая организация “Редакция газеты «Труд»». Учредителем газеты «Советская Россия» значится коллектив журналистов редакции. Эта газета первоначально была органом ЦК КПСС, Совета министров и Верховного совета РСФСР. С ноября 1990 г. по август 1991 г. она издавалась как газета коммунистов РСФСР, а с сентября 1991 г. выходит с подзаголовком «Независимая народная газета».

Учредители заявлены и в выходных данных новых изданий. Так, учредитель «Независимой газеты» — редакция «Независимой газеты», учредитель газеты «Новые Известия» — ОАО «Информационно-издательская группа “Новые известия”» и т. п. Официальных изданий в Российской Федерации немного, среди них газета «Российская газета».

11.2.1. Периодическая печать Российской империи и периода Временного правительства

Во второй половине XIX — начале XX в. в России определенно обозначилась тенденция резкого роста количества возникавших и одновременно выходивших периодических изданий. На последнее следует обратить особое внимание, так как немногие органы печати существовали более 5 — 10 лет. Если за весь XVIII в. в России было учреждено 119 периодических изданий, а за первые шесть десятилетий XIX в. — 595, то в 1900 г. одновременно выходили 1002 издания, в 1908 г. — уже 2028, в 1913 г. — 2915, в 1917 г. — 4281.

Объективной социальной основой этого явления было увеличение грамотности населения страны. По данным первой Всероссийской переписи населения, проведенной 28 января 1897 г., лишь немногим более одной пятой (21,1 %) населения страны могло самостоятельно читать сообщения печати, в том числе 17,4 % сельского населения (составлявшего 86,65 % лиц, учтенных переписью) и 45,35 % городского населения. К 1914 г. уровень грамотности повысился в деревне — до 24—25 %, а в столицах (Петербурге и Москве) составил более 70 %.

Система отечественных периодических изданий была сложной и многоуровневой.

В 1913 г. в России выходили 1757 журналов и 1158 газет, в том числе 2167 на русском языке и 748 на других языках и наречиях: 303 — на польском, 81 — на немецком, 73 — на латышском, 55 — на эстонском, 34 — на грузинском, 30 — на армянском, 28 — на литовском, 23 — на татарском языках. Журнальная пресса занимала преобладающие позиции только в 24 крупных городах, а в 254 городах больше было газет.

До конца 30-х гг. XIX в. газеты и журналы печатались почти исключительно в столицах (Петербурге и Москве), откуда рассылались иногородним подписчикам. Создание провинциальной прессы сделало возможным оперативное информирование населения регионов. В начале XX в. вне столиц выходили уже свыше двух третей органов печати.

Правительство целенаправленно формировало информационное пространство Российской империи. Частный капитал участво-

вал в этом процессе в расчете на прибыль, предлагая читателям информацию как товар.

Ядро системы периодической печати Российской империи составляли правительственные издания — печатные органы министерств, выходившие в Петербурге, и газеты, выпускавшиеся местной администрацией. Они помещали главным образом официальную информацию и руководящие статьи, задачей которых было дать определенное направление общественному мнению.

Изданием общего содержания была ежедневная газета «Правительственный вестник» (1869—1917, в марте—октябре 1917 — «Вестник Временного правительства») — официальный орган Министерства внутренних дел. Газета публиковала правительственные распоряжения и сообщения, телеграммы из-за границы и внутренние известия, объявления акционерных компаний, метеосводки и т. д. Платные объявления, которые обязаны были публиковать акционерные компании в «Правительственном вестнике», приносили значительную прибыль. Из 300 тыс. рублей публикационных доходов газеты за 1912 г. 90 % поступило от акционерных компаний. Часть этих сумм уходила на покрытие расходов других казенных изданий, по большей части убыточных.

Военное министерство издавало газету «Русский инвалид» (1813—1917). Кроме официальных материалов по военному ведомству в газете систематически помещались сведения о состоянии иностранных армий, теоретические статьи по военным вопросам, очерки и рассказы, описывающие военный быт, обзоры книг и журналов. В 1877—1878, 1904—1905, 1914—1917 гг. значительное место в газете занимали корреспонденции с театров боевых действий. В годы министерства Д. А. Милютина газета активно пропагандировала проведение либеральных реформ, причем не только военной, но и земской и судебной, подготовку университетского устава и др.

Министерство иностранных дел издавало на французском языке газету «Journal de St.-Petersbourg» (1825—1906). Для зарубежного читателя МИД печатало в Брюсселе газету «Le Nord» (1864—1891). Значительная часть официальных материалов МИД публиковалась в «Правительственном вестнике».

Министерство финансов издавало журнал «Вестник финансов, промышленности и торговли» (1885—1917). В нем печатались руководящие редакционные статьи, посвященные проблемам экономической жизни; конвенции, заключенные Россией с другими государствами по финансово-экономическим вопросам; обзоры экономического положения в различных странах мира; внутренние и иностранные торгово-промышленные известия и т. п. С 1893 г. как приложение к журналу выходила ежедневная «Торгово-промышленная газета». Издатели следующим образом формулировали задачи этого официального органа: «дать возможно своевре-

менный и полный подбор имеющих общий интерес фактов в области экономической вообще и, главным образом, торговой и промышленной, разъяснить и указать на взаимную связь их и отметить те из них, которые могут иметь важные последствия. Вместе с тем как орган министерства финансов “Торгово-промышленная газета”, четко следя за всеми проявлениями экономической жизни, должна была бы содействовать путем печати развитию тех из них, которые признаются правительством за полезные, и предостерегать от увлечения теми явлениями, последствия которых легко могут быть пагубными».¹ Кроме того, министерство выпускало периодические издания, посвященные отдельным подведомственным ему отраслям государственного управления — например, «Горный журнал» (1825—1917).

Имели свои издания и другие министерства Российской империи. Локальные системы официальных периодических изданий создали ведомства Министерства внутренних дел и Синода.

С 1838 г. губернскими правлениями издавались местные «Губернские ведомости», которые в начале XX в. выходили почти во всех губерниях и областях империи. Это издание состояло из двух частей: официальной и неофициальной. В первой публиковались распоряжения правительства и местных органов власти; во второй — материалы преимущественно краеведческого характера.

Наряду с издававшимися Синодом «Церковными ведомостями» во второй половине XIX—начале XX в. выходят «Епархиальные ведомости» — официальные органы православных епархий. Первые «Епархиальные ведомости» появились в 1860 г. в Ярославле. Все местные церковные издания создавались по единой программе, утвержденной Синодом, и состояли из официальной части, в которой публиковались распоряжения Синода и местной церковной власти, и неофициальной, содержавшей проповеди, беседы на религиозно-нравственные темы, историко-статистические описания епархий и т. п. материалы.

Очевидно, что указанные официальные газеты и журналы не могли оказывать непосредственного влияния на массовую аудиторию. Эту функцию во второй половине XIX—начале XX в. выполняли частные периодические издания. В это время в России определенно обозначилась тенденция резкого роста количества возникавших и одновременно выходивших частных периодических изданий. Перед Первой мировой войной они составили почти три четверти общего количества органов отечественной прессы.

Для частных газет, печатавшихся в столицах, серьезной проблемой стала доставка тиража в провинцию и организация его сбыта. Во многих губерниях единственным столичным изданием, поступавших регулярно, была петербургская газета «Новое вре-

¹ Вестник финансов, промышленности и торговли. — 1915. — № 1. — С. 7.

мя». Объяснялось это тем, что ее издатель А. С. Суворин получил от правительства монопольное право торговать произведениями печати на станциях казенных железных дорог. Газета печатала распоряжения правительства и придворную хронику, телеграммы из регионов России и из-за границы, сообщала новости спорта и биржи, публиковала советы сельским хозяевам и вероятные прогнозы погоды, высказывала свое мнение по поводу актуальных вопросов внутренней и внешней политики, имела постоянные литературный и театральный отделы.

В провинции главную информационную функцию наряду с официальными «Ведомостями» взяли на себя местные частные газеты. В начале XX в. они печатались не только в губернских, но также во многих уездных городах. Например, в административном центре Олонецкой губернии — Петрозаводске — кроме «Губернских Ведомостей» (1838—1917) и «Ведомостей» местной епархии (1898—1918) выходили частные газеты «Олонецкая неделя» (1911—1917), «Олонецкая мысль» (1914 г.), «Олонецкое утро» (1915—1917), «Олонецкое эхо» (1916). Ту же картину видим за тысячи километров от Петрозаводска — в Минусинске Енисейской губернии. Наряду с официальными изданиями губернского правления (1857—1917) и православной епархии (1884—1906; 1908—1919) местные жители могли получать газеты «Минусинский край» (1914), «Минусинский голос» (1915), «Минусинский листок» (1914—1915), «Минусинский вестник» (1916—1917). Возможность оперативной передачи сообщений по телеграфу и деятельность информационных агентств по сбору и предоставлению редакциям подборок наиболее важных известий позволяли местной частной прессе вносить свой вклад в формирование единого информационного пространства.

Контроль за направленностью содержания периодических изданий осуществляла цензура. 6 апреля 1865 г. император Александр II утвердил именным указом Сенату «О даровании некоторых облегчений и удобств отечественной печати» и представленные Государственным советом «Временные правила о цензуре и печати». Закон отменял предварительную цензуру для периодических изданий, выходивших в Петербурге и Москве. В то же время он предусматривал административные взыскания (штраф, предостережение, временную приостановку, закрытие) за нарушение цензурных правил. Надзор за печатью сосредотачивался во вновь созданном учреждении — Главном управлении по делам печати, подведомственном министру внутренних дел. На провинциальные издания действие «Временных правил» не распространялось — для них сохранялась предварительная цензура.

Министр внутренних дел получал право давать предостережения периодическим изданиям и приостанавливать их выход после третьего предостережения на срок до шести месяцев. По представ-

лению министра Сенат мог прекратить выход периодического издания. Наиболее частым поводом для карательной санкции в отношении газет и журналов было обнаружение цензорами «вредного направления» в их публикациях. Иногда повод для предостережения был вполне конкретной. Так, журнал «Современник» в 1865 г. получил предостережение за публикацию стихотворения Н.А. Некрасова «Железная дорога», в котором содержалось, по мнению цензуры, «изображение сооружения Николаевской железной дороги в виде результата притеснения народа».

24 ноября 1905 г. император Николай II утвердил новые «Правила о повременных изданиях», отменявшие применение административных санкций в отношении газет и журналов и предусматривавшие судебное разбирательство «дел о совершенных путем печатного слова преступных деяниях». Одновременно упрощалась процедура учреждения периодического издания: концессионная (разрешительная) система заменялась явочной (утвердительной).

На формирование благоприятного для правительства общественного мнения в отношении частных периодических изданий цензура оказывала слабое влияние. Для активного воздействия на общественное мнение необходимо было создать в дополнение к официальной эффективно действующую официальную печать. Царским министрам это не удалось, хотя такие попытки неоднократно предпринимались.

В начале 60-х гг. XIX в. министр внутренних дел П.А. Валуев разработал план негласного влияния на одну из неофициальных газет. К руководству такой газетой решено было привлечь талантливого публициста, уже составившего себе имя в журналистике и не скомпрометировавшего себя в глазах читающей публики поддержкой политики правительства, но в то же время не разделявшего взглядов революционеров-демократов. Всем этим требованиям соответствовал М. Н. Катков.

К этому времени Катков был известен как редактор-издатель толстого журнала умеренно-либерального направления «Русский вестник». Он имел репутацию либерала-западника, англомана, публициста с дарованием, если и не находящегося в оппозиции, то и не придерживающегося официальной точки зрения по ряду вопросов русской жизни. Статьи Каткова в «Русском вестнике», направленные против А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского, обратили на него внимание правительства: III отделение вычеркнуло его имя из списка неблагонадежных литераторов. В 1863 г. Катков при содействии правительства получил в аренду газету «Московские ведомости».

Валуев попытался привлечь Каткова к сотрудничеству с правительством в обмен на предоставление ему конфиденциальной информации. Но замысел не удался: Катков сохранил независи-

мость суждений, которые, к неудовольствию министра, нередко не совпадали с позицией правительства. Поэтому «Московские ведомости» в 1866 г. дважды получили предостережения: за то, что «газета приписывает правительственным лицам стремления, свойственные врагам России,... общие, произвольные, бездоказательные и неосновательные нарекания, заключающие в себе возбуждение недоверия к правительству»¹; и за «настойчивое порицание относящегося до самой газеты правительственного распоряжения, проведение в прямое противоречие закону мысли, будто от повременных изданий зависит принимать или не принимать объявляемые им, на основании закона, предостережения»².

Закрыть «Московские ведомости» не удалось, так же, как и сделать их официозом. Определенностью и решительностью в отстаивании позиций самодержавной власти Катков завоевал сильных сторонников в верхах и даже симпатии императоров Александра II и Александра III, которые постоянно читали его газету.

Попытка П. А. Столыпина повторить опыт Валуева также оказалась безуспешной. Летом 1906 г. Совет министров признал необходимым независимо от опровержений и разъяснений, печатаемых в «Правительственном вестнике», избрать для сообщения фактических данных по всем наиболее важным вопросам и событиям о действительных взглядах и предложениях правительства один из частных органов столичной печати. Начиная с 8 июня Петербургская газета «Россия» с согласия своих издателей, официально оставаясь частной, стала дотироваться правительством. Формат газеты был увеличен до обычного размера политических газет. На нее была установлена низкая подписная цена — 4 рубля в год, часть ее тиража распространялась бесплатно. При всем этом как официоз «Россия» оказалась неконкурентоспособной в борьбе за читателя. Весной 1914 г. ее издание было прекращено.

В период Временного правительства соотношение официальных и официозных изданий в составе проправительственной печати существенно изменилось. Официальные газеты и журналы были те же, что и в Российской империи, но количество и влияние официозов резко возросло. Вхождение кадетов в состав Временного правительства превратило в официоз газету «Речь» и другие периодические издания этой партии. После создания коалиционного правительства в мае 1917 г. аналогичная метаморфоза произошла с органами печати партий эсеров и меньшевиков. Официозом Временного правительства в мае—октябре 1917 г. была газета «Известия» (с 28 февраля по июль — орган Петроградско-

¹ Свод данных о мотивах предостережений, полученных журналами и газетами в 1865—1904 гг. // Русская печать и цензура в прошлом и настоящем. Статьи Вл. Розенберга и В. Якушкина. — М., 1905. — С. 236.

² Там же. — С. 237.

го Совета рабочих и солдатских депутатов; с 1 августа по 28 сентября — орган ЦИК и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов; с 29 сентября по 27 октября — орган ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов).

Большая часть периодических изданий второй половины XIX — начала XX в. была оппозиционной по отношению к правительству. Среди легальных оппозиционных органов печати XIX в. наиболее известны журналы «Современник» и «Отечественные записки», а также газета «Русские ведомости». В годы революции 1905—1907 гг. в оппозицию к власти встали многие отечественные газеты и журналы. Витте на второй день своего премьерства, утром 19 октября 1905 г., пригласил к себе для беседы руководителей наиболее влиятельных петербургских изданий, среди которых был и редактор-издатель газеты «Санкт-Петербургские ведомости», личный друг императора Николая II князь Э. Э. Ухтомский, редактор-издатель газеты «Новое время» многоопытный и осторожный А. С. Суворин и редактор-издатель дотируемой правительством газеты «Гражданин» князь В. П. Мещерский. Редактор-издатель газеты «Биржевые ведомости» С. М. Проппер от имени присутствовавших представителей прессы заявил о недоверии правительству и изложил условия, на которых буржуазная печать соглашалась поддерживать формируемый кабинет министров. Витте пришел к выводу, что «опереться на прессу невозможно»¹.

После 17 октября 1905 г. легально издавались газеты и журналы — органы политических партий. В условиях подъема революционного движения в октябре — ноябре 1905 г. в Петербурге выходила ежедневная газета партии большевиков «Новая жизнь» с подзаголовком: «Орган Российской социал-демократической рабочей партии». Как приложение к № 1 была опубликована программа РСДРП. Из 27 номеров, вышедших до закрытия газеты, 15 были конфискованы полицией. В 1905 г. возникло также множество местных легальных большевистских изданий.

В 1912—1914 гг. в столице легально издавалась ежедневная газета «Правда» — орган ЦК РСДРП. Газета семь раз закрывалась и восстанавливалась под другими названиями. Из 645 ее номеров 190 были подвергнуты репрессиям. Сумма штрафов составила 16 тыс. руб. По приговорам суда и за неуплаченные штрафы официальные редакторы должны были отсидеть в тюрьмах в общей сложности 472 месяца. Газета выходила тиражом 20—60 тыс. экземпляров. В 1914 г. она имела 11,5 тыс. подписчиков в 944 населенных пунктах России, в том числе свыше 3 тыс. в Петербурге.

С 1906 г. главным рупором ведущей партии российской либеральной буржуазии — конституционно-демократической (каде-

¹ Bumte С. Ю. Воспоминания. — М., 1960. — Т. 3. — С. 63.

тов) — была газета «Речь». Издателями ее значились: железнодорожный подрядчик Ю. Б. Бак, а после его смерти в 1908 г. — «Товарищество по изданию газеты “Речь”». Редактировали «Речь» лидер кадетов П. Н. Милюков и член ЦК партии И. В. Гессен. Газета взяла на себя роль оппонента власти и в этом смысле была оппозиционной. В отделе «Печать», где помещались обзоры публикаций газет и журналов других направлений, постоянно велась полемика с правительственными и проправительственными изданиями. В отделе «Иностранные известия» подчеркивались положительные стороны системы конституционных государств и подробно освещалась деятельность их парламентов. В отделе «Русская жизнь» часто сообщалось о злоупотреблениях и произволе властей, причем критическая направленность публикации подчеркивалась даже заголовками, дававшимися редакцией, например: «Жандармская расправа». «Речь» была дорогим изданием. Ее подписная цена составляла 12 рублей в год, а среднегодовой тираж не превышал 40 тыс. экземпляров. Поэтому параллельно с ней и целиком на ее материалах издавалась более дешевая газета кадетов — «Современное слово».

Легальным изданием, подчеркивавшим свою оппозиционность, была московская газета «Утро России» (1907 — 1918). Она издавалась по инициативе и на средства группы московских капиталистов во главе с П. П. Рябушинским тиражом 30 — 40 тыс. экземпляров. В редакционной статье, помещенной в первом номере газеты, она характеризовала себя как «внепартийный орган прогрессивной деловой мысли» в противовес газете «Голос Москвы» (1905 — 1914) — рупору проправительственной партии «Союз 17 октября». В передовых статьях газеты Рябушинский пропагандировал свою стержневую идею — необходимость политического объединения крупной буржуазии в интересах национального капитала. В октябре 1907 г., всего через месяц после начала издания, газета «Утро России» была закрыта «ввиду вредного направления». Осенью 1909 г. издание газеты возобновилось. Бравлируя оппозиционностью, «Утро России» продолжало критиковать чиновную бюрократию и поместное дворянство, открыто заявляя о претензии буржуазии на политическую власть. За свои статьи газета выплачивала тысячные штрафы (только за два месяца с середины ноября 1909 г. по середину января 1910 г. сумма их составила 2,5 тыс. рублей) и тут же сообщала об этом читателям в качестве рекламы.

Наряду с легальными оппозиционными органами печати издавались нелегальные бесцензурные издания, выходившие в России и за границей. Первыми периодическими органами русской бесцензурной печати были литературно-политические сборники «Полярная звезда» (1855 — 1868) и газета «Колокол» (1857 — 1868), печатавшиеся за границей.

В 70-е гг. XIX в. издавались нелегальные газеты и журналы народников: «Народное дело», ставшее с 1870 г. официальным органом русской секции Первого Интернационала, «Общее дело», «Набат», «Земля и воля», «Народная воля», «Листок “Народной воли”». Некоторые из этих изданий имели значительный тираж. Так, выходившая в Петербурге «Народная воля» печаталась в 3 тыс. экземпляров. В газете помещались статьи и документы программного характера, корреспонденции о политических судебных процессах, письма о положении крестьян, о произволе царской администрации.

Единственный отпечатанный номер первой рабочей газеты «Рабочая заря», выпущенный в 1880 г. «Северным Союзом русских рабочих», был конфискован. В 90-е гг. XIX в. «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» издавал «Рабочую газету». В 1900—1903 гг. за границей выходила первая общероссийская марксистская нелегальная газета «Искра» — центральный орган РСДРП. Это была большая политическая газета, имевшая постоянные отделы: «Из нашей общественной жизни», «Хроника рабочего движения», «Письма с фабрик и заводов», «Иностранное обозрение», «Из партии», «Почтовый ящик». После 1905 г. в связи с созданием легальных периодических изданий политических партий значение нелегальной печати понижается.

В период нахождения у власти Временного правительства (март—октябрь 1917 г.) вся отечественная печать получила возможность легального издания и распространения в России. В это время выходило около 600 газет и журналов политических партий. Оппозиционной была большевистская печать; начиная с июля 1917 г. ее органы неоднократно подвергались репрессиям, вплоть до закрытия. Закрытые правительством издания, как правило, возобновлялись под новыми названиями. В октябре 1917 г. партия большевиков издавала в столицах и крупных центрах страны 75 газет и журналов общим тиражом почти в 600 тыс. экземпляров.

11.2.2. Периодическая печать РСФСР и СССР

В октябре 1917 г. — августе 1991 г. в РСФСР, а затем СССР была сформирована и действовала система официальных и официозных периодических изданий, контролировавшихся правящей партией.

26 октября 1917 г. постановлением Военно-революционного комитета за контрреволюционную агитацию был закрыт ряд буржуазных газет (в том числе «Биржевые ведомости» и «Речь»). На следующий день Совет Народных Комиссаров принял декрет «О печати». В преамбуле этого документа разъяснялось: «В тяжкий решительный час переворота и дней, непосредственно за ним сле-

дующих, Временный революционный комитет (ошибка в тексте; речь идет о Военно-революционном комитете. — А. Г.) вынужден был предпринять целый ряд мер против контрреволюционной печати разных оттенков... Как только новый порядок упрочится, — всякие административные воздействия на печать будут прекращены, для нее будет установлена полная свобода в пределах ответственности перед судом, согласно самому широкому и прогрессивному в этом отношении закону»¹. СНК утвердил временные правила, которыми впредь должно было определяться общее положение печати в стране:

«1. Закрытию подлежат лишь органы прессы: 1) призывающие к открытому сопротивлению или неповиновению Рабочему и Крестьянскому правительству; 2) сеющие смуту путем явно клеветнического извращения фактов; 3) призывающие к деяниям явно преступного, т. е. уголовно наказуемого характера.

2. Запрещения органов прессы, временные или постоянные, проводятся лишь по постановлению Совета Народных Комиссаров.

3. Настоящее положение имеет временный характер и будет отменено особым указом по наступлении нормальных условий общественной жизни»². Эти временные правила так и не были отменены.

В 1918 г. в Советской России продолжали выходить многие ранее издававшиеся газеты и журналы. В частности, закрытая в 1917 г. газета «Речь» под последовательно сменявшимися названиями — «Наша речь», «Свободная речь», «Век», «Новая речь», «Наш век» — выходила до августа 1918 г. Выпускались периодические издания мелкобуржуазных партий: эсеры имели 44 органа печати, меньшевики — 32, анархисты — 15. Некоторые из них просуществовали до середины 1919 г.

В период гражданской войны и иностранной интервенции в Советской России было прекращено издание буржуазных и мелкобуржуазных газет и журналов. Ведущую роль в информировании населения и организации общественного сознания стали играть органы партийно-советской печати. С 27 октября 1917 г. был продолжен выпуск газеты «Правда» как центрального органа правящей партии — РСДРП(б). Официальным органом ВЦИК, избранного Вторым съездом Советов, стала газета «Известия». Для пропаганды политики Советского государства в массах были созданы новые газеты, адресованные конкретным категориям населения страны — прежде всего крестьянам, красноармейцам и рабочим.

С марта 1918 г. ЦК РКП(б) издавал ежедневную крестьянско-солдатскую газету «Беднота». Она имела постоянные отделы и руб-

¹ Декреты Советской власти. — М., 1957. — Т. 1. — С. 24.

² Там же. — С. 25.

рики: «По России», «Ответы крестьянам», «Вести с мест», «Сельскохозяйственная страничка», «Медицина в деревне», «Уголок неграмотного», «Уголок красноармейца», «Жизнь в Красной армии». В отделе «Уголок неграмотного» текст набирался крупным типографским шрифтом и тут же было помещено обращение: «Товарищи грамотные! Помогите неграмотному. Прочтите вслух и заставьте повторить». По содержанию и оформлению «Беднота» существенно отличалась от других центральных газет: статьи состояли из 50—60 строк, заголовки были краткими, похожими на пословицы, поговорки и лозунги. Так, советы опытных агрономов печатались в газете в виде агитплакатов: крупным шрифтом, с таблицами и рисунками, нередко снабженные пояснениями в рифмованной форме. Темы были понятны читателям: «Береги семена», «Как устроить соломорезку», «Зорко следи за скотом» и т. п. Популярность газеты быстро росла: если первый ее номер был отпечатан тиражом в 60 тыс. экземпляров, то уже через месяц тираж газеты удвоился, через год превысил 500 тыс., а к январю 1920 г. достиг 750 тыс. экземпляров.

С 1 марта 1922 г. ЦК РКП(б) также издавал ежедневную массовую газету «Рабочий» (с № 99 — «Рабочая газета»). Она имела широкую сеть рабочих корреспондентов в крупных промышленных центрах. Для руководства рабкорами редакция наладила выпуск ежемесячного приложения к газете, которое называлось «Листок рабкора». Нередко газета давала задания читателям. Так, в номере от 5 мая 1927 г. был объявлен смотр трех товаров: ситца, мыла и ботинок. Цель смотра — выяснить, почему не снижаются цены на эти товары и не улучшается их качество. По материалам, присылаемым читателями, газета печатала целые полосы под заголовками: «Смотр мыла», «Смотр ботинкам», «Смотр ситца», «Пути удешевления ситца». Читатели писали в газету и по вопросам культуры, организации досуга, работы местных Советов. В газете была создана расширенная редакция, в состав которой вошли представители крупных фабрик и заводов, избранные на общегородских собраниях рабочих. Члены расширенной редакции на регулярных заседаниях обсуждали актуальность постановки газетой тех или иных проблем и правильность их освещения. Во второй половине 20-х гг. XX в. тираж газеты превысил 300 тыс. экземпляров. Как приложения к «Рабочей газете» выходили журналы: «Работница», «Крокодил», «Хочу все знать», «Мурзилка» и ежемесячное приложение к этому журналу «Мурзилкина газета». Были изданы 52 еженедельных выпуска учебного пособия для самообразования «Школа на дому».

В 20-е гг. XX в. в СССР была поставлена цель создать систему периодической печати, которая должна дойти до каждого члена общества. Фундаментальный принцип такой системы был сформулирован в резолюции XII съезда РКП(б) «По вопросам пропа-

ганды, печати и агитации»: «Для каждого основного слоя читателей создать особый тип газеты. Имея целую систему газет, партия должна более или менее точно распределить между ними сферу деятельности, чтобы каждая газета ориентировалась по преимуществу на определенный слой массы читателей»¹.

Задачу создания сети центральных и местных (до уезда включительно), ориентированных на крестьянскую аудиторию, изданий съезд правящей партии считал первоочередной. Такие издания должны были посвящать преобладающую часть всего своего материала крестьянским вопросам, жизни сел и деревень. Уже к концу 20-х гг. XX в. деревенскому читателю предлагалось 225 газет общим тиражом 3388 тыс. экземпляров. Самой массовой среди них была «Крестьянская газета» (1923—1939). В конце 20-х гг. XX в. ее тираж составил 1,5 млн экземпляров, а в 1931 г. приблизился к 2,5 млн. Газета выходила три раза в неделю и имела разделы: «По Союзу советских республик», «Советы хозяину», «Письма из деревни», «На крестьянской земле», «Землеустройство», «Школа и учитель», «Наши ответы», «Рабочие помогают деревне», «Почтовый ящик», «Объявления».

Так же, как и другие массовые газеты, ориентированные на крестьянскую и рабочую аудитории, «Крестьянская газета» создала сеть общественных корреспондентов и друзей газеты, с которыми редакция поддерживала постоянную связь. В конце 20—начале 30-х гг. XX в. газета получала до 1 млн корреспонденций и писем. Лишь небольшая их часть была опубликована, но в Российском государственном архиве экономики (РГАЭ) хранится коллекция, насчитывающая сотни тысяч писем в «Крестьянскую газету». В составе этой коллекции находятся также письма, поступавшие в журналы «Деревенский коммунист», «Дружные ребята», «Крестьянка», «Кустарь и артель», «Лапоть», «Сам себе агроном» и другие, издававшиеся при «Крестьянской газете». Это наиболее значительный комплекс подобных материалов Архивного фонда Российской Федерации. Он позволяет представить состав читателей газеты, среди которых были не только крестьяне и сельские жители, но также рабочие, служащие, партийные и комсомольские работники, красноармейцы, рабфаковцы, студенты и пр. Сохранившиеся в архиве оригиналы писем, готовившихся к печати, содержат редакторскую правку (сокращения, исправления описок и т.д.), анализ которой дает исследователю редкую возможность изучить «кухню» работы редакции массовой газеты с поступающей в нее корреспонденцией.

Непосредственно на рабочую аудиторию в 20-е гг. XX в. были ориентированы 66 газет с общим тиражом 1636 тыс. экземпляров.

¹ Цит. по: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов: в 10 т. — М., 1970. — Т. 2. — С. 462—463.

Самой массовой из них была газета «Гудок», издававшаяся с декабря 1917 г. Ее тираж составлял 400 тыс. экземпляров. Газета объединяла тысячи рабочих корреспондентов. Ее архив в отличие от «Крестьянской газеты» не сохранил комплекса писем читателей и присланных в газету заметок рабкоров, но представление об их содержании в форме художественного обобщения дает роман И.Ильфа и Е.Петрова «Золотой теленок». Его авторы работали в 20-е гг. XX в. литературными сотрудниками в отделе читательских писем и рабкоровских заметок «Гудка». Газета стала основным периодическим изданием для рабочих и служащих, занятых на железнодорожном транспорте. Был налажен выпуск сменных полос по отдельным дорогам; в обзорах печати анализировалась деятельность редакций региональных многотиражных газет. Фактически «Гудок» возглавил систему периодических изданий отрасли.

В 20-е гг. XX в. были созданы органы печати, адресованные молодежи («Комсомольская правда»), военным («Красная звезда») и интеллигенции («Учительская газета», «Литературная газета»). Система партийно-советской печати в СССР в основном сформировалась к началу 30-х гг. XX в. До 1933 г. полные, систематические данные о количестве газет и журналов, издававшихся в СССР, не публиковались. В 1933 г. Книжная палата выпустила в свет «Список периодических изданий РСФСР в 1933 г. (на 1 июля)». В этом издании учтены 4163 газеты и 1093 журнала. С 1934 г. (с перерывом в годы Великой Отечественной войны) Книжная палата выпускала «Летопись периодических изданий СССР в... году». В стране сложилась система распространения газет и журналов по подписке через аппарат связи. Это обеспечивало постоянство и оперативность воздействия органов печати на массы.

В годы Великой Отечественной войны выпуск многих газет и журналов прекратился, но была развернута сеть военных периодических изданий. Только в 1943 г. ежедневно издавались 128 военных газет и 600 — три раза в неделю; выпускалось до 300 партизанских газет. С 1945 г. началось восстановление сети гражданской печати и в начале 50-х гг. XX в. суммарный тираж выпуска газет и журналов превзошел довоенный уровень.

Органичной частью системы партийно-советской печати в СССР были периодические издания-официозы. Показателен в этом отношении пример «Литературной газеты». Первый ее номер вышел в свет 22 апреля 1929 г. Первоначально эта газета издавалась как орган Федерации объединений советских писателей, с 14 сентября 1934 г. она стала изданием правления Союза советских писателей СССР. Газета выпускалась еженедельно тиражом 45 тыс. экземпляров. С сентября 1947 г. она стала выходить дважды в неделю, ее тираж был увеличен; с июня 1950 г. выпускать трижды в неделю. В 1953 г. тираж газеты составил 750 тыс. экземпляров.

Причины этих изменений заключались в том, что в мае 1947 г. во время встречи И. В. Сталина, В. М. Молотова и А. А. Жданова с руководителями Союза писателей СССР было принято решение об издании «Литературной газеты» как официоза Советского правительства. К. М. Симонов, один из участников этой встречи, впоследствии так воспроизвел содержание монолога Сталина, высказавшего эту идею: «Мы здесь думаем, что Союз писателей мог бы выпускать совсем другую “Литературную газету”, чем он сейчас выпускает. Союз писателей мог бы выпускать своими силами такую “Литературную газету”, которая одновременно была бы не только литературной, а политической, большой, массовой газетой. Союз писателей мог бы выпускать такую газету, которая остро, более остро, чем другие газеты, ставила бы вопросы международной жизни, а если понадобится, то и внутренней жизни. Все наши газеты так или иначе официальные газеты, а “Литературная газета” — газета Союза писателей, она может ставить вопросы неофициально, в том числе и такие, которые мы не можем или не хотим поставить официально. “Литературная газета” как неофициальная газета может быть в некоторых вопросах острее, левее нас, может расходиться в остроте постановки вопроса с официально выраженной точкой зрения. Вполне возможно, что мы иногда будем критиковать за это “Литературную газету”, но она не должна бояться этого, она, несмотря на критику, должна продолжать делать свое дело... Вы должны понять, что мы не всегда можем официально высказаться о том, о чем нам хотелось бы сказать, такие случаи бывают в политике, и “Литературная газета” должна нам помогать в этих случаях... Надо будет новую “Литературную газету” выпускать два раза в неделю, чтобы ее читали не раз, а два раза в неделю, и в десять раз больше людей... То, что вам будет надо для того, чтобы выпустить такую газету, вы должны попросить, а мы должны вам помочь...»¹.

С осени 1947 г. по август 1991 г. «Литературная газета» выполняла возложенную на нее функцию правительственного официоза. Она стала авторитетным общественно-политическим изданием, на страницах которого обсуждались проблемы литературы и искусства, политики и экономики, морали и права. С января 1967 г. «Литературная газета» выходила один раз в неделю на шестнадцати страницах большого формата.

Со второй половины 50-х гг. XX в. в развитии системы партийно-советской печати проявились новые тенденции. Обозначилась ориентация органов печати на определенную читательскую аудиторию — региональную, социальную, профессиональную и т. д. Так, ЦК КПСС наряду с центральным органом — газетой «Прав-

¹ Симонов К. Глазами человека моего поколения. Размышления о И. В. Сталине. — М., 1990. — С. 131—132.

да» — издавал газету «Советская Россия», для сельской аудитории — газету «Сельская жизнь», для рабочих, инженерно-технических работников, ученых — газету «Социалистическая индустрия», для творческой интеллигенции — газету «Советская культура», для партийных работников и актива — журналы «Коммунист», «Партийная жизнь», «Агитатор», «Политическое самообразование». Кроме того, в издательстве ЦК КПСС «Правда» выходили массовые журналы «Работница», «Крестьянка»; литературно-художественные журналы «Огонек», «Знамя», «Октябрь»; научные журналы «Вопросы истории», «Вопросы истории КПСС», «Вопросы философии», «Вопросы экономики» и др.

Общность задач, решавшихся КПСС, органами Советской власти и государственного управления и общественными организациями, обусловила совместное издание ими многих газет и журналов. Если в первые годы советской власти в республиках, губерниях, областях, уездах и в больших городах отдельно издавались «Известия» местных Советов, то впоследствии большинство этих газет стали объединенными печатными органами партийных комитетов и Советов. Например, «Московская правда» была органом МК КПСС и Моссовета, газета «Советская Россия» начала выходить с 1 июля 1956 г. как орган Бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совета министров РСФСР (впоследствии — как орган ЦК КПСС, Верховного Совета и Совета министров РСФСР), газета «Гудок» — орган министерства путей сообщения СССР и ЦК профессионального союза рабочих железнодорожного транспорта. В 1967 г. в СССР издавались газеты 8 тыс. наименований. Их разовый совокупный тираж — 250 млн экземпляров — превысил численность населения страны.

До конца 80-х гг. XX в. в СССР не было легальной оппозиционной периодической печати. Нелегально существовал так называемый «Самиздат». Как и нелегальные издания предыдущего этапа — газеты и журналы народнических организаций, партии большевиков — многие выпуски «Самиздата» сохранились, часть их переиздана.

С конца 80-х гг. XX в. происходило разрушение системы партийно-советской печати. Был ослаблен контроль со стороны КПСС за содержанием и направленностью публиковавшихся в прессе материалов. Легально начали выходить новые издания, оппозиционные по отношению к политике СССР.

Открыто оппозиционными были учрежденные в ноябре 1990 г. официальные издания заявившей о своем государственном суверенитете РСФСР. Ежедневная «Российская газета» — орган Верховного Совета — в первом номере опубликовала закон РСФСР «О действии актов Союза ССР на территории РСФСР» и постановление Верховного Совета РСФСР о порядке введения в действие этого закона. Согласно этим документам Верховному Сове-

ту, Совету министров, министерствам и ведомствам РСФСР предоставлялось право решать вопросы о применимости на территории республики правил и норм, установленных и устанавливаемых общесоюзными органами государственной власти и управления.

Были созданы и начали выходить периодические издания, учрежденные на средства частного, в том числе иностранного капитала. Так, с 1990 г. в Москве издается газета «Коммерсантъ». Первоначальный взнос в 250 тыс. долларов США на издание этой газеты был сделан торговой фирмой из Чикаго «Рефко груп». В рекламном объявлении о подписке издание характеризовалось как «независимый советско-американский деловой еженедельник», «специализированное издание для деловых людей, определяющих развитие экономики в СССР и за рубежом». Подчеркивалось, что газета издается с 1909 г., но с 1917 г. по 1990 г. «еженедельник не издавался по независящим от редакции причинам». Газета стала одним из рупоров оппозиции в СССР.

Наряду с официально зарегистрированными органами печати, в соответствии со вступившим в силу с 1 августа 1990 г. законом СССР «О печати», не предусматривавшим регистрацию газет и журналов с тиражом менее тысячи экземпляров, возникли многочисленные малотиражные издания. Их принято определять как неформальные, альтернативные по отношению к официально зарегистрированным органам печати. Они вели хронику возникновения и деятельности неформальных структур, помещали обзоры публикаций «Самиздата» и альтернативной печати, перепечатывали статьи и тексты выступлений депутатов разных уровней — своих сторонников. Значительное место в малотиражных изданиях начала 90-х гг. XX в. заняли проблемы культуры, религиозно-философская тематика, вопросы экологии.

11.2.3. Периодическая печать Российской Федерации

В результате разрушения СССР и прекращения деятельности КПСС система партийно-советской печати была ликвидирована. Большинство ранее выходивших газет и журналов конституировались как издания журналистских коллективов, которые декларировали свою самостоятельность и независимость, прежде всего, от государства.

В условиях снижения жизненного уровня населения, повышения цен на печатную продукцию и особенно на ее доставку тиражи газет и журналов значительно уменьшились.

В 1989 г. в СССР издавалось 8800 газет (общим тиражом 230 млн экз.) и 1629 журналов (общим тиражом 220 млн экз.). Спустя 12 лет в РФ было зарегистрировано 33,5 тыс. печатных средств массовой информации (СМИ), в том числе более 20 тыс.

газет и около 11 тыс. журналов. Разовый подписной тираж периодики РФ, начиная с середины 90-х гг. XX в. колеблется в пределах 30—33 млн экземпляров. Следует иметь в виду, что в современной России значительная часть периодических изданий приобретается в розницу; кроме того, в крупных городах бесплатно распространяются рекламные и рекламно-информационные газеты, издания районных управ, окружных префектур и т. п. муниципальных образований. Этим, в частности, объясняется «статистический парадокс»: перенасыщенные прессой Москва и Санкт-Петербург по данным о количестве подписчиков на тысячу жителей занимают среди субъектов РФ соответственно 60 и 78 места.

В среднем в 90-е гг. XX в. тиражи общероссийских газет уменьшились в 11 раз, журналов — в 8 раз. Если в 1990 г. отечественный читатель выписывал 1825 газет и журналов (из расчета на тысячу человек), то в 1997 г. — всего 206 экз. С 1990 по 2006 г. тираж популярнейшего еженедельника «Аргументы и факты» сократился с 33 млн экз. до 3 млн; тираж наиболее массового ежедневного издания — газеты «Труд» — с 22 млн экз. до менее чем 1 млн экз.; тираж ежемесячного литературно-художественного и общественно-политического «толстого» журнала «Новый мир» — с 2,6 млн экз. до 8 тыс. экз.

Единая информационная политика, проводившаяся в СССР, предопределила количественное преобладание суммарного тиража центральных изданий по отношению к местным. В постсоветской России произошли кардинальные изменения в структуре печати. В конце 1997 г. соотношение местной и центральной печати было 2 к 1.

На исходе XX в. только 5 издававшихся в Москве газет, которые в каждом из 12 территориально-экономических регионов РФ имели более 1 % от общего количества читателей, могли претендовать на статус общероссийских изданий. Это еженедельник «Аргументы и факты» и ежедневные газеты «Комсомольская правда», «Труд», «Известия» и «Советская Россия»¹. Главенствующее положение в системе СМИ, которое пресса занимала в СССР, в постсоветской России принадлежит телевидению и радио. Для большей части населения они стали основным и нередко единственным источником международной, общегосударственной и даже региональной информации. По данным Госкомстата РФ, свыше 98 % населения страны имеют возможность принимать как минимум один телевизионный канал, свыше 96 % — как минимум одну радиостанцию.

В то же время, фиксируя многоаспектную информацию о действительности и обеспечивая высокую степень ее сохранности в

¹ См.: В поисках своего лица: общероссийская пресса на рынке информации. — М., 1998. — С. 5.

течение длительного времени, современная отечественная периодическая печать в полной мере сохраняет свое значение как исторический источник. Увеличение количества издающихся одновременно газет и журналов, преобладание в них региональной и местной проблематики, узкотематическая направленность многих печатных СМИ, безусловно, усложняют работу исследователя. Но подобного рода трудности, как свидетельствует опыт историков, вполне преодолимы.

Отсутствие единой общегосударственной политики и финансовые затруднения породили тенденцию к объединению газет и журналов в различные группы на основе финансового подчинения определенному издателю. Организационной формой подобных объединений стали издательские дома и медиахолдинги. Так, издательский дом «Аргументы и факты» кроме одноименного еженедельника (с региональными вкладками-приложениями) выпускает общероссийские газеты и журналы, рассчитанные на различные возрастные и социальные категории читателей.

ООО «Издательский дом Родионова» участвует в реализации журнальных проектов, в том числе международных. Его марка значится на еженедельниках «Профиль» (с постоянной подборкой материалов, опубликованных в немецком иллюстрированном журнале «Spiegel»), «Businessweek», «Компания», ежемесячных журналах «Домовой», «Крестьянка», «Карьера», «Наша усадьба», «Она», «XXL», «Только ты», «Пятнашки», выходящих один раз в два месяца «L' Optimum» и «Moulin Rouge».

Первым по времени возникновения (1993—1994) медиахолдингом, т.е. акционерной компанией, использующей свой капитал для приобретения контрольных пакетов акций других компаний, стала корпорация «Мост-медиа». Она объединила издательский дом «Семь дней» (газеты «Сегодня», «Семь дней», журнал «Итоги»), телевизионный холдинг «НТВ-холдинг» и радиостанцию «Эхо Москвы». Состав медиахолдингов непостоянен. Созданный в 1998 г. холдинг «Газпром-медиа» в XXI в. значительно укрепил свою позицию, включив в состав подконтрольных СМИ наряду с региональными печатными изданиями и местными телерадиоканалами федеральный канал «НТВ», влиятельную радиостанцию «Эхо Москвы» и престижную газету «Известия».

Примером регионального медиахолдинга является ЗАО «Метрополис». Ему принадлежат газеты «Московская правда», «Вечерняя Москва», «Россия», «Литературная газета», «Куранты», «Метро», «Центр-плюс», «Тверская 13»; рекламное агентство «Максима»; информационные агентства «ИМА-Пресс» и «Постер-паблисити»; общероссийский телевизионный канал «ТВ-Центр», кабельный московский канал «ТВ-Центр Столица», студии кабель-

ного телевидения административных округов Москвы. Финансовое обеспечение деятельности этого медиахолдинга осуществляет акционерная финансовая корпорация «Система», владеющая пакетами акций ряда предприятий и фирм (ЗАО «Интурист», вещевые рынки, автозаправочные станции, фирма «Детский мир», завод электроники в г. Зеленограде и т.д., и т.п.). Активы этой корпорации, по сведениям «Новой газеты» (12 октября 1998 г.), оцениваются в 2,8 млрд долларов США, собственные капиталы — в 1,4 млрд долларов.

На протяжении всего постсоветского периода статус официального государственного органа печати сохраняет «Российская газета». Правительству пока не удалось создать постоянных официозов. Поэтому в каждом конкретном случае власть должна заботиться об информационной поддержке влиятельных СМИ. В условиях, когда большая часть прессы не самоокупаема, государство сохраняет рычаг финансового воздействия, определяя сумму дотации для конкретной газеты или конкретного журнала.

Так, в 1994 г. четыре издания, учрежденные правительством РФ и администрацией Президента РФ («Российская газета», «Российские вести», журналы «Родина» и «Российская Федерация»), получили из государственного бюджета без малого 40 млрд руб. субсидий. Это более чем в три раза превысило сумму, выделенную на поддержку 20 ведущих общероссийских газет. Сумма субсидии может служить своего рода шкалой оценки властью степени ее поддержки «независимыми» изданиями. Так, «Труд» получил 5 млрд 354 млн руб., «Комсомольская правда» — 3 млрд 99 млн руб., а «Советской России» были выделены только 40 млн руб. В 2001 г. бюджетные дотации, распределенные руководством соответствующих регионов, получили две трети районных и городских газет.

В XXI в. как минимум 40 % действующих в России СМИ существуют только благодаря прямым или косвенным субсидиям и всего 10 % прессы имеют относительную экономическую самостоятельность. Издававшийся Союзом писателей СССР литературно-художественный и общественно-политический журнал «Звезда», имевший в 1979 г. тираж свыше 100 тыс. экз., в 2006 г. печатается тиражом 3600 экз. Его учредитель — ЗАО «Журнал Звезда», добавив в подзаголовке слово «независимый», сообщает в каждом номере, что 500 экз. напечатаны при финансовой поддержке Министерства культуры и массовых коммуникаций РФ, и еще 270 экз. — за счет средств бюджета Санкт-Петербурга.

Оппозиционными изданиями принято считать газеты «Правда», «Советская Россия» и «Завтра» (в 1991 — 1993 гг. выходила под названием «День»). Источники финансирования этих газет не оглашаются.

11.3. Приемы изучения периодической печати

Широко распространено представление о периодической печати как об источнике, к которому «нельзя подходить с единой меркой, а следует исходить из особенностей каждой газеты и журнала»¹. Встречаются утверждения, что «здесь не может быть единой методики вообще»².

Существует и другая точка зрения, согласно которой «в работе с периодикой есть два главных подхода, каждому из которых присущи свои источниковедческие особенности: 1) всестороннее изучение данного органа периодической печати как целостного источника (как темы); 2) отыскание и изучение в данном органе (органах) печати отдельных текстов-источников по теме, которая сама по себе не является темой об этом органе. Эти два подхода не следует разрывать и противопоставлять. Они тесно связаны между собой»³.

Стройную систему приемов и методов — десять правил общего значения для структурного изучения периодической печати — сформулировал французский журналист и исследователь прессы Ж. Кайзер.

1. Структурное изучение периодической печати возможно посредством «перегруппировки в массив».

2. Принципы формирования и состав массива определяются исследователем в соответствии с объектом и целями изучения.

3. Система категорий анализа устанавливается в процессе выработки и частичной проверки рабочих гипотез.

4. Категории анализа должны быть строго определены как по отдельности, так и относительно друг друга.

5. Установленные правила не должны изменяться в ходе исследования.

6. Непременным условием является учет контекста всего номера периодического издания.

7. Поскольку каждый номер периодического издания представляет собой элемент серии предшествующих и последующих номеров, исследователь должен стремиться изучить полный комплект органа печати.

8. При невозможности изучить полный комплект рекомендует-ся использовать метод «подбора образцов» — типичных публикаций, номеров и т. п.

¹ Черноморский М. Н. Источниковедение истории СССР. Советский период. — М., 1976. — С. 217.

² Кабанов В. В. Источниковедение истории советского общества. Курс лекций. — М., 1997. — С. 210.

³ Дмитриев С. С. Периодическая печать / Источниковедение истории СССР / под ред. И. Д. Ковальченко. — М., 1981. — С. 223—224.

9. Следует избегать включения в исследование неординарных номеров, так как они непредставительны, за исключением случаев, когда предмет исследования — событие, вызвавшее появление неординарного номера, или сам номер периодического издания.

10. Рекомендуется проводить сравнительное изучение разных органов печати за одно и то же время или материалов одного издания в разные хронологические периоды¹.

Очевидно, что при многообразии задач, для решения которых могут быть использованы материалы периодической печати, успех работы исследователя в значительной степени определяется его способностью разработать и применить методику, оптимальную для данного конкретного случая. Вместе с тем ясно, что разработать подобную методику можно только на основе знания общих принципов и приемов выявления, обработки и анализа информации периодической печати. Рассмотрим некоторые из сформулированных Кайзером «правил общего значения» для работы с материалами периодической печати на примерах: определения политической направленности органов печати Российской Федерации в связи с отражением в них судебного процесса по делу генерала В. И. Варенникова (май — август 1994 г.), формирования массива информации газет о монополизации российской промышленности (1914—1917) и исследования публикаций в газете «Правда» за 10 мая 1945 г.

Для исследований, в которых используются материалы периодической печати за длительный хронологический период, а также в тех случаях, когда нет возможности изучить все номера газет или журналов (из-за их отсутствия или плохой сохранности), эффективным приемом анализа является *метод «подбора образцов»*. Суть его состоит в формировании групп периодических изданий, однотипных с точки зрения какого-либо существенного признака. Такой прием позволяет экстраполировать наблюдения и выводы, сделанные на материалах одного издания, на всю данную группу.

Определение политической направленности современных «независимых» периодических изданий — сложная задача. Одним из путей ее решения является изучение опубликованных в органе печати материалов о событии общественной жизни, имевшем принципиальное значение для проправительственных и оппозиционных правительству сил. Таким общественно значимым событием стал судебный процесс по делу генерала Варенникова.

В августе 1991 г. генерал армии Варенников, Главнокомандующий Сухопутными войсками, заместитель министра обороны СССР, был арестован по обвинению в измене Родине в форме заговора с целью захвата власти. Ни в ходе предварительного, ни

¹ Kayser J. Le quotidien francais. — Paris, 1963. — P. 131—132.

в ходе судебного следствия по процессу Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР (ГКЧП) он не признал себя виновным. 1 марта 1994 г. генерал Варенников был амнистирован и в тот же день заявил суду ходатайство о возбуждении уголовного дела по факту развала СССР. В связи с тем, что его ходатайство не было рассмотрено судом, 4 мая 1994 г. Варенников обратился в военную коллегия Верховного суда Российской Федерации с ходатайством, в котором заявил о своем отказе от применения амнистии, объявленной Государственной думой 23 февраля этого года, лично к нему.

В газетах был опубликован текст ходатайства генерала Варенникова в связи с его отказом от политической амнистии. Внимание многих органов печати привлекли ключевые события состоявшегося в июне — августе 1994 г. судебного процесса: свидетельские показания бывшего президента СССР М.С.Горбачева о событиях августа 1991 г. и вынесение судом оправдательного приговора генералу Варенникову «за отсутствием в его действиях состава преступления». Анализ направленности публикаций — поддержка генерала Варенникова, потребовавшего наказания виновников развала СССР, или признание генерала виновным в противоправных действиях — позволил квалифицировать позиции конкретных периодических изданий как оппозиционные или официозные.

Для того, чтобы выявить публикации в периодической печати о процессе по делу генерала Варенникова, необходимо изучить комплекты изданий за период с мая (ходатайство об отказе от амнистии) по август (оглашение приговора) 1994 г. Были отобраны издания: 1) ежедневные (органы печати, зафиксировавшие наиболее систематическую информацию об объекте изучения); 2) выходившие в Москве (городе, где происходил суд, столице государства); 3) с тиражом 100 тыс. экземпляров и выше (характеристика высокой степени общественного влияния). Всего таких изданий в 1994 г. было 19: «Гудок», «Известия», «Коммерсант-Дейли», «Комсомольская правда», «Красная звезда», «Литературная газета», «Московская правда», «Московский комсомолец», «Народная газета Московского региона», «Независимая газета», «Правда», «Рабочая трибуна», «Российская газета», «Российские вести», «Сегодня», «Сельская жизнь», «Советская Россия», «Труд», «Учительская газета».

По степени полноты отражения судебного процесса по делу генерала Варенникова эти газеты можно разделить на три группы. «Правда» и «Советская Россия» осветили все этапы дела: ходатайство об отказе от амнистии (май), ход процесса (особое внимание привлекли свидетельские показания Горбачева — июль), вынесение приговора (август). Газеты «Известия», «Комсомольская правда», «Московская правда», «Московский ком-

сомолец», «Независимая газета», «Рабочая трибуна», «Сегодня», «Сельская жизнь» и «Труд» уделили внимание свидетельским показаниям Горбачева и решению суда об оправдании генерала Варенникова и дали суммарное изложение событий в связи с завершением судебного процесса. Остальные отобранные для изучения на основании формальных критериев газеты «не заметили» судебного процесса по этому делу. Показательно, что в числе изданий этой группы — официальные издания «Российские вести» и «Российская газета».

Трактовка обстоятельств дела позволяет распределить «независимые» ежедневные влиятельные московские периодические издания по группам: группа «А» — определенно одобившие занятую генералом Варенниковым позицию и оправдательный приговор, вынесенный судом по делу («Правда», «Сельская жизнь», «Советская Россия»); группа «Б» — поместившие конкретную информацию, трактовка которой редакцией менялась по мере развития событий («Независимая газета», «Рабочая трибуна», «Сегодня», «Труд»); группа «В» — давшие негативную оценку решению суда («Известия», «Комсомольская правда», «Московская правда», «Московский комсомолец»).

Используя метод «подбора образцов», рассмотрим как «образцы» отражения в прессе судебного процесса по делу генерала Варенникова: для группы «А» — публикации в газете «Правда», для группы «Б» — публикации в «Независимой газете», для группы «В» — публикации в «Известиях».

В концентрированном виде содержание публикации выражает ее заголовок, данный редакцией издания. Поэтому заголовки характеризуют позицию органа печати, что позволяет сделать выводы о его направленности. Приведем заголовки, под которыми материалы о судебном процессе по делу генерала Варенникова были опубликованы в «Правде», «Независимой газете» и «Известиях».

«Правда» 5 мая 1994 г. под заголовком «Генерал Варенников отказывается от амнистии» опубликовала текст ходатайства в военную коллегию Верховного суда РФ. 8 и 9 июля газета поместила два материала о свидетельских показаниях Горбачева: «Развалил Союз — разводит руками» и «Форосский туман не рассеивается». В публикациях 10 и 11 августа «Прокурор попросил оправдать» и «Главная победа генерала» «Правда» подвела итоги процесса. Как видим, позиция, занятая газетой, является открыто оппозиционной по отношению к власти.

«Независимая газета» скрыла отсутствие определенной позиции за набранными крупным шрифтом пространственными заголовками публикаций: 8 июля — «Горбачев отвергает обвинения в развале Советского Союза. Последний президент СССР за серьезное наказание членов ГКЧП». В июле газета была настроена проправительственно, о чем свидетельствует заголовок публикации 9 июля:

«Горбачев об августовском путче». Но в августе «Независимая газета» освещает судебный процесс уже несколько иначе. 10 августа она сожалеет: «Прокурор отказывается от обвинения. Дело ГКЧП, похоже, провалилось». На следующий день газета поместила материал, озаглавленный: «Сегодня будет объявлен приговор генералу Варенникову. Скорее всего он будет оправдан. Накануне 3-й годовщины августовских событий в Москве это может стать серьезным ударом для нынешней власти». В тексте последнего заголовка легко прочитывается сочувствие власти, хотя словесное оформление иное: если в июле «Независимая газета» писала об «августовском *путче*» 1991 г., то теперь — об «августовских *событиях* в Москве». Очевидна тенденция газеты дистанцироваться от власти.

Перемена в другую сторону отчетливо прослеживается даже по заголовкам в газете «Известия». Если заголовок июльской публикации формально сдержан: «Горбачев явился в суд по делу Варенникова», то заголовок аналитической статьи О.Лациса, опубликованной 19 августа, вполне определен: «Что спасали путчисты в августе-91». Суть последнего заголовка в полной мере раскрывается в заключении статьи: «Мог ли кто-нибудь 22 августа 1991 г. вообразить, что события обернутся так, как они обернулись сегодня, когда путчисты смеют оспаривать саму реальность путча? Самое время подумать о причинах такого оборота». Таким образом, «независимые» «Известия» открыто выступили на стороне власти.

Для исследований, в которых используются материалы периодической печати, содержащие однотипную информацию об объекте изучения, возможна *перегруппировка этой информации в массив*. При включении в массив конкретное сообщение определенного органа печати о каком-либо факте как бы утрачивает индивидуальность и предстает как единица информации, характеризующая одну из установленных исследователем категорий анализа. Кайзер продемонстрировал эффективность применения этого метода при структурном изучении системы периодической печати. Не меньшие возможности открывает его использование в целях воссоздания общей картины исторических процессов, изучение которых ведется в условиях утраты значительной части источников. К числу таких общественно значимых процессов прошлого принадлежит монополизация российской промышленности, завершающий этап которой пришелся на годы Первой мировой войны.

На содержание сообщений периодической печати об отечественных монополиях повлияло их своеобразное правовое положение. Законодательство Российской империи запрещало образование монополий, так как их деятельность была направлена на установление контроля над рынком, но в других отношениях не препятствовало объединению и совместной деятельности крупных предприятий. В газетах сообщалось о фактах расширения про-

изводства и слияния акционерных компаний, о конкретных операциях банков по установлению контроля над промышленными предприятиями и организации их деятельности и т.п. Термины «монополия», «монополизация» использовались в периодической печати главным образом как оценочные и были представлены преимущественно в публикациях аналитического характера. Поэтому формирование массива информации газет о монополизации российской промышленности включает два этапа: 1) отбор органов печати, постоянно помещавших сообщения о крупных предприятиях, основной формой организации которых в начале XX в. были акционерные компании, и 2) выявление в отобранных изданиях текстов-сообщений об объединении деятельности акционерных компаний (существенном признаке процесса монополизации).

Отбор органов печати был осуществлен в результате выдвижения рабочей гипотезы и ее частичной проверки. Гипотетически отбор можно ограничить с формальной точки зрения: 1) ежедневными газетами — главным каналом оперативной массовой коммуникации в начале XX в.; 2) газетами, издававшимися в Петербурге и Москве, — столичные издания вследствие их особой роли в системе периодической печати страны аккумулировали не только местную, но и в целом общероссийскую информацию; 3) изданиями, имевшими постоянные рубрики и отделы, посвященные финансам, промышленности, торговле, акционерному делу, бирже (т.е. заведомо уделявшие внимание экономической тематике). Таких изданий в 1914 г. было 29 — почти половина общего числа ежедневных газет, которые одновременно выходили в Петербурге и Москве.

Для проверки был проведен анализ состава этих изданий на основе содержательного критерия: наличия или отсутствия в их публикациях сведений об общественно значимых событиях, деятельности крупных предприятий в январе—июне 1914 г. Были приняты во внимание экстраординарные события (слух о переговорах с немецкой фирмой Круппа о ее участии в акционерном обществе Путиловских заводов, выполнявшем крупные заказы для русской армии, и возбуждение судебного дела против синдиката «Продуголь»), а также события, обычные в практике деятельности акционерных компаний в России начала XX в. (увеличение размеров уставных капиталов, расширение или объединение предприятий, образование и деятельность синдикатов) — всего 40 событий.

Результаты проведенного анализа представлены в табл. 9.

Как видим, только в одной из 29 представленных в таблице ежедневных газет — церковном «Колоколе» — вообще не выявлено сообщений об акционерных компаниях. В рубрике «Биржа» этой газеты публиковались сведения о курсах государственных ценных бумаг. Восемь газет — «Вечернее время», «Газета-копей-

ка», «Петербургская газета», «Петербургский листок», «Русские ведомости», «Русское слово», «Свет», «Современное слово» — поместили сообщения только о событиях экстраординарных, сенсационных. Газета «Вечерние известия» проигнорировала сенсационные события, но сообщила о шести повседневных, местных событиях. Вполне очевидно, что перечисленные газеты не питали устойчивого интереса к экономической проблематике. Однако отчетливо выявляется группа изданий, постоянно помещавших наряду с сенсационной информацией сообщения об увеличении акционерными компаниями размеров их уставных капиталов (оглашение этих сведений правлениями компаний предусматривалось российским законодательством), а также собственные корреспонденции о расширении деятельности крупных предприятий. Это: «Биржевые ведомости», «Биржевые известия», «Биржевые новости», «День», «Деньги», «Коммерсант», «Коммерческий телеграф», «Обозрение театров», «Санкт-Петербургские ведомости», «Петербургский курьер», «Речь», «Торгово-промышленная газета», «Утро России».

Во время Первой мировой войны газеты «Биржевые известия», «Биржевые новости», «Деньги» и «Петербургский курьер» перестали выходить. Вместе с тем было начато издание трех новых газет, уделявших постоянное внимание экономической тематике, — «Биржевой курьер», «Русская воля», «Финансовая газета».

Таким образом, были определены 12 газет, постоянно помещавших в 1914—1917 гг. сведения об отечественных крупных предприятиях: «Биржевые ведомости», «Биржевой курьер», «День», «Коммерсант», «Коммерческий телеграф», «Обозрение театров», «Петроградские ведомости» (так стала называться с осени 1914 г. газета «Санкт-Петербургские ведомости»), «Речь», «Русская воля», «Торгово-промышленная газета», «Утро России», «Финансовая газета».

Несмотря на различия в политической и тематической направленности, все перечисленные газеты систематически помещали информацию о крупных предприятиях. Постоянно происходил перелив этой информации из издания в издание — вследствие сотрудничества одних и тех же лиц одновременно в нескольких органах печати, заимствования редакциями сведений, ранее опубликованных в других газетах, фактического слияния формально самостоятельных изданий («Обозрения театров» и «Финансовой газеты»; «Коммерческого телеграфа» и «Биржевого курьера»). Таким образом, сложились предпосылки для формирования единого массива информации о крупных предприятиях, зафиксированной во многих отечественных периодических изданиях.

Выявление в отобранных изданиях текстов-сообщений позволило сформировать такой массив информации газет. Для периодической печати как вида исторических источни-

**Публикации о монополизации Российской промышленности
в ежегодных газетах Москвы и Санкт-Петербурга
(январь — июнь 1914 г.)**

Название газеты (место издания)	Название рубрики или отдела	Кол-во*
«Биржевые ведомости», первое издание, утренний выпуск (СПб.)	«Биржа, финансы, промышленность и акционерное дело»	30
«Биржевые известия» (СПб.)	«Сегодня на бирже», «Интересы биржевого дня», «Биржевые факты и слухи», «Хроника акционерных предприятий»	24
«Биржевые новости» (СПб.)	«Хроника», «Последние известия»	21
«Вечернее время» (СПб.)	«Биржа»	2
«Вечерние известия» (М.)	«Биржевой день», «Экономический отдел»	6
«Газета-копейка» (СПб.)	«Биржа»	2
«Голос Москвы» (М.)	«Экономический отдел»	7
«День» (СПб.)	«Биржа, торговля, промышленность»	22
«Деньги» (СПб.)	«Биржевой день», «Акционерная жизнь», «Интересы дня»	26
«Земщина» (СПб.)	«Биржа. Торговля и промышленность»	5
«Колокол» (СПб.)	«Биржа»	0
«Коммерсант» (М.)	«Акционерно-паевое дело»	37
«Коммерческий телеграф» (М.)	«Акционерное дело»	37
«Московские ведомости» (М.)	«Биржа», «Промышленные вести»	7
«Московский листок» (М.)	«Вести с биржи», «Торговые вести»	11
«Новое время» (СПб.)	«Биржевая хроника», «Экономическая жизнь»	9
«Обозрение театров» (СПб.)	«Биржевое обозрение»	21
«Петербургская газета» (СПб.)	«Биржевая хроника»	2

Название газеты (место издания)	Название рубрики или отдела	Кол-во*
«Санкт-Петербургские ведомости» (СПб.)	«Биржевая хроника»	14
«Петербургский курьер» (СПб.)	«Биржевая хроника»	23
«Петербургский листок» (СПб.)	«Промышленность, торговля, финансы»	2
«Раннее утро» (М.)	«Биржа», «Торговый отдел»	8
«Речь» (СПб.)	«Биржевая хроника», «Торгово-промышленные вести»	15
«Русские ведомости» (М.)	«Биржевой день»	3
«Русское слово» (М.)	«Биржа»	4
«Свет» (СПб.)	«Петербургская биржа»	2
«Современное слово» (СПб.)	«Биржа»	2
«Торгово-промышленная газета» (СПб.)	«Финансовый отдел», «Промышленность и торговля», «Хроника акционерного дела», «Санкт-Петербургская биржа», «Синдикаты и тресты»	22
«Утро России» (М.)	«Коммерческий дневник»	21

* Количество событий, получивших отражение в газете.

ков характерно неравномерное распределение информации по времени ее публикации. Поэтому совершенно недопустима любого рода механическая выборка. Так как каждый номер периодического издания был частью серии предшествующих и последующих номеров, полное выявление сообщений прессы по определенной теме возможно только при последовательном изучении (номер за номером) комплектов изданий.

Изучение номер за номером комплектов 12 ежедневных газет за период с 20 июля 1914 г. (вступление России в Первую мировую войну) по 25 октября 1917 г. (прекращение выхода значительного числа отобранных для исследования газет) позволило выявить тексты-сообщения об объединении деятельности отечественных крупных предприятий.

Под текстами-сообщениями понимаются опубликованные в отобранных газетах самостоятельные материалы (вне зависимости

от жанровой принадлежности, рубрики и проч.): передовые статьи, аналитические обзоры, отчеты об общих собраниях акционеров компаний, хроникальные заметки, корреспонденции и т.д.

Отдельно учитывались публикации, в которых получили отражение факты объединения деятельности предприятий (конкретная информация), и публикации, содержащие элемент анализа уже известных читателю фактов (аналитическая информация). Например, 13 мая 1916 г. газета «Биржевые ведомости» поместила сообщение о предстоящем шестикратном (с 0,5 до 3 млн руб.) увеличении акционерного капитала общества Сызрано-Печерской асфальтовой и горной промышленности: «Новое увеличение капиталов ставится в связь с проектом приобретения других асфальтовых обществ. По последним сведениям общество уже в настоящее время приобрело асфальтовый и гудроновый заводы товарищества “Сызранский асфальтовый завод” и асфальтовый завод московского предпринимателя Ю.П. Бабаева. В настоящее время общество контролирует около 80 % производства асфальта и гудрона». Это пример конкретной информации.

Три дня спустя в той же газете в очередном экономическом обзоре за неделю указанный факт был рассмотрен в ряду других как чрезвычайно характерный для развития промышленности России в годы Первой мировой войны: «Неоднократно нам приходилось указывать на то интересное явление, что война значительно ускорила процесс концентрации капитала и производства в России. Процесс этот и в настоящее время продолжает усиливаться. В отчетную неделю стало известно о концентрации производства в области асфальтового дела. По последним сведениям, благодаря происходившим слияниям однородных предприятий, 80 % всего асфальтового производства в России сконцентрировано ныне в одних руках...». Такие публикации квалифицировались как содержащие аналитическую информацию.

Чтобы сообщения, зафиксировавшие конкретную информацию, были сопоставимы, во внимание принимались только те из них, в которых были названы участники операций по объединению деятельности предприятий; сообщения, не содержащие таких сведений, исключались. Например, учитывались сообщения типа: «Товарищество “Нефть”, по слухам, приобретает контрольный пакет акций пароходного общества “Океан”. Слух, видимо, основательный...». И, напротив, не учитывалась информация типа: «Ведутся переговоры о слиянии между одним крупным предприятием в центральном промышленном районе и одним горнозаводским обществом на Урале».

В отношении каждого учтенного текста-сообщения фиксировались:

- 1) краткое содержание информации;
- 2) вид информации (конкретная или аналитическая);

3) отрасль промышленности, о факте монополизации в которой сообщалось;

4) название газеты;

5) год, месяц, число публикации;

6) номер газеты, страница;

7) отдел, рубрика;

8) название публикации, в которой выявлена информация;

9) автор публикации (если указан).

Например: 1) информация — предполагаемое приобретение товариществом «Нефть» контрольного пакета акций общества «Океан»; 2) вид информации — конкретная; 3) отрасль промышленности — нефтяная; 4) название газеты — «Обозрение театров»; 5) выходные данные — 1916, сентябрь, 23; 6) № 3226, с. 18; 7) отдел — «Биржевое обозрение»; 8) статья — «Товарищество «Нефть» и «Океан»»; 9) нет данных.

Всего было выявлено 874 текста-сообщения, в том числе 771, зафиксировавших конкретную информацию, и 103, содержащих аналитическую информацию. Ядро выявленного массива текстов-сообщений образуют публикации следующих газет: «Коммерсант», «Коммерческий телеграф», «Биржевые ведомости», «Финансовая газета», «Обозрение театров», «Торгово-промышленная газета». На долю перечисленных газет, составляющих половину общего числа отобранных изданий, приходится 78,5 % (686 из 874) общего количества текстов-сообщений.

В целом в газетах зафиксированы сведения о значительно большем количестве операций по объединению деятельности крупных предприятий российской промышленности, чем могут позволить выявить их сохранившиеся архивные фонды. Для периода Первой мировой войны более чем в одной трети отмеченных в печати случаев вообще нет архивных фондов ни одного из участников таких операций. Формирование массива информации газет о монополизации российской промышленности позволило создать представительную базу источников для воссоздания общей картины этого общественно значимого процесса.

Двудеиная функция прессы — информировать современников о действительности и одновременно формировать определенное представление о ней — реализуется в каждом номере газеты или журнала посредством отбора материала и акцентирования внимания читателей на тех или иных публикациях. Разумеется, различные органы печати решают эту задачу по-разному, но есть общие правила, знание которых необходимо историку. Только понимая, как кодируется информация, зафиксированная в периодике, можно научиться правильно ее дешифровать.

В этом смысле особый интерес представляет *исследование отдельных номеров газет и журналов*, посвященных неординарным событиям. Тематическое единство материалов специального вы-

пуска периодического издания побуждает его создателей использовать максимально возможный набор средств, чтобы привлечь внимание к наиболее важным, с точки зрения редакции, публикациям. Покажем эффективность этого приема на примере номера газеты «Правда», «информационным поводом» для создания которого стала капитуляция гитлеровской Германии в мае 1945 г.

Номер «Правды» от 10 мая 1945 г., как и положено ежедневной газете, посвящен событиям 9 мая этого года. На первой странице (по газетно-журнальной терминологии — полосе), в верхней ее части слева, размещен заголовочный комплекс (сегодня его часто называют логотипом). Под девизом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» значится: «Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков). ПРАВДА. Орган Центрального Комитета и МК ВКП(б). № 111 (9882). Четверг, 10 мая 1945 г. Цена 20 коп.».

Справа от заголовочного комплекса, в так называемом «шпигеле» (от нем. *spiegel* — зеркало), где обычно под заголовком «Сегодня в номере» в «Правде» помещался указатель содержания публикуемых материалов, сообщалось о главном: «Вчера наш великий народ, народ-победитель, праздновал день полного торжества своего правого дела...» Текст набран крупным шрифтом и сразу привлекает внимание.

При верстке материалов в номере используется знание закономерностей восприятия текстового и изобразительного рядов. Поскольку, как правило, чтение газет начинают с первой страницы, именно здесь публикуются наиболее значимые материалы. Установлено, что изображение прочитывается человеком быстрее, чем текст, и именно на нем в первую очередь останавливается взгляд. Кроме того, площадь, которую та или иная публикация занимает на странице, традиционно оценивается историками журналистики как один из важнейших ранговых показателей. На каждой странице есть видные и менее видные места, своего рода первый (вверху) и второй (внизу) планы. Привычка чтения «по принципу зигзага» — слева направо, по диагонали вниз и снова слева направо — также учитывается при размещении материалов в номере.

На первой странице газеты видим пять публикаций. Сплошная разделительная линия отграничивает левую и правую половины страницы. Большую часть левой половины занимает фоторепродукция портрета И. В. Сталина в маршалском мундире работы художника В. Булгакова. Изображение размещено в верхней части страницы, сразу под заголовочным комплексом. Под портретом — фотография И. В. Сталина, Ф. Д. Рузвельта и У. Черчилля в дни Тегеранской конференции 1943 г. Фоторепродукция и фотография разделены тонкой сплошной линией.

В верхней части правой половины страницы, под «шпигелем», напечатаны фотопортреты премьер-министра Великобритании

Черчилля и президента США Г. Трумэна. Они даны рядом с портретом Сталина, но обе фотографии гораздо меньшего размера. Взгляд Сталина обращен в сторону руководителей союзных держав, но направлен ниже — на набранный крупным шрифтом текст его радиообращения к советскому народу по случаю победы в Великой Отечественной войне.

Обращение начинается словами: «Товарищи! Соотечественники и соотечественницы! Наступил великий день победы над Германией. Фашистская Германия, поставленная на колени Красной Армией и войсками наших союзников, признала себя побежденной и объявила безоговорочную капитуляцию. 7 мая был подписан в городе Реймсе предварительный протокол капитуляции. 8 мая представители немецкого главнокомандования в присутствии представителей Верховного Командования союзных войск и Верховного Главнокомандования советских войск подписали в Берлине окончательный акт капитуляции, исполнение которого началось с 24 часов 8 мая...» В заключении документа констатировалось: «Великая Отечественная война завершилась нашей полной победой. Период войны в Европе кончился. Начался период мирного развития».

Текст отделен от фотографий Черчилля и Рузвельта сплошной линией. По размеру фоторепродукция портрета Сталина и текст его Обращения к народу — самые большие публикации на этой странице, каждая из них занимает более трети ее площади. Но по местоположению (левая верхняя часть страницы) и благодаря способу кодирования информации (изображение) портрет в первую очередь привлекает внимание. Читателю очевидно, что именно СССР сыграл решающую роль в достижении победы, к которой его привел, как подчеркнуто в «шпигеле», «великий организатор и вдохновитель исторической победы советского народа над германским империализмом» Сталин.

На самом видном месте второй страницы, занимая верхнюю левую ее четверть, опубликован набранный крупным шрифтом в две колонки Приказ Верховного Главнокомандующего Командующему войсками 1-го Украинского фронта маршалу И. С. Коневу и начальнику штаба фронта генералу армии И. Е. Петрову в связи с освобождением столицы Чехословакии города Праги. Это самая большая по занимаемой площади публикация на странице.

Следует обратить внимание на особенность верстки текста — в две колонки, суммарная ширина которых соответствует ширине трех колонок при обычной верстке страницы «Правды» в шесть колонок. Разделение газетных страниц на несколько вертикальных колонок позволяет легче воспринимать текст. Наиболее удобной считается длина строки 45—72 мм. При более длинных и более коротких строках скорость чтения снижается. Поэтому для привлечения внимания к тексту он может быть специально развер-

стан на ширину нескольких колонок. Часто такие материалы набирают более крупным шрифтом.

На второй странице в две колонки такой же ширины сверстаны еще четыре текста: Приказ Верховного Главнокомандующего по войскам Красной Армии и Военно-Морскому Флоту по случаю безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил и победного завершения Великой Отечественной войны; радиопослание Черчилля Красной Армии и русскому народу; Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об учреждении медали “За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.”» и оперативная сводка Советского Информбюро за 9 мая. Если тексты обоих приказов набраны крупно, то текст радиопослания Черчилля — более мелкими шрифтами. Еще меньшим шрифтом (обычным для этого номера газеты) напечатаны два последних документа. Публикации явно выделены необычной версткой и ранжированы размером шрифта по значимости.

В этом контексте помещенные под Приказом маршалу Коневу тексты выступлений по радио Черчилля и Трумэна воспринимаются как наименее значимые: они набраны обычным шрифтом, сверстаны в обычные по ширине колонки и занимают в сумме такую же площадь страницы, как и текст Приказа Верховного Главнокомандующего, которому отдано лучшее место в зоне читательского внимания (вверху страницы слева).

Большую часть третьей страницы занимают фотографии советских военачальников. На почетном месте (в верхнем ряду слева): маршалы Г. К. Жуков, А. М. Василевский, К. Е. Ворошилов и С. К. Тимошенко. В самом нижнем ряду — фотопортреты американского генерала Д. Эйзенхауэра и английских фельдмаршалов Г. Александера и Б. Монтгомери. Справа от галереи портретов маршалов публикуется статья члена ЦК ВКП(б) М. Ф. Шкирятова «День великого торжества». В тексте жирным шрифтом выделены слова: «Настал желанный час полной победы. В этот славный день великого праздника Победы наша мысль только об одном, хочется говорить только о победе, о Красной Армии и великом полководце, мудром Сталине». Эти же мотивы звучат в напечатанных ниже стихотворениях А. Суркова «Песня сердца», С. Щипачева «Солдат» и Д. Бедного «Праздник Победы».

Главный материал четвертой страницы — фотография, на которой военные корреспонденты «Правды» Я. Рюмкин и В. Темин запечатлели момент подписания акта о безоговорочной капитуляции Германии немецким фельдмаршалом В. Кейтелем. Хотя снимок напечатан в самом низу последней страницы, он сразу привлекает внимание. Читатель видит, как происходило ключевое событие, ставшее «информационным поводом» для создания этого неординарного выпуска. Невыигрышное место размещения фотоснимка объясняется тем, что к тому времени, когда он был до-

ставлен из Берлина в Москву, номер газеты был уже в основном сформирован. Единственно возможное в этих обстоятельствах решение — разверстать фотографию на ширину четырех колонок — сделало ее самой заметной на странице.

Две другие значительные публикации, размещенные на этой странице, занимающие три колонки и выделенные крупным шрифтом заголовков, — описание дня 9 мая 1945 г. в столице (И. Рябов. «Вчера в Москве») и публицистический очерк И. Эренбурга «Утро мира». Четвертую колонку открывает поэтический отклик С. Маршака на прозвучавшее накануне Обращение Сталина к народу. В пятой и шестой колонках помещена подборка высказываний зарубежных государственных деятелей в связи с капитуляцией Германии. Шрифтами заголовков выделены тексты обращения английского короля Георга VI к народу и выступления по радио генерала де Голля. В самом низу шестой колонки, непосредственно над подписью «Редакционная коллегия» напечатаны два сообщения ТАСС, датированные 9 мая: о ходе боевых действий на Тихом океане и о пленении Г. Геринга и бывшего командующего германскими вооруженными силами на Западе А. Кессельринга.

Таким образом, каждая публикация в отдельности и весь номер газеты «Правда» от 10 мая 1945 г. в целом решают общую задачу: доступными периодической печати средствами изложить и распространить концепцию Победы. Газета «Правда» — центральный орган правящей в СССР политической партии — четко формулирует и наглядно (размером и размещением изобразительного материала, версткой текстов и т. п.) показывает: решающий вклад в достижение Победы внес Советский Союз; главные победы на фронтах войны одержала Красная Армия, возглавляемая умелыми военачальниками под руководством Верховного главнокомандующего маршала И. В. Сталина. Великая Отечественная война завершилась полной победой советского народа, который ценой невероятных лишений и страданий, напряженным трудом в тылу и на фронте отстоял свободу и независимость Родины.

Источники

Комплекты газет и журналов второй половины XIX—XXI вв.

Литература и справочные издания

Аванесян Е. Э., Родионова Н. М. Каталог газет на русском языке, хранящихся в фонде Государственной публичной исторической библиотеки РСФСР (1801—1972 гг.). — М., 1978.

Алексеев А. Н. Метод Жака Кайзера (Из опыта исследования французской ежедневной прессы) // Проблемы современной зарубежной печати. Сб. статей. — Л., 1969.

Андреева Н. Ф., Машкова М. В. Русская периодическая печать (общие и отраслевые библиографические указатели 1703—1975 гг.). — М., 1977.

Арсеньев К. К. Законодательство о печати. — СПб., 1903.

Боханов А. Н. Буржуазная пресса России и крупный капитал. Конец XIX в. — 1914 г. — М., 1984.

Беляева Л. Н., Зинovieва М. К., Никифоров М. М. Библиография периодических изданий России. 1901—1916. — Л., 1958—1961. — Т. 1—4.

Большевистская периодическая печать (декабрь 1900 г. — октябрь 1917 г.). Библиографический указатель. — М., 1964.

Голиков А. Г. Российские монополии в зеркале прессы (газеты как источник по истории монополизации промышленности). — М., 1991.

Голиков А. Г. «Journal de St-Petersbourg» — газета российского МИД // Вестник Московского университета. (Сер. «История»). — 2003. — № 2.

Голиков А. Г. Система периодической печати Российской империи в конце XIX — начале XX в. (историко-географический аспект) // Россия в XIX—XX вв. Материалы II Научных чтений памяти профессора В. И. Бовыкина. — М., 2002.

Голиков А. Г. Комплексное источниковедение с позиций учения об информации (по материалам периодической печати) // Проблемы методологии и источниковедения. Материалы III Научных чтений памяти академика И. Д. Ковальченко. — М., 2006.

Дергачева Л. Д. Источниковедческие проблемы советской журналистики военного времени (1941—1945 гг.) // Вестник Московского университета. (Сер. «История»). — 1999. — № 2.

Дмитриев С. С. Источниковедение русской исторической журналистики (Постановка темы и проблематика) // Источниковедение отечественной истории. 1975. Сб. статей. — М., 1976.

Дмитриев С. С. Русские исторические журналы по истории СССР // Дмитриев С. С., Федоров В. А., Бовыкин В. И. История СССР периода капитализма. — М., 1961.

Есин Б. И. О методике историко-журналистских исследований // Методика изучения периодической печати. Сб. статей. — М., 1977.

Есин Б. И. История русской журналистики XIX в. — М., 2003.

Жирков Г. В. Между двух войн. Журналистика русского зарубежья. 1920—1940. — СПб., 1998.

Зверев Р. Я. Красный архив. Исторический журнал. 1922—1941. Аннотированный указатель содержания. — М., 1960.

Кан А. С. Газета как источник по истории международных отношений (на примере шведского официоза за первую половину 1941 года) // Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. — М., 1969.

Кузнецов И. В., Фингерит Е. М. Газетный мир Советского Союза. Аннотированный указатель: в 2 т. — М., 1972. — Т. 1; М., 1976. — Т. 2.

Кострикова Е. Г. Русская пресса и дипломатия накануне Первой мировой войны. 1907—1914. — М., 1997.

Летенков Э. В. Из истории политики русского царизма в области печати. — Л., 1974.

Лисовский Н. М. Библиография русской периодической печати. 1703—1900 гг. — Пг., 1915.

Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918—1940: в 2 т. — Т. 2. Периодика и литературные центры. — М., 2000.

Масанов Ю. И., Никитина Н. В., Титова З. Д. Указатели содержания русских журналов и продолжающихся изданий. 1755—1970 гг. — М., 1975.

Махонина С. Я. История русской журналистики начала XX в. — М., 2004.

Машкова М. В., Сокурова М. В. Общие библиографии русских периодических изданий 1703—1954 гг. и материалы по статистике русской периодической печати. Аннотированный указатель. — Л., 1956.

Никитина Н. В. Указатели содержания русских журналов и продолжающихся изданий. 1971—1985 гг. — М., 1987.

Овсепян Р. П. История новейшей отечественной журналистики. Февраль 1917 г. — начало XXI в. — М., 2005.

Периодическая печать в России в 1917 г. Библиографический указатель: в 3 т. — Л., 1987.

Периодическая печать политических партий России в 1917 г. // Политические партии России. Конец XIX—первая треть XX в. Энциклопедия. — М., 1996. — Приложение 8.

Русская военная периодическая печать. 1702—1916. Библиографический указатель. — М., 1959.

Русская периодическая печать (1895—окт. 1917 г.). Справочник. — М., 1957.

Русская периодическая печать (1702—1894 гг.). Справочник. — М., 1959.

Русские дореволюционные газеты в фондах государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Алфавитный каталог: в 5 ч. — М., 1986.

Рыбаченок И. С. Первая конференция мира в Гааге в зеркале русской прессы // Отечественная история. — 2003. — № 3.

Рыбаченок И. С. Русско-французский союз конца XIX в. в политической карикатуре // Россия и Франция XVIII—XX вв. — Вып. 7. — М., 2006.

Сводный каталог периодических и продолжающихся изданий русского зарубежья в библиотеках Москвы. 1917—1996. — М., 1999.

Сводный каталог русских зарубежных периодических и продолжающихся изданий в библиотеках Санкт-Петербурга (1917—1995). — СПб., 1996.

Суворова А. В. Указатели местной периодической печати (Обзор изданий за 1848—1917 гг.) // Вопросы истории советской книги и библиографии. — Л., 1978.

Суетнов А. И. Самиздат. Библиографический указатель: в 2 ч. — М., 1992.

Струкова Е. Н. Альтернативная периодическая печать в истории российской многопартийности (1987—1996). — М., 2005.

Фарсоби́н В. В. Вопросы источниковедческого анализа центральных большевистских газет (ноябрь 1917—июль 1918 г.) // Источниковедение истории советского общества. — М., 1964.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В учебном пособии письменные исторические источники рассмотрены по отдельным видам. Такой подход дал возможность выявить и продемонстрировать наиболее характерные особенности и показать на конкретных примерах эффективные приемы изучения каждого из них. При этом необходимо знать границы применимости каждого метода для конкретного вида источников. Например, выборочный метод выявления и обработки информации, эффективный при работе с массовыми источниками, недопустим для анализа публикаций в периодической печати.

Исследование любой проблемы истории всегда опирается на комплекс источников. Так, чтобы понять причины разработки и принятия законодательных актов, мотивы, которыми руководствовались их авторы, недостаточно изучить только текст самого закона. Всесторонне раскрыть историю его создания позволяют материалы делопроизводства, дневники, частная переписка, воспоминания современников. В свою очередь, состав и правила подготовки делопроизводственных документов нередко нормируются законодателем. Выяснить происхождение данных статистических источников, и, соответственно, оценить их полноту и достоверность, возможно, лишь зная делопроизводственную документацию.

Многообразие форм и методов отражения исторической действительности способствовало формированию существенно различных типов источников. Дешифровка зафиксированной в них информации требует от историка специальных знаний и навыков, которые позволяют разработать адекватную исследовательской задаче методику анализа.

Наряду с письменными источниками важную для историка информацию содержат также вещественные, изобразительные и фонические источники. Археологи доказали: вещественные источники могут поведать историкам о многом из того, что они хотели бы знать, но о чем часто умалчивают памятники письменности. Так, круг интересов летописца всегда избирателен. Летописец тяготеет к необычному. Он пунктуально отмечает, например, поражающие его явления комет, но вовсе не склонен фиксировать то, что кажется ему обыденным. Между тем в понятие этой «обыденности» входит и сам исторический процесс общественного разви-

тия, медленный поступательный ход которого отчетливо виден на удалении, но не всегда замечен современнику.

Академик В. Л. Янин констатирует: «Умолчание летописей успешно преодолевается средствами археологии... То, что было обыденным для летописца, в классификационных схемах археологии оказывается наполненным движением, отражая важнейшие ступени прогресса. Развитие производственной технологии и ремесла, совершенствование систем землепользования и состава сельскохозяйственных культур, изменение торговых путей и целых направлений международных связей, движение моды — все это находится за границей интересов летописца, но становится известным по археологическим материалам»¹.

Синтез информации вещественных и письменных источников ведет к установлению многочисленных взаимосвязей свойств и черт, присущих объекту познания. Выявление этих взаимосвязей, ранее неочевидных для ученых, позволяет им прийти к выводам, «которые никак не могут быть получены вне такой интеграции»².

Как плодотворное направление источниковедения все увереннее заявляет себя комплексное изучение письменных и изобразительных источников. Объектами исследований историков становятся произведения средневековой живописи, политическая картина XIX в., документальная фотография и т. п.

Изобразительным источникам присуща особая форма выражения социальной информации. Эта информация как бы закодирована, и для ее прочтения необходимо понять систему изобразительных принципов и методов, присущих эпохе создания этих источников. Успешный опыт комплексного источниковедческого изучения образного строя произведений величайшего живописца Древней Руси Андрея Рублёва и письменных памятников его времени предпринял В. А. Плугин³.

Предмет его исследования — идейное содержание творчества мастера. В XIV в., в условиях борьбы русского народа за государственное возрождение Руси, крупнейшим событием стала победа на Куликовом поле. Значение действенной общественной идеи приобрел культ Троицы, ставший символом национального сплочения и жертвенной самоотдачи во имя Отечества. Рублёв — современник Куликовской битвы — воспринял тему Троицы как актуальную для исторической судьбы Родины и создал икону «Троица» — «образ-хоругвь» (по оценке В. А. Плугина), произведе-

¹ Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. — М., 1977. — С. 237.

² Там же. — С. 239.

³ Плугин В. А. Андрей Рублёв и духовная жизнь Руси конца XIV — первой трети XV веков (Комплексное исследование изобразительных и письменных источников). — М., 1994; Он же. Мастер «Святой Троицы». Труды и дни Андрея Рублёва. — М., 2001.

ние, в котором воплотил «умозрение в комбинациях цветовых пятен и линий».

Живописец обращался к человеку, хорошо знакомому с сюжетом Троицы и умевшему понимать во многом условный язык древнерусской иконы. То, что ритмика силуэтов трех ангелов формирует круг, для современников Рублёва было наполнено глубоким смыслом. Круг — геометрическая фигура, имеющая высшее равенство, — расшифровывался ими как символ предельного совершенства. Круг в христианстве — символ триединого Бога, выражение идеи неразрывного единства трех ипостасей Троицы. Ту же идею мастер выразил посредством символично-художественных характеристик персонажей. По мнению исследователя, средний ангел символизирует евангельского Христа, что Рублёв подчеркивает расцветкой его одежд.

Анализ композиции и колористического решения иконы привел ученого к выводу, что знаменитое произведение было написано не для иконостаса собора Троице-Сергиева монастыря, а для другого иконного комплекса типа и размеров Звенигородского. Специальное дипломатическое изучение записи о «Троице» во вкладных книгах Троице-Сергиева монастыря подтвердило: икона поступила в этот монастырь только во второй половине XVI в. как вклад царя Ивана IV. Таким образом, синтез информации изобразительного ряда и письменных источников позволил убедительно аргументировать высказанную гипотезу.

Своеобразным зеркалом, отражавшим реалии своего времени, является политическая карикатура. В XIX в. благодаря большим тиражам многочисленных и разнообразных периодических изданий карикатура получила необычайно широкое распространение. Карикатура — жанр изобразительного искусства, имеющий свой язык, владение которым позволяет адекватно расшифровывать информацию. Но социальный характер информации прессы, ее ориентация на массовую аудиторию делают необходимым пояснение рисунка кратким сопроводительным текстом. Он, вследствие многозначности слов, мог быть двусмысленным.

Например, на первой странице юмористического журнала «Гудок» была помещена карикатура «Беседа двух господ». Читатель видит двух молодых людей, стоящих на набережной Невы напротив Петропавловской крепости. Подпись гласит: «Я всегда стоял и буду стоять за идею. — *Стоять*-то не мудрено, а ты вот *посиди*»¹. Выделенные курсивом слова «стоять» и «сидеть» в русском языке употребляются в разных значениях. Так, слово «стоять» кроме основного значения — «находиться в вертикальном положении» — имеет и другое — «стоять за свои убеждения» (от слов «стойкий»,

¹ Гудок. — 1862. — № 32.

«стойкость»). Именно в этом втором значении употреблено слово в подписи, на что внимание искусственного читателя подцензурной периодической печати должен был обратить курсив. Слово «сидеть» должно было читаться в значении «сесть в тюрьму», на что намекал автор рисунка, изобразив собеседников на фоне Петропавловской крепости. В ней, как было хорошо известно современникам, «сидели» те, кто «стоял» за свои убеждения.

Для историка карикатура интересна тем, что, созданная на злобу дня, она ярко отражает массовое сознание, представления и знания людей об общественно-политических реалиях своего времени. Факт публикации политической карикатуры в органе периодической печати определенного направления характеризует общественную позицию карикатуриста.

Изобретение фотографии, а затем — кинематографа значительно расширило круг изобразительных источников. Трудно представить себе какое-либо более или менее значительное событие, которое осталось бы незафиксированным на фото- или киноплёнке. О некоторых приемах источниковедческой критики публикаций фотодокументов периодической печати читатели узнали из учебного пособия. Общие вопросы источниковедения фото- и кинодокументов, а также фонодокументов, рассмотрены в монографии В. М. Магидова¹.

Совершенствование способов фонозаписи делает все более очевидной необходимость использования в исторических исследованиях информации фонических источников. Опыт работы историков непосредственно с фоническими источниками пока крайне ограничен. Между тем их использование дает дополнительный слой информации.

С. Л. Берия вспоминает о своем участии в организации работы Тегеранской конференции 1943 г. Группа связистов, в которую он входил, обеспечивала прослушивание и расшифровку телефонных переговоров президента США Ф. Д. Рузвельта и премьер-министра Великобритании У. Черчилля. Полученные материалы ежедневно докладывались лично И. В. Сталину. Основной текст был небольшим по объёму — всего несколько страничек на русском языке, прилагался также английский текст.

Перед началом каждого заседания в течение часа-полутора Сталин работал только с офицерами-связистами. Это была своеобразная подготовка к очередной встрече с Рузвельтом и Черчиллем. Читая русский текст, Сталин постоянно уточнял: «Убеденно сказал или сомневается? Как думаешь? А здесь? Как чувствуешь? Пойдет на уступки? А на этом будет настаивать?»². Таким

¹ Магидов В. М. Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания. — М., 2005.

² Берия С. Л. Мой отец — Лаврентий Берия. — М., 1994. — С. 233—234.

образом, учитывались не только содержание беседы, но также тембр голоса и интонация.

В отличие от источниковедения письменных источников, уже сложившегося в систему, источниковедение других типов источников пока разработано слабо. Исторические исследования на основе комплексного использования разных типов источников ведутся ограниченно, но, как показано выше, успешный опыт уже есть. Дальнейшая работа в этом направлении позволит увеличить объем получаемой исследователями информации об исторической действительности.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3

РАЗДЕЛ I

ИСТОЧНИКИ X — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Глава 1. Летописи	8
1.1. Общая характеристика	8
1.2. Эволюция русских летописей	15
1.2.1. Летописание периода Киевской Руси (X—начало XII в.)	15
1.2.2. Летописание периода феодальной раздробленности (30-е гг. XII — конец XV в.)	22
1.2.3. Летописание Русского централизованного государства (XVI—XVII вв.)	35
1.3. Приемы изучения летописей	44
Глава 2. Законодательные источники	50
2.1. Общая характеристика	50
2.2. Эволюция законодательных источников	52
2.2.1. Законодательные источники Киевской Руси (XI—начало XII в.)	52
2.2.2. Законодательные источники периода феодальной раздробленности (30-е гг. XI — конец XV в.)	57
2.2.3. Законодательные источники Русского централизованного государства (конец XV—XVII в.)	59
2.2.4. Законодательные источники периода абсолютизма (XVIII в.)	71
2.2.5. Кодификация законов в XVIII — первой половине XIX в.	78
2.3. Приемы изучения законодательных источников	81
Глава 3. Акты	87
3.1. Общая характеристика	87
3.2. Эволюция актов X—XVII вв.	88
3.2.1. Оформление договорных отношений в дописменный период	88
3.2.2. Берестяные грамоты и развитие актов	90
3.2.3. Публично-правовые акты: основные разновидности	93
3.2.4. Частные акты: основные разновидности	98
3.2.5. Акты в системе делопроизводственной документации государственных учреждений	103

3.2.6. Акты в системе частной делопроизводственной документации	109
3.3. Приемы изучения актов	111
Глава 4. Делопроизводственная документация	116
4.1. Общая характеристика	116
4.2. Эволюция общей делопроизводственной документации государственных учреждений XV—первой половины XIX в.	117
4.2.1. Система государственных учреждений и делопроизводства	117
4.2.2. Общее документирование деятельности государственных учреждений XV—начала XVIII в.	118
4.2.3. Общее документирование деятельности государственных учреждений XVIII—первой половины XIX в.	132
4.3. Приемы работы с делопроизводственной документацией	142
Глава 5. Источники личного происхождения	151
5.1. Частная переписка	151
5.1.1. Общая характеристика	151
5.1.2. Эволюция частной переписки (XI—первая половина XIX в.)	154
5.2. Личные дневники	170
5.2.1. Общая характеристика	170
5.2.2. Эволюция личных дневников (XVIII—первая половина XIX в.)	171
5.3. Приемы изучения материалов личного происхождения	187
Глава 6. Периодическая печать	191
6.1. Общая характеристика	191
6.2. Эволюция периодической печати	193
6.2.1. Периодическая печать XVIII в.	193
6.2.2. Периодическая печать первой половины XIX в.	203
6.3. Приемы изучения периодической печати	208

РАЗДЕЛ II

ИСТОЧНИКИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX—НАЧАЛА XXI в.

Глава 7. Законодательные акты	214
7.1. Общая характеристика	214
7.1.1. Законодательство Российской империи	216
7.1.2. Законодательство РСФСР и СССР	218
7.1.3. Законодательство Российской Федерации	222
7.2. Эволюция законодательных актов	226
7.2.1. Право законодательной инициативы	227
7.2.2. Разработка и обсуждение законопроектов	229
7.2.3. Утверждение законопроектов	233
7.2.4. Обнародование (опубликование) законодательных актов	235
7.3. Приемы изучения законодательных актов	245

Глава 8. Делопроизводственная документация	258
8.1. Общая характеристика	258
8.1.1. Основные разновидности	259
8.1.2. Основные варианты	271
8.2. Эволюция делопроизводственной документации	275
8.2.1. Делопроизводство государственных учреждений	276
8.2.2. Делопроизводство частновладельческих хозяйств и предприятий	286
8.2.3. Делопроизводство общественных организаций	290
8.3. Приемы изучения делопроизводственной документации	295
Глава 9. Статистические источники	308
9.1. Общая характеристика	308
9.1.1. Программы сбора статистических сведений	310
9.1.2. Сбор статистических сведений	317
9.1.3. Обработка и публикация статистических сведений	322
9.2. Эволюция статистических источников	328
9.2.1. Статистика Российской империи	329
9.2.2. Статистика РСФСР, СССР, РФ	334
9.3. Приемы изучения статистических источников	342
Глава 10. Документы личного происхождения	352
10.1. Общая характеристика	352
10.1.1. Личные дневники	354
10.1.2. Частная переписка	363
10.1.3. Воспоминания	369
10.2. Эволюция документов личного происхождения	375
10.2.1. Личные дневники	376
10.2.2. Частная переписка	380
10.2.3. Воспоминания	381
10.3. Приемы изучения документов личного происхождения	388
Глава 11. Периодическая печать	398
11.1. Общая характеристика	398
11.1.1. Газеты	401
11.1.2. Журналы	410
11.2. Эволюция периодической печати	416
11.2.1. Периодическая печать Российской империи и периода Временного правительства	418
11.2.2. Периодическая печать РСФСР и СССР	426
11.2.3. Периодическая печать Российской Федерации	433
11.3. Приемы изучения периодической печати	437
Заключение	454

Учебное издание

**Голиков Андрей Георгиевич,
Круглова Татьяна Александровна**

Источниковедение отечественной истории
Учебное пособие

Редактор *И. В. Пучкова*
Технический редактор *О. Н. Крайнова*
Компьютерная верстка: *Н. А. Рогоза*
Корректоры *Э. Г. Юрга, А. В. Черняева, Н. В. Козлова,*
Т. Г. Дмитриева, Т. С. Власкина

Изд. № 105116373. Подписано в печать 30.03.2012. Формат 60×90/16.
Гарнитура «Таймс». Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Усл. печ. л. 29,0.
Тираж 1000 экз. Заказ №

ООО «Издательский центр «Академия». www.academia-moscow.ru
125252, Москва, ул. Зорге, д. 15, корп. 1, пом. 26б.

Адрес для корреспонденции: 129085, Москва, пр-т Мира, 101В, стр. 1, а/я 48.
Тел./факс: (495)648-0507, 616-0029.

Санитарно-эпидемиологическое заключение № РОСС RU. АЕ51. Н 16067 от 06.03.2012.

Отпечатано в ОАО «Тверской полиграфический комбинат».

170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5. Телефон: (0822) 44-42-15

Интернет / Home page — www.tverpk.ru. Электронная почта (E-mail) — sales@tverpk.ru